

*Министерство природных ресурсов и экологии РФ
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»
Фонд президентских грантов*

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2021

**Заповедные земли Русского Севера
в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных
исследований**

Сборник материалов
X Всероссийской научно-практической конференции

Архангельск
2022

УДК 502.4 (470.11)+947 (470.11)
ББК 28.088^64(92Рос-4Арх-5Плесецкий)я+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)
К35

Ответственный редактор – **Е.Ф. Шатковская**
Составители – **М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина**

*Печатается по решению научно-методического совета
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

К35 Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований: сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции / сост. М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». – Архангельск, 2022. – 632 с.: ил.

ISBN 978-5-9631-0962-5

Сборник содержит материалы X Всероссийской научно-практической конференции «Кенозерские чтения – 2021», проходившей на территории Национального парка «Кенозерский» с 19 по 24 августа 2021 г., в которой приняли участие исследователи из ведущих научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска, Сыктывкара, Мурманска, Вологды. В издании представлены статьи по вопросам, связанным с изучением заповедных территорий в контексте исторической памяти, естественно-научными исследованиями, концепциями и методами изучения культурных ландшафтов, подготовкой плана управления объектом «Заповеданное Кенозерье», номинируемым в Список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Книга адресована специалистам особо охраняемых природных территорий, музеям, научным центрам, университетам, занимающимся изучением локального наследия России, Русского Севера, Кенозерья, Онежского Поморья, представителям местных сообществ и широкому кругу читателей.

УДК 502.4 (470.11)+947 (470.11)
ББК 28.088^64(92Рос-4Арх-5Плесецкий)я+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)

Издание осуществлено в рамках проекта «Говорит Кенозеро. Сторителлинг как новый язык наследия», поддержанного Фондом президентских грантов, при финансовой поддержке Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации и ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

ISBN 978-5-9631-0962-5

© Мелютина М.Н., Дровнина С.И., составление, 2022
© ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2022

Памяти Тамары Михайловны Гудимы (1936–2021)

Научно-практическая конференция «Кенозерские чтения – 2021» впервые прошла без многих постоянных участников наших форумов, друзей Кенозерского национального парка. Мы бесконечно скорбим о том, что коронавирус и другие болезни унесли жизни геологов, докторов наук Виктории Владимировны и Вячеслава Степановича Куликовых, этнографа, кандидата исторических наук Константина Кузьмича Логинова, кандидата архитектуры Ольги Георгиевны Севан, кандидата филологических наук Марины Никитичны Власовой. Они навсегда останутся в истории Кенозерья, и память о них сохранится в наших сердцах.

Не было на этой конференции и Тамары Михайловны Гудимы. Тамара Михайловна должна была по традиции открыть пленарное заседание, выступить с докладом «Художественный образ Кенозерья», но не выступила. Ее доклады, к которым она тщательно готовилась, всегда задавали тональность этому значимому форуму. Этот сборник мы посвящаем ее памяти. В нем опубликована ее последняя статья-завещание «В защиту будущего родной Земли (размышления и предложения)», над которой она работала до самой смерти. Статью нам предоставили ее дочери Марина Владимировна Гудима-Ольсен и Ирина Владимировна Дворяшина.

Странно говорить о Тамаре Михайловне в прошедшем времени. Кажется, она будет всегда. Но пространство умных, эрудированных, принципиальных, лучших катастрофически сужается. И нам еще предстоит осознать масштаб ее Личности.

Тамара Михайловна была депутатом, членом Комитета по культуре Госдумы двух созывов. Разве можно поставить с ней в один ряд сегодняшних депутатов?! И потом, будучи уже советником при трех министрах культуры Российской Федерации, она деятельно участвовала в разработке Концепции развития культуры, фундаментального закона «Об объектах культурного наследия, памятниках истории и культуры народов Российской Федерации» и других законопроектов о культуре. Кстати, Михаил Ефимович Швыдкой, уходя с должности министра, ходатайствовал перед своим приемником только за Тамару Михайловну. Она нужна была всем.

Тамара Михайловна Гудима.
Фото Бьорна Францена.
2009 г.

В ее кабинете всегда были люди — из разных регионов к ней приезжали за советом, за помощью, за поддержкой своих идей; и она умудрялась помогать всем.

Это ее заслуга — комплексная федеральная программа «Культура Русского Севера (2006–2011 гг.)» как часть федеральной целевой программы «Культура России». Трудно представить себе, как один человек смог объединить вокруг себя единомышленников, организовать работу, пройти все стадии согласования, ведь в программу вошли 13 областей и республик. Ее разработчиком стал Институт природного и культурного наследия, который возглавлял тогда Юрий Александрович Веденин. Только с таким авторитетом, мощным интеллектом, неколебимой уверенностью в значимости наследия Севера и в необходимости его сохранения можно было добиться принятия этой программы. И это был настоящий прорыв в спасении памятников деревянного зодчества. Но не только. Тамара Михайловна, как никто, понимала значение нематериального наследия. И в этой программе было заложено сохранение многих его форм: фольклора, песенного творчества, танцевальной культуры. Ее всегда волновал вопрос подлинности. Тамара Михайловна считала, что именно Север хранит нематериальную культуру не только в концертном исполнении, но как часть жизни, и в этом великая заслуга северян. Кстати, комплексная программа Кенозерского национального парка вошла в федеральную программу отдельным разделом.

В одном из интервью Тамара Михайловна сказала очень правильные слова: «Культура — и именно в этом ее особенность — хранит то, что называется внутренним духом народа, его ощущением, его пониманием. Культура — это сам народ. Уничтожение культуры — это уничтожение народа. Это абсолютно очевидно»¹. Она очень бережно относилась к Слову, владела им в совершенстве, не допускала глумления над русским языком. Ее выступления всегда были яркими, глубокими, содержательными. Как ее слушали! Я помню, мы пришли с ней в Госдуму на какое-то крупное мероприятие, опоздали. В зале было много людей, они шумели, практически не слушали сменявшихся докладчиков. Но вышла на трибуну Тамара Михайловна, начала говорить, и весь зал замер. А потом нескончаемым потоком к ней потянулись участники этого мероприятия. Она умела говорить просто о сложном, люди соскучились по нормальной человеческой речи. Или когда в 2006 г. областное Собрание депутатов принима-

¹ «Сохранение культурного наследия Русского Севера». Тамара Гудима, Елена Кутукова // Вера. Светлое радио. URL: <https://radiovera.ru/sohranenie-kulturnogo-nasledija-russkogo-severa-tamara-gudima-elena-kutukova.html> (дата обращения: 14.03.2022).

ло социально-экономическую программу «Культура Русского Севера», было много сомнений в том, что депутаты в условиях напряженного бюджета проголосуют за нее; тем более что было много фракций, у депутатов существовали разные представления о расходовании средств: тогда еще допускался плюрализм мнений. Докладчик – Тамара Михайловна. Она нашла нужные слова, путь к чувствам каждого, и, как итог, программа была принята единогласно! Это редкий случай в истории законодательного органа власти. Областная программа позволила впервые провести масштабные работы по сохранению памятников регионального значения. К сожалению, реализация программы в 2009 г. была прекращена.

Тамара Михайловна была очень востребованным человеком. Ее приглашали в качестве ведущего или с выступлениями на все знаковые российские и международные культурные форумы. Она с удовольствием читала лекции о культурной политике, северных писателях, наследии не только в своем Московском гуманитарном университете, где она была профессором, но и во многих университетах, музеях России. Только в Архангельске она была не востребована в этом качестве, хотя и мечтала вернуться в родной город.

Русский Север – ее гордость, боль, забота. Невозможно представить более мощного защитника его культуры. Архангельская область ей многим обязана. Во многом благодаря ее усилиям область достойно отметила юбилей Федора Абрамова. Две территории она любила больше других. Это музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское» в Псковской области и Кенозерский национальный парк. Сюда она приезжала каждый год и не по одному разу.

Наверное, Тамара Михайловна была неудобной для некоторых, всегда говорила то, что думала, не давала спокойно жить, предпочитала делать. Будучи коммунистом по убеждениям, она вышла из КПСС, потому что не соглашалась с политикой руководства компартии. Но это не мешало ей любить людей, уметь слушать и слышать, верить в лучшие человеческие качества во всех и в светлое будущее страны. В последнем мы расходились во взглядах, жарко спорили, и ее оптимизм все же несколько поубавился.

Тамара Михайловна прожила счастливую жизнь. Любила свою семью, гордилась дочерьми, обожала внуков и правнуков. И еще Тамара Михайловна умела дружить. Она объединяла вокруг себя людей, всегда была в центре любой компании, ее друзья становились нашими. Вот уже много лет нас связывает дружба и с музеем-заповедником «Михайловское», много лет длится личная дружба моей семьи с семьей его директора Георгия Николаевича Василевича. Она любила и умела принимать го-

стей. Тамара Михайловна красиво пела и делала это везде – в УАЗиках на разбитых дорогах, на больших товарищеских ужинах, в узком кругу. Она удивительным образом находила общий язык и с детьми, и с деревенскими жителями, и с общественными деятелями, и с властью. А сколько стихов знала Тамара Михайловна (я всегда удивлялась ее безграничной памяти)! Она читала и Ахматову, и Цветаеву, и Бродского, и Рождественского, и Евтушенко, и Вознесенского, и Блока, и Лермонтова, и многих других поэтов. Но самой большой ее любовью был Александр Сергеевич Пушкин.

Тамара Михайловна родилась накануне дня рождения Пушкина и ушла в День Царскосельского лица. Добрый ангел Русского Севера. Навсегда в моей памяти и в моем сердце останутся наши разговоры за полночь, коньячок ранним утром в день рождения моих детей. К ней я обращалась за помощью и советом в самые сложные периоды жизни, она умела все объяснить, найти те самые нужные слова, которые снова и снова помогали восстать из пепла. Она всегда была рядом. В начале августа, когда Тамара Михайловна уже начала готовить свой доклад на нашу конференцию после выписки из больницы, она прочла мне по телефону строчки из стихотворения Анны Ахматовой «Я научилась просто, мудро жить, Смотреть на небо и молиться Богу...». Она так и жила, просто и мудро. И эти слова постоянно в моей голове. Я тоже хочу так научиться жить. Спасибо Вам за все.

*Елена Шатковская,
директор Кенозерского национального парка*

**Процессы формирования культурных
ландшафтов: взаимодействие научных знаний,
концепции, методы исследования**

Наш взгляд на будущее территории Национального парка «Кенозерский» через стратегическое планирование, или Трудный путь в ЮНЕСКО

Шатковская Елена Флегонтовна – директор, Национальный парк «Кенозерский»; director@kenozero.ru

В статье рассматривается структура плана управления объектом «Заповеданное Кенозерье», номинируемым в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Сформулированы основные управленческие приоритеты, в которых культурные ландшафты выделены как комплексный объект управления. Коротко изложено содержание трех блоков плана управления, в которых представлена характеристика культурного ландшафта Национального парка «Кенозерский», анализ текущего состояния национального парка и Объекта всемирного наследия, описана Стратегия управления на 2021–2027 гг. и реализация плана управления.

Ключевые слова: Национальный парк «Кенозерский», Объект всемирного наследия, культурный ландшафт, план управления, историко-культурное и природное наследие, местные жители.

A peek into the future of Kenozero National Park' territory through the lens of strategic planning, or Our Challenging Path to UNESCO

Shatkovskaia Elena F. – Director, Kenozero National Park; director@kenozero.ru

The paper presents the structure of the management plan for Testament of Kenozero Lake, a heritage site on UNESCO Tentative World Heritage List. Description is provided of the management priorities, where cultural landscapes are viewed as sites requiring integrated management efforts. The paper further briefly outlines the contents of three sections of the management plan, describing Kenozero National Park's cultural landscape, the current state of the Park and its World Heritage Site, the Management Strategy 2021–2027 and its action plan.

Keywords: Kenozero National Park, World Heritage Site, cultural landscape, management plan, historical, cultural and natural heritage, local residents.

В 1990-х гг. еще до появления первых стратегических планов, менеджмент-планов, программ развития мы просто спасали то, что находилось практически на грани исчезновения: памятники, ценную историческую застройку деревень, выстраивали диалог с местными жителями и вовлекали их

в многопрофильную деятельность Национального парка «Кенозерский» на условиях равноправного партнерства, занимались сельским хозяйством, реализовывали социокультурные и экономические проекты. И получилось, что, сами того не осознавая, мы работали на опережение; поэтому о самых разных направлениях работы нашего Парка можно сказать «впервые» и «единственный».

Мы прошли очень непростой путь, прежде чем сформулировать основные управленческие приоритеты, зафиксированные в плане управления и развития (менеджмент-плане) на 2001–2005 гг., который определил вектор развития на будущее. В основе всех действий стояла задача сохранения культурного ландшафта во всей полноте его взаимосвязей. В менеджмент-плане впервые культурные ландшафты выделены как комплексный объект управления и впервые в состав функциональных зон была введена зона охраны культурных ландшафтов с гибким режимом управления. К сожалению, жесткое закрепление функциональных зон в Федеральном законе «Об особо охраняемых природных территориях» не позволяет сохранить правовой статус культурных ландшафтов в новом Положении о ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»». В российском законодательстве об особо охраняемых природных территориях (ООПТ) по-прежнему культурный ландшафт как отдельное понятие не выделяется.

Все последующие программы и проекты по основным направлениям деятельности так или иначе разрабатывались с учетом сохранения культурных ландшафтов. Например, управленческие действия в «Среднесрочной программе развития устойчивого туризма на территории Парка на 2011–2015 годы» сконцентрированы на территориях двух опорных и семи периферийных туристско-рекреационных центров, которые являются частью культурно-ландшафтных комплексов. Эта программа позволила нам приступить к созданию эффективной модели управления туристической деятельностью. Поддержка Минприроды России при реализации программы стала драйвером качественных преобразований в сфере развития туризма в Парке.

В 2014 г. культурный ландшафт «Заповеданное Кенозерье» вошел в Предварительный список ЮНЕСКО. Инициатором этой идеи и генератором ее реализации был Ю.А. Веденин, основатель Российского НИИ культурного и природного наследия, и его сотрудники, среди которых особенно хотелось бы выделить М.Е. Кулешову – двигатель этого процесса. Ими и была подготовлена заявка на внесение культурного ландшафта в Предварительный список. Чтобы войти в основной список, надо было подготовить большой пакет документов. Основные из них – номинационное досье и план управления Объектом всемирного наследия (ОВН). В 2015–2017 гг. ключевые разделы досье были разработаны рабочей группой во главе с Ю.А. Ведениным, в нее вошли специалисты разных областей знания и сотрудники Парка. Эту работу завершили в 2021 г. сотрудники нового Российского НИИ культурного и природного наследия в соответствии с требованиями ЮНЕСКО.

Что касается плана управления ОВН, то в те же годы мы предпринимали попытки по его разработке, но хроническая нехватка времени, невозможность привлечения сторонних специалистов из-за отсутствия финансирования не позволили выполнить эту работу. В 2020 г. весь мир оказался обхвачен пандемией, и оба национальных парка – и «Кенозерский», и «Онежское Поморье» – длительное время были закрыты для посетителей. У нас, наконец, появилось время, чтобы заняться той работой, на которую его всегда не хватало, в том числе разработкой плана управления ОВН. В конце 2020 г. текст плана¹ был завершен.

Мы поставили перед собой достаточно сложную задачу – разработать единый подход к управлению территорией, которая имеет тройной статус: национальный парк, биосферный резерват ЮНЕСКО, Объект всемирного наследия. Обычно каждый из них требует отдельных управленческих стратегий, но нам удалось интегрировать требования для планов управления в один документ. При этом Биосферный резерват ЮНЕСКО «Кенозерский» (2004 г.) и Национальный парк «Кенозерский» – это буферная зона ОВН, что соответствует требованиям руководства по выполнению Конвенции всемирного наследия. Объединение этих трех статусов для одной территории позволяет всесторонне сохранять ее наследие и эффективно управлять ею.

За основу структуры плана управления объектом наследия на 2021–2027 гг. взят план управления и развития (менеджмент-план) Кенозерским национальным парком на 2001–2005 гг. Новый план управления ОВН «Заповеданное Кенозерье» и Национальным парком «Кенозерский» на 2021–2027 гг. разработан в соответствии с требованиями Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Он акцентирует внимание на выдающейся универсальной ценности объекта «Заповеданное Кенозерье», которая является основой для всего процесса стратегического планирования. Мероприятия плана способствуют достижению 15 из 17 целей устойчивого развития ООН.

Разработчиками плана управления стали специалисты Парка, в задачи которых будет входить непосредственная его реализация. Мы проанализировали опыт российских организаций, управляющих Объектами всемирного наследия, в частности музея-заповедника «Кижи», Объектов всемирного наследия «Памятники древнего Пскова» и «Болгарский историко-археологический комплекс». Нам был полезен подход к разработке плана управления ОВН и Национального парка «Лэйк Дистрикт» (Великобритания), а также ОВН «Побережье Козавэй и Тропа Гигантов» (Северная Ирландия).

¹ План управления объектом, номинируемым в Список всемирного наследия. Культурный ландшафт «Заповеданное Кенозерье» на 2021–2027 гг. Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Национальный парк «Кенозерский»: [Рукопись]. Архангельск, 2021 // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”».

План управления ОВН охватывает не только цели по сохранению атрибутов выдающейся универсальной ценности Объекта всемирного наследия, но и задачи социально-экономического развития территории национального парка, в том числе развития устойчивого туризма. При этом ключевым принципом управления является приоритет сохранения наследия перед его использованием. Условно план управления можно разделить на три блока: 1-й блок представляет наши подходы к разработке плана управления и характеризует культурный ландшафт как явление, определяющее его уникальную ценность на общероссийском и мировом уровнях. Во 2-м блоке проанализированы текущее состояние национального парка и Объекта всемирного наследия; указаны заинтересованные стороны в реализации плана управления; зафиксированы законодательные и административные меры по сохранению и управлению наследием; разработан SWOT-анализ. В 3-м блоке представлена Стратегия управления на 2021–2027 гг. и реализация плана управления, который состоит из девяти комплексных программ с конкретными действиями. Основу для формулировки стратегии обеспечило «Видение ОВН “Заповеданное Кенозерье” и Национального парка “Кенозерский” до 2030 г.» («Видение 2030»). Заключительные положения документа определяют механизмы мониторинга и оценки эффективности реализации плана и его ресурсное обеспечение. Неотъемлемой частью плана управления являются Приложения.

Получился достаточно объемный документ стратегического планирования, в котором около 600 страниц. Коротко представим некоторые его составляющие. Анализ деятельности Национального парка «Кенозерский», ее оценка, проблемы и перспективы по каждому направлению даны в блоке «Спасти, сохранить, показать. Анализ текущего состояния», который включает подразделы по различным видам деятельности. В разделе «Охрана территории и обеспечение экологической безопасности» всесторонне рассмотрены вопросы организации охраны территории Парка (в том числе природных комплексов и объектов историко-культурного наследия), включая пожарную безопасность; осуществления контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов в части соблюдения природоохранного законодательства; вопросы управления посещением; обеспечения экологической безопасности.

Еще один раздел посвящен подробному анализу управления культурно-ландшафтными комплексами, включая сохранение генетического разнообразия аборигенных пород сельскохозяйственных животных как элемента культурного ландшафта. Усилия Парка в условиях ограниченных трудовых и финансовых ресурсов сосредоточены на сохранении отдельных ценных элементов культурных ландшафтов и решении проблем, связанных с угрозой их утраты. Работы проводятся в соответствии с планами управления по каждому приоритетному культурно-ландшафтному комплексу.

Помимо традиционных для нас способов — выкашивания полей и территорий вокруг памятников, ландшафтных рубок, поддержки традиционного

сельского хозяйства – в последние годы появилось новое направление – моделирование пространственной структуры культурных ландшафтов с использованием геоинформационных систем. Цифровые модели дают возможность фиксировать современное состояние территории, прогнозировать изменения ландшафтной структуры при проведении различных мероприятий, создавать реконструкции референтного ландшафта, т.е. соотнесенного с определенным историческим периодом.

Специфика Парка – обеспечение сохранности и полноценного развития всех видов наследия – природного и культурного, материального и нематериального, поэтому большое внимание в отдельном разделе уделено сохранению историко-культурного наследия.

Национальный парк «Кенозерский» – единственный национальный парк в системе ООПТ России, имеющий в своем оперативном управлении десятки памятников архитектуры. На сегодняшний день в удовлетворительном состоянии находятся 39 памятников, в неудовлетворительном – 8 объектов, а в аварийном состоянии – 1 (каменная церковь во имя Св. Живоначальной Троицы, 1863 г., урочище Макарье).

Значимая составляющая рассматриваемого раздела – историческая система расселения и традиционная архитектура поселений. Сохранение целостности историко-культурной среды является для нас важной задачей. Минимизировать угрозу застройки деревень домами коттеджного типа помогают Правила землепользования и застройки (ПЗЗ) – документ градостроительного зонирования, устанавливающий территориальные зоны и градостроительные регламенты. Для муниципальных образований, расположенных в границах национального парка, ПЗЗ были разработаны сотрудниками Парка и привлеченными экспертами при финансовой поддержке Евросоюза. В России это первый подобный опыт. В ПЗЗ помимо типовых зон (индивидуальной жилой застройки, сельскохозяйственного назначения, общественно-деловой и производственной) включены такие, как зона объектов туризма и отдыха, природного ландшафта, объектов религиозного и культурного значения и др. Приложением к ПЗЗ стал набор эскизных проектов традиционных жилых и хозяйственных построек, рекомендованных к возведению на территории Парка.

В подразделе «Движимые памятники. Музейный фонд. Научная реставрация» речь идет о музейном фонде, его структуре и составе. На сегодняшний день музейный фонд насчитывает около 13 тыс. предметов. Самой ценной частью музейного собрания Парка являются «небеса» – потолочные перекрытия деревянных храмов и часовен, расписанные на библейские сюжеты. Часть музейных предметов паспортизирована, многие введены в научный оборот благодаря различным публикациям, каталогизированы. С первых лет существования Парка на научной основе ведется реставрация движимых памятников.

Большая часть музейного собрания Национального парка «Кенозерский» представлена в тематических музеях и экспозициях. Интерпретации куль-

турного и природного наследия посвящен отдельный большой подраздел. Экспозиции, в которых посетители получают базовую информацию о культурных и природных ценностях территории, выполняют как бы функцию навигации, своеобразной подготовки к «прочтению» живого ландшафта. Дальнейшее погружение в среду происходит на тематических экологических тропах и экскурсионных маршрутах (296 км). И, конечно, вся информация в большинстве наших экспозиций подается через судьбы людей, здесь живших и живущих.

Едва ли не самая главная составляющая культурного наследия – нематериальное наследие. Оно может относиться к любому виду наследия: культурному или природному, которое в той или иной степени несет на себе следы влияния человека. И это не только устное народное творчество. Национальный парк «Кенозерский» на протяжении многих лет ведет работу по изучению, сохранению и возрождению традиций через различные формы их представления и поддерживает их носителей, владеющих знаниями, навыками, умениями, с этими традициями связанными.

В отдельный подраздел выделены и памятники археологии. На территории Парка в настоящее время открыт 61 памятник археологии. Сенсационное открытие в 2019 г. сделал А.Я. Мартынов, археолог, заместитель директора Соловецкого музея-заповедника, исследовав стоянку древнего человека с горизонтом культурного слоя 9-го тыс. до н.э. Это самый древний культурный слой первобытных стоянок, зафиксированный в Архангельской области. Археологические работы последних лет на территории Парка позволили существенно расширить и углубить знания о доисторическом прошлом Кенозерья и оценить перспективы проведения здесь дальнейших научных исследований.

Большой раздел посвящен сохранению биологического и ландшафтного разнообразия – одной из приоритетных задач Парка. До недавнего прошлого ландшафтное и видовое разнообразие территории Парка в значительной степени зависело от масштабов и методов ведения сельского хозяйства. Сегодня биоразнообразие подвержено факторам значительно более глобального масштаба, связанным с промышленным освоением лесов, геологическими разработками, загрязнением природной среды вблизи границ Парка. Состояние экосистем находится в прямой зависимости и от прогрессирующего изменения климата Земли. Эти тенденции имеют многофакторную природу и требуют пристального внимания и изучения. Базисом всей научно-исследовательской деятельности в области изучения и охраны природного наследия Парка является инвентаризация биоты на видовом и экосистемном уровнях. По результатам этой деятельности в Парке составлены ежегодно актуализирующиеся кадастры животных и растений. Проводятся плановые исследования по выявлению местообитаний редких видов биоты. Разработана Программа комплексного экологического мониторинга природных объектов и популяций.

Управление лесными ресурсами, объектами животного мира, водными биоресурсами и земельными сельскохозяйственными ресурсами основано на научных рекомендациях по их использованию. Важной задачей является определение допустимой рекреационной нагрузки на отдельных маршрутах и участках Парка, а также ОВН, при которой биогеоценоз сохраняет свою жизнеспособность и функциональную устойчивость.

Научная проблематика, сформулированная нашими предшественниками и получившая последовательное развитие с момента создания Национального парка «Кенозерский», выделена в нескольких разделах.

В этом же блоке дана характеристика социально-экономического состояния территории, эколого-просветительской и туристической деятельности Парка. Целевая аудитория его эколого-просветительской деятельности условно делится на две группы: «внутренняя» аудитория – дети и подростки, проживающие на территории и вблизи границ Парка; «внешняя» аудитория – дети и подростки Архангельской области и других регионов России. Важный момент: 71 % всех детей, проживающих на территории Национального парка «Кенозерский», являются участниками тех или иных его объединений.

Только устойчивый туризм является оправданным на территории ООПТ, т.к. он обосновывает и на практике выгодно реализует основные концепции устойчивого развития, которые не приводят к деградации природного и историко-культурного наследия, восстанавливают и охраняют его, предусматривают справедливое распределение экономических выгод от развития туризма в пользу местных сообществ. Национальный парк «Кенозерский» сегодня – ведущий туристический центр Архангельской области, узнаваемый символ всего Русского Севера. За период с 2012 по 2019 г. в результате планомерных действий по развитию устойчивого туризма турпоток увеличился на 82 %. Создана и непрерывно развивается инфраструктура туризма, формируются новые уникальные турпредложения, повышается сервисная культура. В основе этой деятельности – «экономика впечатлений» и «просвещение средой».

В разделе «Стороны, заинтересованные в реализации плана управления» особое место занимает местное население. Именно местные жители формируют впечатления от культуры и самобытности места, создают его уникальную атмосферу; и потому общие условия жизни населения являются решающим фактором развития национального парка.

Сегодня в границах Парка постоянно проживает 1680 человек в 32 населенных пунктах. Основным работодателем на территории является Парк (более 110 штатных сотрудников). Около 200 местных жителей вовлечены в туристическую деятельность в течение года.

За последнее время жители совместно с Парком реализовали целый ряд масштабных социокультурных и бизнес-проектов. Важной оценкой работы для нас стали итоги соцопроса, который раз в 5 лет проводит среди местных

жителей Северный (Арктический) федеральный университет. Более 70 % жителей оценивают нашу работу на «хорошо» и «отлично», а 87,1 % не хотели бы, чтобы их населенные пункты были исключены из границ Парка.

Всесторонний анализ законодательства, текущей деятельности Парка и сторон, заинтересованных в сохранении и развитии ОВН, в SWOT-анализе для каждого направления деятельности позволил нам сформулировать сильные и слабые стороны, возможности и опасности. Отдельный подраздел посвящен угрозам и мерам по их устранению для различных иерархических структур культурно-ландшафтных комплексов ОВН «Заповеданное Кенозерье». Условно мы их обозначили как верхний уровень культурного ландшафта – мегапространство Кенозерья; промежуточный (мезо-) уровень культурного ландшафта – уровень «куста» деревень; низший уровень – локальный культурный ландшафт, тяготеющий к определенному поселению.

Наконец, блок «Стратегия управления, реализация плана управления» начинается с «Видения 2030». Это главный руководящий принцип, определяющий направления движения развития Парка, на основе которого происходит деятельность всех заинтересованных сторон в отношении Парка и ОВН. Такой подход базируется на опыте европейских Объектов всемирного наследия ЮНЕСКО.

«Видение 2030» состоит из четырех взаимосвязанных компонентов:

1. «Единство природы, культуры и человека» – понимание, что ключевую ценность Кенозерья представляет североευропейский крестьянский культурный ландшафт с памятниками деревянной архитектуры, сохранивший на своей территории живые культурные традиции, архаичные формы народного творчества, хозяйствования и природопользования, – *главный предмет охраны и основа для устойчивого развития сегодня и в будущем.*

2. «Спасти, сохранить, показать» – данное положение определяет *приоритет сохранения* наследия перед любым его использованием с учетом всего спектра законодательных и административных мер.

3. «Красивый ландшафт – красивая экономика» – необходимость поощрения и поддержки таких видов экономической и социальной деятельности, которая созвучна с целями и задачами национального парка и Объекта всемирного наследия. При этом мы признаем, что наследие может быть сохранено и защищено только на условии *развития локальной экономики, в основе которой – устойчивый туризм.*

4. «Культура участия» – это принцип *соучаствующего партнерства* всех заинтересованных сторон по сохранению и устойчивому развитию национального парка и ОВН, единого понимания его выдающейся универсальной ценности на национальном и мировом уровнях. При этом ключевая аудитория – местные сообщества, являющиеся активными субъектами всех социокультурных и экономических процессов.

На основе «Видения 2030» мы определили три стратегические цели плана управления на ближайшие семь лет:

I. Сохранение выдающейся универсальной ценности ОВН «Заповеданное Кенозерье» и особых качеств Национального парка «Кенозерский». Эта цель имеет приоритет перед другими и лежит в основе всех управленческих действий.

II. Создание условий для комплексного развития территории ОВН «Заповеданное Кенозерье» и Национального парка «Кенозерский».

III. Повышение социокультурной значимости ОВН «Заповеданное Кенозерье» и Национального парка «Кенозерский».

Для достижения этих целей мы разработали девять комплексных тематических программ, каждая из которых решает определенную задачу. Важно, что цели остаются неизменными на весь период действия плана управления, а управленческие задачи могут меняться и актуализироваться.

1-я программа «Сохранение и управление культурно-ландшафтными комплексами» направлена на сохранение динамической устойчивости и целостности культурного ландшафта. Главная задача состоит в том, чтобы вовремя, до полного безвозвратного исчезновения, распознать и зафиксировать границы и местоположение структурных элементов, их атрибутику и историческую взаимозависимость, предпринять необходимые действия по нейтрализации процессов их разрушения.

2-я программа «Обеспечение безопасности и охраны ОВН «Заповеданное Кенозерье» и Национального парка «Кенозерский»» предусматривает комплекс мер по обеспечению охраны территории; пожарной и санитарной безопасности в лесах; экологической безопасности; охраны и пожарной безопасности объектов историко-культурного наследия и обеспечение безопасности в условиях чрезвычайной ситуации.

3-я программа «Изучение и сохранение природных комплексов и объектов» предусматривает выполнение комплекса мероприятий по инвентаризации флоры и фауны, мониторингу природных систем и объектов, оценке экосистемных услуг, научному обеспечению деятельности Парка, оптимизации природопользования с учетом социально-экономических и природных условий Парка.

4-я программа «Сохранение историко-культурного наследия» призвана обеспечить комплексный подход к сохранению историко-культурного наследия во всей его совокупности, как важнейшей составляющей культурного ландшафта Кенозерья, на основе принципов территориальной охраны в контексте живой среды. Работа ведется по четырем направлениям: сохранение памятников архитектуры и пространственной среды исторических поселений; сохранение нематериальной культуры; сохранение памятников археологии; сохранение движимых памятников, включенных в музейный фонд.

5-я программа «Кенозерье. Россия здесь! Развитие устойчивого туризма» открывает блок задач, направленных на достижение второй стратегической цели «Создание условий для комплексного развития территории». Программ-

ма предполагает создание и модернизацию туристической, эколого-просветительской и магистральной инфраструктуры Парка, внедрение инновационных форм и технологий интерпретации наследия, освоение новых рынков реализации турпродуктов и в результате увеличение доходности туризма.

6-я программа «Достижение общественного согласия и социально-экономическое развитие территории» исходит из понимания важности консолидации усилий всех заинтересованных сторон — органов государственного и муниципального управления, администрации Парка, хозяйствующих субъектов, общественных объединений и местных жителей. В период действия программы планируется реализация комплекса мер по активизации локальной экономики и гражданских инициатив местных сообществ, созданию альтернативных источников дохода жителей, достижению общественного согласия по вопросам развития территории.

Для достижения третьей цели «Повышение социокультурной значимости ОВН “Заповеданное Кенозерье” и Национального парка “Кенозерский”» разработаны три программы. Они необходимы для обеспечения единого и всестороннего понимания выдающейся универсальной ценности ОВН на национальном и мировом уровнях.

7-я программа «Популяризация ОВН “Заповеданное Кенозерье” и формирование положительного имиджа Национального парка “Кенозерский”» предполагает развитие каналов коммуникации Парка, повышение качества взаимодействия с информационными партнерами, активизацию рекламной кампании услуг и продуктов.

Мероприятия 8-й программы «Эколого-просветительская деятельность Национального парка “Кенозерский”» решают задачи вовлечения детей и молодежи, проживающих на заповедной территории и за ее пределами, в природоохранную деятельность, направлены на формирование экологической культуры и развитие гражданской ответственности.

И заключительная, 9-я программа «Развитие волонтерского движения на территории ОВН “Заповеданное Кенозерье” и Национального парка “Кенозерский”» предусматривает совершенствование существующей системы взаимодействия с волонтерами и непосредственно организацию добровольческих программ.

Все программы связаны друг с другом, имеют четкий план действий на семь лет, определяют конкретные измеряемые показатели выполнения, сроки реализации и стоимость каждого действия с указанием предполагаемого источника финансирования.

Важный раздел плана управления — «Мониторинг, оценка и ресурсное обеспечение». Стратегическое планирование — это динамичный процесс, который не ограничивается разработкой плана управления. Необходимо понимание влияния программ действий на выдающуюся универсальную ценность ОВН, особые качества национального парка и биосферного резервата в настоящем и будущем. Применяемый нами механизм мониторинга позво-

ляет корректировать текущие действия и получать необходимую информацию для осуществления нового цикла планирования.

Завершается план управления разделами, посвященными кадровому потенциалу и финансовым ресурсам. Мы понимаем, что успешная деятельность Парка, его конкурентоспособность определяется не только величиной доступных материальных ресурсов, но и напрямую зависит от качественных характеристик команды.

С определенной долей оптимизма считаю, что наш план управления является реалистичным. Он оценивает текущий уровень активности и перспективы развития в контексте того, что возможно, а что невозможно. Он подтверждает наше представление о том, что национальные парки являются оптимальной формой организации территории, потому что охватывают сами объекты наследия, среду, в которой они существуют, духовную культуру исторических мест, человека как носителя наследия. Если из этой модели убрать хотя бы одну составляющую, то вся конструкция рухнет.

Роль горожан в ревитализации традиционного сакрального ландшафта Каргополя¹

Башнин Никита Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук; selishe@mail.ru

Кудрин Алексей Александрович – научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук; аспирант, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; kudrin-ljosha@rambler.ru

В статье на материале данных полевого исследования, проведенного в августе 2020 г. в Каргопольском районе Архангельской области, показана роль постоянных/временных/сезонных поселенцев (выходцев из мегаполисов) в ревитализации объектов сакрального ландшафта региона и актуализации религиозных практик вокруг них. Рассмотрен случай с. Ошевенского, где служил священник из Санкт-Петербурга, а также с. Волосово и Архангело, где в последние 10 лет появились реставраторы из Москвы. Сделан вывод о том, что значительная часть объектов сакрального ландшафта Каргополя получила импульс к ревитализации благодаря заинтересованности в этом приезжих. Важный фактор в успешности подобных проектов – наличие у горожан значительного социального капитала, которым не обладает сельское население, и харизма отдельных личностей, а не организационная поддержка институтов.

Ключевые слова: сакральный ландшафт, Каргополь, социальный капитал, сельские территории, реставраторы, приход.

The role of citizens in revitalizing the traditional sacred landscape of Kargopol area

Bashnin Nikita V. – PhD (History), research fellow, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; selishe@mail.ru

Kudrin Alexei A. – research fellow, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences; PhD student, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences; kudrin-ljosha@rambler.ru

© Башнин Н.В., Кудрин А.А., 2022

¹ Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 20-78-10060 «Церковное и монастырское строительство в России XIII–XVII вв. как фактор развития общества и государства в XIII–XVII вв. и начале XXI в.: история, культура, архитектура, наука».

The article presents the field research data, obtained in August 2020 in Kargopol District, Arkhangelsk Region, to discuss the role of permanent/temporary/seasonal settlers (immigrants from metropolitan cities) in revitalizing the area's sacred landscape and maintaining the religious practices around them. The case of Oshevskoe village is studied, which was served by a priest from St. Petersburg, as well as Volosovo and Arkhangelo villages, which have been attracting, over the past 10 year, the restorers from Moscow. It is concluded that a significant number of Kargopol's sacred landscape sites received new life thanks to the interest from the non-local population. An important factor in the success of their efforts is the availability of local social capital, which rural population tends to have lack of, and charismatic individuals rather than institutional support.

Keywords: sacred landscape, Kargopol, social capital, rural areas, restorers, parish.

В данной статье рассматривается влияние городских переселенцев (постоянных или временных) на возобновление деятельности вокруг храмов и почитаемых объектов традиционного сакрального ландшафта, начало институционального попечения о них. Основным источником служат материалы (интервью, результаты непосредственного наблюдения), собранные в ходе полевого исследования, проведенного в августе 2020 г. на территории Каргопольского района Архангельской области. Представленные данные являются предварительным обобщением и описывают только зафиксированные в ходе полевого исследования кейсы.

Традиционный сакральный ландшафт Каргополя хорошо описан, ему посвящен целый ряд публикаций [6; 7; 13; 18; 19; и др.]. Одним из главных духовных центров Каргопольского уезда Олонецкой губернии являлся Успенский Александро-Ошевенский монастырь в с. Ошевенском. Как отмечает А.Б. Мороз, «зона влияния Александро-Ошевенского монастыря, закрытого и разоренного в 1930-е гг., и распространение сведений о его основателе покрывает практически всю территорию Каргопольского района и выходит за его пределы» [12, с. 146]. Значимыми местными обителями являлись также Спасо-Преображенский и Успенский монастыри в г. Каргополь, Кирилло-Челмогорский монастырь, Макарьевская Хергозерская пустынь², а также множество деревянных церквей, многие из которых сохранились (в разном состоянии) по сегодняшний день. Также на территории Каргополя имелось множество деревенских часовен, почитаемых природных объектов, многие из которых сконцентрированы в пределах нынешнего Ошевенского сельского поселения. Таким образом, сакральные объекты Каргополя фактически представляли собой систему объектов, в число которых входили как храмы, так и почитаемые природные святыни, каждая из которых имела свою зону влияния³. В течение XX в.

² О монастырях региона см.: [10].

³ О зоне влияния почитаемых мест см.: [22].

система была разомкнута, существовавшая связь между почитаемыми природными объектами, храмовыми и монастырскими комплексами была разрушена, а все церкви и монастыри (помимо церкви Рождества Богородицы в Каргополе) оказались закрыты.

Постепенная ревитализация сакрального ландшафта Каргополя начинается с 1990-х гг., когда появилась возможность беспрепятственно (со стороны местной администрации) восстанавливать приходскую жизнь. Дефицит священников и ресурсов, а также изменившиеся за советские годы установки населения по отношению к Церкви не позволяли местному духовенству интенсифицировать данный процесс. В случае с Каргополем, отличающимся большим количеством церквей – памятников деревянного зодчества, их ревитализация связана не только с деятельностью института Церкви, но и с инициативами и экспедициями передвижных и «полуоседлых» артелей архитекторов-реставраторов. Как будет показано ниже, в Ошевенском, Архангело и Волосово именно факт городского прошлого активистов позволяет трансформировать деревенскую повседневность через деятельность вокруг почитаемых объектов.

Первый и весьма обширный сюжет связан с с. Ошевенским⁴. К началу 1990-х гг. его сакральный ландшафт представлял собой комплекс объектов, функциональность и взаимосвязь которых была нарушена. Это руины Александро-Ошевенского монастыря, закрытый Богоявленский шатровый деревянный храм в д. Погост, Георгиевская часовня в д. Низ, Ильинская часовня в д. Малый Халуи, а также переоборудованные под другие цели каменная Никольская часовня в д. Погост и деревянная Покровская часовня в д. Гарь. Наряду с этим в селе имелось три почитаемых природных комплекса, связанных со св. Александром Ошевенским: роща напротив Александро-Ошевенского монастыря (камень-следовик, деревянные обетные кресты, небольшой пруд), место называемое «Валдовка» в 1,5 км от д. Ширяихи (камень, два обетных креста, небольшое озеро) и «Колотовка» в д. Большой Халуи (обетные кресты под навесом на берегу р. Халуи)⁵. Перечисленные почитаемые комплексы продолжали активно посещаться местными жителями и в советское время, причем происходило это как в личных кризисных ситуациях, так и по особым деревенским заветным праздникам, каждый из которых был привязан к определенному объекту.

Организованная православная община оформилась только в середине 1980-х гг. Центром ее стал храм Богоявления. Первым старостой был местный житель Александр Петрович. Изначально общину составляли в основном пожилые женщины. На регулярной основе они стали проводить на дому,

⁴ Ошевенское состоит из д. Ширяихи, Погост, Низ, Большой Халуи, Малый Халуи, Гарь (последние три отстоят от основного поселения на несколько километров). Об ошевенском приходе в прошлом см., например: [15].

⁵ Подробнее об ошевенском сакральном природном ландшафте см.: [6; 11, с. 78–92; 12; 17; и др.].

а затем и в храме (где был проведен косметический ремонт) молитвенные собрания, которые посещало около шести человек. Фактически самоорганизовавшийся приход продолжал существовать без священника, только изредка по большим праздникам в село продолжал приезжать отец Борис Коробейник из Каргополя.

Первыми, кто обратил пристальное внимание на сакральные объекты села стали вовсе не представители церкви, а заявившие о необходимости консервации руин Александро-Ошевенского монастыря архитекторы из мастерской Театра архитектурных форм (ТАФ) – неформального содружества архитекторов и дизайнеров, организованного в 1980-х гг. в Московском архитектурном институте (МАРХИ) Александром Ермолаевым и его единомышленниками. В начале 1990-х гг. участники мастерской были приглашены Каргопольским музеем для создания новых экспозиций и вскоре приобрели ряд домов в Ошевенске. Местная церковная и гражданская архитектура интересовала московских архитекторов в первую очередь с точки зрения сохранения историко-культурного наследия⁶, а также в качестве хорошей обучающей площадки для студентов МАРХИ, которых ежегодно стали привозить в Ошевенск.

По инициативе москвичей в 1990-х гг. на территории заброшенного Александро-Ошевенского монастыря было проведено два масштабных субботника с привлечением местных жителей и администрации. Были стерты все надписи непристойного содержания, укреплены («подперты») обрушающиеся постройки, в том числе часовня над колодцем св. Александра Ошевенского, отремонтирована крыша на братском корпусе, под каменной колокольной Успенской церкви была выложена площадка из камней, сделаны ограждения на опасных участках. При входе в монастырь была повешена деревянная табличка с воззванием: «Остановись... Не продолжай разрушение монастыря, поставленного нашими предками»⁷. Была попытка сделать небольшой музей-склад – в одном из помещений монастыря были сложены остатки ценных архитектурных элементов, этнографические предметы. Студентами МАРХИ, приезжавшими на практику, был выполнен ряд дипломных работ, содержащих концепцию фиксации территории монастыря и создания здесь зоны охраняемых культурных руин.

В 1997–1998 гг. архитекторы ТАФ привлекли одного из знакомых реставраторов, который организовал реставрацию Георгиевской часовни в д. Низ. По мнению архитекторов, сохранением подобных объектов должны заниматься приезжие деятели культуры, а религиозная составляющая объектов должна неминуемо уходить в прошлое.

⁶ В целом о влиянии локализации религии в сфере культуры (презентация религиозных объектов и религиозных практик в качестве культурного наследия) на постсоветские процессы десекуляризации см.: [9].

⁷ Табличка хранится в одном из домов архитекторов в д. Погост.

Несмотря на то, что представители ТАФ стали первыми, кто попытался привлечь внимание местных жителей к удручающему состоянию монастыря и необходимости его сохранения (пусть даже в качестве памятника культурного наследия, а не сакрального локуса), участие в первых субботниках, организованных московскими архитекторами, очень редко фигурирует в местных нарративах о его восстановлении. Эти события в коллективной памяти местных жителей смешиваются с дальнейшими мероприятиями, происходившими на территории монастыря и связанными уже с деятельностью православного духовенства.

Следующий этап «перееосвоения» ошевенского сакрального ландшафта связан с фигурой о. Виктора Пантина, служившего здесь с 2004 по 2010 г. Он был незаурядной личностью. Будучи научным сотрудником Института русской литературы (Пушкинский дом) и кандидатом филологических наук (им защищена диссертация «Легенды и апокрифы в художественной системе Н.С. Лескова»), он становится священником и после восьми лет служения на Серафимовском кладбище (являлся духовным сыном известного петербургского священника о. Василия Ермакова) и в Военно-технической академии им. А.Ф. Можайского просит перевести его в отдаленный северный приход, после чего и попадает на Каргополье. Новый священник начинает вести активную миссионерскую работу и деятельно организует жизнь местного прихода. Создаваемую структуру в дальнейшем он охарактеризует как «миссионерский стан» [16]. Не останавливаясь подробно на социальной деятельности нового священника по активизации приходской жизни, опишем кратко его влияние на ревитализацию местного сакрального ландшафта.

Во-первых, Богоявленский храм постоянно стал использоваться. До появления священника из Санкт-Петербурга в нем не было регулярной литургической жизни (первый настоятель не успел ее наладить, священником из Каргополя проводились лишь редкие богослужения и службы мирским чином). При о. Викторе литургию стали служить до пяти раз в неделю, вечерние службы – практически каждый день вне зависимости от времени года. Сам храм изменил свою институциональную прописку. По ходатайству о. Виктора он был передан Церкви (ранее находился под управлением Каргопольского архитектурного и художественного музея-заповедника).

Во-вторых, о. Виктор Пантин продолжил работу по восстановлению Александро-Ошевенского монастыря. Проводились уборки, служились молебны на территории. Начала действовать Никольская надвратная церковь. В период настоятельства о. Виктора в 2007 г. в монастыре поселился трудник из Санкт-Петербурга, который выступил с проектом восстановления обители, поддержанным влиятельными спонсорами. Инициатива эта не была реализована. В последний период пребывания о. Виктора в Ошевенске по его просьбе специально для возрождающегося монастыря в 2008 г. был прислан настоятель – иеромонах Киприан (Чухлеб), в 2009 г. обитель по инициативе о. Виктора передана из ведения Каргопольского музея в пользование Рус-

ской православной церкви. Не обошлось и без потерь. По воспоминаниям ряда информантов, духовенство распорядилось разобрать и вывезти с территории монастыря сильно обветшавшее, но еще стоявшее деревянное здание Покровской церкви (1900 г.), также была разобрана надколодезная часовня Александра Ошевенского. После перевода о. Виктора в Каргополь, а затем и в другой район области на приходе служат священники из восстанавливаемого монастыря, ставшего центром богослужебной жизни села. Службы в Богоявленской церкви в настоящий момент проводятся всего несколько раз в год.

В-третьих, была восстановлена и легитимирована богослужебная активность мирян на отдаленных часовнях. Позднее о. Виктор подчеркивал важность подобной практики в условиях «часовенного православия»⁸ на Русском Севере [16]. В отдаленных от храма концах села и деревнях, где были часовни и довольно большое количество постоянных жителей (д. Низ, Гарь), создавались небольшие местные самостоятельные общины. Фактически происходила церковная легитимация существовавшего тут института мирских молебнов «божественными старушками» [12, с. 162–163]. Члены этих общин собирались без священника в местных часовнях для молитвы. Если в д. Низ в Георгиевской часовне таким образом была возрождена слабо теплившаяся традиция, то в д. Гарь молитвенное помещение было фактически открыто заново, т.к. ранее в нем находился магазин, а затем мастерская одного из жителей. Даже после того как о. Виктор был переведен в 2011 г. в другую епархию, созданные им молитвенные группы продолжали действовать. До сих пор продолжают молитвенные собрания в Георгиевской часовне д. Низ, правда, с намного меньшей, чем в настоятельство о. Виктора регулярностью.

Еще одним начинанием петербургского священника, активно поддерживавшего местный религиозный календарь, было «воцерковление» традиционного сакрального природного ландшафта. Данная деятельность священника не уникальна, она находится в русле тенденций возобновления по всей России молебнов, проводимых духовенством с конца 1980-х гг. на почитаемых местах [4, с. 372]. В Ошевенске они проводились в роще напротив монастыря на праздник Богомолье, у озера на «Валдовке», в «Колотовке» на Халуе в дни заветных праздников. В досоветский период эти почитаемые объекты были включены в богослужебный церковный круг. Например, к связанному с рощей заветному празднику Богомолье в первое воскресенье Петрова поста (один из дней памяти св. Александра Ошевенского) приходил большой крестный ход из Каргополя [5, с. 280–282]. Как писал про Новгородчину и Тихвинский уезд В.В. Виноградов, «до первой четверти XX в. приходской храм и почитаемые места входили в единое православное пространство округи. Именно почитаемые природные локусы, связанные с церковными объектами, «в советское время оказались един-

⁸ О «часовенном православии» см.: [1, с. 63–66].

ственными символами веры отцов» [3, с. 116]. Нововведением о. Виктора являлось строгое требование священника перестать оставлять на крестах заветы – вотивы в виде элементов одежды (платки, носки, перчатки и т.д.); все эти предметы регулярно снимались. После перевода о. Виктора традиция молебнов у традиционных почитаемых мест больше не поддерживалась и почитание снова перешло в область исключительно стихийных «народных» религиозных практик.

Помимо служения в пределах Ошевенского сельсовета о. Виктором Пантиным велась разнообразная деятельность и за его пределами. Будучи одновременно настоятелем возрожденного Иоанно-Предтеченского прихода в Каргополе, священник организовал там регулярное проведение богослужений. Там же, в Каргополе, он предпринял не увенчавшуюся успехом попытку официального возобновления закрытого в советские годы Успенского женского монастыря.

Также священником в институциональных церковных рамках был возобновлен крестный ход «на Макарий» к месту бывшей Макарьевской Хергозерской пустыни, расположенной в тайге на берегу оз. Келейного в 90 км от Каргополя, на территории нынешнего Кенозерского национального парка⁹. Крестный ход не был организованным шествием, паломники каждый в своем темпе приходили к месту бывшего монастыря ко дню св. Макария Желтоводского (7 августа). В полуразрушенном каменном храме служилась литургия. Хождения сюда по завету продолжались и в советское время, но были менее массовыми и проходили без участия духовенства. В основном хождения «на Макарий» были актуальны для жителей Лекшмозерья и Ошевенска, о чем свидетельствует география распространения текстов о святине [6, с. 122–129]. Далеко не все каргопольцы знали об этом месте, а прилегающие озера многими воспринимались просто как хорошие места для отдыха и рыбалки. После перевода о. Виктора на другое место служения возобновленная традиция продолжает существовать, помимо каргопольских паломников «на Макарий» ходят два священника, некогда служивших с о. Виктором в Ошевенске.

Следующие сюжеты связаны с деятельностью различных групп реставраторов. На территории Каргопольского района, богатого памятниками деревянной храмовой архитектуры, ведут свою работу такие крупные волонтерские организации, занимающиеся реставрацией и консервацией храмов и часовен Русского Севера, как «Общее дело» и «Вереница». Согласно открытым источникам, силами первой законсервировано пять и отреставрировано три объекта в Каргопольском районе [14], силами второй ведутся работы на одном объекте в с. Волосово [2]. Работа в «поле» в августе 2020 г. позволила более подробно описать ситуацию с восстановлением церквей в с. Архангело и Волосово.

⁹ Подробнее о бывшем монастыре и его архитектуре см.: [8; 20; 21].

В с. Волосово находится деревянный Никольский храм XVII в. Долгое время он стоял заброшенным и был выключен из социокультурной жизни местного населения. В последние несколько лет появлялись инициативы построить часовню, но они так и не завершались какими-либо действиями ввиду отсутствия у жителей села необходимых ресурсов (исключением стала инициатива местного столяра, поставившего у храма большой деревянный поклонный крест). В 2017 г. в Волосово появляются реставраторы из «Вереницы», и с того момента для работ по сохранению храма ежегодно приезжают волонтеры. Не имея возможности проводить полномасштабную реставрацию, тем не менее, москвичи постепенно проводят консервацию и точечную реставрацию уникальной постройки. Главным ресурсом в данном случае является именно их социальный капитал – возможность привлекать заинтересованных волонтеров для работы на объекте. Жители села, по словам местных информантов, за исключением нескольких активистов имеют возможность участвовать только в субботниках. Представляется, что данный пример является во многом типичным.

Более уникальная ситуация сложилась в с. Архангело, где находятся два деревянных храма – Архангела Михаила (XVIII в.) и Сретения (XIX в.). Оба они были заброшены в советский период. В 2000-х гг. местные жители создали инициативную группу по восстановлению храмов и связались с известным московским реставратором Д.М. Соколовым. В 2011 г. в Архангело на постоянное жительство вместе с семьей приезжает реставратор А.М. из Москвы. Тут поселяются еще три семьи, но они, в отличие от А.М., живут в селе не круглый год. Помимо первых работ на исторических объектах москвичи организуют строительство нового деревянного храма в честь прп. Пахомия Кенского. Освящение новой церкви, выдержанной в традиционном стиле, состоялось в 2016 г. Организованная в Архангело артель занимается реставрацией памятников деревянного зодчества региона, в том числе уже долгое время продолжается реставрация временно перевезенной в Архангело часовни из д. Забивкина, расположенной недалеко от села. В отношении старых храмов А.М. стал фактически выполнять роль хранителя, т.к. именно ему местное население делегировало организацию любых работ по поддержанию порядка в церквях и на прилегающей территории, а также распоряжение приносимыми в церковь иконами. Кроме того, он проводит службы мирским чином как в Архангело, так и в соседних поселениях.

Таким образом, на основе исследованного материала можно констатировать, что весомая доля объектов сакрального ландшафта Каргополя, восстанавливаемых в начале XXI в., имеет тесную связь с городскими переселенцами или приезжающими время от времени группами горожан на данной территории. Влияние на возникновение проектов ревитализации и их успешность оказывает разветвленная сеть транслокальных социальных связей жителей мегаполисов, составляющих их социальный капитал, а также их большая заинтересованность. Вместе с тем, важно отметить, что

в наиболее успешных случаях (с. Ошевенск, Архангело) мы имеем дело с личными инициативами отдельных людей, институциональная привязка которых не оказывает решающего регулирующего влияния, выступая скорее каналом аккумуляции новых материальных, социальных и идеологических ресурсов.

Список литературы

1. *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2007.
2. Вереница. URL: <http://verenitsa.ru/> (дата обращения: 25.06.2021).
3. *Виноградов В.В.* Северорусские почитаемые места в слове и изображении: к проблеме взаимодействия фольклора и художественного творчества // Виноградов В.В. Северорусские почитаемые места: топика святынь: избранные статьи, диссертация. СПб., 2019. С. 15–324.
4. *Виноградов В.В.* Современные тенденции почитания святых мест (на материале Северо-Запада России) // Виноградов В.В. Северорусские почитаемые места: топика святынь: избранные статьи, диссертация. СПб., 2019. С. 369–379.
5. *Ильинский Иоанн, о.* Александро-Ошевенская святыня (Впечатления богомольца) // Олонецкие епархиальные ведомости. 1908. № 12. С. 275–283.
6. Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М.Д. Алексеевский, В.А. Комарова, Е.А. Литвин, А.Б. Мороз, Н.В. Петров; под общ. ред. А.Б. Мороза. М., 2009.
7. Каргопольское путешествие. Семь маршрутов по севернорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем. М., 2014.
8. *Кожеевникова Ю.Н.* Хергозерский и Юрьегорский монастыри в первой половине XVIII века. Последствия секуляризационной политики Российского государства // Кенозерские чтения – 2015. Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек. Архангельск, 2016. С. 266–277.
9. *Кормина Ж., Штырков С.* «Это наше исконно русское и никуда нам от этого не деться»: предыстория постсоветской десекуляризации // Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте. СПб., 2015. С. 7–45.
10. *Мелютин М.Н., Теребихин Н.М.* Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013.
11. *Мильчик М.И., Ушаков Ю.С.* Деревянная архитектура Русского Севера. Л., 1981.
12. *Мороз А.Б.* Народный культ преподобного Александра Ошевенского // АБ-60. Сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. СПб., 2007. С. 146–167.
13. *Мороз А.Б.* Сакральный ландшафт Каргополья. Монастыри // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: www.ruthenia.ru/folklore/moroz8.htm (дата обращения: 18.05.2021).
14. Общее дело. URL: <https://obsheedelo.ru/> (дата обращения: 25.06.2021).
15. Ошевенский приход // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=1502 (дата обращения: 25.06.2021).
16. *Пантин Виктор, о., Черемисин Василий, о.* Попытка миссионерского стана на базе провинциальных приходов в Северном регионе // Международные рождественские образовательные чтения 2014. URL: <https://mroc.pravobraz.ru/popytka-missionerskogo-stana/> (дата обращения: 20.01.2021).

17. *Пигин А.В.* Народный культ Александра Ошевенского в Каргополье // Живая старина. 1998. № 4. С. 22–25.

18. *Платонов Е.В.* Каргопольские часовни в середине XVIII века (по материалам описи 1752–1756 годов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 1. С. 18–22.

19. *Старицын А.Н.* Уникальный источник по истории сельских приходов Каргопольского уезда // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4. С. 261–308.

20. Хергозерский приход // Православные часовни и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=1554 (дата обращения: 26.06.2021).

21. *Шаповалова Л.Г.* Долгое эхо (православные святыни Лекшмозерья). Архангельск, 2012.

22. *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995. С. 110–176.

Культурно-ландшафтный подход к изучению и сохранению особо охраняемых территорий

Веденин Юрий Александрович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук; vedenin37@gmail.com

Статья посвящена проблемам изучения и сохранения наследия, расположенного на особо охраняемых природных и историко-культурных территориях. Важную роль в решении этих проблем играет использование культурно-ландшафтного подхода. Одна из главных задач, которая в настоящее время возложена на национальные парки, природные заповедники и музей-заповедники – это охрана культурного наследия в их естественной культурной и природной среде. В качестве базовых принципов культурно-ландшафтного подхода к наследию предлагается рассматривать взаимосвязь между культурой и природой, материальными и нематериальными компонентами наследия, невозможность сохранения наследия вне его связи с аутентичным пространством и историческим временем, без учета сезонных и суточных природных ритмов.

Ключевые слова: культурное и природное наследие, культурно-ландшафтный подход, культурный ландшафт, национальный парк, природный заповедник, музей-заповедник, историческое время, циклическое время, историческая репрезентативность.

Cultural and landscape approach to the study and conservation of protected areas

Vedenin Iurii A. – Dr. Sci. (Geography), professor, leading researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; vedenin37@gmail.com

The paper explores the challenges of heritage conservation and research in protected natural and historical-cultural areas. An important role in dealing with these challenges belongs to cultural landscape approach. National parks, nature reserves and open-air museums are currently tasked with maintaining their heritage sites in native cultural and natural environment. It is proposed to consider as basic principles of cultural landscape approach to heritage, the relationship between culture and nature, tangible and intangible components of heritage; authentic space, historical time, seasonal and daily natural rhythms as components indispensable to heritage conservation.

Keywords: cultural and natural heritage, cultural and landscape approach, cultural landscape, national park, nature reserve, open-air museum, historical time, cyclic time, historical representativeness.

В 2021 г. исполнилось 30 лет со времени возникновения Кенозерского национального парка. За эти годы он стал одним из самых интересных и значительных национальных парков России. В концепции развития парка важное место занимает тема культурного ландшафта и культурно-ландшафтного подхода, в основе которого лежит представление о единстве культуры и природы.

Хотелось бы напомнить, что почти в это же время был создан Российский институт культурного и природного наследия. Его деятельность основывалась на следующих принципах:

- представление о наследии как отражении исторического опыта взаимодействия человека и природы, что предполагает включение в категорию наследия всего многообразия типов и форм наследия: материальных и нематериальных, движимых и недвижимых, культурных и природных объектов, явлений и процессов;

- отношение к наследию как к системному образованию, сформировавшемуся в результате взаимодействия между культурой и природой;

- главенство пространственного подхода в сфере охраны наследия, когда нельзя ограничиваться сохранением отдельных памятников, а необходимо переходить к сохранению ценных в природном и историко-культурном отношении территориальных комплексов;

- сохранение наследия в контексте с современными социокультурными, социально-экономическими и экологическими процессами [3; 12].

Все эти принципы базируются на работах замечательных русских ученых, заложивших основы культурно-ландшафтного подхода к наследию. Это прежде всего Дмитрий Сергеевич Лихачёв и Владимир Иванович Вернадский. В разработанном Д.С. Лихачёвым научном направлении, обозначенным им как экология культуры, указывается на особую роль культуры в формировании окружающей среды. По словам Лихачёва, «человек живет не только в природной среде, но в среде, созданной культурой его предков и им самим. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его привязанности к родным местам, следованию заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности» [6, с. 94]. Здесь он близок к идеям о ноосфере В.И. Вернадского, который рассматривал мысль и труд как определяющую силу ландшафтно-формирующих процессов: «В живом веществе создалась новая геологическая сила ума и техники, раньше на нашей планете небывавшая, которая нам кажется беспредельной и, возможно, в будущем, выходящей за пределы планеты» [4, с. 165].

Концепции Д.С. Лихачёва об экологии культуры и В.И. Вернадского о ноосфере оказали существенное влияние на всю область деятельности, связанную с сохранением культурного и природного наследия. Самое главное, что хотелось бы отметить, – это переход к более широкому представлению об объектах наследия и признание необходимости учета тесной взаимосвязи между культурой и природой, нашедших воплощение прежде всего в представлении о культурном ландшафте. Культурный ландшафт в современном его понимании – это результат сотворчества человека и природы, осуществляемого в процессе утилитарного, интеллектуального и духовного освоения Земли [5]. Следующий этап, определяющий дальнейшее развитие сферы охраны наследия, – это переход к разработке и внедрению в практику охраны наследия культурно-ландшафтного подхода [1].

Использование культурно-ландшафтного подхода коренным образом меняет всю сферу изучения, использования и охраны наследия. Это касается всех видов культурного и природного наследия – от отдельных памятников до ансамблей и достопримечательных мест, от исторических поселений и музеев-заповедников до особо охраняемых природных территорий – национальных парков, заповедников и заказников.

Первым условием, определяющим суть культурно-ландшафтного подхода, является осознание тесной взаимосвязи между культурой и природой. Как известно, в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО о Всемирном наследии выделяются две группы наследия: культурное и природное. Однако при более тщательном анализе видно, что различие между объектами культурного и природного наследия весьма условно. На самом деле почти все они сформировались и сохранились в процессе взаимодействия человека и природы. Едва ли можно воспринимать архитектуру храмов Великого Новгорода, Старой Ладогой или стен Соловецкого монастыря без свободной пластики дикого камня, данной ему природой (ил. 1). То же самое можно сказать о деревянных храмах, жилых домах, мельницах и амбарах Русского Севера. Именно бревна, их форма, цвет и структура древесины делали эти строения столь гармоничными по отношению к окружающей их природной среде (ил. 2).

При этом необходимо учитывать, что за то длительное время, которое прошло с момента строительства архитектурного сооружения, других искусственных объектов, созданных человеком, у них возникла устойчивая связь с природными объектами и явлениями. В качестве примера можно указать на лишайники, без которых уже трудно представить древние камни, использовавшиеся при строительстве стен Соловецкого монастыря (ил. 3). К сожалению, это не всегда осознается современными реставраторами. На тех же Соловках несколько лет назад были проведены работы по очистке поверхности стен и отдельных сооружений от лишайника, и тем самым памятнику был нанесен серьезный ущерб [11].

При культурно-ландшафтном подходе к сохранению объектов культурного наследия в определение предмета охраны, в содержание отдельных

видов деятельности, связанных с сохранением наследия, должны быть внесены существенные коррективы. Это касается всех типов объектов культурного наследия: памятников, ансамблей и достопримечательных мест. Так, например, в предмет охраны архитектурных памятников обычно включают объемно-пространственную структуру сооружения, архитектурную организацию фасадов, внешний и внутренний декор, инженерно-конструктивные элементы. При культурно-ландшафтном подходе в предмет охраны следует включить не только выше названные характеристики объекта, но и сохранившиеся фрагменты и даже следы инженерных устройств, связанных с защитой сооружений от возможных негативных последствий геологических и гидрологических процессов. На территории памятника предметом охраны должны стать система мелиоративных сооружений, следы изменений в рельефе, остатки насыпных грунтов и растительности, исторически связанных с этим строением. В то же время многие объекты природного наследия дошли до наших дней только благодаря особому отношению к ним со стороны человека. Это, прежде всего, сакральные объекты. К ним могут быть отнесены святые рощи, отдельные деревья, камни, родники, другие природные объекты, почитаемые сторонниками различных религий и конфессий. Некоторые природные объекты сохранились до наших дней в связи с их особой ценностью в качестве охотничьих угодий, источников водоснабжения, мест произрастания полезных для человека растений. В качестве одного из таких примеров могут быть приведены места обитания диких пчел на Урале, где до сих пор сохранился такой редкий род занятий, как бортничество.

Многие природные заповедники, созданные с целью сохранения природного наследия, до сих пор хранят в себе память о деятельности людей, живших здесь в предшествующие эпохи. Это памятники археологии, древние монументы, образцы наскальной живописи, а также почвенный покров и растительность, измененные в результате деятельности человека.

В настоящее время в системе организации особо охраняемых историко-культурных и природных территорий существуют серьезные противоречия. Это связано, прежде всего, с узковедомственным подходом к охране наследия. Между тем, известно, что во многих музеях-заповедниках располагаются не только объекты культурного наследия, но и ценные природные комплексы. Это фиксируется даже в их названии: историко-культурный и природный музей-заповедник. Среди них Соловки, Бородинское поле, Куликово поле, Дивногорье и т.д. Но в настоящее время большинство музеев-заповедников лишено возможности осуществлять полноценный цикл природоохранных мероприятий, поскольку все они находятся в юрисдикции Министерства культуры, которое рассматривает эти работы как нецелевые; соответственно, они не могут быть профинансированы в рамках ведомственного бюджета. Руководство музеев-заповедников вынуждено изыскивать средства на природоохранную деятельность из других источников, в том

числе из грантов, межведомственных программ, благотворительных фондов и т.д.

Во многих национальных парках и заповедниках расположены ценнейшие объекты культурного наследия — храмы и часовни, усадебные комплексы, каменные изваяния, археологические памятники, в том числе петроглифы, а также мемориалы, связанные с памятью о войнах и сражениях. Однако проводить полноценный комплекс работ по их охране чрезвычайно сложно. Здесь опять возникают сложнейшие проблемы, связанные с межведомственными барьерами. Правда, в отличие от музеев-заповедников, необходимость сохранения объектов культурного наследия зафиксирована на законодательном уровне, но в реальной деятельности это, как правило, не учитывается.

Данная проблема уже долгое время является предметом оживленных дискуссий. Более того, около 10 лет тому назад по инициативе Кенозерского парка было проведено совещание, в котором приняли участие руководители парков, природных заповедников, музеев-заповедников. Они приняли совместную резолюцию, в которой говорилось о необходимости выработки общего подхода к объектам наследия и координации деятельности Министерства культуры и Министерства природных ресурсов в сфере сохранения культурного и природного наследия. На этом совещании были выдвинуты предложения о необходимости организации специального органа, в задачи которого входило бы регулирование деятельности по сохранению объектов культурного и природного наследия и прежде всего особо охраняемых территорий. В качестве образца предлагалось рассматривать Службу национальных парков США.

Вторая позиция, которая заложена в содержание культурно-ландшафтного подхода, — это представление об объекте наследия как сложной и целостной системе, объединяющей в себе материальные и нематериальные компоненты. Эта особенность наследия наиболее полно проработана в отношении культурных ландшафтов, где выделяется особый тип ландшафта — ассоциативный, т.е. ландшафт, хранящий в себе память о важнейших исторических событиях и выдающихся личностях, нашедший отражение в произведениях искусства, являющийся объектом религиозного почитания. Нематериальная составляющая объекта наследия — это прежде всего знания, ассоциации, мифы и легенды, информация о традиционных формах природопользования, хозяйственной, социальной и культурной деятельности, в том числе местная топонимия.

Почему мы придаем особенно большое значение именно нематериальной составляющей наследия? Фактически только через нематериальные характеристики объекта можно определить его ценность и придать ему статус наследия. Включение нематериальной составляющей в представление об объекте наследия позволяет значительно расширить его содержание и раскрыть ее ценность. Это уже давно осознано музейным сообществом. Об этом еще в 1936 г. написал К.Г. Паустовский, рассказывая о своих впечатлениях

от пребывания в пушкинском Михайловском. «Было раннее утро. Накрапывал дождь. Телега въехала в вековой сосновый лес. В траве, на обочине дороги что-то белело. Я соскочил с телеги, нагнулся и увидел дощечку, заросшую вьюнком. На ней была надпись черной краской. Я отвел мокрые стебли вьюнка и прочел почти забытые слова: “В разны годы под вашу сень, Михайловские рощи, являлся я”. — Что это? — спросил я возницу. — Михайловское, — улыбнулся он. — Отсюда начинается земля Александра Сергеевича. Тут всюду такие знаки поставлены. Потом я наткнулся на такие дощечки в самых неожиданных местах: в некошенных лугах над Соротью, на песчаных косогорах по дороге из Михайловского в Тригорское, на берегах озер Маленца и Петровского — всюду звучали из травы, из вереска, из сухой земляники простые пушкинские строфы. Их слушали только листья, птицы да небо — бледное и застенчивое псковское небо» [10, с. 504].

В связи с этим следует вспомнить высказывания Д.С. Лихачёва о важности учета взаимосвязи между материальной частью ландшафта и духовной культуры. «Когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, какая жизнь протекала в нем, что в нем было создано, дом этот для нас особый. Он наполняется духовным содержанием, преобразуется. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Преобразуется ландшафт, если мы знаем, какие события в нем происходили, какие битвы тут разыгрывались, чьи судьбы решались. Природа Плеса приобретает особую красоту от сознания того, что именно ее изображал И. Левитан. Мы по-особому ценим места, связанные с творчеством Гоголя или Шевченко, Пушкина или Баратынского» [6, с. 75]. Именно поэтому при оценке наследия особое внимание обращается на места и объекты, рассказывающие о наиболее ярких событиях, которые происходили на этих территориях.

Все прекрасно знают о военных сражениях, произошедших много лет назад на Бородинском или Куликовом поле. Общациональное значение этих мест предопределило отнесение этих мест к объектам культурного наследия (ил. 4). И это несмотря на то, что в настоящее время почти не осталось материальных свидетельств событий, происходивших там много лет назад. Для того чтобы подтвердить ценность этих мест и сделать их доступными для публики, на основании исторических данных, рассказов современников и литературных источников были воссозданы некоторые из бывших здесь когда-то укреплений, восстановлены фрагменты исчезнувших в результате деятельности землепашца или природных процессов траншеи, окопы и руды. Кроме того, посетитель этих мест на основании путеводителей, рассказов экскурсовода может представить картину поля боя и бывшие там когда то, но уже давно исчезнувшие военно-инженерные сооружения. Ценность многих объектов наследия обусловлена их связью с творчеством выдающихся ученых, писателей, поэтов, художников. Фактически именно художники или писатели являются подлинными творцами некоторых культурных ландшафтов, исторических поселений и даже отдельных памятников [2].

Вспомним Мещёру К.Г. Паустовского, Шахматово А.А. Блока, Чистый Дор Ю.И. Ковалёва, Патриаршие пруды М.А. Булгакова или Дом на набережной Ю.В. Трифонова.

История многих природных заповедников связана с деятельностью замечательных русских ученых природоведов – В.В. Докучаева, В.В. Алёхина, В.Л. Комарова, Х.Г. Шапошникова, Н.Н. Воронцова и многих других. А ценность Кенозерья как объекта наследия во многом обусловлена тем, что именно здесь долгое время сохранялись и были записаны уникальные образцы нематериального наследия – старинные былины, сказания, обряды и обычаи, что там работали замечательные русские исследователи фольклора – Николай Павлович Рыбников, Александр Федорович Гильфердинг, братья Борис и Юрий Соколовы.

Не менее значимым компонентом наследия является информация о простых людях, жизнь которых была связана с объектами наследия, с историческими и природными территориями. Об этом свидетельствует опыт мемориализации Сен-Жан, небольшой канадской деревушки, расположенной на Орлеанском острове, недалеко от г. Квебека в устье р. Святой Лаврентий (ил. 5). Около многих домов, расположенных в этой деревне, установлены небольшие щиты, на которых помещен текст с рассказом об истории этих домов, о людях, которые в них жили. Это самые обычные, характерные для этой местности дома, но они отличаются особым укладом, архитектурным решением, инфраструктурой. Информационные щиты знакомят нас с обычными людьми, ничем не отличающимися от других жителей деревни (среди них почтальоны, нотариусы, пожарники), однако именно эти сведения позволяют узнать не только об архитектурных памятниках, но и о быте населявших их людей, об их укладе жизни.

Иногда один и тот же объект связан с разными людьми, казалось бы, несопоставимыми по своей известности. Так, например, в кенозерской д. Зехнова пересеклись линии жизни известного русского художника Виктора Ефимовича Попкова и местных жителей Марии Васильевны и Николая Петровича Капустиных. Виктор Попков жил в доме Капустиных, что находится рядом с запечатленной на его полотнах одной из самых замечательных часовен Кенозерья. Для мемориализации этого места не менее важно познакомиться с жизнью семьи Капустиных, с воспоминаниями Марии Васильевны и ее мужа о деревне, традиционных обычаях и обрядах, местной топонимии, людях, которые здесь когда-то жили и обустроивали этот сельский ландшафт (ил. 6).

Третье важное положение, заложенное в методологию культурно-ландшафтного подхода к наследию, – это связь объектов наследия с окружающим пространством. Ценность объекта наследия во многом зависит от его положения в пространстве, поэтому очень важно обеспечить возможность полноценного восприятия памятника как одного из элементов культурного ландшафта. В практике проектирования историко-культурных тер-

риторий особую роль играет ландшафтно-визуальный анализ, в результате которого предметом охраны становятся пейзажи, раскрывающиеся с наиболее значимых видовых точек или маршрутов, где можно увидеть памятник в его традиционной среде, осознать гармоничность его связей с ландшафтом (ил. 7). Однако этого недостаточно, ценность сооружения как объекта наследия во многом зависит и от характера пейзажей, которые открываются от самого памятника, из окон усадебного дома или с церковной колокольни (ил. 8). Все они являются неотъемлемой частью этих сооружений как объектов наследия. Известный советский искусствовед Е.В. Николаев в своей книге «По Калужской земле», в главе, посвященной усадьбе Щепочкина в Полотняном заводе, пишет: «Но главное украшение комнаты – вид из ее окон. Природа врывается в дом, и на память приходят слова первого на Руси теоретика садово-паркового искусства А.Т. Болотова о том, что “хороши виды и прекраснейшие положения мест, а особливо лежащие вдаль, видимые из окон дома и изображающие бесчисленные красоты природы, всякий дом делают веселейшим”» [9, с. 75].

Как известно, одним из важнейших признаков наследия является его аутентичность. Но это требование должно быть распространено и на окружающую среду, на ландшафт, элементами которого являются объекты наследия. Одна из важных задач, которая в настоящее время возложена на национальные парки, природные заповедники и музеи-заповедники, – это охрана культурного наследия в их естественной культурной и природной среде. Именно это положение не позволяет рассматривать объекты деревянного зодчества, свезенные в музеи под открытым небом (так называемые скансенны), как полноценные объекты наследия.

Для сравнения можно рассмотреть опыт сохранения памятников деревянного зодчества в Национальном парке «Кенозерский» и Государственном музее деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». «Малые Корелы» представляют собой типичный пример музея под открытым небом. На его территорию были перенесены деревянные постройки из различных районов Архангельской области. Они были изъяты из вскормившего их ландшафта и помещены в абсолютно новую для них среду. При этом некоторые сооружения были изъяты из живых деревень, где жили люди, для которых эти объекты были частью их среды обитания.

Иные принципы были заложены в организацию Кенозерского национального парка, где сохранилась часть исторической системы расселения, а многие традиционные для этих мест постройки и предметы оставались на своих исконных местах. Это сельские дома с хозяйственными дворами, амбарами и банями, деревянные часовни, кресты, старые дороги, охотничьи и рыбацкие домики (ил. 9). Все это можно увидеть на территории парка. Конечно, многие из исторических поселений уже исчезли, и этот процесс все еще продолжается. Но даже когда деревня пустеет и ее жители переселяются в иные места, когда большая часть домов и хозяйственных построек стано-

вятся бесхозными и быстро превращаются в развалины, сохраняются следы от находившихся там еще недавно строений, от сформированной человеком пространственной структуры ландшафта (открытых и закрытых пространств), от системы сельскохозяйственных угодий, например каменные выкладки, уложенные вдоль контуров бывших здесь когда-то полей. Особое значение придается сохранившимся до наших дней часовням, которые продолжают жить своей традиционной жизнью. Они до сих пор воспринимаются местными жителями как живые, поскольку их постоянно посещают люди, оставляя там свои дары (ил. 10).

Четвертое положение, лежащее в основе культурно-ландшафтного подхода, — это связь наследия со временем. Одним из основных свойств наследия является его взаимоотношение с прошлым, поэтому столь важно определить дату создания архитектурного сооружения или произошедшего в предшествующие годы события, время жизни исторического персонажа, вошедшего в историю страны и т.д. Сегодня представление об историческом времени ориентируется на гуманитарные науки и освещает чаще всего события и явления, относящиеся к процессам общественного развития. Однако для полноценного представления об истории человеческого сообщества необходимо рассматривать ее в контексте взаимодействия человека и природы. С историческим временем тесно связана историческая память, которая рассматривается как совокупность передаваемой из поколения в поколение информации об истории формирования и развития человечества и окружающей его среды. В отличие от исторического времени историческая память дискретна. Это обусловлено тем, что значительная часть информации теряется в процессе перехода от одного поколения к другому. На определенном этапе своего развития человечество начинает осознавать важность информации, накопленной за предыдущие эпохи [2]. Оно начинает прилагать усилия для ее сохранения и раскрытия, включения во вновь формируемую информационную среду человека. Именно на решение этих задач направлена деятельность по выявлению, изучению и сохранению наследия. Отнесение объекта к наследию предполагает достаточно полную представленность всех исторических слоев или природно-естественных стадий эволюции объекта. Наследие должно обладать исторической репрезентативностью, что предполагает высокую степень сохранности памяти обо всей истории формирования и развития объекта. Между тем в реальной практике сохранения наследия эта особенность наследия довольно часто игнорируется. Имеется много примеров, когда целью реставрационных работ является возвращение памятнику его первоначального облика. При этом уничтожаются все более поздние инновации, нередко обладающие высокой исторической или художественной ценностью, а вместо подлинного памятника появляется новодел, не имеющий ничего общего с реальным прототипом.

Особо важную роль в сохранении информации о взаимодействии человека и природы играют особо охраняемые природные и историко-культурные

территории (ООПТ). Многие ООПТ до сих пор хранят в себе память не только об истории разнообразных природных процессов, характерных для данной местности, но и о деятельности людей, живших здесь в предшествующие годы. Это касается многих, казалось бы, чисто природных территорий, которые на самом деле в течение многих десятилетий, а то и сотен лет использовались в качестве сельскохозяйственных или охотничьих угодий, для рыболовства или собирательства диких растений. После включения этих территорий в сеть ООПТ деятельность человека там либо вообще прекращается, либо в нее вносятся множество ограничений. Большая часть сложившихся ранее лугов и полей зарастает лесом и исчезает. Попытка воссоздать утраченную структуру ландшафта, как правило, терпит неудачу. Однако для сохранения памяти о бывших там когда-то сельскохозяйственных ландшафтах отнюдь не обязательно восстанавливать места бывших полей. Об этом свидетельствуют многочисленные участки бывших сельскохозяйственных угодий на территории Кенозерского национального парка. Там до сих пор сохраняются небольшие поляны и валунные обваловки межевых границ, топонимы, которые до сих пор используются среди местного населения. Вместе с тем в некоторых случаях появляется реальная возможность восстановления утраченных объектов наследия и даже ранее существовавших ландшафтов. Яркий пример — Куликово поле, где ведется работа по воссозданию фрагментов ковыльной степи, существовавшей во время Куликовского сражения (ил. 11).

Особую роль при рассмотрении наследия играют сезонные и суточные циклы, обусловленные естественным ходом природных и социокультурных процессов [7]. Сезонные ритмы наиболее заметно проявляются в сфере изучения и охраны культурных ландшафтов, исторических поселений и объектов садово-паркового искусства. В самом деле, едва ли можно в полной мере оценить ценность садово-парковых композиций без учета сезонных изменений. Один и тот же парк в различные сезоны года — весной, летом, осенью и зимой — коренным образом меняет свой облик. Сезонные изменения являются важнейшим признаком, который необходимо учитывать при оценке эстетических и функциональных характеристик национальных парков и природных заповедников. К сожалению, при определении ценности архитектурных памятников, ансамблей, других локальных объектов наследия сезонные изменения чаще всего не рассматриваются. Между тем для полноценной охраны объекта наследия необходимо знать реакцию объекта наследия на смену сезонов года, когда меняется гидрологический режим, на температурные условия, активность разнообразных растительных сообществ и т.д.

Очевидно, что в зависимости от времени года меняется круг проблем, которые приходится решать в процессе управления историко-культурными и природными территориями. В каждом регионе можно выделить характерные для данного региона сезоны, когда их привлекательность заметно возрастает, что обеспечивает их туристскую аттрактивность, а соответственно и их ценность для экономики. Так, например, для Русского Севера особый интерес

представляет конец зимнего сезона, совпадающий с первыми весенними месяцами. В данном случае имеются в виду прежде всего эстетические качества ландшафта. Для пустынных и степных районов таким периодом выступает весна, когда начинают цвести удивительные по красоте растения. В средней полосе, особый интерес представляет осень, когда меняется цветовой характеристики ландшафта и он становится богаче по своему колориту и разнообразию цвета. Во многих странах отличительной чертой ландшафта, влияющей на привлекательность места, является время цветения отдельных видов растений – сакуры в Японии, тюльпанов в Голландии, каштанов в Киеве, белой акации в Одессе и т.д.

В настоящее время при разработке мероприятий, связанных с охраной и реставрацией наследия, практически полностью игнорируется роль суточных циклов. Между тем уже много лет назад на необходимость их учета обратил внимание замечательный русский архитектор Н.А. Львов. В комментариях к проекту дворцово-паркового ансамбля Безбородко в Москве (1780–1790-е гг.) в разделе, озаглавленном «Расположение натурального сада», Львов пишет, что сад должен использоваться как «место гулянья... для всякой части дня определенные. Возвышенное место, лежащее по правую сторону дома, определено для утреннего гулянья. Ковер из душистого дерну, цветами и цветными кустарниками по местам испещренный, окруженный с трех сторон красивым и благоуханным лесом, составляет главную сего утреннего гульбища красоту, защищенную с полудня рощею из деревьев отборных, кои, закрывая гулящего, не закрывают, однако, от взора его окрестных видов. Сия часть сада отделана в веселом, но в тихом и спокойном вкусе, утреннему времени отвечающем; кроме движения листьев нет в ней никакого движения... На левой стороне от дома, изобилующей противу прочих текущими водами, расположено полуденное гульбище. Дорожки, ведущие к оному, пролегают чрез лес и лужайки, на коих в солнечные дни упавшая тень, сберегающая дерн, умножает красоту луга. Верхних ключей воды, собранные в одно озерко, из коего ручейком протекают они чрез долину и освежают прохладу оной... Дорожки, как по лугам, так и в лесу пролегающие... расположены здесь так, что гуляющий, будучи всегда в тени, пользуется, однако, беспрестанно разнообразным действием солнца по лугу и над водами. Вечернее гульбище всех прочих пространнее, для него определена вся нижняя часть сада поперек оною. Широкие, а некоторые и прямые дороги осены большими деревьями, между коих различные беседки и киоски, то в лесу, то над водою разматанные, прерывают единообразность прямой линии. Хозяин, любящий разделять свои утехы, определил сию часть сада для публичного гулянья, к которому приезд с обеих сторон» [8, с. 316–325].

Суточные циклы играют важную роль в презентации особо охраняемых природных и историко-культурных территорий, когда необходимо представить расположенные там объекты культурного и природного наследия, показать наиболее интересные пейзажи. Изменение образа ландшафта в

утреннее, дневное, вечернее и ночное время позволяет создать его полифонический образ. Именно суточные ритмы определяют характер организации экскурсионной программы. Необходимо строить эту программу таким образом, чтобы показать все объекты, расположенные на территории музея-заповедника, национального парка или природного заповедника с наиболее выразительной стороны. При этом следует иметь в виду не только визуальные характеристики, но и особенности звукового ландшафта. На многих исторических территориях это связано со службой в храмах и временем колокольных звонов.

Таким образом, использование культурно-ландшафтного подхода применительно к организации особо охраняемых историко-культурных и природных территорий как объектов наследия позволяет учитывать все множество признаков наследия, его связей с окружающей средой, особой роли наследия в обеспечении устойчивого развития и преумножения разнообразия среды обитания человека и общества.

Список литературы

1. *Веденин Ю.А.* География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М., 2018.
2. *Веденин Ю.А.* Культурный ландшафт как хранитель исторической памяти Земли // Региональные проблемы. 2018. Т. 21, № 3. С. 28–34.
3. *Веденин Ю.А., Шульгин П.М.* Новые подходы к сохранению и использованию культурного и природного наследия в России // Известия РАН. Сер. Географическая. 1992. № 3. С. 90–99.
4. *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М., 1989.
5. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004.
6. *Лихачёв Д.С.* Избранные мысли о жизни, истории, культуре. М., 2006.
7. *Лихачёв Д.С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.
8. *Львов Н.А.* Каким образом должно бы было расположить сад князя Безбородки в Москве / публ. К.Ю. Лаппо-Данилевского // Львов Н.А. Избранные сочинения. Кёльн, Веймар, Вена, СПб., 1994. С. 316–325.
9. *Николаев Е.В.* По Калужской земле: от Боровска до Козельска. М., 1970.
10. *Паустовский К.Г.* Михайловские рощи // Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М., 1958. С. 504–513.
11. *Пчёлкина Т.А., Слепов В.Б., Пчёлкин А.В.* Лихенологические исследования на Соловецких островах // Современная микология в России. Третий съезд микологов России. М., 2012. С. 248.
12. *Шульгин П.М., Штеле О.Е.* Роль института Наследия в изучении и сохранении национального достояния России // В фокусе наследия. М., 2017. С. 17–36.

Особо охраняемые природные территории как заповедные культурные ландшафты¹

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; v.kalutskov@yandex.ru

Опираясь на принципы культурно-ландшафтного подхода, особо охраняемые территории рассматриваются как культурные ландшафты, характеризующиеся особым – заповедным – видом природопользования и наличием на своей территории природно-культурных комплексов. Заповедное природопользование, с одной стороны, исключает ведение определенных видов хозяйственной деятельности в пределах охраняемой территории. С другой стороны, оно предполагает осуществление таких видов деятельности, как природоохранный, исследовательский, образовательный, туристический, которые полностью или частично отсутствуют за пределами территории.

В сохранении существующих и создании новых особо охраняемых природных территорий важную роль играет их правильное географическое положение. В статье выделены четыре правила самосохранения российских охраняемых территорий которые следует рассматривать в качестве принципов их ландшафтного проектирования. В качестве материала для иллюстрации теоретических положений используются данные по Тюменской области.

Ключевые слова: региональное развитие, культурный ландшафт, особо охраняемая природная территория, заповедное природопользование, природно-культурные комплексы.

Protected natural areas as cultural landscape sanctuaries

Kalutskov Vladimir N. – Dr. Sci. (Geography), professor, Lomonosov Moscow State University, v.kalutskov@yandex.ru

From the perspective of cultural landscape approach, protected areas can be defined as cultural landscape sanctuaries with special nature management practices and sites of natural and cultural value. While the status of cultural landscape sanctuary rules out the conduct of certain types of economic activities, it suggests

© Калуцков В.Н., 2022

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» и Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект № 02/2021-И «Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы»).

the performance of environmental protection, research, education, outreach, and tourism, which are absent outside the protected areas completely or partially.

In preserving the existing and creating new protected areas, an important role belongs to their geographical location. The article sets out the four rules towards self-preservation of the Russian protected areas, which should be considered as landscape design principles when creating new protected areas. Data on protected areas in the Tyumen Region are used as illustrations of the theoretical assumptions.

Keywords: regional development, cultural landscape, protected natural area, nature conservation, natural and cultural complex.

Сущность культурно-ландшафтного подхода к особо охраняемым природным территориям (ООПТ) заключается в том, что их следует рассматривать как особые – заповедные – культурные ландшафты.

Формирование подобных культурных ландшафтов прежде всего связано с заповедным видом природопользования, который, с одной стороны, исключает ведение определенных видов хозяйственной деятельности в пределах охраняемой территории. С другой стороны, заповедный вид природопользования предполагает осуществление таких видов деятельности, как природоохранная, исследовательская, образовательная, туристическая, которые полностью или частично отсутствуют за пределами ООПТ.

Основные правила самосохранения российских ООПТ

Важную роль в охране, точнее самосохранении, рассматриваемых территорий, играет их удачное географическое размещение. Об этой проблеме применительно к заповедникам писал В.Л. Каганский: «... реальное существование заповедников, то есть ограждение их ландшафта от человеческой деятельности в нашей стране в существенном большинстве случаев определяется их географическим положением и транспортной недоступностью, нежели мерами самих заповедников по поддержанию соответствующего режима» [3].

Можно выделить четыре правила самосохранения российских ООПТ:

- природа защищает себя сама;
- природа устойчиво защищает себя сама;
- природа охраняет себя сама;
- природа охраняет себя и культуру.

Данные правила следует рассматривать в качестве принципов ландшафтного проектирования новых ООПТ.

Правило «Природа защищает себя сама» имеет глубинную историю, когда значимые для общества природные объекты (природные святыни) размещались в труднодоступных для несведущих людей местах. Ныне данный принцип реализуется в наличии *природных барьеров*, препятствующих свободному доступу к охраняемым территориям, таких как реки, болота, островные и обводненные территории, возвышенные участки рельефа, крутые склоны, не-

удобья и т.п. Данному правилу отвечают островные, горные и другие высоко расположенные ООПТ.

Примечательно, что этот принцип работает не только на удаленных от городов территориях, но и в крупных городах, где большая часть ООПТ создается именно в пределах неудобий — на крутых склонах, в оврагах, обводненных поймах рек, на заболоченных территориях. К примеру, ООПТ «Воробьевы горы» организована на крутых оползневых склонах долины р. Москвы.

Ныне к природным барьерам добавились институциональные ограничения, также препятствующие доступу к охраняемым территориям: пограничная зона, участки частной собственности, огороженные участки и т.п. Такие барьеры существовали и в советское время (например, Лахемааский национальный парк, частично располагаясь в пограничной зоне, дополнительно охранялся пограничниками), но в наибольшей степени стали проявляться в современной России, где важным элементом ландшафта стали заборы, которые становятся все более мощными и высокими. Развивая идею Б.Б. Родомана об экологическом потенциале административных границ, можно говорить об *экологическом потенциале огороженных территорий* [10].

Правило «Природа устойчиво защищает себя сама» учитывает историческую преемственность заповедного режима природопользования для многих ООПТ. Оно связано с устойчивостью запретов на ведение хозяйственной деятельности и, как следствие, с *длительностью существования заповедных ландшафтов*. Иначе говоря, многие ООПТ были созданы не на пустом месте, а на основе уже существовавших общественных, частных или государственных заповедных территорий.

К историческим формам заповедования земель в России относятся природные святыни, включая общественные заказники и заповедные леса, государственные и частные заказные охотничьи угодья, леса засечных черт, корабельные рощи.

Так, заповедник «Малая Сосьва» создан на священном месте хантов по берегам р. Малая Сосьва, а Кенозерский национальный парк организован на основе системы святых рощ.

Во времена царя Алексея Михайловича вокруг Москвы формируется целая сеть заповедных территорий (Сокольники, Измайлово, Останкино, Кунцево), которые ныне являются известными крупными московскими ООПТ или музеями-заповедниками. Первые советские заповедники (Крымский и Кавказский) организованы на основе царских охотничьих угодий — так называемых крымской и кубанской царской охоты.

Часть бывших корабельных и засечных лесов уцелела, превратившись в современные заповедники. К примеру, на основе лесов Тузской засеки (часть Белгородской засечной черты) создан Мордовский заповедник. Засечные леса Большой засечной черты стали частью заповедников с характерным названием «Тульские засеки», «Калужские засеки» и Национального парка «Угра» [5].

Правило «Природа устойчиво защищает себя сама» придает ООПТ значимое историко-культурное измерение, свидетельствующее о том, что экологические традиции российского общества имеют глубинную историю. Оно задает самой ООПТ важный ландшафтный региональный или городской контекст.

Третье правило «Природа охраняет себя сама» в географии разработано довольно хорошо, его также называют *эффектом Родомана*. Еще в 1960-х гг. Б.Б. Родоман в процессе полевых наблюдений обнаружил зоны экономического вакуума, расположенные по границам административных единиц, где обрываются дороги, исчезают деревни, возрождается дикая природа, и включил эти пограничные зоны в концепцию поляризованной биосферы. Интерпретируя эти труднодоступные территории с экологических позиций, он назвал этот эффект *экологическим потенциалом административных границ* [10]. Он же использует сходный термин «природоохранная сила административных границ». Б.Б. Родоман подчеркивает: «Чрезмерная доступность объекта уменьшает удовольствие от контакта с ним. Надо всемерно *охранять труднодоступность* (курсив мой. — В. К.) экстремальных природных объектов, чтобы предотвратить их обесценивание» [8, с. 186].

Правило «Природа охраняет себя сама» реализуется в таких географических реалиях, как:

- удаленность охраняемых территорий от населенных пунктов;
- удаленность от транспортных коммуникаций (плохая транспортная доступность).

Суть правила «Природа охраняет себя и культуру» заключается в том, что большая часть ООПТ является природно-культурными комплексами, включая в свои границы различные историко-культурные артефакты — культурные ландшафты, места исторических событий, литературные и мифологические места, археологические и архитектурные объекты и т.д. Реализация данного правила означает, что *регулируемая труднодоступность* поддерживает ценность и сохранность не только природных, но и природно-культурных (смешанных) и культурных объектов и систем.

Культурно-ландшафтный подход к наследию

В нашей стране одним из первых, кто понял общественную ценность ландшафта, был выдающийся русский писатель К.Г. Паустовский, который писал о том, что *прекрасный ландшафт есть дело государственной важности* и что он должен охраняться законом: «Потому что он плодотворен, облагораживает человека, вызывает у него подъем душевных сил, успокаивает и создает то жизнеутверждающее состояние, без которого немислим полноценный человек нашего времени» [7, с. 355]. Развивая идею К.Г. Паустовского о ценности ландшафта для общества, Б.Б. Родоман пишет: «... красивый ландшафт вызывает ощущение психологического комфорта, отвлекает от неприятностей, бодрит, успокаивает, лечит, повышает работоспособность, поддерживает любовь к родине, интерес и привязанность к родному краю» [9, с. 246].

Междисциплинарный культурно-ландшафтный подход применительно к объектам наследия предполагает:

- комплексное рассмотрение природных и культурных ресурсов территории, анализ взаимодействия природных и культурных систем;
- анализ взаимодействия материальных и нематериальных компонентов ландшафта;
- учет роли среды в функционировании объектов наследия, единства и дифференциации территории в контексте отношений «центр – периферия»;
- учет циклического и линейного времени в ландшафте [1];
- включение в исследование естественно-научных, картографических методов и ГИС-технологий, с одной стороны, и методов гуманитарных наук, с другой;
- использование в исследовании литературных, пейзажных и визуальных репрезентаций [2; 4; 6].

Последнее важно не столько для «украшения» исследования, сколько для получения качественно новых репрезентаций и интерпретаций территории.

В международной практике сохранения наследия ландшафтный подход реализуется уже более 20 лет. Список объектов Всемирного наследия включает три типа объектов: объекты культурного наследия, объекты природного наследия и смешанные, или комплексные, объекты [6].

ООПТ как заповедные культурные ландшафты

Заповедный вид природопользования. Все особо охраняемые природные территории обладают *культурным измерением*. Это проявляется в наличии особого заповедного вида природопользования, во многих случаях исторически устойчивого, и в наличии различных природно-культурных комплексов на ООПТ.

Для охраняемых природных территорий характерен специфический – *заповедный – вид природопользования*.

На примере заповедников данную ситуацию проблематизирует В.Л. Каганский: «*Парадокс заповедника состоит в том, что поддержание заповедного режима требует его неизбежного нарушения самими средствами поддержания этого режима*. Заповедник сам является формой и способом освоения территории, ландшафта и должен рассматриваться в ряду всех иных способов воздействия на ландшафт» [3].

Заповедный вид природопользования предполагает два важнейших деятельностных аспекта, которые и приводят к формированию культурных ландшафтов ООПТ:

1. Запрет, полный или частичный, на ведение определенных видов хозяйственной деятельности (добыча полезных ископаемых, размещение отходов, промышленная рубка леса и т.д.). При этом запрет в пределах охраняемой территории следует рассматривать как особую форму антропогенного воздействия на территорию. Запрещение хозяйственной деятельности в ООПТ не-

редко приводит к деградации природных экосистем. Эта проблема, к примеру, ощущается в некоторых степных заповедниках. Особенно результативны *многовековые культурные запреты*: именно этот фактор способствовал сохранению святых роц Кенозерья и организации на их основе национального парка.

2. Осуществление определенных видов деятельности (природоохранная, природовосстановительная, исследовательская, реставрационная, музейно-экспозиционная, образовательная, туристическая, рекреационная и т.д.), которые полностью или частично отсутствуют за пределами ООПТ.

ООПТ и природно-культурные комплексы. Во всех типах ООПТ (от заповедника до заказника) наряду с природным представлено и культурное наследие. И разделить их удастся только в кабинетах профильных министерств или в трудах узких специалистов.

На территории даже самого удаленного заповедника можно найти множество культурных артефактов. Например, в Дарвинском заповеднике повсеместно встречаются так называемые угольные ямы, свидетельствующие о некогда активном развитии здесь углежжения. В ООПТ Северо-Запада страны широко распространены ровницы, следы подсечного земледелия, в ООПТ Южной Сибири – многочисленные курганы. Нужно только видеть эти культурные следы.

Таким образом, в пределах охраняемых территорий можно говорить о комплексировании природных объектов с культурными – с историческими местами, археологическими памятниками, объектами традиционной архитектуры и т.п. По этой причине ООПТ можно считать *природно-культурными комплексами*, обладающими не только экологическим, но и историко-культурным потенциалом.

Выделяются следующие типы комплексов природного и культурного наследия:

- природно-исторические комплексы на охраняемых территориях, где произошло важное историческое событие или которые связаны с исторической личностью;
- природно-археологические комплексы, в пределах тех ООПТ, где обнаружены археологические артефакты;
- природно-архитектурные комплексы в ситуациях, когда на ООПТ или в ее буферной зоне находятся исторические селения с исторической планировкой и ценными архитектурными артефактами;
- природно-мифологические комплексы на территориях, в которых локализованы исторические предания или мифы;
- природно-сакральные комплексы на ООПТ, где сохранились реликты природных святых мест.

Многие ООПТ включают несколько форм культурного наследия – исторического, археологического или мифологического – и, соответственно, несколько типов природно-культурных комплексов. К примеру, среди культурного наследия в региональных ООПТ Тюменской области представлены

объекты исторического наследия (исторические поселения, места исторических событий), археологического, архитектурного, мифологического наследия (многие ООПТ организованы в местах, связанных с гениями места — Ермаком, Кучумом, Ершовым). Наиболее распространены в Тюменской области природно-археологические комплексы. Культурное измерение придает осмысленность ООПТ, формирует яркие ассоциативные образы места.

Выводы

С позиции культурно-ландшафтного подхода ООПТ рассматриваются как специфические — заповедные — культурные ландшафты, для которых характерен заповедный вид природопользования и наличие различных природно-культурных комплексов. Кроме того, культурно-ландшафтный подход актуален при разработке вопросов репрезентации и интерпретации охраняемой территории.

При проектировании новых региональных ООПТ важно учитывать барьерный эффект и особенно эффект труднодоступности, опираясь на четыре правила самосохранения природы и культуры на особо охраняемых территориях, которые, по сути, являются принципами их ландшафтного проектирования.

Наша страна обладает неисчерпаемыми ресурсами экологического развития. Важно понимать, что это ресурсы развития как российского общества, так и личности каждого гражданина России.

Список литературы

1. *Веденин Ю.А.* Базовые принципы культурно-ландшафтного подхода к изучению и сохранению // *Наследие и современность.* 2020. № 3 (2). С. 7–20.
2. *Веденин Ю.А.* География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М., 2018.
3. *Каганский В.* Заповедник как элемент и фокус культурного ландшафта. URL: <https://pandia.ru/text/80/288/78790.php> (дата обращения: 20.03.2021).
4. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008.
5. *Калуцкова Н.Н.* Теория и практика заповедного дела. М., 2011.
6. *Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой.* М.; СПб., 2004.
7. *Паустовский К.Г.* Письмо из Тарусы // *Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 7 т.* Т. 7. М., 1983. С. 350–358.
8. *Родман Б.Б.* Ландшафт и личность // *Поляризованная биосфера.* Смоленск, 2002. С. 179–189.
9. *Родман Б.Б.* Пейзаж России // *Поляризованная биосфера.* Смоленск, 2002. С. 245–273.
10. *Родман Б.Б.* Экологическое значение административных границ // *Проблемы приграничных регионов России.* М., 2004. С. 82–85.

Новые акценты в международных руководящих документах и проектных практиках по охране природного и культурного наследия

Кулешова Марина Евгеньевна – кандидат географических наук, вице-президент, Научный комитет по культурным ландшафтам Национального комитета ИКОМОС (Россия); culturalandscape@mail.ru

В настоящее время международный методологический инструментарий по охране наследия активно дополняется новыми разработками, посвященными целостности и взаимообусловленности природной и культурной составляющих наследия. Появился термин «NatureCulture» со слитным написанием слова. В практике развития экологических сетей наряду с охраняемыми территориями (protected areas) стали выделять целую группу сохраняемых территорий (conserved areas), что расширило возможности защиты как природного, так и культурного разнообразия планеты. Все чаще говорится о культурных и духовных ценностях природных территорий. Наиболее ярко природно-культурный континуум наследия прослеживается в культурных ландшафтах, которые следует рассматривать не только как один из видов общественного достояния, но и как метод и концепт для осмысления сложных природно-культурных феноменов наследия.

Ключевые слова: природно-культурный континуум наследия, охраняемые территории, сохраняемые территории, культурные ландшафты, ландшафтный подход, Список Всемирного наследия, природное и культурное разнообразие.

New emphases in international guidelines and project-based practice towards protection of natural and cultural heritage

Kuleshova Marina E. – PhD (Geography), vice-president, ICOMOS National Committee (Russia), Scientific Committee on Cultural Landscapes; culturalandscape@mail.ru

Currently, the international methodological tools for heritage protection are being actively supplemented with new ideas concerning the integrity and interdependence of natural and cultural components of the heritage. The one-word term “NatureCulture” has been coined to characterize this. In the practice of promoting ecological networks, a whole new group of conserved areas began to be distinguished alongside with protected areas, leading to a greater potential for protecting the planet’s natural and cultural diversity. Natural areas are more often interpreted in terms

of cultural and spiritual values. The natural-cultural continuum of heritage sites appears to be most manifest in cultural landscapes. The latter should be seen not only as a type of protected property, but also as a method and a concept for interpreting the complexity of natural-cultural heritage phenomena.

Keywords: nature-culture heritage continuum, protected areas, conserved areas, cultural landscapes, landscape approach, World Heritage List, natural and cultural diversity.

Проблема целостности природного и культурного наследия на международном уровне управления обсуждается давно, с принятием в 1972 г. Конвенции о природном и культурном наследии ЮНЕСКО, когда в едином международном договоре была поставлена задача сохранить и донести до будущих поколений на паритетных началах природное и культурное достояние планеты. Казалось бы, очевидна актуальность рассмотрения природного и культурного феноменов наследия в их взаимосвязи, однако и сегодня далеко не для каждой профильной инстанции это очевидно. Во многих странах, в том числе в России, продолжают превалировать ведомственные подходы к охране наследия, и поэтому международные организации в этой сфере инициируют новые проекты и акции, направленные на сближение исследований, практик и политик, осваивающих концепт наследия.

Изначально заданный в Конвенции вектор на совместную охрану природных и культурных ценностей был стратегически верным, но реализация его была неоднозначной. Список Всемирного наследия формировался из природных либо культурных объектов. Смешанных объектов в нем было очень мало (их и сегодня очень мало), сложные комплексные объекты выдвигались ограниченно, процесс номинации проходил сложно либо вообще подобные объекты не были номинированы и признаны. Только через 20 лет, в 1992 г., была введена категория культурных ландшафтов, где природное и культурное начала взаимодействуют и дают новое качество. Формально категория культурных ландшафтов была отнесена к культурному наследию (не смешанному!), но в их определении зафиксировано, что это результат творчества человека и природы, а к процедуре их номинации привлекаются не только ICOMOS (International Council on Monuments and Sites – Международный совет по памятникам и достопримечательным местам) и ICCROM (International Centre for the Study of the Preservation and Restoration of Cultural Property – Международный центр исследований по сохранению и реставрации культурных ценностей), но и IUCN (International Union for Conservation of Nature and Natural Resources – Международный союз охраны природы). Три названные организации являются официальными экспертами ЮНЕСКО по вопросам Всемирного наследия. В 1992 г. начали выпускаться Руководящие указания по применению Конвенции [20], установившие формат подготовки, обсуждения, проведения номинационного процесса и всех сопутствующих процедур. Этот документ постоянно обновляется и уточняется.

В нем зафиксирована категория культурных ландшафтов и даны все необходимые пояснения.

Концепт культурного ландшафта позволил существенно расширить представление о составляющих Всемирного наследия и о наследии в целом, будь то национальный или локальный уровень [4]. Если смешанных объектов в актуальном Списке Всемирного наследия насчитывается только 39, или 3,4 %, при 50-летней практике номинирования, то культурных ландшафтов – 120, или 10,4 %, при 30-летней практике номинирования. Это официально признанное количество, но существуют еще и латентные культурные ландшафты, о чем подробно сказано в соответствующих публикациях [3]. Таким образом, не механическое сложение природных и культурных ценностей, а учет их взаимодействия в формате культурного ландшафта обеспечивает в первую очередь целостность представлений о наследии в его природно-культурном континууме. Однако и этого оказалось недостаточно. Еще через 20 лет, в 2013 г., ICOMOS и IUCN вышли с инициативой проведения так называемых совместных практик, по результатам которых опубликовано три отчета, где официально подчеркнуто, что это их первый опыт совместной работы по объектам Всемирного наследия [10]. Они и ранее могли давать свои заключения по одному и тому же объекту, но готовили их отдельно, а с 2013 г. декларируется необходимость *совместной работы*.

Для выработки методов совместной работы было выбрано девять модельных территорий, куда были организованы выезды и проводились полевые исследования, которым придается ключевое значение. Подчеркивается, что проводимые полевые исследования принципиально отличаются от консультативных миссий IUCN и ICOMOS на объекты Всемирного наследия, поскольку имеют научно-экспериментальную природу. Их цель – развивать мультидисциплинарность, внедрять биокультурный подход к охране и управлению объектами, в особенности сельскими ландшафтами, обеспечивать гибкость управленческих решений. В числе отобранной девятки территорий для проведения совместных исследований были: один объект природного наследия (биосферный резерват Сиан-Каан в Мексике), один объект смешанного природно-культурного наследия (национальные парки Дракенсберг и Сехлатебе на границе ЮАР и Лесото), шесть культурных ландшафтов (культурный ландшафт Консо в Эфиопии, национальный парк Хортобадь в Венгрии, культурные объекты Аль-Айн в ОАЭ, культурный ландшафт рисовых террас Хонг Хани в Китае, культурный ландшафт винодельческой культуры острова Пико в Португалии, культурный ландшафт дельты реки Салум в Сенегале) и один объект археологического культурного наследия (петроглифы Монгольского Алтая). С последним из них, петроглифами Монгольского Алтая на территории и в буферной зоне национального парка Алтай-Таван-Богд, в паре должен был рассматриваться российский кластерный объект Всемирного наследия – Золотые горы Алтая, но по ряду причин проект не состоялся, в результате Россия не приобщилась к данной

международной инициативе. По составу отобранных для исследования территорий видно, что основной упор был сделан на официально признанные культурные ландшафты Списка Всемирного наследия, а остальные территории, как, например, петроглифы Монгольского Алтая, исследовались через призму ландшафтного подхода и были идентифицированы как биокультурный ландшафт (новое понятие в международной практике охраны наследия). Следует также отметить, что отобранные объекты Всемирного наследия в большинстве своем обладают дополнительным международным природоохранным статусом, поскольку являются биосферными резерватами программы «Человек и биосфера» ЮНЕСКО или входят в Список водно-болотных угодий международного значения (Рамсарский список). Появилась еще одна система выявления и сохранения особой ценности территорий – это глобально важные системы сельскохозяйственного наследия (Global Importance Agricultural Heritage Systems), регистрируемые в рамках программ ФАО – Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (Food and Agriculture Organization – FAO). Целый ряд культурных ландшафтов Списка Всемирного наследия имеют этот статус, как упомянутые выше рисовые террасы Хонг-Хани, винодельческие ландшафты острова Пико или культурные объекты Аль-Айн. В 2019 г. XIX Генеральная Ассамблея ИКОМОС утвердила принципы рассмотрения сельских культурных ландшафтов как наследия, в которых, в частности, особо выделяются их ресурсное продовольственное значение и мультидисциплинарность, включая биокультурное (агробиологическое) разнообразие и многие виды природно-культурных взаимодействий [13].

«Совместные практики» позволили перейти на качественно иной уровень комплексности исследований и взаимодействия специалистов разных сфер деятельности [2]. Массовым откликом на этот опыт стала активно распространяющаяся инициатива под трудно переводимым названием «NatureCulture Journey» (природно-культурное путешествие). Однако если вспомнить отечественные произведения «Путешествие из Петербурга в Москву» или «Москва – Петушки», то придется признать, что это понятие применимо не только к географическим перемещениям. В нашем случае «путешествие – это согласованное сотрудничество, в основе которого лежит критическая саморефлексия и междисциплинарное взаимодействие, ведущее к новым или гибридным методологиям и практикам» [16]. Метафора путешествия используется для представления «концепции совместного обучения, когда практикующие специалисты, исследователи, пользователи, коренные народы, местные жители, менеджеры охраняемых территорий и объектов наследия стремятся к более детальному признанию и интеграции разнообразия культурных и природных ценностей в практике и политике охраны наследия» [16]. Новый, пишущийся слитно термин «NatureCulture» призван заменить собой термин «биокультурное разнообразие». В научной литературе термин «NatureCulture» появился относительно давно [12], стал активно

применяться только сейчас, но вряд ли его можно назвать удачным. Тем не менее, «путешествие» началось в Гонолулу на Гавайях в 2016 г. на VI Всемирном конгрессе IUCN, продолжилось в Дели в 2017 г. на XIX Генеральной ассамблее ICOMOS. Эстафета должна была перейти к Сиднею, где в 2020 г. должна была состояться очередная ассамблея ICOMOS, но этого не произошло, а сейчас «путешествие» осуществляется в режиме онлайн между профильными группами ICOMOS и IUCN. Выпущен буклет выступлений и диалогов, состоявшихся на эту тему, где в качестве объектов исследования преобладают культурные ландшафты [17].

Интересные тенденции наблюдаются в сфере развития систем охраняемых территорий, в международной практике известных как *protected areas* (охраняемые территории) и подразделяемых на шесть категорий, в числе которых – охраняемые ландшафты [11]. В 2019 г. под эгидой IUCN появились новые рекомендации по развитию территориальной охраны за пределами *protected areas* под названием «Признание и учет других эффективных территориальных мер сохранения природы» [14], после чего в последующих руководящих изданиях наряду с охраняемыми (*protected*) стали регулярно упоминаться и сохраняемые (*conserved*) территории. Если сравнить их определения, то различие обнаруживается в целевых установках. Так, охраняемые территории создаются в первую очередь в природоохранных целях, а остальные цели являются дополнительными или сопутствующими, в то время как на сохраняемых территориях дополнительными и сопутствующими оказываются именно задачи охраны природы. Тем не менее, учет таких территорий чрезвычайно важен для понимания возможностей сохранения биоразнообразия, они «управляются таким образом, что достигаются положительные и устойчивые долгосрочные результаты по сохранению *in situ* биоразнообразия с сопутствующими функциями и услугами экосистемы, а также культурными, духовными, социально-экономическими и другими ценностями» [14]. И если до 2020 г. природоохранные организации декларировали необходимость сохранения 17 % территории Земли для поддержания биоразнообразия, то теперь эта цифра составляет 30 % земных, морских и пресноводных экосистем. Выполнить эту установку можно с учетом возможностей не только охраняемых, но и сохраняемых территорий «в контексте признания прав коренных народов и местных сообществ, а также в сочетании с применением эффективных поддерживающих мер на оставшихся 70 % планеты» [8]. В российской практике к территориям, называемым в международной практике «сохраняемыми», где культурное пространство определяется во многом природными и пейзажными феноменами, можно отнести многие музеи-заповедники с достопримечательными местами – толстовскую «Ясную Поляну», Бородинское поле, шолоховскую Вёшенскую с окрестностями, Соловецкие острова и, конечно, Куликово поле, где реконструкция культурного пространства основывается на восстановлении природного биома ковыльных евразийских степей.

У таких международных природоохранных организаций, как IUCN растущий интерес к природно-культурным взаимодействиям и природно-культурной взаимообусловленности отражен в целом ряде публикаций [9; 18; 19; 21]. Одна из них – руководство «Культурная и духовная значимость природы» 2021 г. издания. Ее авторский коллектив не без оснований заявляет во введении, что разработанное руководство должно содействовать не только установлению связей между культурой и природой, но и признанию «культурного и духовного значения природы как основополагающего для сохранения природного и культурного наследия, а также для работы IUCN, ICOMOS, ICCROM и других международных организаций» [21].

Целый ряд заявленных в публикации позиций заслуживают того, чтобы на них остановиться. В частности, авторы обращают внимание, что именно культурная и духовная составляющие природы нередко выступают для людей основными стимулами охраны природы. При обсуждении и реализации проектов рекомендуется привлекать широкий круг заинтересованных сторон вне зависимости от их местонахождения, но делается важная оговорка: привлекаются только те люди, которые ценят конкретную территорию в культурном и духовном плане. То же относится и к предложениям заинтересованных сторон при их совместной работе по выработке решений – участники должны уметь наилучшим образом представить ландшафт со своим видением его перспектив, а не свой «голый» интерес по его освоению. Обращается внимание, что категории священного и сокровенного могут потребовать регулирования доступа, что означает его жесткое ограничение. Это актуально и для России в связи с нерегулируемым туристским посещением некоторых священных мест коренных народов. Культурное и духовное значение природы должно быть положено в основу управления охраняемыми и сохраняемыми территориями.

В руководящих документах международных организаций, как правило, даются разъяснения относительно некоторых специальных терминов, в употреблении которых у пользователей возникают проблемы, особенно при переводе с одного языка на другой. Это имеет место и при переводах на русский язык, на что следует обращать внимание. Так, термином «управление» переводят два разных понятия – «management» и «governance». Первое из них ближе к управленческим умениям, администрированию, оперативному принятию решений, а второе – к управленческому праву, руководству, системному ведению объектом. Второй термин стал употребляться в последнее время значительно чаще. Одно из его определений: «это взаимодействие между структурами, процессами и традициями, которые определяют распределение прав и обязанностей, процесс принятия решений и учет мнений граждан или других заинтересованных сторон» [6].

Другой пример: нередко случаи, когда термином «ценность» переводят два разных понятия – «value» и «significance». Если первое – действительно ценность, то второе – значимость, значение. Видимо, путаница существует

не в одном русском языке, если авторы руководства «Культурная и духовная значимость природы» обращают на это особое внимание: «Ценности часто приравняются к значимости. Термин “значимость” обычно используется для обозначения суммы всех ценностей наследия. <...> В Руководстве понятие значимости включает не только ценности, но также знания, смыслы <...>, чувства, идеи, ассоциации <...>, которые открываются людям в природных особенностях и природе в целом, и вдохновляют людей <...>. Ценности как культурные конструкции нематериальны. Ценности объекта или места выражаются через определенные атрибуты. Атрибуты могут быть физическими элементами, отношениями между физическими элементами, живыми существами, смыслами, а иногда и связанными с ними процессами...» [21].

Встречное движение международных организаций, занимающихся сохранением природного и культурного наследия, должно отражаться на процессах формирования Списка Всемирного культурного и природного наследия. Попробуем проследить эти тенденции на последних дополнениях к Списку, сделанных в 2020–2021 гг. [22]. За это время Список увеличился на 34 объекта, но среди них не было ни одного смешанного природно-культурного, следовательно никаких встречных движений на этом уровне не регистрируется. Объектов культурного наследия добавилось 29, природного – 5. Таким образом, среднестатистическое соотношение прошлых лет 1:4 приблизилось к соотношению 1:6, т.е. не в пользу декларируемого Глобальной стратегией по формированию Списка всемирного наследия (принята в 1994 г. Комитетом Всемирного наследия ЮНЕСКО) сбалансированного подхода к представлению природных и культурных объектов Списка. А что же с культурными ландшафтами? Из 29 новых объектов культурного наследия официально признанных культурных ландшафтов – 6 (20 %), еще 6 – латентные (плюс 20 %), и еще для 5 использовался ландшафтный подход (17 %), т.е. в кратких резюме были отмечены их природные характеристики. Что касается кратких резюме номинантов природного наследия, то их культурные особенности, как правило, отмечаются чрезвычайно редко и последние годы – не исключение. Только в одном из пяти объектов (20 %) – «Корейские равнины приливно-отливной зоны Гетбол» (Республика Корея) – отмечена зависимость культурного разнообразия и человеческой деятельности от природной среды.

Рассмотрим детальнее состав «ландшафтосодержащих» номинаций культурного наследия 2020–2021 гг. Среди официально зарегистрированных культурных ландшафтов есть очень интересный городской – ландшафт искусств и наук в центре Мадрида, где различные здания, принадлежащие целостной городской композиции, посвящены определенным видам деятельности, что отражено в их архитектуре. Есть два индустриальных ландшафта – золотодобычи времен Римской империи в Румынии и связанный с добычей сланцевых руд в Сноудонии (Великобритания). Этнокультурный ландшафт курдского народа хаврами с поселениями, садами, отгонными

пастбищами, другими угодьями и объектами представлен от Ирана. Сад Роберто Бурле Маркса в Бразилии, где представлено несколько тысяч интродуцированных и местных растений, дизайнерские приемы которого повлияли на развитие садов всего мира, также отнесен к культурным ландшафтам. А от Бельгии с Нидерландами в Список Всемирного наследия включены «Колонии милосердия» — аграрные поселения с прилегающими угодьями, созданные в XIX столетии Обществом милосердия по типу трудовых коммун для решения ряда социальных проблем. Далеко не каждое краткое резюме, к сожалению, содержит информацию о природной специфике объекта, но в номинационных досье она должна содержаться.

Что касается латентных, или «скрытых», культурных ландшафтов, то именно краткие резюме дают основания предполагать их культурно-ландшафтную природу. Латентными здесь названы те номинации, краткие резюме которых содержат признаки принадлежности к культурному ландшафту. Они пока не значатся в официальном перечне культурных ландшафтов, но со временем могут туда войти, что уже не раз случалось с объектами Всемирного наследия, хотя логику этого процесса объяснить трудно [15]. Среди таких объектов в 2020–2021 гг. появились курортные города, что очень отрадно, ведь курортная специфика до сих пор в номинациях Всемирного наследия была отражена слабо. Пополнили Список два объекта — серийная международная номинация с 11 городами (Баден под Веной, Спа, Франтишкови Лазне, Карловы Вары, Марианские Лазне, Виши, Бад-Эмс, Баден-Баден, Бад-Киссинген, Монтекатини-Терме, Бат) от 7 стран Европы и г. Ницца. Можно утверждать, что это латентные городские курортные ландшафты, поскольку все их развитие, инфраструктура, планировка определяются в первую очередь бальнеологическими природными ресурсами, на что указано в их кратких резюме. Другой яркий пример — археоастрономический комплекс Чанкилло в Перу, конструкции которого соразмерны топографическим ландшафтными элементам и непосредственно связаны с топографией и возможностями наблюдать небесные светила. Это очевидный латентный культурный ландшафт. Трансиранская железная дорога и рубежи Римской империи по Дунаю (Австрия, Германия и Словакия) — целые ландшафтные коридоры, где инженерные конструкции отчасти приспособлены к топографии местности, отчасти ее преобразовали. «Культурный район Хима» в Саудовской Аравии также близок к латентному культурному ландшафту — это скальные массивы с большим скоплением петроглифов, наскальных надписей и других культурных объектов на важном караванном пути в суровой аридной местности.

В общем случае номинация петроглифов всегда требует использования ландшафтного подхода и во многих случаях их скопления предопределяют формирование палеокультурного ландшафта. Особенно это проявляется на открытых просматриваемых территориях, где ландшафтные метки выполняют важную роль в упорядочении пространства и где высока визуальная

контактность. Сложнее выявление такого рода ландшафтных комплексов на лесных территориях, особенно при нанесении петроглифов на горизонтальные плоскости и более сокровенном характере их размещения. К ним относятся «Петроглифы Онежского озера и Белого моря», удостоившиеся включения в Список Всемирного наследия в 2021 г. Обосновывающие материалы по объекту были подготовлены Карельским научным центром РАН [5]. Номинационное досье не содержит намерений отнести объект к культурным ландшафтам, однако многие природные особенности, определившие его формирование, названы, поэтому можно говорить об использовании ландшафтного подхода для его выдвижения в Список.

Даже если претенденты не причисляются к категории культурных ландшафтов, использование ландшафтного подхода позволяет выявить, признать и сохранить гораздо более широкий спектр ценностей наследия, чем чисто культурологические основания [1; 7]. Очевидным примером использования ландшафтного подхода в ряду последних номинаций является храм Рудрешвара в Индии — отдельная единичная постройка, но уже в кратком резюме обозначено, что храм является интегральной частью местности, включая ее холмы, леса, водные объекты с водосборами, сельскохозяйственные земли — согласно дхармическим идеологии и практикам.

Таким образом, несмотря на отсутствие смешанных природно-культурных номинаций, несмотря на редкость упоминания культурных особенностей у природных номинируемых объектов, учет природно-культурных взаимодействий отмечен на более чем половине объектов культурного наследия в 2020–2021 гг. Это дает надежду на дальнейшее развитие междисциплинарности в отношении объектов Всемирного наследия в целом. Кроме того, подтверждается тезис о том, что культурный ландшафт — наиболее удачная методологическая конструкция для выявления и представления природно-культурных взаимосвязей и природно-культурного континуума наследия.

Список литературы

1. *Веденин Ю.А.* География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. М., 2018.
2. *Гайнутдинова А.Р.* Преодоление разобщения ценностей природы и культуры в международных инициативах по сохранению культурных ландшафтов // Наследие и современность. 2020. Т. 3, № 4. С. 18–33.
3. *Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты в списке объектов Всемирного наследия // Известия РАН. Серия географическая. 2007. № 3. С. 7–17.
4. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: СПб., 2004.
5. *Лобанова Н.В.* Петроглифы Онежского озера. М., 2015.
6. *Borrini-Feyerabend G., Dudley N., Jaeger T., Lassen B., PathakBroome N., Phillips A., Sandwith T.* Governance of Protected Areas: From understanding to action. Gland, 2013. (Best Practice Protected Area Guideline. Series No. 20). URL: <https://portals.iucn.org/library/node/29138> (дата обращения: 20.05.2021).

-
7. *Brown S.* Cultural landscapes. A practical guide for park management. Sydney, 2010.
 8. *Conserving at Least 30 % of the Planet by 2030. What Should Count?* [s. 1.], 2021.
 9. *Cultural and Spiritual Significance of Nature in Protected Areas: Governance, Management and Policy* / eds B. Verschuuren, S. Brown. Abingdon; New York, 2019.
 10. *De Marco L., Bourdin G., Buckley K., Leitão L., Thibault M., Wigboldus L.* Connecting Practice. Phase III. Final Report. [s. 1.], 2020.
 11. *Guidelines for Applying Protected Area Management Categories* / ed. N. Dudley. Gland, 2008.
 12. *Haraway D.* The companion species manifesto: dogs, people, and significant otherness. Chicago, 2003.
 13. *ICOMOS-IFLA Principles Concerning Rural Landscapes as Heritage/ GA 2017 6-3-1 – Doctrinal Texts.* Adopted by the 19th ICOMOS General Assembly. New Delhi, 2017.
 14. *IUCN-WCPA Task Force on OECMs. Recognising and reporting other effective area-based conservation measures* // Protected Area Technical Report Series no. 3. Gland, 2019.
 15. *Kuleshova M.E.* Cultural Landscapes, Their Position in the World Heritage List and Prospects for Representation of Russia // Regional Research of Russia. 2020. Vol. 10, no. 2. P. 260–271. URL: <https://doi.org/10.1134/S2079970520020082> (дата обращения: 20.05.2021).
 16. *Mcintyre-Tamwoy S., Badman T.* The CultureNature Journey from Honolulu, Hawaii, to Sydney, Australia: Reaching agreement on what's next? // Historic Environment. 2020. Vol. 32, no. 1. P. 70–86.
 17. *Naturecultures Dialogues.* [s. 1.], 2021.
 18. *Sacred Natural Sites: Guidelines for Protected Area Managers* / eds R. Wild, C. McLeod. Gland, 2008. (Best Practice Protected Area Guidelines Series. No. 16)
 19. *The Full Value of Parks: From Economics to the Intangible* / eds D. Harmon, A.D. Putney. Lanham, 2003. URL: <https://archive.org/details/fullvalueofparks0000unse/page/n7/mode/2up> (дата обращения: 20.05.2021).
 20. *The Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention* // UNESCO. URL: <http://whc.unesco.org/en/guidelines/> (дата обращения: 20.05.2021).
 21. *Verschuuren B., Mallarach J.-M., Bernbaum E., Spoon J., Brown S., Borde R., Brown J., Calamia M., Mitchell N., Infield M., Lee E.* Cultural and spiritual significance of nature. Guidance for protected and conserved area governance and management. Gland, 2021. (Best Practice Protected Area Guidelines Series. No. 32)
 22. *World Heritage List* // UNESCO. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/> (дата обращения: 20.05.2021).
-

Опыт изучения и восстановления культурных ландшафтов в Национальном парке «Угра»

Новиков Валерий Петрович – кандидат геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник, Национальный парк «Угра»; vp_novikov@mail.ru

Территория Национального парка «Угра» отличается ярко выраженным историко-природным содержанием и разнообразием культурных ландшафтов, рассматриваемых в качестве универсальных объектов охраны и использования. Среди них выделяются сельские, лесохозяйственные, усадебные, монастырские и иные культурные ландшафты. Наибольшее внимание уделяется восстановлению и музеефикации военно-исторических ландшафтов Великого стояния на Угре 1480 г., Заокской засечной черты XVI–XVII вв. и оборонительной линии «Угра-фронт» Великой Отечественной войны, которые имеют общенациональное значение.

Ключевые слова: Национальный парк «Угра», культурный ландшафт, военно-исторические ландшафты, Великое стояние на Угре, Заокская засечная черта, Великая Отечественная война.

Experience of cultural landscape research and revival in Ugra National Park

Novikov Valerii P. – PhD (Geology and Mineralogy), chief research officer, Ugra National Park; vp_novikov@mail.ru

The territory of Ugra National Park is distinguished by its strongly pronounced natural-historic essence and a wide variety of cultural landscapes, the latter being perceived as universal use and conservation targets. The most prominent among these landscapes are represented by rural areas, forested lands, farmsteads, monasteries and other cultural landscapes. Work is in process to restore and turn into museums the military-historic landscapes of the Great Stand on the Ugra River (1480), Oka River Felled-Tree Barrier (16th–17th c.) and the Ugra Frontline of the Great Patriotic War. These landscapes are of nationwide importance.

Keywords: Ugra National Park, cultural landscape, military-historic landscapes, Great Stand on the Ugra River, Oka River Felled-Tree Barrier, Great Patriotic War.

Национальный парк «Угра» образован Постановлением Правительства 10 февраля 1997 г. на площади 98,6 тыс. га; в границы парка вошли 53,4 тыс. га земель иных пользователей и 62 населенных пункта. В его составе выделены три основных участка по долинам р. Оки и ее левых притоков

Угра и Жиздра, а также три небольших кластера на водоразделах этих рек. В 2002 г. парк получил статус биосферного резервата ЮНЕСКО.

Значительная протяженность территории (более 200 км) обеспечивает большое разнообразие природных условий в границах парка. Занимая 5,1 % площади Калужской области, он охватывает около 90 % биологического разнообразия региона. Здесь насчитывается свыше 1150 видов сосудистых растений; 155 из них, а также 50 видов мхов, лишайников и грибов внесены в региональную Красную книгу. Из 339 видов позвоночных животных 86 включены в региональную (59 наименований) и российскую (27 наименований) Красные книги [9]. В составе парка – четыре ключевых орнитологических территории международного (2 ед.) и регионального (2 ед.) значения.

Национальный парк «Угра» по содержанию природно-исторический, и культурное наследие в его границах и охранный зоне отличается большим разнообразием. Здесь находится более 330 исторических объектов различных категорий: археологические памятники (139 ед.), церковные храмы (23 ед.) и монастыри (5 ед.), остатки дворянских усадеб (29 ед.), воинские захоронения и памятники (66 ед.), а также исторические поселения и памятники традиционного природопользования [19].

Практика охраны, изучения и использования природного и культурного наследия в национальном парке свидетельствует, что важнейшим ресурсом этого наследия, соединяющим обе его составляющие, служат культурные ландшафты – целостные территориальные комплексы, образовавшиеся в результате длительного взаимодействия между человеком и природой [8]. Культурные ландшафты, как продукт хозяйственного освоения природы на основе традиционных навыков и приемов, служат универсальной историко-природной характеристикой этого парка.

Изучение культурных ландшафтов национального парка началось в 2001 г. в процессе подготовки менеджмент-плана развития данной территории [7]. Особую роль сыграло участие в этой работе сотрудников Института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, в результате чего была предложена классификация культурных ландшафтов парка [4; 6]. В дальнейшем была выработана стратегия сохранения, поддержания и восстановления этих ландшафтов и определены ключевые для развития парка культурно-ландшафтные комплексы [5; 11]. Большое значение в реализации культурно-ландшафтного подхода в изучении и сохранении наследия Национального парка «Угра» имело его участие в проектах, поддержанных Европейским Союзом (2012–2016 гг.) – «Культурные ландшафты: традиции для развития» и «Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности». Все это позволяет рассмотреть некоторые примеры из опыта работы национального парка по сохранению, восстановлению и музеефикации отдельных культурных ландшафтов его территории.

По видам традиционного природопользования и формировавших их культур в национальном парке выделяется около 10 типов культурных ланд-

шафтов. Как правило, они редко фиксируются в виде «чистых» типологических разностей и чаще образуют определенные сочетания с преобладанием 1-2 типов, например: усадебно-заводской, аграрно-монастырский и т.п. В канву рассматриваемых ландшафтов органично вписываются практически все памятники истории и культуры, которыми располагает территория парка.

Типы культурных ландшафтов	Содержание, элементы
Крестьянский сельский (аграрный)	Села, деревни с полями, лугами, суходолами, лесами, водоемами, дорогами
Усадебный дворянский	Помещичий дом, хозяйственные постройки, парк, сад, пруд, аллеи, прилегающие угодья
Монастырский	Архитектурный ансамбль, скит, заповедная роща, святой источник, прилегающие угодья и села («монастырщина»)
Лесохозяйственный	Лесничества и кордоны, лесовозные дороги и лесосплавные реки, межевые просеки, питомники и лесопосадки, лесохимические промыслы
Исторический индустриально-заводской	Карьерные и шахтные разработки, заводская застройка, водохранилища и плотины, рабочие поселки
Патриархальный уездного города	Историческая планировка и традиционная застройка, купеческие дома и церковные храмы (Воротынский, Климов Завод)
Археологический	Концентрация древних стоянок, городищ, селищ, курганов
Военно-исторический	Места сражений и военных столкновений, нередко с сохранившимся рельефом войны

Преобладающим, фоновым типом культурного ландшафта является *крестьянский сельский*, развитый практически повсеместно. Системообразующими центрами такого ландшафта служат исторические поселения с сохранившейся традиционной планировкой, застройкой и хозяйственным укладом местного населения. В последние десятилетия этот тип ландшафта деградирует из-за упадка сельскохозяйственной деятельности, оттока деревенского населения и дачной застройки. Деятельность парка направлена на поддержание большинства видов сельскохозяйственных работ, формирующих этот ландшафт, в том числе в границах Залидовских лугов – крупного массива естественных луговых трав в пойме р. Угра (ил. 1). На основании многолетнего мониторинга растительного покрова с целью сохранения уникальной экосистемы лугов землепользователи проинформированы об оптимальных сроках сенокоса и выпаса скота в их границах [2]. Для населенных пунктов тер-

ритории разработаны и утверждены правила землепользования и застройки, учитывающие традиционную планировку и архитектурные стили домостроения [15]. Особое внимание уделяется специфическим ландшафтам исчезнувших в годы Великой Отечественной войны поселений и связанным с ними древним дорогам. В таких местах устанавливаются памятные знаки, а вдоль старейшего в средней России транспортного Гжатского тракта (XVII–XIX вв.) проложен туристский маршрут, а также создан музей истории этой дороги [1].

С сельским тесно связаны усадебный и монастырский ландшафты, но они имеют локальное распространение. *Усадебный* ландшафт давно лишился живой дворянской культуры, и его отголосками являются остатки дворцовых и парковых комплексов. С участием волонтеров на средства именных фондов бывших владельцев восстанавливаются некоторые усадебные парки и связанные с ними архитектурные формы [11] (ил. 2). К отдельным дворянским усадьбам тяготеют исторические *заводские* ландшафты: остатки каменоломен (д. Шамордино на р. Высса), плотин и водоводов полотняной (д. Коноплевка), а также винокуренной и парусной (с. Климов Завод) фабрик. С начала XX в. и поныне существует стекольный завод и рабочий поселок, основанный князем А.Д. Оболенским у р. Жиздра. Горнозаводские объекты и соответствующие им ландшафты советского периода представлены наземными сооружениями бывших угольных шахт в районе г. Сосенского, а также заброшенными известняковыми карьерами и торфоразработками на различных участках парка.

В отличие от усадеб монастыри с их яркими архитектурными формами и пейзажной выразительностью, как и *монастырская* культура в целом, успешно возрождаются (ил. 3). В границах парка находятся пять монастырей, и с каждым из них сложилось плодотворное сотрудничество, направленное на благоустройство окружающих ландшафтов, создание мемориалов и музейных экспозиций, празднование исторических дат и юбилеев. Вместе с монастырскими общинами организуются тематические лектории по краеведению, детские художественные и литературные конкурсы по истории края.

Лесохозяйственный ландшафт объединяет старые лесничества, кордоны, лесопосадки, лесохимические промыслы и иные перерабатывающие производства. В начале XX в. под г. Козельском было организовано Грязненское лесничество, в усадьбе которого сохранились лиственничные аллеи, а в окружающих широколиственных лесах — культуры дуба в возрасте более 100 лет и заброшенные лесовозные дороги. Данное лесничество, поставлявшее ценную древесину (кроме дуба — ясень, клен, липа), стало центром крупного лесопромышленного района, в который были вовлечены все окрестные села. Здесь производились различные строевые материалы, детали тележных колес и упряжи, работали бондарный, кровельный и паркетный цеха. В инфраструктуру лесопереработки входила также Данково-Смоленская железная дорога (открыта в 1904 г.) со станцией Киреевской, откуда вывозилась готовая продукция. Киреевский лесопромышленный узел функционировал и после

1917 г.; во время Великой Отечественной войны здесь изготавливали детали боевых самолетов (части фюзеляжей, пропеллеры) и оружейные приклады [12].

Среди *археологических* памятников национального парка присутствуют стоянки, поселения, городища, селища и курганные могильники от мезолита до позднего Средневековья [19]. Уникальный пример сочетания природных и исторических ценностей демонстрирует скальный останец Чертова Городища — культовый объект времени славянского освоения (IX–XI вв.) бассейна верхней Оки. Этот объект, обустроенный национальным парком в первые годы его существования, по опросам общественного мнения, вошел в число «семи чудес» Калужского края. В долинных ландшафтах р. Угра особенно эффектны мысовые городища раннего железного века (VII в. до н.э. — II в.). В большинстве своем они изучены раскопками и используются для экскурсий. Одно из них служит примером неординарной музеефикации: на площадке городища в д. Никола-Ленивец мастерами современного лэнд-арта воссоздано древнее капище с деревянными идолом и жертвенными животными, развешанными вокруг на деревьях (ил. 4). Такая своеобразная реконструкция археологического ландшафта стала одной из главных достопримечательностей этого весьма популярного места, собирающего большие потоки туристов.

Наиболее важными, ключевыми для территории национального парка являются *военно-исторические* ландшафты, связанные с местами крупных сражений и войн в российской истории. Эти ландшафты тяготеют к долинам основных рек, которые в разные периоды были границами этно-племенных и удельно-государственных образований, а во время военных конфликтов выполняли роль естественных природных препятствий, становясь порою непреодолимыми барьерами и рубежами длительных противостояний [20].

Военные действия на рассматриваемой территории охватывают широкий возрастной интервал: от половецких набегов до кровопролитных боев Великой Отечественной войны. Военно-исторические ландшафты представлены здесь в основном памятными местами тех или иных порубежных конфликтов и битв, и наиболее древние из них по большей части являются ассоциативными. Относительно недавние военные события середины XX в. сохранили прямые свидетельства боев — рукотворный рельеф войны в виде остатков фортификационных и иных сооружений. Основные методы сохранения, восстановления и использования полей сражений и битв — их мемориализация и музеефикация, в результате чего они приобретают новое качество, становясь музейно-мемориальными ландшафтами. К их числу относятся ландшафты Великого стояния на Угре 1480 г., Заокской засечной черты Московского государства XVI–XVII вв. (Козельские засеки) и оборонительная линия «Угра-фронт» Великой Отечественной войны 1942–1943 гг. [13].

Великое стояние на Угре — итог почти полугодовой военной кампании, в которой столкнулись стратегические планы хана Большой орды Ахмата и Ивана III — Великого князя Московского. Финалом ее стало шестинедель-

ное стояние на р. Угра в октябре – ноябре 1480 г., состоявшее из ряда боевых столкновений, переговоров враждующих сторон, разорения ордынцами правобережной (польско-литовской) части Поугорья и отхода войск от реки. Фактически здесь свершилось освобождение Московской Руси от почти 250-летнего татаро-монгольского ига и положено начало формированию единого и независимого Российского государства.

Стояние растянулось на 60 верст вдоль Угры, где хан Ахмат неоднократно пытался преодолеть эту водную преграду, но каждый раз терпел поражение. Сейчас данная территория целиком входит в границы национального парка и хранит большое количество памятных мест в историческом ландшафте: участки сражений, речные броды, старые дороги и летописные городища [17]. Наиболее значимым в этом ряду является поле 4-дневного генерального сражения 8–11 октября 1480 г. в обширной Дворцовско-Залидовской пойме Угры, где на разных берегах располагалась татарская конница и русская рать. Судьба этого сражения, бесславно проигранного Ахматом, решалась на бродах благодаря применению русскими огнестрельного оружия (первый опыт использования артиллерии в полевом бою). Подтверждением состоявшейся битвы и длительного пребывания здесь ордынцев служат многочисленные топонимы, а также местные предания.

Усилиями Национального парка «Угра» были предприняты первые шаги по мемориализации этого поля битвы. В 2002 г., во время многодневного крестного хода «От Куликова поля к Великому стоянию на Угре», у с. Дворцы (где находилась ставка русского ополчения) был освящен Памятный крест, а в 2013 г. на берегу р. Угра установлен памятный камень и впервые организована историческая реконструкция этой битвы. На Залидовских лугах (где стояло Ахматово войско) сооружены видовые площадки (ил. 1), а на четырех мысовых городищах – свидетелях стояния, оборудованы лестничные подьемы и информационные щиты для экскурсий. На городище древнего Опакова, у которого ордынцы предприняли одну из попыток форсирования Угры, археологическими раскопками была вскрыта каменная сторожевая башня времени польско-литовского порубежья. В последние годы Дни памяти Великого стояния и связанные с ними народные гуляния стали уже традиционными. Во Владимирском скиту Свято-Тихонова монастыря открылась диорама, посвященная этому событию, а на центральной площади г. Калуги установлен памятник Ивану III – «государю, объединившему русские земли вокруг Москвы и покончившему с ордынским игом».

Козельские засеки как часть Заокской засечной черты представлены на Жиздринском участке национального парка. Засечная черта – мощный оборонительный рубеж, созданный в XVI–XVII вв. вдоль южных окраин Московского государства для защиты от набегов со стороны Крымского ханства. Черта представляла собой охраняемую полосу естественных препятствий (лесов, рек, болот, оврагов), которая в уязвимых местах дополнялась искусственными сооружениями: насыпными валами, рвами, бревенчатыми загра-

ждениями, деревянными городками-крепостями. Одним из важных элементов такой полосы были лесные завалы-засеки, защищавшие опушечные и придорожные участки от вражеской конницы. Засечная черта – уникальный памятник военной фортификации, не имеющий аналогов в мировой истории; нередко ее сравнивают с Великой китайской стеной, разделявшей два типа цивилизаций: оседлую земледельческую и степную кочевническую [21].

Заокская черта протягивалась до Рязани на расстояние свыше 600 км, а ее козельский отрезок проходил по правобережью р. Жиздра. Лесной массив шириной 3–5 км на этом участке сохранился практически в тех же границах, что и в Средневековье (ил. 3). В составе парка на отрезке Столпицкой засеки до сих пор присутствуют реликты ясеневых дубрав, возраст которых достигает 200–250 лет; местами здесь прослеживаются межевые рвы и валы, отмечавшие границы засечного леса. Установлено местоположение Столпицкой крепости, охранявшей у д. Красный Клин древний путь из г. Белева в Козельск. Кроме нее вдоль дороги располагалась протяженная полоса заграждений, состоявшая из надолбов, острогов, различных ворот и колод. К концу XVII в. Заокская черта утратила свое стратегическое значение, и фортификационные сооружения в ее пределах с той поры уже не подновлялись.

Результатом изучения засечной черты стала организация в национальном парке Музея истории Козельских засек и натурной экспозиции, демонстрирующей отдельные элементы заграждений Столпицкой крепости [18]. В Березичском лесничестве парка с момента его организации проводится планомерное восстановление старовозрастных широколиственных лесов засечной черты [3].

Среди военно-исторических ландшафтов территории парка наиболее полно и выразительно представлен период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг. Здесь, как нигде в Средней России, хорошо сохранился первичный рельеф войны, отмеченный линиями окопов и траншей с колючей проволокой, огневыми точками, фрагментами бомбоубежищ и землянок, воронками от снарядов, остатками наблюдательных и командных пунктов, полевых аэродромов и рокадных дорог, урочищами в местах сожженных и разрушенных деревень. В массовом количестве подобные следы боевых действий, сопровождающие их братские могилы и отдельные захоронения, наблюдаются по р. Угра выше г. Юхнова (ил. 5).

«Угра-фронт» – эта территория выступает как единое поле битвы с момента оккупации ее войсками вермахта до освобождения Красной Армией в ходе второй Ржевско-Вяземской операции. Начало военных действий ознаменовалось здесь ожесточенными боями 5–7 октября 1941 г. у переправы через Угру на Варшавском шоссе, где немцы были задержаны отрядом парашютистов-десантников И.Г. Старчака и присоединившимися к ним подольскими курсантами. Активные боевые действия в районе Юхнова возобновились во время Московской битвы с января по апрель 1942 г. После

неоднократных попыток частям Красной Армии удалось взять Юхнов 5 марта, но затем они были остановлены на речном рубеже Ресса – Угра – Воря. На этой оборонительной линии протяженностью более 70 км, заранее укрепленной немцами и получившей название в их оперсводках “Ugra-stellung” («позиция-Угра»; в данной статье – «Угра-фронт»), было захвачено лишь три небольших плацдарма, удерживаемых в том числе для вывода окруженных под Вязьмой дивизий 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. Упорные позиционные бои, сопровождавшиеся вылазками разведывательно-диверсионных групп, контратаками, массированными артобстрелами и бомбежками, продолжались на Угре и ее притоках до марта 1943 г. В полосе боев исчезло и не возродилось более 40 деревень. После отступления гитлеровских войск на левобережье р. Угра, в окрестностях д. Козловки располагался командный пункт Западного фронта, который 3–4 августа посетил Верховный главнокомандующий И.В. Сталин. На этом пункте планировались летне-осенние наступательные операции фронта: Орловско-Курская и Смоленская.

В 2004 г. в Национальном парке «Угра» была принята специальная программа изучения и использования наследия Великой Отечественной войны. Основная ее цель – оборудование объектов и экскурсионных троп, которые могли бы показать своеобразие и раскрыть познавательные возможности отдельных памятников военного времени, а также целостных событийных военно-исторических ландшафтов. Работы по мемориализации и музеефикации в итоге затронули весь комплекс наследия: от сохранившегося рельефа войны до памятных мест в их совокупности и тесной взаимосвязи [16]. Восстановление и реконструкция большинства фортификационных сооружений производились в местах их первоначального нахождения (*in situ*) на основе документальных источников (архивы, мемуары) с использованием соответствующих строительных материалов. При этом выполнялась ретроспективная оценка изменений исторического ландшафта за послевоенный период и учитывались военно-тактические свойства местности, оказывавшие значительное влияние на организацию и содержание боевых действий [10]. Для усиления эффекта восприятия военно-исторического ландшафта на экскурсионных тропах устанавливались муляжи орудий и пулеметов, бетонные «колпаки» ДОТов; на фундаментах деревенских домов сооружались макеты сожженных изб и разрушенных печей; в реконструируемых блиндажах, землянках и наблюдательных пунктах воспроизводились соответствующие интерьеры с мебелью, обмундированием и оружием. Восстановление объектов наследия с сохранением их аутентичности и минимально необходимым экскурсионным обустройством позволило посетителям погружаться в реальную историческую среду, представить и увидеть жестокий лик войны, что невозможно заменить никакими символами и знаками.

С 2005 г. в границах юхновского участка парка оборудовано пять военно-мемориальных троп, которые сегодня входят в состав ландшафтного музея под открытым небом «Угра-фронт» [14] (ил. 5). Эти тропы демонстрируют

разновременные и удаленные друг от друга участки боевых действий, а также фрагменты прифронтовых коммуникаций. Все они характеризуются единым подходом к сохранению военно-исторического ландшафта, сходным навигационным оборудованием и обустройством пеших и веломаршрутов. На зеленых в послевоенное время участках для сохранения визуальных связей в историческом ландшафте созданы специальные «окна» и «коридоры», а также оборудованы видовые точки.

Тропы «Павловский плацдарм» и «Суковский плацдарм» показывают участки советских плацдармов на правом берегу р. Угра на месте полностью (Павлово) или частично (Суковка) исчезнувших деревень. Принципиальное различие между этими тропами состоит в том, что в Павлово проведена преимущественно реставрация сохранившегося рельефа войны с дополнениями в виде площадки и укрытия для орудия, обгоревших деревенских изб, воссозданного блиндажа и наблюдательной вышки, а также обшивки окопов и траншей деревом (ил. 6). На памятном месте Суковского плацдарма, целиком спланированного в послевоенные годы под сельхознужды, выполнена историческая реконструкция некоторых фортификационных сооружений (оборонительный дерево-земляной вал и окопы с огневыми точками), а также построены смотровые площадки.

На тропе «Русиновский берег» восстановлен фрагмент передового окопа немецкой оборонительной линии 1942–1943 гг., а на противоположном берегу р. Угра показаны заградительные сооружения бывших позиций Красной Армии (ил. 7). В немецком тылу реконструирован офицерский блиндаж, а на месте бывшей деревни, где происходили основные бои – наблюдательный пункт с рабочим помещением и вышкой. На Павловском (Лукановском) аэродроме сохранилось обширное (2×1 км) летное поле, где в 1941 г. базировались тяжелые бомбардировщики ТБ-3, а в 1943 – пикировщики Пе-2. Вдоль опушки леса здесь фиксируется свыше двух десятков земляных капониров (укрытий) для пикирующих бомбардировщиков.

Тропа «Командный пункт Западного фронта» находится в лесу, где этот пункт управления был создан в 1943 г. на площади более 150 га. В его границах размещалось около 20 рубленых и щитовых домов для генералитета и порядка 200 подземных сооружений, котлованы от которых сохранились до нашего времени. По архивным чертежам здесь восстановлен один из блиндажей узла связи, жилая землянка, противоосколочная щель, укрытие с автомобилем и пушкой, а также фрагмент необычной «колейной» автодороги, высланной досками (ил. 8). По соседству в заново отстроенном генеральском доме в 2020 г. открылся Музей командного пункта, один из разделов которого посвящен визиту И.В. Сталина накануне Смоленской операции фронта. Помимо создания сети военно-мемориальных троп, в Юхновском районе заложены традиции новых военных праздников, во время которых на Павловском плацдарме с участием исторических клубов проводятся реконструкции боев на Угре. Они собирают

жителей окрестных сел и многочисленных гостей, среди них присутствуют и ветераны войны.

В России всегда поддерживались традиции почитания ратных подвигов наших предков. И в этом отношении роль и значение военно-исторических ландшафтов трудно переоценить — они служат воспитанию патриотизма и любви к Отечеству.

Национальный парк «Угра» отличается ярко выраженным историко-природным содержанием и разнообразием культурных ландшафтов. Неразрывная связь природных и культурно-исторических ценностей позволяет рассматривать эту категорию наследия в качестве универсальной в охране и управлении ресурсами данной территории. Сопряженная и гармоничная эволюция природы и человеческой культуры, запечатленная в культурных ландшафтах, дает возможность целостной и объективной оценки истории, что необходимо для сбалансированного и устойчивого развития любого социума.

Среди культурных ландшафтов территории парка «Угра» приоритетными для восстановления и использования являются военно-исторические. Они наиболее представительны в хронологическом отношении (от Средневековья до современности), а связанные с ними события имеют исключительное значение для истории страны. Кроме того, эти ландшафты включают в себе мощное патриотическое начало, одинаково важное для светско-гражданской и церковно-религиозной сторон жизни общества. Военно-исторические ландшафты, мемориалы и музеи не только сохраняют память о погибших — это места, где можно подумать о судьбах целых поколений и понять, что подобное не должно повториться.

Национальный парк сегодня выполняет роль проводника идей охраны и восстановления культурных ландшафтов в регионе. Ограничивая до известной степени возможности природопользования в своих пределах, он одновременно защищает права местного населения на владение историко-культурным наследием и возрождение традиционных культурных ценностей, а также право проживания в экологически эксклюзивной среде. Понимание обществом важности такой миссии приходит не сразу, но сейчас это становится очевидным. Возрастающий рейтинг уважения к национальному парку — не только показатель успешности проводимой политики, но и в определенном смысле залог устойчивого развития этой территории.

Список литературы

1. *Васильева Е.И.* Программа по изучению и сохранению традиционной культуры и ландшафтов исчезнувших поселений в НП «Угра»: опыт реализации // Историко-культурное наследие и природное разнообразие: опыт деятельности охраняемых территорий. Смоленск, 2007. С. 202–205.

2. *Гордеева Т.А.* Сохраняя особенности сельских ландшафтов национального парка «Угра» // Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию. М., 2013. С. 129–137.

-
-
3. *Гришенков В.А.* Реставрация широколиственных лесов бывшей Заокской засечной черты в национальном парке «Угра» // *Природа и история Поугорья*. Вып. 6. Калуга, 2011. С. 76–82.
 4. *Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты национального парка «Угра» // *Природа и история Поугорья*. Вып. 2. Калуга, 2001. С. 106–109.
 5. *Кулешова М.Е.* Культурные ландшафты национального парка «Угра»: стратегия действий // *Природа и история Поугорья*. Вып. 5. Калуга, 2009. С. 230–241.
 6. *Кулешова М.Е., Ведерникова Н.М.* Национальный парк «Угра»: культурные ландшафты и духовное наследие. Калуга, 2001.
 7. *Кулешова М.Е., Новиков В.П., Массалитина Г.А.* Менеджмент-план как инструмент сохранения культурных ландшафтов (на примере национального парка Угра) // *Культурный ландшафт как объект наследия*. М.; СПб., 2004. С. 549–575.
 8. *Культурный ландшафт как объект наследия* / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.; СПб., 2004.
 9. *Национальный парк «Угра»* / под ред. В.П. Новикова. Калуга, 2021.
 10. *Новиков В.П.* Ландшафтный подход в сохранении наследия Великой Отечественной войны в национальном парке «Угра» // *Наследие и современность*. 2020. Т. 3, № 4. С. 73–92.
 11. *Новиков В.П.* Некоторые итоги работы национального парка «Угра» по сохранению, восстановлению и музеефикации культурных ландшафтов // *Природа и история Поугорья*. Вып. 7. Калуга, 2013. С. 227–235.
 12. *Новиков В.П.* Памятники традиционного природопользования в национальном парке «Угра» // *Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья*. Вып. XVI. Калуга, 2015. С. 456–460.
 13. *Новиков В.П.* Память Земли. Ландшафт как свидетельство и как объект мемориализации // *Сельские культурные ландшафты: рекомендации по сохранению и использованию*. М., 2013. С. 157–169.
 14. *Новиков В.П.* Перспективы формирования и развития ландшафтного военно-мемориального музея «Угра-фронт» // *Российские рубежи: реки Угра и Жиздра в истории военных противостояний*. Калуга, 2015. С. 178–189.
 15. *Новиков В.П.* Традиционная архитектура в сельском культурном ландшафте национального парка «Угра» // *Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности*. [б. м.], 2015. С. 118–126.
 16. *Новиков В.П., Коваленко А.С.* Музеефикация полей сражений Великой Отечественной войны в национальном парке «Угра» // *Природа и история Поугорья*. Вып. 6. Калуга, 2011. С. 262–268.
 17. *Новиков В.П., Массалитина Г.А.* Памятные места Великого стояния. Калуга, 2013.
 18. *Новиков В.П., Сухоруков С.А.* Новая реконструкция Столицких ворот натурной экспозиции Музея Козельских засек // *Природа и история Поугорья*. Вып. 9. М., 2018. С. 135–144.
 19. *Памятники истории и культуры национального парка «Угра»* / под ред. В.П. Новикова. Калуга; Тула, 2014.
 20. *Российские рубежи: реки Угра и Жиздра в истории военных противостояний*. Калуга, 2015.
 21. *Рябов С.А.* Здесь государевым «украинам» было бережение. Российское пограничье – особый объект культурного и природного наследия. М., 2007.

Онежское Поморье: новые итоги обследования культурных ландшафтов Русского Севера и Арктики в контексте исторической памяти (2018–2020 гг.)¹

Пермиловская Анна Борисовна – доктор культурологии, академик Академии Архитектурного наследия, заведующая, главный научный сотрудник, Научный центр традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; annaperm@fciarctic.ru

В статье представлено новое комплексное обследование исторических поселений Онежского Поморья (Ворзогоры, Пурнема, Малошуйка), в ходе которого выявлены особенности планировки, топонимы, исторические предания, обследованы культовые ансамбли («тройки»), жилище, хозяйственные постройки. Поселения являются примерами сохранившегося субарктического морского культурного ландшафта. Даны рекомендации по его сохранению, использованию, ревалоризации, определена возможная категория охраны, выявлены новые памятники деревянного зодчества Арктической зоны Российской Федерации.

Ключевые слова: культурный ландшафт, деревянное зодчество, историческая память, историческое поселение, Русский Север, Арктика, Онежское Поморье.

Onega Pomorie: Survey-based updates on the Northern Russian and Arctic cultural landscapes in the context of collective memory (2018–2020)

Permilovskaia Anna B. – Dr. Sci. (Cultural Studies), member of Architectural Heritage Academy; chief research officer, head of the Center for Indigenous Culture Research and Museum Practice, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; annaperm@fciarctic.ru

The paper presents the recent comprehensive survey of the historical settlements in Onega Pomorie (Vorzogory, Purnema, Maloshuika). The survey has as its out-

© Пермиловская А.Б., 2022

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме № 122011300471-0 «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике».

comes the descriptions of the settlement layout, place-names, epic tales, religious architecture ('three-piece' design), housing, and outbuildings. The settlements under study represent examples of the surviving cultural landscape of subarctic coast. Recommendations are given for their protection, management, and revalorization. Possible protection category is determined, and new monuments of the Russian Arctic wooden architecture are identified.

Keywords: cultural landscape, wooden architecture, collective memory, historical settlement, Russian North, Arctic, Onega Pomorie.

Теоретико-методологическим основанием исследования в соответствии с его междисциплинарным характером послужил ряд методов: системный, историко-типологический, культурно-исторический, социокультурный, этно-культурологический, архитектурно-искусствоведческий. В работе используется эмпирический материал, анализ архивных и музейных источников памятников в экспозициях музеев под открытым небом и *in situ* в Архангельской и Вологодской областях, Республике Карелия, федеральных и региональных музеев. Историко-архивный метод и метод музейных практик использован при работе в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) и фондах региональных музеев: Онежского историко-мемориального музея, Музея народных промыслов и ремесел Приморья (Архангельская обл.), Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Государственного исторического музея, Государственного музея архитектуры имени А.В. Щусева, Государственного института искусствознания (Москва), общественных музеев поселений Онежского района.

В процессе работы использовались методы этнографического интервью; архитектурно-этнографического исследования памятников архитектуры, исторических поселений с проведением фотофиксации и схематических обмеров. Исследование опирается на применение авторской методики А.Б. Пермиловской с использованием архитектурно-этнографического обследования деревянного зодчества. Благодаря данной методике обеспечивается получение достоверных и научно значимых сведений по различным аспектам, включая информацию о конструктивных элементах, приемах и правилах строительства из дерева, типологии, истории памятника. Методика апробирована в 40 экспедициях и опубликована в учебном и научно-справочном пособиях. Подготовлен библиографический указатель по 168 исследованным и опубликованным памятникам деревянной архитектуры, этнографии, народного искусства [1, с. 23–39, 80–90].

На Севере именно природный ландшафт определил направление колонизационных потоков, тип расселения, планировку поселений. Предпочтение отдавалась рекам, игравшим роль основных транспортных артерий края. Для Русского Севера наиболее характерен гнездовой тип расселения, при котором поселения располагаются не в одиночку, а группами, что отражено в создании известных архитектурно-природных ансамблей. Условия истори-

ческого развития северных территорий привели к своеобразной консервации реликтового крестьянского ландшафта, который является объектом российского и мирового культурного наследия. В мировой практике территория наследия — это территория, ограниченная географическими и этнографическими параметрами, где сохранились объекты историко-культурного наследия, не всегда верифицированные как таковые, сконцентрированные в силу многих причин и вопреки вмешательству техногенных сил в определенной степени изоляции. Русский Север сохранил именно такие специфические ареалы с определенными старинными артефактами и является особой территорией наследия.

Сельский культурный ландшафт в изучаемом нами аспекте — это система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную деятельность, язык, духовную культуру [14]. Архитектурно-пространственная организация сельских исторических поселений Русского Севера и Арктики как целостного единства является важнейшим элементом адаптации этноса через народную архитектуру в процессе приспособления к природно-географическим, климатическим условиям среды обитания.

Поморы — это русскоязычная группа этноса (субэтнос), заселившая с XII в. берега Белого и Баренцева морей. Северные моря кормили поморов. Именно Белое море в данных условиях сыграло структурирующую роль в этногенезе (ил. 1). Нужно отметить, что не случайно в XVI–XVII вв. весь Русский Север назывался «Поморьем», «Поморским краем». Слово «помор» впервые появилось в 1526 г. в летописи: «Поморцы с моря Окияна, из Кандоложской губы». В контексте понятия «Поморье» термин «поморы» получил тройственное значение: население, проживающее на территории Беломорского побережья от Онеги до Кеми, население всего Беломорского побережья, население Русского Севера [9, с. 200, 317]. Современное Поморье в административно-территориальных рамках — это Архангельская и Мурманская области, Ненецкий автономный округ, Карелия, имеющие выходы к Белому, Баренцеву и Карскому морям [10, с. 101]. Основные поморские поселения расположены вдоль побережья в устьях рек, впадающих в Белое море. Поморы «выработали бесценный опыт выживания и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях Крайнего Севера. Поморская культура — русский вариант морской культуры в Арктике» [15, с. 362]. Поморье — часть Русского Севера, расположенная на островах и побережье Белого моря. Оно состоит из семи берегов: Терского, Кандалакшского, Карельского, Поморского, Онежского, Летнего, Зимнего. Исследуемая территория располагается в природных зонах северной тайги и тундры, а также в субарктическом природном географическом поясе, который характеризуется коротким прохладным летом с переменной погодой, холодными продолжительными зимами с сильными ветрами [6].

Географические рамки исследования ограничены территорией Онежского Поморья. Оно относится к территории, простирающейся по морскому побережью Онежской губы, от р. Онеги до р. Кемь (Поморский берег), а также от р. Онеги до мыса Ухт-Наволок (Онежский берег) — территории, тесно связанной с г. Онегой как с торговым и экономическим центром. Таким образом, можно говорить о том, что в Онежское Поморье целиком входит вся прибрежная полоса земли Онежского района Архангельской области. Онежский район, согласно Указу Президента РФ от 2 мая 2014 г. № 296, входит в состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации.

В исследовании в качестве «case study» выступили сельские поселения Онежского Поморья. Научная работа и финансирование проходило по теме НИР ГЗ (руководитель — А.Б. Пермиловская, 2018–2021 гг.) и трех грантов: РФФИ (руководитель — А.Б. Пермиловская, 2018–2020 гг.); «Молодые ученые Поморья» (руководитель — А.А. Усов, 2019 и 2021 гг.).

Сложность адаптации к местным климатическим условиям зависит от сезонности погоды, ее изменчивости, которая, в свою очередь, почти целиком зависит от моря: его течений, атмосферных явлений, розы ветров. Характеристику природного ландшафта Онежского Поморья дала в своих трудах Т.А. Бернштам: «Большая часть южного берега [Белого моря] — Поморского, от р. Кемь до р. Онеги, низменная, отдельные гранитные утесы встречаются только в районе Кеми; огромные пространства заболочены или покрыты сосновыми или еловыми лесами. Группы скалистых островов (шхер) вдоль побережья хорошо защищают прибрежные участки Онежского залива от штормовых северных ветров. Онежский полуостров представляет собой в целом заболоченную волнистую равнину с островами еловых лесов на моренных холмах и грядах (“Летние горы” на северо-западе полуострова). Равнина довольно круто спускается к нешироким приморским низинам с песчано-глинистыми возвышенностями, перемежающимися лугами (“лайдами”); такой ландшафт особенно характерен для Онежского берега, протянувшегося от устья р. Онеги до мыса Ухт-Наволок» [4, с. 37–38].

Село Пурнема. Это поселение наиболее интересно своим историко-природным ландшафтом. Оно расположено в северной части Онежского берега Белого моря и на левом берегу в устье р. Пурнема. Село находится на расстоянии 103 км к северу от г. Онеги. Название поселения восходит к угро-финскому языку и в переводе означает «олений мыс»: «пурр» — *хороший, добрый*, т.е. удобное, хорошее место на мысу [11, с. 133]. Планировка поселения — прибрежно-рядовая, окна домов ориентированы на реку и «на лето». Природный ландшафт местности характеризуется высокой живописной береговой линией, песчаными возвышениями, покрытыми традиционной северной растительностью — брусничником, можжевельником, вереском, соснами, елями и березняком. Традиционно для Онежского Поморья село состоит из двух деревень: Верховье и Низ, которые разделены глубоким оврагом. Впервые Пурнема упоминается в 1562 г. в связи с наличием там церк-

ви Св. Николая [19, с. 129]. Население Пурнемы, как и других поморских поселений, занималось речным и морским рыбным промыслом, добычей морского зверя и солеварением. В XVI–XVII вв. здесь находились солеварни («варничные места»), рыбные тони, пашни, лесные угодья и иные земельные владения. Пурнема была вотчиной Соловецкого монастыря.

Пространственная организация села строилась вокруг погоста, в состав которого входили две церкви, колокольня, роща, церковно-приходская школа, амбар-магазея, два кладбища — для священников (около алтаря Никольской церкви) и для местных жителей (на Никольское поле), кладбищенская часовня. В структуре поселения было несколько поклонных крестов. До 1930-х гг. здесь находился культовый ансамбль, состоявший из зимней и летней деревянных церквей, и колокольни. На сегодняшний день сохранился только храмовый комплекс из двух деревянных церквей: шатровой Никольской и Христорожественской, построенной «по плану и фасаду». Колокольня (1775 г.) утрачена², но ее облик в составе архитектурного ансамбля реконструировал в своем исследовании Ю.С. Ушаков [12, с. 4; 21, с. 61] (ил. 2).

Важнейшим композиционным, социальным и духовным центром исторических северных поселений являлся храмовый комплекс — архитектурная доминанта, выполнявшая важнейшую функцию организации пространства. Храм был своеобразным маяком. Второй вертикалью была колокольня. С ее площадки звона можно было видеть море и корабли. Храмовый комплекс служил ориентиром для моряков (ил. 3). В старых поморских лодциях встречаются указания, как держать курс, ориентируясь на створ (линию) береговых церквей. Никольская шатровая церковь относится к храмам «восьмерик на четверике» с просторной трапезной и галереей-папертью. У храма необычный алтарный прируб в форме двускатной кровли с «воротником» из полиц, такой же изящный «воротник» расположен у основания шатра и утраченной колокольни. Храм украшен кокошниками с прорезными гребнями на коньках килей, причелинами, охлупнем. Церковь построена в 1645–1648 гг. (другая возможная дата постройки — 1618 г.). Рядом стоящая церковь Рождества Христова (ил. 4) возведена в 1861 г. по «типовому проекту» [22], в настоящее время находится в руинированном состоянии³ «вторая на оном месте»⁴.

Село Пурнема относится к приморско-приречному подтипу заселения, т.к. основано не только на морском побережье, но и одновременно в устье реки; и характеризуется прибрежно-рядовой формой застройки [21]. Длина

² Шармин П.Н. Паспорт Погоста с. Пурнема нач. XVII – втор. пол. XVIII вв. Онежского р. Архан. обл., 1992 // Архив Научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Архангельской области (г. Архангельск). Ф. 1. Оп. 1. Д. 544. Л. 1–3.

³ Архив Научного центра традиционной культуры и музейных практик (далее — НЦ ТКМП). 2020. С. 35–54.

⁴ ГААО. Ф. 463. Оп. 1. Д. 42. Л. 3. — Все данные ГААО здесь и далее по тексту приводятся из НЦ ТКМП.

поселения, растянувшегося по берегу реки, составляет около 2 км, оно состоит из двух деревень: Верховье и Низ. Окна главных фасадов домов обращены на южную сторону, реку и море и имеют хорошее освещение. Для Пурнемы характерен комплекс дома-двора типа «брус» с высоким подклетом. Жилая часть — четырехстенки, изредка встречаются пятистенки с 3–6 окнами по главному фасаду⁵. Сбор и систематизация данных позволяют рекомендовать для постановки под охрану историческое поселение Пурнема как достопримечательное место муниципального уровня с выявленными памятниками архитектуры: 1) церковь Рождества Христова (1861 г.); 2) дом-двор Е.А. Бровкова (д. Низ, конец XIX — начало XX в.) — четырехстенки, «брус», на высоком подклете. В качестве объектов туристического показа, имеющих историко-культурную ценность, рекомендуются: 1) дом-двор Бровковых, 2) дом-двор К.З. Суханова, 3) дом-двор Бровковых-Сидоровых. Все три дома также расположены в д. Низ и датируются концом XIX — началом XX в.

В д. Низ также расположены три дома-двора: Бровковых; К.З. Суханова; Бровковых-Сидоровых. Они датируются концом XIX — началом XX в.

Село Малошуйка. Малошуйский приход был образован в XVII в. под названием «Шуйская монастырская волость», которая ранее принадлежала Кожезерскому монастырю. Село расположено на бывшем Онежско-Кемском почтовом тракте, в 5 км от берега Онежской губы Белого моря. Поселение стоит на двух берегах, в излучине р. Малошуйка. Происхождение названия местные жители связывают с принадлежностью этих земель Василию Шуйскому, а также с «расположением деревень по левую сторону реки Малой Шуйки — “ошуя”», и тем, «что Шуйка бежит “шумко”, т.е. быстро» [11, 111–212]. Большинство жителей делят поселение на три части: Верховье и Низ (ранее д. Вачевская и Абрамовская соответственно) [2] на правом берегу реки и Заречье на левом. В XIX в. части поселения на разных берегах были связаны мостом «на козлах» со стороны д. Низ. Через него проходил Онежско-Кемский почтовый тракт. В начале XX в. были установлены два моста на «ряжах». До наших дней сохранился мост, связывающий д. Верховье и Заречье. Рельеф местности, занятой жилой застройкой, — низменно-равнинный, но в границах поселения встречается несколько возвышенностей, что нашло отражение в топонимике: г. Крестовуха, г. Чуйнака, г. Калиновка и др. Склоны этих холмов не застраивались, но каждый из них играл важную роль в формировании сакрального ландшафта поселения. На них устанавливались утраченные к настоящему времени деревянные обетные кресты [18, с. 78]. На одной из таких возвышенностей, на правом берегу реки, располагается культовый ансамбль (называемый на Севере «тройник»). Это летняя шатровая Никольская церковь (1638 г.), зимняя многоглавая Сретенская церковь (1873 г.) и колокольня (1807 г.). Ровная площадка обеспечила свободное размещение построек, они визуально хорошо просматриваются со всех дорог

⁵ Архив НЦ ТКМП. 2020. С. 123–124.

и частей поселения. Никольская церковь построена по указу митрополита новгородского Афония в 1638 г. «на месте сгоревшего храма в честь такого же святого» [5, с. 17]. В основании храма – «восьмерик на четверике», увенчанный высоким шатром. Шея главки шатра украшена резным воротником – епанчей. Трапезная расширена в 1825 г. за счет крытой галереи-паперти, которая придает постройке ассиметричную форму. Ранее одной из самых выразительных и редких частей церкви было двухвходное крыльцо с килевидной полой бочкой, увенчанной главой (ныне утрачено) [20, с. 42]. Каменное зодчество имеет редкие аналоги «полого» завершения бочки крыльца. Сретенская церковь была построена на месте сгоревшей в 1870 г. церкви [5, с. 17]. Памятник имеет симметричную по продольной оси композицию, состоящую из главного молитвенного помещения с трехгранной алтарной апсидой и трапезной с притвором. Главное молитвенное помещение – четверик, покрытый четырехскатной кровлей и завершенный пятиглавием. Алтарная апсида крыта вальмовой крышей с главкой и крестом [5, с. 17–18]. Отдельно от церкви стоит двухъярусная колокольня – «восьмерик на четверике» (ил. 5). В 1853 г. шатер был заменен низкой кровлей со шпилем. С западной стороны нижнего яруса располагается два входа, к которым вела утраченная в настоящее время лестница. От крыльца остались только выпуски венцов сруба четверика. Все памятники обшиты тесом и стоят на прочном фундаменте из камней⁶.

К утраченным памятникам исторического сакрального ландшафта поселения относится церковь Архангела Михаила и Св. Апостолов Петра и Павла. Первоначально это была часовня клетского типа с одноглавым завершением (1884 г.) на территории приходского кладбища [5, с. 18]. В 1915 г. к часовне был прирублен алтарь⁷. Новая кладбищенская церковь была освящена 27 ноября 1915 г.⁸ Этот факт не нашел отражения в исторической памяти местных жителей, и они продолжают называть утраченную постройку часовней. После прихода советской власти церковь использовалась как кино клуб, школьные мастерские, затем была снесена. На ее месте были построены колхозные гаражи⁹.

Благодаря равнинному характеру ландшафта в поселении преобладает прибрежно-рядовая и уличная планировки. Дома в д. Верховье и Низ стоят на правом берегу р. Малошуйка. Окна жилых домов смотрят на южную и юго-западную стороны. В д. Заречье главные фасады домов обращены на север и северо-восток. Жилая застройка значительно пострадала в результате пожара 1989 г., когда было утрачено 22 дома. Кроме жилища в усадьбу Малошуйки входили баня, амбар, иногда колодец. Примером типичного жилища

⁶ Архив НЦ ТКМП. 2019.

⁷ ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 2056. Л. 13.

⁸ Там же. Л. 16.

⁹ Архив НЦ ТКМП. 2019.

выступает комплекс дома-двора М. Заболотной в д. Низ рубежа XIX и XX вв. Дом поставлен на удалении от берега и обращен главным фасадом на север. Это пропорциональный четырехстенный с четырьмя окнами по главному фасаду, на среднем подклете. Тип соединения жилой и хозяйственной части — «брус». Жилая часть состоит из горенки («передней»), отапливаемой печью-голландкой, кухни с большой русской печью и сеней.

Дома поселения не отличаются богатством декоративного убранства. Постройки характеризуются аскетичностью облика, лаконичностью пропорций, что связано с образом жизни местного населения. Экстремальные природно-климатические условия северных и арктических территорий, близость моря повлияли на образ жизни и сформировали суровый характер поморов, что нашло отражение и в возводимых ими строениях. С XIX до середины XX столетия в селе возводились традиционные хозяйственные и инженерные постройки: амбары, магазины, гумна с овинами, мосты. Вплоть до 1970-х гг. здесь бытовали бани «по-черному», которые ставились на берегу реки. В это же время, до возведения животноводческих ферм, многие дома раскулаченных крестьян использовались под конюшни и свинарники. В настоящее время в д. Заречье сохранился амбар-магазин для хранения зерна, построенный в середине 1950-х гг. Как амбар-магазин, так и ряжевый мост выступают примерами сохранения традиций деревянного зодчества, которые нашли свое воплощение и в постройках советской эпохи. Установлено, что историко-культурная среда, формирующая арктический культурный ландшафт с. Малашуйка, сохранила основные черты традиционной культуры XIX в.: прибрежно-рядовую и уличную планировки, комплекс гражданской, хозяйственной, жилой архитектуры, уникальный культурный ансамбль, состоящий из памятников федерального значения.

Исследования позволяют рекомендовать поселение Малашуйка как достопримечательное место муниципального уровня с постановой на охрану дома-двора Б.П. Ауровой (д. Низ, 1917 г.) — четырехстенка на высоком подклете, «брус». В качестве туристических объектов, имеющих историко-культурную ценность, можно рекомендовать: 1) дом-двор В.А. Баёва (д. Верховье, конец XIX — начало XX в.); 2) дом-двор В.А. Кузьмина (д. Заречье, 1885 г.); 3) дом-двор А.Н. Кузнецова (д. Заречье, 1927 г.); 4) дом-двор М. Заболотной (д. Низ, конец XIX — начало XX в.); 5) колхозный амбар-магазин (с. Малашуйка, середина XX в.); 6) деревянный мост на ряжах (д. Абрамовская, конец XX в.).

Село Ворзогоры. Село относится к гнездовому типу поселений «погост с деревнями». Эту особенность в 1970–1980-х гг. выявила Т.А. Бернштам [4]. Исходной формой образования гнезда было «печище» — «локализованное поселение группы родственников» от которого через какое-то время отделялось новое поселение (на Пинеге называемое «окол»), так возникало гнездо [14]. Внутри гнезда могло образоваться 20 и более окол. Это является подтверждением существования славянской традиции — патронимии, где в

ряде сел имеются группы семей, ведущих происхождение от общего предка. Их усадьбы и дома сконцентрированы в одном месте. Часто дома принадлежат однофамильцам. Эти родственные группы характеризуются совместным использованием земельных угодьями, коллективизмом в сельскохозяйственных работах и постройке жилища. Гнездовому типу свойственны «структурность, внутренняя организованность, подчиненность центру, что привело к созданию известных архитектурно-природных ансамблей» [16, с. 68, 476–477].

Село состоит из двух деревень: Кондратьевской и Яковлевской (по имени братьев-основателей), и расположено в 21 км от г. Онеги на побережье Белого моря. Среди жителей бытует устойчивая топонимическая легенда, согласно которой в с. Загоры (за горой) в поисках места для строительства порта приехал царь Петр I. Ночью у его лошади пропали стремяна. Обнаружив пропажу, государь закричал: «Да это не Загоры, а Вор – за горы!» [13]. Возникшая поговорка «Ворзогоры – воры» объясняется тем, что в начале XVII в. здесь был воровской притон у заселивших эту местность литовских и русских беглецов [7].

Планировочная структура Ворзогор (протяженность – 2 км) обусловлена изолированностью поселения: с северной стороны – Белое море, с южной – болото, образовавшееся на месте морского залива; а также отсутствием реки, хороших сенокосных угодий, пашенной земли и качественного строевого леса.

Ворзогорский приход (ил. 6) существует с 1578 г. [8, с. 13]. Никольская (летняя) церковь (1636 г.) представляет высокий пропорциональный сруб с четырехскатной кровлей, из которой выходят пять восьмигранных барабанов, крытых небольшими овальными куполами, через шейки плавного переходящие в изящные лемеховые главки. Это редко встречающийся декоративный прием оформления храма [3, с. 97]. Зимняя Введенская церковь (1793 г.) ранее также была увенчана пятиглавием. Колокольня (1862 г.) – восьмерик на четверике с куполообразным завершением (шпиль и крест утрачены). Триада погоста представляет в плане треугольник и градоформирующий центр д. Кондратьевской: жилые дома окнами смотрят на культовый ансамбль. Ранее на погосте находились дома священника, псаломщика (1871 г.), церковная ограда, кладбище, которые ныне утрачены. Интерьеры храмов восстановлены, иногда в них проводятся литургии.

Ворзогорские поморы кроме обычного для них морского промысла в XIX в. выращивали горох, картофель, ячмень, рожь, овес, о чем свидетельствует то, что ранее здесь были ветряные мельницы-«шатровки».

Результат исследования позволяет рекомендовать для постановки на охрану в качестве объекта культурного наследия достопримечательные места муниципального уровня. В качестве памятников архитектуры можно рекомендовать: 1) дом-двор Г.А. Гуниной – четырехстенный «брус» (д. Яковлевская, 1860-е гг.); 2) дом-двор Э.Н. Мартын (ил. 7) – че-

тырехстенки, «брус» (д. Кондратьевская, середина (?) – конец XIX в.); 3) амбар-магазея (д. Кондратьевская, конец XIX – начало XX в.); 4) амбар Н.А. Радкевич (д. Яковлевская, конец XIX в.) [23].

В результате проведенных работ выполнены:

1. Теоретические исследования:

– проведен анализ влияния традиционной культуры (культурный ландшафт, памятники народной архитектуры, исторические поселения, обычаи, ценности, нормы поведения, идеи православия, историческая память и картина мира, объединяющие локальное сообщество) на эффективность социального развития северных и арктических территорий (Онежское Поморье);

– определены типология и исторические предпосылки возникновения культурных ландшафтов Арктической зоны Российской Федерации: Ворзгоры, Малошуйка, Пурнема;

– выявлены строительные приемы возведения жилого комплекса дома-двора как способа адаптации к тяжелым природным условиям Севера и Арктики;

– установлено, что традиционная деревянная архитектура выступает как этномаркер севернорусской идентичности Онежского Поморья.

2. Экспериментальные исследования:

– проведены экспедиционные работы по архитектурно-этнографическому обследованию памятников культурного наследия в Онежском Поморье;

– проведено изучение культурного наследия – традиционной культуры, деревянного зодчества, культурного ландшафта, обычаев, строительной обрядности, норм поведения, исторической памяти, картины мира;

– даны рекомендации по сохранению культурных ландшафтов для постановки их в качестве единых объектов культурного наследия (достопримечательное место);

– проведена ревалоризация и даны рекомендации для постановки на охрану в качестве памятников архитектуры муниципального уровня и туристических объектов вновь выявленных и верифицированных памятников деревянного зодчества Онежского Поморья.

Список литературы

1. Анна Борисовна Пермиловская: биобиблиографический справочник / сост. М.А. Смирнова; отв. ред. Т.С. Злотникова. Архангельск, 2018.

2. Архив культурного наследия. Код памятника 2910065000. Погост Малошуйка, пер. пол. XVII – втор. пол. XIX в. / сост. П.Н. Шармин. URL: <http://nasledie-archive.ru/objs/2910065000.html> (дата обращения: 16.04.2020).

3. Архитектурный путеводитель по деревянному зодчеству Русского Севера. М., 2018.

4. *Бернштам Т.А.* Поморья. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.

5. *Верюжский М.* Малошуйский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 3. С. 16–18.

-
6. *Грищенко И.В.* Климат Архангельской области. Архангельск, 2017.
 7. *Иллюстров И.И.* Сборник российских пословиц и поговорок. М., 1904.
 8. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3: Уезды Онежский, Кемский и Кольский. Архангельск, 1896.
 9. *Куратов А.А.* Поморы // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Архангельск, 2001.
 10. *Лукин Ю.Ф.* Пространство северных территорий // Северное регионоведение в современной регионологии. Архангельск, 2005. С. 64–108.
 11. *Матонин В.Н.* «Наше море – наше поле». Социокультурное пространство северной деревни: генезис, структура, семантика. Архангельск, 2013.
 12. *Мильчик М.И.* Памятники архитектуры Архангельской области. Пурнема и Нижмозеро. Архангельск, 1971.
 13. Не век жить – век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья: по материалам онежских экспедиций: 1987–2001 гг. / под ред. А.А. Крысанова, В.Н. Матонина. Онега; Архангельск; М., 2011.
 14. *Пермиловская А.Б.* Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург, Архангельск; Ярославль, 2013.
 15. *Пермиловская А.Б.* Культурное пространство Русский Арктики // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 362–365.
 16. *Пермиловская А.Б.* Русский Север как особая территория наследия. Архангельск; Екатеринбург, 2010.
 17. *Пермиловская А.Б.* Крестьянский дом в культуре Русского Севера. Архангельск, 2005.
 18. *Пермиловская А.Б., Усов А.А.* Культурный ландшафт как фактор формирования традиционного деревянного зодчества северных и арктических территорий // Мanuscript. 2020. Т. 13, вып. 5. С. 77–81. DOI: 10.30853/manuscript.2020.5.14.
 19. Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова // Социально-правовое положение северного крестьянства / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1981. С. 129–131.
 20. *Суслов В.В.* Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб., 1888.
 21. *Ушаков Ю. С.* Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Л., 1982.
 22. *Хатанзейская Е.В.* Церковь Рождества Христова села Пурнема Онежского района Архангельской области как образец деревянной храмовой архитектуры второй половины XIX в. Европейского Севера России // Genesis: исторические исследования. 2020. № 7. С. 74–85. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.7.33337
 23. *Усов А.А.* Традиционное крестьянское жилище в культурном ландшафте Онежского Поморья (на примере с. Ворзогоры) // Культура и искусство. 2019. № 5. С. 31–41. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.5.29339
-

Традиционное жилище в культурном ландшафте исторических поселений Онежского Поморья¹

Усов Алексей Александрович – младший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук, Научный центр традиционной культуры и музейных практик; usov@fciarctic.ru

В статье представлено исследование роли традиционного жилища в процессе формирования культурного ландшафта Русского Севера и Арктики. Данная работа основывается на материале полевых исследований, полученных в ходе архитектурно-этнографических экспедиций сотрудников Научного центра традиционной культуры и музейных практик в Онежское Поморье (сельские исторические поселения Ворзогоры, Малошуйка, Пурнема, Лямца, Нижозеро Архангельской обл.). Кроме эмпирических данных, автор использует результаты анализа архивных и музейных источников (Государственный музей архитектуры имени А.В. Щусева, Архангельской государственной музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Онежский историко-мемориальный музей). Исследование опирается на применение авторской методики доктора культурологии А.Б. Пермиловской по архитектурно-этнографическому обследованию объектов деревянного зодчества. Установлено, что культурный ландшафт исторических поселений Онежского Поморья сохранил основные черты традиционной поморской культуры конца XIX – начала XX в. (тип планировки поселений, культовые ансамбли, комплекс жилой и хозяйственной архитектуры, историческую память местных жителей). Особую роль в формировании культурного ландшафта играет традиционное жилище. Конструктивные особенности дома, тип крестьянской усадьбы и поселения в целом демонстрируют в предметно-пространственном воплощении особый образ жизни русского человека в суровой лесной зоне и приспособления к местному климату, обеспечивая его устойчивое существование на территории Русского Севера и Арктики.

© Усов А.А., 2022

¹ Фундаментальное исследование выполнено в рамках государственного задания по научной теме «Комплексное изучение народной архитектуры как этномаркера традиционной культуры русских в процессе исторического развития на Европейском Севере и в Арктике», № гос. регистрации – 122011300471-0. Экспедиция в Онежский район Архангельской области и эмпирические исследования осуществлены при поддержке гранта Министерства образования и науки Архангельской области (проект № 05-2021а) «Культурный ландшафт исторических поселений как стабилизирующий фактор адаптации, обеспечивающий эффективность этносоциального и экологического развития Арктики (по материалам Онежского Поморья)».

Ключевые слова: Русский Север, Арктика, Онежское Поморье, культурный ландшафт, историческое поселение, традиционная архитектура, жилище.

Traditional dwelling in the cultural landscape of Onega Pomorie historical settlements

Usov Aleksei A. – research associate, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Center for Indigenous Culture Research and Museum Practice; usov@fciactic.ru

The paper presents the study into the role of the traditional dwellings during the formation of the Northern Russian and Arctic cultural landscape. It draws on the field data obtained during the architectural and ethnographic expeditions to Onega Pomorie (rural settlements of Vorzogory, Maloshuika, Purnema, Liamtsa, and Nizhmozero in Arkhangelsk Region), performed by the Center for Indigenous Culture Research and Museum Practice. Alongside the empirical data, the author uses the archival and museum sources (A.V. Shchusev State Museum of Architecture, Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art «Malye Korely», Onega Memorial History Museum). The study makes use of the dedicated method developed by A.B. Permilovskaia, holder of doctoral degree in cultural studies, for architectural and ethnographic study of the wooden architecture. It has been found that the cultural landscape of Onega Pomorie historical settlements has retained the main features of the late 19th – early 20th century indigenous Pomor culture (settlement planning and layout, religious worship sites, housing and outbuildings architecture, local residents' collective memory). Traditional dwellings have a special role in shaping the cultural landscape. In terms of spatial design and construction, the local houses, farmsteads, and entire villages embody the Russian man's special lifestyle, adapted to the harsh climate of the local forest environment and designed to ensure his survivability and subsistence in the Russian North and the Arctic.

Keywords: Russian North, Arctic, Onega Pomorie, cultural landscape, historical settlement, traditional architecture, dwelling.

В условиях глокализации, усиления региональной социокультурной обособленности, связанной с ней проблемы сохранения и актуализации культурного наследия, а также с учетом инноваций в вопросе охраны окружающей среды особое внимание исследователей уделено рассмотрению памятников архитектуры не самих по себе, а в качестве неотъемлемых элементов целостных природно-архитектурных ансамблей – культурных ландшафтов. В данной работе под культурным ландшафтом понимается «система, которая включает в себя поселение, природный ландшафт, планировочную и топонимическую структуру, народную архитектуру, а также этнос, хозяйственную

деятельность, язык, духовную культуру» [7, с. 55]. При изучении культурных ландшафтов сельских исторических поселений одно из центральных мест в данном вопросе занимает традиционное жилище. Оно включено в специфические взаимоотношения со всеми элементами такого ландшафта, выступает в качестве как фактора его формирования, так и результата этого процесса.

Будучи элементом культурного ландшафта, большое значение традиционное жилище приобретает в условиях Русского Севера. Это обширная территория, отличающаяся сохранением мощных пластов историко-культурного наследия, с одной стороны, и выдающимися природными ландшафтами, благоприятствовавшими здесь развитию целых ансамблей деревянного зодчества, – с другой. Русский Север – это место, где крестьянский дом приобретает характер сложного концепта, вбирающего в себя все многообразие культурных смыслов, аспект освоения природной среды, ценности и нормы человеческого существования.

Географические рамки работы ограничены сельскими историческими поселениями Онежского Поморья – территории, простирающейся по морскому побережью Онежской губы от р. Онеги до р. Кемь (Поморский берег), а также от р. Онеги до мыса Ухт-Наволоок (Онежский берег). Таким образом, можно говорить о том, что в Онежское Поморье целиком входит вся прибрежная полоса земли Онежского района Архангельской области, на территории которого и проводились полевые исследования. Местный природный ландшафт (с точки зрения его визуального восприятия) зависит от рассматриваемых природных доминант и климатических условий. Так, Поморский берег характеризуется низинным характером местности с отдельными гранитными утесами в районе Кеми, сильной заболоченностью, крупными сосновыми и еловыми массивами. Несмотря на северный и даже субарктический характер климата, побережье пригодно для относительно комфортного проживания, т.к. скалистые острова вдоль него защищают залив от штормовых ветров. Онежский берег также представляет собой заболоченную равнину, которая довольно круто спускается к нешироким приморским низинам с песчано-глинистыми возвышенностями, перемежающимися лугами [2, с. 37–38]. При этом большая площадь Русского Севера и Онежского Поморья в частности способствует отсутствию здесь единых природно-климатических условий. Они зависят от типа ландшафта, рельефа местности, наличия болот, рек, озер, морского побережья, обширных лесных массивов и расположения их относительно поселений. Реки и ручьи Архангельской области в целом образуют «густую, разветвленную гидрографическую сеть», причем наибольшее количество из 190 тыс. озер, «сосредоточено, в том числе на Онежском полуострове» [3, с. 19]. В процессе освоения этих земель поселенцы сталкивались с множеством природных факторов, требовавших различных подходов для адаптации к ним. Особым природным разнообразием и суровым климатом на Севере отличается морское побережье. Именно здесь географически – уже не просто на Севере, но в Арктике – появилась

особая русскоязычная группа этноса, заселившая берега Белого и Баренцева морей, — поморы. Они «выработали бесценный опыт выживания и хозяйственной деятельности в экстремальных условиях Крайнего Севера. Поморская культура — русский вариант морской культуры в Арктике» [6, с. 362].

Обилие лесных ресурсов, холодный климат и суровые зимы предопределили основной тип крестьянского жилища Онежского Поморья — отличающийся большими размерами, обилием помещений, хорошо защищенный от неблагоприятных погодных условий и во многом самодостаточный комплекс дома-двора.

В целом для сельских поселений Онежского Поморья характерен комплекс дома-двора с типом соединения жилой и хозяйственной части — «брус». Изба и двор с поветью представляют собой массивный вытянутый объем соединенных друг за другом срубов, подведенных под общую двускатную крышу. У некоторых домов хозяйственная часть на 1—1,5 м превышает жилую по объему в высоту и ширину. Жилая часть, как правило «четырёхстенок» или «пятистенок», установлена на среднем или высоком подклете. Обычно изба и поветь разделены сенями, устроенными поперек сруба. На главном фасаде располагается от трех до шести окон. Отдельное крыльцо со стороны улицы не рубилось, вход в дом осуществляется через дверь в подклете, из которого на сени второго (жилого) этажа ведет крутая лестница. В единичных случаях (например, у дома-двора К.З. Суханова конца XIX столетия в с. Пурнема (Низ) Онежского р-на) крыльцо устанавливалось на столбах вдоль избы и полностью обшивалось досками. Дом К.З. Суханова также демонстрирует отличительную особенность крестьянских жилищ с. Пурнема по сравнению с другими поселениями Онежского Поморья. Для традиционных и наиболее старых домов Пурнемы характерно разделение коньков передней (летней) избы и зимней (боковой) избы с клетью и хозяйственным двором с поветью (она называется в этой местности сараем). Боковая, клеть и сарай выделяются большей площадью помещений по сравнению с передней. Зимняя изба и связанная с ней стена хозяйственной части могут превышать размер летней избы в 1,5—2 раза. Это связано с традицией порядка их возведения. В первую очередь в качестве основного жилого сруба крестьяне ставили боковую избу с большой русской печью. Напротив избы (параллельно ее длинному торцу) возводили холодную клеть меньшего размера в качестве кладовой. Смежные стены срубов образовывали коридор, ведущий на сени и поветь. Противоположные стены являлись внешними стенами сруба всего жилища.

Поветь со стороны заднего фасада может поддерживаться массивными деревянными столбами, что обеспечивает безопасную замену венцов в срубе двора, особенно подверженного быстрому гниению из-за продуктов жизнедеятельности животных, стойла которых здесь размещаются. Двускатные крыши, как правило стропильной конструкции, покрыты шифером, который появился в поселениях Онежского Поморья в 1960-х гг. (для поморской культуры самцовые двускатные и стропильные четырехскатные крыши ста-

новятся архаическими формами уже в XIX–XX вв. [1, с. 44]) (ил. 1). У ряда построек (иногда прямо под шифером) сохранился оригинальный тес. Он укладывался в два слоя в шахматном порядке. Верхние тесины специально обрабатывались в форме желоба или получали два узких желобка по краям для лучшего оттока воды. Жилища возводились из сосны, тип соединения бревен в венцах – как «в обло», так и «в лапу». Часто дома обшиты и окрашены в синий, желтый или зеленый цвета [4, с. 185–186].

Также общей характерной чертой традиционного жилища Онежского Поморья, оказывающей влияние на визуальный облик поселений и восприятие культурного ландшафта, выступает отсутствие яркого декоративного убранства. На окнах нет резных наличников, крыльцо не декорировано. Окна фронтонов и вышки-мезонины на центральных фасадах не выделены балконами, отсутствуют полотенца (доска под коньком кровли, прикрывающая стык причелин) и декоративное оформление коньков-охлупней. Наиболее выдающейся деталью здесь становятся причелины – доски, закрывающие торцы кровли от воздействия осадков. Особенно интересные формы представлены в с. Малошуйка Онежского района: кровля старинных домов в центральной части имеет полукруглую форму и декорирована причелинами (из двух досок) с фигурной резьбой в форме треугольных и квадратных зубцов-сухариков (ил. 2).

Среди обследованных поселений резные причелины на фронтонах главных фасадов характерны для д. Лямцы и Нижмозеро Онежского района. Они также обработаны в форме зубцов-сухариков или волн, иногда с простой сквозной резьбой в форме колец, однако сами доски прямые, и они производят не такое сильное визуальное впечатление, как образцы из с. Малошуйка. Тем не менее, благодаря своим размерам, мощи бревен, аскетичности облика и лаконичности пропорций комплексы дома-двора Онежского Поморья производят впечатление монументальности и зажиточности. Вероятно, это связано с особым образом жизни местного населения. Экстремальные природно-климатические условия северных и арктических территорий, а также близость моря оказали влияние на образ жизни поморов, сформировали их суровый характер, что нашло отражение и в возводимых ими постройках.

В контексте формирования культурного ландшафта особое значение имеют не только архитектурно-конструктивные особенности и декоративное оформление традиционных жилищ, но и их место в структуре поморских поселений, своеобразный, функциональный и эстетический диалог с окружающим природным пространством.

Так, в отличие от многих сельских исторических поселений Русского Севера и Арктики на побережье Белого моря с. Ворзогоры имеет специфическую пространственную организацию. Оно расположено на высоком (40 м) песчаном мысе, выдающемся в Онежскую губу. Ворзогоры находятся на значительном удалении от больших рек: в 15 км от устья р. Онеги и в 4 км от устья р. Нименьга.

Ворзогоры основаны около 400 лет назад братьями Кондратием и Яковом. Они отказались жить в одном доме и поставили избы на удалении друг от друга². Естественные границы поселения определяются пологом мысом, берегом моря, окружающим массивом лесов с болотами. Хотя северная часть Ворзогор распахнута навстречу морскому простору, село позиционируется и ощущается как замкнутое пространство. Этому способствует тот факт, что село лишено пейзажно-эстетического элемента реки, вид на которую мог бы открываться из окон домов. Кроме того, отсутствие проточной воды усиливает напряженность образа наступающего со всех сторон заболоченного леса.

В отсутствии реки главной доминантой поселения выступает деревянный культовый ансамбль («тройник»), состоящий из двух многоглавых храмов: теплой Введенской церкви (1793 г.) и холодной Никольской (1636 г.), а также колокольни (1862 г.). Погост, церковь, часовня, будучи центром религиозной зоны, всегда наделяются наивысшей степенью сакральности [5, с. 27], однако в культурном ландшафте они еще являются и главенствующими визуальными вертикалями. Погост сформировался в XVII столетии [8]. Кроме культовых построек в структуру погоста входила деревянная церковная ограда, до настоящего времени не сохранившаяся. Как визуальный и сакральный центр поселения, храмы серьезно повлияли на круговую застройку ближайших домов. Из-за отсутствия реки и расположения мыса на севере главные фасады домов ориентированы на южную сторону, а хозяйственные части обращены к Белому морю, защищая избы от северного ветра. При расположении вблизи культового ансамбля ориентация дома-двора в пространстве диктуется не только природными, но социокультурными и религиозными факторами. Ворзогорские плотники ставили дома «лицом» к храму. Таким образом, ориентация окон главного фасада на архитектурный ансамбль является преобладающей для жилищ, расположенных близко к культовому постройкам. В результате в д. Кондратьевской жилая застройка окружает культовый центр, внося в пространство поселения ту недостающую меру красоты и гармонии, которой оно было лишено из-за отсутствия реки и утраты окружающей «тройник» ограды.

Другой пример – с. Малошуйка, основанное не позднее первой половины XVII в. вблизи устья, на двух берегах р. Малошуйка, впадающей в Онежскую губу Белого моря. Ближайшие населенные пункты – с. Кушерека в 17 км на западе и с. Нименьга в 13 км на востоке. Поселение состоит из трех частей: Верховье, Заречье и Низ. Культовый, экономический и социальный центр поселения – Верховье. Здесь располагается архитектурный ансамбль-«тройник», состоящий из двух деревянных храмов: холодной шатровой Никольской церкви (1638 г.) и теплой пятиглавой Сретенской церкви (1873 г.), а также колокольни (1807 г.). Однако в отличие от с. Ворзогоры церкви находятся

² Информант – Слепинин Александр Порфирьевич, 1933 г.р. Место рождения и проживания – с. Ворзогоры (д. Кондратьевская). Запись 2018 г.

на некотором удалении от домов. Жилища здесь не окружают храмы, однако последние при этом остаются не только сакральным, но и визуальным, географическим центром поселения. «Тройник» расположен на небольшой естественной возвышенности, округлом и плоском холме на перекрестке трех дорог — в Верховье, Низ и к морю. Особенно ярко визуальная эстетика архитектурного ансамбля открывается при виде с реки, со стороны Низа. Жилища не ориентированы на культовую доминанту и не устремлены главными фасадами к храмам, как в Ворзогорах. Напротив, где это возможно, центральные фасады домов обращены к реке, вне зависимости от того, находятся они в первом ряду или скрыты на узких улочках в глубине поселения.

Своей спецификой здесь выделяется Заречье, где часть построек (например, семьи Кузнецовых) сгруппирована вокруг сакрального места — горы Чуйнака. По словам местного краеведа А.Н. Кузнецова, еще в прошлом веке здесь было устроено подобие языческого святилища, центром которого выступал так называемый «поганый камень». Поливая его водой, старые люди в сухую погоду пытались вызывать дождь³. Позднее на горе был установлен деревянный поклонный крест. В настоящее время он утрачен, так как гора Чуйнака была частично срыта для установки цистерн-зернохранилищ. Таким образом, изначально часть домов была ориентирована на холм как на своеобразный локальный священный центр. Из их окон открывался вид на крест, который визуально замещал храмы за рекой. После частичного срытия холма ориентация домов никак не изменилась, но благодаря своему расположению вокруг горы они стали маркерами, «стягивающимися» к священному месту.

Сельское историческое поселение Пурнема располагается на западном побережье Онежского полуострова, в 70 км (по морю) от г. Онега. Ближайшее поселение д. Лямца находится на расстоянии 25 км на северо-западе, д. Нижмозеро — в 30 км на востоке. В природном ландшафте Онежского Поморья с. Пурнема располагается на высоком берегу одноименной р. Пурнема, устье которой отделено от Онежской губы Белого моря узкой песчаной косой с сосновым бором Кендищем. Село делится на две большие части: Низ и Верховье (Верх), где располагаются культовые постройки, а также основные общественные сооружения (школа, клуб, библиотека). Точное время основания поселения неизвестно. Имеющиеся факты указывают на образование Пурнемского прихода не позднее середины XVI в. Культовый центр с. Пурнема представлен архитектурным ансамблем (до 1930-х гг. «тройником»), состоявшим из холодного шатрового храма Николая Чудотворца (1618 г.), а также теплой церкви во имя Рождества Христова (1861 г.). Колокольня (1775 г.) утрачена в 1930-х гг. В этом отношении Пурнема отличается и от Ворзогор, и от Малешуйки. Культовый центр вынесен на окраину деревни и не высту-

³ Информант — Кузнецов Александр Никандрович, 1952 г.р. Место рождения и проживания — г. Мурманск. Запись 2019 г.

пает в качестве визуальной доминанты поселения, хотя и является его главной вертикалью. Жилища не группируются вокруг храмового комплекса, но отделены от хозяйственных построек и бань, вынесенных в широкие овраги ближе к берегу реки. Село характеризуется открытым пространством. Местному культурному ландшафту присуще зрительное и символическое единство устья реки и прибрежной полосы Белого моря.

Село относится к приморско-приречному подтипу заселения, т.к. расположено не только на морском побережье, но и в устье реки; и отличается прибрежно-рядовой формой застройки. Длина поселения, растянувшегося по берегу реки, составляет примерно 2 км. Само место также выбрано неслучайно: одновременно здесь присутствует и выход к морю, и контроль устья реки, и обширные лесные массивы вокруг. Первый ряд жилых построек на Низу приближен к реке на расстояние до 200 м, однако часть хозяйственных сооружений (бани) располагаются не более чем в 20–100 м от берега реки (ил. 3).

Граница между частями с. Пурнема проходит через глубокий овраг, по дну которого протекает небольшой ручей. Благодаря тому, что побережье находится с южной стороны поселения, местные крестьяне получили возможность совместить практическую и эстетическую стороны архитектуры. Из окон домов первого ряда открывается вид на реку и море, они в наибольшей степени обеспечены как обзором обширного прибрежного пространства, так и теплым солнечным светом. Начиная со второго ряда (и далее по улицам вглубь поселения), избы часто обращены окнами главных фасадов к хозяйственным дворам («озадкам») впереди стоящих жилищ. Следует отметить, что до массовых вырубок леса вокруг Пурнемы естественный природный заклон также защищал поселение от северных ветров. В настоящее время эта преграда утрачена, что, в свою очередь, повлияло и на местные природные условия. Многие комплексы дома-двора, в особенности стоящие на большом удалении от реки, окружены небольшими посадками из деревьев лиственных пород, например березами. Это связано с желанием хозяев разнообразить вид из окон главного фасада, обращенных к сараям, и отсутствием острой необходимости в постоянном естественном освещении жилых помещений. Почти все дома обеспечены электричеством от постоянного источника – дизельной электростанции. Кроме того, посадка деревьев связана с наличием свободного места вокруг построек. По сравнению со старинной застройкой, когда крестьянские усадьбы ставились почти вплотную друг к другу, к XXI в. «межутки» между домами значительно увеличились, что позволило местным жителям заняться процессом озеленения освободившегося места⁴.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы. Архитектурно-планировочное решение и декоративное оформление комплекса

⁴ Информант – Аурова Берта Павловна, 1937 г.р. Место рождения и проживания – с. Малошуйка. Запись 2019 г.

дома-двора сельских исторических поселений Онежского Поморья обнаруживает преемственность плотницких традиций северных зодчих вплоть до конца XX столетия. Конструктивные особенности дома, тип крестьянской усадьбы и поселений в целом демонстрируют в предметно-пространственном воплощении особый образ жизни и менталитет русского человека (помора), живущего в суровой лесной зоне вблизи морского побережья, и его приспособления к природно-климатическим условиям Русского Севера и Арктики. Архитектура жилища стала отражением окружающего природного пространства, вобрав в себя доступные ресурсы: дерево, камень, мох, другие растительные материалы, и преобразовав их в соответствии с опытом и мастерством северных зодчих. Красота домов выразилась не столько в их декоре, сколько в способности гармонично вписаться в природное окружение, образуя неповторимый природно-архитектурный ансамбль – культурный ландшафт исторических поселений Онежского Поморья.

Список литературы

1. *Бернштам Т.А.* Народная культура Поморья. М., 2009.
2. *Бернштам Т.А.* Поморья. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
3. *Грищенко И.В.* Климат Архангельской области. Архангельск, 2017.
4. *Жигальцова Т.В., Усов А.А.* Пространственно-планировочная структура и жилищно-хозяйственный комплекс поселений Онежского Поморья (на примере с. Ворзогоры Онежского р-на Архангельской обл.) // Этнографическое обозрение. 2020. № 1. С. 180–197.
5. *Мелютина М.Н., Терехихин Н.М.* Социально-культурный ландшафт северного мира // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 25–37.
6. *Пермиловская А.Б.* Культурное пространство Русский Арктики // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 362–365.
7. *Пермиловская А.Б.* Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург; Архангельск; Ярославль, 2013.
8. *Ушаков Ю.С.* Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Л., 1982.

**Феномен северных заповедных территорий
в контексте исторической памяти:
исследования, прочтения, интерпретация**

Каргополь и путь в Заволочье

Аверьянов Константин Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук; histgeogr@yandex.ru

Кенозерский национальный парк разместился на водоразделе Балтийского и Белого морей, через который шел Кенский волок, являвшийся основным путем к побережью Северного Ледовитого океана. Все земли к востоку от него получили название Заволочье. Главным торговым пунктом на этой дороге стал Каргополь, возникший в первой половине XII в.

Ключевые слова: Кенский волок, Каргополь, Заволочье, князь Вячеслав Владимирович, Г.Р. Державин.

Kargopol and the way to Zavoloch'e

Averianov Konstantin A. – Dr. Sci. (History), leading research officer, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; histgeogr@yandex.ru

Kenozero National Park lies on the watershed between the basins of the Baltic Sea and the White Sea. Passing through this area was Kenskii Volok (Kenskii Cart Road) – the main route to the coast of the Arctic Ocean. The lands to the east of it were known as Zavoloch'e. The major trading town along Kenskii Volok was Kargopol, founded in the first half of the 12th century.

Keywords: Kenskii Volok, Kargopol, Zavoloch'e, Prince Viacheslav Vladimirovich, G.R. Derzhavin.

Кенозерский национальный парк расположился на водоразделе Балтийского и Белого морей. Именно это обстоятельство сыграло свою роль в том, что через него прошел главный путь из Новгорода к побережьям Белого и Баренцева морей. Новгородцев сюда манили рыбный промысел, охота и добыча морского зверя. Также в Заволочье водились высоко ценившиеся при тогдашних княжеских дворах соколы и кречеты.

Добраться сюда было крайне сложно – путь лежал исключительно по рекам, а водоразделы между ними преодолевались волоками. Из Онежского озера поднимались вверх по р. Водла, откуда волоком выходили в Кену – приток Онеги. С востока к ней подходила р. Емца – приток Северной Двины. В нижнем течении в Северную Двину впадает Пинега, делающая большую петлю. Для нас наибольший интерес представляет то, что в самой северной

точке этой петли Пинега очень близко подходит к р. Кулой, впадающей в Мезенскую губу Белого моря. Здесь издавна существовал волок, на месте которого во второй половине 1920-х гг. даже был построен судоходный канал длиной 6 км (см. иллюстрацию).

Но, выйдя в Мезенскую губу, новгородцы опасались идти дальше «Дышючим» (или Дышашим) морем (именно так оно упомянуто в «Сказании о погибели земли Русской», написанном вскоре после нашествия Батюга [2, с. 90]). Первые землепроходцы, еще не дойдя до морского побережья, видимо, немало смутились духом, когда неведомая сила подхватила их суда и стремительно помчала с огромной скоростью вперед. Они ничего не знали о морских приливах и отливах, наибольшая сила которых наблюдается именно в Мезенской губе, где разница между уровнем воды в прилив и отлив достигает 10 м. В устье Мезени отлив, подхватив лодку, мчит ее к морю, словно санки с горы, со скоростью более 20 км/ч. Еще более ощутима морская мощь в прилив, когда бегущий по течению реки пенистый вал воды достигает 8 м в высоту, а приливная волна докатывается до р. Пёза, впадающей в Мезень на 86-м км от устья. Поэтому далее на восток путь лежал по Пёзе, откуда путники волоком попадали в Цильму, впадающую в Печору.

Ключевым на этом пути являлся Кенский волок, по которому вся территория к востоку от него именовалась Заволочьем. Освоение этих мест началось уже в первые столетия русской истории. К рубежу XI и XII вв. относятся первые упоминания Начальной летописи о русских экспедициях в Заволочье. Под 1096 г. летописец помещает рассказ знакомого ему новгородца Гюряты Роговича, посылавшего своего отпрыска в Печору, где жили «люди, иже суть дань дающе Новугороду». Оттуда отрок проник еще дальше – в Югру («Югра же людье есть языкъ немь, и соседять с самоядю на полунощных странах»), где услышал таинственные рассказы о людях, заточенных в горах якобы самим Александром Македонским [7, с. 107–108].

Это была далеко не единственная экспедиция новгородцев в те края. Под 1114 г. летописец, со слов ладожского посадника Павла, сообщает о том, что еще раньше новгородские мужи «ходили за Югру и за Самоядь» и видели сами «на полунощных странах» другое чудо: «спаде туча, и в той тучи спаде веверица (белка. – *Авт.*) млада, яки топерво рожена, и възрастьши, и расходится по земли, и паки бывает другая туча, и спадають оленци мали в ней, и възрастають, и расходятся по земли» [7, с. 126–127]. Подобные известия во многом были характерны для некоторых вернувшихся из далеких стран путешественников, рассказывавших небывлицы в уверенности, что вряд ли найдется тот, кто сможет их опровергнуть.

Отделяя в этих рассказах реальность от вымысла, видим, что уже в конце XI – начале XII в. новгородцы забирались далеко на крайний северо-восток Европы, где вели меновную торговлю с народами Севера. О богатстве этих мест говорит известие Лаврентьевской летописи под 1133 г. о том, что во время одной из княжеских распрей новгородцы вынуждены были откупиться

от великого князя Ярополка Владимировича (сына Владимира Мономаха) печорской данью [8, т. I, с. 132].

Спустя два с половиной столетия, в 1386 г., великий князь Дмитрий Иванович Донской в наказание за нападения новгородских ушкуйников на волжские города возложил на Новгород дань в 8 тыс. руб., из которых 5 тыс. было собрано с Заволочья, «занеже заволочане быле же на Волге» [8, т. III, с. 380, 381]. Разумеется, это был экстраординарный сбор. Для сравнения отметим, что на рубеже XIV и XV вв. с Московского княжества собиралась дань от 5 до 7 тыс. руб. [5, № 13, 16, 17].

С очень раннего времени для более равномерного использования природных ресурсов все арктическое побережье Европейской части России было поделено на отдельные промысловые участки. По ним были разбросаны десятки становищ, в которых в сезон добычи рыбы и морского зверя промысловая жизнь была ключом. Здесь стояли жилые избы, а также амбары, скеи (погреба) и постройки, где вытапливали рыбий жир и сушили рыбу. Напоминанием об этом является то, что до сих пор различные части побережья Баренцева и Белого морей, начиная от Норвегии вплоть до устья Печоры, носят различные устойчивые названия: Мурманский берег, Терский берег, Кандалакшский берег и т.д. Границами между ними и поныне являются заметные ориентиры – глубоко вдающиеся в море мысы и устья крупных рек.

При этом чужакам запрещалось вести здесь лов: «А как пошло при моем отце и при моем брате не ходити на Терскую сторону ноугородцам, и ныне не ходять», – читаем в указной грамоте 1294–1304 гг. великого князя Андрея Александровича на Двину посадникам, скотникам и старостам о кормах и подводах для трех ватаг великого князя, занимающихся морским промыслом [1, № 1].

Установить по источникам время появления первых русских землепроходцев на берегах Белого моря довольно затруднительно; поскольку сначала это были достаточно случайные экспедиции, которые затем сменились активным потоком промышленников, проходивших Кенским волоком. Зато у нас есть возможность установить время финального освоения Мурманского, Терского, Кандалакшского и других берегов Белого моря. На востоке крайним из них являлся Захарьин берег, протянувшийся вдоль западного побережья Печорской губы. Он явно получил свое название в честь какого-то Захария, очевидно, человека достаточно видного и богатого. Можно предположить, что это новгородский боярин Захарий (Неревин), избранный в посадники в 1161 г. и убитый новгородцами в 1167 г. [10, с. 335]. В определенной мере это подтверждается тем, что Захарий упоминается в берестяной грамоте № 724, где речь идет о конфликте новгородцев с Андреем Боголюбским. Дело в том, что новгородцы были не единственными, кого манили богатства Заволочья. Начиная с середины XII в. сюда устремляют взоры князья Северо-Восточной Руси. Под 1169 г. летописец сообщает, что новгородский воевода Данислав Лазутинич отправился за

Волок для сбора дани со своей дружиной из 400 человек. Для того чтобы перехватить его, великий князь Андрей Боголюбский послал семитысячный отряд войска, но Данислав обратился в бегство суздальцев, убив у них 1300 человек, а своих потеряв только 14. После этого он отступил, боясь, вероятно, идти дальше, но потом опять двинулся вперед и благополучно взял всю дань, не преминув собрать ее еще и с суздальских подданных. Следующей зимой Андрей в отместку собрал ростовские и суздальские полки, к которым позднее присоединились смоленские, рязанские и муромские князья, и осадил Новгород [8, т. III, с. 221].

Читаем в грамоте (в современном переводе): «От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав (человека, через него) клятвенно заявил: “Не давайте Савве ни единого песца с них собрать. (Я) сам за это отвечаю (или: (Он) сам за это взялся, т.е. он самозванец)”. А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и (его) люди отняли дань. А восемь (человек), что под началом Тудора, вырвались (или вышли из повиновения). Отнесите же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его» [4].

Главным перевалочным пунктом на пути из Заволочья становится Каргополь. Среди письменных источников он впервые упоминается под безличным именем «нового городка белозерского» в «Списке городов русских дальних и ближних», составленном около 1374 г. [8, с. 128].

В литературе была высказана версия, что основание Каргополя относится к 1146 г. Она восходит к «Поденной записке» Г.Р. Державина, когда в 1785 г., будучи правителем Олонецкой губернии, во время посещения города он заинтересовался его историей. Из найденной в монастырских бумагах рукописи следовало, что первоначально здесь обитала «белоглазая чудь», которую покорил некий князь Вячеслав, гнавший ее до берегов Белого моря. «На обратном пути... нашед поле, удобное и для отдохновения и для торжества победы, и место сие тогда как бы покрыто было воронами, и как птица сия и поныне у простолюдинов именуется каргою, то и назвал князь оное каргиным полем и учредил на оном свой стол, покорил под власть свою кочующие здесь народы и возвратился в свою отчизну, оставя на месте сем довольную для усмирения бунтующей чуди стражу; но как народ сей ига рабства сносить не приобвыкший роптал и часто производил мятежи и самоубийства, то... сделал на поле том острог, знаки коего донныне видны» [6, с. 185–186].

Определить, о каком Вячеславе идет речь, помогает то обстоятельство, что среди древнерусских князей единственным обладателем этого имени был младший (пятый по счету) сын Владимира Мономаха Вячеслав Владимирович, родившийся около 1083 г. и скончавшийся в 1154 г. Полагают, что эпизод с Каргополем относится к 1146 г., когда он стал великим киевским

князем; однако в действительности это произошло чуть раньше. По тогдашним правилам наследования, после смерти великого князя его место занимал следующий по старшинству брат, а другие братья соответственно перемещались из «младших» в более «старшие» уделы. После кончины младшего из братьев великокняжеский стол переходил к старшему племяннику и т.д. Все эти переходы осуществлялись в соответствии с «рядом Ярослава Мудрого», прадеда Вячеслава, разделившего Русь между своими сыновьями. Согласно этому документу, на долю одного из сыновей Ярослава Мудрого пришелся Переяславль Южный, вдобавок к которому прилагалась Северо-Восточная Русь.

Первоначально Вячеслав получил княжение в Турове, а в 1132 г. он перешел в Переяславль. Но этот удел ему не понравился – Переяславль находился в непосредственном соседстве с половцами, регулярно разорявшими владения князя, и в 1134 г. Вячеслав самовольно вернулся в Туров, выгнав оттуда племянника. В дальнейшем это стало одним из поводов известной междоусобной борьбы Мономашичей и Ольговичей. Таким образом, эпизод с Каргополом можно отнести к периоду 1132–1134 гг., когда Вячеслав владел Переяславлем и Северо-Восточной Русью.

К остальным показаниям державинской «Записки» следует отнестись более скептически. Не подвергая сомнению факт покорения местной чуди в первой половине XII в., необходимо усомниться в основании Вячеславом здешней крепости. Первые косвенные сведения о ней появляются только в самом конце XIV столетия. Да и смысла в ее возведении «в непроходимых сих местах», как подчеркивает «Поденная записка», не было.

Судя по всему, речь должна идти об остановке княжеской дружины во время полюдья. По известным нам материалам, князь останавливался в четко определенных местах, куда местное население свозило дань. Одним из них стало поле на берегу Онеги на месте нынешнего Каргополя.

Это подтверждает и название города. Утверждение о том, что оно происходит от именованя ворон словом «карга» и полем, над которым они якобы летали, является крайне поздним объяснением в духе народной этимологии. Обратившись к словарю В.И. Даля, видим, что словом «карга» обозначали пешую дорогу вдоль берега [3, с. 80]. Именно отсюда город получил свое имя.

Список литературы

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: в 3 т. Т. III / отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1964.
2. Библиотека литературы Древней Руси: в 12 т. Т. 5 / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб., 1997.
3. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. II. М., 2001.
4. Древнерусские берестяные грамоты. Грамота № 724 // URL: [http:// Gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/724/](http://Gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/724/) (дата обращения: 27.05.2021).

-
-
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
 6. *Пименов В.В., Эштейн Е.М.* Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Очерки. Петрозаводск, 1958.
 7. Повесть временных лет / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1999.
 8. Полное собрание русских летописей. Т. I. СПб., 1846; Т. III. СПб., 1841.
 9. *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979.
 10. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86 т. Т. XII. СПб., 1894.

Угодья богатой семьи Никитиных-Сидоровых в Золотицкой волости Турчасовского стана Каргопольского уезда (XVI век)¹

Алексеева Ярослава Игоревна – старший научный сотрудник, Государственный биологический музей имени К.А. Тимирязева; a-ja@list.ru

В первой половине – середине XVI в. большей частью угодий Золотицкой волости Турчасовского стана Каргопольского уезда владели крестьяне, среди которых прослеживалось сильное имущественное расслоение. Наибольшей долей угодий владела семья Никитиных-Сидоровых. В статье систематизированы данные актовых и писцовых источников о числе и местоположении варниц, пожен, тоней и т.п., принадлежавших этой семье с 1519/1520 по 1568 г.

Ключевые слова: Золотицкая волость, Каргопольский уезд, Русский Север, крестьяне, угодья, XVI век, варницы, пожни, владение.

The lands of the Nikitins-Sidorovs, a prosperous family in Zolotitsa Volost', Turchasov District, Kargopol County (16th century)

Alekseeva Yaroslava I. – senior researcher, K.A. Timiryazev State Biological Museum; a-ja@list.ru

In the first half and middle of the 16th century, most of the lands in Zolotytsa Volost', Turchasov District, Kargopol County were owned by peasants – the class heavily disintegrated by economic stratification. Most of the lands were owned by the Nikitin-Sidorov family. The article presents the data sourced from medieval registers and cadasters, that gives the number and location of the saltworks, meadow lands, fishing grounds, etc., owned by the family between 1519/1520 and 1568.

Keywords: Zolotitsa Volost', Kargopol County, Russian North, peasants, lands, 16th century, saltworks, meadow lands, dominion.

Введение. Золотицкая волость в XVI–XVIII вв. входила в состав Турчасовского стана Каргопольского уезда [1, с. 46; 7, с. 14]. В писцовых книгах этот район назывался «Никольский погост на устье реки Золотицы» [17, с. 476], однако в 1520-х гг. и позднее в поземельных актах повсеместно применялось название «Золотицкая волость»: «в Золотице волости», «в Золотицкой волости», «Золотицкие волости крестьяне» [4, № 57, 120, 121, 256; 9, с. 202, 230,

© Алексеева Я.И., 2022

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме: «История и современное состояние тоней (промысловых участков) Онежского полуострова».

235, 238, 242; и др.]. Границами территории Золотицкой волости по линии берега был мыс Чесменский на западе и район Банева наволока на востоке. Основная часть угодий золотичан располагалась от мыса Чесменский до мыса Лопалахта (ил. 1). В середине XVI в. из населенных пунктов здесь указаны погост в устье р. Золотица (30 дворов) и слободка Каменка (9 дворов) [17, с. 278, 476–477].

К началу XVII в. владельцами большей части золотицких угодий были монастыри [4, № 242; 5, с. 250–264; 14]. Соловецкий монастырь стал приобретать угодья в Золотицкой волости не позднее 1515–1516 гг. Этими годами датирована первая известная закладная Соловецкому монастырю на полтоне на р. Золотица [4, № 26]. Наибольшую часть угодий в Каргопольском уезде Соловецкий и Кирилло-Белозерский монастыри получили во второй половине XVI в. В Золотицкой волости с 1560-х гг. приобретает обширные угодья Кирилло-Белозерский монастырь. Монастыри покупали и получали по закладным и вкладным угодья у крестьян [9; 14]. Известно, что в 1568 г. Кирилло-Белозерский монастырь купил у золотичанина Василия Григорьева Никитина угодья за 800 рублей [14, с. XLIX]. Это наибольшая сумма, полученная разово за угодья в Золотицкой волости. Наличие самых дорогостоящих угодий позволяет предположить, что Василий Григорьев Никитин был самым богатым из золотичан.

Самые богатые двинские крестьяне, владевшие в XVI в. угодьями в нижнем течении Северной Двины, на Летнем и Зимнем берегах, приобрели их главным образом путем покупки у различных лиц. Основным источником доходов богатых двинских крестьян были соляные промыслы, которые давали им возможность приобретения земель [15, с. 276–279]. Можно предполагать, что подобная ситуация складывалась и в Золотицкой волости, т.к. известно значительное количество купчих и закладных, по которым Никитины приобретали свои земли, а солеварение и соляная торговля были важными статьями дохода в Каргопольском уезде [7, с. 156].

Материалы и методы. Купчие, закладные, отступные, вкладные и другие документы хранились крестьянами, а затем монастырями для подтверждения прав на владение. В архивах Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей сохранились документы сделок по передаче угодий монастырям и частным лицам. Частные акты Соловецкого монастыря опубликованы [3; 4]. Имеется подробное описание документов сделок, касающихся угодий Кирилло-Белозерского монастыря [9], часть этих документов опубликована [14; 16]. Информация о составе владений золотичан также содержится в писцовых книгах [17].

О ценности использования крестьянских актов одного района за определенный период времени в качестве источника писал Копанев [11, с. 115]. Число документов о сделках, заключенных в Золотицкой волости в XVI столетии, достаточно велико – более 200. Чтобы получить возможность проанализировать имеющиеся в отдельных документах данные, они были сведены в

таблицу Excel, где в отдельных столбцах указывались место, дата, тип угодий, доля (размер) угодий, цена, покупатель, продавец (владелец), источник. На основании этой таблицы, легко сортируемой по выбранному параметру, мы получили возможность рассмотреть всю цепочку продаж одних и тех же угодий. Как правило, в документах указаны места расположения варниц, пожен и т.д., а также приведены имена их предыдущих владельцев, поэтому в большинстве случаев местоположение угодий можно было идентифицировать. Таким образом, стало возможным подсчитать число варниц, число луков² пожен, и пр., находящихся во владении того или иного лица в определенный период времени. В таблицу были внесены все сведения о людях, живших в Золотицкой волости или владевших здесь угодьями, обнаруженные в источниках с 1515/1516 по 1598 г.

Среди угодий, продаваемых и закладываемых крестьянами отдельно или в комплексе с другими, наибольшее число составляли пожни, дворы и соляные варницы. Единично встречается информация о продаже и закладе тоней, мельниц, полянок, подсек, репищ, кузниц, изб, амбаров, келий и болот. Для оценки доли угодий Никитиных в общих угодиях Золотицкой волости были рассмотрены сведения о числе варниц, пожен, дворов, принадлежавших Никитиным и другим владельцам. Кроме того, были рассмотрены данные о числе тоней и мельниц, т.к. известно, сколько их было в Золотицкой волости.

Семья Никитиных (Никитиных-Сидоровых). В писцовых книгах 1550–1560-х гг. в Золотицкой волости указана Никитинская Сидорова слободка Каменка [17, с. 477], располагавшаяся, вероятно, между мысом Чесменский и р. Пушлахта в районе рыбного стана Каменка (современное название) (см. ил. 1). Вероятно, основателем этой слободки был Никита Сидоров, т.к. предполагается, что антропотопонимы являются производными от имени человека, разработавшего участок, его первооткрывателя [10, с. 352; 16, с. 149; 18, с. 23, 25, 32; и др.]. Никита Сидоров упоминается в документах с 1519/1520 по 1540 г. В это время он приобрел в районе Золотицы и Пушлахты угодья по 14 купчим и закладным [4, № 71; 9, с. 202–210].

Известны три сына Никиты Сидорова: Григорий Большой, Григорий Меньшой Шевель и Иван. Сведения о Григории Шевеле встречаются в документах с 1551 по 1556 г., об Иване – с 1556 по 1582 г., преимущественно в связи с покупкой и продажей угодий в волости Пертнеме, располагавшейся на р. Онеге [3; 4, № 174, 175, 219] (ил. 2). По данным писцовых книг 1561–1562 гг., Григорий Меньшой и Иван Никитин числились в д. Никитинской Парфиева в волости Пертнеме [3, № 557; 17, с. 435].

В 1557 г. Иван отступился от полученных при разделе (видимо, наследства) пожен в Орлове в пользу брата Григория Никитина Большого [9, с. 208]. «Большим» Григорий назван в документе, касающемся Пертне-

²Лук – единица земельного обложения.

мы [4, № 219]. Григорий Никитин Большой (далее – Григорий Никитин) с 1520/1521 по 1560 г. приобрел угодья в Золотицкой волости более чем по 30 сделкам [4, № 177, 219; 9, с. 201–211]. Именно поэтому под семейной Никитиных в тексте подразумеваются Никита Сидоров, его сын (по-видимому, старший) Григорий (Большой), сын Григория Василий. Григорий, в отличие от Григория Меньшого и Ивана, проживал в Золотицкой волости, участвовал в самоуправлении волостью, сборе оброка [9, с. 242]. В документах его называют «золотичанин», сословный статус не указывается. В 1568 г. Григорий был уже стар, «умом опростел» [6, с. 123]; имуществом семьи распоряжался его сын Василий Григорьев, родившийся, по-видимому, не ранее 1540 г. (в 1556 г. он учился писать) [4, № 219].

Варницы. С 1520/1521 по 1540/1541 г. Никита Сидоров и Григорий Никитин приобрели по 8 купчим 7,5 варниц и 3 доли в варнице; по 5 закладным – 6 варниц, а также «варницы» (то есть не менее двух) в Курженицах и Золотице (всего 8 или более варниц). Варницы в Курженицах и Золотице, заложенные Кириллом Косым Никите Сидорову в 1539 г., были отведены детьми Косого Григорию Никитину в 1540/1541 г. При продаже Василием Григорьевым угодий Кирилло-Белозерскому монастырю в 1568 г. указано 14 варниц, только для двух из них места расположения совпадают с ранее упоминавшимися в сделках, о 12 варницах ранее не упоминается. Получаем общее число варниц 27,5 и три доли (т.е. около 28). В трех купчих 1529–1531 гг. место расположения варниц не указано (в том числе 3 долей купленных варниц). Возможно, что корга, на которой располагалась одна из варниц в Пушлахте в 1568 г., называлась Кормановской (купчая 1520/1521 г.) или Кунеховской (закладная 1539 г.). Если исключить варницы с неизвестным местом расположения и одну варницу на Кормановской или Кунеховской коргах, а также 4 варницы, которые были заложены, но, возможно, выкуплены обратно, получаем 21 варницу (табл. 1). Таким образом, от 21 до 28 варниц находилось во владении Никитиных в период с 1520/1521 по 1568 г. В 1568 г. только 10 варниц были в рабочем состоянии, «да в Дуракове ж 2 варницы пустые розволялись и двор варничной пуст; да на Михалице 2 варницы пустые, двор варничной, все обвалялось» [16, с. 421–422]. Остальные варницы, по всей видимости, также запустели.

Помимо варниц Никитиных, в 1569–1573 гг. Кирилло-Белозерским монастырем по 3 купчим было приобретено 20 варниц и одна была заложена монастырю в 1570/1571 г. Соловецкий монастырь приобрел в 1546 г. 3 варницы и одну получил по закладу. В 1532 и 1538 гг. два золотичанина купили по варнице, не упоминавшихся в других сделках. В 1550/1551 г. Василий Шкуль купил доли в разных варницах; в 1556/1557 г. Ларион Пазуха купил по трети в 3 варницах. Всего монастырями и частными лицами, за исключением Никитиных, было куплено 27 варниц, получено по закладу 2 варницы. Если исключить заложенные варницы и варницы с неизвестным местом расположения, то получим минимальное число варниц – 20,83 (табл. 2).

Таблица 1. Число и места расположения варниц в Золотичской волости, приобретенных Никитиными в 1520/1521 – 1540/1541 гг. и проданных ими в 1568 г.

Тип сделки (порядковый №)	Покупатель	Год	Число варниц	Место расположения варниц	Продавец	Источник
Купчая (1)	Никита Сидоров	1539	1	В Орлове	Тропина Сидора жена с сыном Афанасием	[9, с. 241]
			1	Сатаницы		
Закладная (1)	Григорий Никитин	1540	1	Кега	Григорьев Петр, пинежанин	[9, с. 205]
Купчая (2)		1520/1521	1	Кормановская корга	Глухих Леонтий, Лукин	[9, с. 210]
Купчая (3)		1521	1	За Курженицами	Захаров Игнаша Нечай	[9, с. 202]
Купчая (4)		1529	3 доли	Нет данных	Тропа Сидор Фофанов	[9, с. 207]
Купчая (5)		1530	1	Нет данных	Заломаева Василия жена	[9, с. 202]
Купчая (6)		1531	0,5	Нет данных	Фома Леонтьев, Михайлов Иван	[9, с. 203]
Закладная (2)		1538	1	Лопалахта	Лежень Иван Семенов	[9, с. 204]
Закладная (3)		1539	2	Кунехова корга (Влапинская)	Кунехов Фома Дмитриев	[9, с. 208]
Купчая (7)		1539	1	Лопалахта	Костыль Федор Емельянов	[9, с. 205]
Купчая (8)		1540/1541	1	Курженицы	Косые Степан, Михаил и Яков Кирилловы	[9, с. 203]
Отводная по закладной (4)	Кирилло-Белозерский монастырь	1540/1541	2 или более	Курженицы и Золотичская волость	Косые Степан, Михаил и Яков Кирилловы	[9, с. 202]
Купчая		1568	4	Шидровка (в 1536 г. Костыль Федор Емельянов заложил 2 варницы)	Василий Григорьев	[9, с. 208; 16, 1950, 421–422]

				(закладная (5) в Шидровке Никите Сидорову)	
				2	Дураково
				2	Михалица
				6	Пушлахта
<i>Всего варниц: 21–27,5 и три доли</i>					

Таблица 2. Число и места расположения варниц в Золотичской волости, приобретенных в XVI веке монастырями и частными лицами (помимо Никитиных)

Тип сделки (порядковый №)	Покупатель	Год	Число варниц	Место	Продавец	Источник
Купчая (1)	Сидоров Нестор	1532	1	Перт-озеро	Баборезов Павел Кирьянов	[9, с. 239]
Купчая (2)	Мануилов Тимофей	1538	1	Перт-ручей	Заломаева Василия жена	[9, с. 240]
Купчая (3)	Соловецкий монастырь	1546	1	Золотица, устье	Никита Павлов	[4, № 121, с. 75]
		1546	2	Лопалахта	Золотичанин	[4, № 121, с. 75]
Закладная (1)		1546	1	Сатаницы	Петров Авксентий	[4, № 120, с. 74]
Купчая (4)	Шкуль Василий Емельянов	1550	0,33	Сатаницы	Кузьмин Анфим, Есипов Максим	[9, с. 225]
Купчая (5)		1551	0,125	За Кегой	Антонов Самуил	
			0,125	Сатаницы		
Купчая (6)	Кирилло-Белозерский монастырь	1569	6	Нет данных	Мохнаткин Гаврила Семенов	[9, с. 213; 14, с. 4]

Тип сделки (порядковый №)	Покупатель	Год	Число варниц	Место	Продавец	Источник
Купчая (7)	Кирилло- Белозерский монастырь	1571	2	За Кетой	Морозов Дорофей Степанов	[14, с. LIII]
Купчая (8)	Купчая (8)	1573	12	Золотица, р.; Кунехова корга; Перт-наволоок; Пашково оз.; Перт-ручей	Игумнов Терентий Никитин	[9, с. 227; 14, с. 4, LVIII]
Купчая (9)	Шкуль Василий Емельянов	1550/1551	0,25	Горелки	Меньшиков Иван Ефимов	[9, с. 224]
Купчая (10)	Пазуха Ларион Васильев	1556/1557	0,25	Сатаницы	Тарханов Иван Федоров	[9, с. 241]
Закладная (2)	Кирилло- Белозерский монастырь	1570/1571	1	На Средней соловецкой тоне	Игумнов Василий Никитин с сыном	[9, с. 214; 14, с. LIJ]
<i>Всего варниц: 20, 83–29, 08</i>						

Таким образом, число варниц, находившихся во владении семьи Никитиных, и число остальных варниц, продававшихся и закладывавшихся в Золотицкой волости, практически одинаково. Данные о приобретении варничных дворов, варничных мест, соляных колодезей здесь не рассматривались. Наибольшим числом варниц после Никитиных владели Терентий Игумнов и Евсевий Темников. Терентий Игумнов в 1573 г. продал Кирилло-Белозерскому монастырю 12 варниц [9, с. 227; 14, с. LVIII]. Каргополец Гаврила Мохнаткин продал в 1569 г. 6 варниц, купленных им в том же году в составе других угодий у Евсевия Темникова [9, с. 213].

Вероятно, мы располагаем информацией не обо всех варницах. Во-первых, не все акты передачи могли сохраниться, во-вторых, какая-то часть варниц в рассматриваемый период могла не передаваться другим хозяевам, и поэтому мы не можем узнать о них из актов сделок. В 1553 г. всего в Золотицкой волости указаны 41 пустая варница и 5 пустых варничных мест [9, с. 242].

В 1568–1573 гг. Кирилло-Белозерский монастырь купил 30 варниц (считая 10 рабочих варниц от Василия Григорьева) и одну получил по закладной, в 1556/1557 гг. Ларион Пазуха купил по трети в 3 варницах. Иными словами, речь идет о 34 варницах, вероятно действующих, которые упоминались после 1553 г. Если пустующие варницы не восстанавливались, то к 1573 г. общее число пустых и действующих варниц было равно 75. К XVII в. число варниц, видимо, продолжало снижаться: в 1621 г. у Кирилло-Белозерского монастыря было 12 цренов на оброке [2, № 1].

Снижение числа варниц, очевидно, было связано с тем, что ведущая роль в снабжении северной солью центральных районов, которую до середины XVI в. играл Онежский водный путь, перешла к Сухоно-Двинскому пути [19, с. 20–24]. В связи с этим и, возможно, наряду с другими причинами, снизилось и определяющее значение солеварения для Золотицкой волости.

По имеющимся данным нельзя определить точное число варниц, действовавших одновременно в первой половине XVI в.: вероятно, варницы в разное время становились нерабочими, а также в этот период могли основываться новые варницы.

Пожни. С 1519/1520 по 1559 г. Никита Сидоров и Григорий приобрели по 20 купчим, 4 закладным (не подтвержденным купчими) и одной отступной 11,2 луков пожен и пожни без указания числа луков в разных местах Золотицкой волости. Не во всех случаях продажи указана цена пожен. За пожни с указанной ценой, продававшиеся отдельно от других угодий, было уплачено 102 рубля 13 алтынов. За взятые в заклад пожни было уплачено 1700 пудов соли. Наибольшее число купленных пожен располагались вблизи Пушлахты и р. Шидровка, а также в Орлове (видимо, вблизи мыса Летний Орлов) (табл. 3, см. ил. 1). Кроме пожен в Золотицкой волости, у Григория Никитина на оброке были пожни на р. Онеге напротив Кутованги [4, № 242] (см. ил. 2).

Таблица 3. Число и места расположения пожен, приобретенных Никитой Сидоровым и его сыном Григорием в 1519/1520 – 1559 гг. в Золотичской волости (по: [9, с. 201–211])

Тип сделки (порядковый №)	Покупатель	Место	Год	Число луков	Цена	Продавец
Купчая (1)	Григорий Никитин	Орлов, Шидровка	1519/1520	1	Нет данных	Верячий Петр Клементьев, Глухих Фома Леонтьев
Купчая (2)	Никита Сидоров	Орлов, Шидровка		1,75	12 руб.	Шляпа Иван Фролов
Купчая (3)	Григорий Никитин	Шидровка	1520/1521	0,5	3 руб.	Прожерин Михаил Федоров
Купчая (4)	Никита Сидоров	Пушлахта	1520/1521	0,5	9 руб.	Костылев Михаил Емельянов с сыновьями
Купчая (5)		Пушкорга	1520/1521	0,75	6,5 руб.	Безтодок Семен Павлов и его па-сынки
Купчая (6)	Григорий Никитин	Пушлахта	1521/1522	0,5	3 руб.	Репа Василий Пахомов
Купчая (7)	Никита Сидоров	Пушлахта	1521/1522	2	16 руб.	Шляпа Иван Фролов
Купчая (8)		Орлов	1526	0,25	3 руб.	Шляпа Иван Фролов
Купчая (9) по закладной		Орлов, Шидровка	1526	0,75	20 руб. (и двор)	Глухих Левонгий, Иван, Никита и Федор Лукины
Купчая (10)	Григорий Никитин	Пушлахта	1527	0,125	40 алтынов	Выборцев Семен Васильев

Купчая (11)	Никита Сидоров	На золотицком берегу	1529	2 пожни	4 руб.	Клементьев Семен
Купчая (12)	Григорий Никитин	Золотица, р., Пушкоозеро, Пушлахта	1532/1533	0,25	3 руб.	Игнатий Захарын сын Нечай
Купчая (13)	Никита Сидоров	Курженицы	1532	0,5	3 руб.	Мохнаткин Иван Иванов
Закладная (1)		Шидровка	1536	0,5 и 2 варницы	700 пузоз соли	Костыль Федор Емельянов
Закладная (2)		Золотица, р., Пушкоозеро, Пушлахта	1537	Пожни в числе других угодий	400 пузоз соли	Григорьев Парфен, Меньшого сын Василий Семенов
Закладная (3)	Григорий Никитин	Лопалахта	1538	Пожня в числе других угодий	600 пузоз соли	Лежень Иван Семенов
Закладная (4)		Нет данных	1539	0,5	5 руб.	Костыль Федор Емельянов
Купчая (14) по закладной		Лопалахта	1539	0,25 и варница	15 руб.	Костыль Федор Емельянов
Купчая (15)		По рекам, озерам, лесу	1540-1541	0,25	3 руб.	Агафоновы Василий и Григорий, толвуяне
Купчая (16)		Золотица, р., Пушкоозеро, Орлов, Репинская корга	1540-1541	0,5	6 руб.	Нестеров Иван
Купчая (17)		Золотица, р., Орлов, против Репинской корги	1550-1551	0,0625	2 руб.	Селиванов Григорий
Купчая (18)		Репинская корга	1551	0,125	1,5 руб.	Вертячий Петр Клементьев

Тип сделки (порядковый №)	Покупатель	Место	Год	Число луков	Цена	Продавец
Купчая (19)	Григорий Никитин	Выгозеро и др.	1552	0,375 (пожни, нивы, путики и др.)	Нет дан- ных	Вертячий Петр Кле- ментьев
Отступная (1)		Золотица, р., Пуш- коозеро, Пушлахта, Сенные ручьи	1555-1556	Пожни	Нет дан- ных	Иумновы Василий и Герентий Ники- тины
Купчая (20)		Золотица, р., Орлов, Золотицкое озеро	1559	0,25	4 руб.	Выборцевы Василий и Григорий Степа- новы
<i>Всего</i>	-	-	-	11,19 луков по- жен и отдельные пожни	Более 102 руб. 13 алтынов	-

Подсчитать число луков в сделках о передаче собственности на пожни, помимо заключенных Никитиными, не представляется возможным, т.к. в большинстве случаев в них указано число пожен, а в сделках, которые осуществляли Никитины, указано число луков. Кроме того, возможно, «лук» обозначал не определенный размер, а долю в угодьях, т.к. цена лука сильно варьировала (от 6 до 32 руб.) (см. табл. 2). Луковое число, определявшееся долей в угодьях, отмечалось в XVI столетии в Кемской волости [10, с. 274–276].

Определить размеры пожен по цене также затруднительно, поскольку их часто продавали в составе других угодий. Например, Иван Семенов в 1560 г. продал Соловецкому монастырю двор в Золотице с землей, полянкой, огородом, избу, два хлева, два сарая, мыльню и пожни за 3 рубля [4, № 248]. Поэтому невозможно сравнить число пожен, купленных и полученных по закладным Никитиными, с общим числом купленных и заложенных пожен в Золотицкой волости.

Предполагая, что для увеличения размера угодий основным способом была их покупка, мы можем сравнить число купчих, по которым Никитины и другие золотичане приобретали пожни. Терентий Игумнов в 1545–1570 гг. по 16 купчим и одной закладной приобрел пожни вблизи р. Золотица, губы Пушлахта и в районе Орлова за 50 руб. 22 алтына (цена отсутствует только для одной сделки), в том числе у своих братьев [9, с. 228–237].

Спасеньевыми было приобретено до 1547 г. около 3,73 лука в Орлове и Пушлакте у шести владельцев [4, № 127]. Шкуль Василий Емельянов в 1542–1555 гг. по 5 купчим приобрел пожни в районе Орлова и р. Золотица за 3 руб. 17 алтынов 2 гривны (включая одну купчую на пожни в составе других угодий) [9, с. 224–225].

Два человека (Игумнов Василий, Щербина Фока) купили пожни по 4 купчим, один (Никита Павлов) – по 3 купчим; 8 человек – по 2 купчим; 35 – по одной [3; 4; 9; 14].

Таким образом, в наибольшем числе случаев приобретали пожни Никитины (20 купчих, 4 закладных, одна отступная; цена покупки более 102 руб.); Терентий Игумнов (16 купчих и одна закладная; цена покупки более 50 руб.); Спасеньевы (6 купчих); Василий Шкуль (5 купчих, цена покупки 3 руб. 17 алтынов 2 гривны).

Тони. В 1551–1556 гг.³ в Золотицкой волости указано 28 оброчных семужных тоней от мыса Летний Орлов до границы с Лопшеньгской волостью и «на реке на Золотице рыбные ловли оброчные» без указания числа. Можно предположить, что всего оброчных тоней было около 30. Большая

³ Отпись К. Дубровского и Л. Ананьина о приеме дани и оброков, где приведены сведения о тонях, датированная 1 марта 1559 г. [4, № 242], составлена по книгам письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова, которые проводили описание Каргопольского уезда в 1551–1553 гг. [8, с. 141], и, по-видимому, дополняли его в 1555/1556 гг. [10, с. 55].

их часть принадлежала жителям других волостей, 3 тони — Соловецкому, одна — Александро-Ошевенскому монастырям. Среди владельцев оброчных тоней указаны четыре золотичанина: трем из них принадлежали 2 тони, Григорий Никитин владел 5 тонями. Доли в 2 тонях в Дураковом становище были куплены им в 1546 г. у жителей Фехталимской волости и волости у Тевзы горы (всего в долях 1,5 тони) [7]. Также Григорий Никитин владел тонями на Перт-Наволоке и в Сатанцах, и 2 тонями на р. Золотица. Кроме того, на оброке у него были р. Шидровка и р. Пушка для лова кумжи, губа Пушлахта для промысла сельди, о. Жижгин и корги вокруг него для добычи нерпы [4, № 242; 6, с. 125–127; 16, с. 420–423] (см. ил. 1).

Мельницы. Всего в Турчасовском стане по Платежной книге в 1555/1556 г. указано 6 оброчных мельниц, 3 из них находились в Золотицкой волости. Они принадлежали Григорию Никитину. Одна была расположена на р. Пушка, 2 — на р. Золотица [17, с. 288]. Кроме того, одна мельница, расположенная в устье р. Золотица, указана среди угодий, проданных в 1573 г. Кирилло-Белозерскому монастырю Терентием Никитиным Игумновым [9, с. 227; 14, с. LVIII].

Дворы. В 1526 г. Никита Сидоров по купчей получил двор в составе других угодий, заложенных в 1520 г. [9, с. 209] (по-видимому, в районе Пушлахты). В 1526 г. он также купил двор «с хоромы и землю, и с огородом капусным, овин на поле» [9, с. 204]. В 1537 г. по закладной он приобрел двор в Золотице в составе других угодий [9, с. 206]. В 1538/1539 г. Григорию Никитину был заложен двор с землей за 200 пудов соли. В 1543 г. он купил двор «с полуогородом» за четверть рубля, в 1553 г. дворище с землей за рубль [9, с. 202]. Всего ими было куплено 3 двора и 3 двора получено по закладным (передача по одной из них подтверждена купчей). Всего в 1561 г. в Золотицкой волости значилось 39 дворов [17, с. 477].

С 1520 по 1571 г. большинство крестьян приобретали по купчим и закладным от одного до двух дворов [4, № 220; 9, с. 201–239; 14, с. LI–LII, XLIX]. Помимо Никитиных, более двух дворов приобрели Василий Шкуль и Терентий Игумнов. Шкуль в 1530–1556 гг. купил 3,25 двора [9, с. 223–237]. Игумнов по купчим и одной закладной в 1549–1556 гг. приобрел 9,5 двора, половину дворища и треть деревни [9, с. 227–335]. Таким образом, самое большое количество дворов приобрел Терентий Игумнов. Возможно, это было связано с тем, что у него было шесть сыновей [9, с. 227; 14, с. LVIII], для которых Терентий мог приобретать дворы, а у Григория Никитина, по-видимому, был только один сын Василий.

Пертнема. Никитой Сидоровым была приобретена часть деревни в волости Пертнеме (см. ил. 2) [3, № 557]. По двум купчим приобрел здесь в 1551 г. 1,25 обжи «со всем угодьем» Григорий Никитин Шевель [4, № 174, 175]. В 1552 г. в Пертнеме купил «пол-обжи земли без осмые доли» Григорий Никитин Большой [4, № 177]. В 1556 г. Григорий Шевель и Григорий Большой продали купленные доли обжи и «три обжи с полчетвертью», доставшиеся

им от отца, своему брату Ивану [4, № 219]. Иван с сыновьями продал купленное у братьев Соловецкому монастырю в 1574/1575 г. [3, № 557].

Младшие сыновья Никиты Сидорова проживали в Пертнеме; с Пертнемой помимо Золотицкой волости, были связаны имущественные интересы Никиты Сидорова и его сыновей. При продаже Иваном угодий указано, что он продает угодыя «отца купли». Однако, по-видимому, нельзя исключать, что Никита Сидоров мог владеть здесь не только купленными угодыями, но и полученными по наследству. Возможно, он был родом из Пертнемы, отсюда уехал на Онежский полуостров и основал слободку Каменку.

Результаты и обсуждение. В середине XVI в. наибольшая часть варниц, пожен, дворов, мельниц и других угодий Золотицкой волости была сосредоточена в руках нескольких золотичан (Т. Игумнов, В. Шкуль, Н. Павлов, Г. Никитин). Вероятно, средства на приобретение обширных угодий были получены в результате удачной торговли солью, производившейся на золотицких варницах. Варницы и приуроченное к ним хозяйство (варничные дворы, варничные места, црены, соляные колодези), наряду с дворами и пожнями чаще всего встречаются как предмет купли-продажи в первой половине XVI в. [9, с. 224, 229; и др.]. В наибольшем числе сделок предметом торговли являются пожни. Дрова возили к варницам на лошадях, поэтому сенокосные пожни, обеспечивавшие лошадей сеном, были важны для производства соли. В сотной 1561 г. на погост «на устье реки Золотицы» золотичане числятся «соловарами», «рыболовами», «казаками» [17, с. 476–477]. До 1548 г. встречаются сделки, в которых угодыя продавали и закладывали за соль [4, № 26; 9, с. 202, 204, 231–232, 239, 241; и др.], видимо, в расчете удачно ее продать и выкупить заложенное. Порог и Турчасов посад (см. ил. 2) в первой половине XVI в. были важными торговыми центрами, куда свозилась соль для продажи [7, с. 156]. Имущественное расслоение среди крестьян, приобретение угодий путем покупки и получения в заклад, отмечавшееся в Золотицкой волости в XVI в., характерно в этот период и для других районов Русского Севера [11, с. 121–123; 12, с. 247–248; 13, с. 64; 15, с. 276–279].

Наибольшим числом золотицких угодий владели Никитины. К середине XVI в. Григорий Никитин приобрел около половины из всех купленных и заложенных в Золотицкой волости варниц, более 11,2 луков пожен. Ему принадлежали 5 семужих тоней (остальные золотичане владели 2 тонями), 3 мельницы (из 3 или 4). Владения Никитиных располагались по всей волости, по линии берега от мыса Чесменский до тони Михалица (см. ил. 1). Обширные размеры угодий предполагали, по-видимому, использование наемного труда.

В документах встречается очень мало сведений, где указана Никитинская Сидорова слободка Каменка. Основал ли ее Никита Сидоров, или играл в жизни слободки важную роль, он должен был осваивать или покупать здесь угодыя. Вероятно, документы об этом не сохранились; не сохранились также сведения о возможных покупках Никитиных до 1519/1520 г.,

которым датирована их первая известная купчая. На имеющемся с этого времени материале прослеживается процесс округления Никитиных своих угодий путем покупки их у мелких собственников. Никитины практически ничего не продавали. Известны только три сделки, когда они выступали в качестве продавцов. В 1560 г. Григорий Никитин и его сын Василий продали Никите Павлову две мельницы «на Золотице реке» [9, с. 211], в 1565 г. Василий продал Терентию Игумнову амбар [9, с. 229], а в 1567 г. — Фоке Щербине «келью отца своего» в Золотице [9, с. 241].

Терентий Игумнов так же, покупая угодья у мелких собственников, увеличивал свои владения, размеры которых были самыми большими после владений Никитиных. Кирилло-Белозерский монастырь купил у Василия Никитина и Терентия Игумнова уже округленные ими значительные по размерам угодья по всей Золотицкой волости. До 1568 г. в Золотицкой волости известны только мелкие единичные покупки угодий Кирилло-Белозерским монастырем [9, с. 202]. Однако 19 июня 1568 г. Василий Никитин продает монастырю свои обширные угодья за 800 руб. [6, с. 125–127]. После этого монастырь покупает угодья у каргопольца Мохнаткина (купленные им в том же году) за 114 руб. (1569 г.), у Морозова за 33 руб. (1571 г.), у Терентия Игумнова за 205 руб. (1573 г.) [9, с. 213, 227; 14, с. LIII, LVIII], а также покупает, берет в заклад, получает по вкладам угодья более мелких собственников [9, с. 214–244; 14, с. XLIX–LV, LX–LXI]. Уже с момента покупки у Василия Никитина Кирилло-Белозерский монастырь становится самым богатым собственником угодий в Золотицкой волости.

Почему Василий Никитин решил продать угодья, десятилетиями приобретаемые его дедом и отцом? Причины, по которым он это сделал, в документах не указываются. Ко второй половине XVI в. многие варницы запустели, значение Онежского пути торговли солью снизилось, снизилась роль онежских соляных торговых центров — Порога и Турчасова посада [7, с. 143]. Очевидно, упали и доходы от солеварения и торговли солью. Золотицкая волость утратила свое значение в качестве места, где можно было заработать состояние. Однако, возможно, это была не единственная причина, по которой Василий мог продавать свои владения.

С 1565 г. Каргопольский уезд был включен в опричнину [7, с. 143]. В 1568 г. началось опричное разорение Варзужской и других волостей Поморья, получившее название «Басаргин правож» [16, с. 198–199]. Складывавшаяся в этот период обстановка, по всей видимости, не могла не вызывать тревоги, особенно у владельцев значительных угодий. Возможно, Василий Никитин принял решение продать имущество, опасаясь, что может все потерять.

После продажи угодий 19 июня 1568 г. сведения о Василии Григорьеве в имеющихся документах не обнаружены. Информация о его дяде, Иване Никитине, встречается в документах до 1582 г.; по всей видимости, он продолжал проживать в районе Пертнемы или рядом с ней после продажи деревни в

Пертнеме [3, № 557], т.к. его имя встречается среди имен свидетелей сделок в Турчасове [3, № 627, 807].

В годы опричнины усилилась политика переселения в Москву торговых людей и богатых крестьян из разных районов Поволжья, Приуралья, Поморья, в том числе из Каргополя. Возможно, и Василий Григорьев, которому, по-видимому, в это время не было и 30 лет, переехал в Москву или Каргополь, и вложил свой капитал в торговлю.

Заключение. В работе были рассмотрены данные о самом раннем из известных по документам периоде истории Золотицкой волости. Документы XVI в. содержат информацию об угодьях и их владельцах, о заключаемых сделках, о возникавших из-за угодий спорах, о новых разрабатываемых участках, о родственных связях жителей разных волостей Турчасовского стана и многом другом. Эти данные многочисленны, но разрозненны. Сведение информации из этих документов в единую базу, по-видимому, может быть полезным в изучении не только размеров угодий и способов их приобретения, но и других вопросов, касающихся ведения хозяйства, освоения и заселения Золотицкой и других волостей Онежского полуострова.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках. Архангельск, 1997.
2. Акты Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. в Парижской Национальной библиотеке // Советские архивы. 1979. № 4.
3. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
4. Акты Соловецкого монастыря: 1479–1571 гг. Л., 1988.
5. Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 2. СПб., 1894. (Русская историческая библиотека. Т. 14)
6. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
7. *Алексеева Я.И.* О владельцах семужих тоней в районе погоста Золотицы Турчасова стана Каргопольского уезда в XVI веке // Соловецкий сборник. Вып. 17. Архангельск, 2021. С. 96–112.
8. *Васильев Ю.С.* Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. Вологда, 2013.
9. *Енин Г.П.* Описание документов XIV–XVII вв. в копиях в книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 1994.
10. *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья. СПб., 2007.
11. *Копанев А.И.* Крестьянское землевладение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972.
12. *Копанев А.И.* Платежная книга Двинского уезда 1560 г. как источник по социально-экономической истории Севера // Вспомогательные исторические дисциплины. Сб. 2. Л., 1969.
13. *Мюллер Р.Б.* Очерки по истории Карелии в XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.

-
-
14. *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625): в 2 т. Т. 1, вып. 2. СПб., 1897–1910.
 15. *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.
 16. *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. Л.; М., 1950.
 17. Северный археографический сборник. Вып. 2: Северные писцовые книги. Вологда, 1972.
 18. *Симина Г.Я.* Географические названия. Л., 1980.
 19. *Французова Е.Б.* Торговля солью в Вологде В XVI в. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв. СПб., 2001.

Тони – промысловые участки Онежского полуострова: прошлое и современность (К вопросу о формировании и сохранении названий тоней)

Анциферова Анна Ивановна – главный хранитель музейных фондов, Национальный парк «Кенозерский»; antsiferova@kenozero.ru

В статье на основе архивных, научных, литературных и полевых материалов обобщается информация о процессах и условиях формирования промысловых участков Онежского полуострова, анализируются причины и закономерности, повлиявшие на названия современных тоней Летнего и Онежского берегов Белого моря.

Ключевые слова: тоня, промысловый участок, промысел семги, Онежский полуостров, Летний берег Белого моря, Онежский берег Белого моря.

The fishing grounds of the Onega Peninsula: The past and the present (Revisiting the history of fishing grounds as placenames)

Antsiferova Anna I. – chief museum collections curator, Kenozero National Park; antsiferova@kenozero.ru

The paper summarizes the archival, research-based, literary and field data to discuss the processes and the conditions of the evolution of the fishing grounds on the Onega Peninsula. Causes and patterns are presented that had influenced the names of the modern fishing grounds along the Letnii Coast and the Onega shores of the White Sea.

Keywords: fishing ground, seine fishing ground, salmon fishing, Onega Peninsula, Letnii Coast of the White sea, Onega Coast of the White Sea.

Тони – промысловые участки на берегу моря, состоящие из комплекса жилых и хозяйственных построек, – являются важнейшими объектами морского наследия Поморья.

Тема морских прибрежных промыслов Онежского полуострова – малоизученная тема. В архивных документах XV–XIX вв. встречаются разрозненные упоминания тоней Онежского полуострова. В 1910 г. Василий Рафаилович Алеев, младший специалист по рыболовству Архангельского управления земледелия и государственных имуществ, обследовал Летний и Онежский берега Белого моря с целью изучения расположенных на них промысловых участков. Впервые им были описаны тони Онежского полу-

острова с упором на Летний берег, где находилась большая часть участков, специализировавшихся на промысле семги, сделаны выводы об их продуктивности.

В XX столетии упоминания и описания отдельных тоней Онежского полуострова встречаются в произведениях М.М. Пришвина, посетившего д. Лопшеньгу в 1907 г.; московского художника В.В. Рождественского, запечатлевшего поморов Лопшеньги и Летнего Наволока в 1937–1938 гг., описавшего особенности колхозного рыбного (семужьего) промысла, поморские тони, быт поморов и их самих; фольклориста Н.И. Рождественской, опубликовавшей некоторые устные рассказы местных жителей конца 1930-х гг. В газете Приморского района Архангельской области «Ленинский завет» в 1960–1970-х гг. публиковались статьи об отдельных промысловых участках рыболовецких колхозов «Заря» (д. Яреньга и Лопшеньга), «Беломор» (д. Летний Наволок, Летняя Золотица и Пушлахта).

В 2017–2018 гг. состоялось несколько экспедиций с целью изучения морских прибрежных промыслов, промысловых участков, традиционного судостроения Онежского полуострова. По итогам экспедиционных обследований территории были подготовлены научные отчеты. Я.И. Алексеева, старший научный сотрудник Государственного биологического музея имени К.А. Тимирязева, систематизировала историческую информацию о промысловых участках Летнего берега Белого моря и опубликовала ряд статей о владениях Соловецкого монастыря на Онежском полуострове. В.Н. Матонин, кандидат исторических наук, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и религиоведения САФУ имени М.В. Ломоносова, и С.В. Рапенкова, кандидат технических наук, заместитель директора Соловецкого морского музея, на протяжении нескольких лет изучали промысловую культуру Летнего берега Белого моря (пос. Пертоминск, д. Лопшеньга, Луда, Уна). Ю.М. Наумов, старший научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы», исследовал историю и современное состояние традиционного судостроения и судоходства на Онежском полуострове.

В прошлом на Онежском полуострове насчитывалось несколько сотен тоней. Большая часть промысловых участков и сегодня используется по своему прямому назначению. Однако в последние годы по ряду субъективных и объективных причин усиливается тенденция, в результате которой промысловые участки Летнего и Онежского берегов Белого моря, формирование и использование которых началось еще несколько веков назад, могут быть не только совершенно заброшены, но и этнографическая информация о них может быть полностью утраченной. В связи с такой ситуацией, когда многие жители деревень, как показали беседы автора с местными жителями, уже не знают названий тоней и мест их расположений, необходимо в ближайшее время произвести максимальный сбор всей информации с целью каталогизации промысловых участков.

Тони в Поморье возникли преимущественно для промысла семги. «Добыча семги — одно из самых древних видов беломорского рыболовного промысла. В количественном отношении этот вид промысла всегда уступал сельдяному, но в ценностном выражении он обычно стоял на первом месте и был важнейшим средством существования местного населения» [13].

«Семга и по сей день продолжает играть важную роль в жизни населения Беломорья, сохраняя некоторое значение как объект промысла. Однако ее нынешняя роль далека от той, которую она играла на протяжении нескольких столетий освоения Русского Севера. В эти столетия семга и поморы образовывали систему, основой которой был промысел такого количества рыбы, которое, с одной стороны, оказывалось достаточным для продолжения рода семги, а с другой — для обеспечения жизни людей на Севере. Основными ресурсами для освоения этого обширного и сурового региона, где сельское хозяйство возможно лишь в очень ограниченных масштабах, являлись охота, рыболовство и солеварение. По объему промысла семга уступала другим видам, но цены на нее были существенно выше, чем цены на треску и сельдь. Не зря на Русском Севере семгу называли “рыбой”, а всех других рыб — по их названиям. Крупную семгу просто так не ели, ею платили налоги, отправляли к царскому столу, преподносили в качестве подарков знатым людям, продавали в южные регионы страны, для того чтобы купить хлеб и изделия из железа. Часто лосося по этой причине и называли “семгой-матушкой»» [8] (ил. 1).

Такая система сложилась по всему Беломорью, включая Онежский полуостров. М.М. Пришвин в повести «Волшебный колобок» после посещения д. Лопшеньги в 1907 г. писал: «Деньги получают от продажи зверей, наваги, сельди и семги. Узнаю, что все эти промыслы ничтожны и случайны, кроме семги.

— Стало быть, кормит вас семга?

— Она, матушка» [12, с. 166].

Первые выявленные на данный момент упоминания тоней на Летнем берегу Белого моря относятся к XV — началу XVI в. Часть этих промысловых участков расположена между д. Яреньгой и Лопшеньгой, часть — между Лопшеньгой и Летним Наволоком.

К первой четверти и середине XV в. относятся упоминания тоней в устье р. Яреньга и тони «Великий разлог», относящихся к промысловому району д. Яреньги. Подробное описание промыслового участка, его границ, стоимости приводится в купчей на тоню на р. Яреньга: «Се купи поць Максимъ Иониничъ у Семеновыхъ дѣтеи у Левонтѣя и у Ивана на Лѣтной стороны тони, рѣку Яренгу от устья и до верховья, по обѣ стороны рѣки пожни и озора с пожнями»¹. Уже в середине XV в. эта же тоня на р. Яреньга отошла попу Антону Максимову — сыну предыдущего владельца попа Максима Ионина:

¹ Первая четверть XV в. — Купчая попа Максима Ионовича у Леонтия и Ивана Семеновых детей на тони по реке Яренге на Летней стороне // DrevLit.Ru. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_Novgoroda_knjaz/121-140/135.php (дата обращения: 25.01.2022).

«Раздельная попа Якова и попа Антона Максимовых детей... на Летней стороне попу Антону досталось на Лътней сторонь рька Яренга, и на морь тонарь рыбь ловити...»².

В первой четверти XV в. попом Максимом Иониным были приобретены и другие промысловые участки — «рыбные ловли» — в районе современной д. Яренги: «Великий лог» (современное название «Разлог») и «Подмошечкая» (современное название «Подмошечная»). К середине XV в. относятся упоминания тони «Великая Сярта» (современное название «Сярта»), расположенной при впадении р. Сярта в Белое море и принадлежавшей в 1551 г. Соловецкому монастырю, а в 1554 г. — Николо-Корельскому монастырю³ (ил. 2).

В сдельной грамоте Мартемьяновых и Федоровых детей с Амосом Ивановым от 16 февраля 1491 г. среди поселений и угодий Двинской земли, в том числе и Онежского полуострова, указывается яренгская тона «Лавкота»: «... и на Летней стороне тони в Лавкохте, и на Двине тони»⁴. В 1505–1506 гг. в купчей, заключенной между Тимофеем Григорьевым сыном Шеином и Селиваном Клементьевым сыном предметом купли-продажи стали яренгские тони «Дресвянка» и «Подмошечная»: тони «под Мошком и Дрестовянка на летней стороне»⁵. К 1505 г. относится договор о смене владельцев у лопшеньгских тоней «Тотманга» (другой вариант — «Тотманга») и «Спорница»: «... купчая на тоню Тотмангу на летней стороне и на половину тони Спорницы, проданные Стефаном Терентьевым сыном Дементию и двум Семенам Дорощеевым детям Морозовым»⁶. Большая часть тоней, расположенных на Онежском полуострове, известны по различным документам с XVI–XVII вв.

² Середина XV в. — Раздельная попа Якова и попа Антона Максимовых детей на пожни в Койдокурье и на Летней стороне // DrevLit.Ru. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_Novgoroda_knjaz/201-220/204.php (дата обращения: 25.01.2022).

³ *Алексеева Я.И.* Научный отчет «История рыбных и морских звериных промыслов деревень Лямца, Пушлахта, Летняя Золотица, Летний Наволок, Лопшеньга, Яренга, Уна, Луда, пос. Пертоминск (XV в. — 1920-е гг.)». 2017 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 14 (Приложение).

⁴ Библиотека Академии наук. Арханг. собр. № 1192. Л. 73–78 об. URL: <https://litvek.com/br/209735?p=60> (дата обращения: 18.01.2022).

⁵ Купчая («купная») на тони под Мошком и Дрестовянку на летней стороне, проданные Тимофеем Григорьевым сыном Шеином Селивану Клементьеву сыну. Список XVI в. 1505–1506 гг. URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2020/07/5-%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4-%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C-1.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

⁶ «Купчая» на тоню Тотмангу на летней стороне и на половину тони Спорницы, проданные Стефаном Терентьевым сыном Дементию и двум Семенам Дорощеевым детям Морозовым. Список XVII в. 15 декабря 1505 г. URL: <http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2020/07/5-%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4-%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C-1.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).

Еще в начале XX в. промысловые участки располагались по всему побережью, друг за другом. Л.В. Костиков, сотрудник этнографического отдела Русского музея, в 1910 г. писал о семужьем промысле Онежского полуострова: «Промысел настолько распространен, что весь берег от Яренги до Пурнемы “усеян” избушками — семужьими, “тоньскими”, все курные, расположенными одна от другой на расстоянии около версты» (цит. по: [5, с. 62–98]). «По всему берегу нет такого места, где бы семга не ловилась совсем: тони без перерыва следуют одна за другой. Весь Летний берег можно себе представить уставленным тайниками. Наименьшее расстояние между тайниками — 30 саж.⁷ на Лопшеньгской тоне № 11 (тоня Варница). Тоней на коргах Ухт-Наволока кончается Летний берег и вместе пространство непрерывных тоней. От Ухт-Наволока до Летне-Орловского мыса еще есть семужьи тони, но дальше последнего уже не простираются», — зафиксировал в 1910 г. В.Р. Алеев [2, с. 81–82].

И в настоящее время жители Летнего берега, оценивая свои промысловые участки, в первую очередь подчеркивают: «Тоня семужья, здесь семгу промышляют». В то же время на отдельных тонях параллельно, особенно в колхозное время, занимались прибрежным ловом беломорской сельди.

Тони появились в наиболее удобных для промысла местах. Большая часть промысловых участков Онежского полуострова расположена при впадении в Белое море рек и ручьев, что повлияло на их названия. Так, тони Летнего берега Белого моря («Люленьга», «Площина», «Галдарея», «Сярта», «Сосновка», «Тотьманга» (ил. 3), «Усть-Яреньга», «Михалица», «Лавкота», «Гнидино») и тони Онежского берега («Чернявшина», «Грязновская» и другие промысловые участки) расположены поблизости от одноименного источника пресной воды: реки, ручья или озера.

Названия некоторых тоней поблизости от мысов, которые местное население традиционно называет наволоками, соимённы с ними: на мысе Ухт-Наволока известна тоня «Ухт-Наволок» (ил. 4), на мысе Перт-Наволока расположена тоня «Перт-Наволок», на мысе Вей-Наволока — тоня «Вей-Наволок».

Некоторые тони Онежского полуострова получили свои названия, предположительно, от имен своих первых владельцев. Современная тоня «Волчья», принадлежавшая в начале XX в. жителям д. Летняя Золотица и используемая в настоящее время рыболовецким колхозом «Беломор», в 1618 г. под названием «Волковская» была зафиксирована за жителем д. Лямцы Анцифором Волковым. Тоня «Кончаков Наволок», принадлежавшая жителям д. Летний Наволок, в 1559 г. упоминается как собственность Емельяна Кондратьева с братьями, детей Кончаковых из Клещева Поля, что на р. Онеге, промышлявших семужьей ловлей у Кончакова Наволока [3, с. 110]. Ручей Тимофеевский и тоня «Тимофеевская», упоминаемая в купчей 1547 г., получили свои названия от родового имени турчасовцев Васюка и Ивашки Ти-

⁷ Сажень, или сажёнъ, — старорусская единица измерения расстояния, равная 2,16 м.

мофеевых [3, с. 109–110]. А название «Дураково становище», основанное, предположительно, в середине XV – начале XVI в. изначально обозначало временное место промысла Дураковых из Лямцы [3, с. 110]. По фамилии этой семьи, очевидно, названа была д. Дураково, переименованная в 1935 г. в Летний Наволок [1, с. 130]. Банев-Наволок и лопшеньгская тоня «Банева», маркирующие современную границу промысловых районов д. Лопшеньги и Летний Наволок, где в XIV в. проходил «Онежский рубеж» – граница Новгородского и Московского государств на Онежском полуострове, – в 1527 г., а возможно и раньше принадлежали семье Баневых [3, с. 110]. В 1560 г. в Платежной книге Двинского уезда Баневы указаны жителями посада Луда [11, с. 519].

В современных названиях некоторых тоней Онежского полуострова отражена их монастырская история. Уже с середины XVI в. часть промысловых участков постепенно переходит монастырям, сохранявшим свои владения и в начале XX в. Самыми крупными владельцами тоней являлись Соловецкий [3, с. 96–112], Кирилло-Белозерский [7, с. 200–452] и Николо-Корельский монастыри⁸. Также на Летнем берегу тонями в разные периоды владели Александро-Ошевенский, Пертоминский Спасо-Преображенский, Антониево-Сийский и Кожеозерский монастыри, Архангельский мужской монастырь, Холмогорский девичий монастырь, Архангельский Архиерейский дом⁹. На Онежском берегу среди владельцев тоней в XVI в. упоминается также Кирилло-Сырнинский Успенский монастырь [4, с. 158].

М.М. Пришвин в 1907 г. в Лопшеньге зафиксировал актуальную для того времени ситуацию: «Всего тонь оказывается сорок четыре и еще двенадцать архиерейских, одна Сийского монастыря, одна Никольского, одна Холмогорского. <...>.

– Монахи самые лучшие тони отобрали.

– Как же они смели? – гневаюсь я. – По какому праву?

– Права у них, батюшка, давние, еще со времен Марфы Посадницы» [12, с. 166].

К современному промысловому району д. Лопшеньги относятся тоня «Никольская» (ил. 5), которой Николо-Корельский монастырь владел в конце XVI – начале XX в.; тоня «Спасская», упоминаемая в 1560 г. («тони Спасские, что Спас на Курцове» [11, с. 519]) и в начале XX в. принадлежавшая Спасскому монастырю [2, с. 120–121]; тоня «Сийская» – в начале XX в. собственность Антониево-Сийского монастыря [2, с. 118–119]. В 1938 г. фольклорист Н.И. Рождественская записала рассказ 68-летней жительницы д. Лопшеньги Марфы Ивановны Майзеровой: «На Сийских тонях

⁸ Алексеева Я.И. История рыбных и морских звериных промыслов... Приложение.

⁹ План Архангельской губернии и уезда, Лопшеньгской волости, по берегу Белого моря рыбным тоням (1808 г.) // Государственный архив Архангельской области. Ф. 114. Оп. 3. Д. 14.

сидела три лета. От Сийского монастыря тони купцы архангельские брали. А наши мужики, которые богаты были, у купцов их наберут (в аренду). Сами-то не сиживали, а посадят нашего брата: казаков да казачих. Самые хорошие монастырские-то и были тони, они промышленные: всякий год рыбы было много: нигде нет, а тут уж всегда есть, из веков так было. Вот лето и трудишься на богачей. Мы наловим семги, а они полные амбары чаны полнехоньки накачают. Суда имели парусные. Погрузят рыбу на суда и увезут купцам городovým. Купцы с монастырем ладились, а богатые-то крестьяне с купцами, из половины (улова). Хорошо жили; а уж к себе пальцы гнутся ведь у всех, от себя ни у кого не гнутся. Советская власть тони на волю дала, кто хочет – тот и сидит от колхоза» [10, с. 32].

В начале 2000-х гг. рыболовецкий колхоз «Заря» эти тони, в 1910 г. принадлежавшие монастырям, взял в аренду сроком на 25 лет, как наиболее перспективные, доходные, «уловистые», по мнению местных жителей. В настоящее время на тонях «Никольская» и «Спаськая» (современное официальное название бывшей тони «Спасская») промысел ведет рыболовецкий колхоз, но промысловая изба на тоне «Спаськая» законсервирована. «В Пурнеме наша тоня называется “Попы”, там до колхоза монахи Соловецкого монастыря рыбу ловили и сено косили. Такое название и сохранилось с тех времен»¹⁰.

Названия отдельных современных тоней свидетельствуют об объектах солеваренного или зверобойного промыслов, располагавшихся ранее в границах конкретного промыслового участка. Встречающееся на Онежском полуострове название тони «Варница» (у д. Пушлахты [6, приложение], у д. Лопшеньги [2, с. 118]) отражает солеваренный этап истории этой территории. При более глубоком и детальном изучении местности поблизости могут обнаружиться остатки варниц и других элементов солеваренного промысла. Пушлахотская тоня «Сальное» [6, приложение] на берегу Коноховой губы, где издавна весной велся промысел гренландского тюленя, может совпадать с традиционным местом переработки сала морских животных. В 1515 г. тоня под названием «Сальное Печище» принадлежала Соловецкому монастырю, а ранее ею владел Федор Кузьмин сын Попка [4, с. 28].

Все тони Летнего и Онежского берегов были разделены между населенными пунктами. Такие четкие границы сохраняются и в настоящее время. Жители д. Лопшеньги констатируют многовековой факт: «Последняя наша тоня – Банево, 23 километра от деревни. Навстречу нам идут летненаволоцкие тони. 40 километров между деревнями, вот 23 километра наши, а дальше уже Дуракова (Летнего Наволока. – А. А.). В сторону Яреньги тоже делится пополам – до Большой Сярыты. И вот от Большой Сярыты в нашу сторону. А там, дальше от Большой Сярыты Крестовая уже яреньгская тоня» [9, с. 101].

¹⁰ Информант – Бровков Евгений Андреевич, 1931 г.р. Место рождения – с. Пурнема, место проживания – г. Архангельск. Запись А.И. Анциферовой 2021 г.

В прибрежном промысловом районе каждой поморской деревни издавна существуют тони с названием «Спорница». Эти промысловые участки, чаще всего пограничные, некогда являлись спорными между жителями соседних деревень, либо между местными жителями и монашьями, либо между монашьями. Впервые название тони «Спорница» упоминается в 1505 г. в купчей на тону «Тотьманга» на летней стороне и на половину тони «Спорница»¹¹. Поскольку речь в документе идет в том числе и о тоне «Тотьманга», относящейся в настоящее время к промысловому району д. Лопшеньги, то можно предположить, что упоминаемая тоня «Спорница» находилась в границах промыслового района современной Лопшеньги. В 1910 г. В.Р. Алеев зафиксировал: «Между дураковцами и крестьянами следующего села, Летней Золотицы, давно уже идет спор о правах пользования некоторыми рыболовными морскими угодьями, расположенными от Ухт-Наволока к с. Дуракову. О споре между дураковцами и золотичанами в делах заведующего рыбными промыслами есть особое дело, до сих пор еще не оконченное» [2, с. 86]. В 1938 г. Н.И. Рождественская записала рассказ 64-летней Александры Андреевны Бронниковой из д. Летний Наволок о споре за промысловые участки между жителями соседних деревень: «В старое время море делили, прямо до спора доходило. Сначала покупать стали дураковские у золотичан, это уж чуть помню. Кто за подошвы отдаст, кто и за деньги продавал. Мы из веков около моря; тот помирает, так другой на его место выстает. Как людей больше стало — совсем стеснено, надо тону (семужью), а золотичане мало на тони уповали, больше по заводам ездили. До суда дело доходило, а как ни рассудят, — все на их сторону. У них эти берега пустые наши старики просили: “Дайте на лето посидеть”, а те в отпор — “Не пустим”. Ну самовластно садились. Возьмем невод, зайдем за одну версту, хоть один невод да наш. В конце концов потихоньку Горбалгу взяли — ничего, Кулевку взяли — и ничего. Как-то раз золотичане приехали — наши сидят, те их руганью. А наши все одно сидят. А советская власть верст восемь нам в золотицкую сторону отрезала» [10, с. 29–30]. По сведениям жителей Яреньги, современная пограничная тоня «Болотиха», известная также как тоня «Спорница» (долгое время этот участок был предметом спора между Яреньгой и Лопшеньгой), сейчас принадлежит Яреньге¹². В 1910 г. В.Р. Алеев зафиксировал тону «Спорница» на границе промысловых районов д. Дураково и Летняя Золотица [2, с. 128].

К распространенным названиям промысловых участков Онежского полуострова можно отнести наименование «Крестовая». Поклонный крест, а то и несколько — неперменный атрибут тоней Летнего и Онежского берегов Белого моря. Об этом рассказывают многие из опрошенных в 2018–2021 гг. информантов — жителей Яреньги, Лопшеньги, Летнего Наволока, Пурне-

¹¹ «Купчая» на тону Тотмангу...

¹² Информант — Агеев Афанасий Филиппович, 1947 г.р. Место рождения и проживания — д. Яреньга. Запись А.И. Анциферовой 2018 г.

мы. Некоторые тони, на которых еще в начале XX в. находились приметные поклонные кресты, сохраняют название «Крестовая». Поморы различают тони с такими названиями по их принадлежности той или иной деревне. Так, в районе прибрежных морских промыслов Яреньги находятся две тони с идентичным названием, поэтому яреньжане, называя их «Яреньгска Крестовая» и «Лопшеньгска Крестовая», четко соотносят местоположение каждой: севернее деревни находится «Лопшеньгска Крестовая», южнее — «Яреньгска Крестовая»¹³, которая в округе славилась как наиболее «уловистая». В 1910 г. доход промысловиков этой тони составил 2200 рублей при средних показателях других тоней до 1000 рублей [2, с. 108, 112]. Обе тони яреньгского участка фиксировались В.Р. Алеевым в 1910 г. В районе промыслов жителей д. Летняя Золотица в том году также находилась тоня с таким названием [2, с. 130].

В XIX — начале XX в. население деревень Онежского полуострова увеличивается.

В 1809 г. в промысловом районе д. Лопшеньги насчитывалось 38 участков, причем уже к этому времени некоторые более крупные из них были разделены на несколько частей: из тони «Банева» выделен подтонок «Боневский», а из тони «Гнидинска» — подтонок «Гнидинский»; тони «Люленьга», «Сараиха», «Василистова», «Плошиха» поделены на «Большую» и «Малую»¹⁴.

В начале XX в. ситуация с промысловыми участками в связи с резким увеличением населения стала еще более критичной. М.М. Пришвин описал ситуацию с тонями в д. Лопшеньге в 1907 г.:

« — Сделай милость, раздели!

— Хорошо, — говорю я, — теперь к разделу. Сколько у вас душ?

— Двести восемьдесят три души!

— И с женками?

— Нет. Женские души не считаются, тех хоть сколько-нибудь» [12, с. 166].

Поскольку и в начале XX в. основным способом дохода оставался промысел семги, то происходит увеличение количества тоней, появляются новые названия. В настоящее время промысловые участки вновь укрупнены, а используемые еще в начале XX в. дополнительные характеристики «Большая», «Малая», «Первая», «Вторая» применительно к тоням не фиксируются.

Приведенные выше примеры указывают на то, что наименования тоней определяются их функциональными особенностями, визуальными характеристиками, спецификой промысла рыбы, географическими и природно-климатическими особенностями, фамилиями владельцев и т.д. В большинстве

¹³ Информант — Агеев Афанасий Филиппович — 1947 г.р. Место рождения и проживания — д. Яреньга. Запись А.И. Анциферовой 2018 г.

¹⁴ План Архангельской губернии и уезда...

случаев названия промысловых участков сформировались несколько веков назад и сохраняют свою актуальность для современного местного населения Онежского полуострова.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: справочник / сост.: Л.В. Гундакова, Л.Н. Хрушкая, Н.А. Шумилов. Архангельск, 1997.
2. *Алев В.Р.* Отчет о поездке на Летний и Онежский берег Белого моря в 1910 г. и описание морских рыболовных угодий. Отд. отт. из журн.: Материалы к познанию русского рыболовства. Т. II, вып. 2. СПб., 1913.
3. *Алексеева Я.И.* О владельцах семужьих тоней в районе погоста Золотица Турчарова стана Каргопольского уезда в XVI в. (к вопросу о промысловом освоении Онежского полуострова) // Соловецкий сборник. Вып. 17. Архангельск, 2021. С. 96–112.
4. Акты Соловецкого монастыря: 1479–1571 гг. Л., 1988. № 27. С. 28; № 242. С. 158.
5. *Бернитам Т.А.* Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России. Л., 1972. С. 62–98. (Сборник МАЭ, т. XXVIII)
6. *Галушина Н.В.* Родной причал. Воспоминания. Архивные данные. Холмогоры, 2021. Приложение.
7. *Енин Г.П., Афанасьев В.И.* Описание документов XIV–XVII вв. в копиях книгах Кирилло-Белозерского монастыря, хранящихся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. СПб., 1994.
8. *Лайус Д.Л., Лайус Ю.А.* Семга-матушка // Страницы истории рыболовства. URL: <http://histfishing.ru/biblio/gybprom/lajus-dl-lajus-yua-semga-matushka.html> (дата обращения: 18.01.2022).
9. *Матонин В.Н., Бедина Н.Н.* Языковые механизмы формирования локального социокультурного пространства на примере поселений Летнего и Терского берегов Белого моря // Постижение Севера: к 125-летию Ксении Петровны Гемп. Архангельск, 2019.
10. О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы / сост. Н. Рождественская. Архангельск, 1952.
11. Платежная книга Двинского уезда 1560 г. / подгот. А.И. Копанев // Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970. С. 514–536.
12. *Пришвин М.М.* За волшебным колобком. М., 1984.
13. Промысел семги в Белом море. URL: <http://aqualib.ru/books/item/f00/s00/z0000010/st005.shtml> (дата обращения: 18.01.2022).

Северные археологические экспедиции 1925–1929 гг. (по материалам отдела письменных источников ГИМ)¹

Белозёрова Ирина Валентиновна – старший научный сотрудник, Государственный исторический музей; irina.belozero@yandex.ru

Кузьминых Сергей Владимирович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук; kuzminykhsv@yandex.ru

Во время студенческой практики в фондах Исторического музея ученики В.А. Городцова А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс и А.В. Збруева обратили внимание на огромные коллекции каменных орудий с Русского Севера. Они явно свидетельствовали о перспективности здесь самостоятельных исследований. Первым подобным шагом стали раскопки в 1925 г. стоянок на р. Вёкса и Юг под Чухломой. В 1926 г. по приглашению директора Архангельского краевого музея К.П. Ревы молодые московские археологи приступили к разысканиям на Летнем берегу Белого моря. В 1927–1929 гг. исследования были продолжены А.Я. Брюсовым. Помимо десятков вновь выявленных археологических памятников были проведены раскопки стоянок у д. Красная Гора, на р. Сараиха, Осиповка, Галдарея, Усть-Яреньга, Пушлахта, Вейга, Тамица, Паранин-ручей, а также селища XVII в. близ д. Лопшеньги. Для А.Я. Брюсова и М.Е. Фосс работы Костромской и Беломорской экспедиций стали началом многолетних исследований древностей Русского Севера IV–I тыс. до н.э.

Ключевые слова: Русский Север, Летний берег Белого моря, А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс, А.В. Збруева, археологические разведки, археологические раскопки, стоянки эпох неолита, бронзы и раннего железа.

The northern archaeological expeditions of 1925–1929 (based on the written sources of the State Museum of History)

Belozerova Irina V. – senior researcher, State Museum of History; irina.belozero@yandex.ru

Kuz'minykh Sergey V. – PhD (History), leading research officer, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences; kuzminykhsv@yandex.ru

During their internship at the sections of the State Museum of History, students V.A. Gorodtsov, A.Ya. Briusov, M.E. Foss and A.V. Zbrueva noted the extensive

© Белозёрова И.В., Кузьминых С.В., 2022

¹ Исследование проведено в рамках выполнения госзадания № 122011200264-9 Института археологии РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем».

collections of stone implements discovered in the Russian North, the latter clearly having a potential for independent research. The first in the series of excavations took place in 1925 to discover early man sites on the rivers of Vexa and Iug near Chukhloma. In 1926, the young Moscow-based archaeologists were invited by K.P. Reva, director at Arkhangelsk Museum of Natural History, to explore the Letnii coast of the White Sea. In 1927–1929, the excavations were led by A.Yu. Briusov. Along with dozens of archaeological sites, early man sites were discovered near the village of Krasnaia Gora, on the rivers of Saraikha, Osipovka, Galdareia, Ust'-Iaren'ga, Pushlakhta, Veiga, Tamitsa, Paranin-Ruchei; the 17th-century settlements were discovered near the village of Lopshen'ga. For A.Ya. Briusov and M.E. Foss, those early expeditions to Kostroma and the White Sea coast marked the start of a long journey into the Russian North of the 4th–1st millennium BC.

Keywords: Russian North, Letnii coast of the White sea, A.Ya. Briusov, M.E. Foss, A.V. Zbrueva, archaeological survey, archaeological excavations, man sites of Neolithic Period, Bronze Age and Early Iron Age.

Начало 1920-х гг., несмотря на тяжелое экономическое положение, разруху, последствия мировой и гражданской войн, ознаменовалось в России оживлением работ в области археологии [15]. Уже в 1922 г., всего через пять лет после революции, в Главмузее Народного комиссариата просвещения (НКП) РСФСР был выработан первый государственный план археологических исследований и раскопок, предусматривающий равномерное изучение всей территории Европейской России.

В Москве для его осуществления В.А. Городцов², руководитель археологического подотдела музейного отдела НКП и профессор 1 МГУ, начал направлять своих студентов, а затем аспирантов НИИ археологии и искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) в разные уголки страны. Многие его ученики еще в студенческие годы заинтересовались древностями Русского Севера и сделали осознанный выбор района своих будущих полевых работ [37, с. 216]. Василий Алексеевич как хранитель Российского / Государственного исторического музея (ГИМ) хорошо представлял большую научную значимость северных коллекций в его собрании. Точно так же он оценил [13] материалы сборов и раскопок К.В. Ревы³ 1890-х гг. на Летнем берегу Белого моря [28].

² Городцов Василий Алексеевич (1860–1945) – выдающийся русский археолог, многолетний сотрудник Императорского Российского (затем Государственного) исторического музея, преподаватель Московского археологического института и Народного университета им. А.Л. Шанявского, профессор 1 МГУ и Московского института философии, литературы и истории, один из организаторов археологической службы в Советской России. Подробнее см.: [4].

³ Рева Константин Павлович (1866–1942) – археолог, этнограф, музейный работник. Преподавал в Архангельской мужской гимназии (1888–1898 гг.), служил в Архангель-

М.Е. Фосс⁴, ученица В.А. Городцова, впоследствии крупнейший исследователь северных древностей, писала в воспоминаниях: «... слабая изученность <...> Севера Европейской части СССР побудила [меня], как и других начинающих археологов, заняться исследованием северного неолита. С 1925 г. по 1947 г. были проведены 15 экспедиций – в Костромскую, Архангельскую, Вологодскую область и Коми АССР»⁵.

Об этом же позже вспоминал другой известный ученик В.А. Городцова, А.Я. Брюсов⁶, обративший внимание на хранившиеся в фондах ГИМ и практически не исследованные «огромные коллекции по неолиту нашего севера, в частности из Карелии, собранные главным образом И.С. Поляковым»⁷. Эти огромные сланцевые орудия, так непохожие на неолитические орудия из других областей СССР», заинтересовали его и привели к мысли заняться их изучением [12, с. 27].

ской таможене (1898–1917 гг.), работал директором Архангельского краевого музея (1917–1927 гг.). Открыл ряд стоянок на Беломорском побережье [28], которые в 1920-х изучали А.Я. Брюсов, А.В. Збруева, М.Е. Фосс. Погиб в Анапе от рук фашистских оккупантов. Подробнее см.: [27, с. 340].

⁴ Фосс Мария Евгеньевна (1899–1955) – археолог, доктор исторических наук (1953 г.). В 1921 г. училась параллельно в Воронеже в консерватории и археологическом институте, в 1922–1925 гг. – на археологическом отделении факультета общественных наук 1 МГУ. Ученица В.А. Городцова. Работала в Воронежском музее краеведения, ГИМ (с 1925 г.) и по совместительству в Институте истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР (с 1944 г.). Автор научных трудов по неолиту и эпохе раннего металла Русского Севера. Подробнее см.: [23; 38].

⁵ Отдел письменных источников (ОПИ) ГИМ. Ф. 487. Ед. хр. 2. Л. 2.

⁶ Брюсов Александр Яковлевич (1885–1966) – археолог, доктор исторических наук (1943 г.). Окончил археологическое отделение факультета общественных наук 1 МГУ (1925 г.) и аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН (1929 г.), ученик В.А. Городцова. С 1925 г. научный сотрудник, заведующий 1-м археологическим отделом (1930–1960 гг.) ГИМ. В 1941–1943 гг. участвовал в эвакуации музейных коллекций в тыл. Сотрудник Московского отделения Государственной академии истории материальной культуры – Института истории материальной культуры – Института археологии (МО ГАИМК–ИИМК–ИА) АН СССР (1932–1939, 1944–1966 гг.), возглавлял отдел полевых исследований. С 1923 г. вел раскопки в Подмоскovie, на Русском Севере, в Карелии, Вологодской и Новгородской областях, на Урале. Автор трудов по эпохам камня и бронзы центра и севера Восточной Европы, по теории и методике археологии. Подробнее см.: [22; 24].

⁷ Поляков Иван Семенович (1845–1887) – зоолог, географ, антрополог, этнограф, археолог. Сын забайкальского казака и бурятки. Выпускник Санкт-Петербургского университета, магистр зоологии (1877 г.). Хранитель Зоологического музея Императорской Академии наук (1875 г.). Один из первооткрывателей каменного века в России. Летом 1873 г. в восточной части Олонецкой губернии выявил орудия каменного века. Собранные коллекции поступили в Исторический музей. Подробнее об археологических исследованиях ученого см.: [25, с. 136–144; 37, с. 47–56].

Прелюдией к началу северных экспедиций стали раскопки В.А. Городцова в июне 1924 г. Туровского (Галичского) поселения в Костромской губернии. Это была первая послереволюционная экспедиция ученого далеко за пределами Московской губернии. В ней участвовали его ученики – члены студенческого археологического кружка 1 МГУ разных курсов, включая и героев нашего очерка. Раскопки ставили своей целью окончательно решить вопрос о соотношении Туровского поселения и знаменитого Галичского «клада» [16, с. 18]. Не касаясь подробностей данного вопроса⁸, важно отметить, что Галичская экспедиция 1924 г. стимулировала у городцовских учеников интерес к северным древностям и ускорила последующие практические шаги по воплощению этих планов в реальность.

Чтобы претворить их в жизнь, важно было пройти проверку на профессиональную пригодность. Для этого было необходимо получить открытый лист, дающий право на самостоятельные археологические исследования, и выбрать памятники для раскопок. Первым шагом стали работы Костромской экспедиции [2, с. 31]. В марте 1925 г. А.Я. Брюсов проинформировал костромского археолога В.И. Смирнова⁹ (с которым познакомился годом ранее в Галичской экспедиции): «... несколько человек из нашей группы археологов обратилось к Василию Алексеевичу [Городцову] с вопросом, как бы он отнесся к выдаче нам открытых листов и оказал ли бы он нам в этом содействие. Я, лично, упомянул о том, что хотел бы ехать на север вместе с несколькими другими археологами <...>. Кончилось тем, что Василий Алексеевич предложил нам всем в числе около 20 человек подать заявление о нашем желании приступить к работе по имеющемуся и одобренному Г[осударственным] У[ченым] С[овет]ом государственному плану и согласился на предложенный нами маршрут (3-й по госплану) от Чердыни до устья Камы. <...> Есть места, где я мог бы работать и даже получить деньги и рабочую силу, но все такие места лежат вне намеченной мною для будущих работ северной полосы России. Поэтому очень не хотелось бы тратить целый год на, так сказать, стороннюю работу»¹⁰.

Итогом этого обращения стала договоренность с костромскими краеведами Л.Н. Казариновым¹¹ и В.И. Смирновым об организации совмест-

⁸ О соотношении Туровского поселения и Галичского «клада» см.: [35].

⁹ Смирнов Василий Иванович (1882–1941) – краевед, археолог, этнограф, геолог, общественный деятель. Закончил историческое отделение Московской духовной академии (1906 г.). Председатель Костромского научного общества изучения местного края (1914–1929 гг.), заведующий Костромским государственным областным музеем (1919–1928 гг.), сотрудник Ивановского областного музея (1928–1930 гг.). В 1930 г. репрессирован, ссылку отбывал под Архангельском. В дальнейшем работал в Северном геологическом тресте, не оставляя исследований по археологии и этнографии [33]. Подробнее см.: [5; 20].

¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 547. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 42–43.

¹¹ Казаринов Леонид Николаевич (1871–1940) – краевед, коллекционер, археолог, с 1922 г. заведующий Чухломским музеем. Репрессирован в 1931 г., выслан в Северный

ной экспедиции 1 МГУ и Чухломского музея. А.Я. Брюсов, А.В. Збруева¹² и М.Е. Фосс получили небольшие деньги от Главнауки и 1 МГУ, а местные археологи предложили для исследования памятники, которые раскапывались ими в предшествующие годы. В итоге общими усилиями летом 1925 г. были проведены раскопки Федоровской неолитической стоянки на р. Вёкса и стоянки на р. Юг под Чухломой. Краткие результаты этих исследований вскоре были опубликованы [6; 7; 17; 40].

Вторая экспедиция учеников В.А. Городцова по приглашению Общества изучения Коми области (руководитель А.П. Смирнов, участники М.Е. Арсакова, Е.М. Витвицкая, А.В. Дмитриевская, П.А. Дмитриев, В.П. Левашова, Е.Н. Липеровская) провела тем же летом раскопки средневековых поселений и могильников в бассейне р. Вычегда [2, с. 30].

В 1926 г. А.Я. Брюсов, М.Е. Фосс и А.В. Збруева – уже сотрудники Исторического музея и аспиранты Института археологии и искусствознания (ИАИ) РАНИОН первого года обучения – получили открытые листы с правом проведения первых самостоятельных разведок и раскопок на Летнем берегу Белого моря. По воспоминаниям Брюсова [12, с. 44], исследования Беломорской экспедиции начались по приглашению директора Архангельского краевого музея К.П. Ревы, открывшего в ходе многолетних разысканий ряд неолитических стоянок в этой части побережья [28].

Подробности северных экспедиций отложились в различных архивных фондах ОПИ ГИМ: В.А. Городцова (Ф. 431), В.И. Смирнова (Ф. 547) и самих участников экспедиций – А.Я. Брюсова (Ф. 545)¹³, М.Е. Фосс (Ф. 487) [43]. Они хранят практически полную полевую и камеральную документацию исследований неолитических стоянок Летнего берега Белого моря и дельты Северной Двины – на р. Чухча близ с. Красная Гора, междуречьях и р. Люлинка, Галдарея, Малый Серт, у с. Нёнокса, близ р. Осиповка, Сараиха и Сарайский ручей. Большое научное значение имеет библиография, составленная Брюсовым [10, с. 169–205] в процессе подготовки труда о древнейшей истории

край (Котласский р-н). В 1933 г. освобожден. Вернулся в Чухлому инвалидом. Подробнее см.: [5].

¹² Збруева Анна Васильевна (1894–1965) – археолог, доктор исторических наук (1953 г.). Закончила отделение археологии и искусствоведения факультета общественных наук 1 МГУ (1922–1925 гг.). Ученица В.А. Городцова и Б.С. Жукова. С 1925 г. внештатный сотрудник ГИМ, научный сотрудник Музея народоведения и Палеоэтнологической лаборатории Института и Музея антропологии 1 МГУ, МО ИИМК–ИИМК–ИА АН СССР (1936–1962 гг.). Вела раскопки памятников эпохи камня, бронзы и раннего железа в центре, на севере, северо-востоке и востоке Европейской части СССР. Подробнее см.: [36].

¹³ В архиве А.Я. Брюсова (Ф. 545) сохранились: отчеты о раскопках на Летнем берегу Белого моря в 1926 и 1927 гг. (Ед. хр. 124, 125), чертежи, планы, профили раскопок (Ед. хр. 127), фотографии участников раскопок, видов местностей, местных жителей и пр. (Ед. хр. 128–130, 132, 139, 142).

севера Европейской части СССР. Она охватывает работы до 1935 г. включительно, причем не только специальные, но и газетные заметки и журнальные статьи. Труды, касающиеся исследований на Летнем берегу Белого моря до Беломорской экспедиции, отражены в библиографии с максимальной полнотой. Особый интерес представляют также полевые отчеты, сохранившиеся в архивах А.Я. Брюсова и М.Е. Фосс¹⁴. По ним можно проследить все этапы полевой деятельности Беломорской экспедиции — от разведок и сборов до раскопок, а также получить информацию о выборе маршрутов, сотрудниках и рабочих, находках, материальном положении и трудностях, с которыми пришлось столкнуться (ил. 1).

В частности, в отчете за 1926 г. говорилось: «Продолжая работу по археологическому исследованию северной части СССР, группа лиц в составе А.Я. Брюсова, П.А. Дмитриева, А.В. Збруевой, А.П. Смирнова, М.Е. Фосс обратились в Главнауку НКП с просьбой об отпуске средств. Ходатайство было поддержано Комитетом содействия северным народностям при Президиуме ВЦИК, Археологическим отделением НИИ археологии и искусствознания РАНИОН, Московским отделением АИМК и Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. Главнаука НКП отпустила по этому ходатайству через НИИ археологии и искусствознания сумму в триста рублей»¹⁵.

Как объясняли участники экспедиции, отпущенная на экспедицию сумма была небольшой — ограниченное ассигнование не позволило следовать первоначальному плану и обследовать все побережье Белого моря. Коллектив был сокращен до трех человек — двух руководителей (А.Я. Брюсов и М.Е. Фосс) и сотрудника (А.В. Збруева). Кроме того, пришлось отказаться от найма рабочих, сократить время и сам маршрут. Расход средств, тем не менее, намного превысил отпущенную Главнаукой сумму, и разница была покрыта участниками экспедиции из своих средств.

В итоге экспедиция смогла довести свои исследования только до р. Копылиха, находящейся в 173 верстах к северо-западу от Архангельска. При этом было обследовано только само побережье. Маршрут не затронул приустьевые участки впадающих в море рек, Унскую губу, удаленные от побережья внутренние озера. Только по завершении полевого сезона стало ясно: молодые московские археологи, прокладывая разведочные маршруты, вследствие недостатка опыта работы на Севере не учли одно важное обстоятельство. Древние насельники Беломорского побережья для своих долговременных стационарных поселений выбирали удаленные от берега моря истоки небольших речек и озера. Памятники, выявленные на береговой кромке, как показала обработка материалов [8; 19], являлись недолговременными промысловыми становищами.

¹⁴ См. отчеты о раскопках на Летнем берегу Белого моря в ОПИ ГИМ в фондах М.Е. Фосс (Ф. 487. Ед. хр. 29) и А.Я. Брюсова (Ф. 545. Ед. хр. 124, 125).

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 124. Л. 2.

О подробностях жизни и работы члены экспедиции писали В.А. Городцову. Так, они сообщали, что живут в рыбацкой курной избе (ил. 2 и 3) в 16 верстах от селения Лопшеньга на самом берегу Белого моря. Археологи писали: «Сообщение с деревней <...> только раз в 4–5 дней (мальчик приносит хлеб), из людей видим только прибрежных рыбаков, у которых покупаем семгу (по 20–30 коп. за фунт). Готовим пищу на очаге под открытым небом. Две недели сидим, не раздеваясь, потому что дуют северные ветры, а у нас в избе нет рам в окнах, а топить каменку не можем из-за дыма». Еще одним затруднением, с которым столкнулись А.Я. Брюсов и его спутницы, было полное отсутствие дорог, что замедляло продвижение по намеченному маршруту. «Много времени и денег потратили при переездах (отсюда до Архангельска 200 верст), так как не знали местных условий и состояния дорог. Теперь ко всему приспособились», – писали они своему учителю¹⁶. Для передвижения на лодке, самом удобном на Севере виде транспорта, приходилось ждать попутного ветра, а в 1926 г. полтора месяца дули только северные ветры. В море несколько раз группа попадала в бурю. Приходилось сбрасывать часть груза и возвращаться на прежнее место пешком по берегу.

Полевые работы в немалой степени зависели от погодных условий. Лето 1926 г. было холодное, иногда с утренними заморозками. Все время приходилось работать в теплой одежде и даже пропускать утренние и вечерние часы, особенно удобные для разведок и раскопок, когда не было комаров и мошки. В 1927 г. погода, наоборот, была исключительно жаркой, и ученики сообщали В.А. Городцову: «Примите привет с далекого Севера, где в этом году жарче, чем под тропиками (до 40° жары днем)»¹⁷.

Особое впечатление на участников экспедиции произвело местное население: «Народ здесь очень развитой. Очень многие были за границей. Встречаются мужики, которые рассказывают о Неаполитанском музее, об алеутах и Зондских островах и т.д. Люди здесь приветливые и честные. Часто вещи оставляем прямо на берегу и уходим за несколько верст: никто ничего не тронет, запоров у домов здесь нет. По берегу разбросаны на расстоянии версты друг от друга избы, которыми всякий может пользоваться. Сохранилось много старинных обычаев, порядков и слов»¹⁸.

Позже, на рубеже 1950 и 1960-х гг., А.Я. Брюсов оставил подробное описание о встречах с поморами в своих воспоминаниях [12, с. 44–48, Приложение]. В экспедиции в его распоряжении имелся фотоаппарат¹⁹. Александр Яковлевич сделал большое количество снимков, запечатлевших членов экспедиции, местное население, виды местностей и находки.

¹⁶ Там же. Ф. 431. Ед. хр. 382. Л. 23.

¹⁷ Там же. Л. 22.

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ А.Я. Брюсову с 1912 г. принадлежал магазин на Мясницкой, где среди прочего продавались оптические приборы, фотоаппараты, принадлежности для фоторабот и химикаты.

Несмотря на бытовые трудности, письма, посланные В.А. Городцову, полны оптимизма: «Раскопки очень удачные, особенно стоянка на р. Галдарее. Привезем много вещей. Керамика, к сожалению, очень плохой сохранности. Зато среди орудий есть совершенные уники, как, например, один великолепный кинжал. Обследовать все протяжении на берегу от Нёноксы до Онеги, конечно, не удалось. Слишком много археологических пунктов. В этом году нам удалось пройти разведками и в наиболее интересных местах произвести раскопки только до границы Онежского уезда (29 июля 1926 г.)»²⁰ (ил. 4).

В 1926 г. экспедиция провела раскопки стоянок у Нёноксы, Красной Горы, Малого Серта и в Галдарее. Предварительные результаты этих работ нашли отражение в первых публикациях молодых ученых [8; 9; 19]²¹. Тогда же в 2 км от устья р. Голодеиха и от моря на высоком правом берегу реки были выявлены остатки русской деревни XVII в. – селище Верхняя Лопшеньга и проведены рекогносцировочные раскопки; в 1927 г. они были расширены А.Я. Брюсовым. Археологические данные, полученные в ходе раскопок селища [9], были пополнены документальными сведениями (от 1707 г.), сохранившимися в летописи храма с. Лопшеньга (выписка из книг Кирилло-Белозерского монастыря), предоставленной участникам экспедиции местным священником о. Захарием Ануфриевым.

В селище Верхняя Лопшеньга А.Я. Брюсов склонен видеть остатки д. Семеновской, которая была куплена Кирилло-Белозерским монастырем в первой четверти XVII в. [9, с. 116]. В полевом отчете за 1926 г. отмечено: «На площади селища еще сохранились следы четырех построек в виде канавок. Судя по последним, постройки состояли из 2-3 прямоугольных срубов, примыкающих друг к другу»²². Далее сообщалось, что была вскрыта часть селища площадью 20 м², под ним оказались следы стоянки с каменными орудиями. В раскопе найдено 19 предметов (наконечники стрел, скрепки, остатки глиняного горшка и др.).

Заканчивая свои исследования в 1926 г., члены экспедиции сообщали В.А. Городцову: «За оставшиеся дни думаем кое-что сделать около р. Сарайхи и между рр. Люлинкой и Галдареей. Двигаться дальше, в Онежский уезд, нет ни времени, ни сил, ни денег. Места здесь для работы – прекрасные. Очень хотелось бы в будущем году продолжить эту работу с большими средствами и силами. Тем более что теперь нам знакомы местные условия и легко всюду сможем устроиться. Во всяком случае, наши ожидания и надежды оправдались. До Красной Горы с нами ездил К.П. Рева»²³. Константин Павлович некоторое время участвовал в работах экспедиции. При

²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 382. Л. 35.

²¹ В архиве М.Е. Фосс сохранился черновой вариант статьи «Стоянка на Летнем берегу Белого моря у р. Галдареей» 1926–1928 гг. (Там же. Ф. 487. Ед. хр. 29).

²² Там же. Ф. 545. Ед. хр. 124. Л. 12.

²³ Там же. Ф. 431. Ед. хр. 382. Л. 24.

вскрытии стоянки между селением Красная Гора и р. Чухча были обнаружены следы его давних раскопок [28]. В одном из выдувов у Красной Горы Рева нашел большое количество черепков, из которых ему удалось склеить значительную часть сосуда, ныне хранящегося в Архангельском музее²⁴ (ил. 5–7).

Часть информации о работах на Летнем берегу содержится в письмах А.Я. Брюсова В.И. Смирнову. В одном из них (28 января 1927 г.), в частности, говорилось: «Мы сейчас на несколько лет погрузились в исследование Крайнего Севера. Начали с работ по Летнему берегу Белого моря. Привезли прекрасный материал. Но успели исследовать, да и то не полностью, только самое побережье на расстоянии около 100 верст. Этим летом думаем ехать опять туда же продолжать работу»²⁵.

Из этого же письма известно, что керамика, привезенная с Летнего берега, привлекла внимание лидера московских палеоэтнологов и лучшего знатка древней керамики центра Русской равнины тех лет Б.С. Жукова²⁶. «Время от времени, обычно зимой, Б.С. осматривает материал из наших последних раскопок, а наша группа (М.Е. Фосс, А.В. Збруева и я) смотрим материал из его раскопок»²⁷.

Из другого письма А.Я. Брюсова В.И. Смирнову (30 марта 1927 г.): «Мы опять летом собираемся на Летний берег Белого моря. А я лично мечтаю учинить поездку на лодочке по одной из рек вглубь полуострова, в тайгу, чтобы отыскать в глубине леса “постоянные” стоянки»²⁸. Брюсов понимает, что обнаруженные в 1926 г. на берегу моря стоянки являются местами кратковременного обитания, промысловыми становищами. И как бы ни были красивы и эффектны каменные орудия, недостает находок керамики. Археолог пишет: «Впервые нам пришлось столкнуться с совершенно необожженными (по определению Государственного экспериментального института силикатов) сосудами», которые просто рассыпались в руках. Ис-

²⁴ В архивном фонде А.Я. Брюсова сохранился отчет К.П. Ревы «О раскопках, произведенных в местности, называемой “Сонками” (в 5 верстах от пос. Нёноксы) (Там же. Ф. 545. Ед. хр. 218) и фотография фрагмента керамики из раскопок К.П. Ревы у с. Красная Гора Архангельской области (Ед. хр. 330).

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 547. Ед. хр. 96. Л. 52.

²⁶ Жуков Борис Сергеевич (1892–1934) — археолог, этнолог, антрополог. Окончил физико-математический факультет 1 МГУ по кафедре антропологии (1918 г.), ученик Д.Н. Анучина. С 1920 г. работал в Центральном музее народоведения и Институте антропологии 1 МГУ. В 1926 г. сменил В.А. Городцова на посту руководителя Археологического подотдела Музейного отдела Главнауки РСФСР. С 1923 г. вел комплексные исследования в центре Русской равнины, в Прибалтике и Крыму. Один из ведущих представителей палеоэтнологического направления в отечественной археологии. В 1930 г. арестован по «Академическому делу», репрессирован, умер в лагере на Алтае. Подробнее см.: [3; 31; 39].

²⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 547. Ед. хр. 96. Л. 50 об.

²⁸ Там же. Л. 54–54 об.

следователь был уверен, что на этих стоянках жили только летом, зимою же должны были уходить вглубь леса: «Вот туда-то меня и влечет. Если только это осуществится, ручаюсь головой, что мы найдем такие стоянки и такие предметы, что небу станет жарко. Не может же быть, чтобы при сходстве временных стоянок с норвежскими не было на Летнем берегу стоянок зимних, таких же как Рускенес или, еще лучше, как стоянка у Варанговского фьорда»²⁹.

Работы на Летнем берегу были продолжены 2–23 июля 1927 г. Как следует из отчета о раскопках, они велись на средства ИАИ и ГИМ. Беломорская экспедиция продолжила разведки от р. Галдарея до д. Летняя Золотица и произвела раскопки неолитических стоянок у р. Усть-Яреньга, у тони Яш-Наволока, р. Паранин-ручей. Экспедицию возглавлял А.Я. Брюсов. М.Е. Фосс и А.В. Збруева в этот и последующие годы работали самостоятельно в других регионах. С 5 июля в работах экспедиции участвовали: в качестве практиканта Д.А. Крайнов³⁰, студент этнологического факультета 1 МГУ, волонтеры Г.В. Ильин, П.В. Ильина, М. Николаев, М.Н. Клуглов и наемные рабочие из селений Лопшеньга и Дураково.

А.Я. Брюсов писал тогда В.А. Городцову: «Раскопки идут очень хорошо. Есть очень интересные стоянки. Много керамики. Особенно интересно было сопоставить данные скандинавских археологов с местными условиями. По дороге встретился я с экспедицией геологов от Академии наук. Обязались обменяться обработанными наблюдениями, что для меня очень важно, так как у них будет точная нивелировка местности. Во всем наши выводы (предварительные, конечно) сходятся»³¹.

Раскопки 1927 г. на селище Верхняя Лопшеньга внесли коррективы в первоначальные представления о древней стоянке, подстилающей селище: в этой части селища ее следы отсутствовали, но были найдены точила для костяных игл [9, рис. IV] и такие же скобелеобразные кремневые орудия, что и в раскопе 1926 г. Брюсов предположил, что при помощи каменных точил и кремневых орудий с выемкой по одному из краев осуществлялась выделка костяных игл для вязания [9, с. 115]. Одна из таких игл была обнаружена как

²⁹ Там же.

³⁰ Крайнов Дмитрий Александрович (1904–1998) – археолог, доктор исторических наук (1967 г.). Окончил историко-этнологическое отделение этнологического факультета 1 МГУ (1929 г.) и музыкальное училище им. М.М. Ипполитова-Иванова, ученик В.А. Городцова. С 1929 г. – в ГИМ, в 1931–1935 гг. – ученый секретарь музея. В 1941 г. ушел в Московское народное ополчение, попал в плен, бежал, проживал на оккупированной территории, после ее освобождения снова воевал. В 1944 был репрессирован, приговорен к 10 годам ИТЛ, в 1951 г. досрочно освобожден. С 1954 г. – в Угличском краеведческом музее, с 1955 г. – в ИИМК – ИА АН СССР/РАН. В 1962–1992 гг. возглавлял Верхневолжскую археологическую экспедицию. Автор трудов по каменному и бронзовому векам Крыма и Восточно-Европейской равнины. Подробнее см.: [21].

³¹ ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 382. Л. 22.

раз в раскопе 1926 г. Об исследованиях селища Верхняя Лопшеньга аспирант Брюсов сделал сообщение на заседании ИАИ 27 января 1927 г., а результаты через год опубликовал [9]. Доклад о результатах разведок и раскопок на Летнем берегу Белого моря в 1926 и 1927 гг. был сделан им также в Архангельском обществе краеведения 12 августа 1927 г.

В 1928 г. разведочные поиски были перенесены на Онежский берег Белого моря — от д. Летняя Золотица до г. Онеги, проведены раскопки стоянок на р. Пушлахта, Вейга и Тамица [2, с. 36]. Эти стоянки располагались в отдалении от моря. Полученные в ходе раскопок А.Я. Брюсова материалы, особенно на стоянках Тамица и Вейга [41, с. 244–246], внесли существенные коррективы в хронологию беломорских памятников. Ранее они традиционно рассматривались как неолитические, но в ходе исследований М.Е. Фосс [41, с. 232–247, 256–258] выяснилось, что значительная часть этих поселений относится к эпохам бронзы и раннего железа.

В 1929 г. А.Я. Брюсов завершил обследование Онежского берега и из Онеги направился в Карелию, где вместе с А.М. Линевским³² произвел рекогносцировочные раскопки близ только что открытых петроглифов «Бесовы следки» [12, с. 45]. С этих работ начался карельский этап научных исследований ученого. В ИАИ он избрал для аспирантской диссертации тему «Древнейшая история Карелии» [10].

В итоге за четыре года (1926–1929 гг.) разведочными работами было охвачено побережье Летнего берега Белого моря на протяжении около 200 км, а в ряде пунктов проведены стационарные исследования. Особенно важными в научном отношении оказались раскопки доисторических стоянок на р. Галдарея, Усть-Яреньга, Тамица, Вейга, Пушлахта, у селений Красная Гора и Лопшеньга, а также русского селища XVII в. Верхняя Лопшеньга. В ходе работы участниками Беломорской экспедиции изучались коллекции ГИМ, Архангельского краевого музея (в том числе из сборов и раскопок К.П. Ревы), труды российских и зарубежных ученых (см. их перечень в библиографии А.Я. Брюсова [10, с. 169–205]), архивные документы.

В отчетах отмечено своеобразие обнаруженных на побережье Белого моря стоянок. На Севере не работали признаки, по которым выявлялись поселения эпох неолита и бронзы в центре Русской равнины. Здесь не было стационарных поселков со сплошной и плотной застройкой — стоянки представляли собой разбросанные на большой площади разной величины небольшие

³² Линевский Александр Михайлович (1902–1985) — этнограф, историк, археолог, писатель. Выпускник ЛГУ (1928 г.). Еще в студенческие годы производил этнографические исследования в Карелии, где открыл в 1926 г. около г. Беломорска скопление петроглифов (до 300), названное им «Бесовы следки». С 1929 г. жил и работал в Петрозаводске: в краеведческом музее, архивном управлении, Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. Автор повести «Листы каменной книги», выдержавшей 16 изданий по всему миру, в том числе в США, Финляндии и т.д. Подробнее см.: [29; 42].

хутора обычно в защищенных от северного ветра лощинах. Выяснилось, что профиль местности за несколько тысячелетий изменился: пробные траншеи, расположенные вне стоянок, показали, что участки, заложенные от северного ветра, были в прежние времена открыты и наоборот. Также современные русла рек и контуры озер частью не соответствуют прежним условиям: некоторые стоянки находятся далеко от пресной воды, их можно найти в любом месте — у реки, озера и вдали от них.

Стоянки, раскопанные в 1926 г. на р. Чухча, Голодеиха, Галдарея, как и пробные шурфы на местах находок между р. Сарайский ручей и Галдарея, давали картину культурного слоя, лежащего под растительностью в сером песке, ниже которого шел стерильный красный песок. Прослеживалась та же последовательность слоев, что и на стоянках Финляндии и Карелии [44].

В своих отчетах члены экспедиции отмечали богатство растительного мира на Летнем берегу: леса, покрывающие весь Онежский полуостров, буйство растительности, цветы, все лето ковром устилающие луга и лужайки. На берегу моря — обилие кремня, яшмы, сердолика, агата, халцедонов — прекрасного материала для выработки каменных орудий. Большая часть выявленных и раскопанных стоянок была отнесена к неолиту и бронзовому веку, но некоторые материалы определены временем около рубежа I и II тыс. н.э. (ранняя пора неометаллической эпохи, согласно хронологической классификации В.А. Городцова [14, табл. 2]). Крайне важно, что позднее в итоговых монографических трудах [11, с. 140; 41, с. 131, 132] в керамике беломорских памятников будет выделен значительный пласт материалов раннего железного века (воротничковая посуда со шнуровым и гребенчато-шнуровым орнаментом, характерная для ананьинских древностей Волго-Камья).

Подводя итог, важно отметить, что северные экспедиции учеников В.А. Городцова определили дальнейший научный путь А.Я. Брюсова, М.Е. Фосс, А.В. Збруевой, А.П. Смирнова. Труды Брюсова [10; 11] и Фосс [41] заложили фундамент для дальнейшего изучения доисторических древностей Севера, на десятилетия определили поиски их последователей и оппонентов. Участие в северных экспедициях позволило А.В. Збруевой всесторонне изучить культурные связи ананьинского мира с севером Восточной Европы [18]. Археологическое изучение древностей коми и удмуртов в 1920-х гг. нашло отражение в очерках А.П. Смирнова о древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Приуралья [32]. Следует вспомнить также о подвижнической деятельности М.Е. Арсаковой (еще одной ученицы В.А. Городцова и участницы экспедиции 1925 г. в Коми край) на территории Череповецкого региона [1]. Многие из студентов 1 МГУ и аспирантов ИАИ РАН ИОН, участвовавших в середине 1920-х гг. в северных экспедициях, в дальнейшем посвятили свою жизнь изучению древнейшей истории Севера нашей страны.

Приложения

Приложение I³³

<...> На следующий год по приглашению К.П. Рева мы решили обследовать Летний полуостров³⁴, точнее Летний берег его. На этот раз нас отправилось трое – М.Е. Фосс, А.В. Збруева и я. Это было в 1926 году. Приехав в Архангельск, мы остановились у К.П. Рева. <...>

В этом году мы раскапывали стоянки Нёноксу, Красную Гору, Малый Серт и Галдарею³⁵. В 1927–1929 годах я продолжал уже один с группой студентов археологическое исследование Летнего полуострова, пройдя по берегу от Архангельска до Онеги. Незабываемые впечатления оставил этот край. Тогдашние поморские обычаи настолько отличались от наших среднерусских, что, казалось, мы попали в иную страну. И люди другие, и речь незнакомая, переполненная странными словами и оборотами – вплоть до сохранения местного падежа и двойственного числа; и одежда иная, вплоть до праздничных «светлых» платьев на женщинах, – кокошники, украшенные жемчугом, шелковые особого покроя юбки и кофты, шелковые же «платы»; вспашка на людях (лошадей с ранней весны выпускали на волю, и они до осени ходили табунами), местничество на торжественных пирах; и бережное отношение к детям, которых никогда не ругают и уж во всяком случае не удалят. Да всего и не перечислить.

В 1929 году я закончил обследование Летнего полуострова и из Онеги направился в Карелию, где провел раскопки (пробные) близ только что открытых А.М. Линевским петроглифов «Бесовы следки», по приглашению А.М. Линевского, который сам участвовал в раскопках. <...>

Здесь уместно, чтобы в дальнейшем не возвращаться к этому вопросу, сказать несколько подробнее вообще о нашем севере. <...> Наш север сохранил много пережитков далекого прошлого, уходящих в неолит, а может быть, и в мезолит. И не тех пережитков, которыми увлекаются этнографы. В этнографических работах редко о них упоминается. А между тем они очень важны для понимания характера человека того времени. Вот эти факты.

Население Летнего берега в части, лежащей за Унской губой, немногочисленно – четыре деревни: Ярэнга, Галдарея, Дураково и Красная Гора. Деревни эти небольшие и находятся друг от друга на 35–50 километров.

³³ В Приложение включен фрагмент воспоминаний А.Я. Брюсова [12, с. 44–48]. Текст воспоминаний в нескольких вариантах хранится в ОПИ ГИМ (Ф. 545. Ед. хр. 330. Л. 39–46) и ОР РГБ (Ф. 708. Д. 24. Л. 1–54). Публикация [12] осуществлена на основе рукописи, хранящейся в ОР РГБ.

³⁴ Речь идет об Онежском полуострове, северо-восточное побережье которого носит название Летний берег.

³⁵ Все упоминаемые здесь и далее памятники подробно описаны в археологической карте стоянок беломорской культуры в книге М.Е. Фосс [41, с. 232–247, 256–258].

Расположены они на берегу Белого моря. Пароходы обычно туда не заходят. Земля малоурожайная, и главное занятие жителей — ловля рыбы. Море, собственно берег моря, поделен на участки в версту длиною и ежедневно переделается между жителями деревень по участку в две семьи, которые сменяются на «тони» (рыболовецкой избушке, построенной на каждом участке) через неделю. Часть мужского населения занимается рыбной ловлей летом в Норвегии, куда выезжает через горло Белого моря на карбасах (морских лодках).

Все знают друг друга и могут перечислить род каждого, по крайней мере, до третьего поколения. И если происходит какое-либо большое торжество, то места за столом распределяются соответственно этому счету. Например, за свадебный обед рядом с молодыми сажают самого близкого родственника, хотя бы он был мальчик, а почтенный старик, на степень родства ниже, довольствуется менее почетным местом. В других местах СССР этот идущий от родового строя обычай выродился в местничество и был прекращен уже при Петре I. Здесь он царил полноправно и не вызывал никаких споров. Обычай гостеприимства больше всего выразился в Карелии (те же годы). В деревнях западной Карелии даже удивлялись вопросу, когда под вечер в пути в разведках мы спрашивали какую-нибудь хозяйку в деревне: «Можно ли у вас переночевать?» — «А почему нельзя?» — был обычный ответ. Больше того, когда утром мы собирались уходить и спрашивали, сколько нам надо заплатить за ночлег и выпитое обычно молоко, хозяйка принимала это за оскорбление. <...>

В некоторых местах посторонний, неизвестный человек мог оказаться в крайне затруднительном положении, особенно если он не знал местных обычаев. Плохого бы ему ничего не сделали, но во всем стали бы отказывать под различными предлогами — в помещении, продаже молока, яиц и т.д. Поэтому, попадая в новую деревню, где нас не знали, приходилось, если мы рассчитывали пробыть в ней долго, действовать дипломатически, начинать разговор издалека. <...>

То же с покупкой молока, яиц и проч. Хозяйка на первый вопрос, можно ли у нее купить молока, отвечает отказом, ссылаясь, что ей самой молока не хватает. Не смущайтесь. Повторите свою просьбу еще и еще раз, и по третьей просьбе получите молоко. А завтра сама продававшая молоко встретит вас вопросом: «Молочка вам сегодня надо?» Требовалось, идя по берегу Белого моря (четких дорог на Летнем берегу почти не было) и встретив кого бы то ни было, остановиться и поговорить с ним, а проходя мимо рыбацкой тони, завернуть туда и поговорить с хозяином, если он там (в случае его отсутствия поперек двери была поставлена палка). Иначе вы прослывете среди населения как «гордый» человек и к вам будет соответственное отношение.

Эти и другие странные на первый взгляд обычаи держались до самого последнего времени и объясняются тем, что условия жизни на Крайнем Севере в некоторых отношениях похожи на условия жизни при родовом

строе. Население редко и немногочисленно, ограниченный круг людей, имевших постоянное общение друг с другом, объясняет настороженное отношение ко всякому постороннему, неведомо для чего попавшему в этот край. Это, конечно, не относилось в наше время к официальным лицам — чиновнику, врачу и т.д. — за приезжавшим туда с поручениями: тут все с самого начала было ясно. Пережитки всеобщего гостеприимства обязывали принять и помочь всякому, предоставить ночлег, накормить, помочь в беде, болезни и т.д. В противном случае надо было сначала узнать его поближе, не попусту ли он тут болтается, не может ли быть какой неприятности от него или даже злого умысла. Все это позволяло понять, как и почему в древности люди при замкнутости родового строя [могли] совершать далекие, тысячеверстные передвижения, вести обмен, заимствовать друг у друга новшества. <...>

Три лета пробродили и поездили мы в этом крае, на Летнем и Зимнем берегах Белого моря. Чтобы не быть зависимыми, мы приобрели свой карбас, так как главная дорога там по морю. Весь берег от Нёноксы до гор. Онеги был обследован нами. Много неолитических стоянок было нами открыто и обследовано. И все это проводилось своими силами, редко удавалось нанять 2-3 рабочих. Никаких суточных и квартирных тогда не полагалось. Но и денежные отчеты сдавались попросту: писали лично от себя, что потрачено на дорогу столько-то и т.д. <...> Фотографировали сами, чертили сами, отчеты составляли и иллюстрировали их сами. За анализы часто платили из своих средств. <...>

Но мы сделали трудно поправимую ошибку, которую я осознал много позднее. Берег мы обследовали досконально, но вглубь полуострова не заходили. А ведь были признаки, звавшие нас туда. Мы не могли не видеть, что среди найденных предметов почти нет ни одного крупного рубящего шлифованного орудия. Единственный раз на стоянке на р. Малый Серт попался небольшой шлифованный топорик вестландского типа, а скребки и наконечники стрел встречались в изобилии, равно как и керамика. И никаких следов от жилищ! Только позднее, когда был приобретен опыт в разведках, я понял, что мы имели дело с местами летних промыслов на берегу моря. Постоянные, прочные поселки человека должны были находиться в глубине полуострова, у озер, из которых вытекали многочисленные речки, близ устья которых неизменно находились раскапывавшиеся нами стоянки. Но по неопытности, по молодости лет нам и в голову не приходило углубиться в росший по Летним горам лес, казавшийся безлюдным и непроходимым, болотистый и полный комаров и мошек. Да если бы и решились идти в лес, вряд ли мы могли там работать. Средства от комаров в то время еще не были изобретены, а от мошек не спасла бы никакая сетка. Результатом этих работ была моя статья в одном из сборников РАНИОНа³⁶.

³⁶ Имеется в виду [8].

29 июля 1926 г.
Изба на Осиповке

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

Скоро мы заканчиваем здесь свою работу. Живем в 15 верстах от селения в рыбацкой избе на берегу моря.

Было довольно много трудностей с проездом сюда; один раз попали в бурю и не могли проехать по морю; сбросили часть груза и поплыли назад.

Раскопки очень удачные, особенно стоянка на р. Галдарее. Привезем много вещей. Керамика, к сожалению, очень плохой сохранности. Зато среди орудий есть совершенные уники, как, например, один великолепный кинжал. Обследовать все протяжении на берегу от Нёноксы до Онеги, конечно, не удалось. Слишком много археологических пунктов. В этом году нам удалось пройти разведками и в наиболее интересных местах произвести раскопки только до границы Онежского уезда.

Что касается природы, то теперь мы собственными глазами узнали, как она хороша на Севере. Но об этом пришлось бы писать очень много.

Позвольте пожелать Вам всего лучшего.

Уважающие Вас А. Брюсов, А. Збруева, М. Фосс

31 июля 1926 г.
Изба на Осиповке

Дорогой Василий Алексеевич!

Не особенно сердитесь на нас за то, что мы так долго Вам не писали: во-первых, не хотелось писать Вам до тех пор, пока для нас самих не стала ясной вся картина исследуемой нами культуры; во-вторых, и главное, обстановка, в которой приходится учиться и работать, не оставляет днем свободного времени и не дает возможности работать при свете поздно ночью.

Живем мы в рыбацкой курной избе в 16 верстах от селения Лопшеньга, на самом берегу Белого моря. Сообщение с деревней имеем только раз в 4-5 дней (мальчик приносит хлеб), из людей видим только прибрежных рыбаков, у которых покупаем семгу (по 20—30 коп. за фунт). Готовим пищу на очаге под открытым небом. Две недели сидим, не раздеваясь, потому что дуют северные ветры, а у нас в избе нет рам в окнах, а топить каменку не можем из-за дыма.

Много времени и денег потратили при переездах (отсюда до Архангельска 200 верст), так как не знали местных условий и состояния дорог. Теперь ко всему приспособились. Познакомились с народом. Народ здесь очень раз-

³⁷ Публикуемые ниже письма членов экспедиции на Летнем берегу Белого моря хранятся в архивном фонде В.А. Городцова (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 382. Л. 20—24 об.).

витой. Очень многие были за границей. Встречаются мужики, которые рассказывают о Неаполитанском музее, об алеутах и Зондских островах и т.д. Люди здесь приветливые и честные. Часто вещи оставляем прямо на берегу и уходим за несколько верст: никто ничего не тронет, заповор у домов здесь нет. По берегу разбросаны на расстоянии 1 версты друг от друга избы, которыми всякий может пользоваться. Сохранилось много старинных обычаев, порядков и слов.

Раскопки провели пока в 3-х местах (не считая разведок): в Красной Горе (в трех пунктах), в Верхней Лопшеньге и на р. Галдерее.

Условия работы — совершенно иные, чем в других местах, и многое пришлось проверять и изучать. Нередко приходилось закладывать небольшие (до 10 м) траншеи и шурфы в заведомо пустых местах для выяснения рельефа местности, времени стоянок, лежащих под песчаным балластом.

Весь берег, по-видимому, от Нёноксы до Красной Горы, по Летнему берегу и по Летним горам был некогда густо заселен; во всяком случае, много плотнее, чем теперь. Между теперешними деревьями находится много мест со следами стоянок, некоторые из них совершенно развеяны, и материал лежит только сверху или, может быть, под огромным балластом, который нечего и думать снимать.

Всюду по берегу имеются слои одного или нескольких типов. Мы долго и тщательно выясняли их отношение к стоянкам. В конце концов, с совершенной очевидностью выяснилось, что все стоянки залегают ниже палов или, вернее, непосредственно под нижним палом. Ни разу нами не было найдено в раскопках ничего — ни орудия, ни осколка кремня, ни обломка керамики — не только над палом, но и в нем. Впечатление такое, как будто население бежало от какого-то большого пожара, бросив все свои вещи: пожар прошел над стоянками.

Очень часто около кострищ лежит груда осколков от одного кремня и среди них готовые 1-2 орудия из того же материала.

Керамика повсюду сохранилась очень плохо: часто она превращалась в глиновидную массу. Орудий много и очень хороших. Техника прекрасная. Материал — кремень. Полированных, сверленных и пиленых орудий нет. Нуклеусов и лямов³⁸ — нет. Громадное количество разнообразных типов наконечников стрел и копий. Есть поразительные экземпляры не хуже Самоквасовских датских³⁹.

³⁷ Нуклеусы — кремневые желваки, от которых откалывались пластины для каменных орудий — лямы.

³⁹ Речь идет о коллекции из 248 каменных предметов из дольменов и курганов Дании [30, табл. I—XXXIV], хранящейся в ГИМ (Колл. 76990. Оп. 9). Она была собрана консерватором Копенгагенского музея К. Шмидтом, затем продана И. Завише, который передал ее Д.Я. Самоквасову в 1878 г. Дмитрий Яковлевич выставлял ее в особом отделе РИМ («Коллекция Д.Я. Самоквасова»), который был ликвидирован в 1930 г., а вещи поступили в археологический отдел музея. Несколько наконечников

У Нёноксы стоянки все развееыны. У Красной Горы стоянки растянулись на 2 версты. Часть их развееына. Другая, ближе к р. Чухче, сохранилась лучше. Здесь мы произвели раскопки в 3-х местах. Следов жилищ не сохранилось; обнаружены останки кострищ и очагов, около которых группировалась керамика и орудия. Имеем отсюда немного керамики и свыше 250 орудий, считая, в том числе, и подъемный материал.

С большим трудом перебрались на Унскую губу в Лопшеньгу. Потом в бурю чуть не утонули, вернулись обратно и шли пешком по берегу. В Лопшеньге раскопали позднее селище (Верхняя Лопшеньга) XVII века. Под ним оказались стоянки с каменными орудиями. Материала отсюда немного, и [он] малоинтересный. Затем шли разведкой от р. Сараихи до р. Галдереи и за нее. Здесь оказалось много пунктов со следами стоянок. Стоянка на р. Люлинка, к сожалению, совершенно вывееына по обоим берегам. Зато стоянка на р. Галдерее (на левом берегу) дала возможность большой работы (площадь стоянки около 400 аршин в длину и около 50–100 в ширину). Здесь мы вскрыли несколько кострищ, довольно хорошо сохранившихся. Следов жилищ опять-таки не сохранилось. Есть немного керамики (большая часть ее была в таком состоянии, что ее нельзя было взять) и много прекрасных орудий.

За оставшиеся дни думаем кое-что сделать около р. Сараихи и между рр. Люлинкой и Галдареей. Двигаться дальше, в Онежский уезд, нет ни времени, ни сил, ни денег. Места здесь для работы – прекрасные. Очень хотелось бы в будущем году продолжить эту работу с большими средствами и силами. Тем более что теперь нам знакомы местные условия и легко всюду сможем устроиться. Во всяком случае, наши ожидания и надежды оправдались. До Красной Горы с нами ездил К.П. Рева.

Пока всего лучшего. Письмо это, как и все, пойдет «с оказией» до Лопшеньги, а там раз в неделю бывает почтарь, разносящий и уносящий письма по берегу до Унского посада; оттуда письмо опять пойдет с оказией.

Желаем Вам успеха.

Передайте привет Елизавете Евгеньевне⁴⁰ и Мстиславу Васильевичу⁴¹.

Северные бродяги: А. Збруева, А. Брюсов, М. Фосс

стрел и копий в июне 1931 г. были переданы в Карельский государственный музей. Благодарим сотрудника отдела археологических памятников ГИМ Е.С. Азарова за эту информацию.

⁴⁰ Городцова Елизавета Евгеньевна (1869–1928) – жена В.А. Городцова.

⁴¹ Городцов Мстислав Васильевич (1899–1968) – сын В.А. и Е.Е. Городцовых. Закончил реальное училище в Москве. В Первую мировую войну на фронте получил отравление боевыми удушающими газами и впоследствии много болел. В 1918–1922 гг. служил в кавалерийском полку РККА. В 1922–1925 гг. учился на археологическом отделении факультета общественных наук 1 МГУ. В 1920–1930-х участвовал в некоторых археологических экспедициях В.А. Городцова. С 1928 г. – сотрудник ГИМ: реставратор в макетно-муляжной мастерской (с 1929 г.), ее заведующий (1932–1959 гг.). Подробнее см.: [33].

25 июля 1927 г.

Глубокоуважаемый Василий Алексеевич!

Примите привет с далекого Севера, где в этом году жарче, чем под тропиками (до 40° жары днем). Раскопки идут очень хорошо. Есть очень интересные стоянки. Много керамики. Особенно интересно было сопоставить данные скандинавских археологов с местными условиями. По дороге встретился я с экспедицией геологов от Академии наук. Обязались обменяться обработанными наблюдениями, что для меня очень важно, так как у них будет точная нивелировка местности. Во всем наши выводы (предварительные, конечно) сходятся.

Д.А. Крайнов все время очень усиленно работает, а при случайных останках в селах (обычно мы работаем верстах в 10–20 от деревни) также усиленно посещает «зарянки» (ночные гулянья). Трудно еще сказать про теоретическую сторону, так как он еще очень молод, но практический работник из него, кажется, получится очень хороший.

Через неделю или дней 10 собираюсь вернуться в Москву. Желая вам всего лучшего.

Александр Брюсов

Список литературы

1. *Аrsaкова М.Е.* Древний человек и поселения края (по археологическим раскопкам) // Череповецкий округ. Череповец, 1929. С. 344–348.
2. Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг.: указатель. М., 1962.
3. *Бадер О.Н.* Памяти Бориса Сергеевича Жукова // Советская археология. 1968. № 4. С. 234–238.
4. *Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.* Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Городцов В.А. Дневники. 1928–1944: в 2 кн. Кн. 1: 1928–1935. М., 2015. С. 12–72.
5. *Бочков В.Н.* Подвижники костромского краеведения: Василий Смирнов, Леонид Казаринов, Дмитрий Дементьев // Второе свидание: глазами краеведов. Ярославль, 1971. С. 62–72.
6. *Брюсов А.Я.* О раскопках в Чухломском уезде Костромской губернии летом 1925 года // Материалы к доистории Центрально-Промышленной области. М., 1927. С. 56–58.
7. *Брюсов А.Я.* Федоровская стоянка. Раскопки 1924 г. А.Я. Брюсова, М.Е. Фосс и А.В. Збруевой // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Т. II. С. 26–32.
8. *Брюсов А.Я.* Что представляют собой стоянки на Летнем берегу Белого моря? // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Т. III. С. 3–8.
9. *Брюсов А.Я.* Селище XVII века Верхняя Лопшенга на Летнем берегу Белого моря // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 107–118.

-
-
10. Брюсов А.Я. История древней Карелии. М., 1940.
 11. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
 12. Брюсов А.Я. На тропах археологии. Воспоминания. М.; Курск, 2012.
 13. Городцов В.А. Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря // Древности. Труды Московского археологического общества. 1901. Т. 19, вып. 2. С. 71–77.
 14. Городцов В.А. Таблицы по археологической классификации. М., 1925.
 15. Городцов В.А. Археологические раскопки и разведки в Советской России с 1919 по 1923 год // Древний мир. Вып. 1. М., 1924. С. 2–20.
 16. Городцов В.А. Галичские клад и стоянка // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Т. III. С. 13–54.
 17. Збруева А.В. Стоянка на р. Юге Чухломского уезда Костромской губернии // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 230–240.
 18. Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. М., 1952.
 19. Збруева А.В., Фосс М.Е. Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной Горы и у реки Галдарей // Сборник [Московской секции ГАИМК]: к десятилетию Октября. Вып. 1. М., 1928. С. 42–53.
 20. Китицына Л.С., Третьяков П.Н. Памяти Василия Ивановича Смирнова // Советская археология. 1968. № 4. С. 239–243.
 21. Костылева Е.Л., Уткин Е.Л., Энгватова А.В. К столетию Дмитрия Александровича Крайнова // Российская археология. 2005. № 1. С. 188–190.
 22. Кузьминых С.В., Щавелёв С.П. Воспоминания Александра Яковлевича Брюсова «На тропах археологии» // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 636–702.
 23. Ошибкина С.В. О значении трудов М.Е. Фосс // Древности Оки. М., 1994. С. 173–178.
 24. Ошибкина С.В. А.Я. Брюсов – исследователь древностей Севера // Достояние поколений. 2010. № 1 (8). С. 74–77.
 25. Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб., 2010.
 26. Поляков И.С. Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине р. Оки и на Верхней Волге. СПб., 1882.
 27. Радишевская В.А. Рева Константин Павлович (1866–1942) // Поморская энциклопедия: в 4 т. Т. 1: История. Архангельск, 2001. С. 340.
 28. Рева К.П. Следы доисторического населения Архангельской губернии: (По раскопкам поселений каменного века). Архангельск, 1898.
 29. Савватеев Ю.А. В поисках достоверности: об А.М. Линевском // Север. 2010. № 7–8. С. 6–13.
 30. Самоквасов Д.Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892.
 31. Сергеевская А.П. Мой дед Борис Сергеевич Жуков // Смирнов С.А. Башкировы. Триумф и трагедия. Н. Новгород, 2020. С. 346–356.
 32. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1952.
 33. Смирнов А.П. М.В. Городцов: [Некролог] // Советская археология. 1969. № 4. С. 320.

-
34. *Смирнов В.И.* Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области // Советская археология. 1937. Т. IV. С. 169–210.
35. *Студзицкая С.В., Кузьминых С.В.* Галичский клад: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 123–165.
36. *Тихонов Б.Г., Бадер О.Н.* Анна Васильевна Збруева // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИА АН СССР. Вып. 112. М.; Л., 1967. С. 3–5.
37. *Формозов А.А.* Начало изучения каменного века в России. Первые книги. М., 1983.
38. *Формозов А.А.* М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998. С. 214–230.
39. *Формозов А.А.* О Борисе Сергеевиче Жукове (материалы к биографии) // Формозов А.А. Статьи разных лет. Курск, 2008. С. 71–84.
40. *Фосс М.Е.* Керамика Федоровской стоянки // Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 107–118.
41. *Фосс М.Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР. М., 1952.
42. *Шастокольский И.П., Савватеев Ю.А., Столяр А.Д.* Памяти Александра Михайловича Линевого // Советская археология. 1987. № 1. С. 300–301.
43. *Якушкина М.М., Кашина Е.А.* Личный архив археолога М.Е. Фосс как исторический источник // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 87–92.
44. *Ailio J.* Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland: I. Teil: Übersicht der Funde. Helsingfors, 1909.

С.В. Максимов. Экспедиция на Русский Север («Белое море и его побережья»)

Ведерникова Наталья Михайловна – кандидат филологических наук;
sds46@yandex.ru

В статье рассматривается экспедиция С.В. Максимова на Русский Север, заложившая основы изучения Поморья, его природных особенностей, традиционных промыслов и духовной культуры.

Ключевые слова: море, поморы, промыслы, поморские обычаи и обряды.

S.V. Maksimov. Expedition to the Russian North (“The White Sea and Its Coasts”)

Vedernikova Natalia M. – PhD (Philology); sds46@yandex.ru

The article discusses the expedition led by S.V. Maksimov to the Russian North, which laid the foundation for the study of the land of Pomors, its natural features, traditional crafts and spiritual culture.

Keywords: sea, Pomors, crafts, Pomor traditions and rituals.

Книга «Год на Севере», написанная С.В. Максимовым по результатам экспедиции на Русский Север в 1856 г., стала одним из важнейших источников информации о материальной и духовной культуре Поморья середины XIX в.

Сергей Васильевич Максимов (1831–1901) родился в посаде Парфентьев Кологривского уезда Костромской губернии в семье мелкопоместного дворянина. Детство протекало в общении с посадскими и крестьянскими детьми, что не могло не отразиться на формировании личности будущего писателя. Учился он в Костромской гимназии, а с 1850 г. стал студентом медицинского факультета Московского университета. В Москве Максимов сошелся с литераторами, кружком молодой редакции журнала «Москвитин», который возглавлял А.Н. Островский. Интерес к народному быту и верованиям осознал литераторами редакции как важное дело, а отражение жизни народа в произведениях – как новое направление русской словесности. В 1852 г. Максимов переехал в Петербург, с которым связано начало его литературной деятельности. В 1854 г. в журнале «Библиотека для чтения» он публикует очерки «Крестьянские посиделки в Костромской губернии», получившие одобрение И.С. Тургенева. В них уже видна инди-

видуальность творческой манеры писателя в выборе материала, описании народной жизни в ее обычаях и традиционных занятиях. Последующие публикации очерков и книг поставят его в ряд с выдающимися писателями-народниками второй половины XIX в. А.Н. Пыпин, автор «Истории русской этнографии», назовет С.В. Максимова одним из лучших представителей нового общественно-этнографического направления русской литературы. Наибольшую известность получили его книги «Лесная глушь» (1871 г.), «Год на Севере» (1859 г.), «Бродячая Русь Христа ради» (1877 г.), «Куль хлеба» (1873 г.), «Нечистая, неведомая и крестная сила» (1899 г.), «Крылатые слова» (1899 г.).

В 1855 г. Морское министерство Российской империи организует экспедиции с целью изучения возможности пополнения флотских экипажей мужчинами, которые занимаются рыболовством и судоходством. После поражения России в Крымской войне (1853–1856 гг.) эта задача была из актуальных. Идея организации экспедиций в районы нахождения крупных морей, озер и рек принадлежала великому князю Константину Николаевичу, генерал-адмиралу и председателю Ученого Русского географического общества, полагавшему, что для успешной работы экспедиций необходимо «поискать между молодыми даровитыми литераторами (напр., Писемский, Потанин и т. под.) лиц, которых могли бы командировать на время в Архангельск, Астрахань, Оренбург, на Волгу и главные озера наши для исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством, и составления статей в “Морской сборник”» (цит. по: [2, с. 5]). Таким образом, участники экспедиций могли совмещать выполнение официального задания Морского министерства с собственными интересами и этнографическими исследованиями, к которым в это время приступило Географическое общество.

«Морской сборник», где предполагалось публиковать материалы экспедиций, был одним из наиболее заметных в то время периодических изданий. С 1848 до 1853 г. журнал публиковал материалы преимущественно по военно-морской и военно-исторической тематике. С 1853 г. в нем помещались статьи на общественно-политические, научные и исторические темы, а также литературные очерки. Так, в 1855 г. в этом журнале публикуются очерки И.А. Гончарова, впоследствии вошедшие в книгу «Фрегат “Паллада”».

Материалы экспедиций 1856 г., получившие название «литературные», должны были знакомить читателей с обычаями русского народа, его современной жизнью. Участникам экспедиций были даны рекомендательные письма к губернским властям и денежное содержание в размере 600 рублей. В экспедициях, направляемых в разные регионы России, приняли участие А.Н. Островский, А.С. Афанасьев-Чужбинский, Г.П. Данилевский, М.Л. Михайлов, А.А. Потехин, А.Ф. Писемский, Ю.Г. Филиппов и С.В. Максимов, которого для поездки на Русский Север рекомендовал редактор журнала «Современник» И.И. Панаев.

Публикация в 1857–1858 гг. талантливо написанных очерков из жизни народа разных губерний значительно увеличила тираж «Морского сборника», составивший в 1858 г. свыше 5 тыс. экземпляров.

11 февраля 1856 г. Максимов выехал из Петербурга в Архангельск, куда он добирался пять дней на лошадях, преодолев тысячу верст. Три последующих месяца он провел в Архангельске, работая в архивах, изучая материалы о Поморье: исторические сведения, газетные статьи, заметки священников и краеведов. Экспедиция планировалась в двух направлениях – на Белое море и его побережья, а также по северным рекам – Мезени, Пинеге, Печоре.

Экспедиция по Белому морю и его берегам – Летнему, Онежскому, Поморскому, Карельскому и Терскому – длилась четыре месяца – с мая по начало сентября. Маршрут экспедиции был следующий: на ямщицких лошадях – от Архангельска до Онеги по Летнему и Онежскому берегам; с 3 июля на небольшой шхуне – из Онеги в Колу (с посещением Кий-острова), затем на таможенной шхуне – от Колы до Соловецких островов; 15 июля Максимов покидает Соловки и на шхуне следует в Колу и далее на Карельский и Терский берега, посещая прибрежные села; возвращается в Колу, откуда (конец июля – август) морским путем вдоль Поморского берега направляется в Онегу с заходом в с. Сумский Посад, Колежма, Нюхча, Унежма; от Унежмы на лошадях следует в Малошуйку, Ворзогоры, Онегу; и, наконец, знакомым путем (Онега – Красная Гора – Сюзьма – Архангельск) в первых числах сентября возвращается из путешествия.

Экспедиция представляет интерес не только новизной материала, собранного Максимовым. В этой поездке было проведено обследование всего побережья Белого моря. Жанр путевых очерков, основывающийся на визуальных наблюдениях и сборе информации от жителей края о промыслах, бытовых традициях, верованиях, а также привлечение исторического материала позволили писателю включить в свои очерки пейзажные и бытовые зарисовки, исторические экскурсии, сведения этнографического характера и вместе с тем отразить собственное видение края и его проблем.

Итак, с началом навигации Максимов из Архангельска отправляется в поездку. Грандиозность ледохода на Северной Двине, сам Архангельск, почитаемый поморами как единственный город на Белом море, панорама города, которая «может увлечь художника своей оригинальностью и картинным местоположением» [1, с. 279] обещают ему дальнейшие яркие впечатления.

Поморье открывается Максиму постепенно. Первая встреча с морем как будто разочаровывает молодого писателя: море показалось ему пустынным, безбрежным, не осмысленным «ни единым знакомым признаком жизни» [1, с. 281], но это впечатление постепенно меняется в беседах с ямщиком. Становится понятно, почему дорога идет почти по кромке моря: «Дорога горой пошла. Да вишь, теперь *куйнога*, а по ней ехать завсегда выгодней...». И далее следует авторское разъяснение: «... для приморского жителя все виды местностей делятся только на два рода: *море* и *гору*, и горой называет он вы-

сокий морской берег и все, что дальше от моря, хотя бы тут не было не только горы, но даже и какого-либо признака холма, пригорка» [1, с. 282].

В пояснениях ямщика Максимов ощущает поэтизацию моря, отношение к нему как к чему-то живому. «Ведь оно у нас так-то никогда не живет, чтобы покойно стояло... все зыбит, все шевелится, все этот *кольишень* в нем ходит. Нет ему так-то ни днем, ни ночью покою... И вот гляди... никакую дрянь эту наше море не держит, все выкидывает вон из себя: все эти бревна, щепы там, что ли, — все на берег мечет. Чистоту блюдет!» [1, с. 282]. Каждое состояние моря отмечено особым словом — «метким и оригинальным»: в начале прилива море *задумывается*, стоит неподвижно, *куйтакой*, потом *заживет*, начнет *сполняться*. «Прилив кончается: вода *коротеет*... через шесть часов от начала прилива будет *полая вода*; затем она *дрогнет* и начнет *западать* (убывать)...» [1, с. 326].

Интерес к поморскому наречию сохранится у Максимова на протяжении всей поездки. Писателем было зафиксировано более 200 терминов. Многие слова поначалу были непонятны и нуждались в разъяснении, но у поморов «на всякое слово свой ответ есть» [1, с. 284]. *Кечкар* — песочная кромка моря; *костливый берег* — камни по кечкару; *залёщины* — лужи, оставшиеся после отлива; *баклыш* — надводный огромный камень; *корго* — подводный камень; *пахта* — утес; *поливуха* — камень, стоящий наравне с поверхностью моря и др. То же в названии ветров, столь важных для поморов: *межонные* — непостоянные ветра, *морянка* — ветер с моря, *противняк* — северный ветер и т.д.

«Прислушиваясь впоследствии к языку поморов, — напишет Максимов, — наряду с карельскими, древнеславянскими, я попадал и на такие слова, которые изумительны были по своему метко верному сочинению» [1, с. 285]. Запись слов из поморского наречия, касающихся не только моря, но и берегового ландшафта, бытовой и обрядовой сфер, можно считать первым опытом составления поморского словаря.

В начале своего путешествия, преодолевая на ямщицких лошадях многоверстные расстояния, Максимов отмечает пустынную берегов, редкие деревни, на 20–30 верст отдаленные одна от другой, промысловые избушки; в деревнях фиксирует церкви, число домов; бедность или зажиточность сел связывает с местными промыслами.

Первое селение на его пути — Солза. По свидетельству Максимова, деревня бедная, поскольку в р. Солза лишь осенью и то в небольшом количестве заходит семга, продажа которой составляет основной доход местных жителей; а бесплодность почвы и суровость полярного климата усугубляют это положение. Схожую картину он видит в д. Красная Гора и Унском Посаде, которые, как ему кажется, похожи друг на друга двухэтажными домами, деревянными церквями, промыслом наваги, кумжи и сельди.

Перезжая от села к селу, Максимов старается отметить и нечто примечательное. Близ Нёноксы — это соляные варницы, доходы от которых определяют зажиточность села. Известные ему исторические сведения о соле-

варении как одним из старейших поморских промыслов он сопоставляет с увиденным. «Всех солеварных заводов по побережьям Белого моря насчитывали до десяти. Кроме того, двенадцать соляных колодцев принадлежали к варницам посада Нёноксы» [1, с. 287]. Излагая устройство солеварен и процесс получения соли, Максимов старается быть объективным и говорит о ее плохом качестве, годном лишь для засолки рыбы. В приготовлении еды поморы используют норвежскую соль, привозимую беспошлинно. Этим Сергей Васильевич объясняет заброшенность по всему побережью многих солеварен. Как местную достопримечательность он отмечает в Сюзьме целебные морские купальни, существующие здесь уже в 1831 г., куда для поправки здоровья выезжают архангелогородцы.

Сведения, собранные в Архангельске об освоении поморских земель и памятных событиях, связанных с временами Марфы Посадницы и Петра I, а также с историей Соловецкого монастыря, Максимов сопоставляет с виденным и обращает внимание на народные рассказы и исторические предания. В Унской губе, защищенной от моря узким проливом, в 1694 г. Петр I спасся от шторма. В старейшем на побережье Пертоминском монастыре, основанном в начале XVII в., была установлена памятная часовня, построенная над захоронением утонувших в море соловецких монахов Вассиана и Иовы. В Пертоминском монастыре Петр I приказал построить каменные кельи и ограду с угловой башней. С сожалением Максимов отмечает, что от многих монастырских каменных построек не осталось следа. Он видит лишь «небольшой, бедный иконами и средствами к жизни заштатный монастырь», где в монахах — «люди дряхлые, ни к какой работе не способные, и в бесплатных рабочих — обетные» [1, с. 289–290]. Судьба Пертоминской обители, по его мнению, типична для монастырей, расположенных вдали от больших дорог.

Сведения о Яренге и «Лапшенге» (Лопшенге) — следующих деревнях по Лягнему берегу — по-прежнему лаконичны: обе деревни выстроены на высоком берегу, имеют по одной церкви, около 50 домов и «по сту обывателей» [1, с. 290]. Яреньга известна тем, что близ села утонули соловецкие монахи Иоанн и Логин, над местом погребения которых и была построена церковь около 1594 г.

В этой части полуострова за бедной д. Дураково к Ухт-Наволоку Максимова занимает пейзаж: высокий берег, лесистые холмы под названием Летних гор, каменистый берег, прилепившиеся к гранитным камням белые раковины. С каменистого Ухт-Наволока виднеется о. Жижгин (у Максимова — «Жожгин, или Жегжизня»), маяком «освещаемый с 1842 года» [1, с. 294].

От Ухт-Наволока начинается знакомство Максимова с Онежским берегом. Тряскую телегу и пару лошадей здесь уже заменяет карбас, на котором он переплывает от села к селу, направляясь к Онеге.

Максимов посещает Летнюю Золотицу и Пушлахту, где отмечает «ласковость и приветливость всех жителей», с. Пурнема «с двумя церквями, более

других людное и приглядное» [1, с. 294]. Упоминает он и о том, что д. Пушлахта и Лямца были разгромлены бомбами во время Крымской войны. Обстрелы поморских деревень и Соловецкого монастыря английским судном, столкновение поморов с неприятелем, как Максимов в дальнейшем убедится, породили целый пласт устных рассказов, обретших характер исторических преданий.

Бедность приводимых сведений о селах может быть объяснена его «наглазным знакомством» с этой частью Поморья, которое как будто бы не оправдывало его надежд на яркие впечатления. К этому можно добавить и усталость человека, вынужденного за короткий срок преодолевать большие расстояния.

Если заметки о деревнях кратки и лаконичны, то все, что касается поморских промыслов, описано подробно и основательно. Источником информации становятся в первую очередь сами поморы, в беседах с которыми приходит понимание, что именно морские промыслы определяют экономику края, составляя основу пропитания и доходов жителей. Море — это кормилец. «Море — наше поле», — говорят поморы. «Это поле и пахать не надо: само без тебя рождает. Вон откуда мы хлебушек-то свой добываем» [1, с. 286]. Со слов местных жителей Максимов описывает способы ловли, особенности прибрежных видов рыб: наваги, корюшки, камбалы, кумжи, их вкусовые качества, замечая, что лучшие сорта отправляются на продажу в города.

Событием в поездке стало его участие в Пурнеме («Пурьеме») в ловле белух, которая требует коллективной работы. На промысел выходят мужики двух деревень — Пурнемы и Лямцы. Их объединяет и то, что деревни один невод держат, «поровну и дележ делают». На шутку Максимова: «Боюсь, не покусал бы зверь!», хозяин, пригласивший Максимова на ловлю, смеется: «На-ко, поди: да смиреннее зверя этого и в поднебесной нету; даром, что с корову ростом, а разумом-то да смирнотой своей и теленка не осилит» [1, с. 204]. Непосредственное участие в промысле позволит подробно описать орудия лова, особый невод (гордость промысловиков), погоду, разделку туш, азарт и ловкость охотников, сложность их работы. Удача на таком промысле обещает солидный доход.

От Пурнемы через Тамицу на карбасе, потом на ямщицких телегах лежит дорога в г. Онегу. «Бедна Онега и печально глядит в глаза каждому проезжему» [1, с. 304]. В истории этого города, одного из главных поморских торговых портов, отмеченного с конца XVIII в. развитием здесь лесопереработки и торговли лесом, Максимов видит губительность вторжения промышленности, немилосердное истребление леса монопольными компаниями иностранцев. Заводы по распиловке древесины на долгие годы поглотили мужское население, оторвав от исконных занятий, почти уничтожив местные судостроение, рыбный и зверобойный промыслы, став причиной обнищания горожан. Многие жители онежских сел уходят на дальние промыслы. Все это «довело здесь дела до того, что все бы Прионежье обезлюдело» [1, с. 308].

Традиции народной культуры, всегда интересовавшие Максимова, по его наблюдениям, сохраняются в Онеге женщинами: во внешней стати, в нарядной одежде — штофных цветных сарафанах, шелковых платках, кокошниках (*повязках*), алых лентах, соблюдении больших праздников, к которым тщательно готовят дом. «У всех блюдется старый обычай: при всякой встрече кланяться и приветствовать друг друга добрым пожеланием и приветом вроде следующего: — “Почти праздник-от!” — “Твои гости!”» [1, с. 307]. На посиделках можно услышать древнее сказание и новгородскую песню.

3 июля С.В. Максимов на поморской шхуне «Николай Старков», перевозившей доски и брусья, отправляется из Онеги в Кемь с заходом на Кий-остров. Хозяин шхуны, «говорун и остряк, прямо из корня всего поморского края», «неизведанный еще... морской путь», «все это, взятое вместе, соблазняяло» [1, с. 310]. Эта часть путешествия стала для Сергея Васильевича особенно значима, ибо он оказался в среде поморов, на протяжении нескольких дней наблюдая за их работой, удивляясь обычаям, связанным с морем, вслушиваясь в речь, записывая поверья, предания и легенды. Максимов открывает для себя поморов как особый тип людей, сильных, мужественных, имеющих «опыт и приглядку ко всякому шагу на море» [1, с. 334]. Море, по его наблюдениям, формирует стойкость, выносливость, умение быстро принимать решения в сложных ситуациях, характер людей, подчас резких и вместе с тем эмоциональных, остро чувствующих величие и красоту моря. Вот один из работников выходит на палубу и, пораженный красотой моря в тихую погоду, горделиво восклицает: «Эка благодать! Эка благодать-матушка! Эко привольное раздолье, жисть благодатная!.. мирозданье божеское!.. <...> Море — это горе, а без него, кажись, вдвое... Что у вас там... в Расее-то; есть экое-то?» [1, с. 315]. И не раз в разговоре с поморами он почувствует осознание жителями Поморья своего края как особого, отличного от «Расеи».

С.В. Максиму здесь все интересно, и он оставляет подробные записи о быте поморов в море, с удовлетворением отмечая, что алкоголя на шхуне не держат. «Вино на судне гибель, — поясняет владелец шхуны. — ... А у нас вся надежда в тебе: работать за тебя некому, сам все...» [1, с. 321].

Жизнь на море породила множество примет и поверий, особенно связанных с ветрами и погодой, например, что свистом можно разбудить ветер, что «каким ветром вышел на становище, таким и вернешься», что «в море встанет темень — жди дождя» и др. На море принято приветствовать встречное судно «заветным прадедовским приветом»: «Путем-дорогой здравствуйте, молодцы» и услышать в ответ: «Здорово ваше здоровье на все четыре ветра!» [1, с. 316].

Постановка крестов — особо почитаемая традиция Поморья. На кресты Максимов обращает внимание уже в поездке по побережью Летнего и Онежского берегов. С моря, находясь на шхуне, он также видит множество деревянных крестов, «которыми уставлены чуть не вплотную все берега и острова Белого моря». Кресты эти ставятся или местными жителями, или богомоль-

цами, идущими в Соловецкий монастырь. Назначение крестов открывается в рассказах о поморах, вынужденных на островах спасаться от шторма, нередко погибавших от жажды и голода. «Целой артелью, меньше чем в сутки, сооружается крест и вырезывается на нем приличная надпись с именем Страдавшего и годом сооружения» [1, с. 323]. Из них два креста, вспоминает Максимов, сделались историческими – крест, поставленный Петром I в Унской губе в 1684 г., и крест Никона, спасшегося от бури на Кий-острове. Поморы верят, что «всегда, после того как вкапывался крест в землю, переставал ветер» [1, с. 322].

Шхуна идет вдоль Поморского берега мимо небольших островов. Почти о каждом из них Максимов записывает предания и легенды, многие из которых дали названия островам или приметным местам. Так, на Кузовах груды камней называют немецкой варакой: будто бы здесь немцы, собиравшиеся грабить Соловецкий монастырь, божьим изволением были обращены в камни. В истории об Аникином островке традиционный сюжет о богатыре Анике (в этом рассказе – грабителе) получил легендарную трактовку: Аника побежден малолетним богатырем, оказавшимся святым. С островами Колгуев, Жожгин и Кончаковский наволок близ д. Дураково связано древнее предание о братьях-богатырях – Колге, Жожге и Кончаке, которые были столь сильны, что через море перебрасывали друг другу топор и котел, задумав варить уху. В рассказе старого помора предание получает развитие, став одной из историй о грабителях, наказанных святым. Колгу и Жожгу побивает седенький старичок, что поехал на Соловки с богомольцами. В истории о смерти Кончака угадывается эпический сюжет о богатыре, теряющим силу после бани. Во всех этих рассказах кроется убеждение, что острова в Белом море находятся под покровительством святых и поставлены для спасения людей.

Из Кеми на таможенном карбасе с шестью гребцами, «сильными на руки, бойкими и острыми на язык», С.В. Максимов отправляется на Соловки. Рассказы попутчиков дополняют его впечатление о море и особенностях Соловков как островах, с октября по май запертых льдами, и монастырском диве – чайках, которые кормятся из рук. В описании вида монастыря с моря, которым можно «любоваться и залюбоваться» при подходе к острову, а также в пейзажных зарисовках самих Соловков и дороги к Анзеру Максимов сумел передать неповторимую красоту природы, которая «произвела на острове новый, особенный мир» [1, с. 358].

В очерке о Соловках переплетены личные впечатления о монастыре как процветающем, получающем доходы от подаяний богомольцев, торговли, промысла морского зверя, и исторические сведения о наиболее памятных событиях: пребывании на Соловках Петра I, почерпнутые из соловецкой летописи, соловецком восстании 1669 г. со ссылками на сочинение Семёна Денисова, обстреле Соловков английским кораблем, о котором рассказал очевидец – архимандрит Александр.

Максимов записывает монастырские предания о высадке англичан на Заяцком острове; о просфоре, оброненной старцем Зосимой, из которой изошел огонь; о Никоне и о том, как будто бы в бытность его соловецким монахом во время литургии в Анзерском скиту пестрый змей обвился вокруг его шеи и лежал на его плечах.

Пребывание на Соловках заняло три дня. 15 июля Максимов – вновь на шхуне, которая идет вблизи Летнего берега к Ухт-Наволоку и далее открытым морем в Кемь. Его не оставляют впечатления от Соловков, в его книге они представлены очерками о паломниках и Соловецкой тюрьме, которую он посетил, желая узнать судьбу земляка, приятеля отца, судославского купца Николая Андреевича Папулина, выдающегося деятеля федосеевщины, собирателя старопечатных книг и икон, помогавшего преследуемым за веру укрыться от властей. Рассказывает Максимов и о других узниках Соловецкой тюрьмы, а также о чудовищных условиях содержания заключенных, ссылаемых сюда во все времена, и не только тех, что считались преступниками против веры.

Таким образом, Поморье предстает перед писателем все новыми гранями, порождает все новые темы. Это и описание побережья Летнего и Онежского берегов, морских промыслов, Соловков монастырских, притягивающих богомольцев со всей Руси, и Соловков как одной из старейших тюрем. Рассказы поморов, предания, поверия, их образная речь, манера общения занимают в очерках все большее место.

Из Кеми с напутствием хозяина предоставленной ему квартиры молиться Николаю Угоднику и Варлаамю Керетскому, к которому поморы обращаются с молитвами о спасении на море, Максимов на карбасе следует вдоль Карельского, затем Терского берегов. Эта часть путешествия отражена в очерках подробным описанием лова на Мурмане трески и семги, быта и досуга промысловиков, обряда проводов рыбаков на зимний лов и встречи поморов с дальних промыслов в родных деревнях.

От Кеми до Онеги простирается Поморский берег. В городском архиве Кеми Максимов знакомится с рукописью, содержащей сведения об истории города с 1576 до 1830-х гг., где обращает внимание на то, что Петр I укомплектовывал кемчанами морской флот, кемчане же были призваны для прокладки государственной дороги от Нюхчи до Повенца. Герб Кеми, в который вписан венок из жемчуга, вызывает у Максимова интерес к старинному жемчужному промыслу, описание которого приводится в очерке.

Кемь считалась центром промышленной деятельности всего Поморского края. Именно здесь Максимов собирает важные для него сведения о судостроении, лодейных мастерах, постройке различных судов, традициях, чти-мых кораблями; о беломорской торговле и сельдяном промысле. Подробная информация будет перемежаться бытовыми рассказами, ценными народным видением тех проблем, которые ставит перед поморами реальность. Одна из них – социальное расслоение, при котором многие поморы были вынужде-

ны работать по найму промышленников, владельцев морских судов. Богатые дома, в которых Максимов приходилось останавливаться в Кеми, а потом в Коле и Керети, Шуе и Сороке, подтвердят его наблюдения о нарождающемся сословии промышленников из разбогатевших поморов. Они обустроивают дома по-городскому: выписывают вещи из Норвегии и Петербурга; в быту же придерживаются дедовских традиций: в домах — иконы старого письма, жены одеты в старинные платья (в одном из таких домов слышал он скрип ткацкого станка).

Встречи и беседы в Кеми с самыми разными людьми — исправником, городничим, полицейским, хозяйкой отведенной Максиму квартиры, уже знакомым ему Егором Старковым, владельцем перевозившей его шхуны, — поясняют и некоторые странности в поведении людей, разделение их на «миршных» и «чашников». Старовером оказывается местный промышленник Копылов и сам Егор Старков, рассказ которого о Копылове раскрывает деловые и моральные качества старообрядцев как людей жесткого нрава, но готовых прийти на выручку своим единоверцам. Городничий показывает рукописные книги, конфискованные в Топозерском скиту. Так в круг интересов Максимова снова входит тема старообрядчества, уже наметившаяся в описании соловецкого восстания и соловецкой тюрьмы, связанная на сей раз не с прошлым Поморья, а с его настоящим, «где смешанно сидят рядом православные со староверами» [1, с. 387].

С.В. Максимов меняет маршрут и направляется на Топозеро, хорошо известное русскому староверческому миру. Он описывает повседневную жизнь староверов, свято соблюдающих бытовые и духовные традиции: «Кстати, здесь же выучивались пению духовных стихов и старинных богатырских былин старые старики и молодые бабы (от одной из них, выселившейся в деревню Поньгаму, я их несколько слышал и все записал)» [1, с. 399]. Собственные впечатления от скита, дополненные известными ему сведениями о переселении староверов из центральных российских губерний на Север и рассказами попутчиков, укрепляют его суждения о староверах как о людях грамотных, трудолюбивых и раскрывают еще одну важную сторону старообрядчества на Севере — его роль в освоении поморских земель. От своих спутников, Егора Старкова и Демидова, Максимов слышит историю разорения скитов и наблевший вопрос — «За что их всех разорили?»

Поморский берег — заключительный этап этой части экспедиции. Переезжая от деревни к деревне (в основном на карбасе), С.В. Максимов оставляет развернутые характеристики д. Шуи и Сороки, отмечая их зажиточность за счет сельдяного промысла и успешной торговли рыбой. На несколько дней он останавливается в Сумпосаде, что позволяет осмотреть это село и дать подробное его описание как типичного поморского поселения, отметить старинную планировку, сохранившуюся в названиях: *Низовье, Жемчужный ряд, Посад, Труновый ряд, Верховье, Нагорье*; описать устройство дома, занятия сумлянков, мужские промыслы. Примечательна

Сума и тем, что через нее лежит путь богомольцев в Соловецкий монастырь.

От Сумы путь идет к Колежме, Нюхче, где писатель уделяет много внимания беседам с поморами, слушая их рассказы и предания, стараясь в записях сохранить индивидуальную стилевую манеру рассказчика. От нюхоцкого крестьянина Ф.Г. Потаева Сергей Васильевич записывает предание о панах (литовских набегах), перебитых «неведомой силой», об Антипе Панове, покающемся разбойнике, ставшем известным лодчманом, который провел корабли Пера I вдоль побережья. Рассказ Потаева о строительстве государевой дороги Максимов счел ценным историческим свидетельством.

«Путь от Нюхчи до Унежмы был последним карбасным путем, так сильно утомившим... в течение с лишком двух долгих месяцев» [1, с. 445]. Дальше он едет верхом, вещи перевозятся на одноколке. «Ожидают новые впечатления, требуют внимания новые серьезные данные» [1, с. 417]. Эти новые впечатления ощутимы в описании ландшафта близ Малошуйки – песчаной отмели, скалистых гор, холмов, поросших лесом. В с. Малошуйка с большими домами и старинной церковью записаны местные предания о заговоренном кладе, который спрятан в кургане, и о местном богатыре Ауове, дубиной побивавшем паньков.

Свадьба в Малошуйке стала для Максимова особым событием, позволившим ощутить особенности поморского обряда, воспроизведенного в его записях во всей полноте (с приведением текстов плачей и песен). «Таким побытом, – замечает он, – справляются свадьбы по всему беломорскому берегу – от Онеги до самого города Кеми» [1, с. 463]. В своем комментарии к свадебному обряду Максимов рассматривает и правовые вопросы: о брачном договоре, праве наследования, положении женщины в семье, определяемом крестьянским судом, который руководствуется «своими обычными понятиями о справедливости» [1, с. 466].

От Малошуйки через Нименьгу, Ворзогоры, жители которого считались лучшими судостроителями, Максимов возвращается в Онегу и далее в Архангельск, куда он прибывает в начале сентября.

С октября 1856 по февраль 1857 г. С.В. Максимов совершит еще одно путешествие – на Зимний и Мезенский берега Белого моря и далее по северным рекам Мезени, Печоре, Пинеге.

В 1859 г. за книгу «Год на Севере» Сергею Васильевичу Максимова была присуждена малая золотая медаль Русского географического общества. Книга претерпела ряд изданий, по сей день не утратив значения как источника достоверных сведений о Поморье середины XIX в. При всей разнородности материалов ее автору удалось показать этот край в единстве его природных особенностей, материальной и духовной культуры, силу традиций, определивших бытовые и производственные сферы, и вместе с тем отметить некоторые из болевых проблем: угасание ряда деревень, исчезновение

некоторых традиционных промыслов, усиление власти промышленников. Сопоставление прошлого и настоящего, авторские наблюдения и оценки, которые выверяются суждениями местных жителей, фольклорные произведения (или упоминание о них), приводимые в контексте их естественного бытования, заложили основы методов полевой работы этнографов и фольклористов.

Список литературы

1. *Максимов С.В.* Год на Севере // Максимов С.В. Куль хлеба. Рассказы и очерк. Л., 1987.
2. *Плеханов С.Н.* Литературная экспедиция // Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984.

Кенозерье как часть феномена сверхустойчивой доисторической культурной общности¹

Герасимов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; dger@kunstkamera.ru

Хартанович Валерий Иванович – кандидат исторических наук, заведующий отделом антропологии, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; vkhartan@kunstkamera.ru

Холкина Маргарита Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, Санкт-Петербургский государственный университет; младший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; tyttokulta@yandex.ru

Муравьев Роман Иванович – лаборант, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук; студент, Санкт-Петербургский государственный университет; alcesalces243@gmail.com

Ткач Евгения Сергеевна – кандидат исторических наук, Институт истории материальной культуры Российской академии наук; evgeniia.tkach@gmail.com

3600–1500 лет до н.э. традиция добавления асбеста в керамику распространилась за сотни километров от его природных выходов на территории Финляндии и Карелии, став уникальным в своем роде феноменом в истории человеческой культуры. Ареал асбестовой керамики повторяет ареал раннеолитической керамики сперрингс (5300–3900 лет до н.э.). Археологические данные дают основания для реконструкции культурного единства, существовавшего на протяжении как минимум 3500 лет от устья р. Невы на западе до Кенозерья на востоке. Особенности древнего населения проявляются и в антропологических характеристиках современных жителей ареала.

Ключевые слова: неолит, асбестовая керамика, лесная зона Восточной Европы, Кенозерье, культурная общность.

© Герасимов Д.В., Хартанович В.И., Холкина М.А., Муравьев Р.И., Ткач Е.С., 2022

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00375 «Феномен асбестовой керамики в керамических традициях Восточной Европы: технологии изготовления и использования, структура межрегиональных контактов», а также договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Археологическое наследие Кенозерья: вопросы сохранения и перспективы использования».

Авторы выражают глубокую благодарность администрации и сотрудникам Национального парка «Кенозерский» за многолетнюю систематическую поддержку археологических изысканий в Кенозерье и Лекшмозерье.

Kenozero area as a part of a phenomenon of super-stable prehistoric cultural unity

Gerasimov Dmitriy V. – PhD, research investigator, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences; dger@kunstkamera.ru

Khartanovitch Valeriy I. – PhD, Head of the Department of Anthropology, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences; vkhartan@kunstkamera.ru

Kholkina Margarita A. – PhD, Assistant professor; Saint-Petersburg State University, junior research investigator, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences; tyttokulta@yandex.ru

Muravev Roman I. – laboratory assistant, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences; student, Saint-Petersburg State University; alcesalces243@gmail.com

Tkach Evgeniia S. – PhD, Academic Secretary, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences; evgeniia.tkach@gmail.com

About 3600–1500 BC a tradition to add asbestos in pottery spread in hundreds of kilometers from natural outcrops in the territory of Finland and Karelia. It became an unique phenomenon in the history of human culture. An area of the Asbestos Ware overlaps the area of the Early Neolithic Sperrings pottery (5300–3900 BC). Archaeological data allow reconstructing a cultural unit that existed during at list 3500 years from the Neva river mouth in the west to the Kenozero area to the east. Peculiarities of the local population are evident through the anthropological characteristics of the people still living in the area.

Key words: Neolithic, Asbestos Ware, Eastern Europe Forest zone, Kenozero, cultural unity.

В 5–2 тыс. до н.э. в лесной полосе Восточной Европы существовал уникальный в своем роде феномен – традиция добавления асбеста в глиняное тесто при изготовлении керамики. Специфические свойства асбеста (огнеупорность, устойчивость к кислотам, волокнистая структура) были известны человеку с древности. Асбест использовался при выплавке бронзовых изделий на заре металлургии [12; 15; 18; 19]. В то же время поиски в литературе упоминаний археологической керамики с примесью асбеста для территорий за пределами Фенноскандии и северо-запада России дали крайне скудные результаты, что, впрочем, подтверждает уникальность этого феномена.

Керамика с примесью асбеста известна во втором периоде железного века на северном побережье Тирренского моря. Эта примесь является характерной для корсиканской керамики, произведенной в V–VI вв. до н.э., и данная традиция сохранялась до I в. н.э. Наиболее распространенный тип – это чаша с одной ручкой. Выходы асбеста выявлены на территории северо-вос-

точных островов Тирренского моря, в связи с чем обнаружение керамики с примесью асбеста на иных территориях исследователями связывается с торговлей и обменом на восток [22, р. 706].

Позднее, с XIV по XVIII в., на Корсике вблизи природных выходов асбеста в специальных мастерских изготавливали огромные, но легкие глиняные сосуды, стенки которых, благодаря использованию примеси асбеста, были тонкими, сохраняя прочность [16].

Также асбест использовался на Кипре в классический период для изготовления одежды для кремаций, шапок и обуви [23, р. 449].

Керамика с примесью асбеста также встречена в неолите корейского полуострова. Ее появление относится к раннему периоду (4–2 тыс. до н.э.) – времени распространения гребенчатой керамики. На территории Японии на острове Кюсю встречена керамика с примесью асбеста и талька типа собата, в связи с чем исследователи полагают наличие контактов между населением Кореи и Японских островов [24, р. 270].

Однако при том, что промышленные залежи асбеста известны во многих регионах мира, на Кавказе и Урале, в Юго-Восточной Азии и Южной Америке, лишь в Восточной Фенноскандии в эпоху неолита изготовление глиняной посуды с примесью асбеста стало устойчивой культурной традицией, сохранявшейся на протяжении нескольких тысячелетий и распространившейся на значительную территорию (ил. 1).

Первые керамические сосуды на территории Восточной Фенноскандии представлены керамикой типа сперрингс. Посуда этого типа распространяется после 5500 лет до н.э. от южной и восточной Финляндии до Архангельской и Вологодской областей. Одним из самых восточных археологических памятников с керамикой типа сперрингс является поселение Ильинский остров на оз. Мошинском в Архангельской области [5]. На территории Национального парка «Кенозерский» материалы культуры сперрингс были получены при раскопках стоянки Усть-Поча [9].

Керамика типа сперрингс (ил. 2: 1–2) – это толстостенные (толщина стенок – около 1 см и более) сосуды, круглодонные, напоминающие по форме половину яйца, диаметром до 30–50 см. В качестве минерального отощителя при изготовлении к глине примешивали дресву и крупный песок. Венчики не выделены, срезы венчиков прямые. Внешняя поверхность сосудов покрыта орнаментом из отпечатков рыбьих позвонков (орнамент в виде буквы I), крупнозубчатого гребенчатого штампа, прочерченных линий и ямочных вдавлений, часто нанесенных поверх других элементов орнамента [2; 14].

Около 4700 лет до н.э. на поселениях с керамикой типа сперрингс появляются сосуды, по морфологии и орнаментации схожие с сосудами сперрингс, но содержащие в глиняном тесте примесь асбеста (керамика типа Ка 1:2асб по финской терминологии). Наиболее ранние среди подобных сосудов зафиксированы на территории Финляндии в районе оз. Древняя Сайма, значительно превышавшего площадь современного оз. Сайма, вблизи одного из

крупнейших в Европе месторождений асбеста Паккила. Однако сосуды типа сперрингс с примесью асбеста находили и на территории Карелии, где также известны месторождения этого минерала.

Носители традиции керамики сперрингс были охотниками, рыболовами и собирателями. По своему образу жизни они не отличались от населения предшествующего мезолитического периода ничем, кроме как изготовлением посуды из глины. Система их жизнеобеспечения была основана на комбинированном использовании водных и наземных ресурсов.

На рубеже 5 и 4 тыс. до н.э. ранненеолитические керамические традиции лесной полосы Восточной Европы сменяются ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой (ил. 2: 3–4), представленной различными региональными и субрегиональными вариантами от типичной гребенчато-ямочной керамики в Прибалтике до керамики каргопольского типа на востоке. Результаты палеогенетических исследований [20] позволяют предположить, что распространение гребенчато-ямочной керамики было связано с инфильтрацией нового населения с востока, из Приуралья.

По сравнению с керамикой типа сперрингс гребенчато-ямочная керамика имеет более тонкие стенки, более плотное тесто с примесью дресвы и песка. Сосуды хорошо обожжены, форма также круглодонная, но венчики часто отогнуты, имеют косой срез. Орнамент представлен геометрическими мотивами из ямок и оттисков гребенчатого штампа; часто орнаментирован срез венчика [3; 14]. В первые века после появления гребенчато-ямочная керамика сохраняет высокую степень стандартизации в технологии изготовления, форме и орнаментации сосудов на всей территории распространения, но уже в середине 4 тыс. до н.э. возникает большое количество субрегиональных и локальных вариантов, проявляющихся в элементах и мотивах орнаментации, а также в использовании различных минеральных и органических примесей в глиняном тесте [8].

После 3600 лет до н.э. на обширной территории от Финляндии и Кольского полуострова до Вологодской и Архангельской областей распространяются различные типы керамики с примесью асбеста (Къерикки и Пёлья в Финляндии, Войнаволок и Оровнаволок в Карелии и восточнее). Эти типы керамики имеют ряд региональных/хронологических различий (ил. 3), однако обладают и рядом общих черт – тонкими стенками, поверхностной орнаментацией и т.д.

Смена керамических традиций сопровождалась и иными существенными изменениями, прослеживаемыми по археологическим данным. Эти изменения происходили на протяжении всего 4 тыс. до н.э. и, очевидно, были связаны со значительными переменами в обществе [7]. Появляются долговременные поселения, состоящие из нескольких заглубленных в землю жилищ (остатки таких жилищ можно наблюдать на поселении Пашково озеро в северной части Кенозера). По сравнению с предшествующим временем существенно возрастает количество изделий из импортных материалов

(кремня, янтаря, так называемого онежского зеленого сланца (метатуфа). В целом увеличивается разнообразие природных материалов, используемых человеком, причем далеко не всегда с прагматическими целями. Во второй половине — конце 4 тыс. до н.э. в разных регионах возникают специализированные мастерские по производству высококачественных стандартизированных изделий, предназначенных в значительной степени для экспорта. С территории Прибалтики распространялись украшения из янтаря, которые находят на поселениях с гребенчато-ямочной керамикой в Карелии, а также на территории Вологодской и Архангельской областей [25]. В Западном Прионежье вблизи выходов высококачественного метатуфа производились по специальной технологии деревообрабатывающие орудия — топоры и тесла, которые транспортировались в обратную сторону, на запад, вплоть до Латвии [10]. С верхней Волги в Карелию и до запада территории Ленинградской области поступал кремень, из которого на месте производились орудия [1, с. 14]. Все это указывает на существование развитой системы межрегиональных коммуникаций со стабильными каналами поступления сырья, полуфабрикатов и готовых изделий.

Одним из наиболее удивительных предметов импорта, транспортировавшихся в 4–3 тыс. до н.э. по территории лесной полосы Восточной Европы на значительные расстояния, был асбест. Использование асбеста в качестве примеси при изготовлении керамики вблизи природных месторождений в Финляндии, Карелии и на Кольском полуострове можно рассматривать как часть экспериментов древнего населения с разными природными материалами. Свидетельства тому хорошо представлены на рассматриваемой территории в археологических коллекциях 4 тыс. до н.э. [21]. Но во второй половине 4 тыс. до н.э. керамические сосуды с примесью асбеста начинают изготавливать и за пределами Скандинавского кристаллического щита, где нет природных выходов асбеста. Около 130 сосудов с примесью асбеста выделено в коллекции, полученной при раскопках поселения Охта-1 на территории Санкт-Петербурга [6]. Археологические материалы конца 4 — начала 3 тыс. до н.э., содержащие керамику с примесью асбеста, представлены на Карельском перешейке и в Южном Приладожье [11], в Архангельской и Вологодской областях [4]. Наиболее восточным археологическим памятником с неолитической асбестовой керамикой, по-видимому, можно считать уже упомянутое поселение Ильинский остров на р. Онеге. На территории Национального парка «Кенозерский» асбестовая керамика известна на нескольких памятниках, в том числе на поселениях Косицына-2 и на стоянке Лёкшмозеро-3 (Усть-Челма).

Таким образом, керамика с примесью асбеста изготавливалась на значительном удалении от природных выходов этого минерала, для чего асбест специально транспортировался за многие сотни километров. Об этом свидетельствуют находки комков волокон асбеста в культурных слоях поселений Охта-1 и Подолье-3 в Южном Приладожье; Векса и Илекса в Вологодской

области. Керамика с примесью асбеста изготавливалась не от случая к случаю – это была устойчивая традиция, что требовало стабильных каналов поступления импортного минерала.

Вопрос о преимуществах асбеста перед другими примесями, использовавшимися при изготовлении керамики, и о технологических и функциональных преимуществах асбестовой керамики перед керамикой с другими примесями остается открытым. Предварительные результаты экспериментального моделирования древних сосудов показали, что использование примеси асбеста имеет свои достоинства и недостатки.

В археологических памятниках в Финляндии, Карелии и на Кольском полуострове, расположенных вблизи природных источников асбеста, этот минерал часто использовался как единственная примесь. В керамике типа пёлья (ил. 4: 1–2), распространенной в 3 тыс. до н.э. на территории Финляндии, западной части Карелии и Ленинградской области, доля примеси асбеста в глиняном тесте могла достигать 40–70 %. Но в керамике неолитических поселений Южного Приладожья, Вологодской и Архангельской областей (ил. 4: 3–4) часто примесь асбеста в глиняном тесте сочеталась с другими примесями, и доля асбеста могла быть крайне незначительна. Для такой керамики использование примеси асбеста едва ли могло иметь технологическое или функциональное назначение. Незначительная доля примеси асбеста в некоторых сосудах также указывает на то, что использование этого минерала, по крайней мере в этих случаях, не преследовало эстетические цели.

Остается предположить, что наличие даже небольшого количества асбеста в стенках сосуда могло иметь иное, не узко-прагматичное назначение. Использование примеси асбеста могло быть в том числе и своего рода манифестацией принадлежности к некой единой и древней традиции.

Длительность существования традиции изготовления керамики с асбестом в Восточной Фенноскандии составляет не менее 3000 лет (с середины 5 по 2 тыс. до н.э.). На территории Финляндии и Карелии эта традиция сохраняется до раннего железного века, т.е. практически до рубежа эр. В Норвегии и Швеции керамика с асбестом появляется позже и доживает до V в. н.э. Ареал неолитической керамики с примесью асбеста в конце 4 – начале 3 тыс. до н.э. в высокой степени соответствует ареалу керамики типа сперрингс в 5 тыс. до н.э. Юго-западная граница, проходящая на юг от устья р. Невы, четко совпадает с границей между территориями распространения раннеолитических типов керамики нарвской и сперрингс [17]. Восточная граница намечается на территории Архангельской и Вологодской областей. Локальное и хронологическое разнообразие типов керамики в позднем неолите было выражено значительно сильнее, чем в раннем.

Особенности древнего населения проявляются и в антропологических характеристиках современных жителей ареала. Так анализ имеющихся признаков дерматоглифики показал, что жители Архангельской области, в том

числе Кенозерья, сходны с карельским и русским населением Карелии [13]. При этом группы из Малошуйки и Кенозерья демонстрируют близость к карелам и русским Карелии в большей степени, жители Холмогор – в меньшей. Это говорит о включении в их состав в различной степени местного, вероятно первоначально финноязычного субстрата.

Учитывая значительное разнообразие археологических культур во времени и пространстве существования традиции изготовления асбестовой керамики, едва ли можно предполагать единую линию культурного развития на значительной территории в течение столь длительного времени. Очевидно, за несколько тысяч лет сюда неоднократно проникало новое население, свое влияние в разные периоды оказывали обитатели сопредельных территорий. Тем не менее, традиция добавления примеси асбеста в керамику маркирует некую суперкультурную общность на территории от устья Невы на западе до Кенозерья на востоке.

Список литературы

1. *Галибин В.А., Тимофеев В.И.* Новый подход к разработке проблемы выявления источников кремневого сырья для культур каменного века Восточной Прибалтики // *Археологические вести*. 2003. Вып. 2. С. 13–19.
2. *Герман К.Э.* Культура сперрингс (современное состояние изучения) // *Самарский научный вестник*. Самара, 2018. Т. 7, № 3 (24). С. 225–230.
3. *Гурина Н.Н.* Древняя история северо-запада европейской части СССР. М.; Л., 1961. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 87)
4. *Жульников А.М.* Асбест как показатель связей древнего населения Карелии // *Тверской археологический сборник*. Вып. 6, т. 1. Тверь, 2006. С. 330–334.
5. *Козырева Р.В.* Керамика типа сперрингс со стоянки Ильинский остров в Архангельской области // *Краткие сообщения Института археологии*. 1975. Вып. 141. С. 91–94.
6. *Кулькова М.А., Гусенцова Т.М.* Особенности технологии и источники сырья для изготовления глиняной посуды эпохи неолита – раннего металла на поселении Охта-1 в Санкт-Петербурге // *Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие*. СПб., 2012. С. 200–206.
7. *Нордквист К., Крийска А., Герасимов Д.В.* Социальная реорганизация населения каменного века в восточной части Балтийского моря в IV тыс. до н.э.: структура расселения, стратегия жизнеобеспечения и система коммуникаций // *IV Северный археологический конгресс*. Ханты-Мансийск, 2015. С. 132–151.
8. *Нордквист К., Меккенен Т.* Переосмысление типичной гребенчатой керамики по А. Эйрля // *Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований: Замятинский сборник*. Вып. 4. СПб., 2015. С. 207–217.
9. *Ошибкина С.В.* Керамика сперрингс в Восточном Прионежье // *Вестник Карельского краеведческого музея*. Петрозаводск, 1995. С. 46–52.
10. *Тарасов А.Ю., Крийска А.* Рубящие орудия русско-карельского типа с территории Латвии: к вопросу об обмене в финальном каменном веке // *Каменный век: от Атлантики до Пацифики*. СПб., 2014. С. 307–317.

11. Холкина М.А., Гусенцова Т.М. Керамический комплекс торфяниковой стоянки Подолье-1 в Южном Приладожье // Неолитические культуры Восточной Европы: хронология, палеоэкология, традиции. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию В.П. Третьякова. СПб., 2015. С. 159–162.

12. Холкина М.А., Гусенцова Т.М., Герасимов Д.В. Перо феникса: об особом значении примеси асбеста в керамике северо-запада // Археология Подмосковья. № 16. М., 2020. С. 49–60.

13. Широбоков И.Г. Дерматоглифические данные к проблеме происхождения современного населения Северо-запада Европейской части России // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 87–99.

14. *Åyräpää A.* Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finnland // *Acta Archaeologica*. 1930. Vol. I. P. 165–190.

15. *Carpelan C.* Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien // *Finskt Museum* 85. Helsingfors, 1978. P. 5–25.

16. *Chiva I., Ojalvo D.* La poterie corse à l'amiant // *Revue d'arts et traditions populaires*. 1959. Issue 3–4. P. 203–227.

17. *Gerasimov D.V., Gusentsova T.M., Kholkina M.A.* Tracing the Boundary: Southern periphery of the Neolithic Asbestos Ware // *Estonian Journal of Archaeology*. 2020. Vol. 23 (2). P. 146–172.

18. *Hop H.* Keramikk fra norske bronsealdergraver: En studie av morfologi, kronologi, forbindelser og deponeringspraksiser i tidsrommet 1700–500 f. Kr. Avhandling for graden philosophiae doctor (Ph. D.). Universitetet i Bergen, 2020.

19. *Hop H.* Sørlig asbestkeramikk. En presentasjon av funn, lokaliteter og teknologiske valg. Masteroppgave i Arkeologi Institutt for arkeologi, historie, kultur- og religionsvitenskap. Bergen, 2011.

20. *Mitnik A., Wang C.-C., Pfrengle S., Daubaras M., Zarina G., Hallgren F., Allmäe R., Khartanovich V., Moiseyev V., Tõrv M., Furtwängler A., Valtueña A.A., Feldman M., Economou Ch., Oinonen M., Vasks A., Balanovska E., Reich D., Jankauskas R., Haak W., Schiffels S., Krause J.* The genetic prehistory of the Baltic Sea region // *Nature Communications*. 2018. Vol. 9. Art. no. 442. <https://doi.org/10.1038/s41467-018-02825-9>

21. *Nordqvist K., Herva V.-P.* Copper use, cultural change and Neolithization in north-eastern Europe (c. 5500–1800 BC) // *European Journal of Archaeology*. 2013. Vol. 16 (3). P. 401–432. <https://doi.org/10.1179/1461957113Y.0000000036>

22. *Piccardi E., Pêche-Quilichini K.* Production, trading and imitation of pottery in the Northern Tyrrhenian Sea area in the Second Iron Age: potential evidence of identity // *Identity and Connectivity. Proceedings of the XVI Symposium on Mediterranean Archaeology, Florence, 1–3 March 2012. Archaeopress, BAR International Series 2581(II)*. Oxford, 2013. P. 705–714.

23. *Ross M., Nolan R.* History of asbestos discovery and use and asbestos-related disease in context with the occurrence the asbestos within ophiolite complexes // *Geological Society of America*. 2003. Special paper 373. P. 447–470.

24. *The Cambridge History of Japan*. Vol. 1 / ed. by D.M. Bown. Cambridge, 1993.

25. *Zhulnikov A.M.* Exchange of Amber in Northern Europe in the III Millennium BC as a Factor of Social Interactions // *Estonian Journal of Archaeology*. 2008. Vol. 12 (1). P. 3–15.

В защиту будущего родной Земли (размышления и предложения)

Гудима Тамара Михайловна (1936–2021) – кандидат философских наук, профессор Московского гуманитарного университета

В статье представлены предложения к проекту «Историко-культурный каркас Русского Севера (Архангельская область)». Под историко-культурный каркасом понимается целостное культурное пространство, способствующее сохранению самобытности и развитию культуры проживающего в нем народа. В структуру «каркаса» входят исторические центры, поселения, музеи-заповедники, национальные парки и др. Анализируется взаимосвязь этих объектов в Архангельской области с целью решения актуальных проблем территории: экономических, экологических, социальных и культурных.

Ключевые слова: историко-культурный каркас, Архангельская область, музей, национальный парк, подвижничество, литература, архитектура, музыка.

Protecting the future of homeland (reflections and suggestions)

Gudima Tamara M. (1936–2021) – PhD (Philosophy), professor, Moscow University for Humanities

The paper presents proposals for the project «Historical and Cultural Framework of the Russian North (Arkhangelsk Region)». The historical and cultural framework is defined as an integral cultural space that facilitates the preservation of the culture and identity of people living in it. Structurally, this framework incorporates historical centers, settlements, museum-reserves, national parks, etc. The paper discusses where these elements may come together in Arkhangelsk Region so as to help tackle the area's current challenges in economy, environmental, social services and culture more efficiently.

Keywords: historical and cultural framework, Arkhangelsk Region, museum, national park, devotion, literature, architecture, music.

Будущее Архангельской области, как и всего Русского Севера, неразрывно связано с развитием культуры. О ее особенностях и общечивилизационном значении много и хорошо написано. Обращусь к мнению одного из наиболее известных и признанных ученых, создавших большое количество научных трудов, посвященных культуре Русского Севера, Дмитрия Сергеевича Лихачёва: «В Русском Севере удивительнейшее сочетание настоящего и прошлого, современности и истории (и какой истории – русской! – самой значительной, самой трагической в прошлом и самой “философской”), человека и природы, акварельной лиричности воды, земли, неба и грозной силы камня, бурь, холода, снега и воздуха.

Но самое главное, чем Север не может не тронуть сердце каждого русского человека, — это тем, что он самый русский. Он не только душевно русский, — он русский тем, что сыграл выдающуюся роль в русской культуре.

Он не только спасал Россию в самые тяжкие времена русской истории — эпоху польско-шведской интервенции, в эпоху первой Отечественной войны и Великой, он спас нам от забвения русские былины, русские старинные обычаи, русскую деревянную архитектуру, русскую музыкальную культуру, русскую великую лирическую стихию — песенную, словесную, русские трудовые традиции — крестьянские, ремесленные, мореходные, рыболовецкие. Отсюда вышли замечательные русские землепроходцы и путешественники, полярники и беспримерные по стойкости воины.

Да разве расскажешь обо всем, чем богат и славен наш Север, чем он нам дорог и почему мы должны его хранить как зеницу ока, не допуская ни массовых переселений, ни утрат трудовых традиций, ни опустения деревень. Сюда ездят и будут ездить, чтобы испытать на себе нравственную целительную силу Севера, как в Италию, чтобы испытать целительную силу европейского Юга» [3, с. 3–4]. Без сохранения культуры Севера вряд ли можно сформировать русскую идентичность, сохранить и умножить русский народ.

В Стратегии развития Архангельской области одной из составляющих справедливо названо развитие туризма. Люди обязательно поедут на Север. И в современных условиях особенно актуальными становятся вопросы: чем Север известен в истории страны? Чем он ценен и важен для современных людей и будущих поколений?

Архангельск, Онега, Мезень, Нарьян-Мар, поморские села обеспечивают России связь с миром морским путем. Архангельск долгие годы был первым портом России, открывшим дорогу к контактам с Европой и скандинавскими странами. Здесь началось кораблестроение, отсюда брали старт научные экспедиции, отсюда отправлялись навстречу Арктике землепроходцы и путешественники, бесстрашные полярники и открыватели новых земель. Северные моря, озера, реки известны ценными породами рыбы — семгой, нельмой, сигом, омулем, зельдю, палтусом и треской. Здесь всегда был богатый рыбный промысел.

Богатства Севера связаны с заготовкой и переработкой леса. Здесь созданы шедевры деревянного зодчества: храмы, удивительные дома, дворовые постройки.

Север хранит в чистоте и богатстве образов русский язык, оберегает и развивает литературное и песенное творчество. Книжное богатство бережно хранили монастырские библиотеки, их традицию продолжает современная система библиотек во главе с легендарной «Добролюбовкой» — Архангельской областной научной библиотекой имени Н.А. Добролюбова. Уникальными коллекциями располагают архангельские музеи, богатство музея «Художественная культура Русского Севера» сопоставимо по своей ценности с крупнейшими музеями страны.

На Север всегда влекла природа: таинственная и загадочная, суровая и милосердная к человеку, наполненная ощущением свободы и тайны. На всей терри-

тории Севера немало загадочных мест, земля и море хранят немало природных тайн, а люди всегда стремились и будут стремиться их разгадать.

Это далеко не все, чем ценен наш край, что призвано способствовать развитию Севера, его сегодняшнему и завтрашнему дню, его перспективам. Этому должен послужить и проект «Историко-культурный каркас Русского Севера (Архангельская область)».

Понятие «опорный каркас культурного пространства» введено в научный контекст и разработано профессором Ю.А. Ведениным [1], его последователями и учениками. С 1992 по 2013 г. Юрий Александрович возглавлял Институт природного и культурного наследия имени академика Д.С. Лихачёва. За это время Институт сделал очень многое – он был центром всей научной и практической работы по изучению и сохранению природного и культурного наследия в нашей стране. Мне посчастливилось сотрудничать со многими учеными этого института в период подготовки очень важной для нашего края программы «Культура Русского Севера», ставшей частью государственной программы «Культура России». Благодаря этому в самые трудные годы – с конца 1990-х до 2015 г. – из федерального бюджета осуществлялось дополнительное финансирование объектов природного и культурного наследия, музеев и других организаций культуры, расположенных на Севере.

Что надо понимать под термином «историко-культурный каркас»? Это система иерархически организованных историко-культурных центров, связанных между собой через сеть исторических путей, дорог и маршрутов. Это целостное культурное пространство, которое способствует сохранению самобытности и развитию культуры каждого проживающего на этом пространстве народа.

В историко-культурный каркас входят исторические центры, исторические поселения, музеи-заповедники, национальные парки, исторические пути и дороги, исторические маршруты.

На территории Архангельской области есть все составляющие историко-культурного каркаса. Важно увидеть и проанализировать их взаимосвязь, представить их как целостное культурное пространство. С нашей точки зрения, это поможет решению многих актуальных проблем территории: экономических, экологических, социальных и культурных.

Для разработки такого каркаса есть объективные предпосылки. Область связана единой транспортной системой: есть железнодорожное и автомобильное сообщение, во все районные центры, города и поселки, даже в отдельные села могут летать самолеты и вертолеты. В 1990-х гг. и далее эта система, как и многие другие промышленные и хозяйственные комплексы, подверглась разрушению, но сейчас предпринимаются действия по ее восстановлению, ведь на нашей большой территории этот вид транспорта абсолютно необходим.

Связующей нитью для северных населенных пунктов всегда были реки Северная Двина с ее притоками и типично северными населенными пунктами по живописным берегам (Холмогоры, Емецк, Березник, Верхняя Тойма, Красноборск, Котлас, Сольвычегодск и др.), Онега, Пинега, Мезень, Печора.

Территорию объединяет мощный лесопромышленный комплекс с крупнейшими лесопильно-деревообрабатывающими комбинатами, бумажными фабриками, леспромхозами и запанями.

Объективным основанием целостного культурного пространства является и единая система образования. Несмотря на сложности реформирования 1990-х гг., удалось сохранить и единую систему библиотечного обслуживания. Областная научная библиотека имени Н.А. Добролюбова остается методическим центром библиотечного дела в области.

Для общего культурного пространства огромное значение имеют связи между людьми, живущими в разных городах, поселках, селах Архангельской области, на территории которой могли бы разместиться несколько европейских государств. Это связи семейные, деловые, дружеские и культурные. В областном центре, Северодвинске, Новодвинске живут сегодня дети и внуки тех, кто в 1930–1940-х гг., а потом в 1950–1960-х приехали из различных районов области строить предприятия, кварталы жилых домов, школы и дома культуры. Это было время бурного развития наших городов – родился новый Архангельск, новый Северодвинск, поселок Архбумкомбината превращался в город Новодвинск. Не случайно сейчас активно работают общественные объединения – землячества Каргопольского, Пинежского, Мезенского, Шенкурского и других районов. Люди помнят свою малую Родину, место, где они появились на свет, где учились в школе, где жили и живут их родственники. В летние месяцы увеличивается население деревень и поселков, районных центров – «новые» горожане везут своих детей и внуков в родные места. Прав был Константин Симонов, когда писал:

*Ты знаешь, наверно, все-таки Родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

Таким образом, идея создания историко-культурного каркаса имеет под собой объективные основания. Но самое главное – то, что в нашей области всегда жили и работали великие подвижники, энтузиасты, которые глубоко понимали и всем сердцем чувствовали величие и ценность культуры, а потому много сделали для ее сохранения и развития. Я назову только некоторых из них. Каждый из вас может дополнить этот перечень новыми именами и спасенными культурными ценностями.

Ксения Петровна Гемп – энциклопедически образованный человек, неотъемлемый исследователь Севера, его морских глубин, его истории, культуры и языка. Мне посчастливилось в конце 1980-х, в 1990-х гг. и начале XXI в. часто видеться и разговаривать с Ксенией Петровной. До последних дней жизни (а судьба подарила ей 103 года), она работала, встречалась с учеными, историками, деятелями культуры, чтобы передать новым поколениям то интеллектуальное, духовное богатство, которым владела. Особенно дорожила она встречами с молодежью, школьниками. Много лет Ксения Петровна собирала материалы для своей главной книги, обходя села и деревни по берегам Белого и Баренцева морей,

записывая предания, сказы, пословицы и поговорки поморов, открывая тайны их жизни. Книга называется «Сказ о Беломорье», ее составной частью является «Словарь поморских речений». Уверена, что каждый, кто хочет узнать и понять Север, должен начать со знакомства с этой книгой.

Следующие имена людей, которые хочу назвать, — это основатели музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» Мая Владимировна Миткевич и Елена Иосифовна Ружникова. В 1960 г. М.В. Миткевич пришла работать сначала в Архангельский областной краеведческий музей, а через год стала сотрудником Архангельского музея изобразительных искусств, тогда очень небольшого. Через два года начала работать в этом музее и Е.И. Ружникова. Молодые сотрудницы занялись самым трудным и самым важным в то время делом — собиранием коллекции, наполнением фонда. Они поехали по области, в самые отдаленные села, чтобы спасти из разрушающихся церквей и заброшенных домов иконы, исторические документы, предметы быта ушедшего времени, произведения искусства.

На Север в эти годы двинулись любители древних ценностей из столиц, они скупали за бесценок у обедневших сельских жителей церковные и семейные реликвии, понимая их подлинную ценность. Этому расхищению противостояли музейные работники. Созданию и развитию Архангельского музея М.В. Миткевич и Е.И. Ружникова посвятили всю свою жизнь. Сейчас музей, превратившийся в музейное объединение «Художественная культура Русского Севера», располагает богатейшей коллекцией на уровне лучших российских собраний. В 1990-х гг., когда началась бесконтрольная застройка города Архангельска торговыми и офисными центрами, и приметы старого города, отметившего свое 400-летие, одна за другой стали исчезать, ценой невероятных усилий Мае Владимировне Миткевич удалось закрепить за музеем небольшую часть территории в центре города и несколько исторических зданий. В них были созданы Музей художника и сказочника С.Г. Писахова, Музей художественного освоения Арктики имени А.А. Борисова, экспозиция русского искусства XVIII — начала XX века в Усадебном доме Е.К. Плотниковой, готовятся к открытию еще несколько музеев. Остается нерешенным вопрос с хранением музейных ценностей, ведь уникальная коллекция музея хранится в случайных помещениях. Более десяти лет существует проблема строительства специального фондохранилища, достойного коллекции. Есть проект, выделена территория, но каждый раз сроки реализации проекта переносятся. В Красноборском районе отреставрирован и активно работает мемориальный музей Александра Алексеевича Борисова — всемирно известного живописца, создавшего художественный портрет русской Арктики. Этот музей — филиал музея «Художественная культура Русского Севера».

Музыкальную славу Архангельского края общими усилиями создавали Антонина Яковлевна Колотилова и Нина Константиновна Мешко — основатели и многолетние руководители академического Северного русского народного хора; Борис Александрович Князев и Владимир Александрович Максимков, с именами которых связана история и творческая биография симфонического оркестра

и академической хоровой капеллы, которой справедливо гордится Архангельск; Владимир Петрович Резицкий – создатель и руководитель джаз-группы «Архангельск», широко известной не только в нашей стране, но и в мире. К счастью, начатое ими благородное дело продолжают их ученики.

В разных уголках нашей области и сегодня есть немало интересных начинаний. Они, как правило, рождаются по инициативе людей, живущих в этих местах, людей творческих, любящих свою землю. Так, интересная, пока малоизвестная даже на Севере, история Мезенской земли изучается и сохраняется Мезенским краеведческим музеем. Его долгие годы возглавлял Василий Иванович Дранников.

Несколько лет назад в Няндоме возник музей Северной железной дороги. Первый проект музея «Станция в стиле модерн – Няндомы Саввы Мамонтова» был посвящен 175-летию со дня рождения известного русского промышленника-предпринимателя и мецената Саввы Ивановича Мамонтова. С его именем и деятельностью связано строительство Северной железной дороги и станций, ее обслуживающих, в том числе станции Няндомы. В поселке сохранилось несколько исторических зданий, жилых домов и хозяйственных построек рубежа XIX и XX столетий в стиле русского деревянного модерна, столь любимого Саввой Ивановичем. Между этими домами расположена улица, вполне достойная считаться исторической. Крайне интересна и многолетняя история Няндомского депо, одного из основных на Северной железной дороге. Долгие годы об этом никто не вспоминал. Поселок развивался, в нем по-прежнему огромное значение имела железная дорога, где трудилась большая часть жителей, леспромхоз и птицефабрика, другие предприятия и организации, были большие школы, дома культуры, а вот музея в поселке не было, а значит, не было и системного изучения истории, хотя было немало людей, которые с интересом этим занимались – энтузиасты-краеведы.

Несколько лет назад жители Няндомы выступили с инициативой – создать музей истории родных мест и начать с железной дороги. Идея оказалась привлекательной, откликнулось немало людей, желающих помочь делу. Прошло совсем немного времени, и сегодня можно говорить, что музей состоялся. Первая музейная выставка исторических фотографий, посвященная созданию станции и строительству железной дороги, размещена на объекте, стилизованном под станционный фонарь. Поезда останавливаются в Няндоме на 15–30 минут, пассажиры, выходящие из вагона погулять, имеют возможность познакомиться с этой интересной экспозицией. Районная администрация выделила и помогла отремонтировать дом для размещения экспозиции. Известный ленинградский художник подарил музею коллекцию своих картин, посвященных природе Севера. Музей при расширении площади может открыть художественную галерею, которой пока нет в Няндоме. Действует туристический маршрут по исторической улице, приводятся в порядок исторические здания. У музея есть вполне реальные перспективы развития.

Интересные культурные инициативы реализованы в Коношском районе. В д. Норинской, в 15 км от Коноши открыт музей Иосифа Бродского, всемирно

известного поэта, удостоенного Нобелевской премии. В 1960-х гг. молодой поэт оказался в Коношском районе не по своей воле. Он был осужден по действовавшему в то время законодательству за уклонение от общественно-полезной деятельности и отправлен в ссылку в Архангельскую область. В д. Норинской поэт прожил более года, трудился на сельскохозяйственных работах, а потом почтальоном. Сохранился и отремонтирован дом, в котором жил поэт. С помощью его друзей из Москвы и Санкт-Петербурга в доме оборудована содержательная музейная экспозиция. А самое главное – жители деревни помнят знаменитого ссыльного и охотно о нем рассказывают. Иосиф Бродский так писал об этом времени: «И вообще, это был, как я сейчас вспоминаю, один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше, пожалуй, не было» [2]. За время жизни в Норинской, как утверждают биографы, поэт написал более 150 стихов.

Большое впечатление произвела на меня и д. Кремлево в этом районе, где силами и инициативой жителей восстановлен красивейший памятник белокаменного зодчества – Церковь Рождества Богородицы (построена и освящена в 1869 г.). Это одна из типичных северных деревень с богатой историей: здесь в больших количествах заготавливали соль, а местные источники знамениты своей целебной водой со значительным количеством кальция. Кремлево, расположенное в 20 км от районного центра, связано автомобильными дорогами с другими деревнями и поселками. В этой деревне родилось много известных людей, составивших славу Отечества. Сейчас в деревне 50 жилых домов, в 16 из них люди живут круглый год, в остальных – с весны до поздней осени, но все жители объединены желанием сохранить и обустроить родную деревню. Энтузиастом и организатором работ по возрождению архитектурного памятника в деревне стала уроженка этих мест (здесь стоит родовой дом ее предков), сейчас жительница Санкт-Петербурга Ольга Васильевна Кузнецова.

Точки роста – большие и малые инициативы людей, связанные с сохранением и развитием родной земли, – есть во многих районах нашей области. И эти инициативы не исчерпываются только культурой, задачи ставятся более масштабные. Самым наглядным образом это подтверждает опыт Кенозерского национального парка. Совершенно заслуженно его директор Елена Флегонтовна Шатковская в 2019 г. стала лауреатом Государственной премии России. Реставрация памятников деревянного зодчества, создание музеев, в том числе единственного в России музея, посвященного фольклору, былинным традициям, сказителям и ученым – хранителям подлинного русского языка и народной мудрости, – «В Начале было Слово», сохранение и развитие народных художественных промыслов, все это посвящено главной цели – сохранить жизнь на нашей северной земле, чтобы люди не уезжали, а стремились приехать сюда.

Одной из самых загадочных территорий в нашей области является Пинежский район. Связывающая этот район в единое целое р. Пинега с давних лет привлекала путешественников, ученых и деловых людей норовистым характером, богатыми ресурсами и необыкновенной красотой. Жители сел и деревень на Пинеге заботятся о сбережении своей земли. В районе уже несколько лет проходит

массовый фестиваль гражданских инициатив, на который местные жители представляют свои проекты по изучению и преобразованию поселков, деревень, районных центров – Карпогор и Пинеги. Лучшие из проектов финансируются и реализуются. Особое звучание придал этой работе юбилей Федора Александровича Абрамова – в 2020 г. ему исполнилось 100 лет. Федор Александрович родился на Пинежской земле, прожил здесь значительную часть своей жизни, написал главные свои произведения, создав художественную летопись Пинежья, восславив людей, здесь живущих и работающих.

В рамках одной статьи невозможно назвать все, но память о важных событиях, об известных людях, о добрых делах на благо родной земли хранится в каждом населенном пункте. Есть люди, которые не только изучают и хранят эту память, но и готовы продолжать лучшие традиции: жизнь настойчиво требует этого. Каждый, кто включался в эту работу, знает, как она сложна без понимания и помощи других людей. Трудности начинаются с разработки проекта (самая красивая и верная идея должна получить практическое оформление); грамотной подготовки заявки на финансовую, юридическую, экспертную помощь в государственные, общественные, частные фонды и организации; привлечения заинтересованных людей; взаимодействия с теми, кто занимается этими вопросами на других территориях. Решению этих задач и будет способствовать проект «Историко-культурный каркас Русского Севера (Архангельская область)».

Надо заметить, что это только первый вариант, предложение для обсуждения. В ходе обсуждения проект наполнится новыми идеями и конкретными предложениями. Такой документ не может быть подготовлен только специалистами-профессионалами, в его разработку, а затем и реализацию должны включиться все заинтересованные люди и организации. Это в их интересах. Утверждаю это на основе многочисленных встреч с неравнодушными, талантливыми, энергичными людьми.

В первом разделе проекта надо дать характеристику культурно-исторического центра Архангельской области – г. Архангельска. Он объединяет территорию в единое целое, локализует в себе самые важные исторические и культурные объекты, задает вектор развития всей территории. Здесь сосредоточен интеллектуальный и духовный потенциал, действует система подготовки кадров, создаются условия для становления талантов и развития способностей. Что характеризует город сегодня и как он должен развиваться, чтобы быть историко-культурным центром территории?

Архангельск основан в 1584 г. как крупный порт на Севере России, острая необходимость в котором объективно назрела. Эта миссия города сохранялась за ним на протяжении всей истории развития. В городе всегда действовало крупное морское пароходство, а почти половина населения трудом и жизнью своей были связаны с морем. То, что последние четверть века значение Архангельска как порта значительно снизилось, с моей точки зрения, досадное недоразумение, и в ближайшие годы порт должен вернуть свою былую славу.

История Архангельского порта раскрыта в нескольких залах Архангельского краеведческого музея, в музее мореходного училища. Есть и Северный морской

музей, достаточно богатый своими коллекциями и привлекающий грамотной экспозицией. Но мы давно завидуем Калининградскому музею Мирового океана, в состав которого входят корабли и лодки – суда, прославившие флот. Несколькое раз предпринимались попытки сделать это и в Архангельске. Много лет стояла на набережной у здания музея и разрушалась на глазах всего города историческая шхуна «Запад», но музейным экспонатом, школой для обучения юных моряков она так и не стала.

Северный морской музей в Архангельске должен развиваться, включая в сферу своей деятельности многие места, связанные со становлением и развитием Северного флота: Вавчугу, Мезень, Нарьян-Мар, старинные поморские села. Это повысит интерес к профессии мореплавателя, которая всегда была популярна и будет востребована еще многие годы. Архангельск – крупный речной порт, Северная Двина (труженица, красавица, матушка – так величали нашу реку в народе) соединяет районы области в единое целое. Одним из ярких праздников в жизни города многие годы было прибытие весной, после ледохода, первого парохода из Котласа, с верховьев Северной Двины. Этот маршрут работал до глубокой осени и предоставлял возможность многочисленным пассажирам, а среди них было немало туристов, любоваться красотой двинских берегов, посещать исторические поселения, общаться с местными жителями. Общими усилиями жителей Архангельска, Котласа и других населенных пунктов на Двине надо восстановить и поддерживать этот маршрут.

Архангельск многие годы был известен как всесоюзная лесопилка – два десятка заводов и комбинатов по переработке древесины работали в нашем городе, вокруг предприятий строились поселки для труженников лесопильных и целлюлозно-бумажных предприятий. В поселках обязательно была школа, детский сад, Дом культуры с библиотекой, больница, предприятия бытового обслуживания. В них был свой образ и стиль жизни, люди были связаны друг с другом и в беде, и в радости. Жизнь в этих поселках помогала освоить вновь приехавшим городской образ жизни, сохраняя при этом лучшие черты деревенского быта. Были проблемы и сложности, но было много доброго, что, к сожалению, сейчас утрачивается. Новых хозяев предприятий интересует, прежде всего, только прибыль. В Архангельске было много деревянных домов, особенно в этих поселках, да и в целом до 1960-х гг. деревянные постройки преобладали.

На Севере понимали и ценили красоту дерева. Не случайно, когда многие дома стали ветшать, отслужив свой век, было принято решение сохранить для потомков лучшие образцы северной архитектуры. Так в 26 км от Архангельска возник музей «Малые Корелы», куда со всей области были свезены наиболее ценные памятники деревянного зодчества. Музей активно работает, принимает многочисленных посетителей со всей России и из других стран мира. К сожалению, в последние годы рядом с подлинными шедеврами в музее появились новоделы, построенные с нарушением традиций деревянного зодчества, а развлекательная функция в деятельности музея начинает преобладать над просветительской.

В 1960–1970-х гг. была предпринята попытка сохранить деревянную архитектуру и в самом Архангельске — наиболее ценные в художественном и историческом отношении дома перевезти на одну улицу (выбрали ул. Чумбарова-Лучинского в центре города), дать им статус объектов культурного наследия — памятников деревянной архитектуры, а саму улицу сохранить как благодарную память об уходящем в прошлое деревянном городе — старом Архангельске. Улица эта существует и сейчас, она стала пешеходной зоной, на ней даже сохранилось несколько прекрасных домов, перевезенных в те годы: но рядом с ними стоят дома, покрытые сайдингом и другими модными синтетическими материалами, вместо деревянных мостков, столь типичных для города в прошлом, уложены плитка и асфальт, металлические скамьи — подарок из г. Эмдема, т.е. никакого старого Архангельска не получилось.

Лесная отрасль будет одной из ведущих в развитии Архангельской области и в будущем, на много лет вперед. Она стала другой: большинство предприятий и организаций, занимающихся лесозаготовкой и лесобработкой, находятся в частной собственности. Некоторые собственники не являются гражданами России. Главная цель их деятельности — использование лесных ресурсов России во имя собственных целей и в интересах других стран. Благоустройство лесных поселков и благополучие тружеников в их заботы не входит. Особенно сложно обстоят дела с учреждениями культуры, а библиотеки массово закрываются. Но люди по-прежнему живут в этих поселках, и их духовные потребности не удовлетворяются. На этом нерадостном фоне особенно ценны те инициативы и дела, которые стремятся преодолеть тревожную тенденцию. Да, пока такие примеры скорее исключение, чем правило. Тем важнее вовремя их заметить и поддержать.

Особенно радует, когда инициативу проявляют местные жители — люди, живущие в этих поселках. Они лучше знают, какой должна быть школа, библиотека, клуб и Дом культуры. Они несут в себе лучшие традиции старших поколений и хотят, чтоб в поселке хорошо жилось их детям и внукам. Для меня очень значимым является опыт лесопункта Поча в Плесецком районе на территории Кенозерского национального парка. В прошлом, в советское время, это был один из крупных лесопунктов, в поселке жило более 2000 человек, здесь было все необходимое для полноценной жизни: школа-десятилетка, бытовые службы, Дом культуры, библиотека и другие социальные учреждения. Поселок расположен в очень красивом месте, в лесу, на берегу реки. Местные жители любят свой большой дом и, несмотря на сложные времена, не хотят сдаваться. Сейчас в Поче живет более 500 человек. Кроме заготовки леса, которая существенно сократилась, люди находят другие виды деятельности. Так, сформировалось несколько крупных крестьянских хозяйств, входят в практику многообразные виды деревообработки, развиваются народные художественные промыслы. Жители поселка создали свой музей под говорящим названием «Поча. Жили, работали, любили» об истории лесопункта, поселка и судьбах людей, здесь живших, работавших, растивших детей и любивших свою землю. Помощь инициаторам этого начинания оказали сотрудники Кенозерского национального парка. В поселке отреставрировали

большой деревянный дом, где работает новый культурный центр «Привал лесоруба». В нем собираются для общения на самые различные мероприятия (деловые и семейные), создаются выставки с материалами музея и рассказом о новых событиях. Ремонтируется после долгого запустения и здание Дома культуры.

Архангельск на многие годы останется центром заготовки, комплексной глубокой переработки и восстановления лесов. Именно здесь всегда была сосредоточена и активно развивалась наука о лесе, а Архангельский лесотехнический институт был вузом, в котором работали выдающиеся ученые, известные всей стране и миру. В институте были все необходимые для развития и совершенствования лесного дела факультеты и кафедры. В нашем городе на благо этой отрасли успешно работали и общесоюзные научно-исследовательские институты. Хочется надеяться, что научным центром Архангельск останется и в будущем.

Историко-культурный каркас призван связать все направления перспективного развития в единое целое, обеспечивая полезное взаимодействие, помогая объединить усилия разных центров и организаций во имя решения общих задач.

Опираясь на опыт областной научной библиотеки имени Н.А. Добролюбова по созданию единой библиотечной системы в области, надо установить более прочные контакты и в других направлениях культурной деятельности. Речь не идет об объединении, например, всех музеев в единую организационную структуру. Это вряд ли целесообразно: музеи очень разные и в этом достоинство музейной системы. Более того, в каждом районе хорошо работающий музей объединяет вокруг себя другие учреждения культуры и людей, занимающихся культурной, просветительской и образовательной деятельностью. Речь идет о взаимодействии и взаимообогащении структур в содержательном наполнении, в методическом опыте. В музеях Архангельска есть научные сотрудники, которых, к сожалению, нет в штатах большинства районных музеев и тем более музеев частных. Таких музеев становится все больше, и, конечно, желание энтузиастов на местах надо поддерживать. Но все чаще приходится встречаться с тем, что то, что называется музеем, на самом деле музеем не является, в лучшем случае это выставка старинных вещей или предметов, стилизованных под старину. Организация музейных экспозиций, описание музейных предметов, формирование фондов (все это — необходимые этапы создания музея) требуют участия научных работников, специалистов музейного дела.

Единым объединяющим направлением в историко-культурном каркасе Архангельской области должно быть сохранение и развитие русской словесности, русской литературы. С Севером связаны имена протопопа Аввакума, М.В. Ломоносова, многих писателей более позднего времени. Создание музея исконно русской словесности «В Начале было Слово» в д. Вершинино (Кенозерский национальный парк) — важный шаг в этом направлении. В Архангельске работает литературный частный музей, созданный талантливыми, знающими литературу людьми. В этом городе жили и творили кудесники русского слова Степан Григорьевич Писахов и Борис Викторович Шергин. В Верколе Пинежского района активно работает и открывает новые экспозиции музей Федора Александро-

вича Абрамова. В Лешуконском районе стоит дом Владимира Владимировича Личутина – уроженца Мезени, одного из самых значительных писателей современной России. Каждое лето проводит в родном Верхнетоемском районе поэт огромного таланта и проникновенной искренности Ольга Александровна Фокина. Наша область имеет все основания стать Всероссийским центром сохранения и развития русской литературы, сбережения красоты и богатства великого русского языка.

Свое место в историко-культурном каркасе области должен занять г. Северодвинск. Основанный в 1938 г. как Молотовск, он стал убедительным воплощением промышленной и оборонной мощи Советского государства. История строительства и жизни Северодвинска достаточно полно отражена в городском музее, достойные музеи созданы и на предприятиях.

В едином культурном пространстве области особую роль играют малые города. Именно они сохраняют исторически обусловленное культурное разнообразие страны, самобытность регионов и поселений. В таких городах складывается особый стиль общения людей, менее формализованный и более доверительный, здесь живы традиции и народные обряды; а хоровые коллективы выступают не только на сцене, они – необходимая часть народных праздников. У нас в области немало таких городов и каждый из них имеет свое лицо. Это Вельск с его песенным праздником, возникшим много лет назад одним из первых в стране, с уникальными памятниками деревянного зодчества, со столетним музеем, располагающим богатейшей коллекцией. Это Холмогоры – родина Михаила Васильевича Ломоносова – с единственным в стране музеем великого ученого, замечательной косторезной мастерской, сохраняющей древнюю поморскую традицию; именно на этой земле была выведена одна из лучших пород крупного рогатого скота – холмогорская корова. Это Каргополь с его белокаменными храмами, деревнями, сохранившими уникальную историческую застройку и знаменитые глиняные промыслы, в том числе каргопольскую игрушку. Можно назвать и Красноборск, и Верхнюю Тойму, и Онегу, и Сольвычегодск, и др.

В последние годы интерес и внимание к малым городам увеличивается, их значение для культуры ценится все больше. В самих малых городах и селах появляется все больше людей, которые стремятся к сохранению того, что будет востребовано завтра. Именно в глубинке понята и принята идея культурного ландшафта, особой ценности природы, облагороженной рукой человека, постепенно становящейся необходимой частью культурной среды. Культура всей своей сутью отрицает хищническое отношение к природе. Субъектом, деятелем подлинной культуры является человек творческий, созидающий. Человек приходит в мир, чтобы сделать его лучше.

В разработке историко-культурного каркаса важно выделить роль церкви и монастырей. На территории области их было немало, часть из них восстановили свою деятельность, участвуют в культурных проектах. Мы с благодарностью помним, что именно в монастырях были созданы первые книжные хранилища – библиотеки, что и в прошлом и сегодня религиозные организации активно

участвуют в восстановлении памятников истории и культуры, в сохранении культурного наследия.

В Архангельской области немало городов и поселений, которые носят звание исторических. Его присуждение — признание большого вклада, которое внесли эти населенные пункты и поколения людей, живших на этой земле, в историю России. Это означало, что в этих городах и селах историческая память бережно сохраняется в их облике, отношении местных жителей к традициям. К историческим были отнесены Каргополь, Сольвычегодск, Мезень, Пинега, Карпогоры, д. Кимжа в Мезенском районе (уникальное поселение, претендент на включение в Список Всемирного культурного наследия) и др. Сейчас список исторических городов по непонятным причинам существенно уменьшен. Надеюсь, что в ближайшее время вернутся к его восстановлению и расширению — этого требует сама жизнь. Приведу только один аргумент в подтверждение этого.

Весь мир убедился, что туризм является важным экономическим фактором для развития многих стран. Вынужденное из-за эпидемии коронавируса закрытие туристских маршрутов нанесло существенный ущерб бюджетам таких стран, как Италия, Испания, Франция, Турция, Греция и т.д. А почему люди так стремятся посетить эти страны, почему увеличивается и будет увеличиваться туристский поток в этих направлениях? Прежде всего, потому что народ в этих странах сумел сохранить свою историю и культуру, потому что им есть, что показать.

Я очень надеюсь, что так будет и на Русском Севере. Тяжело переживаю трагедию Архангельска: исторический облик города, которому скоро исполнится 450 лет, разрушен бессистемной застройкой: неоправданно, вопреки мнению архангелогородцев уничтожены исторические трамвайные маршруты, уродливые громады многоэтажек закрыли от горожан Северную Двину в самом центре города, от Поморской улицы до площади Профсоюзов, и т.п. Надо спасать то, что еще осталось. Практическим шагом в решении этой задачи может стать разработка историко-культурного каркаса. То, что названо в данной статье, — только часть этого важного проекта. Надеюсь на его дополнение заинтересованными, знающими Север людьми из разных уголков нашей большой области. Сформировав общими усилиями целостную картину, мы направим заявки в самые разные фонды: государственные, общественные, частные. Уверена в поддержке, потому что вопрос сегодня стоит именно так — создание культурной среды, развитие территории. Это означает не просто строительство или реставрацию культурных объектов, а улучшение благодаря этому жизни людей. Север можно и должно сделать привлекательным и желанным для людей неравнодушных, деятельных, творческих.

В заключение хочу обратиться к некоторому личному опыту, чтобы ответить на вопрос, почему у меня возникло желание разработать такой проект? В чем я вижу его необходимость, и какую реальную пользу он может принести?

Во-первых, это естественная потребность и желание представить историко-культурное наследие Севера (хотя бы в пределах Архангельской области) как единое целое, связывающее живущих здесь людей, как яркую многоцветную кар-

тину территории, преобразованной самоотверженным трудом многих поколений северян, вложивших в эту землю свой талант и любовь.

Я родилась, выросла на Архангельской земле и очень ее люблю. Много лет, практически всю жизнь, я езжу по области. Нет района, в котором я не была. В основном поездки были деловые: они включали в себя чтение лекций в трудовых коллективах, на различных семинарах, курсах повышения квалификации, участие в подготовке и проведении мероприятий, реализацию тех или иных проектов. Менялись мои должности, но содержанием работы всегда была образовательная, просветительская, культурная деятельность. Приезжала я как комсомольский работник, как лектор обкома партии и общества «Знание», как депутат Государственной думы, как советник министра культуры Российской Федерации, как преподаватель Московского гуманитарного университета. В зависимости от должности менялись мои возможности помочь в решении тех или иных вопросов, но всегда именно это являлось смыслом и целью моих поездок.

Удавалось привлечь внимание к проблемам, к культуре Севера известных руководителей и деятелей культуры и с их помощью добиться больших результатов. Так, в 1996 г. состоялось выездное заседание комитета по культуре Государственной думы. На неделю в область приехали председатель комитета Станислав Сергеевич Говорухин; заместитель председателя, последний в истории министр культуры Советского Союза Николай Николаевич Губенко; депутаты – члены комитета по культуре Валерий Михайлович Тарасов и Татьяна Александровна Астраханкина; а также заместитель министра культуры России, эксперты, специалисты самых разных направлений. За время командировки в Архангельской области они побывали в драматическом и кукольном театрах, в Северном хоре, Союзе художников, во всех музеях, музыкальных школах, посетили Соловецкие острова. Везде анализировали состояние дел, встречались с коллективами, искали способы решения проблем. По итогам работы было принято совместное решение комитета по культуре Государственной думы и Министерства культуры Российской Федерации об оказании помощи области в развитии культуры.

В 2004 г. в область приезжала рабочая группа Министерства культуры во главе с министром Михаилом Ефимовичем Швыдким (я была тогда его советником и потому организовывала работу этой группы). Сотрудники министерства были в области четыре дня и помогли решению ряда актуальных проблем.

Обе поездки московских представителей власти широко освещались в средствах массовой информации, были в центре общественного внимания, что способствовало повышению интереса к развитию культуры. Это были трудные годы в России: неработающая экономика, массовая невыплата зарплат и задержка пенсий, рост преступности. Государство практически прекратило финансирование культуры: оно составляло 0,6 % валового внутреннего продукта, и эти деньги выделялись главным культурным центрам страны – Большому и Мариинскому театрам, Эрмитажу и Третьяковке, консерваториям и другим объектам общенационального значения. То, что в это время удалось разработать и принять специальную государственную программу «Культура Русского Севера» (часть

программы «Культура России») имело большое значение: дополнительное финансирование из федерального бюджета было остро необходимо нашей области.

В каждой поездке, и тогда, и сейчас, я встречала талантливых людей с интересными идеями, предложениями и, главное, желанием воплощать их в жизнь. Всегда очень хотелось поддержать их, помочь. К сожалению, получалось это не всегда. В создании единого историко-культурного каркаса я вижу возможность объединить этих энтузиастов, их инициативы, а значит, и поддержать, сначала морально: подбодрить, посоветовать, потом привлечь специалистов, помощников, а это увеличит возможности реализации их замыслов. Человеку важно знать, что он не один в своих благородных стремлениях.

Десять последних лет (с 2011 по 2020 г.) я ежегодно участвую в работе Международного культурного форума в Ульяновске. Собирается на него более 2000 человек со всей России. Много участников из других государств – от 15 до 20 стран присылают своих представителей. Привлекает к этому форуму то, что на нем обсуждаются самые актуальные проблемы развития культурного процесса. Я активно участвую в форуме: выступаю на конференциях и семинарах, часто исполняю роль модератора, консультанта. Ульяновская область значительно обогатила свою культурную жизнь благодаря этому мероприятию. Тем, кто заинтересуется работой форума, можно рекомендовать сайт «Ульяновск – культурная столица».

А все началось много лет назад с создания объединенного центра заинтересованных людей (не по должности, а по призванию), желающих помочь развитию культуры родной земли. Назвали его фондом «Ульяновск – культурная столица». Фонд – наиболее подходящая организационная форма, которая может привлекать средства из разных источников. Все эти годы фонду помогал целый ряд международных организаций, благотворительных и социальных фондов (особенно активно – «Фонд Потанина»), было немало и частных пожертвований. Особенно же важно было то, что с первых дней существования фонд активно поддерживало правительство области во главе с губернатором Сергеем Ивановичем Морозовым.

Мне бы очень хотелось объединить всех заинтересованных людей в Архангельской области и за ее пределами во имя цели значимой и благородной, коей является культура Севера. Нам надо разработать и представить творческий проект «Историко-культурный каркас Русского Севера (Архангельская область)», найти вдохновляющий призыв/название нашего объединения и приступить к практическим действиям. Дела нас ждут интересные, духоподъемные и необходимые людям.

Список литературы

1. Веденин Ю.А. Представление о сущности и структуре опорного каркаса культурного пространства России // Наследие и современность. 2019. Т. 2, № 3. С. 7–23.
2. Иосиф Бродский в ссылке: Норенская и Коноша Архангельской области / авт.-сост. М.И. Мильчик; коммент. Л. Лосева. СПб., 2013.
3. Лихачёв Д.С. Русский Север // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Архангельск, 2004. С. 3–4.

«Доцент» Приклонский и архив Пертоминского монастыря

Гундакова Людмила Викторовна – независимый исследователь; lumax@bk.ru

Статья повествует о жизненном пути А.П. Приклонского – гвардейского офицера и историка русского позднего Средневековья. До первого ареста в 1924 г. он уже опубликовал поэму «Кирилловский езд 7061 г.» и подготовил к печати монографию «Иван Грозный», предисловие к которой написал академик С.Ф. Платонов. Осужденный как бывший офицер-преображенец за контрреволюционную деятельность, в 1924–1927 гг. отбывал заключение в Соловецком лагере особого назначения. Работу в одной из лагерных канцелярий совмещал с участием в деятельности Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. В частности, сумел подготовить к печати археографический сборник документов Пертоминского монастыря за XVII–XVIII вв. Сегодня эти документы хранятся в архивах и библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга и Архангельска. В статье, построенной на архивных источниках, воспоминаниях заключенных и работах самого А.П. Приклонского, изложена история нахождения монастырского архива и его археографического описания, отмечено значение отдельных документов в изучении хозяйственной деятельности монастыря и застройки Архангельска.

Ключевые слова: А.П. Приклонский, лейб-гвардии Преображенский полк, Соловецкий лагерь особого назначения, Пертоминский монастырь, Архангельск, архивные документы.

Priklonsky the «Associate Professor» and the archives of Pertomin Monastery

Gundakova Liudmila V. – independent researcher; lumax@bk.ru

The article narrates about the life path of A.P. Priklonsky, a guard officer and chronicler of the Russian Late Middle Ages. Before his first arrest in 1924, he published his poem «Cyril's Ride 7061» and prepared for publication his monograph «Ivan the Terrible», the foreword to which was written by Academician S.F. Platonov. In 1924–1927, convicted of counter-revolutionary activities, Priklonsky was a prisoner of the Solovetsky special purpose camp. He combined his work in one of the camp offices with the activities of Arkhangelsk Society of Local Historians' Solovetsky branch. Priklonsky prepared for publication the 17th–18th century archaeographic collection of documents relating to Pertomin Monastery. These documents are currently kept in the archives and libraries in Moscow, St. Peters-

burg and Arkhangelsk. The article uses archival sources, prisoners' memoirs and the works by A.P. Prikлонsky himself to identify locations of monastic archives, provide their archaeographic description, and highlight the importance of particular documents in the study of the economic activities the monastery engaged in, and the development of Arkhangelsk.

Keywords: A.P. Prikлонsky, Imperial Guard Preobrazhensky Regiment, Solovetsky special purpose camp, Pertomin Monastery, Arkhangelsk, archival documents.

Любой современный историк, коснувшийся исследования деятельности Пертоминского монастыря, знает имя А.П. Приклонского, автора археографического сборника монастырских хозяйственных документов XVII–XVIII вв. Но далеко не каждый может ответить на вопрос о его авторе: что это был за человек, откуда родом, кем был по профессии и образованию, каким образом оказался причастен к судьбе монастырского архива? Мы попытались восполнить этот пробел, и перед нами открылась трагическая судьба человека, к сожалению, схожая с тысячами других начала XX столетия в России.

Александр Петрович Приклонский (ил. 1) родился 26 февраля (10 марта) 1882 г.¹ в Нижнем Новгороде в большой семье симбирского и нижегородского потомственного дворянина Петра Васильевича Приклонского. По дворянской традиции готовить сыновей к военному поприщу с десятилетнего возраста он был отдан на обучение в 1-й Кадетский корпус в Санкт-Петербурге. По его окончании в октябре 1900 г. Александр поступил в Павловское военное училище. Окончив его с отличием, в августе 1902 г. выпустился подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. В мае 1903 г. был назначен помощником начальника полковой учебной команды, готовившей унтер-офицерские кадры для полка. В качестве исполняющего его обязанности участвовал в событиях на Дворцовой площади 9 января 1905 г., о чем оставил краткие воспоминания [9, с. 661]. С производством в декабре 1906 г. в чин поручика утвержден начальником учебной команды. Под его руководством службу в л.-гв. Преображенском полку начинал подпоручик Александр Павлович Кутепов [15, с. 180] (1882–1930), будущий руководитель белоэмигрантского Русского общевоинского союза. С началом Первой мировой войны А.П. Приклонский ушел на фронт, в чине штабс-капитана командовал одной из полковых рот [2, с. 369]. За участие в боях с сентября 1914 по май 1915 г. награжден орденами Св. Станислава 2-й степени с мечами [5, с. 16] и Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [6, с. 39]. В августе 1915 г., получив звание капитана, был отозван с фронта в Петроград для руководства учебной командой л.-гв. Преображенского запасного батальона. За службу в тылу награжден орденом Св. Анны 2-й степени без мечей

¹ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 409. Оп. 1. Д. 36477 (пс. 2–124). Л. 1 об.

[7, с. 31]. С надеждой встретил Февральскую революцию 1917 г., выступая за придание больших прав Государственной думе. Являлся сторонником перехода Преображенского запасного батальона на сторону воставших [2, с. 260–261; 18, с. 18], за что подвергся критике в мемуарах А.П. Кутепова [16, с. 159–160, 172] и романе А.И. Солженицына «Красное колесо» [31, с. 471, 668]. Оставаясь по убеждениям монархистом, тяжело воспринял известие об отречении русского императора от престола, до конца своих дней неся тяжесть «предательства». После свершения революции, не оправдавшей его надежд на демократические перемены в обществе, продолжать военную службу не стал, был отправлен в резерв армии. Октябрьскую революцию не принял, но и активного участия в борьбе с новой властью не принимал. Работал чертежником в советских учреждениях. 25 апреля 1924 г. в числе бывших офицеров-преображенцев арестован по «Преображенскому делу»². Обвинялся в создании «контрреволюционной группировки монархического направления с установлением связей с границей»³, а именно с бывшим однополчанином А.П. Кутеповым. Решением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 12 сентября 1924 г. сослан на три года в Соловецкий лагерь особого назначения⁴. По освобождении из лагеря был выслан на три года в Кострому (1927–1931) [22, с. 286]. После окончания срока высылки работал в г. Дмитрове Московской области заведующим чертежно-конструкторским бюро на строительстве канала Москва – Волга [8, с. 327–330]. Вновь арестован 23 октября 1936 г. как «активный участник контрреволюционной террористической организации»⁵. 16 августа 1937 г. приговорен к высшей мере наказания⁶. Реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР 11 февраля 1958 г.⁷

Такова вкратце официальная биография Александра Петровича Приклонского, похожая на тысячи судеб русских гвардейских офицеров. Но была и другая сторона его жизни: военную службу, а позднее трудовую деятельность ему удавалось успешно сочетать с историческими изысканиями, связанными с русским поздним Средневековьем. В начале нашего исследования даже возникали сомнения: об одном ли человеке идет речь?

Возможной причиной интереса А.П. Приклонского ко времени царствования Ивана Грозного являлись семейные легенды об активном участии нижегородских дворян Приклонских в жизни Московского государства в XVI в. Будучи подпоручиком, в 1906 г. он заинтересовался личностью Ивана IV Васильевича, начав сочинять эпическую поэму «Кириловский езд 7061 г.»⁸ [23].

² Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. П–82586. Л. 104 об.

³ Там же. Л. 212 об.

⁴ Там же. Л. 189.

⁵ Центральный архив ФСБ РФ. Д. Р-7823. Л. 3, 8.

⁶ Там же. Л. 86–87 об.

⁷ Там же. Л. 135–135 об.

⁸ Российская национальная библиотека (далее РНБ). Ф. 585. Оп. 1, ч. 2. Д. 3950. Л. 5.

Попав под влияние этого неординарного исторического персонажа, Александр Петрович решил продолжить тему и еще до войны задумал написать историческое исследование «Иван Грозный». Монография, подготовленная к печати в 1923 г., получила высокую оценку русского историка академика С.Ф. Платонова, поставившего никому неизвестного Приклонского в один ряд с признанными учеными. Академик писал: «Он прекрасно знает литературу своего предмета... владеет даром наблюдательности и исследования и страстно желает восстановить факты в их истинном виде...»⁹. Сегодня этот труд находится на хранении в Архиве Российской академии наук и до настоящего времени не опубликован.

Так уж сложилось в жизни Приклонского, что, вопреки здравому смыслу, публично заявить о себе как об историке XVI в. ему удалось только в Соловецком лагере особого назначения: монография «Иван Грозный» из-за ареста так и осталась неизданной, и о ней мало кто знал, «соловецкие» же его труды, пусть небольшим тиражом, все же были опубликованы в местной периодической печати.

Прибыв под конвоем в конце ноября 1924 г. на Соловки, Александр Петрович оказался невольным участником становления краеведческой работы на островах. Работая в одной из лагерных канцелярий, уже через три месяца, в конце февраля 1925 г., он подготовил свой первый доклад «Новгородский разгром при Иване Грозном» [12]. В конце марта – второй – о борьбе партий в Московском государстве [17]. Большой резонанс среди заключенных вызвал его доклад о соловецком узнике Симеоне Бекбулатовиче в марте 1926 г. [21, с. 43; 26]. Приклонский, по памяти опираясь на опубликованные, но не доступные в условиях лагерной изоляции работы дореволюционных исследователей, опровергал утверждение официальной церкви, что под именем ссыльного соловецкого старца Стефана в начале XVII в. скрывался последний казанский царь Едигер Махметов [11, с. 48–52]. В февральско-мартовском лагерном журнале «Соловецкие острова» за 1926 г. были напечатаны сразу три его статьи: «Житие митрополита Филиппа XII века» [25] (статья предшествовала газетной заметка «“Житие митр. Филиппа” XVII века», опубликованная автором с инициалами *А.П.* [1]), «Соловецкий монастырь» [28] и «Владения Пертоминского монастыря в Архангельске» [24]. В том же году эти три статьи были опубликованы в сборнике статей «Материалы» Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения (СОАОК). В 1927 г. Приклонским был написан и подготовлен к печати археографический сборник «Грамоты Пертоминского монастыря. Текст и исследование на основании текста грамот» [27].

О рождении замысла сборника солагерник Александра Петровича, сотрудник лагерного журнала «Соловецкие острова» и газеты «Новые Соловки» Б.Н. Ширяев в своей книге «Неугасимая лампада» вспоминал: «... в мусоре

⁹Архив РАН. Ф. 636. Оп. 5. Д. 5. Л. 11.

одного из подвалов нашли два окованных медью сундука с хозяйственными записями XVII-го века. На основе их доцент *П-й* воссоздал яркую картину эко-номики Беломорья того времени, почти полностью бывшего вотчиной мощного, культурного и широко прогрессивного в своем хозяйстве монастыря... Эта работа была напечатана в журнале “Соловецкие острова”...» [35, с. 111].

Может возникнуть вопрос: какое отношение имеет эта запись о некоем «доценте *П-м*» к Александру Петровичу Приклонскому? Ведь мы знаем, что Приклонский не то что не имел ученого звания, он не получил даже высшего исторического образования.

Дату ценной находки — двух сундуков с грамотами XVII в. — уточняет заметка «Архивная деятельность С.О.А.О.К.», напечатанная в журнале «Соловецкие острова» за апрель — май 1925 г. Неизвестный автор сообщал: «В настоящее время в Соловецкой Научной Комиссии производится разбор небольшого архива б[ывшего] Спасо-Преображенского монастыря, “что на Унских рогах, Холмогорской епархии” (т.е. Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря. — *Л. Г.*)» [3, с. 24]. А.П. Приклонский к этому времени уже четыре месяца имел несчастье находиться на Соловках.

Тот же Б.Н. Ширяев в одном из своих воспоминаний пишет: «Над клочками и обрывками рукописей корпел доцент *П-й*» [35, с. 110]; в другом: «... доцент *П-й*, историк, уже выпустивший тогда одну интересную работу с предисловием академика Платонова...» [35, с. 107]; в третьем: «... доцент *П-й* нашел указания... на поступление туда (в монастырскую «рухольную». — *Л. Г.*) икон, изъятых по постановлениям соборов...» [35, с. 113]; наконец, в четвертом приводит фамилию «доцента»: «... подвижником был доцент *Приклонский*, кропотливо собиравший и склеивавший при свете копилки клочки древних разорванных записей...» [35, с. 134]. А если еще учесть, что в 1927 г. Приклонским была опубликована работа, посвященная рукописям Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря, то уже не остается никаких сомнений, кто обозначен как «доцент *П-й*». Интересно, что сам Приклонский в своих трудах доцентом себя не называл. Скорее всего, это было шутивным прозвищем, данным ему солагерниками за глубокие исторические познания.

Бывший заключенный Владимир Семенович Зотов, московский студент, скаут, описывал Александра Петровича так: «Немолодой, но бодрый и деятельный, он был настолько увлечен историей Руси XVI века, что даже подпись свою ставил в духе того времени [не *Приклонский*, а *Приклонской*]. С длинным, как на иконе, лицом, небольшой бородой и степенной манерой держаться, он походил на выходца из старины, одетого в современный костюм» [14, с. 287–288].

Кстати, если исходить из того факта, что Александр Петрович Приклонский и есть тот самый «доцент *П-й*», выходит, что именно он, со слов очевидца Б.Н. Ширяева, первым подал идею создания лагерного музея Соловецкого монастыря [35, с. 105–108]. И это с его, в том числе, легкой руки предметы и вещи старой «рухлядой» и монастырских подвалов вскоре

стали музейными экспонатами соловецкого собрания отдела «Иконописное собрание», подразделов «Христианские древности» и «Монастырский обиход».

Заключенные Соловецкого лагеря обнаруживали старые монастырские документы и книги в самых неожиданных местах: в тайниках келий, в подвалах, под крепостными стенами, в башнях и т.п. Бывший лагерник А.С.Л. Шауфельбергер свидетельствовал, что «из пергамента старых монастырских книг» уголовники изготовляли игральные карты [34, с. 651], а редкими монастырскими книгами и старинными документами, по воспоминаниям бывшего офицера С.А. Мальсагова, нередко растапливались печи [20, с. 384]. Похожая судьба могла ожидать и пертоминский монастырский архив, если бы им вовремя не заинтересовался Приклонский. Помимо архивных документов, в мае 1926 г. лагерниками были найдены также 55 рукописей XVII в. и 41 старинная книга из библиотеки Пертоминского монастыря [4; 29, с. 184].

Сундуки с документами и старинные книги монастыря попали на Соловки, скорее всего, весной – летом 1923 г. Сам Пертоминский монастырь был упразднен еще в начале 1920 г. На его базе создали советское хозяйство при Архгубчека. С закрытием совхоза в начале 1921 г. в каменных монастырских стенах разместился Пертоминский лагерь принудительных работ с подчинением отделу управления Архгубисполкома, пятый по счету в Архангельской губернии. Постановлением СНК СССР от 13 октября 1923 г. вместо нескольких северных лагерей принудительных работ появился один на Соловецких островах, теперь уже в системе ОГПУ – Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения (СЛОН ОГПУ) [10]. Все угодья, здания и инвентарь, ранее принадлежавшие Соловецкому монастырю и Пертоминскому лагерю принудработ, безвозмездно передавались ОГПУ. Постановление лишь фиксировало новый статус Соловецкого лагеря, т.к. еще с весны 1923 г. в него начали свозить заключенных из других закрывавшихся северных лагерей. Пертоминский принудлаг был упразднен в июле 1923 г. [33, с. 27–31].

Лето и осень 1925 г. Александр Петрович Приклонский «разбирал оборванные и перепутанные неудобочтимые письма» [27, с. VII], посвящая им все свободное время, остававшееся после работы.

Ставя перед собой главную задачу: привести архив в порядок и дать его документам археографическое описание, к началу следующего, 1926 г., он уже настолько вник в проблемы небольшого северного монастыря, что посчитал возможным ненадолго отвлечься от главной цели и провести исследование одной из сторон его хозяйственной деятельности. Несмотря на случайный и далеко не полный состав документов, он смог в статье «Владения Пертоминского монастыря в Архангельске» [24] на примере «Осорбинского» и «Харзеевского» дворов проанализировать появление монастырской недвижимости в городе, сдача в аренду которой являлась основным источником доходов монастыря. Статья, помимо исторических сведений собственно о монастыре, содержит ценную информацию о застройке Архангельска в

начале и конце XVII в., упоминая о существовании Пробойной и Прохожей улиц в верхней части посада в Жилецкой слободе.

Рост доходов монастыря от сдачи помещений в аренду при настоятеле и строителе иеромонахе Михаиле Харзееве в конце XVII в. А.П. Приклонский связывает с «небывалой щедростью» ссыльного полковника Ахтырского полка Семена Дмитриевича Ружинского, одного из строителей каменных Русского и Немецкого гостиных дворов в Архангельске [24, с. 135; 27, с. 60–61 (№ 37)]. К осени 1684 г. на берегу Двины между вновь отстроенным после пожара 1667 г. деревянным острогом и новыми каменными гостиными дворами, по южную сторону Большой проезжей дороги (ныне ул. Воскресенская), Ружинский построил лавки «и на тех лавках для своего приюту жилые летние и зимние избы поставил» [24, с. 137]. По неизвестной причине 1 декабря того же года с ведома жены Ульяны Демьяновны он отдал место вкладом в Пертоминский монастырь. Описывая «дарение» полковника монастырю, Приклонский использует не только монастырские документы, но и приводит информацию из «Дополнений к Актам историческим», сохранившихся в библиотеке бывшего Соловецкого монастыря. Опубликованный в «Дополнениях» список с поступной записи Ружинского 1683 г. содержит подробное описание местоположения и состава его владений, впоследствии известных как монастырский «Харзеевский двор» в Архангельске [13, с. 309–311 (№ 71, док. 5); 27, с. 43–44 (№ 29-а), 57–58 (№ 35-в)]. Он располагался на берегу Двины в створе современной Воскресенской улицы, предположительно, на месте сгоревшей второй Воскресенской церкви. Из-за этого третью деревянную Воскресенскую церковь установили на новом месте – «далее на восток “по край мостовой, на болоте”» [30, с. 354].

К маю 1927 г. монастырский архив А.П. Приклонским был разобран, приведен в надлежащий вид и описан. Работа получила название: «Пертоминский архив: Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в Музее Соловецкого Общества Краеведения. XVII–XVIII вв.» [27]. По отзыву академика С.Ф. Платонова, продолжавшего следить за научной деятельностью Александра Петровича, это был «солидный оригинальный труд»¹⁰.

В него вошли 165 архивных документов XVII–XVIII вв., систематизированные по хронологическому принципу. В предисловии Приклонский дал им общую палеографическую характеристику. Все архивные документы, как считал исследователь, обычны для своего времени. По его замечанию, выделяются разве что «четкостью бисерного письма» «ставленные иеромонашеские грамоты, в особенности изготовленные в Новгороде в 1679 и в Холмогорах в 1687 годах». Автор обратил внимание на резкий переход на рубеже веков «от столбцовых грамот старинного образца, скрепленных на обороте по ставам, к современному нам листу писчей бумаги». Он также заметил что

¹⁰ РНБ. Ф. 585. Оп. 1, ч. 2. Д. 3950. Л. 6.

начиная с 1728 г. арабские цифры в документах сменяют старые церковно-славянские. При этом сделал любопытное наблюдение: старые числа писались красиво и размашисто, новые — «неуклюже».

В археографическом отношении автором дано самое полное, какое возможно в условиях островной изоляции, описание каждого документа: указана его разновидность, составлен заголовок, установлена дата, проставлен порядковый номер по описи, отмечены особенности: размеры, отсутствие начала или окончания, повреждения, пометки, наличие печати, пометы на оборотах и т.п. Заголовок документа сопровождается текстом с подробным комментарием и, при необходимости, отсылками к другим документам.

Оригинальностью описания является включение документов, отсутствующих в архиве, но упоминаемых в других источниках, например писцовых, оброчных, приходо-расходных книгах или монастырских описях. Примером может служить самая ранняя грамота 1617–1618 гг.: «Данная в Пертоминский монастырь вдовы Авдотьи Сиговой, из Куи, на тоню (Сужигу) на Браницком волоке». Грамота не сохранилась, но упоминается в Двинских писцовых книгах Мирона Вельяминова 1622 г. В свою очередь, выпись из Писцовой книги 1622 г. с упоминанием грамоты приводится в монастырских описях 1703 и 1721 гг. [27, с. 3 (№ 0-а), 5–6 (№ 2-а)]. Еще одним примером может служить «Жалованная грамота царя Михаила Федоровича Пертоминскому монастырю на Красную гору, Красное озеро, пустые места по реке Чухче, сенные покосы и тони». Местонахождение грамоты, выданной около 1635 г., неизвестно, но ее содержание А.П. Приклонский почерпнул в «Прошении иеромонаха Михаила Харзеева к царям Иоанну и Петру Алексеичам» от 22 января 1684 г. Иеромонах в свою очередь ссылался на выписи из Двинских оброчных книг 1679–1680 гг. [27, с. 10 (№ 5-в), 22 (№ 15-а), 36–38 (№ 26-а)]. Таким привлеченным документом Александр Петрович присвоил литерную нумерацию: № 4-а, 4-б, 4-в и т.д.

Автор посчитал уместным дополнить описание пертоминского архива грамотами, опубликованными в «Дополнениях к Актам историческим» (они также обозначены литерной нумерацией). В «Дополнениях» все они находятся в коллекции под № 71 — «Акты о возобновлении Пертоминской Преображенской пустыни» за 1683–1686 гг. [13, с. 300–311 (№ 71)].

Жалованные грамоты царей на земельные владения, приведенные в описании, свидетельствуют об их благоволении к небольшому северному монастырю. Грамоты и указы новгородского митрополита Корнилия и архиепископа Холмогорской и Важской епархии Афанасия регламентируют внутреннюю жизнь монастыря: строительство и освящение церковных строений; выборы строителей, казначеев, келарей; наказание монахов за провинности; высылку отчетов и различных сведений. К этой категории, в частности, относится отписка Холмогорской съезжей избы царю Федору Алексеичу от февраля 1679 г. с запросом: выдавать ли монастырю в дальнейшем продукты, если он передается в ведение Соловецкого монастыря [27, с. 20–21 (№ 15)]. Много-

численные данные, купчие, менные грамоты дают представление о размерах земельных владений и сенных покосов, количестве рыбных тоней и соляных варниц и т.д. Всевозможные кабалы, закладные, расписки, квитанции отражают финансово-хозяйственные и имущественные отношения. Приходо-расходные книги позволяют судить о качестве монастырской жизни в разные периоды существования. По мнению А.П. Приклонского, переход от успешной монастырской деятельности в 1680-х гг. к постепенному упадку в XVIII в. начался с отстранением строителя Михаила Харзеева, сумевшего получить «благоволение» царского двора Софьи Алексеевны. Пало правительство Софьи – пал и Харзеев. В архиве монастыря сохранилась память архиепископа Афанасия от 7 января 1690 г. о ссылке «за великие правинные» строителя Михаила Харзеева из Москвы, где он находился по делам, в Холмогоры в кандалах [27, с. 89–90 (№ 55)].

К описанию архива Приклонский составил подробные указатели: именной и географический, в работе над которыми ему оказал помощь один из лагерных заключенных московский студент В.С. Зотов.

Описание пертоминского архива было издано отдельным томом материалов Соловецкого общества краеведения. Он был отпечатан в Соловецкой типографии в августе 1927 г., за месяц до освобождения Александра Петровича из Соловецкого лагеря. Помимо несомненной источниковедческой ценности сборник может служить примером скрупулезного анализа текста источников и археографического описания документов, а также необычного, оригинального подхода к составлению описаний архивов, и не только монастырских.

С передачей в 1937 г. Соловецких островов в ведение 10-го отдела Главного Управления Госбезопасности НКВД соловецкие музейные ценности, библиотеку и монастырские архивы вывезли на материк. В июне того же года в северные области для ознакомления с собраниями рукописей и старопечатных книг был командирован сотрудник отдела древней русской литературы Института литературы АН СССР В.И. Малышев. Архив Пертоминского монастыря он обнаружил в Архангельской областной библиотеке вместе с его «Описанием...» А.П. Приклонского [19, с. 24].

В декабре 1938 г. из Областной библиотеки архив монастыря поступил на хранение в Государственный архив Архангельской области, пополнив существующий, небольшой по количеству дел, фонд № 60 «Пертоминский архив» (ил. 2). Количество дел фонда с учетом вновь присоединенных дел возросло до 106 единиц хранения.

Еще одно упоминание о Пертоминском архиве мы находим в «Справочнике-указателе печатных описаний славяно-русских рукописей» 1963 г. Основную задачу его составители видели в привязке имеющихся описаний собраний рукописей к месту их нахождения. Под «Описанием...» А.П. Приклонского имеется пояснение: «Описано 165 документов XVII–XVIII вв., большая часть которых находится в Государственном архиве Архангельской

области; отдельные документы – в архиве Географического общества СССР в Ленинграде и в ГБЛ (Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина. – *Л. Г.* в Москве» [32, с. 15 (№ 83)].

Таким образом, благодаря бывшему офицеру и историку А.П. Приклонскому, в тяжелых условиях лагерного заключения спасшему, разобравшему и описавшему пертоминский монастырский архив, исследователи получили ценную коллекцию документальных источников по истории не только самого монастыря, но и России XVII–XVIII вв.

Список литературы

1. *А. П.* [Приклонской А.П.] «Житие митр. Филиппа» XVII века // Новые Соловки. 1925. № 51. 20 декабря. С. 4.
2. *Андоленко С.* Преображенцы в Великую и Гражданскую войны 1914–1920 годы / сост. А. А. Тизенгаузен, С. Б. Патрикеев. СПб., 2010.
3. Архивная деятельность С.О.А.О.К // Соловецкие острова. 1925. № 4–5. Апрель – май. С. 24.
4. В музее: Новый вклад // Новые Соловки. 1926. № 20 (72). 16 мая. С. 4.
5. [Высочайшие приказы о чинах военных]. [СПб.], [1914]. 28 октября.
6. [Высочайшие приказы о чинах военных]. [СПб.], [1915]. 7 мая.
7. [Высочайшие приказы о чинах военных]. [СПб.], [1916]. 25 марта.
8. *Голицын В.М.* Дмитровские чудаки: 1932–1935 // Голицын В.М. «...Я ушиблен морем»: дневники, письма художника и воспоминания о нем. М., 2015. С. 195–341.
9. *Голицын С.* Записки уцелевшего. М., 2006.
10. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 // Фонд Александра Н. Яковлева. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009067> (дата обращения: 29.06.2021).
11. *Гундакова Л.В.* Александр Петрович Приклонский: исторические труды «соловецкого периода» (1924–1927) // История страны в судьбах узников соловецких лагерей: сб. ст. Вып. 6 / отв. ред.-сост. А.П. Яковлева. Соловки, 2021. С. 40–53.
12. Доклад т. Приклонского // Новые Соловки. 1925. № 9. 1 марта. С. 4.
13. Дополнения к Актам историческим: собранные и издания Археографическою комиссиею. Т. 10 / под ред. А. Тимофеева. СПб., 1867.
14. *Зотов В.* Из воспоминаний В. Зотова // Бродский Ю.А. Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М., 2002. С. 285–289.
15. *Кутепов А.* Краткая записка о службе Генерала-от-Инфантерии Кутепова Александра Павловича // Генерал Кутепов: сб. ст. Париж, 1934. С. 179–183.
16. *Кутепов А.* Первые дни революции в Петрограде: отрывок из воспоминаний // Генерал Кутепов: сб. ст. Париж, 1934. С. 159–178.
17. Лекция гр. Приклонского // Новые Соловки. 1925. № 13. 29 марта. С. 4.
18. *Лукаш И.* Преображенцы. Пг., [1917].
19. *Мальшев В.И.* Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей // Труды отдела древнерусской литературы. Т. IV. М.; Л., 1940. С. 247–253.
20. *Мальсагов С.А.* Адский остров: советская тюрьма на далеком севере // Воспоминания соловецких узников. Т. 1: 1923–1939 / отв. ред. иерей В. Умнягин. Соловки, 2013. С. 370–444.

21. Научно-исследовательская деятельность Отделения // Отчет Соловецкого отделения Архангельского Общества Краеведения за 1924–1926 годы. Соловки, 1927. С. 41–65.

22. Обречены по рождению...: по документам фондов Политического Красного Креста 1918–1922. Помощь политзаключенным 1922–1937 / сост. Л. Должанская, И. Осипова. СПб., 2004.

23. Приклонской А. Кирилловской езд 7061 г.: Правдивое сказание о днях запятых [в стихах]. Пг., [1915–1916].

24. Приклонской А. Владения Пертоминского монастыря в Архангельске // Соловецкие острова. 1926. № 2–3. Февраль – март. С. 134–144 [То же: Приклонской А. Материалы: сб. ст. // Соловецкое отделение Архангельского Общества Краеведения (СОАОК). Вып. 1. Соловки, 1926. С. 34–44].

25. Приклонской А. Житие митрополита Филиппа XVII века // Соловецкие острова. 1926. № 2–3. Февраль – март. С. 127–128 [То же: Приклонской А. Материалы: сб. ст. // Соловецкое отделение Архангельского Общества Краеведения (СОАОК). Вып. 1. Соловки, 1926. С. 27–28].

26. Приклонской А. Несколько слов о царе Симеоне Бекбулатовиче // Симеон Бекбулатович: Два взгляда // Новые Соловки. 1926. № 17 (69). 25 апреля. С. 3–4.

27. Приклонской А. Пертоминский архив: Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в Музее Соловецкого Общества Краеведения: XVII–XVIII вв. Соловки, 1927.

28. Приклонской А. Соловецкий монастырь // Соловецкие острова. 1926. № 2–3. Февраль – март. С. 119–126 [То же: Приклонской А. Материалы: сб. ст. // Соловецкое отделение Архангельского Общества Краеведения (СОАОК). Вып. 1. Соловки, 1926. С. 19–26].

29. Рукописные памятники // Хроника Историко-археологической работы Соловецкого отделения Архангельского Общества Краеведения // Соловецкие острова. 1926. № 5–6. Май – июнь. С. 184–186.

30. Сибирцев И.М. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII в. // Архангельские епархиальные ведомости. 1893. № 16. 15 августа. С. 352–360.

31. Солженицын А. Узел III: Март Семнадцатого // Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Кн. 1 // Солженицын А. Собр. соч.: в 30 т. Т. 11. М., 2008.

32. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / сост. Н.Ф. Бельчиков, Ю.К. Бегунов, Н.П. Рождественский. М.; Л., 1963.

33. Харитонова Я.Э. Грань вторая. Страдания годов лихолетья столетней давности (ГУЛАГ) // Пертоминск. Грани истории: сб. материалов по истории Пертоминска / сост. О. Воронова. Архангельск, 2018. С. 27–31.

34. Шауфельбергер А.С.Л. Соловки // Воспоминания соловецких узников. Т. 1: 1923–1939 / отв. ред. иерей В. Умнягин. Соловки, 2013. С. 634–660.

35. Ширяев В.Н. Неугасимая лампада. Нью-Йорк, 1954.

Локальный текст в фольклорной традиции Кенозерья¹

Иванова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; anna.uehmzy@gmail.com

В статье с позиции концепции культурного ландшафта описан жанровый состав фольклорного локального текста Кенозерья. Охарактеризованы его содержательные, поэтические и функциональные особенности, при изучении которых эффективным становится привлечение статистического и картографического методов.

Ключевые слова: Кенозеро, культурный ландшафт, фольклорная традиция, локальный текст.

Local text in the Kenozero folklore tradition

Ivanova Anna A. – PhD (Philology), associate professor, M.V. Lomonosov Moscow State University; anna.uehmzy@gmail.com

The article describes the genre composition of the Kenozero folklore local text from the perspective of the cultural landscape concept. The folklore texts are described in terms of contents, poetic features and functional characteristics. These are studied using the statistical and cartographic methods.

Keywords: Kenozero, cultural landscape, folklore tradition, local text.

К определению исследовательской категории «локальный текст»

Интеграция разных профилей гуманитарного научного дискурса, приведшая в последние десятилетия к формированию общих объектно-предметных полей, методологических и методических оснований организации исследовательского процесса, не могла не инициировать появление единого тезауруса базовых научных категорий. В науках, изучающих взаимосвязь культуры с геопространством (семиотика, фольклористика, гуманитарная география и др.), к таковым может быть отнесен термин «локальный текст» (ЛТ)². Поскольку общеупотребительность не исключает разночтений в толковании, продиктованных традициями его контекстных научных употреблений, поясню, что именно будет пониматься под ЛТ в данной статье.

© Иванова А.А., 2022

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Концептуальные основания и структура этнолингвистического словаря Кенозерья».

² Варианты: «локальный миф» [12], «краеведческий текст» [5].

Гипотеза о возможности изучения конкретных локусов по совокупности разнообразных текстов, им посвященных, высказанная еще в первой трети XX в. Н.П. Анциферовым [3; 4], получила теоретическое обоснование лишь несколько десятилетий спустя в трудах ученых тартуско-московской семиотической школы Ю.М. Лотмана [17] и В.Н. Топорова [25]. Работы последних о двух «столичных» текстах (петербургском и московском) вызвали большой интерес и инициировали серию исследований, посвященных провинциальным текстам – пермскому, вятскому, сибирскому, северному, алма-атинскому и др. [1; 6; 8–10; 19; 24; 23]. В большинстве из них слово *текст* употребляется в широком – семиотическом – значении: все, что имеет знаковую природу и может быть проанализировано как целостное высказывание. Подобная позиция предполагает, что помимо вербальных воплощений информация может иметь и паравербальные, ср.: «... *локальный текст* понимается как система ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых образов, сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим городом» [18].

Я исхожу из более узкого понимания слова *текст*, разумея под ним то, что имеет словесную форму выражения: речевые практики, фольклор, литературу. При этом в сочетании со словом *локальный* семантическое поле слова *текст* неизбежно приобретает обобщенный характер: «... локальный текст – это всегда парадигма, т.е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. <...> *Локальный текст – это корпус “текстов о месте”* (выделено мной. – А. И.)» [6, с. 77]. Другими словами, говоря о локальном тексте я буду иметь в виду не один, а множество содержательно, поэтически, контекстуально и функционально взаимосвязанных текстов, т.е. *сверхтекст*³, посвященный не только фрагменту природного ландшафта (в переводе с латинского языка *locus* означает ‘место’), но и сообществу людей, проживающему в нем и осваивающему его хозяйственно, селенчески, ментально и культурно. Это означает, что интерпретацию исследовательской категории «локальный текст» логично увязать с другой – «культурный ландшафт» (ил. 1), под которым понимается природно-культурный комплекс, системными компонентами которого являются природная среда обитания, сообщество людей, хозяйственная деятельность, селитьба (способ селенческого обустройства жизненной ойкумены), язык, культура (верования, ритуальные практики, разнообразные формы народного искусства) [15].

Локальный текст является составным элементом двух последних компонентов культурного ландшафта (КЛ). Остальные компоненты КЛ высту-

³Сверхтекст – «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [21, с. 21].

пают в качестве референтных оснований ЛТ, его смысловых и поэтических особенностей, контекстов бытования и факторов синхронной и диахронной вариативности. На основе КЛ формируется единая для членов сообщества картина мира и набор концептов, выступающих в качестве матриц для разнообразных текстовых репрезентаций, что с неизбежностью приводит к перекличкам внутри ЛТ в форме аллюзий, цитирования и дублирования. В конечном счете это способствует архивированию и длительному сохранению в памяти важной информации [15].

Благодаря указанным свойствам ЛТ выполняет разнообразные функции:

- *информативную* (аккумулирует значимую для сообщества историческую, этнографическую, биографическую, мифологическую и прочую информацию в своеобразные «узлы» памяти [22]);
- *концептуализирующую* (формирует набор ключевых культурных концептов: для Кенозерья одним из них является концепт *озеро* [2]);
- *мнемотехническую* (многократно воспроизводя ключевые концепты в текстах разного жанрового статуса, способствует их длительному сохранению в памяти, культуре и речевых практиках);
- *самоидентификационную* (выступает в роли индексального маркера, указывающего на сопричастность человека или группы людей определенному КЛ и тем событиям, которые разворачивались в его пределах);
- *презентационную* (посредством ЛТ местное сообщество представляет себя внешнему миру, что объясняет регулярность его воспроизведения в прошлом в ситуации съезжих праздников и гуляний, на которые собираются жители окрестных поселений, а в наши дни – в сфере туризма).

С учетом сказанного локальный текст можно определить следующим образом: это свертхтекст, посредством которого описывается культурный ландшафт конкретного поселения сельского или городского типа, ареал бытования которого ограничен территорией, на которой сообщаемая им информация является актуальной и способна адекватно считываться.

Локальный текст в фольклоре Кенозерья

Фольклорными жанрами, оптимально соответствующими охарактеризованной выше онтологии ЛТ, являются те, что в информационном поле КЛ отвечают за формирование кластеров «локальная история», «локальное сообщество», «локальные культурные герои», «локальная сакральная география» и т.п. (предание, легенда, индивидуальная или коллективная характеристика, выраженная в форме прозвища или присловья, географическая песня) [11; 14]. По совокупности они составляют репертуарное «ядро» ЛТ. Достаточно сравнить версии одной и той же географической песни «Не отдай меня, батюшка», опевающей селенческие кусты двух сопредельных культурных ландшафтов – кенозерского и каргопольского.

Кенозерская версия (АКФ ⁴ . 1959. Т. 19, № 74)	Каргопольская версия [11, с. 295]
<p>Ай, не отдай меня, батюшка, Да ни на Кену, ни на Ундозеро, Ай, ты отдай меня, батюшка, Да во свое весело Кенозеро: На Погосте гуляньишо, Да во Заречье шеголяньишо, В Заболотье дорожка торна, Что Вершинино – кофейна сторона, Мимо Шишкино канава копана, Мимо Горы Глушиха обведена, По Глушихе пароходики идут, На пароходе добра молодца везут, Стоит Карпово на крутой на гори, Черепановы капризны мужики, Стоит Немятушка – победна сторона, Что Захарово повыстроено, Стоит Якимово на белом на песку...</p>	<p>Не отдай меня, батюшко, (2) Ни в Ананьино, ни в Туговино, (2) А отдай меня, батюшко, В распрекрасное Исаково село. На Погосте-то – гулянице, В Щёколове – шеголянице, А в Медведеве – картежная игра, По Артёмову не ходят никогда, А Качкарово завернулося сюда, Стойловцы – подболотники, Вековые не работники, На Березнике сена не косят, А в Межупечеве хлеба не едят.</p>

Являясь своеобразными путеводителями по локальным культурным ландшафтам, подобные песни обязательно содержат два перечислительных ряда (или географических спева): топонимический (реже – антропонимический⁵) и признаковый, характеризующий селения и проживающие в них сообщества посредством присловий и коллективных или индивидуальных прозвищ. Так, во всех вариантах приведенной кенозерской песни (а их в нашей коллекции 14) д. Погост устойчиво связывается с гуляньем (*На Погосте гулянице/гуляньишо*), потому что именно здесь несколько раз в году устраивались торжки и ярмарки (ил. 2), на которые приезжали жители деревень, расположенных по берегам трех озер, связанных протоками и речками, – Кенозера, Долгого и Свиного. «Самые крупные праздники (по нескольку дней) проходили на Погосте в дни ярмарок – на Благовещение, Крещение, Успение, Покров и Петров день. Устраивали знаменитые кенозерские карусели и качели. У дома торгующего крестьянина Нечаева была площадка, на которой

⁴ АКФ – здесь и далее Архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

⁵ «“Бай – бай – бай, / На Вершинине Мамай, / На Шишкине Зон, / На Горах Трапезон, / Во Лахты Клепик, / А на Устье Жупик, / На Коровине Ошонки / Не дают хлебать крошонки”» (АКФ. 1959. Т. 26, № 18); «Люди там были-таки» (АКФ. 2015. Т. 4, № 165); «Друг другу дают какие-то прозвища, а тут вот какая-то старинная была песня, но я ее не знаю, может кто-то если записывал, дак знают. Вот раньше соберутся, дак пели. Начнут – там много-много, в этой-то, как-то там: “На Вершининой Мамай...” Там долго-долго-то поется, но я ее не знаю. Слышать-то слышала, и часто ее пели, нам казалась смешной, вот начнут говорить по разным прозвищам... Складно оно получается, как стихотворение поют. Помню, что пели ее взрослые» (АКФ. 2015. Т. 2, № 10).

устраивали танцы — кадрили (кадрель), т.н. “портянку” и ланцу. В ярмарочные дни на Погост съезжалась почти вся молодежь со всего Кенозера: парни присматривали себе невест» [20].

Деревня Вершинино — центр Трихновского общества Вершининской волости Пудожского уезда Олонецкой губернии — называется в песне *кофейной* или *кабачной/кабацкой стороной*: «Всенародное российское зло — пьянство царило на всех кенозерских ярмарках, несмотря на то, что казенная винная лавка была закрыта (на время ярмарки). Откуда бралась водка? Главным продавцом и производителем водки были кенозёры. Во время ярмарок в ближайших деревнях почти в каждой избе действовали шинки» [20]. Известный российский этнограф Н.Н. Харузин так отзывался о пристрастиях олонечких крестьян к другому напитку, не менее популярному в конце XIX в.: «... употребление кофе распространено до того, что некоторые бедные семьи ходят под окнами, собирают подавание и, собрав копеек 60—80, удовлетворяют прежде всего своей потребности в кофе. Некоторые даже просто просят: “подайте ради Христа на кофе”» [26, с. 2].

В д. Карпово (*Стоит Карпово на крутой на гори, / Черепановы капризны мужики*) местные жители делали глиняную посуду для окрестных селений (ил. 3), поэтому у них было прозвище *карповские горшки*: «Там были мужики, всё *горшками* звали их. [А почему горшками?] Горшки все время там делали. Вот это... глиняные. У них ремесло было такое. А были такие капризные, что где никакой праздник, любая драка — всё их» (АКФ. 2015. Т. 4, № 3—4).

Состав и порядок опевания деревень в географических песнях определяется их реальным положением на местности и географическим объектом-конфигуратором — культурным (дорога, улица) и/или природным (река, озеро, море), по которому выстраивается маршрут песенного путешествия. На Кенезерь в качестве такового выступает озеро⁶, поскольку «на озере было такое же движение, как вот, допустим, магистраль в городе какая-то, вот такое движение было» (АКФ. 2013. Т. 10, № 55). Ср.: «Я как прикинула, как встать на горе, на Вершинино, вот оно так и пойдет. Даже *карту взять* (выделено мной. — А. И.), можно посмотреть. Округ деревни вот, да. Начинается Погост, потом по болоту дороженька как раз ведет на Вершинино, на Вершинино подняться через Шишкину на Горы, на Горушку, там будет Глущёво видно, а потом повернуть на Карпову, и там будет Немята, Захарова, Екимова. Как раз вот эти всё. Получается округа» (АКФ. 2013. Т. 8, № 3).

Соотнесение песенного текста в момент его исполнения с ментальной картой опеваемой территории придает топонимическому географическому спеву поразительную устойчивость по вариантам⁷ (табл. 1) и позволяет картографировать пошаговое движение песенного текста (ил. 4).

⁶ О роли озера в формировании центрической радиально-кольцевой полизональной структуры культурного ландшафта Кенозерья см.: [16, с. 35—48].

⁷ Изменения коснулись двух звеньев перечислительного ряда (вместо исчезнувших д. Заречье и Заболотье в песне упоминаются гидрообъекты, по которым они некогда были поименованы — река и болото).

Таблица 1. Порядок перечисления деревень в топонимическом ряду кенозерской версии песни «Не отдай меня, батюшка»

Артемьева К.Ф., 51 г., д. Перлахта (АКФ. 1959. Т. 12, № 19)	Тишинина А.Н., 63 г., д. Усть-Поча (АКФ. 1959. Т. 19, № 74)	Кирова С.А., д. Зехнова (АКФ. 1959. Т. 22, № 32)	Юсюз Н.В., 1952 г.р., д. Усть-Поча (АКФ. 2015. Т. 2, № 52)	Хор, д. Усть-Поча (АКФ. 2013. Т. 8, № 3)
Кена Ундозеро	Кена Ундозеро	Кена Ундозеро	Кена Ундозеро	Кена Ундозеро
Кенозеро	Кенозеро	Кенозеро	Кенозеро	Кенозеро
Погост	Погост	Погост	Погост	Погост
За рекою	Заречье	За рекой	За рекою	За рекой
Заболото	Заболотье		За болотом	По болоту
Вершинина	Вершинино	Вершинино	Вершинина	Вершинино
	Шишкино		Шишкина	Шишкина
Гора Глушиха	Гора Глушиха		Горушка Глущёво	Горушка Глущёво / Глушиха
	Карпово	Якимово	Карпово	Карпова
	Немятушка	Захарово	Немята	Немата
	Захарово	Немята	Захарова	Захарова
	Якимово	Карпово	Якимово	Екимова

В последние годы ареал опеваемой в песне территории расширился за счет деревень, расположенных по берегам Свиного озера:

*...Ну а в Рыжково гремит кадрили,
Да там ведь празднуют Иванов день,
Ой, лёли, ой, лёли, люли,
Да там ведь празднуют Иванов день,
А Федосово стоит на горочке,
Да девки тоненьки, у всех по дролечке.
А во Минину от озера идти,
Да две часовенки стоят там на пути,
Ой, лёли, ой, лёли, люли,
Да две часовенки стоят там на пути.
А на Глазове фонарики горят,
Да три деревенки там выстроились в ряд,
Ой, лёли, ой, лёли, люли,
Да три деревенки там выстроились в ряд.*

*Мыза, Мыза, Мыза, Мыза ты моя,
Да почему не склали песен про тебя?
Ой, лёли, ой лёли, люли,
Да почему не склали песен про тебя?
А Усть-Поча тонка нитка по реке,
Да там рыбачат усть-поченски мужики,
Ой, лёли, ой, лёли, люли,
Да там рыбачат усть-поченски мужики...*

(АКФ. 2013. Т. 1, № 81)

При создании нового географического спева Нина Васильевна Березина (1953 г.р., уроженка д. Федосово) опиралась на традиционные для подобных песен принципы текстообразования – соотнесение композиции и содержания с ментальной картой (ил. 5) и культурным ландшафтом местности: «Сначала-то она у нас была маленькая, конечно. Вот, небольшая. Про эту, про Рыжково, про Федосово, про это... про Минино, Глазово, Мызу и Усть-Почу это я сочинила. [Вы как бы мысленно переезжали из деревни в деревню?] Да, да... [Вот как они расположены в реальности?] Да. Да-да-да, да. Обязательно. [И ни одной деревни не пропускали?] Нет. У меня вот все, значит, вот Карпово. Ну, значит, это сначала мы поем, в лахту мы заезжаем как бы. Здесь у нас вот это пароходики катят по лахте, а дальше иду уж в Рыжково. Вот первая деревня Рыжково, потом Федосово, потом Минино, потом Глазово, потом Мыза и Усть-Поча и вертаемся сюда, в этот в Немятову, вот она тут, напротив. [Вот как Вы выбираете из множества разных возможных ее характеристик вполне определенную? Ну вот почему в Рыжково Иванов день понятно: престольный праздник основной, да?] Угу, угу. [А дальше Федосово идет.] Федосово – моя родная деревня... Где я родилась... Про девушек... [Почему именно про девушек Вы решили?] Ну дак потому что у нас было много девчат. У меня у соседей было пять девочек и один мальчик, шестеро. Нас пятеро было, но у нас два мальчика. [А, то есть, девок было больше, чем парней?] Да, да. Вот я поэтому и сочинила так. А там Минино, мы все время ездили на праздники туда на престольные вот: Казанская двадцать первого июля шас вот будет. И вот там плясали вот именно у этих часовенок все время. А дальше как бы Минино, туда дальше вглубь, сначала часовенки две (Святого Георгия Победоносца – 1889 г. и Казанской Богоматери – конец XVIII – начало XIX в. – А. И.), а потом уже... [А они рядышком стояли?] Да, рядышком. Рядом. Совершенно рядом. [А вот три деревеньки в Глазово?] Да, а в Глазове там было такое тоже, как бы, распределение. Вот сейчас-то их, как бы, нету домов... Три деревеньки (Глазова, Завалочье (Лепёхтино), Перхтина Гора. – А. И.) там и стояло... “Усть-Поча – тонка нитка она по реке”: с этой стороны озеро, а с той стороны река, и она как бы выстроилась, все дома-то около» (АКФ. 2013. Т. 1, № 81).

Текстологический анализ вариантов и версий песни «Не отдай меня, батюшка», преданий, коллективных деревенских прозвищ и присловий, т.е. текстов, входящих в ядро репертуара кенозерского локального текста, подтверждает справедливость разделения Кенозерской культурно-ландшафтной зоны на несколько подзон, сформировавшихся вокруг трех главных озер – Кенозера, Долгого, Свиного. Разделение предложено коллективом сотрудников Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва [7, с. 20–34]. В его основу было положено территориальное распределение сельских поселений, характер хозяйственного использования ими земельных угодий, а также социальной и религиозной инфраструктуры. В соответствии с ними были выделены культурно-ландшафтные комплексы (табл. 2).

Таблица 2. Распределение фольклорных жанров по культурно-ландшафтным комплексам Кенозерской культурно-ландшафтной зоны

№	Культурно-ландшафтный комплекс	Деревни ⁸	Фольклорные тексты ⁹
7	Ведягино-Тырышкинский	<i>Ведягина, Горбачиха, Тырышкино, Семёнова, Косицына</i>	<i>Шлепино, Ведягино к лешему уведено.</i> Потому что далеко было да в самом углу дак (АКФ. 2013. Т. 3, № 69) – Пр. <i>Горбачиха и Тырышкино забросаны шишками:</i> там, наверное, боры, так шишек много было (АКФ. 2015. Т. 2, № 318) – Пр.
8	Зехново-Ряпусовский	<i>Спицына, Зехнова, Погост, Ряпусова, Майлахта, Сысова, Щанникова</i>	<i>Спицыно заселено синицами</i> (АКФ. 2013. Т. 3, № 69) – Пр.
12	Вершининский	<i>Вершиново, Погост, Шишкина, Горы, Карпова, Глущёва</i>	ГП
13	Тарасовский	<i>Тарасова, Бор, Телицына</i>	<i>Бор да Тарасово к небу привязано:</i> они на горе стоят там (АКФ. 2015. Т. 2, № 318) – Пр. <i>Сивцево да Телицыно вицами завищено.</i> А потому что изгородь кругом шла (АКФ. 2013. Т. 3, № 69)

⁸ Курсивом отмечены деревни, упомянутые в кенозерском ЛТ.

⁹ ГП – характеристика деревни в составе географической песни, Пр. – присловья или прозвища.

№	Культурно-ландшафтный комплекс	Деревни	Фольклорные тексты
15	Немятинский	<i>Немята, Екимово, Захарова</i>	ГП
18	Усть-Починский	<i>Подберёзка¹⁰, Усть-Поча, Мыза</i>	ГП
19	Шуйлахтинский	<i>Рыжково, Глазово, Федосова, Минина, Печихина, Ершово</i>	ГП

Из таблицы 2 со всей очевидностью вытекает, что культурные ландшафты оз. Свиное, Долгое и северной части акватории Кенозера представлены в репертуарном ядре кенозерского локального текста географическими песнями, а южной акватории Кенозера – присловьями. Не исключаю, что это связано с тем, что в прошлом они относились к разным уездам – Пудожскому и Каргопольскому.

Что касается «периферии» ЛТ, то к ней должны быть отнесены тексты, известные и за пределами конкретного культурного ландшафта. Привязка их к последнему вторична и осуществляется благодаря инкорпорированию в текст местных топонимов, антропонимов и разнообразных «реалий» (событий, природных и культурных объектов). С точки зрения информантов, это является достаточным основанием для того, чтобы квалифицировать текст как *свой*, т.е. *локальный*. Подобной способностью наделены былички, хороводные, игровые, свадебные песни, колядки, частушки, ср.:

*Нету, нету веселее
Глазовского полюшка.
Посередочке дорожка,
По краям озерушка.*
(АКФ. 2015. Т. 1, № 82)

*Нету, нету веселее
Кенозерска полюшка
Посередочке дорожка,
По краям озерушка.*
(АКФ 2015. Т. 5, № 82)

Итак, мы можем с уверенностью сказать, что фольклорный локальный свертхтекст является ценнейшим источником информации для изучения культурных ландшафтов специалистами разных областей научного знания – фольклористами, диалектологами, этнографами, историками, культурологами и др.

¹⁰ В настоящее время д. Подберёзка входит в состав Усть-Почи.

Список литературы

1. *Абашев В.В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.
2. *Абрамова А.А.* Озеро в культурном ландшафте Кенозерья // Кенозерские чтения – 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития. Архангельск, 2015. С. 112–117.
3. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Л., 1990.
4. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. Л., 1926.
5. *Башмакофф Н.* Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства. URL: <https://culture.wikireading.ru/45347> (дата обращения: 29.12.2018).
6. *Баянбаева Ж.А.* Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–83.
7. *Веденин Ю.А.* Культурно-ландшафтное районирование территории Кенозерья // Наследие и современность = Heritage and Modern Times. 2019. № 2 (2). С. 20–34.
8. *Галимова Е.Ш.* Специфика северного текста русской литературы как локального сверткста // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 121–129.
9. *Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты.* М., 2004.
10. *Голубев Н.А.* Формирование локального текста: ивановский опыт: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014.
11. *Дранникова Н.В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск, 2004.
12. *Замятин Д.Н.* Локальные мифы: модерн и географическое воображение. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/dmitriy-zamyatin/12250-lokalnye-mify-modern-i-geograficheskoe-voobrazhenie.html> (дата обращения: 28.01.2019).
13. *Земцовский И.И.* Жанрово-исполнительские «дубли» русского эпоса // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 327–334.
14. *Иванова А.А., Калуцков В.Н.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.
15. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008.
16. *Кулешова М.Е.* Феномен культурного ландшафта Кенозерья // Наследие и современность. 2019. № 2 (2). С. 35–48.
17. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 2. Таллин, 1992. С. 9–21.
18. *Лурье М.Л.* Элементы локального текста: методика контекстного анализа. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/l10_program_lurye.htm (дата обращения: 25.01.2019).
19. *Люсый А.П.* Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дис. ... канд. культурологии. М., 2003.
20. *Макаров Н.А.* Кенозеро в конце XX – начале XX вв. URL: <http://www.kenozerje.17-71.com/makarov.htm> (дата обращения: 25.01.2019).
21. *Меднис Н.Е.* Свертксты в русской литературе. Новосибирск, 2003.
22. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Нора П., Хапаева Д., Озуф О., Пюи-меж Ж., Винок М. Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

-
-
23. *Осипова Н.* Вятский провинциальный текст в культурном контексте. URL: <http://studnauka.narod.ru/nvo.html> (дата обращения: 26.01.2019).
24. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск, 2010.
25. *Топоров В.Н.* Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259–367.
26. *Харузин Н.Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889.

Термины свойства в говорах Кенозерья¹

Качинская Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; kacza@yandex.ru

К терминам свойства относятся термины, возникающие в результате брака. Условно их можно разделить на центральные и периферийные, связанные с боковыми линиями родства. Если в городе эти термины постепенно забываются, то в деревенской культуре они используются еще достаточно широко (*деверь, золовка, шурак, зятелко* и др.). В статье рассматриваются термины родства по браку, зафиксированные в разные годы в говорах Кенозерья. Отмечается регулярное употребление аналитических форм вместо однословных, использование терминов кровного родства для номинации свойственников, а также размывание значений у терминов родства по браку, их диффузия, связанная с тенденциями к унификации, сведению разных значений к одному термину.

Ключевые слова: термины родства, термины свойства, северные говоры, архангельские говоры.

Kinship by marriage terms in the dialects of Kenozero

Kachinskaia Irina B. – PhD (Philology), senior researcher, Lomonosov Moscow State University; kacza@yandex.ru

Terms denoting kinship by marriage can be conditionally divided into central and peripheral, the latter associated with collateral lines of kinship. While these terms tend to be gradually erased from the memory of urban population, they are still used quite widely in the rural culture (*dever', zolovka, shurak, ziatelko*, etc.). The article discusses the terms of kinship by marriage that were recorded in different years in the dialects of Kenozero. It notes the regular use of analytical forms instead of one-word ones, the use of consanguineous terms for referring to in-laws, the blurring in the meaning of the terms denoting kinship by marriage, as well as their diffusion associated with tendencies towards unification and reduction of different meanings to one term.

Keywords: kinship terms, marriage relations, Northern dialects, Arkhangelsk dialects.

© Качинская И.Б., 2022

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Концептуальные основания и структура этнолингвистического словаря Кенозерья».

Термины свойства, или родства по браку, условно можно разделить на центральные и периферийные, т.е. связанные с боковыми линиями родства. Центральные — муж и жена, свекор и свекровь, тесть и тёща, а также зять и невестка (сноха). Периферийными, «боковыми» можно считать номинации братьев и сестер со стороны как жены, так и мужа: шурина и деверя, золовку и свояченицу. Родители мужа и жены по отношению друг к другу будут сватами; мужчины, женатые на сестрах, — свояками; женщины, находящиеся замужем за братьями, — невестками (снохами).

В инвентаре терминов свойства, представленных в архангельских говорах, наблюдается мощная словообразовательная деривация — от каждого корня, несущего основное значение, по разным моделям образуется порой несколько десятков лексем (например, 'мать мужа, свекровь' — свекровь, свекорка, свёкра, свекрова, свекровина, свекровка, свекровушка, свекровья, свекруха, свёкрушка, сукровушка; 'сестра жены' — свояченица, своятельница, своячена, своячка, своячница, своячельница, свояковка). Это характерно не только для всей Архангельской области, но и для отдельных ее районов и даже деревень. В говорах Каргополя и Плесецкого района, который раньше назывался Приозёрным, особенно часто встречаются диминутивы — уменьшительно-ласкательные формы.

Термины свойства редко используются как вокативы. При обращении к родственникам по браку регулярно употребляются термины кровного родства. Они же могут выступать и как номинативы. Свекор и свекровь, тесть и теща, а иногда муж и жена будут батюшкой и матушкой, папашей и мамашей, дедушкой и бабушкой; шурины и девери — братьями; золовки и свояченицы — сёстрами. Кроме того, постоянно наблюдается взаимопроникновение между группой, обозначающей термины родства, и группой, называющей людей по полу и возрасту и даже социальному статусу. Исторически слово жена связано со значением 'женщина'. Но и сейчас в архангельских говорах слова жён-ка, баба встречаются в обоих значениях — и для номинации женщины, и для номинации жены. Для номинации мужа и жены постоянно используются лексемы хозяин, хозяйка, местоимения сам, сама, мой, моя.

Из-за регулярного переноса терминов кровного родства на термины свойства наблюдается расширение значений и как следствие — размывание значений каждого термина. Возникает многозначность терминов. Так, слова матушка, мамаша, мамка могут указывать на родную мать, на свекровь, на тещу, на жену, на крестную мать, на мачеху, а также на неродственницу.

Диффузия значений характерна и для терминов свойства, особенно среди «периферийных» терминов родства по браку. И дело даже не в том, что с распадом «большой» семьи и переходом к «малой» (нуклеарной) семье постепенно начинают смешиваться и вовсе выходить из употребления некоторые термины бокового свойства типа золовка, свояченица, деверь, шурин, свояк, сношенница и некоторые другие (об этом см., например, [2, с. 247–281]), а в тенденции к унификации терминов. Всякая «чужая» женщина для всех

членов ее новой семьи становится *невесткой* (или *снохой, молодой*), всякий «чужой» мужчина — *зятем*.

Однословные термины все чаще заменяются словосочетаниями, т.е. аналитическими, описательными формами: деверь — *брат жены, жёнкин брат, брат хозяйки*.

Все те процессы, которые характерны для терминов родства в общерусском масштабе и зафиксированы в говорах Архангельской области, характерны и для Кенозерья. Записи из Кенозерья производились экспедициями МГУ имени М.В. Ломоносова в 1960–1980-х и 2000-х гг. в д. Вершинино (Кенозеро), Першлахта, Рыжково, Тарасовская, Маркомусы, Поромское, Конёво, Усть-Поча Плесецкого района, в д. Лёкшмозеро (Моршихинская) Каргопольского района и некоторых других. Многие из этих деревень уже опустели. Материал собирался для «Архангельского областного словаря» [1], но он может быть использован в самых разных научных и культурных целях. Все иллюстрации приведены из записей, сделанных в Кенозерье.

1. **Жена.** В говорах Кенозерья для обозначения жены, супруги встретились термины *жена, жёнка, жіна, супружка*: *Праздник, жена мужа дразнит. У его жёнка в больнице роботат. Ты што один-то косишь, где жіна-то? У меня жіна питерска. А я бабушкой свою супружку называл.*

После рождения уже первого ребенка жена называет своего мужа словом, которым в данном говоре принято называть отца, соответственно муж называет свою жену словом, которым обозначают мать: *мама, маманя, маманька, мамушка, матерь, мати, матка, матушка, мать*. Почти все эти лексемы используются и в номинативе, и в вокативе: *Мамушкой всё звал свою Марфу (жену)*.

Когда у супругов появляются внуки или супруги оказываются в том возрасте, когда у их ровесников появляются внуки, они называют себя так же, как принято называть деда и бабушку. Соответственно муж жену называет *бабка, бабуля, бабуся, бабушка*: *Пойдем, бабушка, может, на уху попадѣ* (жене).

Особняком стоят лексемы с корнем *баб-*, которые называют не бабушку-родственницу, а являются синонимами к лексеме ‘женщина’: *баба, бабуца, бабонька, бабочка*. Как и лексемы с корнем *жен-*, они используются для номинации жены: *Нао бы звать жёнка, а он — баба*.

Для номинации молодой жены в первый год брака употребляются особые термины: *молодица, молодка, молодочка, молодуха, молодая*. Эти же слова обозначают невестку, жену сына: *Васька женился, дак молодуха-то ушла*.

2. **Муж.** Для обозначения мужа используются многочисленные лексемы с корнем *муж-* (*муж, мужик, мужичок* и др.): *Это от первово мужа у меня двое, а вот от второво у меня эта дочка одна. Нету мужика у ей, скоропостижно помер. Не кажной ныне попадетсе мужик-от хороший*. В этом же значении встречаются слова *супруг, хозяин, кормилец, большак*, термины кровного родства, называющие отца (*батька, батюшко, папа, папаша, тата, тятя*) или деда (*дедо, дедко, дедушко*), слова, связанные с половозрастной номинацией

(старик, старичок), имеются субстантиваты *благоверный, богоданный, богосуженный, наречённый*, местоимения *мой, свой, сам*: *А с моим этим благоверным-то будущим, так сказать, уже познакомилась да немножечко так, это, погуливали чуть-чуть. Вот была тёта, моему сестра (мужу).*

По традиции, женщина, выходя замуж (*взамуж*), после свадьбы переходила жить в дом мужа. Но были случаи, когда мужчина приходил жить в дом жены: если у него не было возможности привести жену в свой собственный дом, когда он был беден или пришел издалека. Иногда родители невесты сами принимали мужа в дом к своей дочери — если, например, у них не было сыновей. Принимали к себе в дом новых мужей вдовы. Такой мужчина, женившись, входил в дом (*двор*) своей жены, т.е. становится членом чужой семьи. О нем так и говорили: *взять (брать, принять) в дом или во двор*. Его называли *домовик, домовой, доможир, дворовик, дворовой, принятой, приёмши* и др.: *Приняла домовика. А муж-от доможир, приёмши, домой к деушке (пришел). Мужа убили на войны, а ён принялся приёмшием-то*. Мужчина, муж в таком случае не женился, а *выходил (уходил) замуж (взамуж)*: *Сказыват Анна — Васька **взамуж** вышел, в приёмши. Тёта, я **взамуж** вышел*. Пришедший в дом муж мог даже принять фамилию жены: *Если мужчина в дом жены приходит и на женину фамилию переходит, так приёмши говорят* (подробнее см.: [4, с. 34–43]).

Почти все лексемы, называющие мужа, пришедшего жить в дом жены, являются мотивированными и часто совпадают со словами, которыми называют других приемных членов семьи, например детей. Приемный ребенок тоже может называться *приёмши, принятой, взявши*. Таким образом, некоторые лексемы совмещают значения ‘приемный муж’ и ‘приемный ребенок’: и тот и другой оказывается *взят, принят* в дом. Иногда, впрочем, приемный ребенок и муж, пришедший жить в дом жены, оказываются противопоставлены друг другу: *Взявшиа (ребенка) не любили в семье, ейной **приёмши** (муж) его не любил* (о приемных детях см.: [3, с. 7–8]).

Положение *принятого мужа* в чужом доме было незавидным. Он не был там настоящим хозяином: *Раньше-то доможиров ни во что не ставили. Буде проклят тот мужик, который в **приёмших** живет*. Отрицательное отношение в деревенском обществе к принятому мужу хорошо видно в пословицах. Мужчины *уходили в принятые* лишь в случае крайней необходимости: *Как в **приёмши** уйдешь, как на горячей сковороды сидишь*.

Но даже плохой муж — это защита, *затула, затульшико, притульшико*. Пословица гласит: *Худой мужьшико, да затульшико*.

3. **Свекор и свекровь. Тесть и теща.** *Свёкром и свекровью (свекровой, свекровушкой)* родителей мужа в глаза не называли, но часто, говоря о них, использовали ласкательные формы: *У меня свекрова была, пособила мне детей вырастить. Свекр был и свекрова были, вот тот покацат, другой покацат. Свёкор был еще живой, тоже долго жил, восемьдесят с чем-то лет. Пособила бы свекровушке. Бывало, свёкрушко ходил на охоту. Свёкрушко был, он принесет (дичи), дак уй!*

Новые родители, в дом к которым переходила молодая невестка, были сужеными, богоданными родителями: *Молода-то была — любила, у богоданных родителей жила. Как хороша-то жирушка (жизнь), богоданным родителям вековое поминанье. За старого (мужа) выходила, дак там богоданным не было.*

В фольклоре свекровь часто представляется злой, лютой, неласковой, недобрый, грозной, лихой. Она язвительна и злоязычна, то есть воркотливая, зубатая, долгозубая: *На долгозубую свекрову не наладить никогда.*

Но обращались к свекру и свекрови так же, как к своим родителям, т.е. называли их с помощью тех же терминов, что отца и мать, хотя номинация могла меняться: если еще несколько поколений назад свекор был *батюшкой*, а свекровь — *матушкой, маменькой*, то теперь их называют *папой* и *мамой*: *Свекрову раньше звали у нас маменька. А ныне все свекрову зовут мамой дак. Я говорю: «Папа, ты зачем дал-то? Лико, он наколотил гвоздѣв?»* То же касается обращения к тестю и теще: *А зять меня с первого дня, вот они приехали, и зять меня сразу назвал мама. Представителей старшего поколения невестка и зять часто называют дедом и бабушкой — по их отношению к внукам (необязательно в присутствии внуков): С бабушкой со свекровушкой жила. Возили с дедушкой свежего назьму на поле.*

У современного поколения термины родства при обращении все чаще заменяются именем-отчеством, хотя и здесь не все так однозначно: *Света свекровь зовет «Галина Петровна», а свекра зовет батя.*

Постоянно используются описательные конструкции, объяснительные, аналитические формы: *Свекровушка, егова мать. У Ольги Семеновны свекровь болеет — мать по мужу.*

4. **Зять и невестка.** Зятем называют мужа дочери: *Сестры, да сыновья, да зятья — много породовы.* По отношению к зятю часто употребляются ласкательные формы: *зятелка, зятѣк*, его называют *родной, дорогой, любимый*: *Один у меня любимый зятелко. В фольклоре он называется богоданное дитяtko: Ах ты зять ты мой зятелко, богоданно мое дитяtko, ты не ездн, зять, пьяный домой... В День сорока святых теща делала для зятя угошение: Теща зятю скѣт витушки, приходит с витушками.*

Для обозначения жены сына используется несколько терминов: *невестка, сноха, молодца (молодуха, молодушка): Туготита корова, я не могу доить, невестка ходит. Жил бы сын да сноха, роботали. Тут-то мой сын с молодухой-то сидит. Если пришла молодуха, зовут невестушка.*

Зятем называют и мужа сестры, а невесткой, снохой, молодой — жену брата. Так же называли друг друга женщины, находящиеся замужем за братьями: *Две молодцы, да не можут договориться.*

5. **Жена дяди.** Помимо жены сына и жены брата в системе родства выделяется жена дяди, которая в архангельских говорах обозначается особым словом: *дединка, дедишка, дедня, дядина* и др.: *Дединка — это жена дяди, так, значит, приучают, что дединка, дединка ей (ее называют). Дединка — за дядей. Деденька, где Гринька, сколько он наторбал рыбы-то? Я сходила к дяденке*

Домне. В последнее время, впрочем, жену дяди все чаще называют *тётёй*, *тётёй*.

6. **Деверь и золовка. Шурин и свояченица. Сваяки.** Однословные термины, обозначающие брата и сестру мужа, а также брата и сестру жены, еще достаточно широко используются в северных говорах: *Деверь, золовка. Золовок столько-то, деверья-то нет. Золовка-то стоит да в окно глядит. Я ишь, золовушка сказалась. Владимир Васильич, который деверь мой, он Киргиз (прозвище). У Ивана Васильича шурак на лошади приехал. Мужу-то шурак. Тоже шурин, шурак. Мой брат ему (мужу) шурак. Ну, шурьё!*

Однако все чаще используются пояснительные конструкции: *У меня золовка есть – мужу сестра. В этом домике у меня жил деверь – мужев брат. Был мужьев-то брат.*

Для обозначения сестры жены (сваяченицы) в кенозерских говорах встрети́лась древняя лексема *свесть*: *Свесть – это сестра жены. Что свояченицей, что свесть*. В то же время словом *свесть* могли называть брата жены (шурин), а сестру жены – *свестья*: *Брат и сестра жены мужу свесть да свестья, либо шурак да свестья*.

Мужчин, женатых на сестрах, называли *сваяками*: *Сестры вышли замуж, мужики называются сваяками*.

7. **Сваты.** *Сватами* называют родителей брачной пары по отношению друг к другу (*сват, сватьюшко, свах и сватья, сватьюшка, сваха*). Сами родители невестки и зятя, обращаясь друг к другу, постоянно используют эти термины родства: *Вот они друг дружку называют: та сватья, и та сватья. Моя мама называет ту сватья, а та свекрова тоже ей называет сватья. Надо гоститься, нать сватушком называть*.

Помимо основного значения, термины, группирующиеся вокруг корней *сват-*, *свах-*, могут указывать практически на любого некровного родственника по браку, т.е. свойственника: *Есть двуродни сестры, братья, сватовьё*. В старшей возрастной группе эти термины пересекаются с терминами *свёкор* и *свекровь, тесть* и *тёща, свои, сваяки*; в средней возрастной группе – с терминами *шурин, деверь, зять, невестка, сваяк*.

Еще один большой блок значений этих же терминов связан со свадебными чинами, т.е. те же самые термины обозначают родственников, входящих сватать невесту: *А потом сватовьё пришли. Сосватаются – хорошо, не сосватаются, говорят: протащили на бороне этих сватов!* О.Н. Трубачев полагал, что значения слов с корнем *сват-*, связанные со свадьбой, являются вторичными по отношению к значению свойства [5, с. 142–143].

Имеется очень мощная тенденция всех представителей мужского пола одного поколения (мужа дочери, мужа сестры, брата жены и брата мужа) называть *зятём*, а всех представительниц женского пола (жену сына, жену брата, жену дяди, сестру мужа, сестру жены) – соответственно *невесткой* (или *снохой, молодой*). Возникает диффузия, начинают путаться значения терминов *зять, деверь, шурин*, а также терминов *невестка, золовка, свояченица*:

Шурин — если зять есть, и сын есть, так зятю **шурин** (имеется в виду свояк).
Евонной сестры муж — **шурак** (обычно — зять).

В то же время есть тенденция оставить термины *зять* и *невестка* для обозначения мужа дочери и жены сына, а все «периферийные», «боковые» термины свойства свести к обозначениям *сват* и *сватья*. Одни термины объясняются через другие, но при этом происходит их смешение: **Золовка** — так *сватьюшкой* зовут. Размывание значений лексем *сват*, *сватья* и их дериватов привело к тому, что все родственники жениха и невесты (мужа и жены) для противоположной стороны оказались *сватами*. Таким образом, получается, что все друг другу родственники: *Свату сват, да и мне родня*.

Список литературы

1. Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. М., 1980–2022. Вып. 1–22.
2. Бурькин А.А. Современная русская система терминов родства и свойства: материал, лингвистическая и этнографическая проблематика // Алгебра родства. Вып. 12. СПб., 2009. С. 208–290.
3. Качинская И.Б. Термины заместительного родства в архангельских говорах // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 4 (36). С. 5–12.
4. Качинская И.Б. Принятые — люди проклятые: номинация мужа, пришедшего жить в дом жены (по материалам архангельских говоров) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11, вып. 2. С. 34–43.
5. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

Преемственность научных традиций: Харузины и Соколовы и их этнографические исследования Русского Севера

Керимова Мариям Мустафаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук; mkerimova@yandex.ru

Интересующиеся историей, этнографией и фольклором обширного региона Русского Севера семьи Харузиных и Соколовых были связаны узлами тесной дружбы и общностью научных интересов. Именно Харузины посоветовали братьям Б.М. и Ю.М. Соколовым провести исследования на невероятно интересной, сохранившей множество архаичных этнографических и фольклорных традиций, северной земле. В статье проанализированы посвященные северной проблематике основные труды известных ученых, первых преподавателей этнографии в российских вузах брата и сестры Н.Н. и В.Н. Харузиных. Их этнографическая экспедиция 1887 г. по поручению этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, имевшая целью изучение жизни и обычаев русских и саамов (лопарей) Олонецкой и Архангельской губерний, закончилась небывалыми для русской этнографической науки результатами. Труды Харузиных, построенные на большом сравнительном материале, древних и современных источниках и содержащие интересные сведения о населении этого региона, его происхождении, истории, религии, общественном и семейном быте, материальной культуре, народно-поэтическом творчестве, по достоинству были оценены современниками и не утратили своей научной значимости. Братья Ю.М. и Б.М. Соколовы, будучи учениками профессора В.Ф. Миллера, а затем В.Н. Харузиной, на материалах, собранных сначала в Белозерском крае, а затем в Кенозерье, отрабатывали методы и методику полевых исследований. Комплексные исследования по сбору фольклора и этнографическому изучению района были применены в их знаменитой экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга» (1926–1928 гг.), преследовавшей цель сравнительного изучения былевой традиции, в классической форме сохранившейся на Русском Севере, а также преобразований в культуре и быте народов Севера.

Ключевые слова: Харузины, Соколовы, преемственность, этнография, фольклор Русского Севера.

The continuity of scientific tradition: ethnographic studies led by the Kharuzins and the Sokolovs in the Russian North

Kerimova Mariam M. – Dr. Sci. (History), leading researcher, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; mkerimova@yandex.ru

The families of Kharuzin and Sokolov, who were enthusiasts of history, ethnography and folklore of the vast Russian North, enjoyed the warmest ties of friendship and common research interests. Those were the Kharuzins who advised the Sokolov brothers to conduct research into the northern Russian folk culture with its captivating diversity of archaic forms and vernacular traditions. This paper discusses the main works by famous scientists and Russia's first ever ethnography lecturers – brother and sister Vera and Nikolai Kharuzin. Their research expedition to the Russian North (1887), commissioned by the Ethnography Department of the Moscow University Imperial Society of Natural Science, Anthropology and Ethnography Enthusiasts and designed to explore the traditional lifestyle of the Russians and Sami (Lapps) in Olonets and Arkhangelsk provinces, had enriched the Russian ethnographic studies with unprecedented findings. The papers by the Kharuzins build on extensive comparative studies, early and modern sources and contain curious facts about the northern population, its origin, history, religion, social and family life, material culture, and folk poetry. They were justly appreciated by their contemporaries and are of scientific significance to this day. As students of first Professor V.F. Miller and then V.N. Kharuzina, the Sokolov brothers tested the methods and techniques of field research using the materials collected first in Belozersk and later in Kenozero. The brothers used the outcomes of their folklore expeditions and the ethnographic study of the area in their famous expedition called «In the footsteps of Rybnikov and Hilferding» (1926–1928), designed to achieve a comparative study of the surviving epic tales and poems, in their classical version, and the culture and lifestyle of the peoples of the north.

Keywords: Kharuzins, Sokolovs, continuity, ethnography, folklore of the Russian North.

Семьи Харузиных и Соколовых были связаны узами тесной дружбы и общностью научных интересов. Отец братьев-близнецов Юрия и Бориса Соколовых – Матвей Иванович (1854–1906) был профессором русской словесности сначала в Нежинском историко-филологическом институте князя А.А. Безбородко, а затем профессором (1889 г.) и деканом (1902–1906 гг.) историко-филологического факультета Московского университета [7]. Николай Николаевич Харузин, получив в 1894 г. диплом историко-филологического факультета Юрьевского (Дерптского) университета, вернулся в Москву, где посещал лекции М.И. Соколова, познакомил с ним свою сестру Веру и навсегда связал свою судьбу с замечательной семьей Соколовых. Не

без помощи Матвея Ивановича Н.Н. Харузин опубликовал свою объемную работу «К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси» [13] в Нежинском историко-филологическом институте князя А.А. Безбородко.

Все это свидетельствует о том, что последующие научные экспедиции братьев Соколовых на Русский Север были неслучайны. Именно Харузины, интересующиеся историей, этнографией и фольклором этого обширного региона и побывавшие там в 1887 г., посоветовали Соколовым провести исследования на этой невероятно интересной, сохранившей множество архаичных этнографических и фольклорных традиций земле.

Выходцы из богатого купеческого рода, Харузины: Вера (1866–1931) и трое ее братьев – Михаил (1860–1888), Алексей (1864–1932) и Николай (1865–1900), выбрали нелегкую стезю науки, стали известными этнографами и внесли неопределимый вклад в сокровищницу русской научной мысли, издав более 200 трудов по этнографии и физической антропологии, многие из которых вошли в золотой фонд отечественной научной мысли и не утратили своей актуальности. В.Н. Харузина, не получив высшего образования, в 1920-х гг. стала первой женщиной-профессором этнографии в России. Н.Н. Харузин основал и редактировал первый в России специальный журнал «Этнографическое обозрение». Велика была роль брата и сестры в утверждении этнографии как специальной дисциплины в российских вузах и создании первых систематических лекционных курсов по этнографии. Оба они активно участвовали в экспедиционных и программных мероприятиях ведущих научных обществ, в архивном и музейном деле.

Организованная летом 1887 г. по поручению этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) при Московском университете этнографическая экспедиция Харузиных на Север¹, имевшая целью изучение жизни и быта

¹ К поездке на Север Николая и Веру Харузиных, видимо, сподвиг старший брат Михаил. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки сохранились семь писем Михаила Харузина к А.А. Фету 1881–1882 гг. (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 315. Карг. 12. Д. 22), в которых он делится среди прочего своими впечатлениями от двухмесячной поездки на Русский Север в 1881 г. М.Н. Харузин интересовался фольклором русского и других народов Европейского Севера, серьезно изучал сборники А.Ф. Гильфердинга, П.Н. Рыбникова, штудировал книгу В.Н. Майнова «Поездка в Обонежье и Карелу». Его привлекало своеобразие быта и культуры населения северных регионов Европейской части России. К поездке 1881 г. он приступил как «к священнодействию» и впервые ехал «на Русский Север не с целью собирания этнографических сведений... он хотел познакомиться воочию с жизнью народа», которого знал только по книгам. Вместе со студентом М.М. Пановым они преодолели путь из Петербурга по Неве и Свири, Ладожскому и Онежскому озерам в Заонежье. Затем через Соловки, Архангельск, Новую Землю, обогнув Кольский полуостров и Норвегию, вернулись в Петербург и Москву. В дороге они писали интересные письма родным об увиденном.

русского населения Олонецкой губернии, Кольского уезда Архангельской губернии и лопарей (саамов), дала небывалые для русской этнографической науки результаты. На основании личных наблюдений были написаны статьи: «О лопарской бывальшине и песне» (1888 г.), «О нойдах у древних и современных лопарей» (1889 г.), «К вопросу о двух типах лопарей» (1890 г.), «Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии» (1889 г.). За экспедицию Н. Харузин был удостоен серебряной медали ИОЛЕАЭ, а труд «Русские лопари» принес ему звание действительного члена этого общества. Его статьи послужили прологом для капитальной монографии «Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта», составившей X том «Трудов Этнографического отдела ИОЛЕАЭ».

Итак, первую часть лета 1887 г. брат и сестра посвятили изучению быта населения Пудожского уезда, а вторую провели в Кольском уезде, исследуя все стороны жизни русских лопарей. Вера Николаевна, которая была на год младше брата, совершала первую в своей жизни научную экспедицию.

Маршрут экспедиции на Север летом 1887 г. студента второго курса и его сестры Веры был долгим и утомительным: начавшись в Петрозаводске, он шел через Кивач, долину р. Шуя, Укшезеро, по восточному берегу Онежского оз., по р. Водла к г. Пудожу². Затем их путь продолжался по оз. Купецкому, Водлозеру и Кенозеру к Белому морю (с посещением уездного г. Повенца, д. Тихвин Бор, Данилово, Шелтопорог, Тайгинц, Петровский Ям). Далее по р. Выг они вышли к Выгозеру, Белому морю, затем на пароходе приплыли в Соловецкий монастырь, а оттуда через Кандалакшский залив прибыли в поморское селение Кереть. Они побывали в лопарских погостах: Бабинский, Экостровский, Кильдинский, Сонгельский, Нотозерский, Борисоглебский, Пазрецкий, Ловозерский. Завершилась экспедиция в г. Коле.

Монографию о саамах Н.Н. Харузин писал около трех лет: надо было освоить и проанализировать огромный и разнообразный материал. Для этого он тщательно проверял и шлифовал текст рукописи. В дневниках В.Н. Харузиной сохранилась запись о том, как по вечерам Николай читал членам своей семьи отрывки из этой работы и просил делать замечания³.

В июне 1889 г. он писал Вере в Люцерн из подмосковного Архангельского: «Лопарочка, миленькая моя!.. Про твоих соплеменников лопарей пишу каждый день, кончил очерк верований, перешел к их современному быту. В настоящее время сижу на свадьбе, думаю, кончу или почти кончу к приезду в Москву. Печатать придется с конца сентября. Выйдет, думаю, листов 25

² Сведения, полученные Н.Н. Харузиным в этом регионе, который до него практически не изучался, были опубликованы в 1889 г. в статье «Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии» [12]. Примечательно, что в последней четверти XIX столетия в этом регионе еще широко бытовали древние верования.

³ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 81 (Харузины). Д. 58. Л. 7 об.

печатных»⁴. Впечатлениями и ходом своей работы Николай делился также со своим наставником профессором В.Ф. Миллером. В июне 1887 г. он писал ему из Архангельска, что в деревни «проникает городская культура. Теперь в каждом доме по 1–2 самовару. Не было кофе, теперь каждый зажиточный крестьянин пьет кофе каждый день после обеда. Молодежь танцует кадрили и лансье, а песни слышишь больше заводские и кабацкие. Но, несмотря на все влияния городской культуры, здесь сохранилась и старина. Встречаются, хотя и редко, большие семьи, есть здесь певец Никифор Утка, знающий более 15 былин (Харузин приводит в письме содержание этих былин. — М. К.)⁵. <...> Пробыв на Купецком оз., я старался познакомиться с этнографией и обычным правом населения. Многие институты обычного права уже поломались... сказывается влияние писарей на решение волостных судей...». Из Пудожа (июль 1887 г.) Николай Николаевич сообщал В.Ф. Миллеру: «Завтра собираемся в Лапландию. Говорят, что летом лопарей приходится искать по заброшенным рекам и озерам, куда и проезда нет, и прохода не существует, или по берегам океана в заливах и бухтах... Поэтому направляюсь в Лапландию “на авось”»⁶.

Монография Н.Н. Харузина, построенная на большом сравнительном материале, древних и современных источниках, содержит интересные сведения о российских и скандинавских саамах, их происхождении. Различия в типах шведских, норвежских и русских лопарей дают Харузину простор для размышлений об их истории, религии, общественном и семейном быте, материальной культуре, народно-поэтическом творчестве, стереотипах поведения. Автор приводит также и пространный антропологический очерк, описывая их физический тип. Широко представлена материальная культура скандинавских и русских саамов (жилище, одежда, пища), обстоятельно дана характеристика оленеводства, рыболовства, охоты, а также специфики торговых сношений русских лопарей с соседями. Чрезвычайно интересен материал об их семейных и общественных устоях жизни (свадьба, имущественные права), о пережитках древних верований и принятии христианства,

⁴ Там же. Д. 102. Л. 81 об.

⁵ Отметим, что братья Соколовы в своей экспедиции 1926 и 1928 гг. слушали былины в исполнении талантливого народного сказителя Г.А. Якушова (1862–1929) из д. Семёново Пудожского уезда. Его репертуар превосходил репертуары других онежско-каропольских сказителей. Якушов перенял мастерство от своего дяди по материнской линии П.Т. Антонова, — по определению Соколовых, «одного из лучших сказителей былин, которых когда-либо знала Россия», чьи тексты записывал в свое время Гильфердинг [11, с. 240–241]. Тот в свою очередь слышал былины от своего столетнего деда и соседа-сказителя Никифора Прохорова, по прозвищу Утка, чьи тексты записывал еще Рыбников, а затем и Гильфердинг. Былины, исполненные Прохоровым, слушала и В.Н. Харузина в 1887 г., написавшая затем про него очерк [15].

⁶ Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 323 (В.Ф. Миллер). Д. 429. Л. 2–8.

о народном творчестве. Книга Н.Н. Харузина, представляющая собой первое научное этнографическое исследование, охватывающее все области культуры и быта саамов, сразу привлекла внимание научной общественности, получив множество положительных отзывов. Монография «Русские лопари» явилась образцом применения метода комплексного изучения данных этнографии и смежных дисциплин.

Современные российские этнографы, краеведы, простые любители истории также по достоинству оценивают вклад Н.Н. Харузина в этнографию и антропологию этого малочисленного народа [4; 6]. Так, в монографии «Материальная культура саамов Кольского полуострова конца XIX–XX в.» утверждается, что труд «Русские лопари» представляет собой первое научное этнографическое исследование этого народа и до сих пор не утратил своего значения как наиболее полное описание саамов [6, с. 13].

Что касается Веры Николаевны Харузиной, то закончив в 1886 г. московскую женскую классическую гимназию С.Н. Фишер, она встала перед дилеммой: заняться самообразованием или поступить на Московские высшие женские курсы В.И. Герье (в университет девушек тогда не принимали). Вера выбрала первое, а университет ей заменили занятия с братьями Михаилом и Николаем. Выбор в пользу самообразования был сделан в том числе и из-за слабого здоровья девушки.

После экспедиции на Русский Север она в 1890 г. публикует свой первый печатный труд – путевые воспоминания «На Севере» [15]. Их с братом поездка от Петрозаводска до Колы финансировалась Н.А. Крыловым, меценатом и крупным рыбопромышленником из Нижнего Новгорода. Будучи любителем этнографии, он проделал часть пути по доселе неизвестным ему местам с Верой и Николаем Харузиными. В книге «На Севере» Вера Николаевна, наделенная даром рассказчика, делится тем, что осталось в ее памяти от длительной поездки по огромному малоизученному региону. Маршрут определил композицию книги из семи глав, которые обозначали основные пункты остановок, где, очевидно, и делались первые наброски текста книги (гл. I. Кивач. — Первое знакомство с Пудожским уездом; гл. II. На озере Купецком; гл. III. Водлозеро; гл. IV. Кенозеро; гл. V. По Белому морю; гл. VI. По Лапландским лесам и озерам; гл. VII. Кола).

В.Н. Харузина была заморожена суровой красотой тундры, гор, редкими погостами и скитами, их разноликими обитателями – от русских старообрядцев и поморов до жителей величественной Лапландии – лопарей, населявших Кольский полуостров. Водный путь по рекам, озерам и Белому морю, дорога по земле (волоком) по старинному лапландскому маршруту с остановкой на ст. Раснаволоке, находящейся в трех верстах от оз. Имандра, откуда предстояло идти волоком вплоть до Колы, был крайне утомительным. На станциях иной раз было негде переночевать, ведь только в 1888 г. (через год после пребывания Харузиных в Раснаволоке) для ночлега пришлого люда и поморов были сооружены три избы с нарами и камельками, прозванные казармами.

Интересная этнографическая зарисовка была сделана Харузиной благодаря знакомству с семейством Мошниковых — типичной большой семьей, где жили вместе дети трех умерших братьев [15, с. 58]. В то время происходили разделы больших семей: жизнь в одной избе сочеталась с разделением общего имущества между членами малых семей.

В Пудуже и на оз. Купецком В.Н. Харузиной удалось записать народные поверья о домовых и лесных духах — покровителях людей и урожая (лесному царю крестьяне приносили жертвоприношения). Местная ворожея пересказала Вере Николаевне много заговоров, гаданий. Певец былин Никифор Утка [16] поразил автора тем, что пел страстно, входя в образы богатыря Ильи Муромца или побежденного им Соловья-Разбойника. Путевые впечатления от посещения городков, сел, погостов, станций в Олонецкой и Архангельской губерниях, Лапландии заставляли автора перемежать всякий раз природные и географические данные историческими и этнографическими зарисовками. Этим можно объяснить возникающие порой однообразные повторы в рассказах про лесные и рыбные промыслы жителей «загнанных мест» — бедных поселений по берегам озер и на островках, население которых, как и население Лапландии, часто месяцами не могло добраться до своих зимних погостов и до волостной администрации. Не раз видели и слышали Харузины, что новшество в виде русской водки пришло в дикие глухие места, но не исчезли из них так называемые общественные пиршества по поводу какого-нибудь православного праздника. Новыми явлениями явились учеба детей в школах, уход крестьян на заработки в города, употребление кофе и т.п. В главах «Водлозеро» и «Кенозеро» Вера Николаевна особое внимание уделила знахарству и архаичному обычаю умыкания невесты, когда родители были не согласны с выбором дочери.

Описание лапландской природы, внешности лопарей, склада их характера послужили заготовками для будущего очерка «Лопари» (1902 г.). В нем, как и в самой книге «На Севере», Харузиной удалось представить образ лопарей — «беззаботного, детского племени — доверчивого и добродушного»; хитрость, которую, по мнению автора, они усвоили от русских, выглядела у лопарей так «простодушно-неумело и по-детски наивно, что вызывала улыбку» [14, с. 174]. Одежда или хозяйственные занятия населения различных частей Лапландии описывались в книге довольно кратко, более подробно и профессионально представлены особенности лопарской жизни в очерке «Лопари». Первый научно-литературный опыт В.Н. Харузиной удостоился хвалебных рецензий А.Н. Пыпина (автора «Истории русской этнографии» и «Истории славянских литератур») и В.И. Сизова, известного археолога, одного из основателей Исторического музея в Москве.

В целом труды В.Н. и Н.Н. Харузиных, построенные на большом сравнительном материале, содержащие интересные сведения о русском населении, а также о скандинавских и русских саамах, по достоинству были оценены

их современниками (Д.Н. Анучиным, В.Ф. Миллером) и не утратили своего научного значения в наши дни.

Научные взгляды братьев Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых формировались в русле основных концепций и установок исторической школы В.Ф. Миллера — господствующего направления в русской фольклористике конца XIX — начала XX в. Студенты историко-филологического факультета Московского университета, ученики профессора, затем ординарного академика Императорской Академии наук В.Ф. Миллера (а после его смерти В.Н. Харузиной), братья Соколовы восприняли методологию и проблематику этой школы. Школа В.Ф. Миллера «в известной мере противостояла и методике формалистического нанизывания отдельных фактов без стремления осмыслить их и приемам, выработанным теорией заимствования, не говоря уже о мифологической школе, против которой ожесточенно выступал и сам основоположник исторической школы и его ученики... Миллер выдвинул требование изучать историю былин и отражение истории в былинах, отвечая на вопросы: где, когда, на основе каких исторических фактов и под влиянием каких поэтических источников — чужих или своих — создавались произведения народного искусства» [18, с. 94–95]. Используя преимущества и все ценное, что присутствовало в школе В.Ф. Миллера, братья Соколовы старались увязать исторический принцип (метод) с мифологическим и сравнительным (и наоборот), что отнюдь не принижало значения исторической школы. В поисках метода, опираясь на традиции русской дореволюционной науки, они пытались соотнести ее достижения и выводы с запросами и потребностями нового времени, критически относиться к недостаткам исторической школы. Как писал Ю.М. Соколов, больше всего сил тогда «было затрачено на установление исторической основы былин, а также на определение социальных слоев, в которых и для которых былины слагались» [9, с. 3].

Начало и расцвет научного творчества братьев Соколовых совпал со временем, когда особую важность в науке приобрели полевая фольклористика и этнография, акцентирующие внимание исследователей на разных сторонах народного быта и культуры, на детальном изучении всех их аспектов. В советское время эти ученые фактически заложили основу качественно новому направлению полевых исследований, принципы которых сохраняют свое значение по сей день.

В.Ф. Миллер, еще с 1890-х гг. исследовавший историю русского былинного эпоса, научной задачей поставил проблему генезиса и географического распространения эпоса. Решение ее требовало разысканий и новых записей былин. Теоретические рассуждения ученых-современников о значении Новгорода как центра происхождения северной былинной традиции привлекли внимание Б.М. и Ю.М. Соколовых к районам, ранее входившим в состав земель Великого Новгорода. Они в основном разделяли точку зрения В.Ф. Миллера на причины утраты былин в Новгородской губернии, но пола-

гали, что остатки их должны сохраниться на территориях между Новгородом и живым очагом былинной поэзии – Онежской губернией. Выбрав северные районы Новгородской губернии (Белозерский и Кирилловский уезды) местом исследования, они предприняли туда две экспедиции (в 1908 и 1909 гг.). Результатом стал сборник «Сказки и песни Белозерского края», вышедший из печати в 1915 г. и получивший широкий научный резонанс.

Комплексные исследования, а именно монографическое собрание фольклора, соединенное с этнографическим изучением района, стали одним из принципов экспедиционной деятельности братьев Соколовых. Неслучайно Юрий Матвеевич подчеркивал, что фольклористику «нельзя оторвать от этнографии», «синкретическая форма фольклорных произведений, устная традиция большинства из них» связаны с бытом и хозяйством [10, с. 25–26].

Соколовы в своих полевых исследованиях использовали приемы сближения с населением и особую методику: объективность, полноту, точность записи произведений и сведений как от старшего, так и от младшего поколения в естественных условиях исполнения былин. Это обуславливало высокое научное качество фольклорного и этнографического материала, раскрывало действительную картину жизни. Такое полустационарное (непродолжительное и повторяющиеся в течение трех лет, с 1926 по 1928 г.) всестороннее изучение поэтической традиции определенного района исследователями Севера до Соколовых практически не осуществлялось.

Они понимали, что вопрос об эволюции эпического творчества может быть поставлен только при наличии материала, собранного в разные периоды, но непременно в одном и том же районе и в одной и той же социальной среде. Именно эта мысль сподвигла братьев, спустя более полвека, совершить экспедицию «По следам Рыбникова и Гильфердинга». В ней Соколовы отмечали постепенное угасание былинной эпической традиции на Русском Севере, поэтому писали о неотложной задаче скорейшей его фиксации. Признаки отмирания эпической традиции они связывали исключительно с возрастом исполнителей, передававших свои тексты на запись. От пожилых людей, исполнявших эпические песни лишь изредка, да еще застигнутых собирателями врасплох, естественно, нельзя было ожидать совершенного исполнения (то же самое можно было бы сказать и о людях среднего возраста). Вот почему нужны были контрольные записи от людей моложе тех, от которых записывался фольклор в экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Однако такие попытки, насколько известно, не предпринимались ни в Кенозерье, ни в других местах. Всюду собиратели делали записи почти исключительно от пожилых людей [8]. Такого рода соображения привели Соколовых к убеждению, что со смертью старшего поколения былина навсегда замрет в устах северного крестьянства. Позднее ученик Б.М. Соколова В.И. Чичеров, анализирувавший былевую поэзию 1920-х гг., отмечал, что она сохранялась на Кенозере в виде застывшей традиции у учеников мастеров эпоса 1860–1870-х гг.

Ее хранители, воспринявшие варианты от известных сказителей, воспроизводили их с точностью, измеряемой их памятью, являясь исполнителями былилин, почерпнутых некогда от прежних сказителей [17, с. 36].

Эта экспедиция, преследовавшая основную цель сравнения эпической традиции прошлого и настоящего, неслучайно привлекла пристальное внимание исследователей и вызвала повторные поездки других ученых на Русский Север⁷.

Отправляясь в эту поездку, братья Соколовы имели за плечами огромный опыт полевой работы в разных регионах СССР. Экспедиция, проходившая в летние месяцы 1926, 1927, 1928 гг., носила комплексный характер и предполагала исследования эпической традиции, а также сбор полевой информации по разным сферам материальной и духовной культуры населения региона. Она стала самым значимым проектом фольклорной подсекции Государственной академии художественных наук (ГАХН) и Главнауки, взявших на себя его финансирование. Как отмечает Т.Г. Иванова, обследование Заонежья через 60–70 лет после того, как там побывали первые собиратели, позволило фольклористам выявить изменения, произошедшие в течение нескольких десятилетий в песенно-эпической традиции, причем фиксировались не только былины, исторические песни, духовные стихи, но и другие виды фольклора [2]. Кроме того, Соколовы никогда в своих многочисленных экспедициях не ставили четко обозначенной задачи ограничивать себя только сбором фольклорного материала, они рассматривали слитность его с обычаями и обрядами, ритуалами, религией, народными верованиями населения, обращали внимание на топонимику изучаемого региона. Заслуга ученых состояла в том, что ими было поставлено в то время в качестве основной научной проблемы изучение состояния фольклора и этнографии в условиях социально-бытового окружения и тех процессов, которые совершались в

⁷ За ней последовали экспедиции Государственного института истории искусств 1926 г. под руководством К.К. Романова, студентов этнографического отделения Ленинградского историко-литературного института под руководством Д.А. Золотарева (1931 г.), экспедиция ученого-фольклориста и этнографа А.Н. Нечаева на Белое море (1938 г.), издавшего «Сказки Карельского Беломорья» (1939 г.) и множество книг русских народных сказок. Поездка на Кенозеро, осуществленная в 1940-х гг. сотрудниками Института этнографии АН СССР (руководитель экспедиции Г.С. Маслова), подтвердила исчезновение былилин из устного бытования в кенозерских деревнях и селах [16, с. 37]. Затем последовали поездки студентов Московского государственного университета под руководством Э.В. Померанцевой (1956 г.), Ю.А. Новикова и Ю.И. Смирнова (1958–1959 гг.), поставивших перед собой цель выяснения состояния эпической традиции после посещения Кенозерья братьями Соколовыми; а также многочисленные экспедиции МГУ (1958–1970 гг.), констатирующие затухание традиции пения былилин. Деревни Кижской волости неоднократно обследовались сотрудниками Карельского научно-исследовательского института (ныне Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН) [5].

традиционной народной культуре и поэтическом творчестве под влиянием Октябрьской революции [3, с. 124].

Состав и количество участников экспедиции менялись. В 1926 г. из-за серьезной болезни Борис Матвеевич Соколов не смог принять участие в поездке (маршрут: Кижы и Пудожский берег), поэтому экспедицию возглавил его брат Юрий Матвеевич. В ее состав вошли: научный сотрудник ГАХН В.А. Дынник (супруга Ю.М. Соколова), сотрудник Центрального музея народоведения в Москве (ЦМН) Ю.А. Самарин, писатель и журналист С.П. Бородин, его жена Э.Г. Бородина-Морозова и музыкант-этнограф С.М. Любский. В 1927 г. экспедицией (маршрут: Каргопольский район – Кенозеро) руководили оба брата. Вместе с ними в поездку отправились В.А. Дынник, С.П. Бородин, научный сотрудник ЦМН искусствовед М.А. Ильин, студенты 2-го МГУ П.А. Грушников и В.И. Чичеров. В 1928 г. экспедицией (маршрут: Пудожский берег Онежского озера, р. Шала, Волдозеро, Сумозеро, Рагнозеро) руководил Б.М. Соколов. В поездке вновь принимали участие С.П. Бородин, Э.Г. Бородина-Морозова, Ю.А. Самарин, В.И. Чичеров, а также И.С. Ильинская, В.И. Яковлева, Н.Г. Аполлова.

Коллективно-комплексные экспедиции под руководством братьев Соколовых стали новым словом в методологии собирательской деятельности. Особенностью их было органичное слияние этнографической и фольклорной работ, собирательских и исследовательских задач, культурно-просветительской деятельности в советских селах. Методика записи была поднята ими на непревзойденную для того этапа развития науки высоту. В центре научных разысканий братьев Соколовых стоял вопрос о современном состоянии и последующей судьбе эпического наследия. Причины сохранности эпоса объяснялись ими природными условиями и устойчивостью местных традиций. Взгляд на былины как на историческое произведение, желание найти в них мотивы, созвучные времени, хозяйственному и бытовому укладу, обусловили не только жизненность эпоса, но и возбуждали у сказителя творческую активность. Соколовы установили, что творческая инициатива, характерная в основном для старшего поколения, уже не могла создать поэтических школ, способных передавать другим свое знание и мастерство. Качественно новых вариантов, переданных блестящими исполнителями Г.А. Якушовым, Ф.А. Конашковым, Н.С. Богдановой, которых услышали в этом регионе братья Соколовы, создано не было; поэтому одним из итогов экспедиции стала констатация ими исчезновения былинной традиции, но в то же время широкого бытования здесь баллад, духовных стихов, исторических песен, сказок. Экспедиция братьев Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга», преследовавшая цель сравнительного изучения былевой традиции, в классической форме сохранившейся на Русском Севере, привлекла внимание ученых не только в России, но и за ее пределами, став одним из крупнейших достижений советской фольклористики [1].

Список литературы

1. *Бахтина В.А.* Вступление // Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. Т. 2. М., 2011.
2. *Иванова Т.Г.* Государственная академия художественных наук и ее роль в истории русской фольклористики 1920-х годов // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 54–55.
3. *Коротин Е.И.* Принципы организационно-собирательской работы в фольклористике 1920-х годов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IV. М., 1968. С. 124.
4. *Кошечкин Б. И.* Открытие Лапландии. Мурманск, 1983.
5. *Кузнецова В.П.* Фольклорное наследие Кижской волости // Церковь Преображения Господня на острове Кижь: 300 лет на Заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 290–291.
6. *Лукьянченко Т.В.* Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце XIX–XX в. М., 1971.
7. *Ненарокова И.С.* Об истоках выбора профессии: К биографии фольклористов и этнографов Бориса Матвеевича и Юрия Матвеевича Соколовых // Кенозерские чтения – 2016. Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности. Архангельск, 2017. С. 269–288.
8. *Смирнов Ю.И.* Былины Кенозера (по записям собирателей второй половины XIX века) // Кенозерские чтения – 2003. Архангельск, 2004. С. 305–322.
9. *Соколов Ю.М.* О социологическом изучении фольклора (ответ проф. Ю. Поливке) // Литература и марксизм. 1928. № 2. С. 3.
10. *Соколов Ю.М.* Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 25–26.
11. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М., 1941.
12. *Харузин Н.Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. М., 1889.
13. *Харузин Н.Н.* К вопросу об употреблении некалендарных имен в допетровской Руси // Сборник историко-филологического общества при Институте князя А.А. Безбородко. Т. II. Нежин, 1899. С. 150–171.
14. *Харузина В.Н.* Лопари. СПб., 1902. (Читальня народной школы. Вып. 11)
15. *Харузина В.Н.* На Севере (Путевые воспоминания). М., 1890.
16. *Харузина В.Н.* Никифор Утка // Былины. М.; Л., 1938. С. 235–237.
17. *Чичеров В.И.* Былины на Кенозере. Архангельск, 2015.
18. *Чичеров В.И.* Русское народное творчество. М., 1959. С. 94–95.

Древности Кенозера: стационарные исследования стоянки Косицына-2 в 2019 году

Мартынов Александр Яковлевич – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной деятельности, Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник; martinov@solovky.ru

Дзенисов Георгий Андреевич – заведующий отделом экспозиционно-выставочной деятельности, Мурманский областной краеведческий музей; dzenisov@yandex.ru

Ирха Павел Анатольевич – индивидуальный предприниматель; pavel-irkha@mail.ru

Потуткин Николай Сергеевич – директор, Археологический научно-координационный центр; nikolai.potutkin@mail.ru

Шаврин Семен Александрович – старший научный сотрудник, Архангельский краеведческий музей; semen_shavrin@mail.ru

В 2019 г. на территории Кенозерского национального парка была стационарно исследована стоянка Косицына-2, открытая в 1982 г. В процессе раскопок изучено более 100 м² культурного слоя. Культурные остатки залегают в основном во 2–5-м горизонтах в слоях подзола, рыжеватого и светло-желтого песка. В пределах раскопа расчищено два кострища и остатки разрушенного очага, пять тонких зольно-углистых линз небольших размеров, а также два «места мастера». Коллекция находок, зафиксированная в культурном слое стоянки, насчитывает 8800 предметов, в том числе 1196 орнаментированных фрагментов венчиков и стенок глиняных сосудов, 496 промысловых и бытовых орудий и их заготовок из кремня, сланца и кварца, 422 мелкие кальцинированные косточки птиц и млекопитающих, отходы каменной индустрии. Редчайшей для Архангельского Севера находкой является миниатюрная кремневая скульптурка «человека без рук». Зафиксирован разновременный археологический материал – от раннего мезолита (8908±70 л.н.) до раннего Средневековья (1196±25 л.н.). Выявленные аналоги каменному инвентарю и керамике стоянки позволяют считать, что заселение Кенозерья в разные периоды эпох камня – раннего металла шло из Восточного Прионежья (бассейн оз. Лача) и с территории современной Карелии.

Ключевые слова: Косицына-2, стоянка, мезолит, неолит, бронзовый век, керамика, каменный инвентарь, радиоуглерод.

The ancients of Kenozero: the 2019 on-site research of early man site Kositsina-2

Martynov Alexandr Ya. – PhD (History), deputy director for research, Solovetsky State Museum-Reserve of History, Architecture and Nature; martinov@solovky.ru
Dzenisov Georgii A. – chief of Exhibition Department, Murmansk Museum of Local Lore, dzenisov@yandex.ru

Irkha Pavel A. – entrepreneur; pavel-irkha@mail.ru

Potutkin Nikolai S. – director at Coordination Center for Archaeological Research; nikolai.potutkin@mail.ru

Shavrin Semen A. – senior research officer, Arkhangelsk Museum of Natural History; semen_shavrin@mail.ru

In 2019 Kenozero National Park welcomed the on-site research of early man site Kositsyna-2, discovered in 1982. The excavations involved the analysis of more than 100 sq.m. of cultural layer. The cultural remains lie mostly between the 2nd and the 5th layer of podzolic soil, reddish and light yellow sand. In the course of excavations, the team discovered two bonfire sites, remains of hearth, five thin ash-carbonaceous lenses, as well as two “artisan stations”. The collection of discovered artifacts includes 8,800 items, including 1,196 fragments of ornamented utility whisks and clay pots, 496 hunting and household tools and semi-finished items of flint, slate and quartz, 422 calcined bones of birds and mammals, and waste stone. Among the rarest of findings ever discovered in Arkhangelsk is the flint miniature sculpture of “man without hands”. The discovered archaeological materials date back to the Early Mesolithic Period (8,908 ±70 years ago) and Early Middle Ages (1,196±25 years ago). The discovered counterparts of stone and pottery items enable a conclusion that the settlement of Kenozero area originated, in different periods of Stone and Early Metal Ages, from the Eastern Prionezhye (basin of Lake Lacha) and from the territory of modern Karelia.

Keywords: Kositsyna-2, early man site, Mesolithic Period, Neolithic Period, Bronze Age, pottery, stone tools, radiocarbon.

Кенозеро – одно из наиболее крупных и живописных озер Архангельской области. Находится в Плесецком районе, принадлежит к бассейну р. Онеги. Площадь озера – 99,4 км², максимальная длина – 23 км, ширина – 10 км. У Кенозера лопастно-расчлененная форма с направлением отдельных лопастей с юго-запада на северо-восток. Некоторые из них превратились в самостоятельные озера (например, оз. Свиное). Рельеф территории, прилегающей к озеру, сложный: холмы разделены глубокими впадинами и ложбинами с крутыми склонами. В Кенозеро впадает несколько мелких рек (Поча, Тамбича и др.) и множество ручьев, с р. Онегой его соединяет р. Кена [15, с. 228–229].

Первые сведения о наличии объектов археологии на берегах озера и прилегающей ему территории появились в 1860-х гг. после разведок И.С. Полякова, открывшего здесь несколько первобытных стоянок и частично опубликовавшего случайные сборы, поступившие в Императорский Московский исторический музей [16]. Полевые работы на Кенозере были продолжены в 1930-х гг. М.Е. Фосс [17] и Р.В. Козыревой, в 1980–1990-х гг. – С.З. Черновым [18, с. 37–38], А.Я. Мартыновым¹, И.С. Манюхиным² и С.В. Ошибкиной [14, с. 280–295], позднее – В.С. Бузиным, Е.Н. Рябцовой, В.В. Шевелевым [19, с. 117–120] и А.Г. Едовиным [3]. В последние годы поиски новых археологических памятников, повторное обследование уже открытых стоянок и систематизацию всех объектов археологии, выявленных к 2017 г., осуществила экспедиция Музея антропологии и этнографии РАН (Санкт-Петербург) под руководством Д.В. Герасимова³.

Общими усилиями исследователей на берегах и островах Кенозера, в устьях и низовьях рек, впадающих в него и вытекающих из озера, открыто 55 разновременных объектов археологии (ил. 1): поселения, стоянки, местонахождения, селища, искусственные каменные сложения. К мезолиту археологами предварительно отнесены стоянки Анфаловская, Косицына-3, Косицына-4, Остров Медвежий, Морщихинская, Путный Мыс. Неолитом датированы стоянки Виловатый Остров, Косицына-2, Почозеро, Усть-Поча-1,2,4, эпохой раннего металла – Белые Пески, Вершинино-4, Пашково Озеро и др. На некоторых объектах (Косицына-2, Устье Волошовы, Усть-Поча-3, Челма-1) зафиксирован смешанный культурный слой, содержащий артефакты разных эпох: мезолита и неолита, неолита и бронзового века, эпохи камня и Средневековья. Ряд местонахождений, на которых собран недостаточно выразительный подъемный материал, не отнесен к какому-то определенному периоду, но датирован в широких рамках эпох камня – раннего металла.

Обследование большей части выявленных объектов ограничивалось сбором подъемного материала, составлением глазомерных или (в единичных случаях) инструментальных планов, а также закладкой стандартных шурфов (1×1 м) и выполнением зачисток мест разрушений культурного слоя.

¹ Манюхин И.С. Отчет о работе Илекского отряда в 1989 г. // Там же. № 14844, 14845.

² Герасимов Д.В.: 1) Технический отчет о проведении археологического обследования на территории Национального парка «Кенозерский», Архангельская область, в 2016 г. С.-Петербург, 2016 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»». Ф. 1. Оп. 2. Д. 700/1; 2) Технический отчет о проведении археологического обследования на территории Национального парка «Кенозерский», Архангельская область, в 2017 г. С.-Петербург, 2017 // Там же. Д. 594/1.

³ Герасимов Д.В. Технический отчет о проведении археологического обследования на территории Национального парка «Кенозерский», Архангельская область, в 2017 г. С.-Петербург, 2017 // Там же. Д. 594/1. Л. 7–8.

На трех объектах вскрыта бóльшая площадь: на стоянках Косицына-2 и Пашково озеро — соответственно 3 и 10 м², на поселении Медвежий-1 — 18 м².

Археологический материал, собранный на кенозерских стоянках и местонахождениях к 2019 г., представлен орнаментированной керамикой разного времени (более 500 крупных и мелких фрагментов), примерно полутора сотнями орудий труда и заготовок изделий из кремня и сланца, а также многочисленными отходами кремневой индустрии (нуклеусами, отщепами, сколами, микросколами, чешуйками). Памятники, поддающиеся относительной датировке, отнесены к той или иной эпохе по керамике и кремневым изделиям устойчивых форм. Первые радиоуглеродные даты получены только после раскопок стоянки Косицына-2.

Предварительное обследование стоянки Косицына-2

Стоянка Косицына-2 находится на западном берегу Кенозера, в 700 м к северо-востоку от часовни д. Косицына и в 850 м к юго-западу от южной оконечности о. Мамонов, на мысу, выдающемся в озеро в южном направлении (ил. 2). На данном участке берега озера зафиксированы две террасы. Верхняя, высотой около 10 м над уровнем озера, занята кладбищем. На нижней террасе (5 м над зеркалом воды) находится площадка стоянки Косицына-2 (ил. 3).

Памятник был открыт в 1982 г.⁴ В зачистке берега (1×0,5 м) выявлен культурный слой мощностью до 50 см, в котором был зафиксирован развал сосуда (более 100 фрагментов) с гребенчато-ямочной орнаментацией [8, с. 42–43].

Дважды, в 2016 и 2017 гг., стоянку обследовала экспедиция Музея антропологии и этнографии РАН, которая составила подробный топографический план памятника, а также зафиксировала в зачистке и шурфе (3×1 м) культурный слой, насыщенный археологическим материалом, в котором были выделены комплексы керамики с гребенчато-ямочным орнаментом позднего неолита и кремневого инвентаря мезолитического облика⁵.

Подъемный археологический материал был собран в предыдущие годы на прибрежной части озерного дна и на первой террасе. В 2018 г. нами была произведена рекогносцировка территории стоянки и прилегающей территории, необходимая для определения состояния памятника, характера и технических условий будущих стационарных работ. В процессе осмотра участка дна озера, обмелевшего, по свидетельству сотрудников Национального парка «Кенозерский» А.И. Анциферовой и В.М. Матюгова, значительно больше обычного, был собран на площади приблизительно 240×7–20 м интересный

⁴ *Мартынов А.Я.* Отчет о работе Соловецкого отряда комплексной Кенозерской экспедиции в 1982 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 9384. Л. 7–9.

⁵ *Мартынов А.Я.* Технический отчет о проведении археологических работ в Плесецком секторе Национального парка «Кенозерский» (Архангельская область) в 2018 г. // Там же. Д. 960.

кремневый инвентарь, относящийся к эпохам мезолита (концевой скребок, фрагменты пластин) и неолита или раннего металла (нож, скребок, резец, отщепы с ретурированными краями, нуклеидные сколы). Были обнаружены также три заготовки сланцевых топоров, в том числе, изделий русско-карельского типа⁶ (ил. 4). Осмотр площадки памятника позволил убедиться в необходимости производства спасательных археологических работ и определить приблизительную площадь раскопа на задернованной части террасы (около 70–80 м²), а также на ее склоне и прилегающей части берега (предположительно 20–30 м²).

Стационарное исследование памятника в 2019 году

В ходе раскопок стоянки исследовано 100 м² площади: 84 м² (включая шурф Д.В. Герасимова 2017 г.) вскрыто пятью-семью условными горизонтами мощностью по 6–8 см каждый (ил. 5), 20 м² осыпи на участке склона террасы, примыкающем к площадке стоянки, – одним горизонтом мощностью 10 см. Культурные остатки залегают в основном во 2–5-м горизонтах, в слоях подзола – серого песка, а также подстилающего его крупнозернистого рыхватого и мелкозернистого светло-желтого с многочисленными линзами мешаного желто-серого, розовато-серого, ярко-красного (охристого) и гранатового песка. В связи с тем, что на площади раскопа и рядом с ним находятся восемь крупных сосен с разветвленной корневой системой, пронизывающей слой, археологический материал основательно перемешан. Следствием произрастания и гибели на террасе многих поколений деревьев является залегание разновременного археологического материала, не соответствующее последовательности нарастания слоя (от более древнего времени к позднему): изделия, выполненные в мезолитической технике, и разнотипная разновременная керамика зафиксированы во всех горизонтах от границы дерна с подзолом до условного материка.

В пределах раскопа было расчищено два кострища и пять тонких зольно-уголистых линз небольших размеров, а также два «места мастера».

Особый интерес представляет кострище, залегавшее под скоплением камней разных размеров, преимущественно расколовшихся с обожженной поверхностью, интерпретированных нами как остатки очага. Кострище представляет собой линзу плотно слежавшейся золы подовальной формы с максимальными размерами 130×100 см и толщиной в центральной части до 15 см с двумя угольными плашками и множеством мелких угольков (ил. 6). В процессе исследования непосредственно над линзой и на границе ее с примыкающим к кострищу желтым песком зафиксированы две обожженные ножевидные пластины, указывающие на мезолитический возраст объекта. Радиоуглеродный анализ проб угля из нижней и верхней части кострища дал даты 8908±70 BP (8272–7821 cal BC) и 8550±70 BP (7731–7488 cal BC) – ранний мезолит (см. таблицу). Пер-

⁶ Там же.

вая из них, скорее всего, свидетельствует о начале освоения людьми данного участка побережья Кенозера на рубеже 9-го и 8-го тысячелетий до н.э., вторая фиксирует факт повторного проживания здесь в середине 8-го тысячелетия. На сегодняшний день это наиболее древние радиоуглеродные даты проб угля из культурных слоев *первобытных стоянок*, зафиксированных в Архангельской области⁷ [9, с. 182; 10, с. 21–34; 11, с. 62].

**Радиоуглеродные даты проб угля из культурного слоя
стоянки Косицына-2 (Кенозеро). Раскоп № 1 (2019 г.)**

Высота стоянки над уровнем озера. Характер пробы	Лаборатория, № образца	Радиоуглеродный возраст, лет назад (BP)	Интервал калибров: Cal BC и Cal AD – до н.э / н.э., начало – конец, вероятность
5 м, сектор 1, кв. В-3, гор. 6. Костище (нижняя часть)	SPb_3133	8908±70 BP	8272–7821 cal BC
5 м, сектор 1, кв. В-3, гор. 6. Костище (верхняя часть)	SPb_3134	8550±70 BP	7731–7488 cal BC
5 м, сектор 3, кв. Е-3, гор. 3, зольно-угольная линза в 12 см от кремневой скульптурки	SPb_3135	Даты нет (после очистки пробы получилось 0,33 г угля)	
5 м, сектор 1, кв. БВ-5, гор. 5 («место мастера»)	SPb_3136	4260±55 BP	3021–2671 cal BC
5 м, сектор 3, кв. Е-5, гор. 5, гор. 5, костище (верхняя часть)	SPb_3137	1196±25 BP	768–892 cal AD
5 м, сектор 3, кв. Е-5, гор. 5, гор. 6, костище (нижняя часть)	SPb_3138	1774±25 BP	232–338 cal AD
5 м, сектор 3, кв. Е-3, гор. 3/4, проба угля из-под дерева (25 см от дневной поверхности)	SPb_3139	5036±55 BP	3957–3708 cal BC
5 м, сектор 3, кв. Д-3/4, гор. 4, зольно-угольная линза на границе подзола и желтого песка	SPb_3140	2393±30 BP	748-392 cal BC

⁷ Мартынов А.Я. Домонастырские древности Соловецкого архипелага: [рукопись]. Соловки, 2020.

Второе кострище (линза темно-серого песка, перемешанного с золой и угольками) аналогичной формы размерами 90×60×12 см, разборка которого дала лишь несколько кремневых отщепов, датировано по радиоуглероду (1774±25 BP, 232–338 cal AD; 1196±25 BP, 768–892 cal AD) 1-м тысячелетием н.э. (поздний железный век – раннее Средневековье). Обнаруженные над кострищем кремневая микропластинка, а в 25 см от его восточного края – комбинированное орудие (концевой скребок-нож), выполненные в мезолитической технике, не соотносятся с радиоуглеродными датами.

«Места мастера» представляют собой скопления отходов кремневой индустрии (чешуйки, микросколы, отщепы, сколы, заготовки орудий и законченные изделия). В квадрате Б-5, в линзе мешаного желто-серого песка аморфной формы размерами 60×30×20 см, зафиксировано 552 предмета; в квадрате Е-1, в линзе мешаного розовато-серого песка овальной формы максимальными размерами 140×100 см толщиной в месте западания до 50 см, обнаружено 658 предметов. Радиоуглеродный анализ пробы угля с первого из них дал дату 4260±55 BP (3021–2671 cal BC) – первая половина 3-го тысячелетия до н.э., поздний неолит.

В процессе разборки 2–5-го горизонтов культурного слоя был сделан ряд наблюдений, важных для достоверной интерпретации памятника:

1. В культурном слое стоянки в разном соотношении фиксируется разновременная керамика и разный по технике исполнения кремневый инвентарь. Во 2-м горизонте преобладают фрагменты с гребенчато-ямочной орнаментацией, в 3-м и 4-м горизонтах – с ямочно-гребенчатой и ямочной. Количество предметов, изготовленных в пластинчатой (мезолитической) технике (концевые скребки, ножевидные пластины, микропластинки, сечения), в 3-м (67 ед.), 4-м (80 ед.) и 5-м (75 ед.) горизонтах, превышает число аналогичных находок во 2-м (35 ед.).

2. Находки артефактов в пластинчатой технике обнаружены преимущественно в линиях квадратов Б-Е: 3-5, наиболее близких к краю террасы; в квадратах Г-Е: 1-2 зафиксированы отдельные пластинки.

3. Основная часть скоплений керамики обнаружена в линиях квадратов Г-Е: 1-2 и Б-Е: 3; в квадратах, прилегающих к краю площадки памятника, встречены лишь отдельные фрагменты венчиков и стенок сосудов.

4. Наряду с керамикой эпох камня – раннего металла в культурном слое встречены отдельные образцы более поздней посуды.

5. При разборке 2-го горизонта появились первые кальцинированные косточки (предположительно птиц); основная часть остеологического материала в виде небольших (до 49 ед.) скоплений кальцинированных косточек приходится на 4-й и 5-й горизонты (кв. В-5, Г-4, Г-5).

6. В 3-м и 4-м горизонтах периодически фиксируются в незначительном количестве отходы *кварцевой* индустрии (отщепы, сколы, заготовки изделий), а также обнаружено одно орудие из кварца – скребок подтреугольной формы.

7. При разборке 2–4-го горизонтов в раскопе обнаружено множество отщепов и сколов из сланца, сланцевых желваков (в том числе расколотых), а также заготовок изделий (стамески) и орудий (шлифованное тесло, стамеска, прямое долото). На границе квадратов Г: 1-2 в 4-м горизонте выявлен сланцевый валун с негативами вторичных сколов, по структуре и цвету совпадающий со сланцевыми отщепами и сколами, зафиксированными в раскопе.

Данные наблюдения позволяют сделать некоторые предположения и выводы относительно времени освоения площадки памятника и местоположения стоянки в разные периоды:

1. Присутствие в подъемном материале (на дне озера, в осыпи террасы) и культурном слое предметов мезолитического облика (соответственно 47,5 и 50,5 % от всего количества изделий из кремня) не оставляет сомнений в том, что первоначальное освоение данной площадки относится к мезолиту. Радиоуглеродное датирование угля из кострища снимает всякие сомнения на этот счет.

2. Судя по местоположению микролитического материала в раскопе, в раннем мезолите была освоена площадка, примыкавшая к краю террасы, вероятно, меньшая по сравнению с площадкой, занятой более поздними обитателями данного места. Часть площадки мезолитического поселения (по-видимому, значительная) разрушена вследствие естественного осыпания края террасы.

3. Соотношение количества предметов, выполненных в мезолитической технике, во 2–5-м горизонтах (соответственно 35, 67, 80 и 75 ед.), скорее всего, указывает на то, что некоторая часть изделий относится к более позднему времени, что характерно для ряда ранненеолитических памятников Архангельского Севера.

4. Преобладание в керамике стоянки фрагментов с ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной орнаментацией свидетельствует, по меньшей мере, о двух-трех последующих этапах освоения данной площадки в неолите и более поздние периоды.

5. Присутствие значительного количества фрагментов более поздней гребенчатой керамики, а также обломков сосудов с орнаментом в виде розеток мелких вдавлений, геометрических фигур, оттисков гладкого штампа дает основания предполагать, что площадка стоянки заселялась и в бронзовом или железном веке.

6. Концентрация скоплений керамики (в том числе от разных сосудов) в дальних от края террасы квадратах Г-Е: 1-2 может указывать либо на то, что в этой части площадки хозяйственная деятельность обитателей стоянки была более интенсивной, либо сюда выбрасывали часть обломков разбитых сосудов.

7. Разное количество артефактов и отходов сланцевой и кварцевой индустрии, зафиксированных в раскопе (орудий и заготовок – соответственно 5 и 1 ед., отщепов и сколов – 260 и 22 ед.) указывает на использование для изготовления инвентаря в значительных объемах сланцевого и

в небольших количествах кварцевого сырья. Еще меньше использовался серый и красноцветный песчаник, из которого в коллекции памятника присутствуют только средняя часть массивного ударного орудия и подставка — «наковальня».

8. Сравнение некоторых характеристик находок из сланца, сделанных в культурном слое и на участке дна озера, прилегающего к стоянке (цвет, структура, характер обработки), позволяет утверждать, что значительная часть их аналогична.

Коллекция находок

Коллекция находок, извлеченных из культурного слоя стоянки в 2019 г., насчитывает 8800 предметов, в том числе: керамики — 1196 орнаментированных фрагментов венчиков и стенок сосудов, а также мелкой «крошки» (261 ед.), орудий и их заготовок, нуклеусов, пластинок и сечений из кремня — 496 артефактов. В 3–5-м горизонтах слоя стоянки зафиксированы 422 мелкие кальцинированные косточки птиц и млекопитающих. Подъемный материал, собранный нами в 2018 и 2019 гг., составил 112 предметов, в том числе 38 индивидуальных находок (орудия и заготовки изделий, отщепы с ретушированными краями). Вместе с коллекцией, собранной отрядом Д.В. Герасимова, и нашими сборами 1982 г. общее количество полученных при исследовании памятника разновременных предметов древности насчитывает около 10 тыс. единиц.

В связи с тем, что археологический материал практически невозможно разделить планиграфически (культурный слой перемешан), отнесение находок в раскопе, а равно и подъемного материала к определенному периоду первобытной эпохи осуществлено по типологическому признаку с опорой на ряд радиоуглеродных дат.

Каменный инвентарь

Отчетливо выделяется *мезолитический* комплекс предметов из кремня (всего 250 артефактов), изготовленных в пластинчатой (в том числе микролитической) технике:

- ножевидные пластины (65 ед.) средних размеров с параллельными ретушированными краями или без следов вторичной обработки (контрольные замеры: 60×26×7, 48×24×7 мм) и их обломки (ил. 7: 2, 3, 5–9, 11–19);

- ножи (5 ед.) на пластинах с одним рабочим краем, обработанным мелкой отжимной ретушью (размеры 72×21×6 мм; 71×30×7 мм) (ил. 7: 10, 20; ил. 8: 23);

- концевые скребки (31 ед., в том числе 5 микроскребок), изготовленные из ножевидных пластин и их фрагментов (размеры от 72×25×5 мм до 16×10×2 мм) (ил. 7: 1, 4, 13; ил. 8: 1–21, 27);

- комбинированные орудия «концевой скребок — нож» на пластине с двумя (скребковым и ножевидным) рабочими краями (размеры 41×22×8 мм) (ил. 8: 22, 24);

– пластинки и микропластинки (всего 104 ед.) (контрольные замеры: $32 \times 15 \times 5$, $29 \times 11 \times 2$, $12 \times 3 \times 2$ мм) (ил. 9: 1–4I);

– сечения пластин (46 ед.), в том числе с ретушированными краями (ил. 9: 42–67);

– пробный нуклеус с негативами пластин, сколотых с его внешней части.

К группе предметов эпохи мезолита можно причислить часть пластинчатых отщепов, а также две пластины (ил. 7: 6, 7), отщепы и чешуйки, связанные с кострищем, пробы угля из которого дали раннемезолитические даты.

К неолиту – железному веку относятся предметы, изготовленные из относительно крупных (контрольные замеры: 90×50 , 75×45 мм), средних (35×25 , 30×22 , 25×18 мм) и мелких (18×15 , 12×8 мм) отщепов, пластинчатых отщепов и пластин:

– двухсторонне обработанные наконечники стрел листовидной, ланцетовидной и треугольно-черешковой формы, а также их обломки (ил. 10: 1–27);

– скребки подтреугольной и подчетыреугольной форм, а также боковые, аморфной формы с прямым и округлым рабочим краем (ил. 11: 1–34); в единственном числе присутствует скребок клювовидной формы с обломленным концом рабочего края;

– проколки (9 ед.) на трехгранных и пластинчатых сколах с рабочими концами, укрепленными ретушью (ил. 12: 1, 2, 4–8); 4 изделия представлены фрагментами, рабочий конец наиболее крупного изделия сломан (ил. 12: 2);

– ножи (2 ед.), изготовленные из крупных пластинчатых отщепов (ил. 8: 25, 26); функции ножей могли выполнять и часть отщепов с острыми ретушированными краями (всего 34 ед.);

– скобели (5 ед.) из отщепов с вогнутыми рабочими краями (ил. 12: 10, 11);

– резцы на тонких отщепах аморфной формы с рабочими краями, укрепленными микроретушью (ил. 12: 12–14);

– сверло или его заготовка с обломленным рабочим концом, изготовленное из крупного кремневого скола, обработанного по всему периметру (ил. 12: 3);

– отбойники из массивных кремневых и сланцевых желваков с характерными следами забитости на торцовых рабочих концах.

Нуклеусы (25 предметов) представлены преимущественно призматическими, небольшими по размерам, экземплярами (15 ед.), а также конусовидными (8 ед.), дисковидным (1 ед.), биполярным (1 ед.). Из них 24 предмета – из кремня, один – из сланца (ил. 13: 1–12). Зафиксированы также 20 нуклеовидных сколов с 2–3 негативами вторичных мелких отщепов или пластинок.

Инвентарь из сланца составляют шлифованное тесло с микросколами на лезвии ($54 \times 38 \times 18$ мм), прямое долото ($70 \times 32 \times 14$ мм), стамеска ($48 \times 21 \times 6$ мм), заготовка тесла (ил. 14: 1–4, 6, 7 – сланец, 5 – серый песчаник). Заготовки рубящих орудий, обнаруженные при осмотре осушки дна озера, могут быть датированы только в широких рамках эпохи камня.

Сырье, которым пользовались на стоянке, состоит из привозного и местного кремня (6507 предметов, или 95,5 % от общего количества зафиксированных предметов из камня), сланца (265 предметов), кварца (18 ед.), кварцита (5 ед.), серого (7 ед.) и красноцветного (1 ед.) песчаника, известняка (3 ед.) и гнейса (1 скол).

Кремень карбоновый, неоднородный, разного качества и цвета: серого разных оттенков, коричневого, желтого, черного, сиреневого. Несколько предметов изготовлено из двух-трехцветного кремня. Отходы кремневой индустрии составляют отщепы (в том числе пластинчатые), сколы, микросколы, чешуйки, куски расколотых кремневых желваков, в том числе с корковой частью.

Сланец, зафиксированный на стоянке, представлен двумя разновидностями: темно-зеленым и светло-зеленым. Существенных различий в качестве разновидностей сланцевого сырья не прослеживается. На долю сланца приходится 3,8 % сырья, на долю остальных минералов – 0,5 %.

Обнаружен галечный кварц, зафиксированы две его разновидности. В основном на стоянке использовался серый с черными прожилками и пятнами разных размеров относительно однородный по структуре минерал (17 ед., или 94,4 % от общего количества предметов из кварца). Один предмет (скребок) изготовлен из светлого-серого однородного минерала. В целом качество кварцевого сырья можно считать средним.

Керамика

Значительная часть керамики зафиксирована в 16 скоплениях (от 8 до 89 фрагментов), расчищенных преимущественно в северо-западной части раскопа в 3–4-м горизонтах. Скопления состоят из обломков посуды с аналогичной и разной (в том числе разновременной в одном и том же скоплении) орнаментацией.

Типологически керамика подразделяется в основном на ямочную, ямочно-гребенчатую и гребенчато-ямочную. Их дополняют фрагменты с мелко-ямочным, ямочно-прочерченным, геометрическим, гребенчатым орнаментом. Часть обломков украшена отпечатками мелких позвонков, гладкими полосами, короткими оттисками гладкого прямоугольного штампа, мелкими овальными вдавлениями.

Ряд прямых, неуголщенных венчиков и стенок по меньшей мере трех тонкостенных (7–8 мм) сосудов орнаментированы только круглыми конусовидными ямками диаметром 5–6 и глубиной 6 мм (ил. 15: 2–6, 8–11). В их ряду выделяются обломки тонкостенных (4–5 мм) и, по-видимому, маленьких сосудов («чашек»), орнаментированных маленькими мелкими ямками (ил. 15: 1, 7).

Ямочно-гребенчатая керамика (ил. 16) характеризуется многообразием венчиков сосудов, сочетаний ямок и оттисков гребенчатого штампа, форм и количества ямок в зональном расположении, характера оттисков «гребенки». Венчики прямые, утолщенные, как правило, скошенные внутрь сосуда,

иногда с налетом на внутренней стороне, орнаментированные по торцу оттисками наклонного гребенчатого штампа. Внутренняя сторона некоторых фрагментов орнаментирована по верхней части сосуда оттисками наклонного длинного (до 4 см) гребенчатого штампа. Толщина венчика варьирует от 10 до 15 мм, у одного фрагмента она достигает 18 мм, толщина стенок — от 8—10 до 14 мм. Сосуды вылеплены преимущественно из хорошо промешанной глины светло-желтого цвета, встречаются фрагменты из серой глины. Горшки с орнаментом в виде овальных ямок и оттисков гребенчатого штампа изготовлены из глины желтого цвета с красноватым оттенком. Примесями служили дресва, мелкозернистый и крупнозернистый песок, слюда, мелкие (до 7 мм в поперечнике) камешки. В некоторых обломках в качестве примеси обнаружены микросколы из кремня и сланца.

Зафиксированы следующие сочетания элементов орнамента:

- крупных (диаметр 7—8 мм), глубоких (до 7 мм) круглых и овальных (7×4 мм) ямок конусовидной формы (зафиксировано до 10 рядов) и оттисков короткого (6—7 мм) и длинного (11 мм), в том числе личиноковидного наклонного гребенчатого штампа;

- глубоких ямок овальной формы (7×4—5 мм) до 5 рядов и оттисков короткого (5 мм) наклонного гребенчатого штампа;

- изогнутых рядов (от 1 до 4) круглых ямок в сочетании с изогнутыми рядами (по одному) оттисков короткого гребенчатого штампа;

- небольших (7×3×5—6 мм) ямок трапециевидной формы и оттисков короткого (5 мм) наклонного гребенчатого штампа;

- рядов круглых ямок, разделенных одним или двумя рядами оттисков мелкого горизонтального гребенчатого штампа.

Среди фрагментов с ямочно-гребенчатым орнаментом выделяется группа обломков стенок, у которых ямки соединены оттисками короткого (5 мм) узкого горизонтального гребенчатого штампа.

Основными признаками данного типа керамики являются преобладание в орнаментации ямок, наличие на крупных фрагментах широких зон ямочного элемента, бóльшая толщина венчиков и стенок сосудов.

Посуда с гребенчато-ямочной орнаментацией менее разнообразна (ил. 17: 1—5, 7—11). Сосуды вылеплены из глины преимущественно бледно-желтого цвета с примесью песка, дресвы и слюды.

Можно отметить следующие сочетания элементов орнамента:

- в преобладающем соотношении зоны (по 3—5 рядов) оттисков наклонного или горизонтального гребенчатого штампа и 1—2 рядов овальных или круглых ямок;

- примерно в одинаковом соотношении вдвоенные ряды круглых ямок и оттисков гребенчатого штампа, составляющего геометрические фигуры: треугольники, ромбы, квадраты, прямоугольники (ил. 18: 1—12).

Следует подчеркнуть, что бóльшая часть мелких обломков стенок сосудов, орнаментированных либо ямками, либо ямками в сочетании с от-

тисками «гребенки», либо гребенчатыми оттисками и единичными ямками, не может быть с уверенностью отнесена к какому-либо из этих типов керамики из-за маленьких размеров и слишком малого количества элементов орнамента.

Необходимо выделить группу фрагментов венчиков и стенок с гребенчатым орнаментом (сдвоенные и строенные ряды оттисков длинного и короткого наклонного гребенчатого штампа, небрежно выполненные ряды длинного штампа, «ломаные» ряды оттисков) (ил. 19: 3–8, 11–12). Помимо песка, слюды и дресвы в тесте некоторых обломков зафиксированы волокна асбеста.

Некоторые фрагменты принадлежали сосудам, орнаментацию которых нельзя бесспорно отнести к описанным выше типам:

- фрагмент венчика с орнаментом в виде «лесенки» вертикальных оттисков короткого гребенчатого штампа в сочетании с рядом ямок под венчиком (ил. 19: 1);

- фрагмент венчика, орнаментированный по торцу оттисками короткого наклонного гребенчатого штампа и по внешней стенке – оттисками сплошного горизонтального и длинного (зафиксировано до 54 мм) наклонного гребенчатого штампа (ил. 19: 2);

- обломки стенок, возможно, двух разных сосудов, вылепленных из красной глины с примесью дресвы и мелкозернистого песка, орнаментированные двумя рядами маленьких (диаметр соответственно 5 и 4 мм) овальных ямок;

- фрагменты венчика и стенки сосуда с орнаментом в виде одного ряда маленьких круглых ямок (5×5 мм), «розеток» и строенных полос каплевидных вдавлений, расположенных «по вертикали» в верхней части тонкостенного (4 мм) сосуда со скошенным, слегка отогнутым венчиком небольших размеров (ил. 20: 2–3, 6), вылепленные из глины желтого цвета с примесью крупнозернистого песка и измельченного кварца;

- фрагменты стенки, орнаментированные овальными «розетками» мелких круглых ямок и овальных вдавлений (ил. 20: 4); сосуд изготовлен из глины серого цвета с примесью песка и слюды;

- фрагменты стенок сосудов, украшенные оттисками, нанесенными, по всей вероятности, позвонками мелких животных, в сочетании с рядами ямок (ил. 20: 5); глина желтая, примесь – крупнозернистый песок, слюда;

- обломок стенки с орнаментом в виде нескольких рядов мелких овальных (5×2–3×2 мм) вдавлений, составляющих треугольники, с ямками в вершине «геометрической» фигуры.

Редчайшая для Архангельского Севера находка – *миниатюрная кремневая скульптурка* – расчищена в квадрате Е-3 около контрольной бровки, в 12 см к северу от края зольно-угольной линзы на границе подзола и подстилающего его рыжеватого песка, на отметке 27 см от дневной поверхности. Размеры скульптурки – 45×17×3 мм, предмет изготовлен из карбонового

кремня светло-серого цвета (ил. 21; 22: 1). Наиболее близкими аналогами артефакта можно считать скульптурку медведя, изображенного в фас, со стоянки Усть-Яреньга на Летнем берегу Белого моря [4, с. 107, рис. 4: 7] и фигурку человека со стоянки Сухое в Восточном Прионежье [1, с. 226, рис. 74: 2]. Различия кенозерской находки с первой состоят в присутствии в скульптурке из Беломорья выступа овальной формы над головой и заметно обозначенных рук (ил. 22: 2), со второй – в отчетливо выраженных руках и ногах в фигурке из Прионежья (ил. 22: 3). По классификации антропоморфных изображений из кремня Е.А. Кашиной скульптурка относится к третьей группе фронтальных фигурок без рук [5, с. 462–466]. К сожалению, проба угля из зольно-угольной линзы, зафиксированной вблизи фигурки, оказалась слишком маленькой (0,33 гр.) для получения радиоуглеродной даты.

* * *

Для интерпретации объекта использованы керамика и каменный инвентарь, аналоги которого обнаружены в опубликованных коллекциях ряда памятников, исследованных коллегами на территории Архангельской области и сопредельных территорий. Археологический материал соотнесен с серией радиоуглеродных дат проб угля из кострищ и зольно-угольных линз, зафиксированных на разных уровнях культурного слоя памятника.

Основные категории изделий мезолитического облика (концевые скребки, пластинки, сечения) находят аналоги в материалах стоянок Андозеро, Нижнее Веретье, Сухое, могильника Попово (Восточное Прионежье) [11, с. 148, 156, 242–244, 259, 270, 284, 288, 294, 303; 12, с. 87, рис. 15; с. 213, рис. 25: 4, 6, 9, 10; с. 215, рис. 27: 2–9; с. 249, рис. 61: 13–15, 20–25; с. 250, рис. 62: 2, 3, 20–22], Вонгода, Матвеевская, Малое Каргачево, Некрасовская, Прилуцкая, Приозерный, Филичаевская-3, Яврньга (Северодвинский бассейн) [2, с. 125–128, 130, 133, 137, 153–155, 158, 161–163, рис. 29: 1–42; рис. 30: 1–14, 18, 22, 23; рис. 31: 1–18, 33–37; рис. 32: 1–23, 26–30; рис. 37: 1–7, 10–11; 19–20; рис. 41: 3–6, 10, 11; рис. 43: 2, 4–6; рис. 64: 3–5, 9–11; рис. 67: 1–13, 21, 22; 11, с. 127, 128, 171–174, 184–187]. В материалах стоянок Бесов Нос-VI и Усть-Водла (Карелия) [7, с. 65–66, рис. 19: 1–9, 13–14; с. 294, рис. 68: 1, 2, 7–22, 42–51, 54–59; с. 298, рис. 72: 5–11, 14–37, 46–53, 55–62, 68–71; с. 302, рис. 76: 13–46; с. 303, рис. 77: 17–49] также прослеживаются типологически близкие артефакты. Обнаружены аналоги и в коллекциях памятников более отдаленной территории Крайнего Северо-Востока [2, с. 98–100, 104, 106, рис. 2: 11–15, 23–25; рис. 4: 1–5, 7, 9, 14; рис. 8: 1–4, 6–12, 25–27; рис. 10: 3–8, 15, 16, 18; рис. 12: 3–7] (Адак-2, Мартюшевская, Топыд-нюр, Турун-нюр, Зыбун-шор, Сандибей-ю).

В географии аналогов основным образцам керамики следует отметить те же регионы (Восточное Прионежье, Карелию, Северодвинский бассейн), а также смежные с ними области – бассейн р. Сухона и Кольский полуостров. Фрагменты посуды с «чистым» ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом

зафиксированы на стоянках Восточного Прионежья Андозеро, Вещозеро, Мыс Бревенный, памятники Азатского оз. [13, с. 42–45, 57–58], Орлецкая-1, Вис-1, Явроньга-1, Репище на р. Северной Двине и ее притоке р. Пинега [6, с. 65–66]. Совпадают отдельные элементы орнамента, орнаментальные группы керамики [13, с. 69, рис. 11: *1, 3, 4, 7, 10, 15, 18, 20*], образцы с «чистым» ямочным орнаментом, зоны ямок и оттисков гребенчатого штампа [13, табл. 1: *7, 11, 17*; табл. 2: *4, 7, 8*; табл. 9: *7–9*; табл. 19: *9, 11, 13, 15*; табл. 20: *2*; табл. 21: *7, 12, 15*; табл. 44: *14*]. На некоторых стоянках Карелии выявлены аналоги образцам керамики с «чистым» ямочным, ямочно-гребенчатым, гребенчато-ямочным и гребенчатым орнаментом (стоянки Усть-Водла-3, Кладовец-1, 1а, 2, Черная Речка-5) [7, с. 245, рис. 14: *1–3*; с. 246, рис. 15: *3, 7*; с. 247, рис. 16: *4*; с. 313, рис. 88: *1, 8, 9, 11*; с. 317, рис. 92: *1*; с. 328, рис. 107: *7*; с. 431, рис. 223: *1, 5*]. По керамике (с учетом результатов радиоуглеродного анализа) эти памятники датированы исследователями разным временем: комплексы ямочной и ямочно-гребенчатой керамики – в пределах 4-го тысячелетия до н.э., стоянки с гребенчато-ямочной посудой – 3-м тысячелетием до н.э.

Среди радиоуглеродных дат проб угля со стоянки Косицына-2 есть даты, соотносимые с образцами керамики с поздней ямочно-гребенчатой (5036 ± 55 BP, 3957–3708 cal BC), гребенчато-ямочной и «геометрической» (4260 ± 55 BP, 3021–2671 cal BC) орнаментацией, а также с орнаментом в виде розеток и полос каплевидных вдавлений (2393 ± 30 BP, 748–392 cal BC), 1–2 рядов мелких ямок под венчиком сосуда (1774 ± 25 BP, 232–338 cal AD; 1196 ± 25 BP, 768–892 cal AD).

В каменном инвентаре памятника, изготовленном из отщепов, также присутствуют изделия, обнаруживающие близкие аналоги орудиям со стоянок ближайших культурных регионов. Листовидные и ланцетовидные наконечники стрел, скребки на отщепах подтреугольной и подчетыреугольной форм широко представлены на стоянках Орлецкая-1 [6, с. 66], Андозеро [13, с. 177, табл. 12: *1, 9–12, 14–18, 21, 25*], Против Гостиного Двора [13, с. 190, табл. 22: *23, 24, 29*; с. 191, табл. 23: *1–9, 16–24*; табл. 24: *2–14*], Мыс Бревенный [13, табл. 31: *4, 12–15, 17, 18*]. Близкими аналогами можно считать топоры и их заготовки, обнаруженные на исследуемом памятнике и стоянках Восточного Прионежья: тесло коротких пропорций из культурного слоя Косицына-2 и топоры со стоянок Андозеро [13, табл. 4: *3*; табл. 11: *11*], Васькин Бор [13, табл. 4: *3*], Мыс Бревенный [13, табл. 31: *19*; табл. 32; табл. 54: *3*], заготовки рубящих орудий из коллекции подъемного материала и орудия со стоянок Камышовая [13, табл. 5: *1, 3*], Угловая [13, табл. 7: *6, 8*], Против Гостиного Двора [13, табл. 26: *12, 15*].

Заключение

Полевые работы, осуществленные на стоянке Косицына-2 в ходе сезона 2019 г., дали важный, в том числе принципиально новый археологический

материал, который позволяет существенно дополнить и изменить уже сложившееся представление о первобытных древностях Кенозерья, основанное на материале разведок при отсутствии радиоуглеродных дат памятников.

В процессе стационарного исследования объекта, предварительно интерпретированного как стоянка, на которой «помимо поздненеолитического контекста, представленного материалами каргопольской культуры», присутствуют «артефакты периода позднего мезолита»⁸, зафиксирован *разновременный* археологический материал, позволяющий считать его местом, на котором сохранились остатки летних поселений как минимум *четырёх периодов* эпох камня – раннего металла: дважды – раннего мезолита, развитого и позднего неолита, бронзового и железного веков.

Аналоги мезолитическому комплексу изделий стоянки Косицына-2 из кремня и сланца зафиксированы преимущественно в материалах памятников Восточного Прионежья и Карелии. При относительно равной полноте их, учитывая при этом географическое положение Кенозера и территориальную близость к нему мезолитических памятников Восточного Прионежья, а также систему водных артерий, связывавших эти территории, можно было бы сделать вывод о появлении мезолитического населения Кенозерья с оз. Лача по р. Онеге и ее притокам. Однако этому противоречит то бесспорное обстоятельство, что коллекции поселений Восточного Прионежья данного *периода*, представленные помимо кремневого инвентарем из сланца, кварца, кости, рога, дерева, бересты, неизмеримо богаче и разнообразней раскопанного мезолитического материала стоянки Косицына-2. Отсутствие радиоуглеродных дат со стоянок региона и датировка их С.В. Ошибкиной по археологическому материалу *средним* мезолитом (7-е тысячелетие до н.э.) также добавляет сомнений в обоснованности вывода. Вместе с тем следует учитывать разную консистенцию культурного слоя памятников, которая позволила уцелеть изделиям из сырой кости на памятниках Прионежья и сохранила лишь мелкие кальцинированные косточки в слое Косицына-2. А сопоставимые с «косицынскими» радиоуглеродные даты могильника Попово (9520–9430 BP), в кремневом инвентаре которого также обнаружены аналоги кенозерским изделиям, указывают на существование в Восточном Прионежье не только позднемезолитических, но и раннемезолитических поселений. Таким образом, предположение о связи мезолитического комплекса инвентаря стоянки Косицына-2 с раннемезолитическим материалом памятников Восточного Прионежья не лишено оснований. При этом нельзя исключать вероятность древнейшего заселения берегов Кенозера охотниками и рыбо-

⁸ Герасимов Д.В. Технический отчет о проведении археологического обследования на территории Национального парка «Кенозерский», Архангельская область, в 2017 г. С.-Петербург, 2017 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 1. Оп. 2. Д. 594/1. Л. 8.

ловами, пришедшими с территории современной Карелии. В целом необходимо признать, что окончательно решать данный вопрос по материалам одного памятника преждевременно.

В коллекции керамики со стоянки Косицына-2 присутствует многочисленными фрагментами разновременных сосудов с орнаментацией, среди которых помимо четырех основных типов можно выделить образцы с орнаментацией в виде оттисков фигурного и гладкого штампов, позвонков птиц или мелких млекопитающих, а также с геометрическим орнаментом. Аналоги установленным типам орнаментации выявлены в основном в керамике памятников Восточного Прионежья и Карелии. Это позволяет предполагать культурные связи обитателей поселения у д. Косицына со стоянками, исследованными археологами на данных территориях. Дополнительные аналоги в каменном инвентаре (однотипные наконечники стрел, скребки, топоры) делают предположение о существовании связей обитателей стоянки Косицына-2 в неолите с населением Прионежья более вероятным.

Керамика с гребенчато-зубчатой орнаментацией «гаринско-борского» типа, распространенная на всей территории Севера и отнесенная археологами ко 2-му тысячелетию до н.э., вместе с характерными мелкими наконечниками стрел листовидной и ланцетовидной формы не исключает возможности культурной связи поздних обитателей Косицына-2 как с населением Прионежья и Карелии, так и Северодвинского бассейна, где данная посуда представлена на ряде памятников (поздние комплексы стоянок Кузнечиха-1 и Орлецы-1, «турбинская керамика» стоянок Ковозера по А.А. Куратову).

Список литературы

1. Археология. Неолит Северной Евразии / отв. ред. С.В. Ошибкина. М., 1996.
2. *Верещагина И.В.* Мезолит и неолит Крайнего Северо-Востока. СПб., 2010.
3. *Едовин А.Г.* Археологическое наследие Кенозерья // Кенозерские чтения: Материалы 1-й Всероссийской научной конференции «Кенозерские чтения». Архангельск, 2003. С. 65–82.
4. *Замятнин С.Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры // Советская археология. 1948. Вып. X. С. 107, рис. 4: 7.
5. *Кашина Е.А.* Кремневая антропоморфная скульптура без рук в центре Русской равнины // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Тверь, 2015. С. 462–467.
6. *Куратов А.А.* Археологические памятники Архангельской области: Каталог. Архангельск, 1978.
7. *Лобанова Н.В., Филатова В.Ф.* Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. М., 2015.
8. *Мартынов А.Я.* Археологические памятники Кенозера (по материалам разведки Соловецкого отряда комплексной Кенозерской экспедиции 1982 г.) // Соловецкий сборник. Вып. 11. Архангельск, 2015. С. 36–46.
9. *Мартынов А.Я.* Древности Устьянского края. Архангельск, 2011.

-
-
10. *Мартынов А.Я.* Радиоуглерод в археологии Соловецкого архипелага // Соловецкий сборник. Вып. 12. Архангельск, 2016. С. 21–34.
 11. *Ошибкина С.В.* Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006.
 12. *Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
 13. *Ошибкина С.В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
 14. *Сорокин А.Н., Ошибкина С.В., Трусов А.В.* На переломе эпох. М., 2009.
 15. *Пекашева В.М., Онищук Р.П., Тучина О.Р.* Кенозеро // Поморская энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Архангельск, 2007. С. 228.
 16. *Поляков И.С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии. СПб., 1881. Отд. отт. из журн.: Записки Русского географического общества. 1981. Вып. 9.
 17. *Фосс М.Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР. М.; Л., 1952. (Материалы и исследования по археологии. Вып. 29)
 18. *Чернов С.З.* Изучение Кенского волака // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 37–38.
 19. *Шевелев В.В.* Исследования 1998 года в Каргополье // Исторический город и сохранение традиционной культуры. М.; Каргополь, 1999.

Поморская девка южного Беломорья: социокультурный статус (опыт исследования на материалах, собранных в деревне Лопшеньге)¹

Мелютина Марина Николаевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия, Национальный парк «Кенозерский»; nauka@kenozero.ru

Предметом исследования является социокультурный статус поморской девки – жительницы д. Лопшеньги (южное Беломорье) в конце XIX – начале XX в. Изучаются знаковые характеристики: социальный статус (возраст, имущественное положение, грамотность); прагматика повседневности (функционал, специализация занятий, вещественный мир); праздничный ритуал (молодежные гуляния); предбрачный «устав». Ключевую позицию в источниковедческой базе составили полевые материалы 1937–1938 гг. московского фольклориста Н.И. Рождественской, объединенные темой «Быт и фольклор д. Лопшеньги». Уникальной частью корпуса документов являются фотографии. В научный оборот вводятся предметы, являющие знаками принадлежности к девичьему сообществу, собранные сотрудниками Национального парка «Кенозерский» в 2017–2020 гг. в Лопшеньге.

Ключевые слова: Южное Беломорье, Лопшеньга, поморская девка, социокультурный статус, вещественный мир, этнограф Н.И. Рождественская.

The Pomor maiden of the Southern Coast of the White Sea: Sociocultural background (materials sourced in the village of Lopshenga)

Melyutina Marina N. – PhD (Philosophy), leading research officer, Head of Cultural Heritage Studies and Interpretation Department, Kenozero National Park; nauka@kenozero.ru

The paper explores the social and cultural background of the Pomor maidens – residents of Lopshenga village (on the Southern Coast of the White Sea) in the late 19th – early 20th century. The focus is on generational characteristics such as social status (age, property, literacy); pragmatics of everyday life (duties, craft practice, material world); festive rituals (youth festivities); pre-marital «statutes». The study uses as its key source the field materials of the 1937–1938 expedition led

© Мелютина М.Н., 2022

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Архангельской области, проект № 18-411-292001 р_мк «Исследование гуманитарно-географических образов этнокультурных ландшафтов Русского Севера как символического ресурса формирования имиджа северных и арктических территорий региона».

by Moscow-born folklore specialist N.I. Rozhdestvenskaia, titled «The Life and Folklore Legacy of Lopshenga Village». Among the unique assets of this source is the collection of photographs. The paper introduces into scientific parlance some of the artifacts of the maiden community, collected by the team of Kenozero National Park in 2017–2020 in Lopshenga village.

Keywords: Southern Coast of the White Sea, Lopshenga, Pomor maiden, socio-cultural background, material world, social anthropologist N.I. Rozhdestvenskaia.

В научной литературе по этнографии достаточно полно освещены женские возрастные определения и соответствующий им социальный статус: девка/девушка (от рождения до замужества), молодка/молодая/молодица/молодуха (от замужества до рождения первого ребенка), жёнка (замужняя женщина, но не хозяйка в доме), большуха (хозяйка), бабушка (пожилая женщина) [1, 3, 4, 8]. Однако эта общая систематизация не детализирует особенности конкретных территорий, имеющих различия в силу ландшафтных, социальных и экономических условий развития поморских поселений. Изучение социального статуса жительниц конкретных беломорских локусов позволяет выявить сходства и различия в местных историях и, как следствие, более объемно и содержательно проанализировать концепт «поморская девка». В фокусе настоящего исследования находятся поморские девки микро-территории южного Беломорья – д. Лопшеньги. Хронологический период изыскания – конец XIX – начало XX в.

Знаковыми характеристиками концепта «поморская девка», которые моделируются автором исследования, являются: социальный статус (возраст, имущественное положение, грамотность); прагматика повседневности (функционал, специализация занятий, вещественный мир); праздничный ритуал (молодежные гуляния); предбрачный «устав».

Источниковедческую базу работы составили материалы из собраний Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), Государственного литературного музея, частного архива московского лингвиста Т.М. Судник, а также экспедиционные материалы исследователей М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой², К.К. Логинова³. Ключевую позицию в нашей работе занимают неопубликованные полевые материалы московского фольклориста Н.И. Рождественской (1899–1975), объединенные темой «Быт и

² Мелютина М.Н., Харитоновая Я.Э. Фольклорно-этнографическая экспедиция в деревню Лопшеньгу. 2019 г. // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”»; Мелютина М.Н. Фольклорно-этнографическая экспедиция в деревню Лопшеньгу. 2020 г. // Там же.

³ Логинов К.К. Научный отчет «О материалах, собранных К.К. Логиновым среди жителей Онежского полуострова в экспедиции 19–31 августа 2017 года // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 18.

фольклор д. Лопшеньги (Приморский р-н Северной области)»⁴ [17, 26]. Среди изданных Н.И. Рождественской монографий научный интерес представляют публикации «Сказы и сказки Беломорья и Пинежья» [20], «У Белого моря. Народные песни и сказы» [22].

Отдельное внимание в исследовании уделено вещественному миру девки, который является символом, определяющим статус, возраст, эстетические предпочтения и др. В научный оборот вводятся вещи, являющие знаками принадлежности к девичьему сообществу, которые были собраны научными сотрудниками Национального парка «Кенозерский» в 2017–2020 гг. в д. Лопшеньге. В каталог предметов, представленный в Приложении к статье, включены также личные вещи, хранящиеся в семьях жителей поселения.

Девка (социо-возрастная характеристика)

Достигших совершеннолетия девушек на поморском Севере называли девками. По свидетельству Т.А. Бернштам, возраст социально признаваемого совершеннолетия и вступления в брак для девушки в севернорусской зоне России во второй половине XIX в. был 13–16 лет [4, с. 47]. В категорию взрослых поморская девка переходила в 16–17 лет (парень – в 17–18 лет) [4, с. 45], но критической границей вступления в брак считался возраст 23–25 лет [4, с. 46]. Важно отметить, что «брачные показатели в огромной Архангельской губернии были неравнозначны <...>. Так, в земледельческих уездах границы брачного возраста для обоих полов были ниже, т.е. совпадали с таковыми же в любых земледельческих областях России <...>. На брачную норму влияли социально-экономические условия, например различный уровень промышленной интенсивности на отдельных поморских берегах (на Зимнем берегу Белого моря норма была ниже и составляла для парня от 25 до 35 лет, а для девушки – от 20 до 30 лет). В 28 лет девушка, не вышедшая замуж, переставала посещать молодежные собрания, и ее называли «вековуша» или «старая» [4, с. 45–46].

В Лопшеньге, поселении, расположенном на Летнем берегу Белого моря, с относительно невысокой промышленной интенсивностью по отношению к селениям других берегов (лопшари ежегодно ходили за рыбой и звериным салом в Норвегию, на Терский и Мурманский берега, а потом сдавали все местным купцам) [20, с. 216] девушек выдавали замуж, начиная с 17 лет. Об этом свидетельствуют обнаруженные нами источники, два из которых мы цитируем: «А я молодая была, не хотела замуж: семнадцати годов какое замужество <...> но прежде не спрашивали, когда отдавали» [22, с. 39]. «Бабушке было семнадцать, а Андрею Григорьевичу было за тридцать», – рассказывает

⁴ Мелютина М.Н., Зверева Ю.Д. Историко-архивные изыскания по теме «Архив Н.И. Рождественской: полевые материалы 1930-х гг., собранные в деревнях Лопшеньга, Уна, Луда, Нижмозеро» // Там же. Д. 26.

Галина Фаддеевна Юшманова⁵. Браки после 25 лет были редкостью. По словам Александры Андреевны Бронниковой (д. Дураково), «родители говорили, что тебе уж 20 годов с лишним, надо уж идти» [20, с. 34].

Социальный статус девки, гендерная оппозиция девка/парень

Общепринятое определение о гендерной оппозиции женское/мужское в Поморье дала Т.А. Бернштам: «Доминирование и авторитет мужской символики в традиционной культуре русского народа тоже имел древнее происхождение, поскольку славяне и норманны, составившие основной контингент и возглавившие образовавшееся на рубеже VIII–IX вв. северное протогосударство “Русь”, принадлежали к кочевым и воинственным племенам с патриархальным укладом жизни. Православие способствовало закреплению этого типа общественного устройства и, следовательно, приоритетной роли мужских символов в традиционной культуре» [6, с. 229]. Закреплению доминирующей роли мужчины в значительной степени способствовали и социально-экономические условия жизни поморов. При общинном землепользовании надел пахотной и покосной земли получал только мужчина. Рыболовецкие тони распределялись общим собранием деревни по душам. При этом в расчет шли только души мужского пола, следовательно, женщины не получали тоневых мест; поэтому семья, имевшая сыновей, занимала более высокий социально-престижный статус в крестьянском обществе. Этнограф Н.И. Рождественская записала пословицу в д. Лопшеньге: «Сыновей в люди вывожу — займы даю, дочь снабжаю, за окно бросаю»⁶. Даже в колыбельных песнях, записанных в этом поселении, проявляется это гендерное неравенство:

*Баю-баюшки-баю, нет ли местица в раю,
Нет ли местица в раю паренечку моему,
Анделки в раю поют, да туда мое дитятко зовут:
«Поди, маленький суды, за твои млады труды;
Тебя бог дитя дал, да Христос послал,
Богородица дала — нам пожаловала*

(информант — Анна Егоровна Майзерова)⁷.

*Уж мы Феклы не дадим,
да Фекла надо нам самим
по работам по своим*

(информант — Фекла Андреевна Федотова)⁸.

⁵ Мелютина М.Н., Харитоновна Я.Э. Фольклорно-этнографическая экспедиция...

⁶ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 131. Л. 81.

⁷ Там же. Д. 129. Л. 150.

⁸ Там же. Л. 146.

Н.И. Рождественская зафиксировала еще одну лопшеньгскую поговорку: «Зачем бабе грамота, знай прялку, да криво веретено»⁹. При выяснении вопроса о проценте грамотности среди женщин Лопшеньги, мы опирались на сведения об информантах разного социального статуса, записанные Н.И. Рождественской во время ее полевой работы в д. Лопшеньге в 1937–1938 гг. Дата рождения ее собеседниц – конец XIX в. Статистика показала, что из 27 опрошенных женщин 20 человек – неграмотные, 7 человек – грамотные. Первое учреждение образования появилось в Лопшеньге в 1897 г. При церкви во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы была открыта церковно-приходская школа для девочек и мальчиков. На начало XX в. количество обучающихся мальчиков было значительно больше¹⁰.

Обучение грамоте девочек было возможно либо в обеспеченных семьях, где отсутствовала необходимость зарабатывать на хлеб с раннего возраста, либо там, где существовала потребность включения девки в семейную коммерческую деятельность. Об этом свидетельствует биография лопшарки Анны Егоровны Майзеровой: «родилась в бедной семье, но воспитывалась у богатой тетки. Окончив деревенскую школу, торговала в лавке дяди, по торговым делам постоянно ездила с ним к архангельским купцам» [20, с. 218]. К.П. Гемп описала встречу с лопшаркой Варварой Агафеловой (вероятно, Агафоновой. – М. М.), которая рассказала, что, когда была девушкой, с отцом на его двухмачтовой шхуне не раз ходила и на промысел, и в Архангельск, и в Норвегию. В семье Варвары находились лучшие издания Пушкина, Некрасова, Гоголя, три книжки Жюль Верна. В их библиотеке из 43 томов 19 были изданиями Пушкина [12, с. 182, 226]. В 1919 г. в связи с революционными событиями в России ситуация изменилась. В церковно-приходской школе, переименованной в 1917 г. в двухклассное сельское училище при Министерстве народного просвещения, обучались уже 23 мальчика и 24 девочки¹¹.

С возрастом совершеннолетия девушки начался период поиска жениха. Родители старались как можно раньше выдать девку замуж, особенно, если это касалось семей среднего или низкого достатка. Родственники жениха имели право выбора невесты не только по социальному статусу, но и «по душе». «Женихова семья» определяла девушку для замужества и посылала сватов. Решение девки зависело от мнения родителей, поэтому «насильное замужество» было достаточно распространенным явлением до революции. Приведем связанный с предбрачными нормами пример, записанный Н.И. Рождественской от Афимьи Семеновны Майзеровой: «Прежде не спрашивали, когда отдавали. Нас пять голубушек, сестричек, надо какую-то выпихнуть <...>. Женихов мно-

⁹ Там же. Д. 131. Л. 94.

¹⁰ Харитоновая Я.Э. Паспорт деревни Лопшеньга. Ч. I. Архангельск. 2019 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 59. Л. 16.

¹¹ Там же.

го ко мне сваталось. Этот не очень богатый был, а все-таки в семье, около дома жил: семгу ловили на тонях от монастырей и на душах (получены на душевой надел), дом новехонек, только отец у него, да девушка-сестра. А я молодая была, не хотела замуж: семнадцати годов какое замужество! Сват приехал — меня не спрашивали: вино выпили и засватали. А я к старухе (от старухи хотела в работницы куда-нибудь убежать). Забежала, дома не было никого, сунулась под лавку за ящик <...>. Потом отец со сватом пришли “Хочешь — пойдешь, и не хочешь — пойдешь...” <...>. Я в ноги и пала: “Не иду”. — “Вот тебе”, — говорит, — “родительское благословение отныне и до века, а если не пойдешь — не понесет тебя ни земля и ни вода, и будешь ты мною проклята. Собирайся и все” <...>. Меня страх одолел и некуда деваться. <...>. Попадала в ноги, поползала, да отступилась. Поплакала-поплакала и матери пенясть стала: “Что ты вздумала, да поизволила, поизволила, меня обневолила”» [22, с. 40]. Или другое свидетельство лопшарки Елизаветы Васильевны Майзеровой: «Досель ведь родители вольны над своими детьми» [22, с. 66]. Однако не были исключением и такие ситуации, когда девка отвергала женихов и родители принимали это решение. Причиной отказа было, например, нежелание жить в чужой деревне: «Я отказала, в чужу деревню не иду» (информант — М.И. Майзерова)¹². Как правило, позволить такие отказы могли девушки из обеспеченных семей, где не было необходимости выдавать замуж по той причине, что «девка девку топчет, надо сбавлять»¹³.

Приведенные выше примеры и анализ научной литературы, посвященной гендерной оппозиции девка/парень, позволяют сделать вывод, что социальный статус девки, особенного среднего достатка, по отношению к парням был достаточно низким.

Социальный статус девки: родовое отличие и вещественный мир

Н.И. Рождественская отмечает, что в беломорской Лопшеньге традиционные девичьи вечеринки проводились с соблюдением родовой иерархии. «Вот из кореню у нас велось, как тетки, либо матери, на которых местах сидели, на тех и природа, так все из рода в род и шло», — рассказывала Мария Ивановна Майзерова¹⁴. Анна Александровна Петрова уточняет: «За столом на передней лавке — богатые “девки” (из богатого рода. — М. М.), на боковых лавках — бедные девушки. А порой, взрослые женщины показывали девушкам место: “Вот твое место, ты тут и садись”» [20, с. 36]. По свидетельству Олены Романовны Федотовой, «богаче и старше — в вись, победней — ниже» [20, с. 35]. «Ни боже мой, чтобы богачка села ниже»¹⁵.

¹² РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 128. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 16.

¹⁴ Там же. Д. 127. Л. 523.

¹⁵ Там же. Д. 131. Л. 8.

Традиционная схема рассаживания девушек из одной семьи на девичьих вечеринках описана Анной Александровной Петровой (д. Лопшеньга): «У Лукичны было три дочери. Старшая-то сидела на передней [лавке], первая от большого угла (по фасаду дома. — *М. М.*), вторая-то по боковой лавке: это она так уж из чести села, сама, все даки ведь стыдно — и другим хорошее место надо, а третья маленькая была, такие-то у нас еще не сидели. Первая вышла замуж — вторая заняла ее место, а потом третья уж на боковой сидела. И вторая вышла. Третья заняла ее место, опять на передней лавке. <...>. Так если 15–20 девиц на одной бесёдке, мест 10 разбирают — кто куда, а там уж все-равно, концы-саранцы (места в избе около входной двери. — *М. М.*). Вот если гости на бесёдках, хоть из чужой деревни, — сами хоть и богаты, а все ниже сядут, а гостей, хотя и бедны, садили в большой угол, всех посадят»¹⁶. Традиция рассаживания девок по богатству рода на вечеринках была достаточно длительной, завершился этот обычай лишь в послереволюционное время [20, с. 38].

Важным показателем социального статуса девки было приданое. Обязанность хорошо одевать взрослых детей лежала на семье, уклонение от общепринятой нормы вызывало резкое осуждение всей общины. «Разный уровень социально-экономического развития разных областей России, сильное имущественное расслоение отражалось на количестве и качестве молодежной одежды, но повсеместно семья обязана была изготовить или купить традиционные для данной местности и региона необходимые комплекты традиционных праздничных нарядов», — пишет Т.А. Бернштам [4, с. 76]. Это утверждение дополним сведениями о том, что разные территории Поморья также имели неодинаковые экономические условия, что обуславливало различные варианты комплекса предметов приданого девушки, а также его юридической ценности. На трех берегах Белого моря — Онежском, Карельском и Кандалакшском — приданое являлось собственностью женщины до смерти, и при выходе из семьи она могла потребовать его назад [7, с. 100]. На других территориях Белого моря такая традиция не встречается, что можно объяснить менее развитым уровнем торгово-промысловой деятельности и, как следствие, отсутствием необходимости сохранения семейного дохода.

Основную часть приданого составляла девичья одежда. «Не из города брана — от короба» — гласит лопшеньгская поговорка¹⁷. Обязанность по подготовке приданого лежала, прежде всего, на матери девушки. Марфа Ивановна Майзерова рассказывала: «... заборошники вязала из цюжого и из своего — продавала, сережки плела... Все сумела и себе и цюжим. Все знают, что дельна была — ни дню, ни ночи не сыпала...»¹⁸. «Вот и у меня дочери <...>. Сколько в приданое назапасала! Они “клетны пахалки”, взамуж пошли — все

¹⁶ Там же. Л. 7–8.

¹⁷ Там же. Д. 129. Л. 144.

¹⁸ Там же. Д. 127. Л. 38.

у меня ухахали, все унесли»¹⁹ (клеть — маленькая холодная комната, где хранилось девичье приданое).

В изготовлении приданого участвовали и сами девушки, начиная себе готовить его с раннего возраста. Уже в 5–6 лет девочки практиковались в прядении на прялках, вырезанных из щепок. «...по достижении семи лет, когда по народным поверьям, “ум детский развязывался”, их сажали уже за собственные прялки, которые доставались из сундуков для изготовления приданого»²⁰. О подготовке приданого рассказывает Марфа Ивановна Майзерова: «Сукна ткала, да рубахи вязала с узоринами. Ой! Я ведь была мастерица, уж всякие узоры я вязала, пояски ткала. Все про себя готовила: сарафан, и рукава ткала бумажные и рубахи ткала, вышивала подолы уточками да елочками, курушками да петушками. Вязбушки вязбила (способ исполнения узоров путем тканья)²¹ и утиральники затыкала и вышивала. Рукавицы, чулки, все было подготовлено. По воскресеньям робила, и по таким дням, и на вечерках пряла: не все одна делала, и бабушка помогала»²². По свидетельству Клеопатры Петровны Юдиной (урожденной Петровой), в ее приданое входило: «11 пар чулков, 12 пар рукавиц», а рубахи и сарафаны мерялись сундуками — «сундук рубах, сарафанов, полотенца»²³.

В коллекцию музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» поступили предметы, которые, возможно, были частью приданного девушки, — полотенце, подзор, резные прялки (№ 1–4; 18–21 Приложение) [21, с. 252, 254, 498; 17, с. 488]. В состав «короба» обязательно входила нарядная прялка. В традиционной русской культуре прялка предстает в основном девичьим символом. Прялку, исполненную в технике орнаментальной резьбы по дереву, обычно изготавливали или покупали в семье: отец — дочери, брат — сестре и др. Прялка переходила в наследство от матери к дочери или от свекрови к невестке. Особенностью этих прялок было то, что изготавливались они поморами в свободное время на «весновальном промысле» (охота на моржей и тюленей» [16, с. 41]. Начиная со второй половины XIX в. резные прялки нередко расписывались [5]. В Лопшеньге, основном месте изготовления прялок, музеями обнаружены образцы, раскрашенные очень ярко, тщательно и многокрасочно [16, с. 400; 15, с. 133, 134, 137, 142, 150, 160, 162]. По опубликованным материалам известны мастера д. Лопшеньги: Егор Бронников [16, с. 400], Артемий Петрович Петров, Николай Пунанцев, Василий Васильевич Бронников (1897–1983) [15, с. 150, 153, 154], Иван Филиппович Петров, Федор Лукич Репин, Семен Никифорович Федотов [11, с. 253]. После замужества девушки прялка не выходила из употребления, но ее «девичья семиотичность» снижалась [7, с. 24].

¹⁹ Там же. Д. 132. Л. 204.

²⁰ *Логинов К.К.* Научный отчет...

²¹ Комментарий Н.И. Рождественской.

²² РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 132. Л. 204.

²³ Там же. Л. 203.

Хранили приданое в сундуках, в том числе покупных, которые приобретали на ярмарках в Архангельске, Вологде, Онеге и других городах (№ 13–14 Приложения, ил. 1).

Нередким явлением в Лопшеньге была ситуация, когда семья не могла обеспечить девушку полным комплектом приданого и девочки-подростки зарабатывали одежду «для короба», нанимаясь на работу «казачихами» (наемными работницами в семьи жителей своей деревни, окрестных сел или Архангельска). «Хлебом кормят, а платье не заводят (о родителях. — *М. М.*). И я запросилась “Пойду в люди”. По 2 рубля в месяц получала, на сарафан хуж подарят, на чулки шерсти дают, да еще и выступки (самодельная кожаная обувь. — *М.М.*)», — вспоминает бабушка Василиста²⁴.

О социальном статусе девки свидетельствовал и ее костюм. Информацию о девичьей одежде в д. Лопшеньге мы основываем на рассказах лопшарок, что подтверждает их этнографическую точность. Отметим важность такого подхода в связи с тем, что даже в монографических исследованиях [14, с. 65–67] авторы допускают комплектование костюма из предметов разных деревень Архангельской губернии. Микрорегионы Архангельского Севера необычайно разнообразны по своим культурным традициям, и подобные вольности, допускаемые некоторыми исследователями в формировании комплектов, искажают представление об этнографических особенностях девичьей одежды конкретных территорий Архангельской губернии.

В крестьянском социуме положение девушки подчеркивало, прежде всего, праздничное одеяние. Демонстрация одежды, необходимость наряжаться имели в XIX — начале XX в. не столько брачно-символическое значение, сколько социально-престижное. Костюм богатой девушки в д. Лопшеньге состоял из нагрудной одежды, известной под названием «рукава» («рубаха портяна с белыми рукавами»), косоклинного распашного шелкового сарафана-«штофника» с пуговицами «серебряными, решетчатыми»²⁵, парчового «полушубочка» (№ 6 Приложения, ил. 2), девичьей «повязки», изготовленной из парчи (№ 7 Приложения, ил. 3), и «заборосника» (шейного украшения, характерного только для Летнего берега Поморья), который высаживался бисером и цветными камнями (№ 8 Приложения, ил. 4). Вместо «заборосника» надевали и восковы «перла» (несколько рядов крупных янтарных бус), на груди носили крупную цепь с крестом, в косе было две ленты²⁶ — «голуба и зелена»²⁷. По воспоминаниям Павла Степановича Федотова (1927 г.р.), его мама Мария Никифоровна Федотова (1886–

²⁴ Там же. Д. 127. Л. 45.

²⁵ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга. Приморский район Архангельская область, август 1971 г. Полевой дневник. Цифровая копия // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”».

²⁶ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 128. Л. 3.

²⁷ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга.

1971) в праздники носила на руках длинные кружевные перчатки, название которых информант не вспомнил, но описание их сходно с митенками²⁸.

Необходимыми атрибутами праздничного наряда были ювелирные изделия: жемчужные или бисерные серьги (серьжки плелись на «силу» — белом конском волосе)²⁹, серебряные браслеты и кольца.

В собрание музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» в 2020 г. поступили длинные серьги начала XX в., состоящие из позолоченной пластинки в форме сердечка и подвесок из бисера, принадлежавшие Агафье Яковлевне Майзеровой (1907–1995), уроженке д. Лопшеньги (№ 5 Приложения, ил. 5). Серьги поступили от ее внучки, Галины Николаевны Петровой. В поморских деревнях носить такие серьги разрешалось девушкам или молодухам. В Лопшеньге украшения плели искусные местные мастерицы, Александра Калинична Павловская, Фелисада Архиповна Ярыгина, Марфа Ивановна Майзерова³⁰.

По рассказам лопшарки Татьяны Никифоровны Петровой, девушка победнее «в штофнике уж не сиживала, уточкой (танец. — *М. М.*) ходили в кашемирниках, не по родам»³¹. Кашемирники — это сарафаны из тонкой шерсти. Носили девушки и атласные платья. Вместо поясков на голову надевали отдирки (или одирки), на шею — стеклянные бусы. «В штофном-то, когда в поязках», — свидетельствует Надежда Ивановна Майзерова³². «Отдирка — это косынка из красной тафты, сложенная в полоску и завязанная вокруг головы на узел с двумя торчащими концами — “кустышками”», — вспоминает Пелагея Александровна Петрова³³. Особенность кустышек в том, что на Летнем берегу Белого моря, в отличие от Мезенского, Пинежского и других костюмов, они представляют «маленький бантик-узелок». «Какая в поязке, какая в отдирке, кругом кустышки оденем, ленты в косах, хороши были, больши», — свидетельствует Марфа Ивановна Майзерова³⁴. Носили отдирку и молодежи: «В церкви, после того как обвенчают, крестные матери одевают молодой повойник, сверх повойника — отдирку (шелковую или атласную косынку)»³⁵.

В семейном архиве жительницы Лопшеньги Галины Николаевны Петровой сохранилась редкая фотография, на которой изображены три молодые девушки в праздничных нарядах (ил. 6). На головах девушек — отдирки с кустышками. В центре — Агафья Яковлевна Майзерова (1907–1985), бабушка Г.Н. Петровой. Фотография, датируемая 1926 г., сделана участниками архео-

²⁸ Мелютина М.Н., Харитонова Я.Э. Фольклорно-этнографическая экспедиция...

²⁹ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 38.

³¹ Там же. Л. 53–54.

³² Там же. Л. 54.

³³ Мелютина М.Н., Харитонова Я.Э. Фольклорно-этнографическая экспедиция...

³⁴ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 52.

³⁵ Там же. Д. 128. Л. 3.

логической экспедиции под руководством А.Я. Брюсова [2]. Два подлинных головных убора, приобретенных у жительниц д. Лопшеньги Павлы Николаевны Петровой (1911 г.р.) (СГИАПМЗ КП-4730) и Анны Николаевны Майзеровой (1928 г.р.) (СГИАПМЗ КП-4736) хранятся в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника [13, с. 90, 91; 20].

На фотографии А.Я. Майзерова изображена в шелковом платье (ил. 6), что означает, что у нее не было возможности иметь штофный наряд. Таким образом отдирка определяла статус менее обеспеченной девушки. Странным, однако, выглядит использование этого головного убора наряду со штофным нарядом у других девушек. На постановочной фотографии 1977 г. (по нашему предположению, фото сделано участниками экспедиции Пушкинского Дома) лопшарки Анфисья Алексеевна Петрова (слева) и Касина Ивановна Петрова (1916–2001) запечатлены в подобных нарядах (ил. 7). Выскажем предположение, что такой вариант совмещения элементов одежды тоже был возможен, но этот вопрос требует дальнейшего изучения. Отметим, что у девушек на снимке 1926 г. отдирка высокая, имитирующая повязку, а на постановочной фотографии 1977 г. — низкая, вероятно, окружающая женский повойник.

Для хранения украшений девушки заводили шкатулки. В коллекцию музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» поступил ларец-шкатулка (№ 12 Приложения, ил. 8). Подобные предметы встречаются в собраниях разных российских музеев (Краеведческий музей «Поморье» (г. Кемь), Соловецкий морской музей, Калужский объединенный музей-заповедник, Музей народных промыслов и ремесел Приморья, Национальный музей Усть-Ордынского Бурятского округа, Лужский историко-краеведческий музей, Нюксенский районный краеведческий музей, Пинежский краеведческий музей, Шурышкарский районный музейный комплекс и др.)³⁶. Вероятно, подобные шкатулки, которые изготавливались в центральной части Российской империи, приобретались поморами в Архангельске или других городах.

Прагматика повседневности: функционал, специализация занятий, вещественный мир

«В нашей местности лениться — дак с голоду провалиться», — говорила лопшарка Марфа Ивановна Майзерова³⁷. Девушки и женщины Поморья имели совершенно отличный от других районов России статус. При полной патриархальности семьи женщине приходилось выполнять обязанности на равных с мужчинами. Вызвано это суровыми условиями жизни, необходи-

³⁶ См.: Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации. URL: <https://goskatalog.ru/portal> (дата обращения: 01.12.2020).

³⁷ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 38.

мостью мужей уходить на промысел, длившийся несколько месяцев. Девочек воспитывали в трудолюбии, осознании ответственности за будущую семью. Даже в колыбельных песнях звучит тема работы:

По утру рано вставать — на работу отправлять.

Первая работка — овин молотить,

*Друга работа — по гуменушку ходить*³⁸.

Девушку в невесту выбирали трудолюбивую. Уроженка Лопшеньги Сусанна Петровна Майзерова так описывает выбор девки для замужества: «Эта девка хороша, из себя становита и будет хозяйка, может и на тони, и на пожнях, и на лошади, и попрясть, и поткать, и все. <...> Девка-то хороша, умственна, да и Прасковья — говорят, — хороша девка, только не мастероваты к сижачему: пошить-поткать не могут, а обредиться (обрядиться, ухаживать за скотом. — М. М.), либо на пожнях, на тони, — говорят, — бойки» [20, с. 33]. «Ой, девка, у тебя ручки, как гудочки», — хвалили Марию Ивановну Майзерову (информант — Г.Ф. Юшманова)³⁹. Ценили девушек умных. По рассказам лопшаря Ильи Семеновича Майзерова, «пушай она корява, плохенька, а чтобы умна» [20, с. 35]. Сравнивали девок по деловым качествам и из разных деревень. По оценке Сусанны Петровны Майзеровой, «в Дураково девки вольноваты, не столь хозяйственны» [20, с. 33].

Поморки всегда отличались опрятностью: «Вот я любила, чтобы был порядок, с детства. Мать научила», — рассказывает Алефтина Петровна Федотова⁴⁰.

Основной доход поморскому населению северной части Онежского полуострова в XIX — первой трети XX в. приносили занятия морским зверобойным промыслом и морским рыболовством. Земледелие, скотоводство, пресноводное рыболовство, домашние ремесла были подсобными. Несмотря на суровые природные условия для ведения сельского хозяйства, здесь существовало зерновое земледелие, полноценно функционировало животноводство со стойловым содержанием скота зимой и выпасом в лесу летом. Местные домашние ремесла обеспечивали население необходимыми транспортными средствами, крестьянскими орудиями труда, одеждой и обувью. Недостающие промышленные товары и продукты покупались на вырученные от морских (рыбного и зверобойного) промыслов деньги⁴¹.

Женские трудовые обряды охватывали в совокупности все сферы хозяйственной деятельности и жизненного благополучия общины. Особенностью рыбного промысла было участие в нем женщин, занимавшихся подтягиванием невода на тони. Девушки сидели на юрке — деревянном помосте для подтягивания тяглого невода, который располагался в море на каменистой

³⁸ Там же. Д. 129. Л. 146.

³⁹ Мелютина М.Н., Харитонова Я.Э. Фольклорно-этнографическая экспедиция...

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Логинов К.К. Научный отчет...

отмели, и во время простоя – «сидения» – вышивали, вязали. «Сидим, вышиваешьшко какое-то было», – рассказывает Сусанна Петровна Майзерова [20, с. 45]. В текстах причитаний невесты также звучат слова о тяжелом рыбацком труде девушек.

С Егория до Покрова девок нанимали на сельские работы⁴². Земледелием занимались преимущественно взрослые женщины, поэтому в обязанности девушек входили аграрные работы, связанные с обработкой зерна (например, молотья, сушка в гумне и на овине). Девки принимали участие и в работе на пожнях: «Мы ходили пожни чистили – в суземок – верст за 15», – вспоминает свою девическую пору Марфа Ивановна Майзерова [20, с. 39, 40, 41]. На женщине также лежала забота и о скоте. В рассказах лопшарок обряжанье скота встречается довольно часто. Эта работа выполнялась девками в полном объеме за исключением лишь магических практик (заговоры на первый выгон скота, болезни и др.), которыми занимались «знающие» женщины.

Одной из важных функций девки было участие в процессе прядения на всех четырех этапах: чесания, дерганья (вытягивания длинной пряди), сучения (кручения нити) и наматывания пряжи. В прядении традиционно принимали участие все женщины, включая девушек, старух и даже девочек. Работа эта производилась в период осеннего поста (филипповского – рождественского), а отдельные работы продолжались до посевных работ. Это был трудоемкий процесс. Для прядения 16 кг кудели пряже нужно было работать в течение 40 суток [7, с. 14].

На территории Онежского полуострова лен не выращивали из-за слишком холодного лета и короткого вегетационного периода. Приходилось покупать льнотресту, обрабатывать ее (трепать, мять, вычесывать, мыть в бане) и прядть в зимний период нитки, чтобы ткать на деревянных станках (станах) плотно и шить повседневную и рабочую одежду. Жители Лопшеньги покупали льняную кудель в Архангельске⁴³ (информант – Г.Н. Петрова). Девки занимались и вышиванием [9], нити также закупались готовыми или окрашивались в домашних условиях луковой шелухой в коричневый цвет, подмаренником в желтый, клюквой в красный, железным купоросом в черный и т.д.⁴⁴ Более доступными были шерстяные нити, т.к. сами выращивали овец, стригли, мыли и сушили шерсть, вычесывали («чипали») с помощью двух щеток («чипах») прямоугольной формы с деревянными ручками и набитыми на рабочую часть металлическими стержнями. Толстые шерстяные нити шли на изготовление вязаных изделий и одежды, тонкие нитки использовали для шерстяных и полушерстяных тканей. В осенний период девушки наряду с

⁴² Полевые материалы, собранные Бернштам Т.А. в Поморье в разные годы // Архив Института этнографии АН СССР. Ф. 874. К-1. Оп. 2. Л. 58.

⁴³ Мелютин М.Н., Харитонова Я.Э. Фольклорно-этнографическая экспедиция...

⁴⁴ Логинов К.К. Научный отчет...

женщинами занимались этим «шерстяным производством». Конопля в условиях Поморья выращивалась, но из нее можно было сделать лишь грубые нитки, которые годились лишь на выработку одежды, защищающей повседневную одежду от загрязнения на тяжелых и грязных работах.

Сбор лесных ягод тоже входил в обязанности девушек. «Девушкой жила – подружки у меня были: Дарья, Клавдия да Поля. В лесу собирали все. Там крутые угоры, черная ягода-вороница росла, брусника, голубель, морошки много на радах (болотистое место с красным мхом. – *М. М.*) растет. Ручки-грабилки⁴⁵, да короба-корзинки ягодные возьмем. Ходили обыденкой, ходили и на ночь: хлеб с собой забирали, шаньги, творог», – делится воспоминаниями Анна Егоровна Майзерова [22, с. 44]. Собирали землянику, «костреннику, черемху, гажут ягоды черные и красные. На Соловки, на Жижгин ездили за сихой»⁴⁶. Существовали и свои особые обозначения ягод, например, клюкву называли «жаровицей»⁴⁷: «О само море наволочки (мыс. – *М. М.*) жаровисны» [20, с. 40]. Занимались девушки и сбором водорослей по морскому побережью.

Жители поморских поселений на Летнем берегу Белого моря были менее зажиточными, чем в деревнях других берегов, например Поморского, и трудовые обязанности девок здесь были более объемными. Исследователь Л.В. Костиков писал в 1910 г.: «Вернувшись в Кемь, мы проехали вдоль всего Поморья до Онеги, посетив Сороку, Сухоноволицкую, Вирму, Сумской посад, Колежму, Нюхчу, Кумерецкую и Ворзогоры. В этих местах все мужское население летом уходит на Мурманские промыслы, так как во всех селениях от Кеми до Нюхчи занимаются исключительно рыбными промыслами, причем летом промышленяют на Мурманском берегу, а осенью и зимой – ловят сельдей в Сорокской губе. Эта часть Поморья наиболее зажиточная и, в противоположность Летнему берегу, женщины здесь находятся в почете и занимаются исключительно домашним хозяйством» [23, с. 325].

Предбрачный устав: молодежные бесёдки и вечёрки

Традиционно в крестьянской семье родители строго придерживались обычая выдавать дочерей по старшинству. Дочь-невеста имела преимущества перед другими сестрами, еще не вошедшими в возраст совершеннолетия, старшая «невеста» – перед младшей: ей полагались лучшие наряды, чаще разрешалось гулять в трудовые будни (иногда она даже освобождалась от тяжелой работы). Младшая сестра обычно донашивала ее обноски; если же сестры находились в хороводе, то младшая не имела права заговаривать с парнями [4, с. 97]. «Девки немного баловали, знали, что впереди их ожидает тяжелый труд и не нагружали, берегли и холили. Но они всегда помогали во всем», –

⁴⁵ № 15–17 Приложения, ил. 9.

⁴⁶ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга.

⁴⁷ Там же.

вспоминает рассказы бабушки Галина Фадеевна Юшманова⁴⁸. Лопшеньгская поговорка «При солнышке тепло, при матери добро», девичьи предсвадебные песни «Прощай вольное житье» являются свидетельствами воспоминаний о тепле родительского дома.

Вступая в возраст совершеннолетия, девушка приобретала право участия в гуляньях и собраниях молодежи. Одной из форм, которые регламентировали продолжение рода, были молодежные бесёдки (дневные собрания, куда приходили и женщины «на бесёдку посмотреть», указать, т.к. «на бесёдках по житью сидели») и вечеринки, называвшиеся вечёрками, на которых собиралась группа неженатой молодежи, состоящей из девушек-невест и парней-женихов. «Бесёдка отошла, в тот же день вечёрка. В той же избе с делами сели: хто вышивать, хто возбить, кто цем занимается», — рассказывает Марфа Ивановна Майзерова⁴⁹. Молодежь на бесёдах в Лопшеньге предпочитала ходить «уточкой» (движение под песню парами, которые расходятся и вновь сходятся) под песню «Во лужках Васю имали» [22, с. 13]. Сусанна Петровна Майзерова так описывает этот танец: «Вот я подошла к Гавриле, платочек подавала беленькой, мы с подружкой пошли, с Афанасеей, она тоже с платочком к цюжестранному. Они за платочки взялись мы четверо и опять пошли уточкой. Вот и ходили — походили, песню спели всю, какую поют “У Гурьевых у ворот”»⁵⁰.

Вот как организовывались вечёрки в Посаде Луда. Осенью (с 8 сентября) молодежь — девицы и парни — собирались на вечеринки начиная с 6 часов и до 3 часов утра ежедневно, кроме вечеров под воскресенье и праздничные дни. Для вечеринок нанимали особую избу на всю зиму, до Великого Поста, и платили от 50 копеек до 1 рубля с человека за сезон, а девицы, кроме того, по полону дров и по житнику для хозяев избы, каковыми всегда почти являлись вдовы или старушки, затем девицы же покупали лампы и керосин, а иногда и свечи для освещения [23, с. 345]. В Лопшеньге стоимость аренды избы была значительно ниже — 20–25 копеек⁵¹, сидели при лучине, а не при керосиновой лампе, «на бесёдках выпоем деньги виноградиями, денег наотдадут мужики, вот за день и отдаем деньги, <...>, все отдаем, себе не брали», — вспоминает Наталья Никитична Агафонова⁵². В Лопшеньге вечеринки были с Покрова до Великого Заговенья (последний день перед Великим постом).

Рассказы лопшарки Надежды Ивановны Майзеровой о вечеринках уточняют содержание молодежного вечера: «Десять зим у меня просидели, дети были малые, ростила детей, десять зим выдержала. И по четыре вечёрки и по три бывали в деревне. У меня человек по двадцать сидело. Сперва еще с

⁴⁸ Мелютин М.Н., Харитонов Я.Э. Фольклорно-этнографическая экспедиция...

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 128. Л. 17.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Д. 127. Л. 55.

⁵² Там же.

лучиной девки за работой: кто шил, кто вязал, кто куделю пряд. <...>. Парни придут и начнут плясать. Ранние-то годы девицы “уточкой” ходили, а потом не стали уж, завертелись, закужились в кадрили. Сидели до ночи, я тоже с ними, пока не уйдут. <...>. Прежде-то протяжных песен много на вечерках пели, споют и прибауточки (частушки. – *Н. Р.*), да опять длинные. Вот из чужих деревень приедут гости, заперешептываются девушки: “Надо виноградь спеть”» [22, с. 78].

Виноградь является исключительно достоянием Русского Севера. Обряд с пением виноградь являлся составной частью обхода дворов зимнего календарного цикла. По мнению Т.А. Бернштам, основная функция виноградь теснейшим образом связана с обрядовой жизнью определенной половозрастной группы неженатой молодежи. Роль женских коллективов, прежде всего девичьей возрастной группы, исполнявших виноградь во время «припевания женихов и невест», обусловила переход этих песен из календарной святочной обрядности в свадебную [10, с. 18].

Были и особые вечеринки по престольным праздникам Лопшеньги: «В деревне по три беседки враз. Введение – три дня, Рождество – 2 дня, в Крещение, в Филипповки – по два дня» [22, с. 79]. Во время поста, когда нельзя было петь песни, на вечеринках рассказывали сказки [20, с. 12]. Матвей Осеевич Майзеров на девичьих вечерках сказывал сказки «Про ступу-самоходку», «Горыня. Усыня и Майдан» [20, с. 21].

Прекратились вечерки и бесёдки около 1932 г., порядок рассаживания девушек «по богатству» («как из славного житья – перво место наладят. Богате и постарше здесь, а победнее – ниже передняя лавка»⁵³) – на несколько лет раньше [20, с. 207]. «Последние годы тут уж мест не разбирали, кто куда тяпнет, тут и ладно. Клубы стали заводить; какой надь на вечеринку, а какой надь в клуб, заотставали и заотставали», – рассказывает Надежда Михайловна Майзерова⁵⁴.

Предбрачный устав, молодежные гулянья

Традиционная праздничная обрядность жителей Лопшеньги связана с православным календарем. Главными праздниками поселения были Вознесение Господне, Троица, Кириллова память, Преображение, Филипьев день, Петров день. На праздники Вознесение и Кириллова память устраивались гулянья на горе. В Петров день они заканчивались.

В праздничные дни нарядно одетые девушки собирались на горке за д. Лопшеньгой [22, с. 11]. В Лопшеньге место гуляний – Сальная (Салья, Сальня) гора. По рассказам Касины Ивановны Петровой, эта гора называлась так, потому что здесь грели сало и кипятили в котлах. «Вот Салья гора и прозвалась так век», – добавляет К.И. Петрова [11, с. 250]. «Вот и выйдем на

⁵³ Там же. Л. 53.

⁵⁴ Там же. Л. 54.

гору в веселые дни солннопечные (наша-то молодость была). Полушубочки светят, хазы светят, повязка на голове светит. Да в хороший день солннопечной, на горе на высокой — дак любо, прямо любо! Все светом светит, так и золотится как солнышко. Гора колеблется от людей-то, кто смотрит. И чу-жеволостные съезжались отовсюду: из-за Губы (Унской губы), из Яреньги, из-за Дуракова, из Поречья. А мы поем, ходим кружимся да наперекрест с песнями. Красивые песни все девушки пели, которые гуляли. Как-тихое-то время — хорошо, далеко песни слышно», — описывает гулянья Елизавета Васильевна Майзерова [22, с. 79]. «Девоч своих тоже на хороши хороводы выводили. Яреньгски в Лопшеньгу завсегда выводили, там женихов поболе было», — рассказывала жительница Яреньги М. Кологриева Ксении Петровне Гемп [12, с. 69]. В каждой приморской деревне пространство для гуляний было свое, особое, выбор места зависел от ландшафтных особенностей (например, девушки-лудянки гуляли на лужайке близ домов, нижмозерки — на мосту в Нижмозере и т.д.) [22, с. 11].

В Лопшеньге были регламентированы правила выхода девушек на гулянье: «Мы серестенки (середка деревни живем) и выходили первы на гору, мы вот прям под горой этот-то жили. Я передом, Лизавета передом, Федосья. А к нам и наприлипат после: придут из Кукуя конца кукуштянки, потом конестянки, вот и тоже прильнут к нам, вот и заходим, и заиграем»⁵⁵.

В Беломорских селениях веками существовал танец — «тихой круг». Девушки становились одна за другой по кругу. Затем, держась за платки, начинали медленно («тихо») передвигаться «по солнцу» с песнями. Отсюда произошло и название круга. В некоторых селениях по Онежскому берегу впереди шли старухи-песенницы, по Летнему берегу — молодницы-первогодки. «А что на кругах — хоть нужна, хоть богата, перьва — ежли голос проносной» [22, с. 11].

Татьяна Никифоровна Петрова рассказывает о девичьих гулянках: «В праздничную пору народу собиралось. Первый круг на 3 конца, потом стенками, потом пойдут улицей, четвертая игра на 3 круга: один круг девицы, другой — молодцы, еще на перекрес ходили»⁵⁶.

Гулянья в Лопшеньге живописно изобразил и писатель М.М. Пришвин: «Повыше этого дома, на самой вершине угора, девушки водят хоровод, поют песни, сверкают золотистыми, блестящими одеждами. Совсем как на картинках, где изображают яркими красками древнюю Русь, какую никто никогда не видел и не верит, что она такая. Как в сказках, которые я записываю здесь со слов народа. Наверху мелькают девушки своими белыми плечами, золотыми шубейками и высокими повязками» [18, с. 157] (ил. 10).

Только в «тихом кругу» исполнялись круговые песни об отнositельно свободной жизни девушки в родном доме (при описании девичьих хоро-

⁵⁵ Там же. Л. 52.

⁵⁶ Там же. Л. 58.

водов поэтически изображается русская природа, расцветшая весной), а также о бесправном положении женщины и ее протесте против семейного гнета. Танец «тихий круг» дожил до первых лет советской власти [22, с. 11]. По свидетельству Н.И. Рождественской, обрядовые круги прекратились в 1930-х гг. в связи с отмиранием церковных праздников и появлением клубов [20, с. 207].

Молодежные гулянья были универсальной формой «переходных обрядов» (Т.А. Бернштам) от ритуально-игрового уровня к семейному и повседневно-трудовому укладу жизни.

Граница периода девичества совпадала с временем перехода девки в статус невесты. Этот ритуал проявляется в девичьих причитаниях, где слиты два мотива — сожаление об уходящем девичестве и страх перед новой жизнью. «Все прошло у меня да прокатилосе. Девье вольное житье беспечальное», — эти слова пропеваает невеста своим подругам [22, с. 45] (ил. 11).

В причитании невесты, которое исполнила Анна Егоровна Майзерова, через образное описание девичьего и женского головных уборов подчеркивается контраст жизни девушки и взрослой женщины-жёнки:

На ваших буйных веселых на головах

Золотятся — цветут красы дорогие (повязка — старинный девичий головной убор, символизирующий девичью волю. — Н. Р.).

Уж надвигается на меня, лебедь белую,

Уж распроклятая да бабья старость (образ повойника, который носят только женщины. — Н.Р.)! [22, с. 46].

Проведенное нами исследование позволило анализировать концепт «поморская девка» не только в контексте жизни человека на морском побережье, но и через опыт, эмоции, чувства конкретных личностей. Работа, основанная на автобиографических рассказах, позволяет смоделировать феномен социокультурного статуса девушки конкретной поморской микротерритории — д. Лопшеньги. Анализ социального статуса (возраст, имущественное положение, грамотность); прагматики повседневности (функционал, специализация занятий, вещественный мир) девки, проживающей в Лопшеньге, является социальным «следом» территории с относительно невысокой промысловой интенсивностью по отношению к селениям других берегов. Это оказало влияние на то, что общепринятые правила поморского домоустройства здесь имеют свои особенности, т.к. по справедливому замечанию Я.Я. Рогинского «человек формируется не только каждой эпохой, но и каждой этнокультурной ситуацией» [19, с. 46]. Исследований, характеризующих особенности социокультурного статуса девушек, проживавших в конкретных поселениях Летнего и других берегов Белого моря, в научной библиографии мы не обнаружили. К исключительным материалам, в которых описан девичий костюм, относится работа, посвященная одежде русских кемского Поморья [24]. Слабая изученность этого вопроса осложняет анализ концепта «поморская девка» методом сравнительной этнографии.

Представленное исследование имеет и прагматическое содержание — образ девки и ее вещественный мир будет представлен в музейном зале «Дом на восьми ветрах» в визит-центре Национального парка «Онежское Поморье» в д. Лопшеньге.

Приложение

Каталог предметов конца XIX — середины XX века «Вещественный мир девки из деревни Лопшеньги» (музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» и частные собрания)

I. ТЕКСТИЛЬ

1. Полотенце. ОП КП—458

Начало XX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельской губ.

236,0 × 28,3 см.

Холст, ситец, кружево х/б. Техника: ткачество, шитье на руках.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. от Г.Н. Петровой. Принадлежало Агафье Яковлевне Майзеровой (1907–1985). Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2018 г.

Реставрация: Г.А. Григорьева (Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 2019 г.).

Публикации: *Рыжкова М.Г.* Коллекция текстиля конца XIX — середины XX века в собрании музейного фонда «Онежское Поморье» // Кенозерские чтения — 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 252, 498.

2. Полотенце. ОП КП—1200

1920–1930-е гг.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. Северного края.

29,5 × 244 см.

Холст, х/б нитки. Техника: ткачество, вышивка, вязание крючком кружева, шитье на руках.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из г. Архангельска в 2021 г. от Н.С. Долгодворовой. Ранее собственность Т.П. Федоровой, внучки Ф.А. Ярыгиной. Принадлежало Фелицате Архиповне Ярыгиной (1889–1978), жительнице д. Лопшеньги. Содержит инициалы: Л.Я. (было изготовлено для Лидии Григорьевны Ярыгиной (1926–1981) — дочери Ф.А. Ярыгиной). Передано М.Г. Рыжковой.

Публикации: *Рыжкова М.Г.* Коллекция текстиля Летнего берега Белого моря в музеях Архангельской области // Кенозерские чтения — 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 339.

3. Конец полотенца. ОП КП—1057

Середина XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл.
39,8 × 32,7 см.

Холст, х/б ткань. Техника: ткачество, шитье на руках, на машинке,

кружево (вязание крючком), вышивка гладью.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от Л.М. Желтовой (1962 г.р.), жительницы г. Архангельска. Принадлежал Анне Федоровне Лысковой (1910–1980), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2020 г.

Публикации: *Рыжкова М.Г.* Коллекция текстиля Летнего берега Белого моря в музеях Архангельской области // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2021. С. 339.

4. Подзор. ОП КП–652

Начало XX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельской губ.

28,5 × 152 см.

Холст, нить. Техника: шитье на руках, шитье на машинке, вышивка (перевитью по выдернутому полотну), вязание крючком.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. от К.А. Федотовой. Принадлежал Авдотье Михайловне Майзеровой (1902–1981), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

Публикации: *Рыжкова М.Г.* Коллекция текстиля конца XIX – середины XX века в собрании музейного фонда «Онежское Поморье» // Кено-

зерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 254, 498.

5. Серьги. ОП КП–1132/а/б

Начало XX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельской губ.

12 × 3,4 × 0,9 см сережка правая (а);
12,0 × 3,4 × 1,0 см сережка левая (б).

Бисер, леска, металл. Техника: штамповка, низание матовым бисером, сборка. Длинные, ажурные, двухрядные. Узор подвесок – цепь овалов, скрепленных узорными линиями с боковых сторон и посередине. Швензы украшены металлическими пластинками в виде сердечек, поверх которых укреплены бисерные нити. На швензах стоит клеймо «1890. 84. С.С.».

Поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от Г.Н. Петровой. Принадлежали Агафье Яковлевне Майзеровой (1907–1985), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2020 г. (см. ил. 5).

6. Коротёна-«полушубочек»

XIX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельской губ.

Длина (полочки) – 46 см, длина по верхнему краю – 95 см, длина по низу – 146 см.

Шелковая ткань с брошированным узором, позумент, цветной ситец, бумага. По золотисто-бежевому, коричнево-му и белому с отливом фону броширован растительный орнамент с золотными нитями. Техника: шитье на руках, ткачество фабричное.

Частное собрание Татьяны Ивановны Серухиной, д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. (см. ил. 2).

7. **Повязка**

XIX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельской губ.

25 × 95 см.

Ситец, тафта, тесьма х/б, атласная, галун, бахрама золотная, плашки перламутровые, бисер, бусины, фольга. Техника: шитье на руках, ткачество фабричное.

Частное собрание Татьяны Ивановны Серухиной, д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. (см. ил. 3).

8. **Заборосник**

XIX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельской губ.

21 × 24 см.

Бель, ситец, ленты атласные, бисер, запоны металлические, шнур золотной. Техника: шитье на руках, ткачество фабричное. Шит бисером, украшен пятью металлическими запонами со стеклянными прозрачными и красными вставками, оконтурен митурной нитью. Завязки из тесьмы малинового цвета.

Частное собрание Т.И. Серухиной, д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл.

9. **Шаль.** ОП КП–753

I-я пол. XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл.

91,0 × 90,5 см, длина кистей – 20,0 см.

Х/б полотно, набойка, фабричное производство.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. от К.А. Федотовой, жительницы д. Лопшеньги. Принадлежала Авдотье Михайловне Майзеровой (1902–1981), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

10. **Шаль «рипсовая».** Фрагмент. ОП КП–1056

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл.

76,5 × 76,7 см.

Ткань полушелковая, жаккардовое ткачество.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от Л.М. Желтовой, жительницы г. Архангельска. Принадлежала Анне Федоровне Лысковой (1910–1980), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2020 г.

11. **Платок.** ОП КП–1201

Конец XIX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельская губ.

104,0 × 90,0 см.

Ситец, краска. Техника: печать, фабричное производство. «Товарищество мануфактур Барановых» Владимирской губ.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из г. Архангельска в 2021 г. от

Н.С. Долгодворовой. Ранее собственностью Т.П. Федотовой, внучки Ф.А. Ярыгиной. Принадлежал Фелицате Архиповне Ярыгиной (1889–1978), жительнице д. Лопшеньги. Передан М.Г. Рыжковой.

Публикации: *Рыжкова М.Г.* Коллекция текстиля Летнего берега Белого моря в музеях Архангельской области // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2021. С. 341.

II. ДЕРЕВО

12. Шкатулка. ОП КП–861

Начало XX в.

Место создания: Российская империя.

7,8 × 22,0 × 15,3 см.

Дерево, металл, бумага. Столярная работа, обивка.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. Находилась в административном здании МО «Лопшеньгское», передана Э.А. Федотовой, д. Лопшеньга.

Реставрация: Ю.В. Мелютин (Архангельск, 2020 г.) (см. ил. 8).

13. Сундук. ОП КП–530

Начало XX в.

Место создания: г. Великий Устюг, Вологодская губ.

36,7/64,5 × 43,7 см.

Дерево, металл, масло, столярная работа, ковка, роспись.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. от А.Н. Майзерова, жителя д. Лопшеньги.

Принадлежал Федоре Ильиничне Петровой (1899–1980), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2018 г.

Реставрация: Ю.В. Мелютин (г. Архангельск, 2019 г.) (см. ил. 1).

14. Сундук. ОП КП–706

Начало XX в.

Место создания: г. Великий Устюг, Вологодская губ.

33,5 × 65,5 × 45,0 см.

Дерево, металл, масло, столярная работа, ковка, роспись.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. от Л.А. Кобылянской, жительницы д. Лопшеньги. Принадлежал Автоному Кирилловичу (1922–1991) и Анне Матвеевне (1922–2011) Поздеевым, жителям д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

15. Грабилка («ручка»). ОП КП–539 1960 г.

Место бытования: д. Лопшеньга, Приморский р-н, Архангельская обл.
8,2 × 36,8 × 14,7 см.

Дерево. Контурная резьба. У основания зубцов вырезана надпись: «М 19 К. 60. г. Ф».

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. от А.Н. Майзерова, жителя д. Лопшеньги. Принадлежала Федоре Ильиничне Петровой (1899–1980), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2018 г.

Реставрация: Ю.В. Мелютин (г. Архангельск, 2019 г.).

16. **Грабилка («ручка»)**. ОП КП–724
Середина XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга,
Приморский р-н, Архангельская обл.
38,0 × 15,3 × 7,2 см.

*Дерево. Трехгранновымчатая, кон-
турная, сквозная резьба.*

Поступила в музейный фонд На-
ционального парка «Онежское По-
морье» из д. Лопшеньги Приморского
р-на Архангельской обл. в 2019 г. от
П.А. Петровой, жительницы д. Лоп-
шеньги. Принадлежала Пелагее Алек-
сандровне Петровой (1934 г.р.), жи-
тельнице д. Лопшеньги. Экспедиция
М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой,
2019 г.

17. **Грабилка («ручка»)**. ОП КП–64
1-я пол. XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга,
Приморский р-н, Архангельская обл.
36,0 × 15,5 × 5,6 см.

*Трехгранновымчатая, контурная,
сквозная резьба.*

Поступила в музейный фонд На-
ционального парка «Онежское По-
морье» из д. Лопшеньги Приморского
р-на Архангельской обл. в 2020 г. от
В.В. Федотовой, жительницы д. Лоп-
шеньги. Принадлежала Таисии Андре-
евне Павловской (1904 (?) – 1987), жи-
тельнице д. Лопшеньги. Экспедиция
А.И. Анциферовой, 2020 г. (см. рис. 9).

18. **Прялка**. ОП КП–528

Начало XX в.

Место бытования: с. Лопшенг-
ское, Архангельский уезд, Архангель-
ская губ.

*Дерево. Трехгранновымчатая, кон-
турная, сквозная резьба, токарная рабо-
та, окраска.*

96,2 × 13,6 × 56,0 см

Поступила в музейный фонд На-
ционального парка «Онежское Помо-
рье» из д. Лопшеньги Приморского
р-на Архангельской обл. в 2018 г. от
Майзерова Александра Николаевича
(1963 г.р.), жителя д. Лопшеньги.
Принадлежала Федоре Ильиничне
Петровой (1899–1980), жительнице
д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Ме-
лютиной, Я.Э. Харитоновой, 2018 г.

19. **Прялка**. ОП КП–519

1894 г.

Место бытования: с. Лопшенг-
ское, Архангельский уезд, Архангель-
ская губ.

97,4 × 15,3 × 66,0 см.

*Дерево. Трехгранновымчатая, кон-
турная, сквозная резьба, токарная ра-
бота. На внутренней стороне лопасти
вырезано клеймо «КМИ 1894».*

Поступила в музейный фонд На-
ционального парка «Онежское По-
морье» из д. Лопшеньги Приморско-
го района Архангельской области в
2018 г. от А.М. Дмитриевой, житель-
ницы г. Северодвинска. Принадле-
жал Сусань Филипповне Федотовой
(1911–1993), жительнице д. Лопшень-
ги. Экспедиция М.Н. Мелютиной,
Я.Э. Харитоновой, 2018 г.

Реставрация: Ю.В. Мелютин
(г. Архангельск, 2019 г.).

Публикации: *Мелютина М.Н.* За-
бытая экспедиция 1930-х годов по
изучению этнографии Лопшеньги в
современном экспозиционном кон-
тексте // Кенозерские чтения – 2019.
Гражданские инициативы в заповед-
ном укладе. Архангельск, 2019. С. 488.

20. **Прялка**. ОП КП–518

Начало XX в.

Место бытования: с. Лопшенгское, Архангельский уезд, Архангельская губ.

101,0 × 60,0 × 16,5 см.

Дерево. Трехгранновьемчатая, контурная, сквозная резьба, токарная работа, окраска.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. от А.М. Дмитриевой (1960 г.р.), жительницы г. Северодвинска. Принадлежала Сусанье Филипповне Федотовой (1911–1993), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2018 г.

Реставрация: Ю.В. Мелютин (г. Архангельск, 2019 г.).

Публикации: *Мелютина М.Н.* Забытая экспедиция 1930-х годов по изучению этнографии Лопшеньги в

современном экспозиционном контексте // Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 488.

21. **Прялка.** ОП КП–762

XIX в.

Место бытования: с. Лопшенгское, Архангельский уезд, Архангельская губ.

94,0 × 60,3 × 12,1 см.

Дерево. Трехгранновьемчатая, контурная резьба, токарная работа, окраска.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Обнаружена в окрестностях д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

Список литературы

1. *Адоньева С.Б.* Девка – молодуха – большуха – старуха: о ритуальной функции женщины в русской традиции // Живая старина. 1998. № 1. С. 26–28.
2. *Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.* Северные археологические экспедиции 1925–1929 гг. (по материалам отдела письменных источников ГИМ) // Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований. Архангельск, 2022. С. 123–143.
3. *Бернштам Т.А.* Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. Л., 1978. С. 48–71.
4. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
5. *Бернштам Т.А.* Об одной художественной традиции на Архангельском Севере в XVIII–XIX вв. // Советская этнография. 1965. № 3. С. 132.
6. *Бернштам Т.А.* Половой символизм в традиционной культуре восточных славян // Радловские чтения – 2006. СПб., 2006. С. 228–230.
7. *Бернштам Т.А.* Прялка в символическом контексте культуры (по русским памятникам в музеях) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 14–43. (Сборник МАЭ. Т. 45)
8. *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: этнографические очерки. Л., 1983.

-
-
9. *Бернитам Т.А.* «Хитро-мудро рукодельнице»: (вышивание-шитье в символизме девичьего совершеннлетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. СПб., 1999. С. 191–250. (Сборник МАЭ. Т. 47)
10. *Бернитам Т.А., Лапин В.А.* Виноградье – песня и обряд // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 3–109.
11. *Ведерникова Н.М., Никитина С.Е.* Соловки в памяти поморов (по материалам экспедиций в Поморье). М., 2014.
12. *Гепп К.П.* Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983.
13. *Григорьева Г.А.* Головные уборы Русского Севера. М., 2018.
14. *Кислуха Л.Ф.* Народный костюм Русского Севера XIX – начала XX века в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2006.
15. *Кондратьева В.Г.* Резное дерево Поморья. Каталог: [в собрании четырех музеев Архангельской области]. М., 2014.
16. *Мальцев Н.В.* Народное искусство Северного Поморья // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук. Архангельск, 2011. С. 32–44.
17. *Мелютина М.Н.* «Забывтая» экспедиция 1930-х годов по этнографии Лопшеньги в современном экспозиционном контексте // Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 212–224, 485–489.
18. *Пришвин М.М.* За волшебным коlobком. М., 1984.
19. *Рогинский Я.Я.* Современные проблемы антропогенеза. М., 1969.
20. *Рождественская Н.И.* Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941.
21. *Рыжкова М.Г.* Коллекция текстиля «Онежского Поморья» конца XIX – середины XX века в собрании музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» // Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 249–261.
22. У Белого моря. Народные песни и сказы / сост. Н. Рождественская. Архангельск, 1958.
23. *Шангина И.И.* Материалы по этнографии поморов Летнего и Онежского берегов в собрании Российского этнографического музея // Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 306–350.
24. *Яскеляйнен Е.И.* Народный костюм русских Кемского Поморья XIX – первой половины XX вв. в коллекции музея «Кижы» // Кижский вестник. № 8. Петрозаводск, 2003. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/vestnik-8/301.html> (дата обращения: 01.12.2020).

Фасадные росписи крестьянских домов Поонежья

Мильчик Михаил Исаевич – кандидат искусствоведения, член Союза архитекторов России, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт теории, истории архитектуры и градостроительства; miltchik@mail.ru
Шевелева Елизавета Владимировна – искусствовед, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный институт культуры; elizaveta.sheveleva@gmail.com

В статье обобщаются материалы экспедиции по изучению домовых росписей, проведенной авторами в 2003–2005 гг. в бассейне р. Онеги, в том числе в Кенозерье. Были выявлены 64 дома с фасадными росписями разной степени сохранности. Среди них 31 дом имел точные даты постройки или росписи. Время распространения росписей в регионе – вторая половина XIX – первая четверть XX в. В статье приводится типология росписей на различных частях фасадов домов. Неотложной задачей является проведение полной фиксации выявленных памятников и выработка мер по их сохранению.

Ключевые слова: народное искусство, домовые росписи, фронтоны, балконы, резьба, наличники, Поонежье, Кенозерье, Каргопольский уезд.

The painting of peasant houses in the area around the Onega River

Milchik Mikhail I. – PhD (History of Arts), member of the Russian Association of Architects, leading research associate, Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning; miltchik@mail.ru
Sheveleva Elizaveta V. – art historian, senior lecturer, Saint Petersburg State Institute of Culture; elizaveta.sheveleva@gmail.com

The paper summarizes the materials of the 2003–2005 expedition that explored the wall murals and art in the basin of the Onega River and its constituent part, Kenozero. A total of 64 houses were discovered that had facade paintings of various degree of preservation, of which 31 bore the date of painting or construction. Wall murals were common in the area under study in the second half of the 19th – first quarter of the 20th century. The paper further presents the typology of mural paintings depending on the part of the facade and element of interior. The task of describing the discovered monuments forms an essential part of heritage conservation efforts.

Keywords: folk art, mural painting, frontispiece, balcony, carving, molded frameworks, area around the Onega River, Kenozero, Kargopol District.

В последние десятилетия было немало сделано для углубленного изучения народного искусства Русского Севера, чего, к сожалению, нельзя сказать о росписях крестьянских домов: они все еще остаются малоизученным явлением культуры недавнего прошлого. Однако и теперь во многом остается справедливым давнее замечание Е.Э. Бломквист о том, что «роспись великорусского крестьянского жилища изучена еще меньше, чем роспись украинской хаты; почти нет литературы по этому вопросу... крайне мало собрано изобразительного материала по этой богатейшей, но почти исчезнувшей области народного искусства» [3, с. 400]. Чем это объяснить? Отчасти тем, что домовые росписи – сравнительно позднее явление, относящееся к пограничной сфере интересов исследователей народного искусства и архитектуры; тем, что для их изучения необходима целенаправленная работа комплексных экспедиций, но главным образом тем, что очень непросто выявлять немногочисленные памятники, разбросанные на огромных, часто труднодоступных территориях Севера. Кроме того, коллективизация и раскулачивание, а также нынешняя заброшенность многих деревень способствовали быстрому исчезновению старых построек. К сказанному надо добавить уход из жизни последнего поколения, еще помнившего дореволюционный уклад деревни, а также местных и пришлых мастеров росписи, изменение вкусов современного сельского населения, ориентированных теперь на подражание городским стандартам. Все это делает задачу выявления, фиксации, исследования и тем более сохранения памятников монументально-декоративной росписи чрезвычайно затруднительной. Наверное, потому некоторые исследователи убеждены в малой распространенности традиции живописного убранства жилого интерьера на Русском Севере [6, с. 47], с чем мы согласиться не можем.

Между тем О.Г. Севан (1947–2021) сделала попытку выявить региональные и типологические особенности росписей крестьянского жилища Русского Севера [33]. В границах современной Архангельской области она определила культурные ареалы, совпавшие, по существу, с теми, на которые мы указывали ранее. Это домовые росписи: 1) северодвинская; 2) пинежско-мезенская; 3) каргопольско-поонежская; 4) важская [27, с. 398]. Из них планомерно, с почти исчерпывающей полнотой была изучена последняя [16–23; 25], в какой-то мере первая и вторая [6; 24; 33, с. 103–167; 34; 38] и лишь каргопольско-поонежская до недавнего времени оставалась белым пятном на культурной карте Русского Севера. Правда, предыдущие экспедиции в интересующем нас ареале отмечали наличие домовой росписи по р. Онеге и ее притоку Кена. В Каргопольском районе, по сведениям В.Д. Шевелёва, ранее работали следующие экспедиции: в 1949 г. – Института этнографии Академии наук, в 1950 г. – Государственного исторического музея, в 1961 и 1967 гг. – музея Московского текстильного института, в 1959, 1962–1964 и 1968 гг. – Государственного Русского музея, в 1963 г. – Загорского музея, в 1963–1968 гг. – НИИ художественной промышленности в 1964–1967 гг. – Государственного Эрмитажа, в 1967–1968 гг. – Архангель-

ского музея изобразительных искусств, в 1967 и 1969 гг. — Архангельского областного краеведческого музея. Материалы этих экспедиций, за исключением материалов Государственного исторического музея, не опубликованы.

Именно этим обстоятельством был продиктован выбор маршрута нашей экспедиции 2003–2005 гг. (по гранту РГНФ № 03-04-18028-е), главной целью которой стало выявление, фиксация памятников монументальной живописи в бассейне р. Онеги и решение вопроса о правомерности выделения этой территории как особого ареала со своими особенностями домовой росписи.

Экспедиция обследовала 31 деревню Каргопольского, Плесецкого и Няндомского районов. В результате было выявлено 64 дома, в той или иной мере сохранивших главным образом экстерьерную, а в отдельных случаях и интерьерную росписи. Это весьма значительное число объектов и сравнительно высокая степень сохранности росписи превзошли наши ожидания. Такой успех во многом объясняется тем, что в экспедиции принял участие научный сотрудник Национального парка «Кенозерский» В.Д. Шевелёв, указавший ряд ранее обнаруженных им еще в 1970-х гг. памятников. Выявленные нами расписные дома распределяются по районам неравномерно: в Каргопольском районе — 14 домов, Плесецком — 39, Няндомском — 8. В книге О.Г. Севан [33] во всем регионе упомянуто всего 17 домов, в той или иной мере сохранивших росписи. А.Б. Пермиловская называет 8 расписных домов, находящихся в д. Ширияхе, Низ, Малый Халуи и Реке Каргопольского района [30, с. 40–41], а также в д. Усть-Коже (с датой 1880 г.), Порог, Прилуки и Хачеле Онежского района [29, с. 112].

Следует иметь в виду, что перед нами открылась с одной стороны, цельная, а с другой — фрагментарная картина; ведь получить сегодня достаточно полное представление о развитии домовой росписи ни по одному региону уже невозможно. Многие важные памятники давно исчезли, никем не зафиксированные, а для существующих часто не удается выяснить время их создания, имена и происхождение мастеров; поэтому естественно, что ряд вопросов, особенно касающиеся мастеров, остается без ответа. И, тем не менее, даже эта заведомо неполная картина позволяет сделать некоторые важные, хотя и предварительные выводы.

В XVI столетии в Каргопольский уезд входило все Поонежье — вплоть до Белого моря. В XIX — начале XX в. он числился в составе Олонецкой губернии, но культурно и экономически более тяготел к р. Онеге и Белому морю. Эта общность усилилась после открытия в 1897 г. Московско-Архангельской (Северной) железной дороги. До этого основной магистралью Каргополя был Петербурго-Архангельский почтовый тракт, шедший параллельно р. Онеге. Река же для судоходства из-за порогов могла быть использована лишь весной при высокой воде. Другая связь Каргополя с Поморьем осуществлялась через Кенозеро и Ошевенскую волость. Для экономического развития уезда большую роль играла Никольская ярмарка, проходившая в начале декабря на территории Ошевенского погоста [28, с. 498]. Здесь

же находились лавки, склады и каменный дом крупного местного купца В.А. Дружинина, имевшего также меховую мастерскую в Нижнем Новгороде. Напротив кирпичного дома Дружинина еще недавно стоял двухэтажный деревянный дом с фасадной росписью, принадлежавший его родственнику промышленнику А.А. Ушакову, который владел лесными разработками в округе и снабжал строительными материалами железную дорогу от Вологды до Архангельска.

Вторым подобным центром являлся Шелеховский погост (с. Архангело), расположенный в 60 км от Каргополя на пересечении Архангельского тракта с р. Онегой [15, с. 93–98]. Еще в 1950 г. здесь насчитывалось 107 дворов. Третьим таким селением было Конёво, вытянувшееся вдоль Онеги на 4 км и, наконец, четвертым – Заднедубровский погост, особенно быстро развивавшийся на рубеже XIX и XX вв., так как находился на сухопутной дороге, кратчайшим образом связывавшей Кенозеро и Поонежье с только что открытой железной дорогой.

Постройки обследованных селений бывшего Каргопольского уезда в своем большинстве относятся к типу северо-великорусского дома-усадеб, или большого северного дома, у которого хозяйственный двор вместе с жилой частью составляют комплекс, соединяясь брусом – по продольной оси, или же глаголем, – с выступающим двором. Большое распространение здесь имели избы четырехстенки на высоких подклетах, или дома в два жилья – двухэтажные (*двужирные*) [15; 16]. Особенностью многих домов были балконы-галереи (*галдарей*), располагавшиеся на продольном фасаде над крыльцом, с которым они составляли единое целое.

Вплоть до середины прошлого столетия на Каргополье были распространены курные (*рудные*) избы. Обычно они строились в комплексе с белыми избами и летними (холодными) горницами [30, с. 33–35]. Однако все известные нам расписные дома конца XIX – начала XX в. топились по-белому, почти у всех них «перёд» представлял собой четырехстенку. На лицевой фасад выходило окно вышки (*светёлки*) – летней комнаты на чердаке. Перед этим окном, в отличие от важских домов, не было балкона. Нам известно лишь два исключения – дом А.В. Дмитриева (в прошлом дом Н.И. Старицына) в д. Першлахте на Кенозере (ил. 1) и дом Е.М. Позднякова (в прошлом дом Н.П. Позднякова), расположенный по соседству, галдарея которого с расписными свесами кровли, была уничтожена в результате ремонта в 1959 г. Экстерьерные росписи часто размещались на плоскости фронтона, если он был обшит, и непременно на подшивке выноса кровли, а также на наличниках и ставнях.

Теперь наметим основные этапы эволюции северного дома-комплекса с тем, чтобы обосновать предположение о времени появления росписей. Самым обычным типом крестьянской жилой постройки в конце XVII в. и на протяжении XVIII в. было односрубное жилище – изба четырехстенку с самцовой кровлей, крытой тесом. Некоторые избы имели еще прируб – келья,

использовавшуюся для жизни летом (в ней отсутствовала печь) и разнообразных хозяйственных нужд.

Количественно преобладали «поземные» избы, т.е. поставленные прямо на землю, меньшая часть имела подклеты (*подызбицы*) [16; 26]. Сени (*мост*) — наиболее светлое и обширное помещение облегченной, каркасной конструкции — встречались часто. Сени соединяли два сруба, а иногда и повесть с ее надстройками и одновременно играли роль входной зоны. Вторые жилые помещения — комнаты или горницы — встречались редко. В этих случаях они были изолированными помещениями с самостоятельным входом из сеней, как в избе 1765 г. в д. Брусенец Вологодской губернии [10, с. 16–17; 13].

Иными словами, вплоть до XIX в. наибольшее распространение имело одно или двухкамерное жилище (изба; изба — сени; изба — клеть) и реже — трехчастная связь (изба — сени — горница); однако во второй половине XVIII в. повсеместное распространение получил тип большого северного дома, в котором двор был соединен с избой, имел повесть и под нею хлевы, как это описывается в Атласе Архангельской губернии 1797 г.: «почти во всех уездах покрывают двory сплошь и делают снутри помост наравне с полом высоких... изб, разделяя двор в два жила, из коих в нижнем помещается скот, а в верхнем, куда находится наружной с улицы въезд, сохраняют солому, сено, повоски... и всякую крестьянскую збрую»¹. Все части этого комплекса могли иметь самостоятельные кровли и быть разновысокими. У бедных же изб нередко и вовсе отсутствовали дворовые постройки.

К концу XVIII в. число двух- и трехкамерных жилищ (с холодной клетью) стало почти равным, а по всей Архангельской губернии превалировало (63,5 %). Преобладали курные избы. Освещались они через волоковые окна и в лучшем случае только среднее окно на лицевом фасаде было большим — колодным. Внутри таких изб царил полумрак. Интерьер не имел перегородок. Вдоль стен шли лавки, над ними — полки-полавочки. В переднем (*сутычном*) углу — обеденный стол под божницей. Наискосок от него — занимающая четвертую часть избы глинобитная печь. Рядом с ней на высоте «полиц» устроены полати, под которыми находится пространство «подпорожья», где весной женщины ткали на краснах.

Курные избы, куда зимой нередко впускали скот (темные, в верхней части покрытые сажей), не имели и не могли иметь росписей [8, с. 38]. Непосредственной предпосылкой возникновения этого обычая в крестьянской среде было, несомненно, появление светлых помещений, что связано с распространением отапливаемых по-белому изб и с заменой волоковых окон на колодные или косячатые, а также с выделением «чистых» горниц и внутренним членением самой избы [1, с. 12; 2, с. 168].

Во второй половине XIX в. стало обычным трехчастное разделение дома на *перёд*, где находилось зимнее жильё — изба, в которой заборка, отделя-

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1350. Оп. 312. Д. I. Л. 14.

ла кухонную часть (*прилуб*); *серёдку*, включавшую в себя сени, хозяйственный двор (хлевы внизу, поветь наверху); и иногда *озадок* – зимнее житье [7, с. 25–75; 8, с. 38].

В отличие от Поважья, в Каргополье горница, располагавшаяся в передней части дома рядом с избой, не получила широкого распространения. Функцию парадного помещения отчасти выполняло летнее жильё – горенка – обособленное помещение у продольной стены, за сенями или на втором этаже [11, с. 247, 251–252; 30, с. 36, 45, 50, 58–59].

Основа структуры жилья не изменилась, но появилось много нововведений частного характера, существенно преобразивших интерьер. Печь все чаще стали класть из кирпича, к тому же она получила кирпичную трубу, что способствовало выявлению ее горизонтальных членений – *карниза*, *шестка*, ритмично расположенных *печур* полукруглой или килевидной формы, развитого деревянного каркаса – *опечка*. Цельная печная доска теперь заменяется более дробным членением филенками, которые иногда прикрывают печной столб и переходят на переднюю сторону, закрывая *подпечье*.

Пространство перед устьем печи, где хозяйка стряпает, – *середка*, отделяется от собственно избы заборкой или шкафом-заборкой, открывающимся на обе стороны и по высоте доходящим до уровня *воронцов*. Подобные шкафы из филенок относятся, как правило, к типу *поставцов*, расчлененных по горизонтали на два объема, причем нижний выступает вперед. Эта часть шкафа-заборки доминирует, примерно соответствуя уровню *опечка* [36, с. 102, 106]. В результате шкаф-заборка, с одной стороны, осуществляет функциональное членение пространства избы, а с другой – вписывается в ее горизонтальную структуру: лавки составляют нижний пояс, уровень стола, *опечка*; нижняя часть шкафа – средний; полки-полавочки, *воронцы* и *карниз* шкафа – верхний.

В курной избе бревна (как правило, диаметром 25–30 см) выше окон и ниже лавок оставались круглыми, отесывались же три-четыре венца между ними, что способствовало выделению средней части. Это расчленение на три яруса [2, с. 143–144], появившееся еще в глубокой древности, сменяется строго организованным пространством белой избы, в интерьере которой превалирующую роль начинают играть плоскости филенок, открывающие возможности для росписи, которая постепенно вытесняет резьбу (как правило, она сосредотачивалась на *опече*).

В крестьянских интерьерах теперь все большую роль стал играть цвет: белая печь, занавесы-загородки из крашенины или набойки, вышитые полотенца на божнице, цветные половики, иногда сплошь, как ковром, закрывающие всю поверхность пола [36, с. 110–111], и, наконец, роспись, размещавшаяся на шкафу-заборке и двери в ней, реже на *опечке*, т.е. на наиболее освещенных и обозреваемых частях избы. Поверхность фронтона, как правило, не стесывали. Лишь в начале XX в. фронтон стали иногда зашивать досками, что давало возможность размещать на нем живописные композиции.

Окон по лицевому фасаду дома было четыре, редко – три или пять. Декоративный пояс на уровне самого домового сруба образовывали резные наличники и распашные ставни – *обоконки*, которые стали служить украшением, ибо не предназначались для закрывания, а филенки их раскрашивались или же покрывались росписью. Однако главным проявлением нового вкуса в убранстве фасада стали расписные подшивки свесов (*выносы*) кровли, о чем еще будет рассказано далее. Почти обязательная арка (нередко тройная) в венчающей части фронтона возникла под влиянием ампириной архитектуры города в середине XIX в. Здесь сосредотачивалась основная резьба, главным образом накладная и пропильная. Среди рельефного декора теперь можно было увидеть сухарики, ромбы, шашечки.

Дальнейшим развитием фасадного декора явилось появление резных карнизов, фиксирующих границу собственно сруба и фронтона. Так роль декоративной доминанты от кровли с ее традиционными скульптурными элементами (коньком, курицами, кроштейнами, выпусками) постепенно переходит к лицевому фасаду, который предполагал уже не боковое восприятие, когда главным являлся силуэт, а лобовое, фронтальное. Это способствовало появлению построек с акцентированными фасадами. Не удивительно, что так называемый «крестьянский ампир» [11, с. 247] и пропильная резьба наибольшее распространение получили вдоль двух самых оживленных трактов – Архангельского и Пуйско-Каргопольского, которые были основными путями проникновения городских влияний.

Следующим шагом в этом направлении стала покраска резьбы, а затем роспись подшивки свесов кровли и изредка самих фронтонных бревен. В самом конце XIX столетия в Каргополье у зажиточных крестьян появляется обшивка – *опушка* дома, имитировавшая элементы каменной архитектуры.

Время возникновения росписи крестьянского дома большинством исследователей справедливо связывают с распространением белых изб и косячатых остекленных окон в середине XIX в. [31, с. 238; 34, с. 78; 37, с. 54], что соответствует датам постройки наиболее ранних из зафиксированных домов, раскрашенных простейшим образом: на Урале и по берегам Северной Двины это 1853 г. (полное совпадение дат, конечно, момент случайный), в Поважье это дом в Долматове приблизительно середины XIX в. и точно датированный 1856 г. дом в Усть-Паденьге [20; 25].

О.Г. Севан указывает, что наиболее ранние из сохранившихся домовых росписей относятся к 1840-м гг., к сожалению, не назвав при этом конкретные памятники [33, с. 191]. Мнение В.Т. Шмаковой о том, что «роспись в крестьянском доме Севера существовала издавна» [38, с. 67] не имеет обоснования.

В каргопольско-поонежском регионе самым ранним из обследованных нами домов был дом А.В. Дмитриева – Н.И. Старицына на Кенозере в д. Першлахте, первоначально срубленный в 1860 г. (перевезен в данную деревню в 1885 г., см. ил. 1). Самый же поздний – дом Макаровых в д. Бабин-

ской был расписан в 1929 г. — в год «великого перелома». Кстати, он вообще является самым поздним из всех выявленных расписных домов Архангельской области и знаменует собой конец этой традиции.

Из 64 домов, сохранивших живописный декор, на 31 обнаружены даты постройки и/или росписи, отмеченные в росписи или вырезанные на кронштейнах, а также владельческие надписи. Чаще всего они встречаются на домах четырех деревень Задней Дубровы (на 8 из 9 сохранившихся в этом кусте домов можно прочесть имена владельцев).

По хронологии расписные датированные дома распределяются следующим образом: 1860–1899 гг. — 6 домов; 1900–1910 гг. — 14; 1911–1916 гг. — 8; 1928–1929 гг. — 3. При всей относительности приведенных данных можно утверждать, что расцвет домовой росписи в Поонежье пришелся на начало прошлого века и эта традиция пошла на спад с началом Первой мировой войны.

Каким образом в крестьянских домах середины XIX в. произошло возрождение традиций росписей, корни которых уходят в глубокую древность? Откуда мастера черпали мотивы? Ясно, что непосредственное знакомство с росписью хором XVII столетия было исключено. Ответ на этот вопрос нуждается в тщательном исследовании, а пока может быть дан лишь в общей и приблизительной форме.

Прямыми источниками, прежде всего, служили резьба и роспись бытовых предметов и мебели, традиция которых оставалась непрерывной, а опосредованными — миниатюры и заставки рукописей XVII–XVIII вв., иконы «северных писем» [5, с. 12–16; 9, с. 70–73, 118–119; 14, с. 29; 35, с. 210–215]. Некоторые приемы и образы заимствовались из арсенала «комнатных живописцев», которые, в свою очередь, «пересказывали» композиции классицизма. Не забудем ярмарочные товары и, в частности, лубки, наконец росписи деревянных церквей: на дверях, свечных ларях, клиросах, «тощих свечах», тяблах иконостасов часто изображались «травы», вазоны с пышными цветочными кустами, на тяблах иконостасов — мотивы вьющейся виноградной лозы [4, табл. 38, 67, 87, 139; 12, с. 120–121; 32, с. 167; 34, с. 78].

Во второй половине XIX в. крестьянская домовая роспись быстро распространилась по всей России, получив в каждой области свои особенности. Для Русского Севера было характерно сосуществование экстерьерных и интерьерных росписей, причем если в первых, как правило, господствовал графический стиль, то вторым более присущ живописный. В отличие от Сибири, в северных росписях почти полное отсутствие сюжетно-повествовательных композиций возмещалось разнообразием травного и цветочного орнаментов, интересом к изображению животных и птиц, попытками изобразить архитектурные элементы классицизма.

Итак, деление изб на летние и зимние, членение их внутреннего пространства, повсеместная замена курных изб белыми, улучшение освещенности интерьера с помощью красных окон, вытеснивших волоковые, усиление городских влияний, выразившихся в появлении «чистых половин» наподо-

бие «зал», применение филенчатых опечков, дверей и мебели — это главное, что обусловило быстрое распространение в последней четверти XIX в. домовой росписи на всем Русском Севере. Такова в общих чертах традиция монументальной росписи жилых домов, возродившаяся на Севере в середине прошлого столетия.

Теперь же перейдем к более подробному ее рассмотрению на обширных просторах Поонежья. Ограничиваясь сначала декорацией подшивки свесов кровли и сводов арок, которые часто завершают фронтоны лицевых фасадов домов, прежде всего остановимся на иконографических типах выявленных экстерьерных росписей:

1. Полосы разных цветов, иногда с орнаментом в виде небольших розеток или побегов (дома в селениях Враниковская, Корякино, Конёво).

2. Звезды на синем фоне, изображающем небо; преимущественно на сводах арок и лишь в двух случаях на всей подшивке свесов — в д. Майлахте, что на Кенозере (ил. 2), и Зимницы, входящей в с. Волосово на р. Чучекса (ил. 3). Подобный мотив перекликается с росписью, встречающейся в церквах, например на крыльце церкви Богоявления в Лядинах. Дом в д. Майлахте датирован 1916 г. и имеет подпись мастера Ф.Я. Никифорова.

3. Крупные розетки с сегментами и вертикальными полосами. Внутри последних — орнамент в виде гирлянд из мелких цветов и листьев в д. Климовской, Першлахте, Филипповской (ил. 4).

4. Живописные филенки в прямоугольном, реже фигурном поле, на которых расположен цветочный куст в вазоне или без него (ил. 5). Количество филенок в зависимости от длины свесов, формы и размеров арки колеблется от трех (16 росписей) до двух (11 росписей) или одной (2 росписи).

5. Фигуры львов, чаще на подшивках сводов трехлопастных арок, например, в доме М. Буянова из д. Малое Самково (Шумилово), в 2021 г. перевезенном в рамках проекта «Львы и розы» в Вершинино (ил. 6), и только в четырех случаях (по два дома в д. Култе и Большое Самково) — на свесах (ил. 7).

Среди цветочных композиций в филенках (тип 4), помимо сугубо индивидуальных решений, можно проследить три основных манеры. Во-первых, это куст с длинными зелеными или черными листьями с небольшими полихромными розовыми, голубыми и охрисыми цветами, лепестки которых имеют овальную форму или форму «сердечка», а также со стилизованными тюльпанами или колокольчиками. Вазон здесь трактован объемно, со светотеневой моделировкой (дом Н.И. Шулёпова, ранее принадлежавший Ф.Г. Монастырских, в д. Ломакино (ил. 8), дом Сидоровой, ранее принадлежавший Супаковских, в д. Култе). В другом варианте этой же манеры добавляются листья голубого цвета, а длинные зеленые листья имеют тонкий графический контур. Во-вторых, это куст с тонко проработанными небольшими шестилепестковыми цветами и колокольчиками, извивающимися стеблями черного цвета. Вазон имеет две ручки и ножку, причем решен он либо плоскостно, либо в виде горшка с заполнением, похожим на сетку (росписи на

р. Онеге в с. Архангело и Конёво). В-третьих, это примитивный вариант в виде куста из крупных листьев, растущих на длинных стеблях, с круглыми цветами (с. Задняя Дуброва).

Росписи фронтонов можно разделить на три группы:

1. Полосы по бревнам или доскам фронтона горизонтальные или же «в елочку» (дом в д. Першлахте).

2. Цветы в вазоне, чаще под аркой, иногда по сторонам от окна; львы по сторонам от окна, а над ним — цветы или надпись (дома в д. Першлахте, Ширяихе, Враниковской, Ломакино).

3. Львы по сторонам от окна, над ним — цветы, львенок или надпись, как в домах в д. Враниковской (ил. 9), Ширяихе (ил. 10), Ломакино.

Львы в каргопольских домовых росписях близки к орнаментальным формам «барсов» в местной вышивке: они стоят на задних лапах, морда изображается в профиль или анфас, в некоторых случаях с длинным «процветающим» хвостом с кистью. В двух случаях львов обрамляет дугой цветущая ветвь: на заборке дома А.В. Дмитриева — Н.И. Старицына (1860/1885 гг.) в д. Першлахте и на свесах дома Н.А. Гринева (1894 г.) в с. Конёве (ил. 11). Последняя роспись представляет особый интерес: она точно датирована и, кроме владельческой надписи, имеет подпись мастера. Очень выразительны сами фигуры очеловеченных львов, изображенных на боковых сводах трехчастной арки на коричневом фоне. Над ними в голубом звездном «небе» парят толстошекие херувимы с носами «картошкой» и рыжими волосами. Это единственный известный нам случай изображения херувимов в домовых росписях Поонежья.

Вопрос о мастерах домовой росписи Поонежья будет рассмотрен в другой работе, а пока проведенный анализ живописного декора более полусотни домов позволяет со всей уверенностью говорить о быстро сложившейся здесь своеобразной традиции монументальной росписи, получившей широкое распространение в конце XIX — первой четверти XX в. и насильственно прерванной в годы коллективизации. Выявленные нами особенности этой росписи и имена мастеров ставят вопрос об их связях с живописью на бытовых предметах.

Неотложной задачей является теперь постановка открытых памятников на государственную охрану, разработка программы их спасения и дальнейшего изучения. Можно смело утверждать: если такая работа не будет проделана в самые ближайшие годы, она не будет проделана вообще, ибо окончательно исчезнет сам предмет исследования.

Список литературы

1. *Барадулин В.А.* Возникновение и сложение стиля уральских народных росписей, XVII—XX вв.: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 1977.

2. *Барадулин В.А.* Народные росписи Урала и Прикамья: крестьянский расписной дом. Л., 1988.

-
3. *Бломквист Е.Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXI. М., 1956. С. 3–458.
 4. *Бобринский А.А.* Народные русские деревянные изделия. М., 1911.
 5. *Вишневская В.М.* Свободные кистевые росписи // Русское народное искусство Севера. Л., 1968.
 6. *Дмитриева С.И.* Архитектурные и декоративные особенности традиционного жилища русских (в связи с историей заселения края) // Советская этнография. 1980. № 6. С. 35–49.
 7. *Едемский М.Б.* О крестьянских постройках на Севере России. СПб., 1913.
 8. *Ефименко П.С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. I. М., 1877.
 9. *Жегалова С.К.* Русская народная живопись. М., 1984.
 10. *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. М., 1942.
 11. *Ильин М.А.* Крестьянская изба Кенозера // Труды секции археологии РАНИОН. М., 1928. Вып. IV. С. 241–256.
 12. Каргополье. Художественные сокровища / сост. Г. Дурасов. М., 1984.
 13. *Костиков Л.В.* Изба семи государей 1765 года // Материалы по этнографии России. Т. 2. Пг., 1914. С. 1–11.
 14. *Круглова О.В.* Северодвинский росписи // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 19–33.
 15. *Левинсон Н.Р., Маясова Н.А.* Материальная культура Русского Севера в конце XIX – начале XX века (Каргопольская экспедиция 1950 года) // Труды Государственного исторического музея. Вып. XXIII. М., 1953. С. 92–140.
 16. *Мильчик М.И.* Эволюция крестьянского жилища в конце XVII–XIX вв. как предпосылка возникновения домовых росписей на Ваге // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 95–104.
 17. *Мильчик М.И.* Алешкин дом // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1989. М., 1990. С. 417–431.
 18. *Мильчик М.И.* Дома с росписью мастеров Петровских в Поважье // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 90–103.
 19. *Мильчик М.И.* Домовые росписи Поважья: традиции и новации (вторая пол. XIX – нач. XX вв.) // История и культура Важского края. Вельск, 1992. С. 42–47.
 20. *Мильчик М.И.* Живописный декор дома Бураковой в селе Долматове и вопрос о возникновении важской прялочной росписи // Важский край: этнонововедение, история, культура. Исследования и материалы. Вельск, 2002. С. 102–110.
 21. *Мильчик М.И.* Львы на домах // Памятники Архангельского Севера. Архангельск, 1991. С. 235–246.
 22. *Мильчик М.И.* Монументальная живопись Поважья // Крестьянская живопись Поважья. Из собраний музеев Архангельской области. Каталог. М., 2003. С. 11–32.
 23. *Мильчик М.И.* Петровские – мастера домовой росписи Поважья // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1993. М., 1994. С. 252–263.
-

-
-
24. Мильчик М.И. По берегам Пинеги и Мезени. Л., 1971.
 25. Мильчик М.И. Росписи крестьянских домов на Ваге: традиции и новации // Народное искусство. СПб., 1995. С. 25–41.
 26. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1981.
 27. Мильчик М.И., Шевелева Е.В. Расписные дома Каргополья // Историко-культурное наследие Русского Севера. Проблемы изучения, сохранения и использования. Каргополь, 2006. С. 397–412.
 28. Олонецкий сборник. Вып. III. Петрозаводск, 1894.
 29. Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера. Архангельск, 2005.
 30. Пермиловская А.Б. Северный дом. Петрозаводск, 2000.
 31. Рабинович М.Г. Русские жилище в XIII–XVII вв. Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
 32. Русское декоративное искусство: в 3 т. Т. 1. М., 1962.
 33. Севан О.Г. Росписи жилых домов Русского Севера. М., 2007.
 34. Тарановская Н.В. Росписи домов русских крестьян в районе Северной Двины // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 74–87.
 35. Уханова И.Н. Книжная иллюстрация XVIII века и памятники народного декоративно-прикладного искусства Русского Севера (Северная Двина) // Русское искусство первой четверти XVIII века. М., 1974. С. 210–226.
 36. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М., 1974.
 37. Чижикова Л.Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970. С. 7–61.
 38. Шмакова В.Т. Принципы декора крестьянских домов и изб // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 60–68.

Онега — центр развития зверобойных промыслов в Арктике в конце XVIII — начале XIX века

Никонов Сергей Александрович — доктор исторических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет; snikonov-77@mail.ru

В статье рассматривается роль Онеги в развитии зверобойных промыслов в Арктике в конце XVIII — начале XIX в. На основе разнообразных источников раскрываются такие проблемы, как состав организаторов и масштабы промысловой активности на архипелаге Шпицберген (Грумант), занятость крестьянского населения Онежской округи в промысле. Рассматривается биография кормщика-груманлана Филата Вожевольного, для которого участие в походах на Грумант и Новую Землю стало профессией.

Ключевые слова: Онега, зверобойный промысел, Шпицберген, Грумант, кормщик, купцы.

Onega — the heart of the late 18th — early 19th century Arctic seal-hunting industry

Nikonov Sergei A. — Dr. Sci. (History), professor, Murmansk Arctic State University; snikonov-77@mail.ru

The article discusses the role of Onega in promoting the Arctic seal-hunting in the late 18th — early 19th century. Based on diverse sources, details are given of the organizers and the scale of sealing on the Spitsbergen Archipelago (Grumant), as well as the involvement in this industry of peasant population in vicinity of Onega. The article further presents the biography of Filat Vozhevol'nyi, the helmsman who served onboard Grumant-bound boats and for whom the voyages to Grumant and the Novaya Zemlya became an occupation.

Keywords: Onega, seal-hunting, Spitsbergen, Grumant, helmsman, merchants.

История зверобойных промыслов Поморья, в том числе на архипелагах Шпицберген (русское название — Грумант) и Новая Земля, в последние годы не обделена вниманием отечественных и зарубежных исследователей. Так, в изучении промыслов у берегов полярных архипелагов внимание уделяется таким вопросам, как состав зверобойных артелей, участие старообрядцев Выговской пустыни в освоении Груманта, технология ведения промысла, способы выживания в экстремальных условиях [3; 4; 6, с. 6–13; 7, с. 122–135; 11; 12; 15, с. 41–66; и др.]. Полагаем, что недостаточно изучена роль регио-

нальных центров Русского Севера в освоении Арктики. К ним, безусловно, относится г. Онега, ставший в 1780 г. центром одноименного уезда [1, с. 46; 5, с. 282].

Обывательская книга города 1785 г. фиксирует занятость в мурманском промысле и строительстве морских судов некоторых купцов первой и третьей гильдий, а также мешан¹. По данным статистического описания Мурманского берега 1796 г., составленного онежским цолнером (надзирателем за сбором таможенных пошлин) П. Лабуткиным, свои артели на побережье отправляли 13 выходцев из Онеги [8, с. 143–145].

Среди организаторов мурманского промысла, указанных в обывательской книге, были и те, кто несколькими годами позже станут известны как организаторы промысла на Шпицбергене, в частности купец Иван Михайлович Дьяков. Его имя упоминается в приказе от 15 октября 1787 г. архимандрита Соловецкого монастыря Иеронима служебнику Сумского острога иеромонаху Карпу. Согласно приказу, онежский купец первой гильдии Иван Дьяков обещал пожертвовать монастырю 200 руб. «от грунландского промысла»². Таким образом, не позднее 1787 г. этот купец, помимо Мурманского берега, начал отправлять артели и на Грумант.

С Иваном Михайловичем в июле 1791 г. встречался П. И. Челищев – просветитель, автор книги «Путешествия по Северу России». Он отмечал, что купец владеет семью судами, отпускаемыми на Мурманский берег и Шпицберген³ [14, с. 58]. Кроме Дьякова, в конце XVIII столетия в организацию промысла на Груманте были вовлечены еще двое купцов – Иван Лыткин и Михайло Фокин⁴.

Занятость онежских купцов в промысле на Шпицбергене прослеживается фрагментарно. Сведения об этом содержат ведомости портовых таможен Онеги и Архангельска. К этим источникам уже неоднократно обращались в историографии [2, с. 349–352; 4, с. 91, 460–467], но в нашу задачу входит оценка роли онежского купечества в освоении полярного архипелага.

Судя по сведениям, представленным в таблице, наиболее полные данные у нас есть по 1786, 1787 и 1790 гг. Доля онежских судов, отправлявшихся на Грумант, составляла около трети, а онежских промышленников – около четверти от общего числа. Обратим внимание на то, что Кола, третий центр, участвовавший в промыслах на Шпицбергене, по данным ведомостей, отправлял в год от одного до четырех судов, бравших на борт от 18 до

¹ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 4. Оп. 9. Д. 2. Л. 2 об. – 5, 11 об. – 12, 14 об. – 16, 25 об. – 36.

² Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5398. Л. 7.

³ Согласно ведомости мурманского промысла 1796 г., составленной цолнером Петром Лабуткиным, купец Иван Дьяков отправил артель из 14 человек, промышлявшую в становище Гаврилово (ГААО. Ф. 51. Оп. 6, т. 1. Д. 249. Л. 47).

⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 2, т. 1. Д. 525. Л. 141.

50 промышленников⁵. При этом максимальное количество судов и промышленников из Колы известно только на 1790 г. Это дает основание считать Онегу вторым после Архангельска по значимости центром Русского Севера, осваивавшим Шпицберген.

**Выходы из портов Онеги и Архангельска на промысел
к архипелагу Шпицберген и острову Медвежий (судов/людей)**

Год	Онега	Архангельск	Итого	Онежское присутствие (%)
1786	2/32	8/150	10/182	20/17,5
1787	1/19	3/51	4/70	25/27
1788	3/41	0/0	3/41	100/100
1790	4/44	9/135	13/179	31/24
1792	3/35	7/0	10/35	30/100

Составлено по: РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 871. Л. 48 об. – 49; Д. 886. Л. 90 об. – 91, 94 об. – 95; Д. 904. Л. 10; Д. 934. Л. 21–21 об.; Д. 935. Л. 25 об. – 26; Д. 936. Л. 21 об.; Д. 1705. Л. 32.

Полученные данные не подтверждают нереалистичных сведений А. фон Пошмана о том, что онежане ежегодно отправляли на Грумант до 200 судов [9, с. 149]⁶. Такое количество судов не могли отправить не только купцы Онеги, но и все региональные центры, участвовавшие в промыслах на Шпицбергене и Новой Земле.

Промысел на Шпицбергене купечество продолжает и в начале XIX в. Согласно сведениям о состоянии промыслов города, составленным в 1804 г., местные купцы «иногда отправляют на судах промышленников на Грунланд за промыслом зверинаго сала и горних зверей»⁷. Документ, к сожалению, не раскрывает имен купцов и масштабов их промысловой деятельности.

Заметную роль промысел на Шпицбергене играл в жизни крестьян Онежской округи. Наиболее полные данные об этом содержатся в ведомостях о крестьянах Архангельской губернии, «употребляющихся на купецких судах» в морских промыслах, собранных в 1791 г. по распоряжению генерал-губернатора Т.И. Тутолмина⁸. Ведомости представляют собой именные списки крестьян, занятых в промыслах. Эти сведения были необходимы в том числе для призыва желающих крестьян на службу в военно-морской флот. Из 350 онежан-«мореходцов», указанных в ведомости Онежской округи, 53 человека участвовали в отдаленном арктическом про-

⁵ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 898. Л. 78 об. – 79; Д. 913. Л. 79 об.

⁶ Критику оценки Пошмана см.: [6, с. 7; 10, с. 105–106].

⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 328. Л. 16 об.

⁸ Там же. Оп. 2, т. 1. Д. 525.

мысле⁹. Промышленники происходили из Андозерской, Верхнемудьюжской, Вонгудской, Ворзогорской, Клещепольской, Кожской, Кутованской, Кушеречкой, Лямецкой, Нижнемудьюжской, Пияльской, Польской, Порожской, Прилуцкой, Пурнемской, Тамицкой, Унежемской, Чекуевской волостей и Корельского села.

В именованном списке жителей г. Онеги, «упражняющихся в водоходстве», приведены имена пяти промышленников, выходивших на промысел к Шпицбергену на судах местных купцов¹⁰. Учитывая, что в список были внесены имена только тех промышленников, кому было от 16 до 40 лет, действительное количество жителей города, участвовавших в промысле, могло быть больше.

Для одного из внесенных в список жителей Онеги промысел на Груманте стал профессией. Им был Филат Семенов сын Вожевольный¹¹. Его имя, в частности, встречаем в обывательской книге Онеги 1785 г. Филат поселился в городе незадолго до составления документа. До этого он жил в д. Ерковщине Шуйского погоста¹². В обывательской книге указан возраст кормщика — 37 лет, у него была семья: жена и дочери Устинья (9 лет) и Фекла (5 лет). Основным видом занятий мещанина называется шкиперское дело: «Шкипором ходит на судах ко острову Спизберген»¹³. Не будет большим преувеличением считать, что этим делом Филат занимался уже не один год.

Благодаря сохранившимся источникам у нас есть возможность узнать, насколько опытным и ответственным кормщиком был Филат Вожевольный.

Каргопольские купцы Лаврентий Дьяков и Петр Коширин в 1779 г. подали архангельскому губернатору Е.А. Головцыну жалобу на кормщика. Суть ее заключалась в следующем. 5 июня 1778 г. купцы заключили с кормщиком договор, по которому он должен был повести судно «Десогласие» на Шпицберген. В обязанности кормщика входила подготовка судна к походу (проверка исправности и погрузка всего необходимого), оберегание судна и всего имущества «от несчастиев бурь», поддержание дисциплины, организация промысла животных «водяных с салом» и на суше «горных с кожами их пушных зверей», невзирая на время суток и праздники¹⁴. На Шпицбергене артель должна была находиться до тех пор, пока, как писали купцы, «мы оное судно наше промыслами и салом со удовольствием наполнить и наг[рузить] воз-

⁹ М.М. Дадыкиной, А.В. Крайковским и Ю.А. Лайус опубликован только небольшой фрагмент (Л. 100) ведомости, см.: [4, с. 326–327]. Вся ведомость занимает шесть листов (ГААО. Ф. 1. Оп. 2, т. 1. Д. 525. Л. 100–106 об.).

¹⁰ Филат Вожевольный, Семен Тупиков, Андрей Юреньской, Михайло Воронцов, Степан Шунгин. Там же. Л. 141.

¹¹ В источниках встречаются также написания Вожевольный и Возжевольный.

¹² ГААО. Ф. 1. Оп. 1, т. 7. Д. 13798. Л. 6.

¹³ Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 2. Л. 8 об. — 9.

¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1, т. 7. Д. 13798. Л. 6–6 об.

можен, так чтобы в обратной путь следовать можно»¹⁵. С неполным грузом промышленники не должны были возвращаться, даже если бы им пришлось оставаться на Шпицбергене до лета или осени. По окончании промысла судно с артелью должно было следовать в Архангельск, где вся добыча, а также промысловое имущество, включая корабль, передавались хозяевам — купцам Л. Дьякову и П. Коширину. В случае их отсутствия на месте следовало сообщить о прибытии через нарочного в Устье-Онежское (название г. Онеги до 1780 г.) и ожидать приезда купцов¹⁶. Только после этого должен был состояться расчет между артелью и хозяевами.

Но дела пошли совсем не так, как было прописано в договоре. Вышедшее из Устья-Онежского в июне 1778 г. судно так и не дошло до места назначения. Кормщик остановил «Десогласие» у о. Медвежий¹⁷, где и высадил 14 промышленников «в зимовье», снабдив их «материалы и две трети хлебных припасов». Сам кормщик с шестью моряками, оставшимися на судне, отправился в «дацкие заливы», обещая оставшимся на острове «приттить к нам на судне и вывезть... с промыслом на будущее, то есть в минувшую сего 1779-го года весну»¹⁸. Спустя год судно за артелью не пришло. Промышленники оставались на острове до начала сентября 1779 г. В жалобе они пишут: «Хлебные припасы у нас от употребления нашего стали весьма знатно уменьшатся, и на продовольствие наше к наступающей зиме самое малое количество оставалось»¹⁹. Промышленников выручил случай: в сентябре к острову прибыло судно крестьянина Шуерецкой волости Ивана Климова, который оставил здесь на зимовку свою артель и вывез в Финнмарк большую часть брошенных Вожевольным промышленников. Добравшись до Хаммерфеста, промышленники смогли выяснить судьбу кормщика. По рассказам местных жителей, кормщик «зимовал прошдеи зимы в местечке Амарфисте у тамошняго кукмана Петер Бука и продавал ему с судна как разные хозяйские припасы хлебные, такеаж и протчее»²⁰. Также выяснилось, что Вожевольный и выехавшие с ним промышленники находятся «завсегда в безпрестанном [пья]нстве и между собою дерутся ежедневно»²¹.

Окончание этого дела нам неизвестно. При несоблюдении условий договора кормщик мог подвергнуться «не точию взысканию... всех употреблен-

¹⁵ Там же. Л. 6 об.

¹⁶ Там же. Л. 6 об. — 7.

¹⁷ Медвежий (норв. Бьёрнёйа) — остров, находящийся примерно в 480 км от мыса Нордкап (Норвегия) на пути к Шпицбергену.

¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 1, т. 7. Д. 13798.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 4 об.

²¹ Там же.

ных на сей отпуск денег... но и жесточайшаго за то в гражданском суде по законам наказанию»²².

Случай Филата Вожевольного подтверждает оценку, данную в середине XIX столетия в очерке А. Харитоновна: кормщик-груманлан, «сметливый и расторопный мужик», доведя судно до норвежских берегов, начинал распродавать «хозяйские харчи», кладя выручку себе в карман и задабривая промышленников вином [13, с. 284].

Независимо от того, какое решение по делу Филата Вожевольного было принято, кормщик не ушел «из профессии». Так, в 1800 г. он ходил на промысел от купца Матвея Стукачева на судне «Святой Николай». Вожевольный занимал в артели рядовую должность, в то время как кормщиком был Афанасий Степановский²³.

Возможно, Вожевольного упоминает в своем письме от 18 октября 1807 г. управляющий делами Беломорской компании в Архангельске В.Е. Ермолин. Он отмечает, что некий «удалой» кормщик Филат в 1807 г. отправился на Грумант от выгорецких старообрядцев²⁴. Не исключено, что этим кормщиком был Вожевольный.

Спустя два года, в 1809 г., некий Филат упоминается и в письме приказчика компании Федора²⁵, занимавшегося вместе с артелью промыслом на Новой Земле. Приказчик сообщает, что этот Филат «белужьево невода осенью не ставил»²⁶, а к августу 1809 г. у них с Филатом было добыто определенное количество рыбы, сала и шкур морских млекопитающих, пушных зверей и белых медведей, моржовой кости²⁷. Если допустить, что Филат, упоминавшийся в письме приказчика, является Филатом Вожевольным, то в 1809 г. он исполнял обязанности кормщика артели Беломорской компании на Новой Земле.

Более определенно об этом кормщике сообщают документы компании 1810 г. В сентябре 1810 г. грумантское судно компании попало в шторм, пострадал большой парус. Управляли судном кормщик Спири²⁸ и полукормщик Филат Вожевольный²⁹.

Подводя итоги, отметим, что Онега со второй половины 1780-х гг. становится одним из центров Архангельской губернии, занятым в арктических промыслах. Способствовало этому развитие купеческого судоходства, торговли продуктами рыбных и зверобойных промыслов на внутреннем и международном рынках. Движущей силой, как и в других промысловых центрах

²² Там же. Л. 7.

²³ Там же. Ф. 4. Оп. 9. Д. 86. Л. 60 об.

²⁴ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 183. Л. 234 об.

²⁵ Фамилия в документе написана неразборчиво.

²⁶ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 253. Л. 278.

²⁷ Там же. Л. 279.

²⁸ Имя установить не удалось.

²⁹ ГААО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 283. Л. 2 об.; Д. 274. Л. 15.

губернии, стали купцы, пробовавшие себя в разных видах коммерческой деятельности, включая отправку зверобойных артелей на Грумант. Для некоторых промышленников участие в промыслах становилось профессиональным занятием. Длительность промысла, продолжавшегося от одного до нескольких лет, умение управлять судном и организовать промысел морских млекопитающих — все это создавало условия для профессионализации должности кормщика.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII—XX веках: справочник. Архангельск, 1997.
2. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956.
3. Брызгалов В.В., Овсянников О.В., Ясински М.Э. Европейская Арктика: морские зверобойные промыслы Выговского старообрядческого общежития в XVIII—XIX веках. Архангельск, 2016.
4. Дадькина М.М., Крайковский А.В., Лайус Ю.А. Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII — нач. XX в. Исследование. Документы. М.; СПб., 2017.
5. Куратов А.А. Онега // Поморская энциклопедия: в 4 т. Т. I: История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. С. 282.
6. Минаева Т.С. Поморские промыслы на Шпицбергене в конце XVIII — первой половине XIX века // Экономическая история. 2013. № 1 (20). С. 6—13.
7. Никонов С.А. Зимовки русских промышленников на архипелагах Шпицберген и Новая Земля в XVIII — начале XIX в. // Архипелаг Шпицберген: От terra nullius к территории взаимодействия: К 100-летию со дня подписания Шпицбергенского трактата. М., 2021. С. 122—135.
8. Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI—XVIII вв. М.; СПб., 2020.
9. Пошман А.П. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении. Т. 1. Архангельск, 1866.
10. Лузырев В.П. Паруса над Студеным морем (Судостроение, промыслы и торговое судоходство на Белом море в XVIII веке). М., 1993.
11. Старков В.Ф. Очерки истории освоения Арктики. Т. I: Шпицберген. М., 1998.
12. Старков В.Ф. Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М., 2011.
13. Харитонов А.В. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене): Из заметок шенкурца // Отечественные записки. 1849. Т. 66, № 10. С. 282—298.
14. Челищев П.И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб., 1886.
15. Dresscher S.-J. Food Security in the High Arctic While Balancing the Demands of Commercial and Subsistence Hunting // Journal für Entwicklungspolitik. 2016. Vol. XXXII, no. 4. P. 41—66.

Творческое наследие Национального парка «Паанаярви»

Потахин Сергей Борисович – доктор географических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет; spotakhin@yandex.ru

Беломорская Карелия – ареал проживания северных карел, являющийся местом сбора рун карельского эпоса «Калевала». По этой территории, включающей современный Национальный парк «Паанаярви», вслед за Элиасом Лённротом в XIX – начале XX в. путешествовали многие представители творческой интеллигенции Финляндии. Территорию Паанаярви – Оланга посетили художник Аксели Галлен-Каллела, фотограф и писатель Инто Кондрад Инха, писатель Илмари Кианто, что отразилось в их творческом наследии. Появление новых художественных произведений продолжается и в наше время.

Ключевые слова: национальный парк, художественное произведение, путешествия, Северная Карелия.

The creative heritage of the Paanajarvi National Park

Potakhin Sergei B. – Dr. Sci. (Geography), professor, Petrozavodsk State University; spotakhin@yandex.ru

White Sea Karelia is the homeland of the northern Karelians and the source of runes collected for Karelia's national epic Kalevala. In the 19th and early 20th century, this land, which currently houses the Paanajärvi National Park, attracted Elias Lönnrot and many representatives of Finland's artistic intelligentsia. Travelling in Paanajärvi – Olanga territory was painter Akseli Gallen-Kallela, photographer and writer Into Kondrad Inha, and writer Ilmari Kianto. They left their creative footprint in this area. New works of art continue to emerge here also at the present time.

Keywords: national park, artwork, travels, North Karelia.

Северная Карелия и, в частности, ее западная часть – Беломорская Карелия, заселенная этнолокальной группой северных (собственно) карел, всегда интересовала научную и творческую интеллигенцию (ученых, писателей, художников и фотографов) Великого княжества Финляндского, входившего в состав Российской империи с 1809 по 1917 г. Повышенный интерес к Северной Карелии, проявившийся в движении «карелианизм», возник у представителей финской художественной интеллигенции в 1890-х гг. вовсе не слу-

чайно. Считалось, что в Карелии сохраняется «калевальский» уклад жизни, и финское искусство может создаваться лишь на северокарельской основе. В Беломорскую Карелию начинают совершать паломничество финские писатели, художники, архитекторы. Среди североаажных ландшафтов и многочисленных озер они пытались найти темы и идеи для своего творчества. Одними из первых совершили в 1890 г. путешествие по Северной Карелии художники Луис Спарре и Аксели Галлен-Каллела. В результате у обоих появились целые циклы работ по мотивам рун «Калевалы».

Среди посетивших эту территорию были лингвист М.А. Кастрен [4], собиратель рун и составитель эпоса «Калевала» Э. Лённрот [3; 7; 9], этнограф и лингвист А.Й. Шёгрэн [6], этнограф У.Т. Сирелиус [1].

Район оз. Паанаярви в ландшафтном плане отличается от других частей Северной Карелии. Он расположен в отрогах хребта Маанселькя, на котором на вершинах-тунтури представлена высотная поясность: горная тайга и горная тундра. Среди возвышенностей-тунтури – Кивакка (449,5 м), Муткатунтури (437,8 м), Мянтютунтури (550,1 м), Чуваракумпу (458,9 м) и наивысшая точка Карелии – гора Нуорунен (576,7 м). В настоящее время – это территория Национального парка «Паанаярви», созданного в 1992 г.

Территорию, где сейчас находится национальный парк, посетили художник Аксели Галлен-Каллела, фотограф и писатель Инто Кондрад Инха, писатель Илмари Кианто, запечатлевшие природу и хозяйственную деятельность населения в своих произведениях.

В 1890 г. Аксели Галлен-Каллела совершил свадебное путешествие в Кайнуу и Беломорскую Карелию, где собирал этнографические материалы для будущих картин по мотивам карельского эпоса «Калевала». В 1892 г. он выбрал объектом своего внимания окрестности оз. Паанаярви. Здесь художник написал три знаменитые работы: «Palokärki» («Дятел желна»), «Paanajärven raimenpoika» («Паанаяровский пастушок») и «Mäntykoski» («Водопад Мянтюкоски»).

Работая над «Пастушком» Галлен-Каллела одновременно писал главную и самую крупную картину этого лета «Мянтюкоски» (водопад на реке Мянтьюоки, впадающий с севера в оз. Паанаярви). «Пастушок» создавался по вечерам, а водопад Галлен-Каллела рисовал по утрам.

Художник начал работу над картиной «Мянтюкоски» на квадратном полотне. Все жилые и хозяйственные постройки, существовавшие в то время у водопада, в картину не вошли. Героями произведения должны были стать два персонажа: девушка, сидящая на пороге, – воплощение девы порога, и мужчина с краю – рунопевец. Темой работы явился сюжет «Калевалы» о рождении кантеле: собиратель и исполнитель рун пришел послушать мифическую деву, поющую о деяниях эпических героев. Тогда на полотне и появились пять линий – струн кантеле, разрезающих водопад. Позже структура картины изменилась: герои исчезли, а струны остались. Художник завершил картину только в 1894 г. (ил. 1, 2).

На картине «Паанаярвский пастушок» изображен мальчик с пастушьим рожком и берестяным коробом за спиной. Фоном являются скалы, оз. Паанаярви и виднеющаяся вдаль вершина-тунтури Нуорунен. Позировал художнику 13-летний Антти Песонен, житель одного из паанаярвских хуторов.

Картина «Дятел желна», или «Глушь», написанная акварелью, стала третьей главной за лето работой. На переднем плане, на засохшем сосновом стволе изображен черный дятел (желна)¹. На картине видны озеро Паанаярви и вдаль гора Нуорунен, окрашенная в розовый цвет из-за заходящего солнца. Складывается впечатление, что «Пастушок» и «Желна» написаны с близлежащих мест.

Наряду с Галлен-Каллелой первооткрывателем Паанаярви можно считать Инто Кондрада Инха. В 1892 г. была совершена первая поездка по р. Оуланка, далее по Паанаярви и Оланге. В ходе этого путешествия было восхождение на гору Нуорунен. Инха сделал фотографию водопада Мянтюкоски, который в это время рисовал Галлен-Каллела. На фотоснимке водопада зафиксированы мельница, сарай и баня.

Позднее, в 1894 г., Инха совершил длительное путешествие по Беломорской Карелии. Результатом этой поездки стали не только фотографии (более 200 с изображениями пейзажей, быта и культуры северных карел), но и объемная монография «В краю калевальских песен. Тропую Лённрота по Беломорской Карелии. Очерк о земле Беломорской Карелии» [2]. В ней была опубликована фотография р. Оланга с задним планом оз. Пяозеро и д. Олангасуу. Первые издания относятся к 1911 и 1921 гг. Последнее издание на русском языке было опубликовано в 2019 г. при поддержке фонда «Юменкеко» и Карельского просветительного центра.

Фотографии района Паанаярви начала XX в. были сделаны также У.Т. Сирелиусом, В.В. Вилькманом, И. Хельстремом [5].

В 1914 г. район Паанаярви посетил писатель Илмари Кианто. Его маршрут прошел по Паанаярви и р. Оланга до Пяозера с остановками на хуторах и в карельских деревнях Вартиолампи и Олангасуу.

Восхищаясь красотами паанаярвских пейзажей, Кианто писал: «Паанаярви, наступит ли когда-нибудь твое возрождение? Паанаярви, мне жаль тебя из-за того, что твое благородное сияние прошло мимо поэтического взора Людвиг Рунеберга, Сакариуса Топелиуса или Ларса Стенбака! Оно родило бы величайший северный гимн, который пережил бы столетия... Прощай Паанаярви... завораживающая Полярная звезда, королевский бриллиант Куусамо» (цит. по: [5, с. 124]).

Описания природных объектов района Паанаярви – Оланга вошли в книгу, посвященную Северной Карелии [10].

¹ Желна, или черный дятел (*Dryocopus martius*), – один из самых крупных представителей семейства дятлов. Он обитает на всей территории лесной Европы. В Азии распространен на Кавказе, в Сибири до Камчатки, Сахалина, полуострова Корея.

Сегодня природа Национального парка «Паанаярви» изображена на фотографиях Игоря Георгиевского, Сергея Захарова, Сергея Кочергина, Татьяны Юнгиной («Егоровны»), на картинах Олега Саулова, Нелли Григорьевой, Александра Феофилова и многих других.

Список литературы

1. *Загребин А.Е.* У.Т. Сирелиус и финно-угорская этнография // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С. 132–140.
2. *Инха И.К.* В краю калевальских песен. Тропой Лённрота по Беломорской Карелии. Очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2019.
3. *Карху Э.Г.* Элиас Лённрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996.
4. *Кастрен М.А.* Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень, 1999.
5. Паанаярвский национальный парк. Paanajärven kansallispuisto / ред. Л. Коутаниemi. Куусамо, 1991.
6. *Пашков А.М.* Шёгнер // Карелия: энциклопедия: в 3 т. Т. 3. Петрозаводск, 2011. С. 281–282.
7. *Потахин С.Б.* Дневники Элиаса Лённрота как историко-географический источник // Изв. Русского географического общества. 1993. Т. 125, вып. 1. С. 90–93.
8. *Шаскольский И.П.* Основатель российского финно-угроведения: к 200-летию со дня рождения академика И.А. Шёгрена // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64, № 12. С. 1128–1133.
9. *Anttila A.* Elias Lönnrot // Tietolipas. No. 2. Helsinki, 1945. S. 3–92.
10. *Kianto I.* Vienan virroilta. Karjalan kankahilta, 1915.

Культурное наследие Пижмы в контексте печорских традиций¹

Прокуратова Екатерина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина; eprokuratova@yandex.ru

Статья посвящена духовной культуре староверов бассейна р. Пижма (Усть-Цилемский район Республики Коми). Особое внимание в работе уделяется одной из граней духовного наследия пижемских староверов – рукописно-книжной культуре, сложившейся в Великопоженском ските в XVIII – первой половине XIX в. и после его закрытия бережно сохраняемой пижемскими крестьянами-старообрядцами. В статье обозначены наиболее показательные явления пижемской рукописной традиции – типология и сложившаяся орнаментальная стилистика рукописной книги, литературные памятники, сохранившиеся имена книжников и писателей. Подводятся итоги и перспективы изучения книжной культуры Пижмы.

Ключевые слова: севернорусское старообрядчество, Великопоженский скит, река Пижма, рукописная традиция, полевая и камеральная археография, государственные и частные собрания.

The cultural heritage of Pizhma in the context of traditions of Pechora

Prokuratova Ekaterina V. – PhD (Philology), associate professor, *Pitirim Sorokin Syktvykar State University*; eprokuratova@yandex.ru

The paper explores the spiritual culture of the Old Believers in the area of Pizhma River basin (Ust'-Tsil'ma District, Komi Republic). Particular attention is paid to one of the facets of Pizhma Old Believers' spiritual heritage – the handwritten manuscripts and book culture that emerged in the Velikopozhensky Monastery in the 18th-early 19th century and had been carefully preserved by Pizhma peasants, who were Old Believers, after its closure. The paper further identifies the representative phenomena of the Pizhma manuscript tradition – typology and prevalent ornamental style, literary monuments, names of scribes and writers. Results and prospects of the Pizhma book culture studies are summed up.

© Прокуратова Е.В., 2022

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 19-012- 00593 «Грани духовного наследия Усть-Цильмы: фольклор, книжность, язык (новые источники)».

Keywords: North Russian Old Belief, Velikopozhensky Monastery, the Pizhma River, handwritten tradition, field and office archeography, state-owned and private collections.

Усть-Цилемская традиция, открытая в самом начале XX в. Н.Е. Ончуковым как очаг фольклорной культуры и старинной книжности, в настоящее время, пожалуй, уже не нуждается в особом представлении. Для специалистов, так или иначе связанных с историей Русского Севера, этот район в бассейне р. Печоры (северо-восток бывшей Архангельской губернии), выступает одним из центров старообрядческой культуры, особенности которого проступают в разных гранях духовной жизни – в говорах, фольклоре и народных верованиях, рукописно-книжной традиции, иконе, декоративно-прикладном искусстве.

Распространение староверия на территории Печорского края связано с притоком его последователей в конце XVII – первой половине XVIII в. Как отметила Т.А. Бернштам, «наплыв старообрядцев в усть-цилемское “гнездо” не только увеличил его население, но способствовал переселенческому движению из Усть-Цильмы в ближайшие районы: в течение этого периода были заселены реки Цильма, Пижма и Нерица...» [3, с. 80].

Эти три левых притока Печоры вместе с ней образуют основные линии расселения устьцилемов. Пижма, пижемский «микрорайон» занимают в культурном пространстве Печорского края особое место. Когда-то на берегах Пижмы находилось 12 селений; как писал в середине XX в. исследователь старообрядческой книжности В.И. Малышев, «в большинстве своем небольших деревушек, по двадцать-тридцать домов, расположенных почти всегда живописно по самому берегу реки» [11, с. 464]. Это деревни: Левкинская, Новожиловская, Верховская, Скитская, Замогильник, Степановская, Чуркинская, Никоновская, Загривочная, Абрамовская, Боровская и с. Заменная. Сейчас на Пижме живут в шести населенных пунктах; административным центром Пижемского поселения является с. Заменная, находящееся в среднем течении р. Пижма.

Приведем образно-поэтическое описание реки, представленное В.И. Малышевым в отчете об экспедиционной поездке 1955 г.: «Влево от реки Печоры тонкой извилистой лентой течет между красивыми и богатыми растительностью берегами речка Пижма, левый приток Печоры. Выбегая из-под самого Тиманского хребта, из богатого рыбного озера Ям, несет она свыше двухсот километров свои прозрачные воды. Стремительно скользя по многочисленным порогам и перекатам, омывая высокие каменные утесы с торчачими на их высоком хребте исполинскими соснами, выходит Пижма под самую Усть-Цильму. <...> Могучие сосны, огромные ели, кудрявые березы, осина, ольха, размашистая лиственница украшают лесные берега Пижмы, оглашаемые шумом взлетающих рябчиков, белых куропаток, пестрых тетерок и огромных глухарей. Низменные прибреж-

ные наволоки покрыты густой зеленью, душистыми травами. Серебристую глубь реки, разрезают быстрые сиги, чыры, окуни, в камышах плещется щука, налим; громадные хариусы, пеляди, семги оставляют длинный след на воде» [11, с. 463–464].

Именно здесь, на берегах Пижмы, «на Великих пожнях» в 1711 г. появился форпост печорского старообрядчества – Великопоженский монастырь [8]. Пережив этап становления, затем «гарь» (самосожжение скитников в 1743 г.), последующее восстановление, окончательное запрещение (закрытие) в середине XIX в. и «растворившись» в д. Скитской, существующей и ныне, старообрядческий монастырь как религиозно-просветительский и духовный центр сыграл ключевую роль в становлении усть-цилемской культурной традиции в целом.

Среди специалистов по устно-поэтическому творчеству Пижма хорошо известна песенно-эпическим фольклором. Как писала Н.П. Колпакова, «Великопоженский скит <...> поддерживал своеобразие местной музыкальной культуры, которое создавалось в результате сочетания старообрядческих культовых напевов с местной песенной традицией. Благодаря этому музыкальному своеобразию, а также обогащению репертуара песнями, усвоенными в свое время пижемцами от обитателей скита и неизвестными в деревнях по Печоре и Цильме, жители Пижмы издавна славились и до сих пор славятся как лучшие певцы в районе, и репертуар их богаче репертуара устьцилемов» [9, с. 11]. Пижма считается также территорией наиболее активного бытования былин в пределах печорского эпического очага.

Насельники Великопоженского монастыря, тесно связанного с Выговской киногией, принесли в регион старообрядческую поморскую культуру во всех ее аспектах. Прежде всего, это рукописная духовная книга и широко распространенная грамотность, непосредственно обусловленная необходимостью точного исповедания веры предков. Эхо богатой и разнообразной книжно-рукописной традиции до сих пор звучит в повседневной жизни устьцилемов.

На Пижме сложился своеобразный тип поморской иконописи, опирающийся на опыт Выга и связанный со средневековой иконописной культурой. С угасанием монастыря в середине – второй половине XIX в. иконопись упростилась технологически, ее центр, вероятно, вышел за пределы Пижмы, но в главном ее поморский характер сохранился. Пижемской иконе посвящены работы ее первых исследователей – Ю.И. Афанасьева и А.В. Афанасьева [2, с. 4–10], в том числе альбом А.В. Афанасьева «Великопоженская икона», вышедший в 2018 г. [1].

Обзорно представив различные направления культурной традиции Пижемского края, подробнее остановимся на характеристике одной из граней духовного наследия Пижмы – рукописной книжности, представив не только ранее изученные материалы, но и новые источники, выявленные в ходе экспедиционных поездок на Пижму в последние годы.

Отметим, что начало планомерного и систематического археографического изучения Пижемского края было положено известным ученым-археографом В.И. Малышевым [10, с. 469–480]. В его статье «Пижемская рукописная старина» [11], а также в монографическом исследовании «Усть-Цилемские рукописные сборники» [13] представлена оценка местной рукописной традиции, перечислены имена наиболее известных хранителей пижемской рукописной старины, обозначены наиболее крупные книжные собрания пижемцев.

Во время экспедиционных поездок в 1950–1970-х гг. ленинградскими археографами был выявлен большой массив рукописей XVI–XX вв. [12, с. 561–604; 13], в том числе пижемских, которые вошли в состав Усть-Цилемского и Усть-Цилемского новых собраний Древлехранилища Института русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ) РАН в Санкт-Петербурге.

Обследование территории низовой Печоры было продолжено в 1970-х гг. археографами Сыктывкарского государственного университета (СГУ) под руководством Т.Ф. Волковой и А.Н. Власова. Результатом экспедиционной деятельности на протяжении 1977–1990 гг. [4, с. 94–105; 5, с. 375–376] стало формирование Усть-Цилемского собрания Научной библиотеки СГУ, насчитывающее 267 рукописей и 90 книг кириллической печати XVII–XX вв., из которых большая часть – 209 рукописных книг – имеет опубликованное научное описание [18, с. 136–242].

Продолжением поисковой собирательской работы на территории Усть-Цилемского района стали фольклорные, фольклорно-археографические, фольклорно-этнолингвистические и фольклорно-искусствоведческие научные экспедиции, осуществляемые с 2005 г. под руководством Т.С. Каневой [7, с. 58–59; 19, с. 522–525]. Отметим, что материальным результатом экспедиций на территорию Печоры в 2005–2021 гг. стали не только приобретенные рукописные и старопечатные книги печорских старообрядцев, но и копии рукописных источников и фрагментов кириллических изданий, зафиксированные на цифровых носителях и пополнившие фонды Фольклорного архива СГУ и отдела редких книги и рукописей Научной библиотеки СГУ.

Экспедиционные находки последних лет свидетельствуют о том, что среди местных жителей, прежде всего потомков местных старообрядческих наставников и книжников, бытуют рукописные сборники XVIII–XIX вв., выполненные в традициях поморской писцово-школы. Рукописи печорских (пижемских) старообрядцев нередко написаны поморским (выговским) полууставом, орнаментика также соответствует поморской стилистике: рукописи украшают богатые рисованные инициалы, выполненные киноварью, заставки и заставки-рамки традиционных выговских мотивов. Рукописи поморской стилистики XVIII в. могли быть привезены на Пижму из Выгореции, духовные связи с которой не прерывались на протяжении всего периода существования печорского старообрядческого монастыря.

Кроме того, можно полагать, что рукописи поморской стилистики могли создаваться местными книжниками. В монастыре на Великих пожьях была организована книгописная мастерская, в которой переписывались, иллюстрировались, реставрировались и переплетались книги, необходимые для богослужения, нравственного чтения и полемики. В ските возникла школа грамоты, в которой обучали местных детей чтению, письму, пению и переписке рукописей.

В то же время в печорских рукописных книгах нередко встречается другой тип письма – печорских полуустав, который сформировался на основе поморского полууставного письма в последней трети XIX в. Как отметил В.И. Малышев, характерными признаками печорского полуустава являются значительная свобода письма, отсутствие строгой линейности в строке, менее строгие пропорции отдельных букв. Печорский полуустав, хотя и уступает по красоте и четкости поморскому полууставу, тем не менее свидетельствует о мастерстве местных переписчиков [13].

Пижемские староверы не довольствовались чтением и перепиской церковно-служебной богословской, полемической литературы. Они осваивали традиции выговского риторического стиля, писали философские трактаты, поздравительные стихи, занимались созданием исторических сочинений. Собственная книгописная мастерская позволяла тиражировать присланные с Выга сочинения самых различных жанров – жития, послания, письма, риторические сочинения, полемические трактаты, переписывать заново пришедшие в ветхость рукописи. Активной перепиской рукописей на Пижме занимались еще в XX столетии.

Как отмечал В.И. Мылышев, переписчиками рукописей в 1950–1980 гг. являлись лица старшего поколения, исполнявшие для населения духовные требы (крещение детей, отпевание умерших, чтение молебнов и панихид). В.И. Малышев называет 35 владельцев книжных собраний, проживавших на Пижме, выявленных ученым в результате поисковой собирательской и архивной работы. Среди обозначенных имен 18 владельцев располагали книжными собраниями, в которых представлено несколько десятков рукописей. Среди перечисленных В.И. Малышевым книжников – Сидор Нилович Антонов, Клеон Мартынов Носов, наиболее известные хранители и собиратели рукописного наследия низовой Печоры [6, с. 22–31; 13]. Рукописные книги из собраний пижемских староверов Носова и Антонова сегодня представлены в Усть-Цилемском собрании ИРЛИ РАН и сыктывкарских собраниях – Научной библиотеки СГУ и Национального музея Республики Коми [17, с. 219–222; 18, с. 136–242].

Большая часть рукописных книг, найденных во время последних экспедиций, представляет собой сборники и фрагменты рукописей богослужебной направленности XVIII–XIX вв., написанные полууставным письмом. Переплет отдельных рукописей – доски, обтянутые кожей, в ряде случаев использованы картонные переплеты. В собраниях современных пижемцев

встречаются рукописи, созданные в XX столетии на листах из школьных тетрадей гражданской скорописью (канонники, помянники, чиновники, молитвенники, служебники). Богослужбные сборники местных староверов связаны с культовой практикой староверов-беспоповцев — это чины погребения мирян и младенцев, крещения и покаяния.

Нередко в домашних собраниях пижемцев можно встретить сборники духовных стихов, которые также являются частью поминальной практики (Духовные стихи евангельской тематики — страсти Христовы, Богородичные стихи; стих об Алексее человеке Божиим, «Умоляла мать родная»).

Обращают на себя внимание рукописные Синодики XVIII–XIX вв., по всей видимости, находившиеся в активном пользовании местных староверов. Поминальные списки «благочестия ради пострадавших» начинаются с упоминания первых старообрядческих идеологов — протопопа Аввакума, сожженного в Пустозерске, и его главных сподвижников — священника Лазаря и дьякона Феодора.

Среди поминаемых лиц перечислены наставники Выговской старообрядческой пустыни — киновиархи Даниил Викулин, Андрей и Семен Денисовы, ектисиарх Петр Прокофьев. Примечательно, что в данных помянниках представлены и местные тобышские святые. Кроме того, нередко в Синодиках обозначены имена староверов, принадлежащих к местным старообрядческим родам.

Практически в каждом доме местных жителей хранятся поминальные списки староверов, умерших в местечке Покойное, расположенном на р. Тобыш (приток р. Цильма), которое является одним из культовых центров низовой Печоры. При этом поминальные списки тобышских староверов включаются в местные помянники не только цилёмцев, но и пижемцев. Во время экспедиционных поездок в селения, расположенные в бассейне р. Цильма (Трусово, Филиппово), были записаны многочисленные устные рассказы о тобышских староверах (об устройстве скита, о последнем из староверов Тобышского поселения Иване, который записал имена скитников). Захоронение тобышских скитников, возведенных местным населением в ранг святых, становится местом поклонения и почитания [19, с. 524].

Несмотря на столь широкое воздействие наследия Великопоженского монастыря на духовную традицию Пижмы и Печорского края в целом, имеющиеся на сегодняшний день в распоряжении исследователей сведения не обладают достаточной полнотой. Безусловно, можно говорить о литературных контактах великопоженских книжников с писателями Выголексинской старообрядческой пустыни, сочинения которых являлись образцами для подражания. Одним из малоизученных вопросов становится вопрос об великопоженских старцах — писателях, составителях, редакторах древнерусских и старообрядческих сочинений.

Особого изучения требует литературное наследие староверов Великопоженского скита. Наиболее известным текстом, связанным с историей

монастыря на Великих Пожнях, стало сочинение 1743 г., повествующее о массовом самосожжении насельников пижемского скита, «Повесть о самосожжении в Мезенском уезде», автором которого считается Иван Филиппов, один из известных наставников и писателей Выгореции [21]. В.И. Малышевым было выявлено четыре списка данного текста, представленные в Усть-Цилемском собрании ИРЛИ РАН в полных и кратких редакциях. Текст полного варианта, кроме описания гари на Пижме, дополнен четырьмя рассказами о самосожжениях на Пёзе, Оме, Вижасе и Зимнем берегу, консисторским доношением о самосожжении, написанным очевидцами — попом Козьмой и канцеляристом Иваном Поповым, которые прибыли в Великопоженский скит с официальной экспедицией [13, с. 171].

Краткая редакция передает события, связанные с самосожжением на Пижме, оставляя в стороне другие эпизоды самосожжения староверов. Именно этот вариант получил распространение среди печорских староверов. Текст краткой редакции был выявлен в одной из экспедиционных поездок на Печору (частное собрание О.Е. Терентьевой, с. Нерица).

Повесть о самосожжении староверов Пижемского скита впервые была издана В.И. Малышевым [13, с. 167–190]. По мнению исследователя, текст повести отличается стройностью композиции, для нее характерен документальный принцип повествования наряду с использованием устных источников. Сопоставление текста повести о Пижемской гари и «Истории Выговской пустыни» позволило выявить общие места и сделать вывод об Иване Филиппове как об авторе обоих текстов. Самые поздние печорские списки повести о самосожжении (1960–1970-е гг.) находятся в сборниках печорского писателя и переписчика рукописных сборников XX в. С.А. Носова (1902–1981) [15; 16; 20].

Невыясненными остаются имена великопоженских писателей, практически не известные исследователям до сегодняшнего дня. В связи с этим весьма интересным является сочинение, созданное великопоженским писателем Тимофеем Ивановым, имя которого упоминается в описании рукописного сборника, выявленного В.И. Малышевым в д. Скитской. Исследователь замечает, что на основании имеющихся в тексте кратких сведений о старце Тимофее можно заключить, что он «занимал заметное положение в Великопоженском ските и в 1794 г. уже был глубоким стариком. Его послания написаны опытной рукой и изобличают в нем человека, начитанного в старинных писаниях» [14, с. 445].

Проведенный нами анализ обширного полемического сочинения великопоженского наставника Тимофея Иванова, направленного против чердынских скитников², свидетельствует о высокой культуре печорского книжника.

² Полемическое сочинение по обрядовым и догматическим вопросам великопоженца Тимофея Ивановича. XIX в. (первое десятилетие, после 1806 г.) // Архив ИРЛИ РАН. Ф. Усть-Цилемское собрание. № 209. Л. 28–28 об.

Великопоженский наставник был хорошо знаком с приемами ведения литературной полемики. Опровергая мнение оппонентов (чердынских староверов-скитников), печорский книжник использует широкий круг аргументов из различных авторитетных источников, позволяющих отстаивать собственные позиции, — из текстов Писания, сочинений отцов и учителей церкви, догматических произведений. В риторическом тексте великопоженского старца встречаются разнообразные средства художественной выразительности (амплификация, пространные тирады, повторы, образные сравнения, метафоры и др.), которые автор умело использует в книжной полемике, что свидетельствует о достаточно высоком уровне владения литературным ремеслом, позволявшим печорскому книжнику отстаивать собственные взгляды.

В сочинении старца Тимофея возникают весьма выразительные и запоминающиеся образы. Так, «неустоявшееся» учение старца Венедикта Тимофей Иванович сравнивает с пестрой шкурой рыси: «... тем же убо явствуется на вась сущая кожа, рысю подобна: шерсть бо его ниже бель весь, ниже чернь, еже есть якова же рысия шерсть, такова же и вера ваша пестра есть»³. Печорский книжник использует и другое образное сравнение: прочтение сочинения чердынских оппонентов уподобляется им плаванью через «смердящее море», колыхаемое ветрами. Мели и «заверты» затрудняют движение корабля — правой веры. Автор посредством использования образа беспокойного и «злосмрадного» моря, путешествие через которое преодолевается молитвами и Божьей помощью, характеризует и стиль, и содержание вопросов чердынских оппонентов. «Понеже разгнувше ваше послание, обретохом осмолитерное ваше мудрование злосмрадное, аки море смердящее, и таковое злосмрадное море долгим плаваниемъ и великим трудомъ плавахомъ, едва край избирающе, молящесе Богу, ветромъ запрещающему и море нетрудно утишающему, да за молитвами святых, помощию Божию мели и заверты, и подводное камение хитросплетенных вопросов ваших, преидем и будущее пристанище окончания получим»⁴. Таким образом, можно заключить, что среди великопоженских старцев можно найти не только опытных переписчиков рукописей, но и талантливых старообрядческих писателей, рукописное творчество которых развивалось в русле литературной школы Выго-Лексинского общежития.

Пижемцы сыграли решающую роль в деле «сбережения значительного количества памятников письменной культуры наших предков» [11, с. 467]. Археографические находки последних лет позволили выявить как новые, ранее не известные рукописные собрания и отдельные рукописи, представленные в домашних коллекциях жителей Усть-Цилемского района Республики Коми, так и расширить представление об известных на Печоре переписчиках рукописных сборников.

³ Там же. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 28–28 об.

Комплексное исследование различных граней духовной культуры старообрядческого населения Пижемского края XVIII—XX вв. позволяет оценить сложившуюся традицию с различных позиций. Совместные экспедиционные поездки разных специалистов — фольклористов, археографов, историков иконописи — позволяют находить в изучаемом материале общие точки соприкосновения, рассмотреть духовное наследие пижемских староверов как целостное и самобытное явление в истории севернорусской старообрядческой культуры.

Список литературы

1. *Афанасьев А.В.* Великопожденская икона. М., 2018.
2. *Афанасьев Ю.И., Афанасьев А.В.* Краски великопоженских икон // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 5 (96). С. 4—10.
3. Былины: в 25 т. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.; М., 2001. С. 80. (Свод рус. фольклора).
4. *Волкова Т.Ф.* Археографическая работа СыктГУ на Нижней Печоре в 1977—1990-х гг. // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 94—105.
5. *Волкова Т.Ф.* Отчет об археографической экспедиции в Усть-Цилемский район Коми АССР // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 34. Л., 1979. С. 375—376.
6. *Волкова Т.Ф.* Пижемский книжник Сидор Нилович Антонов // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 22—31.
7. *Канева Т.С., Прокуратова Е.В.* Цилемские экспедиции Сыктывкарского государственного университета 2007—2008 гг. // Живая старина. 2010. № 1. С. 58—59.
8. Книжные центры Республики Коми: Великопоженский скит / Т.Ф. Волкова, Т.И. Дронова, М.В. Мелихов, Е.В. Прокуратова; отв. ред. и сост. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар, 2021.
9. *Колпакова Н.П.* Песни Печоры // Песни Печоры / изд. подгот. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963. С. 9—30.
10. *Мальшев В.И.* Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 7. М., Л., 1949. С. 469—480.
11. *Мальшев В.И.* Пижемская рукописная старина // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 462—493.
12. *Мальшев В.И.* Усть-Цилемские рукописи XVII—XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 17. М.; Л., 1961. С. 561—604.
13. *Мальшев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.
14. *Мальшев В.И.* Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII—XX вв. // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 442—457.
15. *Мелихов М.В.* Рукописные сборники печорского старообрядца С.А. Носова: сборник № 10 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2013. № 2. С. 200—215.
16. *Мелихов М.В.* Рукописные сборники печорского старообрядца С.А. Носова: сборник № 26 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 336—352.

17. Памятники письменности в хранилищах Республики Коми: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 1: Рукописные книги XV–XX веков в собрании Национального музея Республики Коми / сост. А.А. Амосов, А.Н. Власов, Т.Ф. Волкова, М.Н. Кириченко, О.П. Лихачева, Б.Н. Морозов, Л.А. Петрова; отв. ред. Б.Н. Морозов. Сыктывкар, 2013.

18. Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель. Ч. 1: Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета / сост. Т.Ф. Волкова, А.А. Амосов, А.Н. Власов, Л.А. Петрова. Сыктывкар, 1989.

19. *Прокуратова Е.В.* Новые источники изучения книжной традиции низовой Печоры (по материалам фольклорно-археографических экспедиций 2005–2018 гг.) // Рябининские чтения-2019. Петрозаводск, 2019. С. 522–525.

20. *Прокуратова Е.В.* Новые источники изучения рукописного наследия печорского книжника С.А. Носова (археографическая находка 2009) // Вторые мяндинские чтения: в 2 т. Т. 1. Сыктывкар, 2010. С. 162–170.

21. *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература: в 2 т. / науч. ред. Н.В. Понырко. М., 2002.

О двух иконах XVII века из Пахомиева Кенского монастыря

Родионова Вера Юрьевна – художник-реставратор темперной живописи II категории, Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева; vera_rodionova77@mail.ru

Статья посвящена итогам реставрации и исследованию икон из Пахомиева Кенского монастыря. К сожалению, сам монастырь не сохранился, но чудом уцелели иконы древней обители. Комплекс, состоящий из 12 памятников, хранится в Центральном музее имени Андрея Рублёва. Две иконы XVII в. «Спас в силах; Преполовление; Беседа Христа с самарянкой» и «Рождество Христово; Неизвестный святой» принадлежат, на наш взгляд, каргопольской иконописной традиции и имеют непосредственное отношение к каргопольским мастерам, расписавшим иконостас церкви Рождества Христова в Каргополе. Хотя сохранившиеся иконы до конца еще не отреставрированы, проведенная реставрация большей части икон и полученные результаты исследований дают нам важную информацию по истории создания и бытования Пахомиева Кенского Преображенского монастыря.

Ключевые слова: иконопись, иконы, Пахомиев Кенский монастырь, Кенозеро, Каргополь, Каргопольский уезд.

On two 17th-century icons from the Monastery of St. Pachomius of Keno

Rodionova Vera Yu. – skill category 2 art restorer (tempera painting), Andrey Rublev Central Museum of Old Russian Culture and Art; vera_rodionova77@mail.ru

The paper presents the results of restoration and study of the icons from the Monastery St. Pachomius of Keno. Unfortunately, the monastery does not exist anymore, but its icons have miraculously survived. The collection, which consists of twelve icons, is kept in Andrey Rublev Central Museum. There is evidence suggesting that two 17th-century icons – «The Savior among the Heavenly Powers. Mid-Pentecost. Christ's conversation with Samaritan woman» and «The Nativity of Christ. Unknown Saint» – are specimens of Kargopol icon-painting tradition and elements of the original iconostasis of the Church of the Nativity of Christ in Kargopol. While these two icons are still under restoration, the rest of the icons have been revived, serving as valuable sources of information on the history of the creation and existence of the St. Pachomius of Keno Monastery of Transfiguration.

Keywords: icon painting, icons, St. Pachomius of Keno Monastery, Kenozero, Kargopol, Kargopol District.

Пахомиев Кенский Преображенский монастырь, основанный в конце XV – начале XVI в. учеником преподобного Александра Ошевенского преподобным Пахомием Кенским, к началу XVI и вплоть до начала XIX столетия входил в состав Каргопольского уезда. Пустынь являлась духовным центром Кенозерья, но уже к середине XVIII в. пришла в упадок, поскольку торговый путь через Поонежье почти полностью утратил свое значение. В 1748 г. монастырь был приписан к Спасо-Каргопольскому монастырю, а в 1764 г. его упразднили. В 1804 г. на месте бывшего монастырского комплекса, пострадавшего от пожара, началось строительство новой каменной церкви. В 1842 г. ее освятили в честь Преображения Господня [1, с. 254–298, 447–515]. В 1954 г. храм разобрали на кирпичи [4, с. 108–111].

Л.М. Евсеева в 1968 г. во время научной экспедиции выявила 12 икон, происходящих из разрушенной приходской церкви в пос. Коровино Архангельской области. Памятники отправили в Музей имени Андрея Рублёва [4, с. 108–111].

После раскрытия пяти икон Кенского монастыря последней четверти XVI в. (из деисусного чина – «Святитель Василий Великий»¹ и «Архангел Гавриил»²; образы верхнего пророческого ряда иконостаса «Пророк Малахия»³ и «Пророк Аггей»⁴; «Распятие»⁵) Л.М. Евсеева связывает их с ростовскими мастерами XVI в., предполагая, что иконостас, в который входили раскрытые в музее иконы, принадлежал Преображенской церкви, древнейшей и главной в Пахомиевом монастыре [3, с. 322–337].

Наше внимание привлекли две мало изученные иконы:

1. «Спас в силах; Преполовение; Беседа Христа с самарянкой»⁶ (ил. 1). Поле снизу отпилено наполовину, также немного отпилены боковые поля иконы. Первоначальный размер иконы – приблизительно 125 × 73 см. От позднейшей записи середины XIX в. пока раскрыта только одна композиция «Беседа Христа с самарянкой» (ил. 2). Верхний слой записи 1868 г. довольно точно повторяет авторскую живопись.

2. «Рождество Христово; Неизвестный святой»⁷ (ил. 3). Икона из деисусного чина. На записи 1868 г. изображен праотец Исаак с вязанкой дров в

¹ Центральный музей имени Андрея Рублёва (здесь и далее). КП 631. Инв. № 1203-I (реставратор Б.П. Еремин).

² КП 639. Инв. № 1204-I (реставратор М.В. Казнов).

³ КП 636. Инв. № 294-I (реставратор М.В. Казнов).

⁴ КП 633. Инв. № 293-I (реставратор М.Д. Демин).

⁵ КП 634. Инв. № 304-I (реставратор О.Е. Труфанова, реставрация не закончена).

⁶ КП 642. Инв. № 1968-I (реставратор М.В. Казнов, размер иконы 120,5 × 71,5 см, реставрация не закончена).

⁷ КП 640. Инв. № 772-I (размер – 127,2 × 50,5 см, реставрация не закончена).

руке. Раскрыты фрагменты авторской живописи: на празднике фигуры двух пастухов – старца и юноши – и ангела над ними (ил. 4), в низу иконы раскрыта часть сине-белой фелони святителя и белой епитрахили с красными крестами. Размер иконы – 127,2 × 50,5 см.

Хотя рассматриваемые нами иконы находятся в процессе реставрации, уже можно сделать предварительные наблюдения о стилистических особенностях. Памятники, на наш взгляд, принадлежат одному иконописному кругу и происходят из одного иконостаса церкви Пахомиева Кенского монастыря.

Л.М. Евсева еще до раскрытия верхнего клейма иконы «Преполовление» на иконе Спасителя, ориентируясь на пробные участки раскрытия, связывает этот памятник и икону «Рождество Христово; Неизвестный святой» со строгановскими мастерами, работавшими в Сольвычегодске и в том числе с памятниками иконописи, происходящими из Каргополя [2, с. 288]. В качестве аналогов живописи «Рождества» она приводит икону сольвычегодской строгановской мастерской «Великомученик Никита с клеймами жития» конца XVI в. из Благовещенского собора Сольвычегодска [6, с. 56–58]. Л.М. Евсева указывает на «схожесть написания ликов и охристых глинистых горок с мелкими лещадками» [2, с. 288]. Сопоставляя написание архитектуры в «Преполовлении» нашего комплекса и иконы великомученика Никиты, она указывает на вытянутость построек и сложные многоглавые завершения, а также на одинаковую деталь двух икон – «главный храм с повышенной центральной частью и шипцовыми завершениями барабанов» [2, с. 288].

Обращая внимание на общие приемы выполнения личного письма, исследователь описывает еще две иконы, происходящие из Каргополя. Это икона «Богоматерь Тихвинская» и «Илья Пророк в житии» конца XVI в. в Архангельском музее изобразительных искусств [5, № 104, 105]. Л.М. Евсева пишет: «Подобные темновидные лики с их четкой конструктивной формой стали характерны для живописи Севера конца XVI века» [2, с. 288].

Т.Н. Нечаева, после раскрытия от записи верхнего клейма иконы «Спас в силах», ссылаясь на исследования Л.М. Евсевой, связывает этот памятник с влиянием иконописного центра – Сольвычегодска – и датирует его концом XVI – началом XVII в., предполагая, что происходит икона из иконостаса одной из церквей – Никольской или Рождественской. В каталоге выставки «Северные экспедиции Музея имени Андрея Рублёва» она указывает: «Близость к произведениям строгановских мастеров, работавших на севере, видна в иконографии, в частности в использовании в иконостасе редкого сюжета – “Преполовление”, в характере архитектуры и в способе письма лично-го» [11, с. 25].

Действительно, рассмотрев исполненные строгановскими мастерами иконы, приведенные Л.М. Евсевой в качестве аналогов икон Пахомиева Кенского монастыря, можно найти общие черты. Особенно хорошо схожие приемы живописи заметны на иконах из Архангельского музея. Однако, ис-

следовав описанные выше иконы из Кенского монастыря, можно с уверенностью сказать, что по стилистическим особенностям данные памятники принадлежат кругу каргопольской иконописной традиции второй половины XVII в. Этот вывод основывается на стилистическом анализе стиля живописи и приемов письма каргопольских икон. Особенно близок данному памятнику иконостасный ряд из церкви Рождества Христова в Каргополе, написанный каргопольскими мастерами XVII в. на спаренных досках [7, с. 46–51]. Как считает Т.М. Кольцова, такие спаренные иконы, написанные «на одних цках», были достаточно распространены на Русском Севере и являлись особенностью северных иконостасов XVII–XVIII вв. [7, с. 19–20]. Автор отмечает, что в крупноформатных иконах чаще встречались совмещенные изображения пророков с праздничными сюжетами, реже деисусный и праздничный чин. Наши исследуемые иконы достаточно масштабны, их размер составляет 125–130 см.

Н.И. Комашко также рассмотрела этот иконостасный комплекс в своей обзорной статье «Каргопольское путешествие», датируя этот памятник серединой XVII в. и предполагая, что иконы происходят из южного предела Рождественского собора, посвященного Всемиловитому Спасу. Она пишет: «... в таких небольших храмовых пристройках устраивали компактные иконостасы, состоящие из нескольких вертикально ориентированных досок, на каждой из которых писали один над другим сюжеты сразу двух, а иногда и трех рядов». Также высказана идея, что центральная икона происходила из другого, более масштабного иконостаса, т.к. она не имеет второго ряда и отличается по манере письма от других икон [9, с. 125]. На наш взгляд, это ошибочная версия, о чем подробно будет рассмотрено ниже. В то же время нельзя с уверенностью сказать, что иконы происходят из какого-либо предела, т.к. не сохранилось никаких документов о строительстве данного собора и устройстве в нем иконостасов. Как сообщает А.Г. Мельник в своей статье «Собор Рождества Христова в Каргополе», ссылаясь на описи имущества собора за 1801 г., «документально засвидетельствована лишь одна дата — 1562 г., время окончания строительства памятника» [10, с. 147]. Также автор сообщает, что ему не удалось обнаружить каких-либо следов крепления первоначального иконостаса собора, поскольку они полностью скрыты поздним резным иконостасом [10, с. 150].

Ввиду того, что провести каких-либо документальных сопоставлений, к сожалению, не представляется возможным, наше сравнение будет построено исключительно на стилистическом анализе и сравнении приемов письма двух комплексов.

На иконе «Воздвижение Креста Господня. Святитель Григорий Богослов»⁸ [7, с. 46] верхнее клеймо с изображением воздвижения Креста Господня по стилистической манере особенно близко к клейму «Преполование» на

⁸ КП 7009. Инв. № 155.

изучаемой иконе Спасителя из кенского комплекса (ил. 5). В личном письме сравниваемых нами икон можно наблюдать одинаковые черты написания ликов – округлые лица выполнены охрой с темным охристо-оливковым санкерем и с крупными широко раскрытыми глазами. Очевидна одинаковая манера нанесения белильных высветлений, тонкая и немного графичная моделировка с редкими вытянутыми белильными движками и темной обводкой контуров. Хорошо заметен совершенно одинаковый прием в написании поворота головы диакона, поддерживающего Крест, человека из толпы, изображенных в клейме воздвижения Креста, и отрока Христа с иконы «Спас в силах». Их лики развернуты в три четверти и немного наклонены вперед, глаза направлены на зрителя. Безусловно, мастер повторяет этот интересный прием от иконы к иконе. Как указывает исследователь каргопольских икон Т.М. Кольцова, их лики очень выразительны и эмоциональны, немного наивны.

Совпадения особенно хорошо видны в изображении архитектуры. Белокаменный трехглавый собор на двух иконах совершенно одинаков в конструктивном исполнении и явно выполнен с одного иконного образца. Только на клейме с Преполовлением он украшен тонким графическим узором. Скорее всего, это объясняется тем, что икона «Спас в Силах; Преполовление; Беседа Христа с Самарянок» являлась центром иконостаса. На боковых башенках из клейма «Крестовоздвижения» мы видим такой же стилизованный цветочный узор, включающий в себя белильный трилистник, что и на центральном храме в клейме «Преполовления». Совпадает и тонкая декоративно белильная обводка на изображении подиумов, ножек престолов и кафедры. Остроконечные башенки за собором на двух иконах зеркально повторяют друг друга, при этом цветовая передача этих строений остается одинаковой. Скорее всего, у мастера уже сложилось определенное цветовое решение данной композиции. Зеленая башня в левом верхнем углу поддерживает цветовой композиционный строй и не дает развалиться всей композиции в клейме. Также колорит обеих икон с цветовыми локальными пятнами абсолютно идентичен – нежные розово-зеленые цвета архитектуры, разнообразные в цветовом решении фигуры совмещаются с плотным охристым фоном.

Также можно сравнить сюжет Рождества Христова на иконе из Кенозерья и иконы XVII в. из церкви Рождества Христова в Каргополе «Архангел Михаил. Рождество Христово»⁹ (ил. 6) [7, с. 46, № 18]. Открытый фрагмент авторской живописи из Кенозерья небольшой по размеру, но он достаточно информативный. Две раскрытые фигуры пастухов – хорошей сохранности, их охристые лики с широко открытыми глазами, характеризующиеся четкой конструктивной формой и тонкой моделировкой черт, совершенно идентичны ликам с клейма «Преполовления» кенского комплекса и клейма «Рождество Христово» из Каргополя. Можно отметить и одинаково исполненные

⁹ КП 7008. Инв. № 156.

одежды пастухов с клейм сюжета рождества Христова – красно-коричневые рубашки, высокие сапожки, очень интересные одинаковые остроконечные коричневые шапочки. Также на двух рассматриваемых иконах сходны по типологии и изображения красно-охристых горок с мелкими лещадками и тонкими пробелами.

Икона «Рождество Христово. Василий Великий» из Музея имени Андрея Рублёва представляет собой редкий и интересный памятник. Сложная развернутая композиция строится вокруг ростовой фигуры Василия Великого. Справа от святителя мы видим пастухов с ангелами над ними, левая часть композиции еще находится под записью XIX в. Только по контуру очертаний можно предположить изображение волхвов, фигуры которых угадываются в развевающихся красных плащах. Скорее всего, сюжет Рождества был выполнен на отдельной иконе, которая располагалась в праздничном ряду иконостаса над иконой Василия Великого. Подобного аналога изображения сюжета в центральной части деисусного чина нам встретить не удалось. Полное изучение этого памятника еще впереди.

Старшим научным сотрудником лаборатории Московского музея современного искусства (ММОМА), кандидатом химических наук О.Ю. Русаковой и научным сотрудником, физиком-технологом Е.В. Мальковой было выполнено рентгенографирование иконы «Спас в Силах; Преполование; Беседа Христа с Самарянкой» (ил. 7) портативной рентгеновской установкой «РПА-50». На рентгеновских снимках мы смогли рассмотреть скрытые под записью авторские участки живописи. Стало понятно, что верхний слой записи точно повторяет нижележащую авторскую живопись XVII в. с небольшими изменениями. На рентгенограмме хорошо просматриваются лики херувимов. Художник поместил их изображение за Спасом, и они как будто выглядывают из-за плеч Спасителя. Такие же изображения Небесных Сил и такие же трогательные лики с осторожным взглядом изображены на иконе «Спас в силах»¹⁰ из церкви Рождества Христова в Каргополе. На рентгенограмме рядом с изображением благословляющей руки Спасителя на изображении пояса четко читаются белильные жемчужины. Такими же крупными жемчужинами украшен и воротник хитона Спасителя. Повторение этой иконографической детали мы наблюдаем и на каргопольской иконе.

Реставраторами Музея имени Андрея Рублёва проводилось изучение красочного слоя с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 (увеличение 14–28 раз). Благодаря выполненным микропробам можно с уверенностью сказать, что на двух иконах одежды Спасителя идентичны. Хитон написан красно-коричневым колером с золотым ассистом, а гиматий выполнен серебром с черными угольными разделками.

По нашему мнению, несохранившийся иконостас третьей четверти XVII в. из Пахомиева Кенского монастыря был выполнен мастером (или

¹⁰ КП 8660. Инв. № 408.

группой иконописцев), расписавшим иконостас собора Рождества Христова в Каргополе.

На данный момент остается не совсем ясно, в каком храме кенского монастыря находился иконостас изучаемых нами икон. Сохранилось несколько описей монастыря: 1676, 1755, 1765 и 1766 гг. [1, с. 485–509]. Наиболее полная опись 1755 г. во многом совпадает с описью 1676 г.

Источник не сообщает никаких сведений о времени постройки Преображенской церкви. По описи 1755 г., церковь «Преображения Господня, ветхая, пятиглавая, в пределе преподобного Антония Сийского» [1, с. 486]. Также опись указывает на ее на престольный антиминс: «... антиминс печатный, при благоверных государех царех, и великих князех Иоанне Алексеевиче, Петре Алексеевиче» [1, с. 486] (1682–1698 гг.). Текст антиминса престола в пределе Александра Сийского сообщает о его освящении между 1664 и 1672 гг., при царе Алексее Михайловиче и новгородском архиепископе Питириме [1, с. 486]. Л.М. Евсева предполагает, что освящение этих антиминсов было связано с ремонтными работами в храме, поскольку в описи церковь обозначена как ветхая [2, с. 289].

Иконостас Преображенского храма указан в описи 1755 г.: «... в трех тяблах образ Спасителей, в Деисусе, на престоле сидящий со многими святыми; двенадцатые праздники и пророки, писаны красками» [1, с. 487]. Как утверждает Л.М. Евсева, только в этом иконостасе описан пророческий ряд. Иконостас предела Антония Сийского включал в себя в местном ряду по сторонам Царских дверей – иконы Одигитрии и Антония Сийского, в небольшом Деисусе – «образ Спасителей и Богородицы и Предтечи со архангелами» [2, с. 289].

Около 1569 г. в монастыре была выстроена вторая церковь – Никольская [1, с. 262–263]. В описи 1755 г. она представлена так: «... об одной главе, теплая, с трапезою и келарскою в одной связи, а надкеларскою наверху колокольня». Л.М. Евсева считает, что иконостас Никольской церкви был написан гораздо позже, уже во второй половине XVII в., т.к. иконостас включал в себя апостольский деисусный чин: «В тябле Деисус Спасителя, и Богоматери, и Предтечи со Апостолы, на 10-ти дсках» [2, с. 290]. И принадлежал он уже Никоновской реформе, т.к. по описи мы прослеживаем наличие иконостаса с апостолами без святителей и мучеников. Никольская церковь строилась как зимняя, а для отапливаемых церковей возводили низкие иконостасы в два – три яруса, чтобы беречь тепло [8, с. 19]. Наши иконы выполнены на масштабных досках и рассчитаны на восприятие с расстояния; так что вполне можно предположить, что изучаемые иконы писались не для этого храма.

Следующая церковь после Преображенской в описи 1755 г. обозначена как церковь «Рождества Пресвятыя Богородицы, о трех главах с трапезу» [1, с. 486], она была указана и в описи 1676 г. [1, с. 286]. Описан также ее антиминс: «... на холсте, печатный, при благоверном государе царе и великом князе Алексее Михайловиче и преосвященном Питириме митрополите нов-

городском» [1, с. 487]. Л.М. Евсева предполагает, что первое освящение храма после его постройки произошло между 1664 и 1672 гг. по времени пребывания митрополита Питирима на Новгородской святительской кафедре [2, с. 290]. Описью 1755 г. иконостас в Рождественской церкви представлен уже в стиле второй половины XVII в.: «... в тябле двенадцатых праздников 11, осьмоугольных. В другом тябле образ Спасителя, на престоле сидящий, по обе стороны образы Богоматери и Иоанна Предтечи, с прочими Апостолы, в восьми лицах писаны красками... На правой стороне образ Спасителей поясной... По другую сторону царских дверей образ Пресв. Богородицы Одигитрии» [1, с. 487–488]. Также в описи говорится о двух иконах местного ряда, и, как предполагает Лилия Михайловна, эти иконы указаны как довольно редкие: «... образ Рождества Богородицы, писан пробельным золотом твореным» и «... живоначальные Троицы, пробел золотой» [2, с. 291]. Техника золотопробельного письма распространяется с середины XVII в. На иконе Спасителя из Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея мы можем наблюдать золотопробельные приемы письма; а на иконе из Музея имени Андрея Рублёва в микропробах мы определили, что одежды Спаса выполнены серебром и золотым ассистом. Следует обратить внимание, что в этом иконостасе также указан образ «на престоле сидящего» Спасителя.

Также опись 1755 г. характеризует Царские врата в иконостасе Рождественской церкви с резными украшениями: «з дрожниками флямватными» [1, с. 488]. Определение «флемской» резьбы пришло на смену «фряжской» в середине XVII в. с прибытием в Россию резчиков – «иноземцов» [12].

Л.М. Евсева указывает на данный иконостас как на развернутую предалтарную программу иконного ансамбля, оформившегося при патриархе Никоне, когда в 1653–1654 гг. заменили иконостас в Успенском соборе Московского Кремля [2, с. 290]. В середине XVII в. Никон изменил порядок рядов в иконостасе: праздники стали размещать по греческой традиции под деисусом, но в провинции прежний строй еще долго сохранялся прежним.

Как мы видим, иконостас, в который входили изучаемые нами иконы, мог быть исполнен для нескольких храмов монастыря, но наиболее вероятным предположением, на наш взгляд, является версия, что иконостас, в который входили две описанные выше иконы: «Спас в силах; Преполовление; Беседа Христа с самарянкой» и «Рождество Христово; Неизвестный святой» третьей четверти XVII в. принадлежал к Рождественскому храму монастыря, выстроенному и освященному в промежутке между 1664 и 1672 гг.

Список литературы

1. Докучаев-Басков К.А. Подвижники и монастыри русского севера: Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 254–298, 447–515.
2. Евсева Л.М. Иконы и иконостасы храмов Пахомиева Кенского монастыря // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисципли-

нарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук. Архангельск, 2011. С. 282–296.

3. *Евсеева Л.М.* Иконы ростовских мастеров из Пахомиева Кенского монастыря // Труды Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублёва. М., 2020. С. 322–337.

4. *Евсеева Л.М.* Кенозеро: иконы Пахомиева Кенского монастыря // Северные экспедиции Музея имени Андрея Рублёва: каталог выставки. М., 2018. С. 108–111

5. Иконы Русского Севера. Шедевры древней иконописи Архангельского музея изобразительных искусств. М., 2007. № 104, 105.

6. Искусство строгановских мастеров: Реставрация. Исследования. Проблемы. М., 1991. С. 56–58.

7. *Кольцова Т.М.* Иконы Каргополя. Из собрания Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея. Свод русской иконописи. М., 2014.

8. *Кольцова Т.М.* Каргопольская икона: Из собрания Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2019.

9. *Комашко Н.И.* Каргопольское путешествие. Семь маршрутов по севернорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем. М., 2014. С. 125–129.

10. *Мельник А.Г.* Собор Рождества Христова в Каргополе // Сообщения Ростовского музея. Вып. 20. Ростов, 2014. С. 146–162.

11. *Нечаева Т.Н.* Кенозеро: иконы Пахомиева Кенского монастыря // Северные экспедиции Музея имени Андрея Рублёва: каталог выставки. М., 2018. С. 13–28.

12. *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. М., 2000.

**Коллекции текстиля Летнего берега Белого моря
(в собраниях Национального парка «Онежское Поморье»,
музеев г. Архангельска и Архангельской области)**

Рыжкова Марина Григорьевна – специалист по научной документации, Национальный парк «Кенозерский»; grim27@list.ru

Целью исследования является создание комплекса поморского костюма жителей д. Лопшеньги Летнего берега Белого моря на рубеже XIX и XX вв. В статье изучаются коллекции предметов поморского текстиля (ткани, одежда) конца XIX – середины XX столетия Российского этнографического музея, музеев Архангельска и Архангельской области, приобретенные в Лопшеньге. Ткани, предметы домашнего обихода, женская и мужская одежда, головные уборы, украшения, обувь, аксессуары, промысловый комплекс представлены автором по рубрикатору. Основу работы составили полевые материалы экспедиций сотрудников музеев, сведения, собранные фольклористом Н.И. Рождественской в 1937–1938 гг., а также филологом Т.М. Судник в 1971 г. В научный оборот вводятся предметы поморского текстиля, собранные сотрудниками Национального парка «Кенозерский» в 2017–2021 гг. в д. Лопшеньге и представленные в виде каталога.

Ключевые слова: Летний берег Белого моря, Лопшеньга, поморский текстиль, традиционный костюм, промысловая одежда.

**The textile collections of the White Sea Letnii Bereg Coast
(the holdings of Onega Pomorie National Park, museums repositories
in Arkhangelsk, and its municipalities)**

Ryzhkova Marina G. – scientific documentation expert, Kenozero National Park; grim27@list.ru

The study aims to reconstruct the 19th–20th century costume of the Pomor community of Lopshen'ga residing on Letnii Bereg Coast of the White Sea. This paper explores the collections of the late 19th-early 20th century Pomor textiles (fabrics, clothes) that originate from Lopshen'ga village and are currently kept in the Russian Museum of Ethnography and museums in Arkhangelsk and its municipalities. Fabrics, household items, men's and women's garments, headgear, jewelry, shoes, accessories, fishing clothing are presented according to the subject heading list. The paper relies on the field materials of earlier museum expeditions and the 1937–1938 information provided by folklore specialist N.I. Rozhdestvenskaya and philologist T.M. Sudnik (1971). The author introduces the descriptions of the

© Рыжкова М.Г., 2022

Pomor textiles, collected by the teams of Kenozero national Park in Lopshenga village in 2017–2021 and presented in the catalogue.

Keywords: Letnii Bereg Coast of the White Sea, Lopshen'ga, Pomor textiles, traditional costume, fishing clothing.

Изучение богатого художественного наследия северного Поморья ведется отечественной наукой более двух столетий. Бытовая культура Поморья к концу XIX в., благодаря географической изолированности и патриархальному укладу, продолжала оставаться цельной, сохранявшей традиции и представлявшей интерес для русской общественности.

Одним из первых собирать и изучать изделия поморских мастеров «как самобытные произведения местного творчества» начал академик архитектуры В.В. Суслов (1857–1921). В 1886–1887 гг., в период проведения обмеров деревянных церквей в с. Нёнокса Архангельской губернии для музея Петербургской Академии художеств, им была собрана небольшая коллекция предметов поморского быта.

На рубеже XIX и XX вв. окраинные территории Севера России посещали группы исследователей, художников, писателей, паломников, путешественников, этнографов, фольклористов, архитекторов и краеведов [6, с. 35, 36].

В это время изделия народного искусства стали поступать в музеи и частные коллекции в качестве предметов быта. Повышенным вниманием пользовались в начале XX в. деревни и села беломорского побережья и особенно промысловые поселения. Полевые материалы, сохранившие ценные этнографические сведения о культуре бытования населения этой территории, получили отражение в отчетах научного характера. Одновременно происходило формирование коллекций тканей и одежды поморов.

Собранные в этот период уникальные по многообразию форм, богатству содержания и художественной ценности изделия талантливых поморских мастеров XVIII и XIX вв. хранятся в центральных музеях: Государственном Русском музее и Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург), а также Государственном историческом музее (г. Москва). Коллекции поморских тканей и одежды также вошли в собрания музеев Архангельской области, Архангельска, Кеми и Мурманска.

В рамках данного исследования рассматриваются ткани и одежда Поморья Российского этнографического музея и собрания музеев Архангельской области. Фокус настоящей работы направлен, прежде всего, на предметы, обнаруженные в д. Лопшеньге Архангельской губернии (позднее Архангельской обл.). Рассматривается хронологический период с конца XIX по середину XX в.

Предметы текстиля с территории Онежского полуострова в собрании Российского этнографического музея

В основу формирования Российского этнографического музея (основан в 1902 г. на базе этнографического отдела Русского музея императора Алексан-

дра III) «были положены представления ученых последней трети XIX – начала XX в. о вещевом собрании музея как источнике этнографической науки. Соответственно этому положению, в музей должны были поступать только вещи “своеобразные, своеобразные”, сделанные “представителями изучаемого народа для внутреннего потребления”, т.е., выражаясь современным языком, традиционные» [12, с. 307].

Начало поморской коллекции музея было положено в 1904 г. Специалисты Русского музея: хранитель этнографического отдела Евгений Александрович Ляцкой (1868–1942) и сотрудник историко-бытового отдела Леонид Васильевич Костиков (1869–1941), побывали в Архангельском, Онежском и Мезенском уездах Архангельской губернии. В экспедиции «были собраны три крупных коллекции: предметов рыболовства, крестьянского и городского быта, а также редкое по художественной ценности собрание произведений народного искусства: резьбы и росписи по дереву, народного костюма, узорной вышивки и ткачества» [6, с. 36]. В период 1910–1914 гг. вместе с Л.В. Костиковым в сборе вещевых памятников, фотографий и архивных материалов по этнографии поморов активно участвовал корреспондент Этнографического музея, краевед, священник храма Рождества Пресвятой Богородицы в посаде Луда Иоанн Несторович Чирков (1872 – ?). В 1914 г. в посаде Луда в ходе экспедиции, организованной Русским географическим обществом, десять экспонатов для музея было собрано студентом естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета Л.Л. Капицей (1892–1938).

После 1934 г. экспонаты коллекции Северного Поморья из собрания Русского музея были переданы в Музей этнографии народов СССР. В настоящее время в Российском этнографическом музее хранятся 14 коллекций предметов, собранных на территории Летнего и Онежского берегов Белого моря [12, с. 306].

В состав коллекций № 1967, 2324, 2326, 3177 вошли предметы текстиля периода XIX – начала XX в., собранные в экспедициях 1910, 1911, 1914 гг. в посадах Луда, Уна, Нёнокса, д. Лопшеньге и Красная Горка Летнего берега, с. Нижмозеро, Прилуцкое, д. Пушлахте, Пурнеме, Лямице Онежского берега. Это предметы традиционного женского и мужского костюмов, верхняя, праздничная и промысловая женская и мужская одежда, головные уборы, аксессуары (рукавицы, пояса), украшения и обувь, изделия домашнего обихода. Три экспоната коллекции № 2324 были приобретены в д. Лопшеньге Архангельского уезда Архангельской губернии: женская шубейка (Колл. РЭМ 2324-6), треух (мужская шапка) (Колл. РЭМ 2324-2) и бахилы (промысловые сапоги) (Колл. РЭМ 2324-23)¹.

¹ Рыжкова М.Г. Коллекции текстиля Летнего берега Белого моря в музеях Архангельской области // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 81.

Обзор коллекций предметов текстиля из Лопшеньги

Архангельский краеведческий музей. Интерес к наследию поморского народного искусства проявили и другие музеи. В 1911–1913 гг. сотрудники Архангельского публичного городского музея во главе с И.М. Починовским побывали в ряде населенных пунктов на побережье Белого моря. Собранные ими коллекции оказались весьма значительной. Экспедициями были обследованы поморские деревни и села: Солза, Уна, Луда, Нёнокса, Лопшеньга, Яреньга. Именно в Архангельском краеведческом музее хранятся наиболее старинные, редкие памятники крестьянского искусства, привезенные из деревень, расположенных на побережье полуострова, более ста лет назад. Благодаря экспедиционным сборам заметно пополнилось собрание текстиля в период 1970–1980-х гг.

В коллекции поморского текстиля представлены предметы домашнего обихода, женская, мужская одежда из льняного полотна (рубahi, сарафаны), предметы одежды из фабричных тканей конца XIX – первой трети XX в. Особый интерес для данного исследования представляют одежда и аксессуары, привезенные с Летнего берега: мужская и женская верхняя и промысловая одежда; мужской головной убор – рыбацкая шляпа (зюйдвестка); мужские вязаные рубahi. Из Лопшеньги в собрание вошли две традиционные женские рубahi из домотканого полотна, украшенные браной вышивкой, конца XIX в. (АОКМ КП-34472, АОКМ КП-34473) и вышитый передник из фабричной хлопчатобумажной ткани, изготовленный в начале XX в.² (АОКМ КП-34478).

Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Среди музеев Архангельской области самой крупной и полной этнографической коллекцией предметов с Онежского полуострова обладает Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (далее – Соловецкий музей-заповедник). Собрание старинных памятников поморского быта периода XIX – середины XX в. создавалось сотрудниками музея в ходе экспедиций, предпринятых с 1968 по 1989 г. [4, с. 125–132]. Более 600 музейных единиц хранения включают редкие образцы поморского текстиля. Это традиционная женская и мужская одежда, аксессуары, обувь, ткани домашнего изготовления, предметы, украшенные вышивкой, вязаные и плетеные изделия конца XIX – первой трети XX в. В 2000 г. поморский текстиль Соловецкого музея-заповедника вошел в каталог «Ткани и одежда Поморья» – фундаментальное, историческое исследование, путеводитель и источник ценнейших сведений о материалах, способах изготовления тканей, одежды, головных уборов, аксессуаров и обуви на территории Поморья. Составителем каталога является Галина Алексеевна Григорьева, реставратор высшей категории Архангельского филиала Всероссийского художественного научно-реставрационного центра (ВХНРЦ)

² Там же.

имени академика И.Э. Грабаря, а также собиратель, исследователь и участник поморских экспедиций музея-заповедника [3]. Важно подчеркнуть, что создание подобного монографического исследования, учитывающего накопленные сведения и материалы о коллекции, является необычайно сложным и трудоемким видом научной деятельности в музее.

В собрание музея вошло более 100 образцов тканей и готовых изделий с Летнего берега Белого моря, более 60 — с Онежского, около 20 — с Поморского берега [3, с. 7]. Около 50 предметов конца XIX — первой трети XX столетия в коллекции из д. Лопшеньги: ткани, полотенца, украшенные ручной вышивкой, ткачеством и вязаным кружевом, одежда, женские головные уборы, украшения, вязаные изделия, плетеные и тканые пояса, обувь и аксессуары из кожи³. Для данного исследования особый интерес представляют дневниковые записи участников экспедиций 1970—1980-х гг. на территорию Летнего и Онежского берегов, имеющие значимую этнографическую ценность. В них содержатся «сведения по историческим технологиям традиционных промыслов и ремесел, в том числе художественных», а также рассказы жителей д. Лопшеньги о местных мастерах [4, с. 123].

Архангельский государственный музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы». Коллекция образцов традиционного текстиля и одежды жителей Русского Севера конца XIX — начала XX в. в Архангельском государственном музее деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (далее — музей «Малые Корелы») была сформирована в основном в 1960—1990-х гг. Из д. Лопшеньги Яренгской волости Архангельского уезда Архангельской губернии в собрание текстиля музея вошли предметы будничной и праздничной женской и мужской одежды, украшения, обувь, образцы предметов домашнего обихода и полотна ручного ткачества. Интерес для исследования представляют домотканые, вышитые полотенца, выполненные мастерицами Лопшеньги, серьги из бисера и низанные бисером шейные украшения. Из комплекса праздничного костюма — женский парчовый полушубочек и праздничная, украшенная вышивкой мужская рубашка⁴. В 1980 г. сотрудник музея «Малые Корелы» Наталья Павловна Лютикова побывала в Лопшеньге. На материалах экспедиции ею был подготовлен научный отчет по теме поморского костюма конца XIX — первой трети XX в. В исследовании автор приводит описание комплектов традиционной одежды лопшарей, обрядовых и бытовых по назначению предметов костюма, сведения о технологии их изготовления⁵.

Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера». Предметы домашнего обихода, полотенца, праздничная, верхняя

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Лютикова Н.П., Лютиков В.Д. Отчет о командировке в Приморский район д. Лопшеньга, Яреньга. 1980 г. // Научно-технический архив музея «Малые Корелы». Ф. 1. Оп. 1. Д. 1440.

женская одежда, украшения и головные уборы конца XIX – первой трети XX в. из деревень Летнего берега вошли в собрание Государственного музейного объединения (ГМО) «Художественная культура Русского Севера» в 1960–1990-х гг. Украшением комплекса предметов, поступивших из Лопшеньги, стал кокошник – редкий женский головной убор⁶.

Музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье». С 2016 г., когда к Национальному парку «Кенозерский» были присоединены территории Национального парка «Онежское Поморье», сотрудниками ведется работа по изучению сохранившихся на Летнем и Онежском берегах памятников материальной культуры и предметов традиционного народного искусства. Началось комплектование музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье». Несмотря на то, что сборы предметов производились с 2017 г., удалось обнаружить весьма редкие произведения народного искусства. В собрание вошли предметы из деревень Летнего берега: Луды, Уны, Лопшеньги, Летней Золотицы, а также Онежского берега: Лямцы и Пурнемы.

Для музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» были приобретены: образцы тканей ручного ткачества, вышивки, плетения, вязания, предметы традиционной женской и мужской одежды, украшения, головные уборы, изделия промысловой одежды и обувь. Поиски предметов традиционной культуры продолжаются. К настоящему времени (с 2017 по 2021 г.) коллекция тканей и одежды периода конца XIX – середины XX в. насчитывает более 80 предметов, в том числе 19 – из д. Лопшеньги⁷.

В целом, несмотря на немногочисленность собрания текстиля музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» с Летнего берега (например, в нее не вошел полный комплект женского традиционного праздничного костюма, промысловой одежды), базовые предметы одежды, обувь, предметы домашнего обихода в нем присутствуют. Их качество и практичность свидетельствует о большом разнообразии навыков и умений мастеров-поморов в работе с материалами, демонстрируют высокий уровень художественной обработки.

Часть коллекционных предметов текстиля была передана на реставрацию в Архангельский филиал ВХНРЦ имени И.Э. Грабаря. Проводится изучение собранных памятников. В 2019 г. опубликован каталог коллекции [8, с. 249–261, 498–501]. В перспективе каталог предметов текстиля «Онежского Поморья» конца XIX – середины XX вв. будет дополняться.

Музей народных промыслов и ремесел Приморья. Изделия домашнего обихода, украшенные кружевом, вышивкой, женская и мужская одежда, женские головные уборы, обувь периода конца XIX – середины XX в. – около 40 предметов из Лопшеньги – хранятся в коллекции Музея народных про-

⁶ Рыжкова М.Г. Коллекции текстиля Летнего берега...

⁷ Там же.

мыслов и ремесел Приморья, расположенного в пос. Уемском Приморского района⁸.

Музей «Поморского быта» при сельском Доме культуры, частные музеи. Весьма значительный объем этнографических сведений с фотографиями и подробностями описаний праздничной одежды жителей Поморья из частного музея М.П. Терещенко в д. Яреньге и музея «Поморского быта» при Яреньгском сельском Доме культуры был представлен в 2019 г. этнографом К.К. Логиновым⁹. Коллекция М.П. Терещенко представляет собой смешанное собрание текстиля из д. Уны и Яреньги конца XIX – середины XX в., т.к. хранитель музея родилась в Уне и часть предметов ею привезена из этого поселения.

Благодаря бережному отношению к прошлому деревни, желанию сохранить предметы старины и образцы произведений народного искусства, в 2021 г. местные жители д. Уны открыли музей в помещении, где ранее располагалась сельская школа. В экспозиции представлены предметы быта и домашнего текстиля конца XIX – середины XX в.

Предметы женского праздничного костюма: нарядный полушубочек из парчи, повязка и «заборочник», находятся в частной коллекции Т.И. Серухиной (1969 г.р.), уроженки и жительницы д. Лопшеньги.

Коллекции текстиля

Ткани, предметы домашнего обихода. На Онежском и Летнем, а также местами на Поморском и Зимнем берегах рабочую и некоторые виды будничной одежды шили из тканей домашнего изготовления, а во второй половине XIX – начале XX столетия в поморском быту в основном стали использовать ткани промышленного производства, которые приобретали в Архангельске, на Мурмане, в местных лавках, у приезжих купцов и даже за границей, в Норвегии. Холст, сукно, шелк и мех являлись наиболее предпочтительными материалами для шитья [1, с. 53].

На Летнем берегу, в Лопшеньге ткачество не носило товарного характера. «Ткани изготавливали в основном для нужд семьи, и лишь незначительное количество продукции шло на продажу или делалось на заказ для односельчан и жителей соседних деревень. На продажу ткали полотно, камчатку, пестряди, полушерстяные ткани, сукно, пояса. В 1885 г. аршин (0,71 м) дотканой материи, в зависимости от материала и сложности узора, стоил от 10 до 35 копеек» [3, с. 8].

Материалами для изготовления тканей были шерстяные нити домашнего изготовления, покупные растительные волокна льна и конопли, хлопчатобу-

⁸ Там же.

⁹ Логинов К.К. Научный отчет «О материалах, собранных К.К. Логиновым среди жителей Онежского полуострова в экспедиции 19–31 августа 2017 года» // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 18.

мажные («бумага») и шерстяные нити (гарус) промышленного производства, закупаемые в Архангельске и на ярмарках. «Нити окрашивались в домашних условиях луковой шелухой в коричневый цвет, подмаренником в желтый, клюквой в красный, железным купоросом в черный и т.д. Шерстяные нити домашнего изготовления окрашивали естественными красителями, а с конца XIX века — анилиновыми. Конопля в условиях Поморья росла неплохо, но из нее можно было сделать грубые нитки, которые годились лишь на выработку одежды, защищающей повседневную одежду от загрязнений на тяжелых работах»¹⁰.

Из тканей в быту использовали тонкие полотна, а также грубые ткани типа холста, называвшиеся «портно», полотняного переплетения. Их ткали из льна, реже из конопли. Портно шло на нижние части женских рубах, мужских портов, на изготовление рабочих юбок. Ширина домотканого полотна составляла 27—40 см. Из полотна шили верхние части женских рубах, мужские рубахи, полотенца, простыни, наволочки и др. Рукава женских и мужских рубах шили из пестряди в мелкую клетку с использованием белых льняных нитей и красной «бумаги». Для выходных рубах шла пестрядь с более крупной клеткой на красном фоне, образуемая белыми, синими, черными, а иногда желтыми и зелеными полосами. Бумажником называли пестрядь из «бумаги», в Уне и Луде «бумажную» пестрядь называли «нагольник». Для постельных принадлежностей использовали хлопчатобумажные и льняные ткани с оттенками приглушенных красных и синих цветов [3, с. 9]. Образцы тканей (домашнего изготовления и покупных), бытовавших на Летнем берегу Белого моря, вошли в комплекс предметов текстиля музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» (ОП КП-91, ОП КП-92, ОП КП-93, ОП КП-94, ОП КП-282, ОП КП-368, ОП КП-437, ОП КП-438).

Большинство поморских обрядовых предметов и праздничной одежды украшено строчевой вышивкой и ткаными узорами. Орнаментирование тканей вышивкой в большей степени было развито на Летнем, Онежском и Поморском берегах Белого моря, что отмечалось исследователями. О том, что «из Лопшеньги вообще много хорошей вышивки двухсторонним швом: и полотенца, и рубахи (подолы)», писала Наталья Павловна Лютикова, специалист в области традиционного текстиля Русского Севера, сотрудник музея «Малые Корелы», участник экспедиции на побережье в 1980 г. [10, с. 56].

Для приготовления приданого к свадьбе в деревнях девушки с детства учились прясть, ткать, обучались искусству вышивки, вязания, плетения в семье и у местных мастериц. «По достижении пяти-семи лет девочки начинали практиковаться в прядении, далее по достижении семи лет, когда по народным поверьям “ум детский развязывался”, их сажали за собственные прялки, которые доставались из сундуков для изготовления приданого. Самые тонкие нити пряли девочки 10—12-летнего возраста. Потом их пальчики

¹⁰ Там же.

становились грубоватыми для столь качественной работы. С этого возраста девочки начинали много внимания уделять вышиванию»¹¹. В записях рассказов жительниц деревни 1983 г. сохранились сведения о названиях прялок. «Небольшие прялки с колесом назывались “скокушки”. “Кокорницей” (“кокоркой”) называлась прялка, сделанная из цельного корня, а составная прялка называлась просто “прялица”», – вспоминала Анна Николаевна Майзерова (1928 г.р.)¹². В доме Федоры Васильевны Федотовой (1899 г.р.) «имелась прялка копыльная, “старушка”, так как на ней нет фигурок, “не выписная”. Фигурки на верху прялки назывались “маковицы”»¹³.

Марфа Ивановна Майзерова вспоминала: «В домохозяйстве все работала, со скотом: скота кормила, обряжала, поутру и ввечеру. Сукна ткала, да рубахи вязала с узоринами. Ой! Все про себя готовила: сарафан и рукава ткала бумажные, и рубахи ткала, вышивала подолы уточками да елочками, курушками да петушками. Вязбушки вязбила (способ исполнения узоров на тканях путем тканья)¹⁴ и утиральники затыкала и вышивала. Рукавицы, чулки, все было подготовлено. По воскресеньям робила, и по таким дням, и на вечерках пряла: не все одна делала, и бабушка помогала»¹⁵.

В комплексе изделий домашнего обихода конца XIX – начала XX в. с Летнего берега в собрании ГМО «Художественная культура Русского Севера» хранятся полотенца мастеров из Лопшеньги: А.С. Федотовой начала XX в. (АОМИИ КП 2395, Инв. 520-т; АОМИИ КП 2394, Инв. 500), А.К. Майзеровой (АОМИИ КП 2393, Инв. 542-т) и А.Е. Ярыгиной (АОМИИ КП 2392, Инв. 518-т). К 1940-м гг. относится полотенце, изготовленное жительницей Лопшеньги Ф.А. Ярыгиной (1889–1978) с узорами цветов, вышитыми «крестом» красными и черными нитями (АОМИИ КП-14322, Инв. Т-2911). Композиция вышивки построена на симметрии пышных цветочных мотивов из традиционных розеток и ромбов с развитыми, тонко проработанными декоративными элементами.

Изделия мастеров из Лопшеньги – домотканые льняные полотенца, скатерти с узорами браного ткачества, с вышивкой и кружевом, прошвы для наволочек, вязанные крючком, сохранились в коллекции тканей Соловецкого музея-заповедника. С вышивкой цветными (красными, черными) хлопча-

¹¹ *Логинов К.К.* Научный отчет...

¹² *Кондратьева В.Г., Курганова Л.В.* Дневник экспедиции в Приморский район (вспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). 1983 г. // Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 1. Д. 159. Л. 41. – Материалы предоставлены пользователем архива Я.Э. Харитоновой.

¹³ Там же. Л. 51.

¹⁴ Комментарий Н.И. Рождественской.

¹⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 2950. Оп. 1. Д. 132. Л. 204. – Материалы предоставлены пользователем архива М.Н. Мелюгиной.

тобумажными нитями набором под браное ткачество (по-плотному) в этом музее хранятся полотенца: А.А. Федотовой (1891 г.р.) (СГИАМПЗ Т-409), М.С. Федотовой (1903–1971) (СГИАМПЗ КП-4740), Ф.А. Ярыгиной (СГИАМПЗ КП-4710, Т-1235), изделие неизвестного мастера (СГИАМПЗ КП-3307, Т-357) – аналог полотенца Ф.А. Ярыгиной (АМДЗ КП-5957, Т-1388). С вышивкой двусторонним швом (по-косому) (красными х/б нитями) представлены полотенце П.Н. Петровой (1911 г.р.) (СГИАМПЗ КП-4733, Т-1264); полотенце (СГИАМПЗ КП-4747, Т-1228) с краями, вышитыми тамбурным швом (веревочкой) красными хлопчатобумажными нитями А.С. Юдиной (инициалы Ю.А.С.) (1910 г.р.); ткань этого изделия изготовлена мастером П.К. Юдиной (1880–1950). Особого внимания заслуживает полотенце, изготовленное жительницей д. Лопшеньги Ф.И. Петровой, хранящееся в собрании музея «Малые Корелы» (АМДЗ КП-5974, Т-1272). По краям полотенца вышита чудесная птица с узорчатым декором головы и хвоста. Мотивы вышивки выполнены двусторонним швом (по-косому) красными нитями. Дополняют композицию фризы, составленные из восьмилепестковых розеток и повторяющихся небольших фигурок птичек, симметрично расположившихся около цветов. В собрании музея хранятся также два полотенца Ф.А. Ярыгиной: с браным геометрическим узором из красных и черных хлопчатобумажных нитей (АМДЗ КП-6005, Т-1415) и с широким фризом из лучистых ромбов, выполненных нитями красного и светло-серого цветов; край изделия украшен фабричным кружевом (АМДЗ КП-5957, Т-1388).

В ходе исследования были выявлены два полотенца 1920-х гг. с древними архаическими сюжетами вышивок, происходившие из д. Лопшеньги. Первое было изготовлено П.Н. Петровой (1911 г.р.) в 1927 г. (СГИАМПЗ КП-4733, Т-1264), второе полотенце выполнено Ф.А. Ярыгиной (ОП КП-1200) (№ 3 каталога предметов в Приложении, ил. 1). Оба полотенца отличает качество исполнения вышитых счетных узоров. На полотенце Ф.А. Ярыгиной размещены инициалы Л.Я. (полотенце делалось для Лидии Григорьевны Ярыгиной (1926–1981) – дочери Фелицаты Архиповны Ярыгиной).

По содержанию элементов вышивки, имеющей древний сакральный смысл, эти предметы были обрядовыми. На изделиях изображена сцена предстояния с языческими образами и символами. В центре трехчастной композиции помещен храм, по сторонам которого симметрично расположены скачущие зооморфные стражи (львы или барсы). Животные опираются на задние лапы и как бы попирают змея, обе передние лапы подняты. В трактовке древнего сюжета наблюдается необычное для северных вышивок решение: головы животных изображены в виде женских фигур с жестом адорации – это главные действующие лица, образы женского божества – Мокоши – покровительницы воды, хозяйства, семейного очага и женских работ (ткачества, прядения), имя которой долго сохраняло крестьянское население Севера. Православный храм с куполом и крестом изображен в окружении

птиц, одного из любимых и наиболее распространенных образов русской северной вышивки. Различаются вышивки полотенец по декоративному наполнению. Фриз, расположенный по нижнему краю полотенца Н.П. Петровой составлен из ромбов, символизирующих землю и растительность. Нижний ряд вышивки полотенца, выполненного Ф.А. Ярыгиной, украшает узорный фриз из розеток и лежащих S-образных завитков. Яркий монументальный, полиморфный характер языческих образов заметно отличается от традиционных изображений подобных женских персонажей северорусских вышивок. Аналогом сюжетной линии, пожалуй, может быть вышивка, схожая по содержанию с вышивкой на полотенце из Тверской губернии в собрании Государственного историко-художественного музея-заповедника «Новый Иерусалим» Московской области (МОКМ КП-1676/1, Тр-62). Сравнение с образцами подобных архаических композиций вышивок приводит к предположению, что изображенные мастерами сюжеты и необычные решения женских образов на полотенцах из Лопшеньги являются весьма редкими, «своеобычными» образцами, возможно, только местными.

Фелицата Архиповна Ярыгина (1889–1978) – уроженка д. Лопшеньги, талантливая мастерица, хранительница традиций ткачества, вышивки, изготовления украшений, плетения поясов, вязания крючком кружева и изделий из шерсти (ил. 2). Александра Калинична Павловская (1898 г.р., уроженка д. Лопшеньги) вспоминала, что Фелицата Архиповна ткала пояса, вышивала на кофточках, обучала местных рукодельниц вышивать полотенца. Тканые с вышивкой полотенца Ф.А. Ярыгиной хранятся также в коллекции текстиля музея «Малые Корелы» (АМДЗ КП-6005, Т-1415; АМДЗ КП-5957, Т-1388). Полотенце из домотканого полотна, украшенное вышивкой, выполненное мастерицей в 1940-х гг., вошло в комплекс бытовых предметов текстиля ГМО «Художественная культура Русского Севера».

В коллекцию тканей Соловецкого музея-заповедника попало изделие еще одной мастерицы из Лопшеньги – Евдокии Михайловны Майзеровой (1901 – после 1980 г.). Льняная скатерть из домотканого полотна, украшенная по трем сторонам каймой и кистями, выполнена в сложной многоцветной технике ткачества («камчатка») (СГИАПМЗ КП-3292, Т-363). Эта техника является наиболее поздним, технически сложным видом домашнего ткачества.

Архангельские музейные собрания текстиля украшают изделия другой лопшеньгской рукодельницы – Анисьи Семеновны Федотовой (1910 – 1986). В Музее народных промыслов и ремесел Приморья хранится полотенце, выполненное Анисьей Семеновной, датируемое 1930-ми гг. Изделие из покупного фабричного ситца украшено по краям вышивкой «веревочкой» красными и черными нитками: две детские фигуры – девочка и мальчик, между ними, затыливой вязью, вышиты инициалы мастерицы – Ф.А.С. Изображение и техника декора лишь отдаленно напоминают сложные по исполнению и содержанию узоры более ранних по времени полотенец. Заметна явная

тенденция к большей декоративности, уход от сюжетной архаики вышивок конца XIX – начала XX в. Сохранены приемы оформления полотенца: вязаные крючком кружева и полоса красного ситца (Музей народных промыслов и ремесел Приморья КП-1083).

В музейном фонде Национального парка «Онежское Поморье» представлены бытовавшие на Летнем берегу Белого моря с начала и до середины XX в. тканые, вышитые, украшенные кружевом предметы домашнего обихода из д. Уна, Луда (ОП КП-651, ОП КП-429, ОП КП-430, ОП КП-431, ОП КП-434, ОП КП-480, ОП КП-481, ОП КП-482, ОП КП-483, ОП КП-496). Из Лопшеньги в собрании хранится нарядное полотенце, принадлежавшее Агафье Яковлевне Майзеровой (1907–1985), с тканым узором, выполненным красными и черными нитями (ОП КП-458).

В Поморье на рубеже XIX и XX вв. широко распространилось вязание кружева крючком белыми бумажными хлопчатобумажными нитками. «Бумагой» местные мастерицы вязали концы полотенца, подвесы, подзоры к простыням и рубашкам, прошивы к наволочкам, скатертям и занавескам, салфетки. Для кружевных изделий, как правило, использовали геометрические узоры из замысловатых сочетаний ромбов, квадратов, ячеек, розеток. Популярными были изображения птиц, животных, любимых персонажей северных вышивок. Характерным примером соединения в узоре геометрических элементов с растительными (веточки и цветы в треугольниках) можно считать композиции на прошвах для наволочек (1930-е гг.) мастерицы из Лопшеньги Анисьи Семеновны Федотовой (СГИАПМЗ КП-4717/1,2, Т-556/1,2; СГИАПМЗ КП-4718, Т-569).

В конце XIX – первой трети XX столетия в поморских вышитых и вязанных крючком изделиях, как и в северорусских вышивках в целом, наблюдается переход от композиций с древними языческими мотивами к усложнению разработки деталей, декоративности, изображению сюжетных сцен. На ажурном лопшеньгском подзоре начала XX в. из музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» крупные фигуры шагающих птиц с пышными хвостами чередуются с цветущими деревьями. Развитые формы рисунка персонажей узора являются наглядным отражением тенденции, наметившейся к этому времени в народном искусстве (ОП КП-652).

Женская и мужская одежда

В Лопшеньге конца XIX – начала XX в. крестьянский женский костюм (как будничной, так и праздничной) оставался в основном традиционным. Основными элементами костюма были рубаха, сарафан, головной убор, пояс, обувь.

Будничная женская одежда в этот период, как и раньше, изготавливалась из домашнего полотна и частично из фабричных тканей. Основная часть женского костюма – рубаха – состоит из двух частей: «рукавов» – верхней части

с длинными, неширокими рукавами, сужающимися к кисти, и «становины» из прямых отрезков ткани [5, с. 81].

О создании рубах, об их декорировании мастерицами жительница деревни Клеопатра Петровна Юдина (1904 г.р.) вспоминает: «К рубахам пришивался кумач. Вышивали красной бумагой, вязьбили, вытыкали подол бумагой, забирали»¹⁶.

В Архангельском краеведческом музее хранятся две женские рубахи и передник из Лопшеньги начала XX в. Обе рубахи традиционного кроя, из двух частей: верх (рукава) и низ (стан). Рукава сшиты из фабричной тонкой хлопчатобумажной ткани миткаля и ситца и пришиты к прямым поликам. Цельнокроенные, с небольшими ластовицами, рукава собраны к круглому вороту на планке, внизу собраны складкой под манжету. Стан составлен из нескольких полотнищ тонкого льняного холста и тонкого белого хлопкового сырца, по бокам расставлен узкой, расширяющейся к низу полосой. Низ рубах украшен: на одной из них подол завершен узкой полосой белой строчевой вышивки с узором сдвоенных крестиков и V-образных фигур (АОКМ КП-34472); низ второй рубахи составлен из нашитой льняной полосы с вышивкой крестом красными нитками, самый низ подола украшен строчевой вышивкой – «вязьбой» (АОКМ КП-34473).

Вышивки лопшеньгских мастериц отличаются четким рисунком, равномерным взаимодействием фона и элементов, технически сложным, качественным исполнением браных узоров. Важно также отметить аккуратное выполнение швов, соединяющих элементы изделий. «В Лопшеньге с иголкой дружили», – отмечала Н.П. Лютикова [10, с. 56].

Комплекс текстиля музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» включает три женские рубахи традиционного кроя с Летнего берега (ОП КП-124, ОП КП-278, ОП КП-349) и фрагмент украшенного вышивкой стана женской рубахи (ОП КП-435).

Богатыми собраниями сарафанов рубежа XIX и XX вв. с Летнего берега Белого моря располагают Архангельский краеведческий музей и ГМО «Художественная культура Русского Севера». Традиционные сарафаны из пестряди вошли в комплекс предметов текстиля музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» (ОП КП-348, ОП КП-691).

В Соловецком музее-заповеднике в коллекции тканей находятся два сарафана, изготовленных в Лопшеньге: из ситца фабричного производства (СГИАПМЗ КП-4727 Т-750) и пестряди (СГИАПМЗ КП-3284, Т-349). В электронном архиве Национального парка «Кенозерский» имеются оцифрованные фотографии мастерицы Агафьи Павловны Поздеевой (1884–1962), изготовившей пестрядинный сарафан (ил. 3), и внучки мастерицы Марии

¹⁶ Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 26.

Григорьевны Решитько (1952 г.р.), уроженки Лопшеньги, в этом сарафане (ил. 4).

Поверх рубахи в будни жительницы деревни надевали пестрядинный сарафан в крупную клетку. «Сарафаны ткали — земля красна, а пестрили, россану-то (пестрые нитки, которые клались и в основу, и в уток, чтобы получались клетки) ложили — синю, желту, цорну», — записала в Лопшеньге в 1971 г. Т.М. Судник¹⁷. Сохранились местные определения наряда с сарафаном: «штофно, шолково, атласно, шерстяно, ситцево, сатиново»¹⁸. Сарафан, сшитый из полотна, изготовленного из «бумаги» (покупных хлопчатобумажных ниток), назывался «бумажный». По рассказам местной жительницы Анны Николаевны Петровой: «Сарафаны носили почти до войны»¹⁹ (ил. 5).

Праздничный наряд поморки XIX в. состоял из рубахи с «рукавами» из тонкой отбеленной льняной ткани и косоклинного сарафана из штофа («штофника»), отделанного вдоль срединного шва двумя рядами позумента и пуговицами. «На праздники одевались “штофно”», — рассказывала К.П. Юдина²⁰. «Даже в начале XX столетия сарафаны, принадлежавшие еще прабабушкам, можно было видеть на девушках во время свадеб и весенних гуляний», — пишет этнограф И.И. Шангина [12, с. 313].

«В крестьянском социуме положение девушки подчеркивало, прежде всего, праздничное одеяние. Демонстрация одежды, необходимость праздничного переодевания имели в XIX — начале XX в. не столько брачно-символическое значение, сколько социально-престижное. Костюм богатой девушки в д. Лопшеньге состоял из нагрудной одежды, известной под названием “рукава” (“рубаха портяна с белыми рукавами”), косоклинного распашного шелкового сарафана-“штофника” с пуговицами “серебряными, решетчатыми”²¹, парчового “полушубочка”... высокой девичьей “повязки”, изготовленной из парчи... и “заборосника” (шейного украшения, характерного только для Летнего берега Поморья), который высаживался бисером и цветными камнями... Вместо “заборосника” надевали и восковы “перла” (несколько рядов крупных янтарных бус), на груди носили крупную цепь с крестом, в косе было две ленты²² — “голуба и зелена”²³. По воспоминаниям

¹⁷ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга. Приморский район Архангельская область, август 1971 г. Полевой дневник // Личный архив Т.М. Судник. — Здесь и далее все комментарии в текстах из архива Т.М. Судник принадлежат ей. Материалы предоставлены пользователем архива М.Н. Мелютиной.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 38.

²⁰ Там же. Л. 25.

²¹ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга.

²² РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 128. Л. 3.

²³ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга.

Павла Степановича Федотова (1927 г.р.), его мама Мария Никифоровна Федотова (1886–1971) в праздники носила на руках длинные кружевные перчатки, название которых информант не вспомнил, но описание их сходно с митенками» [7].

В коллекции Соловецкого музея-заповедника из д. Лопшеньги хранятся две праздничные женские рубахи начала XX в. Верх рубах («рукава») изготовлен из белого фабричного ситца, низ рубах («стан») из домотканого портона украшен полосой браного ткачества с ромбами и сдвоенными восьмиугольниками (мастер – С.П. Майзерова (1880-е–1968); СГИАМПЗ КП-3301, Т-351), геометрическими элементами и характерными для техники вышивки набором мотивами восьмилепестковой розетки в восьмиугольнике (мастер – А.П. Поздеева (1890–1960); СГИАМПЗ КП-3285, Т-350). Элементы счетного рисунка низа рубах равномерно распределены по фону, плотно его заполняя. Украшенный вышивкой и тканым узором низ праздничных рубах был важным нарядным акцентом в женском костюме, поскольку содержание мотивов узоров в древности имело глубокий символический смысл. Вышитый и подшитый край изделия был еще и довольно износоустойчивым.

В комплекс традиционного женского костюма входит «манишка» под сарафан или «полушубоцку» до половины груди, которая именуется «рукавами». Зауженную и плотно прилегающую ниже локтя («по руки, в обжим») часть рукава рубахи, вышитую крестом, называли «залокотник». У ворота ткань собиралась в густую сборку на строчную бейку «борок»²⁴.

Праздничные рукава из Лопшеньги, выполненные из фабричного ситца, хранятся в коллекции музея при Лопшеньгском сельском Доме культуры. Местное название этого изделия – «рубаха-мышница». На рукавах по прямоугольному вороту, кокетке, на «залокотниках» «крестом» и «тамбуром» («веревочкой») вышиты красными и черными нитками ягоды и листья (Музей народных промыслов и ремесел Приморья НВ-3444, НВ-3446). «Вышивали красной бумагой крестом, веревочкой», – вспоминает мастер Анисья Семеновна Федотова. Традиция орнаментировать одежду в 1920–1930-х гг. напоминает то, как богато украшали ранние изделия. Однако под влиянием городской культуры техника декорирования становится более свободной: на смену «вязьбленным», выганным счетным узорам, настилу, «по выдергу» в украшении изделий у мастериц Лопшеньги приходит вышивка «крестом» и «гладью».

Шили рукава из фабричных тканей и подбирали к сарафанам. С праздничными сарафанами носили рукава из миткаля и коленкора. Праздничные с вышивкой рукава представлены в собрании тканей из Лопшеньги в ГМО «Художественная культура Русского Севера» (АОМИИ; Инв. Т-2095). С выходными ситцевыми и тканевыми сарафанами надевали рубахи с рукавами из полотна светлых ситцев, с домоткаными – рубахи из пестряди. Ру-

²⁴ Там же.

кава из кашемира, изготовленные Федорой Григорьевной Петровой (около 1885–1975) хранятся в коллекции текстиля Соловецкого музея-заповедника (СГИАПМЗ КП-4729, Т-1185). В блок изделий текстиля музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» включены рукава из пестряди рубежа XIX и XX столетий из д. Луды (ОП КП–279).

С сарафаном надевали соответствующий передник (фартук). С сарафанами из хлопчатобумажных тканей носили тканевые, ситцевые, сатиновые фартуки, с домоткаными – пестрядинные, с шерстяными – гарусные и кашемировые. С шелковыми праздничными сарафанами фартуки не носили, их подвязывали поясами, которые либо покупали на ярмарках, либо изготовляли сами. На «бумажном» переднике из Лопшеньги, сшитым из красной пестряди в черную полоску, находящемся в Архангельском краеведческом музее, нижний край изделия украшен рельефным орнаментом – затканными шерстяными цветными нитями, выпущенными на лицевую сторону. Верх передника заложен складками под бархатный пояс, завязки сшиты из черных шелковых лент (АОКМ КП-34478). Два фартука из д. Уны и Луды хранятся в музейном фонде Национального парка «Онежское Поморье» (ОП КП-362, ОП КП-650).

Поверх рубахи и сарафана носили парчовую безрукавку. Коротёна (местное название – «полушубочек») – нагрудная праздничная девичья одежда, косоклинная, на узких лямках. «Полушубочка, парчовая безрукавка, солнце-клевш», или «коротёнка», завязывалась сверху спереди на тесемки, украшалась «хазами», «хазы-то дороги, серебряны, весовы (продавались на вес)»²⁵. «Хазы» (местное название позумента) – золотная тесьма шириной около 9 см (СГИАПМЗ КП-4719, Т-1121). Для изготовления нарядных изделий также использовали галун, расшитую золотную тесьму шириной около 6 см (ОП КП-433, ОП КП-369). Полушубочек выглядел тем богаче, чем больше использовалось ткани, чем затейливее были узоры отделки. Шелковую ткань или ситец использовали на внутреннюю отделку. «Девки богаты в юбках штофных, в повязках, а мы в кашемирниках», – свидетельствует лопшарка Наталья Кузьминична Агафонова. Домна Давыдовна Федотова вспоминала, что «дочери была куплена юбка штофна и полушубочек; та на беседах сидела»²⁶. «По рассказам лопшарки Татьяны Никифоровны Петровой, девушка победнее, “в штофнике уж не сиживала, уточкой (танец. – *М. Мелютина*) ходили в кашемирниках, не по родам»²⁷. Кашемирники – это сарафаны из тонкой шерсти. <...> Вместо повязок на голову надевали отдирки (или одир-

²⁵ Там же.

²⁶ *Мелютина М.Н., Зверева Ю.Д.* Историко-архивные изыскания по теме «Архив Н.И. Рождественской: полевые материалы 1930-х гг., собранные в деревнях Лопшеньга, Уна, Луда, Нижмозеро» // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 26.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 53–54.

ки), на шею – стеклянные бусы. “В штофном-то, когда в повязках”²⁸, – свидетельствует Надежда Ивановна Майзерова» [7].

Две коротены (полушубочки) из Лопшеньги представлены в коллекции тканей музея «Малые Корелы». Наиболее нарядный полушубочек, сшитый из лазорево-голубой парчи с пышными цветочными мотивами контрастных светлых и темных сочетаний, украшен узорчатым золотым позументом (АМДЗ КП-5975, Т-1191; АМДЗ КП-5972, Т-1298). Праздничный полушубочек из Лопшеньги рубежа XIX и XX вв. хранится в частной коллекции жительницы деревни Т.И. Серухиной [7]. В собрание музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» вошли два изделия из д. Луды (ОП КП-350, ОП КП-648).

Наряду с традиционным комплексом праздничной одежды под влиянием городской культуры в гардероб поморок в 1920–1930-х гг. вошли удобные, практичные платья, блузки и юбки, сшитые из покупных тканей. В коллекции женской одежды конца XIX – начала XX в. из Лопшеньги музея «Малые Корелы» хранится распахнутая кофта из шелковой ткани с пышным растительным узором светло-коричневого цвета на голубом фоне. Кофта сшита на кокетке, с длинными широкими рукавами и манжетами, с воротником-стойкой. Украшает изделие вставка из зеленовато-голубой шелковой ткани с настроченными по краям широкими планками (АМДЗ КП-6004, Т-866). Кофта из красного шелка (ОП КП-281/2) из д. Луды хранится в музейном фонде Национального парка «Онежское Поморье».

Платье начала XX в. из коллекции текстиля Соловецкого музея-заповедника, принадлежавшее Федоре Григорьевне Петровой, уроженке Лопшеньги, сшито из канифаса – фабричной мягкой хлопчатобумажной ткани с тканым узором красного цвета. Изделие прямое, на кокетке, с небольшим стоячим воротником и длинными рукавами. По краю кокетки – кант из сиреневой ткани, по краю рукава – оборка (СГИАПМЗ КП-4728, Т-809). В коллекцию текстиля музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» вошли три женских платья городского кроя: два – на кокетке, одно – отрезное по талии. Платье из д. Луды (ОП КП-281/1) – из зеленого атласа и шелка, второе платье – из Уны (ОП КП-1155) – из ткани оранжевого цвета с оборкой по низу. Платье с поясом, сшитое из пестряди, привезено из Луды (ОП КП-347/а/б).

В нарядных платьях изображены жительницы поморской деревни на фото 1926 г., сделанном археологом А.Я. Брюсовым во время экспедиции в Поморье. Вариант этой фотографии хранится в частном собрании Галины Николаевны Петровой из Лопшеньги [7].

Одежда крестьянок разного возраста различалась яркостью расцветки и количеством украшений. Наиболее нарядно одевались девушки и молодые женщины первых лет замужества. Одежда пожилых женщин была бо-

²⁸ Там же. Л. 54.

лее скромной, темной, у них дольше сохранялись старинные детали одежды, уже вышедшие из общего употребления. В Поморье, в Лопшеньге конца XIX – начала XX в. только пожилые женщины носили «нарукавники» – плечевую одежду, надеваемую на рубаху и сарафан. «На сарафаны одевали старые женщины “оплечники” на лямках, из ситцу, по пояс», – рассказывала К.П. Юдина²⁹. В комплекс предметов женской одежды музея «Малые Корелы» вошли нарукавники, привезенные из д. Лопшеньги (АМДЗ КП-5991, Т-855).

Мужская одежда из Лопшеньги в коллекции музея «Малые Корелы» представлена двумя рубахами. Рубаха начала XX в. архаичного туникообразного кроя сшита из хлопчатобумажной пестряди в мелкую желтую клетку на красном фоне (АМДЗ КП-5989, Т-879). Такой крой мужских рубах являлся самым распространенным на Русском Севере [9, с. 114]. Сшита рубаха из перегнутого пополам полотнища ткани, в центре которого сделан круглый вырез горловины и нагрудный неглубокий разрез по центру рубахи, обшитый планкой. Застегивается рубаха на пуговицы с прорезными петлями, воротник – «стойка». Широкие рукава сужаются к запястью; они сшиты из прямой полосы ткани с небольшими клиновидными вставками и квадратными ластовицами для придания большей свободы движению руки.

Мужская праздничная рубаха туникообразного кроя сшита из голубого сатина с длинными прямыми рукавами, без ластовиц, с манжетами и воротником-«стойкой». Планка нагрудного разреза изделия украшена узорной вышивкой «крестом» темно-красными, желтыми и зелеными хлопчатобумажными нитями. По бокам обеих рубах пришиты слегка скошенные бочки, изнутри пришита подоплека из миткаля и ситца (подкладка, подведенная под верхнюю часть на спинке и груди) (АМДЗ КП-6066, Т-1176).

С Летнего берега в коллекции музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» хранятся четыре мужских рубахи. Три рубахи из д. Уны архаичного туникообразного кроя начала XX столетия изготовлены из домотканой пестряди в мелкую красно-белую клетку (ОП КП-1048/1, ОП КП-1048/2, ОП КП-1049, ОП КП-1050). Наличием плечевого шва отличается рубаха из Лопшеньги, сшитая из хлопчатобумажного фабричного белого полотна (ОП КП-1069).

Украшения

Обязательными дополнениями девичьего и женского праздничного костюма являлись нагрудные украшения, бусы, серьги и головные уборы. Серьги золотые или плетеные из бисера, бусы стеклянные или янтарные, «заборощники» – нагрудные украшения, шитые бисером или низанные

²⁹ Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 26.

жемчугом, — это самые «популярные женские украшения на Летнем берегу Белого моря» в период конца XIX — начала XX в. [10, с. 55].

Заборошники (заборочники, заборосники) — шейные девичьи украшения в виде подковообразного воротничка, выложенные белью (тонкий льняной нитяной шнур), расшитые жемчугом или бисером в технике сажения, украшенные металлическими «запонами» с цветными камнями. Их надевали на «борок» (сборенный на бейку воротник). Заборошники бережно хранились в поморских семьях и передавались по наследству дочерям, невесткам. Изготовление этих шейных украшений, известных на Летнем берегу, не характерно для Архангельской губернии. Исследователь Н.П. Лютикова пишет: «Неизвестно была ли мастерская, в архивных материалах (статкомитета) ничего такого не зафиксировано, думаю, что [заборошники] делали многие. Из Лопшеньги в музее “Малые Корелы” хранятся 4 заборошника» [10, с. 55].

О трех местных мастерах, изготовлявших украшения, сообщает Г.А. Григорьева: «На Летнем берегу делали на заказ серьги и заборочники М.И. Майзерова (около 1880 — 1940-е гг.) и Ярыгина (1898—1980³⁰) из Лопшеньги, А. Мошникова из Луды» [3, с. 82]. В экспедиционных материалах на основании информации, полученной в 1983 г. от Александры Калиничны Павловской (1898 г.р.), записано, что «вышивали заборошники и делали серьги на заказ Ярыгина Фелицата Архиповна и Майзерова Марфа Ивановна»³¹. О своих «умениях» в рукоделии мастерица Марфа Ивановна Майзерова рассказывала: «... заборосники вязала из цюжого и из своего — продавала, сережки плела... Все сумела и себе и цюжим. Все знают, что дельна была — ни дню, ни ночи не сыпала...»³².

По предположению Н.П. Лютиковой, «заборочники могла делать Мария Романовна (1863 г.р.), мама Фелицаты (Фелицата Архиповна Ярыгина. — М. Р.). А может, и кто до нее. Это же не просто вышивка нитками по холсту, тут другие материалы и навыки, кто-то должен был передать (семья). Мама (Лидия Григорьевна Ярыгина, дочь Ф.А. Ярыгиной. — М. Р.) говорила, что ее бабушка в старости ослепла (как и моя бабушка) (Ф.А. Ярыгина. — М. Р.), потому что бисером шила и низала... Думаю, что заборочники — это результат <....> формулы развития народного костюма как деградации: сначала были ожерелья жемчужные в несколько золотников весом (наборочники), а потом — эконом-вариант — заборочники с редко нашитыми по бели жемчужинками, а потом и бисеринками» [10, с. 56].

Шейные украшения из Лопшеньги вошли в собрания музея «Малые Корелы», Соловецкого музея-заповедника. Заборосник из д. Летняя Золотица Онежского уезда Архангельской губернии хранится в коллекции

³⁰ По уточненным данным, год смерти Ф.А. Ярыгиной — 1978.

³¹ *Кондратьева В.Г., Курганова Л.В.* Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 80.

³² РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 38. — Материалы предоставлены пользователем архива М.Н. Мелютиной.

Архангельского краеведческого музея (АОКМ КП-35197, Т-1156). В музейном фонде Национального парка «Онежское Поморье» находятся четыре заборочника из д. Луды и Уны (ОП КП-225, ОП КП-364, ОП КП-365, ОП КП-683). Заборочник из Лопшеньги хранится в частной коллекции Т.И. Серухиной [7].

Серьги в поморских деревнях разрешалось носить девушкам или «молодухам». В Лопшеньге плели серьги и низали бисером украшения мастерицы Александра Калинична Павловская, Фелицата Архиповна Ярыгина, Марфа Ивановна Майзерова. «Старухи из жемчуга серьги плели», – вспоминала жительница Лопшеньги Таисия Андреевна Павловская; «серьги и заборочники покупали» (информант – Александра Васильевна Серухина, 1905 г.р.)³³.

Для плетения сережек из бисера поморки использовали «сило» – белые волосы конского хвоста. Ажурные, плетеные из бисера серьги жительницы д. Лопшеньги Надежды Андреевны Юдиной (1884–1966) хранятся в коллекции ГМО «Художественная культура Русского Севера» (АОМИИ, Инв. ДПИ 3086; АОМИИ, Инв. ДПИ 3087). Среди предметов из Лопшеньги в собрании музея «Малые Корелы» также хранятся изящные серьги из бисера (АМДЗ КП-6064/1 РК-150; АМДЗ КП-6064/2 РК-151). В 2020 г. серьги из бисера начала XX в. поступили в собрание музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» (ОП КП-1132/а/6). Украшения из позолоченной пластинки в форме сердечка и подвески принадлежали Агафье Яковлевне Майзеровой (1907–1985), уроженке Лопшеньги; передала их на хранение внучка А.Я. Майзеровой – Галина Николаевна Петрова.

Головные уборы

Важной частью традиционного костюма на рубеже XIX и XX столетий в Поморье были головные уборы. В будни носили ситцевые платки, в праздники – шелковые. Ленты, косынки, покупные платки являлись более распространенным праздничным убором в Поморье, чем старинные перевязки [1, с. 65]. «Раньше у женщин были шали “травистые с кругами большие, полушалки, платки датские”, – вспоминала Донна Павлиновна Павловская (1906 г.р.)³⁴. Платки и шали «с травами и цветами» из Лопшеньги имеются в нескольких музейных собраниях. В коллекцию Музея народных промыслов и ремесел Приморья вошли: шелковая шаль с жаккардовым цветочным декором 1920-х гг. (Музей народных промыслов и ремесел Приморского района КП-1086) и платок с набивным рисунком 1930–1940-х гг. (Музей народных промыслов и ремесел Приморского района КП-1430). Головные уборы из шелка и ситца с набивным рисунком фабричного производства представлены в музейном фонде Национального парка «Онежское Поморье» в блоке

³³ Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 40.

³⁴ Там же. Л. 11.

предметов текстиля из Лопшеньги (ОП КП-753, ОП КП-1056, ОП КП-754, ОП КП-1201) (№ 12 Приложения, ил. 6).

Костюм богатой девушки дополняла «повязка» – торжественный головной убор, редко надеваемый. Стоила она очень дорого и передавалась по наследству. На Летнем берегу, в Лопшеньге изготавливали высокие (до 26 см) повязки из парчи, богато украшенные жемчугом. В Соловецком музее-заповеднике находится значительная коллекция головных уборов из поселений побережья Белого моря (повязки, повойники, косынки, отдирки, платки и шали). В комплекс головных уборов коллекции музея с Летнего берега включена девичья повязка из Лопшеньги (СГИАПМЗ КП-3305, Т-339). Еще один праздничный девичий головной убор находится в коллекции жительницы деревни Т.И. Серухиной [7].

В начале XX в. получили распространение отдирки – девичий головной убор, сложенная в виде ленты косынка, завязанная вокруг головы на узел с двумя торчащими концами – «кустышками». «Какая в повязке, какая в отдирке, кругом кустышки оденем, ленты в косах, хороши были, больши», – свидетельствует местная мастерица Марфа Ивановна Майзерова. Носили «отдирку» и молодницы (женщины после свадьбы и до рождения первого ребенка): «В церкви, после того как обвенчают, крестные матери одевают молодой повойник, сверх повойника – отдирку. После свадьбы и до рождения первого ребенка молодница носила отдирку вместе с повойником»³⁵.

Головной убор замужних женщин в Лопшеньге в конце XIX и начале XX в. состоял из повойника (мягкой шапочки, состоящей из донца и очелья) и отдирки. Будничные повойники и отдирки изготавливали из сатина. Праздничные повойники – из шелка, парчи и бархата с вышивкой золотными нитями на донце, отдирки – из красного и оранжевого шелка. Повойник был самым распространенным женским головным убором в Поморье во второй половине XIX – начале XX в. Состоит он из верхней части – донца (кружка), на твердой основе и мягкого околыша. Донце повойников Летнего берега приближается по форме к кругу либо к овалу. Высота околыша спереди 8–12 см, сзади околыш сужается. Для придания головному убору формы спереди под него подкладывали валик. Праздничные повойники пожилых женщин были из темного бархата и шитьем не украшались. Традиция украшать донце повойников золотным шитьем сохранялась в Поморье до 1920-х гг. Александра Васильевна Серухина (1905 г.р.) вспоминает, что «шили повойники только мастерицы, “кружки” покупали»³⁶.

Богато украшенные узорами, вышитыми золотными нитями женские повойники составляют значительную часть коллекции головных уборов, поступивших в собрание ГМО «Художественная культура Русского Севера» с Летнего берега. Повойники из Лопшеньги представлены в кол-

³⁵ Мелютина М.Н., Зверева Ю.Д. Историко-архивные изыскания...

³⁶ Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 59.

лекции головных уборов Соловецкого музея-заповедника (СГИАПМЗ КП-4731, Т-491; СГИАМПЗ КП-4769, Т-492) и музея «Малые Корелы» (АМДЗ КП-5987, Т-2141). Три повойника из д. Уны и Луды находятся в музейном фонде Национального парка «Онежское Поморье» (ОП КП-277, ОП КП-366, ОП КП-938).

В опубликованных материалах экспедиции В.В. Сулова на Летний берег в 1886–1887 гг. представлены фотографии и натурные зарисовки деревень, где проходят праздники с жителями в нарядных одеждах и головных уборах: повязках, кокошниках. Кокошники по типу «сборники» были достаточно распространены, однако сохранившихся сведений о них, как и самих экземпляров в различных собраниях, очень мало. Реставратор Г.А. Григорьева описывает этот головной убор так: «Кокошник состоит из круглого донца и очелья на твердой основе. Очелье оформлено подобно нижней части архангельской девичьей повязки: орнаментировано пятью круглыми розетками, вышитыми бисером по фольге, по краю – поднизь из пяти бисерных ажурных фестонов. Донце убора выкроено в форме большого круга, по краю собрано в рельефную сборку и пришито к очелью таким образом, что равномерно выступает над ним. Верх полностью орнаментирован цветочным узором золотого шитья» [2, с. 31]. Кокошник, переданный Агапьей Егоровной Ярыгиной (1924–2018), жительницей д. Лопшеньги, хранится в ГМО «Художественная культура Русского Севера» (АОМИИ, Инв. Т-569; ил. 7). Аналогом редкого женского головного убора является экспонат из Государственного исторического музея (ГИМ 23220щ Кр.б.-393)³⁷.

Обувь

Обувь в поморских деревнях в праздники носили, как правило, покупную, привозимую из города. Из выделанной кожи домашних и морских животных шили обувь, некоторую одежду и бытовые предметы [3, с. 7]. Мастера тачали из покупной или самодельной грубой кожи полусапожки, невысокие ботинки на небольшом каблуке или «ступни» (ступень, выступки) без каблуков. Для сбора ягод женщины надевали «струсни» (подшвы из кожи с подшитыми вторым слоем на носках и пятках), которые размачивали перед тем, как их надеть, и привязывали к ногам веревками.

Иметь небольшой размер обуви считалось престижным. Так, жительницы д. Уны сравнивали себя с лудянками. Женщины и девушки Луды отличались ростом, крепостью сложения и большим размером ноги: «Придут на праздник – ступни-то большински, широки... в каблуки-то наколотят гвоздья». Соседки из Луды были «ядренищими – им не входят маленькие-то выступочки». «Мы, что грялями по Луденке, – говорили они о себе, – у нас тоже выступки – дак у нас луцце – все-таки народ щеголеватее ходим – модные»³⁸.

³⁷ Рыжкова М.Г. Коллекции текстиля Летнего берега...

³⁸ Мелютина М.Н., Зверева Ю.Д. Историко-архивные изыскания...

Сапоги (бахилы, женские — бахильцы) кожаные с широкими круглыми носками и мягкими выше колен голенищами были будничной и промысловой обувью лопшарей. Летом бахилы надевали на покос, зимой — на промысел — трудились поморы в кожаной обуви круглый год. «Уволохали меня сапоги-то» (из записи разговора Т.М. Судник с местными промысловиками)³⁹. «Для голяшек отпаривали шкуру неделю в воде, шерсть “соскыркивает”, для подошв — отпаривали в ольховом дубу, затем мажут золой с левой стороны и мочат в золе суток пять, после чего высушивают. Шили бродни, “ватера” — из нерпичей шкуры на шпильках, бахилы, сапоги выворотные. Дратва изо льна, конопля. За сезон заготавливали 30—40, иногда 100—150 шкур, “какую весну как”», — рассказывал в 1972 г. о подготовке шкур для шитья лопшеньгский зверобой Семен Алексеевич Федотов, работавший на промысле в 1920—1930-х гг.⁴⁰

От Александра Матвеевича Федотова (1896 — ?), жителя д. Лопшеньги, ходившего на зверобойный промысел, сохранилась запись 1972 г.: «У зверя брали шкуру. Сало-мясо выкидывали <....> шкур мало сдавали, шили себе бахилы выворотные». Голяшки женских бахил шили из нерпы, перед — из неполки; мужские сапоги — из серки, крупных нерп, лыскунов. Житель д. Лопшеньги, промысловик, мастер Егор Леонтьевич Павловский вспоминал: «Для шитья бахил брали на подошву шкуру морского зайца или гренландского серуна, на голяшки — нерпы или молодого серуна, передки шили из коровьей кожи»⁴¹. Женские бахилы из кожи нерпы, с подошвами, закрепленными деревянными гвоздями («пикниками»), сшитые мастером из Лопшеньги Алексеем Степановичем Майзеровым (1884—1968) (СГИАПМЗ КП-4746/1/2, Т-1313, Т-1314), и мужские бахилы, изготовленные Е.Л. Павловским в 1966 г. (СГИАПМЗ КП-1029/1,2, Т-1309, Т-1310), хранятся в комплексе промысловой одежды Соловецкого музея-заповедника. Другие сапоги, сшитые Павловским, находятся в музее «Малые Корелы» (АМДЗ КП-681/1,2, Т-37/1, Т-37/2).

Пимы и валенки (катанки) у жителей Лопшеньги, как и в других поселениях побережья даже в начале XX в. были менее распространены, чем бахилы. В качестве праздничной обуви девушки и молодые женщины носили покупные ботинки с высокими голяшками, с загибом, так называемые «румынки». Мужчины, особенно зажиточные, по праздникам надевали сапоги из качественной кожи или ботинки — камашки⁴².

³⁹ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга...

⁴⁰ Лопаткина Л.В. Отчет по экспедиции заведующей Соловецкого музея. 1972 г. // Научный архив ФГБУК «Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник». Ф. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 51. — Материалы предоставлены пользователем архива Я.Э. Харитоновой.

⁴¹ Там же. Л. 49.

⁴² Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 77.

В музейном фонде Национального парка «Онежское Поморье» из традиционной поморской кожаной обуви с Летнего берега хранятся мужские промысловые сапоги (бахилы) из д. Уны (ОП КП-2/а/б) и женские ботинки из Луды и Уны (ОП КП-384/а/б, ОП КП-1166/а/б).

Изготовление и использование сукна

Шерсти в хозяйствах поморов было много, овец держали от двух-пяти и больше. Сами стригли и сушили шерсть. Менее ценной была по качеству шерсть, собранная с овец после зимы. В местах с пресными водоемами шерсть у животных была мягче, чем на морском побережье, ее было легче пряхть. Овечью шерсть собирали, затем «разбирали», вычесывали («чипали») между двух прямоугольных щеток («чипах», «цепах») с деревянными ручками и набитыми на рабочую часть металлическими стержнями. «Чипахи бывают разные, хорошая чипаха должна быть. Короткую овечью шерсть пряхть труднее, а длинную будет проще», — поделилась с автором статьи мастерица из Уны Анна Федоровна Маслобродова (1966 г.р.). Шерстяные нитки были у поморов в достатке. Толстые нити шли на вязаные изделия и одежду, тонкие — на изготовление шерстяных и полушерстяных тканей. Ткали поморки на станках с широкой станиной, благодаря чему часть их материй отправлялась на экспорт, принося ткачихам хороший заработок⁴³.

На рубеже XIX и XX вв. на Летнем берегу и в Лопшеньге ткали сукно из овечьей шерсти и грубых нитей льна или конопли. Анисья Семеновна Федотова вспоминает: «Жили своим хозяйством. Каждое хозяйство имело в среднем одну корову, лошадь, овец»⁴⁴.

Для основы домотканого сукна брали пачеси льна или конопли, иногда чередовали с шерстяными нитями, для утка использовали шерстяные нити. Ткали сукно как полотняным, так и саржевым переплетением. Готовое полотно *полстили*, т.е. делали ткань более мягкой и плотной особым способом. «Выткнут, выполостят — сукно улостилось (дало усадку) только пятки “трещат” о корыто (полстили) (в корыте сукно заливали щелоком, мылом, ногами две женщины его мяли, ворочали)»⁴⁵. Из сукна домашнего изготовления шили кафтаны, штаны, юбки, одеяла, платки и др. Однотонную ткань серого или коричневого цветов изготавливали для кафтанов, на штаны шла ткань в бело-коричневую клетку или полосу. «Шили из шерстяной домашней ткани верхнюю одежду — “горбушки” (на вате, с длинными рукавами) и “пальтюшки” (короткие пальто, приталенные, со сборками — “рожками” от талии), шили “сачки” (“сак”) — полупальто с подкладкой, ткань покупали. Своесвязанные, ватные “горбушки” стегали, носили по-

⁴³ Логинов К.К. Научный отчет...

⁴⁴ Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 10.

⁴⁵ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга...

верх сарафана для тепла» (информант – Юдина Клеопатра Петровна, 1904 г.р.)⁴⁶.

Фрагмент домашнего сукна для мужских брюк хранится в собрании текстиля Соловецкого музея-заповедника (СГИАПМЗ КП-4745, Т-695). На фото из архива музея изображены жители Лопшеньги – Максим Михайлович Майзеров с женой – (СГИАПМЗ Д-1/83). На мужчине – одежда промысловика: суконные штаны, вязаная рубашка, шапка-ушанка, валенки [3, с. 59]. Рыбацкие мужские брюки из д. Уны, сшитые из шерстяного сукна в полоску, вошли в комплекс текстиля Национального парка «Онежское Поморье» (ОП КП-439).

Зимняя одежда женщин-поморок состояла из кафтана, платка, бахил или валенок. Женский кафтан из Луды, сшитый из светло-бежевой полушерстяной ткани с коричневыми полосами, хранится в собрании текстиля музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» (ОП КП–280). Во время прибрежного лова наваги женщины надевали поверх шубы «сукман» (рубашу из сукна для предохранения верхней одежды от сырости) и подпоясывали его тканым поясом. Сукман был традиционной промысловой одеждой поморов Летнего берега и использовался жителями долгое время в XX столетии. В музейной экспозиции Архангельского краеведческого музея представлен сукман начала XX в. из д. Летняя Золотица Онежского уезда (АОКМ КП-35198).

Среди предметов домашнего сукна для будничной одежды отметим женскую юбку из дмотканого коричневого сукна с двумя цветными полосами (красной и синей) из д. Лопшеньги в коллекции Музея народных промыслов и ремесел Приморья (КП-1428). По воспоминаниям Клеопатры Петровны Юдиной: юбки «шерстяные, полосатые не носили» в Лопшеньге⁴⁷. Возможно, что юбка была сшита позднее, к середине XX в.

Различные способы вязания

Вышивкой, плетением и вязанием поморки занимались с осени до весны. Совмещали эти ремесла даже с пребыванием на рыбном промысле в ожидании подхода семги. «Особенностью рыбного промысла было участие в нем женщин, занимавшихся подтягиванием невода на тони. Девушки сидели на юрке – деревянном помосте для подтягивания тяглогового невода, который располагался в море на каменной отмели, и во время простоя – “сидения” – вышивали, вязали» [7].

В конце XIX – начале XX в. на Летнем берегу пользовались тремя способами изготовления вязаных изделий: одной иглой, на спицах и вязальным крючком. В коллекции Соловецкого музея-заповедника представлены редкие изделия, связанные всеми перечисленными способами [3, с. 12].

⁴⁶ Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 26. – Комментарии В.Г. Кондратьевой.

⁴⁷ Там же. Л. 26.

Способ вязания одной иглой является одним из древних. При вязании иглой использовали неокрашенную шерсть домашнего изготовления. Рабочие рукавицы в Поморье повсеместно вязали одной иглой. На Летнем берегу такие рукавицы называли «русскими». При этом способе вязания шерстяную спряденную нить «скатывали», а не связывали узлом с другой нитью. Готовое изделие стирали в горячей воде, отчего оно сильно садилось и становилось очень плотным и теплым. Иглы для вязания делались из дерева, металла или кости. В коллекции предметов, имеющих отношение к народным ремеслам и промыслам поморов, в Соловецком музее-заповеднике хранится медная игла из Уны для вязания «русских» рукавиц («русьско вяжут») без резинки (СГИАПМЗ КП-1302) [3, с. 13]. Костяная иголка для вязания рукавиц конца XIX – начала XX в. из Летней Золотицы находится в собрании Архангельского краеведческого музея (АКМ КП-35177).

Способ вязания одной иглой восстановлен мастерицей Галиной Александровной Челпановой (1956 г.р.), жительницей г. Новодвинска Архангельской области. В 2004 г. в поездке по поморским деревням (Уна, Луда) Галина Александровна и ее ученицы записали сведения об особенностях традиционного ремесла по рассказам жительниц деревень: о заготовке шерсти, прядении нитей и способах их окрашивания; о техниках вязания и составлении узоров. В архиве Галины Александровны сохранились редкие фотографии мастериц, сохранивших основы традиционного вязания, и связанных ими изделий.

В созданной мастером и собирателем Г.А. Челпановой коллекции «Поморской варежки» хранятся вязаные женские и мужские рукавицы – будничные, рабочие, промысловые, а также нарядные свадебные и праздничные – с Летнего берега Белого моря и из других районов Архангельской области.

Из Лопшеньги в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» поступили поморские мужские рукавицы: из серой овечьей шерсти с «рубеском» по верху изделий, связанные К.И. Петровой (ОП КП-1158/а/б), и широкие из серой шерсти, связанные П.А. Петровой (ОП КП-1202); а также две непарные рукавицы: связанная из шерсти в два цвета, принадлежавшая жителю Лопшеньги В.А. Федотову (ОП КП-777), и широкая, из шерсти серого цвета (ОП НВ-406).

Вязание на спицах популярно в Поморье до сих пор. «Женщины раньше вязали “прутками”», – вспоминает об этом старинном способе вязания Таисия Андреевна Павловская (1905 г.р.)⁴⁸. Вязанные на спицах рукавицы называли – «исподки», «пеструшки», «деленки», «дельницы». В Поморье и на Летнем берегу в конце XIX – начале XX в. мастерицы вязали рукавицы, носки, чулки до колен, мужские рубашки, шарфы, пояса, платки, утепляющие ноги наносники (надевались на пальцы ног). Носки, шарфы вязали «нагольными» (т.е. без узоров). Праздничные чулки пожилые женщины по-

⁴⁸ Там же. Л. 40.

вместенно красили в синий цвет. На Летнем берегу было более развито, чем в других районах побережья, узорное вязание с характерной строгой, монохромной цветовой палитрой (сочетание белого с красным, серым, черным или коричневым). Узоры на рукавицах, чулках, мужских рубашках обычно вывязывали в два-три цвета. Для работы шли натуральные белые, серые, коричневые шерстяные нитки и окрашенные красные.

Для вязания, так же как для ткачества и вышивки, применялись счетные геометрические узоры, элементы которых были довольно распространены и в других видах народного творчества. Двухцветные композиции из раппортных узоров заполняли всю поверхность вязанных рукавиц и мужских рубаш. На чулках и носках узоры располагали на верхней части изделия, остальную вязали гладкой или «в полоску». Тыльную сторону рукавиц и пальцы вывязали упрощенным мелким рисунком, резинка обычно была связана «в полоску». Рукавицы с орнаментом на Летнем берегу назывались «пеструшки». Весьма популярными в Поморье и на Летнем берегу были узоры с различными разветвленными вариантами ромба, восьмилепестковых розеток, квадратов, треугольников. Вариант узора с восьмилепестковой розеткой имеет также название «компасы» («кумпасы»), которым украшались и мужские рубашки. Сохранилось название узора для вязанных рукавиц и рубаш – «рюмка». От Ирины Арсентьевны Самойловой (1913–1986), жительницы д. Летняя Золотица, записано название пестрого рисунка для рукавиц – «звездочки».

Сложный узор лицевой стороны рукавиц-«пеструшек» из ромбов с четырехлепестковым цветком-розеткой характерен для мастерицы Екатерины Павловны Майзеровой из Лопшеньги. Ладони и пальцы рукавиц связаны «в шашку», резинка – «в полоску» из черных и белых ниток. «Пеструшки» хранятся в собрании тканей Соловецкого музея-заповедника (СГИАПМЗ КП-4744/1/2, Т-630/1/2). Навыкам ткачества, вышивки и вязания Е.П. Майзерова научилась у своей матери Федосьи Нестеровны Майзеровой (1878–1955)⁴⁹. В конце XIX – первой половине XX в. мастерицы в Поморье по краю рукавиц, чулок, рубашек вывязывали «рубечки» – несколько поперечных полос в плотный рубец. Края праздничных рукавиц дополнительно украшали бахромой – морхами. В комплекс вязанных предметов Летнего берега из собрания музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» вошли рукавицы с узорным вязанием (ОП КП-432/а/б) и рукавицы с оформленными бахромой краями (ОП КП-490/а/б), а также «вывязки». Практичные, теплые шерстяные носки и рукавицы, связанные лопшеньгскими мастерицами, бережно хранятся во многих домашних коллекциях.

Вязаные мужские рубахи

Шерстяные мужские рубахи вязали сами и привозили из Норвегии, они бытовали в Поморье повсеместно. На Летнем берегу вязаные рубахи называ-

⁴⁹ Там же. Л. 47.

лись «рубашки», «верховицы». Своеобразного старинного покроя рубашки с длинными рукавами и невысоким воротом «вязались “вкруговую” в две-три нитки, цельными, сшивались лишь на плечах и вверху рукава до середины проймы» [3, с. 60]. «Рубаха вязалась вкруговую на 10 спицах», — рассказывает Александра Васильевна Серухина (1908 г.р.)⁵⁰. Лопшеньгская мастерица Марфа Ивановна Майзерова вспоминала: «... рубашки вязала с узорами из цюжой прядины (по тринадцати в зиму свяжу рубашок)»⁵¹. В электронном архиве Национального парка «Кенозерский» хранятся сделанные в 1937–1938 гг. Натальей Ивановной Рождественской фотографии рыбаков из Лопшеньги в традиционных поморских рубахах (оригинал снимка — в РГАЛИ)⁵². Теплые, удобные из натуральной овечьей шерсти рубахи прижились в гардеробе поморов и долгое время оставались популярными. Еще в начале 1980-х гг. «подлинную» мужскую рубашку, по образцу прежних рубах, но «без рисунков» связала Анна Ивановна Майзерова (1910 г.р.), жительница Лопшеньги. «Рубашки раньше все рисунками вязали, а теперь однорядные», — вспоминает Александра Васильевна (1905 г.р.)⁵³. Если в стародавние времена мастерицы вязали рубахи в более трудоемкой узорной технике, то позже стали постепенно уходить к большей утилитарности.

Вязаных поморских рубах с территории Летнего берега в музейных собраниях тканей сохранилось крайне мало: шерстяная рубаха «верховица» из Пушлахты хранится в коллекции Российского этнографического музея (Инв. РЭМ К 2329-14), из Уны — в Архангельском краеведческом музее (АОКМ КП-34527), две рубахи из Яреньги и Луды — в Соловецком музее-заповеднике (СГИАМПЗ Т-642, СГИАМПЗ Т-641).

Для будущей тематической зоны в визит-центре д. Лопшеньги, рассказывающей о местных ремеслах изготовления тканей и одежды, в 2020 г. мастер Галина Александровна Челпанова (1956 г.р.) связала поморскую мужскую рубаху (№ 8 Приложения, ил. 8). В качестве образца для будущего экспоната была привлечена подлинная поморская рубаха начала XX в. из собрания текстиля Летнего берега Архангельского краеведческого музея (АОКМ ОП КП-952). Пригодились экспедиционные материалы Г.А. Челпановой 2004 г., а также этнографические записи и фотографии 1930-х гг. из архива этнографа Н.И. Рождественской.

Образ помора, коренного жителя побережья, вдохновил художника, талантливое живописца и рисовальщика В.В. Рождественского. В период пребывания в Лопшеньге (1937–1938 гг.) им были сделаны многочисленные зарисовки в рыбацких тонах. На одном из живописных полотен Государственного Русского музея «Рыбак колхозник. Беломорье. Село Лопшеньга»

⁵⁰ Там же. Л. 58.

⁵¹ РГАЛИ Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 38.

⁵² Мелютина М.Н., Зверева Ю.Д. Историко-архивные изыскания...

⁵³ Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 59.

(1938 г.) (Ж-8565) художником изображен Андрей Ильич Федотов в поморской вязаной рубахе.

Среди героев картин В.В. Рождественского, написанных в Поморье, была жительница деревни, мастерица Касина Ивановна Петрова (1916–2001). Из записей экспедиции сотрудников Соловецкого музея-заповедника в 1983 г. в Лопшеньгу известно, что Касина Ивановна – «единственная из всех опрошенных в Лопшеньге – Яренге, кто согласился сделать промысловую рубашку (по типу традиционной)»⁵⁴. Мастерицей в конце 1970-х гг. были изготовлены поморские промысловые рукавицы из овечьей шерсти. В 2020 г. они поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» (ОП КП-1158) от ее сына И.П. Петрова.

Пояса

Традиционный пояс – важная часть мужской и женской одежды. Предмет служил своеобразным оберегом, нарядный пояс был украшением праздничного костюма. В Поморье в начале XX столетия в деревнях Летнего берега пояса изготавливали различными способами: тканые на бердечке, на дощечках и плетеные.

Основой в тканых поясах служат льняные или хлопчатобумажные нити. На утók шла цветная шерсть различного качества, покупная или домашнего изготовления. Самым популярным способом изготовления поясов было тканье на дощечках (кружках). На пестрых, из разноцветного гаруса, поясах проброшенные в утке грубые конопляные нити не видны из-за плотных шерстяных нитей, использованных в основе плетения на дощечках. Распространенным узором для тканых таким способом поясов, был характерный узор из прямых и стрельчатых линий (название «рыбка»). Эти пояса, выполненные из красных, зеленых, желтых, голубых ниток, выглядели очень нарядно. Их надевали с сенокосными рубахами и праздничной одеждой. Из Лопшеньги в комплексе предметов текстиля Соловецкого музея-заповедника хранятся два тканых на дощечках пояса начала XX в. Один – из мягких покупных шерстяных ниток – с пестрой полосой посередине из клеток красного, черного и фиолетового цветов, по сторонам которой – узкие полосы из белых, розовых, красных, вишневых и желтых ниток, на концах – кисти с помпонами (СГИАПМЗ Т-365); второй – из гаруса и суровых нитей (СГИАПМЗ КП-3287, Т-364). В коллекции музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» хранится тканый на дощечках пояс рубежа XIX и XX вв. из д. Уны (ОП КП–436).

Тканые на бердечке пояса, или кушаки, также были характерны для Лопшеньги. Узкие кушаки изготавливались с геометрическими орнаментами, чаще всего с мотивами ромба и свастики (белого, красного и синего цветов). Изделия двух мастериц из Лопшеньги представлены в коллекции Соловец-

⁵⁴ Там же. Л. 83.

кого музея-заповедника. Тканый на бердечке пояс с красными полусвастиками на синем фоне с распушенными концами из хлопчатобумажных ниток выполнен мастерицей Евдокией Михайловной Майзеровой (1901–1981) (СГИАПМЗ КП-4748, Т-612). Два тканых на бердечке пояса изготовлены Фелицатой Архиповной Ярыгиной. Первый – красочный, из шерстяных ниток пояса: на фиолетовом фоне косые бирюзовые, вишневые полосы, концы пояса распушены (СГИАПМЗ КП-4752, Т-613); второй пояс – из гаруса с ярким сочетанием цветов: на зеленом фоне алые полуромбы с ответвлениями, по краям – узкие полосы зеленого и алого цветов; концы пояса распушены (СГИАПМЗ КП-4751, Т-530). Жительница Лопшеньги Донна Павлиновна Павловская вспоминала, что в деревне «мастерица Фелицата Архиповна делала пояса по заказу»⁵⁵.

При использовании приема плетения на гвоздике (другое название способа плетения – «на вилочке») изготавливали пояса с мотивами ромба. Такой предмет из Лопшеньги первой трети XX в. из ниток окрашенной шерсти домашнего изготовления с узором из черных и оранжевых ромбов на красном и оранжевых фонах с кистями на концах хранится также в соловецкой музейной коллекции (СГИАПМЗ Т-126).

Промысловая одежда

Особенностью одежды населения Летнего берега Поморья в конце XIX – начале XX в. являлось существование необходимого промыслового комплекса мужской и женской одежды, особенно зимнего.

В зимний период «мужчины носили: кафтан, бахилы, штаны, шапку, летом – кепку» (информант – К.П. Юдина)⁵⁶. На зимний промысел одевались в овчинный полшубок, шубу («куш») в виде длинного, до пят, мехового пальто из оленьих шкур, шерстью наружу с капюшоном. «Малицу одевали. У малицы шерсть вниз. Малицы покупали в городе. На малицу сверху одевали матерчатую рубашку. У ненцев заказывали пимы и малицы», – рассказывала Анисья Семеновна Федотова, дочь промысловика, который «ходил на моря на зверобойку»⁵⁷. Сверху надевали белый сукман или одежду из белой хлопчатобумажной ткани, на овчинную шапку – белый холщовый или полотняный чехол («куколь») с завязками. Бахилы зимой носили с двумя парами носков. На ноги надевали вязанные чулки до колена, на пальцы ног – «наносники». В комплекс одежды для промысла входил совик (широкая рубаха из шерстяной ткани с капюшоном). Подпоясывали одежду веревкой, тканым поясом (кушаком), ремнем.

«На промысел брали буйно, сами спали под “шубной одевальницей”, раздевались до белья. Шубная одевальница шилась из овечьих шкур. «Ноги как

⁵⁵ Там же. Л. 10.

⁵⁶ Там же. Л. 23.

⁵⁷ Там же. Л. 15.

в куль пихали, а сами заворачивались все втроем, а сверху всё широко (не сшито. — *М. Р.*). Буйно в старину шилось из брезента» (информант — Клеопатра Петровна Юдина)⁵⁸. «Буйна из мешков, из парусины больше, чтобы ветер не ходил. Ножны — из кожи, из парусины», — рассказывал Александр Матвеевич Федотов (1896 г.р.)⁵⁹.

Одежда женщин-поморок состояла из кафтана, шубы (поверх нее во время прибрежного лова наваги женщины надевали сукман — туникообразную рубаху из шерстяной ткани, подпоясывая его тканым поясом), платка, бахил или валенок. Зимой из головных уборов носили треухи, чебаки (шапки из овчины), куколь с завязками. Чебак из д. Луды в виде чепца из красного ситца на вате хранится в собрании Российского этнографического музея (Колл. РЭМ № 1967-16). По сведениям 1911 г. краеведа И.Н. Чиркова, чебак поморки «употребляют при ужении или ловле наваги в ружи (мережи) в зимнее время, одевают под платок и завязывают под подбородком» [12, с. 336]. В комплекс входили вязаные рукавицы, поверх которых надевали суконные, кожаные или шитые из парусины, реже меховые.

Предметный мир составлял мирскую основу существования поморов на льду. Для изучения мужской промысловой одежды д. Лопшеньги использованы материалы исследователей Н.И. Рождественской и Т.М. Судник: «Подготовка зверобоев к отъезду сопровождалась длительными сборами: “Женки рубах накладывают, и цулков накладывают трое-четверо, да ишто верхоньки кожаны (поверх рукавиц), кафтаны натканы положат, шубы, ровгу (одеяло) из овчины положат. Женки все и складывают в кису (мешок из тюленьей кожи), штобы не промокало” (Афимья Семеновна Майзерова, деревня Лопшеньга). Промышленники надевали “ползальную рубаху” поверх одежды, чтобы, подползая на льдине к зверю, быть для него незаметным. На лодку в виде палатки натягивали холст — “буйно”, для ночного отдыха шили специальный спальный мешок из оленьих шкур на троих (экипаж зверобойной лодки), который имел название “рѳва”. По воспоминаниям лопшаря Петра Михайловича Юдина, сон на льдине был не хуже, чем в избе: «Ночью в лодочках и спим: парусами и буйном закроиссе вроде палатки, оленными одеялами закроиссе, штобы уш не пробирало; тепло-то, в одной рубахе спишь, спотеш, лучше чем дома на печычке, а не то» [11].

Промысловая одежда, головные уборы, обувь и предметы охотничьего снаряжения с побережья Летнего берега Белого моря представлены в собраниях музеев Архангельской области. Большая часть из них хранится в соловецком собрании текстиля. В собрание музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье» вошли два охотничьих пояса с патронташем середины XX в., принадлежавшие Николаю Ильичу Федотову, жителю Лопшеньги (ОП КП-728, ОП КП-729) (ил. 9).

⁵⁸ Там же. Л. 23.

⁵⁹ Там же. Л. 49.

Заключение

Актуальность проводимого исследования связана с подготовкой будущего музея в визит-центре д. Лопшеньги. Собранная сотрудниками Национального парка «Кенозерский» коллекция текстиля не обладает полным комплексом бытовавших ранее предметов будничной, праздничной и промысловой одежды и обуви. Для составления целостной картины об одежде и предметах домашнего обихода данного поселения Летнего берега Белого моря нами были рассмотрены коллекции тканей конца XIX – середины XX столетия в Российском этнографическом музее (г. Санкт-Петербург), а также в музеях Архангельска и Архангельской области. Благодаря изучению коллекций мы смогли составить образ женского и мужского костюмов, распространенных в д. Лопшеньге.

Основными элементами традиционного женского костюма были рубаха, сарафан, головной убор, пояс, обувь. Женская рубаха состоит из двух частей: «рукавов» – верхней части с длинными, неширокими рукавами, сужающимися к кисти, и «становины» из прямых отрезков ткани.

Поверх рубахи надевали сарафан. Сарафаны были будничными и праздничными. В будни носили сарафан из пестряди. При изготовлении пестрядинного полотна в крупную клетку к основному красному цвету добавляли: белый, синий, желтый и черный цвета. «Сарафаны ткали – земля красна, а пестрили, роснову-то (пестрые нитки, которые клались и в основу, и в уток, чтобы получались клетки) ложили – сину, жолту, цорну»⁶⁰. Сарафан подпоясывали плетеным или тканым поясом из крашеной овечьей шерсти или покупной пряжи – гаруса. С сарафаном носили передник. Сарафан, сшитый из полотна, изготовленного из купленных хлопчатобумажных ниток («бумаги») имел название – «бумажный». Сохранились местные определения наряда с сарафаном (по названию ткани изделия): «штофно, шолково, атласно, шерстяно, ситцево, сатиново».

Праздничный наряд жительницы Лопшеньги состоял из рубахи с «рукавами» из тонкой льняной или фабричной тонкой хлопчатобумажной ткани (миткаля, ситца) и сарафана-«штофника» (косоклинного сарафана из штофа, отделанного вдоль срединного шва позументом). Поверх рубахи и сарафана носили парчовую безрукавку на узких лямках – коротёну (местное название «полушубочек»).

Дополнением праздничного костюма лопшарок были украшения: золотые или плетеные из бисера серьги, стеклянные бусы, «заборосники» – нагрудные украшения, шитые бисером или жемчугом, серебряные браслеты и кольца. Вместо «заборосника» надевали и несколько рядов крупных янтарных бус (восковы «перла»), на груди носили крупную цепь с крестом, в косе две ленты – голубая и зеленая.

⁶⁰ Судник Т.М. Деревня Конецдворье, Лопшеньга...

В конце XIX – начале XX в. наряду с традиционным комплексом праздничной женской одежды появляется костюм, сшитый полностью из покупных тканей: рубаха из миткаля, колленклора или шелковая «парочка» – распашная кофта на кокетке с длинными пышными рукавами. В 1920–1930-х гг. в повседневный и праздничный гардероб поморок вошли удобные, практичные платья, блузки и юбки, сшитые из покупных тканей.

Повседневная обувь была домашнего изготовления («самошитая») из кровьей и тюленьей кожи: «бахилы» (сапоги), «ступни» («выступки», ботинки со шнурками на невысоком каблуке), «струсни» (тапочки с завязками).

Для шитья верхней одежды – «горбушек» на вате, с длинными рукавами и кафтанов – использовали ткань домашнего изготовления из овечьей шерсти. Носили «пальтошки». «Длинные, шерстяные, домотканые, ткали сами, с “рожками” – с клинчиками, приспособлено»⁶¹. Зимой женщины ходили в пимах, валенках (валенки стали носить с 1910-х гг.). Обувь в праздники, как правило, носили покупную, привозимую из города: высокие ботинки на каблуке, спереди со шнуровкой – полсапожки, ботинки.

Традиционными на рубеже XIX и XX вв. остаются женские головные уборы, отражающие семейной положение женщины. Девушки в будни носили ситцевые платки, в праздники – шелковые. Наиболее торжественным головным убором, редко надеваемым, дорогим, передаваемым по наследству, была «повязка», «шитая жемчугом». В начале XX в. получили распространение «отдирки» – девичий головной убор, сложенный в виде ленты платок, повязываемый на голову узлом с небольшими концами – «кустышками». «Отдирку» носили и молодичицы.

Головной убор замужних женщин в Лопшеньге в конце XIX и начале XX в. состоял из повойника (мягкой шапочки, состоящей из донца и очелья) и «отдирки». Будничные повойники и «отдирки» изготавливали из сатина. Праздничные повойники – из шелка, парчи и бархата с вышивкой золотными нитями на донце, «отдирки» – из красного и оранжевого шелка. В конце XIX столетия в деревнях Архангельской губернии были достаточно распространены праздничные кокошники-«сборники».

Комплекс традиционного мужского костюма состоял из штанов с подштанниками, рубахи и обуви. Мужские рубахи архаичного туникообразного кроя изготавливали из перегнутого полотнища домотканой пестряди в мелкую, в основном красно-белую клетку. Из покупных тканей использовались полотно, сатин, бумазея. Рубахи мужчины, молодежь заправляли в брюки или носили навыпуск. Старики носили рубахи навыпуск или подпоясывали их плетеным из шерстяных нитей поясом, ремнем. Штаны (порты) изготавливали из серого, клетчатого и полосатого покупного и домотканого сукна. Дополняли мужской костюм из овечьей шерсти вязаная рубашка, пиджак или

⁶¹ Кондратьева В.Г., Курганова Л.В. Дневник экспедиции в Приморский район (воспоминания о поездке в Соловецкий монастырь). Л. 25.

короткая куртка. На шею повязывали шарф или платок. Летом головным убором поморов из Лопшеньги был картуз – шапка с козырьком, зимой – ушанка из овчины или собачьего меха. Праздничный мужской костюм почти не отличался от одежды горожан и состоял из рубашки городского покроя и пиджака с брюками из сукна.

Особенностью одежды жителей Летнего берега Поморья рубежа XIX и XX вв. являлось существование необходимого промыслового комплекса мужской и женской одежды, особенно зимнего.

Со второй половины XIX – начала XX в. жители деревни в основном стали использовать ткани промышленного производства, рабочую и некоторые виды будничной одежды. Бытовые предметы шили из тканей домашнего изготовления. Материалы, инструменты и способы изготовления предметов текстиля оставались традиционными. В повседневной жизни использовались предметы домашнего обихода: полотенца, скатерти, подзоры, наволочки, простыни. Большинство поморских обрядовых предметов и праздничной одежды орнаментировано строчевой вышивкой и ткаными узорами. Позднее под влиянием городского культуры техника декорирования становится более свободной. На смену «вязьбленным», вытканым счетным узорам, настилу, «по выдергу» в украшении изделий в Лопшеньге приходит вышивка «крестом», «гладью». Традиционными ремеслами жительниц Лопшеньги остаются вязание крючком кружева и изготовление поясов. Важным женским занятием было вязание. Занимались вязанием и дома, и на промысле, в ожидании подхода морской рыбы.

В конце XIX – начале XX в. костюм населения Лопшеньги в основном оставался традиционным: сохранились без изменения составные части народного костюма, мало изменилась повседневная одежда, промысловый комплекс. Постепенно женский и мужской костюмы дополнялись элементами городского типа одежды, обуви, аксессуаров. Для изготовления одежды и предметов текстиля бытового ассортимента чаще стали использовать фабричные ткани и материалы.

Приложение

Каталог предметов из деревни Лопшеньги конца XIX – середины XX века музейного фонда Национального парка «Онежское Поморье»

I. ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

1. Полотенце. ОП КП–458

Начало XX в.

Место бытования: с. Лопшенгское
Архангельского уезда Архангельской
губ.

236,0 × 28,3 см.

*Холст, ситец, кружево х/б. Техника:
ткачество, шитье на руках.*

Поступило в музейный фонд На-
ционального парка «Онежское По-
морье» из д. Лопшеньги Приморского
р-на Архангельской обл. в 2019 г. от

Г.Н. Петровой. Принадлежало Агафье Яковлевне Майзеровой (1907–1985). Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2018 г.

Реставрация: Г.А. Григорьева (Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 2019 г.).

Публикации: *Рыжкова М.Г.* Коллекция текстиля конца XIX – середины XX века в собрании музейного фонда «Онежское Поморье» // Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 252, 498.

2. Конец полотенца. ОП КП–1057

Середина XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 39,8 × 32,7 см.

Холст, х/б ткань. Техника: ткачество, шитье на руках, на машинке, кружево (вязание крючком), вышивка гладью.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от Л.М. Желтовой (1962 г.р.), жительницы г. Архангельска. Принадлежал Анне Федоровне Лысковой (1910–1980), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2020 г.

3. Полотенце. ОП КП–1200

1920–1930-е гг.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельского окр. Северного края.

29,5 × 244,0 см.

Холст, х/б нитки. Техника: ткачество, вышивка, вязание крючком кружева, шитье на руках.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское По-

морье» из г. Архангельска в 2021 г. от Н.С. Долгодворовой. Ранее собственность Т.П. Федоровой, внучки Ф.А. Ярыгиной. Принадлежало Фелицате Архиповне Ярыгиной (1889–1978), жительнице д. Лопшеньги. Содержит инициалы: Л.Я. (было изготовлено для Лидии Григорьевны Ярыгиной (1926–1981) – дочери Ф.А. Ярыгиной). Передано М.Г. Рыжковой (см. ил. 1).

4. Подзор. ОП КП–652

Начало XX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельской губ.

28,5 × 152,0 см.

Холст, нить. Техника: шитье на руках, шитье на машинке, вышивка (перевитью по выдернутому полотну), вязание крючком.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. от К.А. Федотовой. Принадлежал Авдотье Михайловне Майзеровой (1902–1981), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

Публикации: *Рыжкова М.Г.* Коллекция текстиля конца XIX – середины XX века в собрании музейного фонда «Онежское Поморье» // Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 254, 498.

5. Подзор. ОП КП–757

Середина XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл.

61,0 × 185,0 см.

Ткань, нить. Техника: шитье на машинке, шитье на руках, вязание кружева крючком.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от К.А. Федотовой, жительницы д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

6. Наволочка. ОП КП–756

Середина XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 48,0 × 58,0 см.

Ткань, нить. Техника: шитье на машинке, шитье на руках, вязание кружева крючком.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от К.А. Федотовой, жительницы д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

II. ОДЕЖДА (МУЖСКАЯ)

7. Рубаха мужская. ОП КП–1069

1-я пол. XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 79,0 × 64,3 см, длина рукава – 32,0 см.

Х/б ткань, нити, пуговицы полимерные. Техника: шитье на машинке, шитье на руках.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2021 г. от Т.В. Михеевой, жительницы г. Северодвинска Архангельской обл. Принадлежала Василию Андреевичу Репину,

жителю д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2020 г.

8. Рубаха поморская. ОП КП–952

2020 г.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 71,5 × 49,0 см, длина рукава – 54,0 см.

Нить шерстяная. Техника: вязание.

Автор: Челпанова Галина Александровна (1956 г.р.), г. Новодвинск.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из г. Новодвинска в 2021 г. от Г.А. Челпановой (см. ил. 8).

III. ШАЛИ И ПЛАТКИ

9. Шаль «рипсовая». Фрагмент. ОП КП–1056

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 76,5 × 76,7 см.

Ткань полушелковая, жаккардовое ткачество. Техника: фабричное производство, шитье на машинке.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2021 г. от Л.М. Желтовой, жительницы г. Архангельска. Принадлежала Анне Федоровне Лысковой (1910–1980), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2020 г.

10. Шаль. ОП КП–753

Середина XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл.

91,0 × 90,5 см, длина кистей – 20,0 см.

Х/б полотно. Техника: фабричное производство.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от К.А. Федотовой, жительницы д. Лопшеньги. Принадлежала Авдотье Михайловне Майзеровой (1902–1981), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

11. Платок. ОП КП–754

2-я пол. XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 60,0 × 57,0 см, длина кистей – 4,0 см.

Ткань. Техника: фабричное производство.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от К.А. Федотовой, жительницы д. Лопшеньги. Принадлежал Авдотье Михайловне Майзеровой (1902–1981), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г. (см. ил. 6).

12. Платок. ОП КП–1201

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельской губ.

104,0 × 90,0 см.

Ситец, краска. Техника: печать, фабричное производство. «Товарищество мануфактур Барановых» Владимирская губ.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из г. Архангельска в 2021 г. от

Н.С. Долгодворовой. Ранее собственность Т.П. Федотовой, внучки Ф.А. Ярыгиной. Принадлежал Фелицате Архиповне Ярыгиной (1889–1978), жительнице д. Лопшеньги. Передан М.Г. Рыжковой.

IV. АКСССУАРЫ И УКРАШЕНИЯ

13. Рукавица. ОП КП–777

2-я пол. XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 30,0 × 13,0 × 0,7 см.

Нить шерстяная. Техника: вязание.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» в 2020 г. из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от Э.А. Федотовой. Принадлежала Василию Александровичу Федотову, жителю д. Лопшеньги. Экспедиция А.И. Анциферовой, 2020 г.

Реставрация: Г.А. Григорьева (Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 2021 г.).

14. Рукавица мужская на левую руку. ОП НВ–406

1950–1970-е гг.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 25,0 × 13,5 × 1,2 см.

Нить шерстяная. Техника: вязание.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» в 2020 г. из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Найдена в окрестностях д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

Реставрация: Г.А. Григорьева (Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 2021 г.).

15. Рукавицы мужские. ОП КП–1158/а/б

Конец 1970-х гг.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 26,4 × 12,3 × 1,6 см рукавица правая (а); 25,4 × 12,3 × 1,6 см рукавица левая (б).

Нить шерстяная. Техника: вязание.

Автор: Петрова Касина Ивановна (1916–2001).

Поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из г. Северодвинска в 2021 г. от И.П. Петрова. Принадлежали Игорю Петровичу Петрову (1945 г.р.), уроженцу д. Лопшеньги.

16. Рукавицы мужские. ОП КП–1202/а/б

2017 г.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл.

Нить шерстяная. Техника: вязание.

24,0 × 14,4 см рукавица правая (а); 24,0 × 14,4 см рукавица левая (б).

Автор: Петрова Пелагея Александровна (1934 г.р.).

Поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» в 2020 г. из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2022 г. от П.А. Петровой. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2020 г.

17. Пояс охотничий с патронташем. ОП КП–728

Середина XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 15,7 × 116,0 × 1,7 см.

Кожа, нить, веревка. Техника: шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское По-

морье» в 2020 г. из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. от Е.Н. Сафаралиевой. Принадлежал Николаю Ильичу Федотову, жителю д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г. (см. ил. 9).

18. Пояс охотничий с патронташем. ОП КП–729

Середина XX в.

Место бытования: д. Лопшеньга Приморского р-на Архангельской обл. 20,0 × 87,0 × 2,8 см.

Кожа, нить, металл, веревка. Техника: шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» в 2020 г. из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. от Е.Н. Сафаралиевой. Принадлежал Николаю Ильичу Федотову, жителю д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г.

19. Серьги. ОП КП–1132/а/б

Начало XX в.

Место бытования: с. Лопшенгское Архангельского уезда Архангельской губ.

12,0 × 3,4 × 0,9 см сережка правая (а); 12,0 × 3,4 × 1,0 см сережка левая (б).

Бисер, леска, металл. Техника: штамповка, низание матовым бисером, сборка. Длинные, ажурные, двухрядные. Узор подвесок – цепь овалов, скрепленных узорными линиями с боковых сторон и посередине. Швензы украшены металлическими пластинками в виде сердечек, поверх которых укреплены бисерные нити. На швензах стоит клеймо «1890 84. С.С.».

Поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское По-

море» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2020 г. от Г.Н. Петровой. Принадлежали Агафье Яковлевне Майзеровой (1907–1985), жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2020 г.

Публикации: *Мелютина М.Н.* Поморская девка южного Беломорья:

социокультурный статус (опыт исследования на полевых материалах, собранных в деревне Лопшеньге) // *Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований.* Архангельск, 2021. С. 257.

Список литературы

1. *Бернштам Т.А.* Народная культура Поморья. М., 2008.
2. *Григорьева Г.А.* Головные уборы Русского Севера в собраниях музеев Архангельской области. Каталог. Северодвинск, 2018.
3. *Григорьева Г.А.* Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника. Каталог. Архангельск, 2000.
4. Историко-этнографические экспедиции Соловецкого музея-заповедника (1968–1989 гг.) // Соловецкий сборник. Вып. 6. Архангельск, 2010.
5. *Лютикова Н.П.* Женский поморский костюм конца XIX – начала XX вв. // Проблемы Белого моря, пути решения. Архангельск, 1981. С. 80–82.
6. *Мальцев Н.В.* Народное искусство Северного Поморья // *Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук.* Архангельск, 2011. С. 32–44.
7. *Мелютина М.Н.* Поморская девка южного Беломорья: социокультурный статус (опыт исследования на полевых материалах, собранных в деревне Лопшеньге) // *Кенозерские чтения – 2021. Заповедные земли Русского Севера в контексте социально-гуманитарных и естественно-научных исследований.* Архангельск, 2021. С. 238–262.
8. *Рыжкова М.Г.* Коллекция текстиля «Онежского Поморья» конца XIX – середины XX века в собрании музейного фонда национального парка «Онежское Поморье» // *Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе.* Архангельск, 2019. С. 249–261.
9. *Саидова Л.С.* Типология и архитектура традиционных женских и мужских рубах Русского Севера: региональные особенности (на примере коллекции музея «Малые Корелы») // *Малые Корелы. Вып. 2.* Архангельск, 2014. С. 108–128.
10. «Счастье – быть рядом с таким человеком...». Памяти Натальи Павловны Лютиковой. Архангельск, 2021.
11. *Теребихин Н.М., Мелютина М.Н., Худяев А.С.* Семиотика геокультурного пространства холодного мира Русского Севера и Русской Арктики: миф и ритуал. (В печати).
12. *Шангина И.И.* Материалы по этнографии поморов Летнего и Онежского берегов в собрании Российского этнографического музея // *Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе.* Архангельск, 2019. С. 306–350.

**Реставратор памятников деревянного зодчества
Соколов Дмитрий Александрович. Вклад в сохранение
культурного наследия Кенозерского национального парка**

Сапрыкина-Соколова Надежда Дмитриевна – искусствовед; gyzhovo@mail.ru

Статья посвящена деятельности реставратора деревянного зодчества, архитектора, идеолога творческого объединения «Новое Старое» Дмитрия Александровича Соколова по сохранению культурного наследия Национального парка «Кенозерский». Благодаря начатой в 1985 г. работе энтузиастов, организованной им, был спасен храм Преподобного Александра Свирского на Хижгоре.

Ключевые слова: реставрация, Соколов Дмитрий Александрович, деревянное зодчество, реставратор, лифтинг, Хижгора, храм Александра Свирского, часовня в деревне Глазово, деревня Зехнова, Кенозерский национальный парк.

**Dmitrii Sokolov, restorer of monuments of wooden architecture.
Contribution to cultural heritage conservation in the Kenozero
National Park**

Saprykina-Sokolova Nadezhda D. – art expert and historian; gyzhovo@mail.ru

The paper discusses the role of Dmitrii Sokolov, architect, wooden architecture restorer and leader of Novoe Staroe (Actual Past) artistic association, in promoting Kenozero National Park's cultural heritage conservation efforts. Thanks to the work of heritage enthusiasts, that started in 1985 under Sokolov's leadership, the Church of St. Alexander of Svir on Khizhgora Mount was given a new life.

Keywords: restoration, Dmitrii Sokolov, wooden architecture, restorer, lifting, Khizhgora, Church of Alexander of Svir, chapel in Glazovo village, Zekhnova village, Kenozero National Park.

Сохранившаяся архитектурная среда Кенозерского национального парка уникальна. Об этом говорилось и будет еще сказано множество раз. Это подлинный музей деревянного зодчества, но не созданный специально, а родившийся естественным движением самой жизни. Каждый памятник – храм, часовня, изба, амбар – хранит свою жизненную историю, и подчас она весьма витиевата.

Случается, что часовню или храм называют памятником нескольких веков, когда позднейшие наслоения специалисты считают интересными и уникальными, отражающими особенные черты времени и таланта более позднего мастера. До сих пор в реставрационной среде ведутся споры: «на какой век реставрировать». Однако, неотделимой частью биографии памятника являются не только этапы его архитектурной истории, но и связанные с ней наслоения философского толка – судьбы людей – и тех, кто строил, и тех, кто молился, и, наконец, тех, кто спасал.

Храм Преподобного Александра Свирского на Хижгоре – сейчас один из самых известных объектов Каргопольского сектора. Можно назвать его архитектурной визитной карточкой этой части парка, несмотря на то что сам памятник поздний (был освящен в 1871 г.) и незамысловатый: простые объемы, формы без претензий, явное влияние поздней же каменной городской архитектуры. Уникально его расположение – на самой вершине покрытой лесом горы, у подножия которой растекаются озера. Со звонницы храма открываются необозримые, уходящие к горизонту лесные дали. Вокруг безлюдье, тишина и покой. Кажется, что так было всегда. Трудно представить, что не так давно, в советские годы, Хижгора не была «Лешей горой» и распахивалась. Трудно представить, что 30 лет назад здесь разворачивалась одна из самых интересных реставрационных историй того времени...

После окончания любых строительных, ремонтных, реставрационных работ ответственные мастера оставляют площадку вокруг заверченного объекта свободной от следов своей деятельности – убирается мусор, разбираются временные приспособления, леса и т.д. Однако на Хижгоре еще многие годы стоял у храма, на самом краю горы, немой очевидец героического труда – деревянный ворот, которым молодые реставраторы поднимали вручную бревна по очень крутому склону протяженностью около 30 м (ил. 1). Оставили его вовсе не в качестве «памятника», а просто потому, что он еще мог пригодиться. Проходящие мимо туристы любили символически прокрутить раз-другой его бревенчатый вал. Сейчас уже осталось только слабо различимое, вытопанное множеством ног место.

Несколько лет назад администрацией Кенозерского национального парка у храма был установлен информационный стенд, посвященный его истории, где коротко говорится о реставрации храма и называется имя ее руководителя – Дмитрия Александровича Соколова, который скоропостижно скончался в апреле 2020 г.

Краткая история и фотохроника реставрации храма Прп. Александра Свирского будет представлена на выставке, которая откроется летом 2021 г. в церкви Св. Апостолов Петра и Павла в д. Морщихинской. Экспозиция, посвященная реставрационным проектам парка, станет постоянной. Я, как дочь Соколова, принимала участие в подготовке материалов к этой выставке. Полноценным свидетелем событий меня трудно назвать, хотя я была на всех северных реставрационных сезонах с родителями (впервые меня привезли в

д. Гужово в 1989 г. в 9-месячном возрасте), и они оказали на мою дальнейшую жизнь сильнейшее влияние. Мне удалось предоставить администрации парка ценные материалы – фотографии разных лет, которые пришлось собирать по разрозненным архивам участников реставрации храма на Хижгоре. С помощью товарищей отца была составлена достоверная, хронологически точная картина событий тех лет. К сожалению, сам отец не оставил подробных письменных воспоминаний о работах на Хижгоре, и его внезапный уход застал нас врасплох.

После смерти отца мне предложили написать две статьи для выходящей раз в полугодие газеты «Кенозерье» – о работах на Хижгоре и ее окрестностях, а также о работах в Плесецком секторе национального парка.

В настоящей статье хочется представить более целостную картину, уделив внимание некоторым подробностям, которые невозможно было вместить в формат газетной статьи, а также рассказать о биографии вдохновителя, организатора и руководителя работ на Хижгоре – человека незаурядного и талантливого в разных областях. Очень важны годы, предшествующие появлению моего отца на Масельге.

До Хижгоры. Соколов Дмитрий Александрович (1960–2020) – реставратор деревянного зодчества, архитектор, идейный руководитель творческого объединения «Новое Старое» – родился в Москве в семье выдающихся советских и российских ученых, докторов психологических наук А.Н. Соколова (1911–1996) и Т.В. Розановой (1928–2007). Можно сказать, что научный подход и тщательность в работе Д.А. Соколов унаследовал от родителей. Семья много путешествовала по СССР. В детские годы маленький Митя побывал в музее «Малые Корелы», где сильное впечатление произвела на него увиденная там работа плотника, тесавшего лемех.

Д.А. Соколов поступил на химический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, затем перевелся на геологический факультет университета (больше привлекала работа в экспедициях, нежели лабораторная). Студентом работал в Мурманской области и Якутии. Именно в эти годы в поле с другом-геологом Д.С. Зыковым (с ним сделал впоследствии первые шаги в реставрации на Русском Севере) активно обсуждал тему национального самосознания. После окончания университета работать по специальности не стал, однако полученный опыт и знания, в частности в устройении геологической партии, в будущем пригодились ему в организации реставрационных сезонов.

В 1984 г. пошел работать координатором в Московское городское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) – занимался организацией лектория, приглашал выступать различных выдающихся деятелей культуры, писателей, художников. В 1980-х гг. дом Телешева, в котором располагался ВООПИиК, был средоточием жизни патриотически настроенной молодежи. Одним из выдающихся мероприятий, которое организовал Д.А. Соколов с товарищами, было со-

оружие в 1990 г. временной деревянной часовни на месте разрушенного собора Казанской Божьей Матери на Красной площади — для сбора пожертвований на восстановление этого памятника. Соколов с товарищами занимался изданием «Вестника общества охраны памятников истории и культуры Москвы», который выходил тиражом 5000 экземпляров.

Вокруг молодого харизматичного Соколова собралась группа таких же молодых неравнодушных людей. Велись восторженные беседы, ставились большие цели. Отец считал, что его единомышленникам необходимо настоящее Дело, которое бы объединило всех. Вскоре судьба предоставила такую возможность.

Именно в доме Телешова состоялся показ документального любительского фильма, снятого художником и фотографом Н.И. Розовым (1918–1994) во время поездки со студентами на территорию будущего Кенозерского национального парка. Эта лента произвела неизгладимое впечатление на Соколова и его товарищей. В 1985 г. состоялась их первая поездка в Архангельскую область — Каргопольский и Плесецкий районы.

Как говорил отец, «мы ехали за Русью». Да и где еще можно было в конце XX столетия встретить Русь, как не в северных забытых деревушках, географически столь удаленных от исторически сложившихся центров России!.. Там, в д. Масельге, отец познакомился с легендарным сейчас Василием Макаровичем Солодягиным (1923–1989), который многие годы по мере сил сохранял храм Прп. Александра Свирского. Какая-то особенная душевная близость возникла между 25-летним москвичом и уже пожилым местным жителем. Немало людей проходило мимо избушки Макарыча, многие он водил на Хижгору, но никто по-настоящему не откликнулся на просьбу помочь подлатать хотя бы кровлю храма. Никто, кроме моего отца.

В следующем 1986 г. Д.А. Соколов с группой активистов из ВООПиК отправился в служебную командировку на Соловки, в с. Ижма Архангельской области и на о. Валаам. О поездке мне рассказал ее участник и близкий друг Дмитрия Александровича В.Л. Бобров: «Изучали опыт работы добровольных отрядов помощников реставраторам. Последним (и не обязательным) в поездке стал Каргопольский район Архангельской области. Это была инициатива самого Дмитрия Александровича. Цель такой поездки — выяснить, какую еще помощь московские добровольцы могли бы оказать в деле спасения памятников русской деревянной архитектуры. Многие из обследованных памятников Каргополя находились в критическом состоянии, но церковь Прп. Александра Свирского на Хижгоре как будто просто кричала о помощи: в месте стыка со звонницей потолочные плахи прогнили и могли в любую минуту обрушиться на любого вошедшего; сама звонница накренилась и тоже в любой момент могла рухнуть на сруб основной части храма; кровля провалилась, храм был испещрен варварскими надписями; главы были испещрены выстрелами

из охотничьих ружей. Жуткую картину довершала прогнившая геологическая вышка, которая могла упасть на церковь и стать началом ее полного уничтожения»¹.

Дорога жизни. Всё вместе – судьбоносная встреча с Василием Макаровичем, ужасающее состояние храма, чарующая красота места – словно говорило о том, что это и есть то самое Дело, в котором нуждались единомышленники Дмитрия Александровича. Незатейливая консервация храма впоследствии переросла в полноценную реставрацию, а годы, проведенные на Хижгоре, стали для большинства участников судьбоносными и определили вектор дальнейшего жизненного пути.

Зимой 1986–1987 гг. Д.А. Соколов с другом Д.С. Зыковым совершили еще одну разведывательную экспедицию на Хижгору, чтобы определить фронт будущих работ.

Следует отметить, что ни один из будущих участников спасения храма не владел на тот момент ни плотницким, ни тем более реставрационным искусством. Пришлось учиться всему с нуля.

Супруга Д.А. Соколова, моя мама, которая впоследствии много лет бескорыстно работала поваром на реставрационных сезонах, в то время находилась на должности начальника финансового отдела райкома комсомола. Именно благодаря ей Железнодорожный райком комсомола г. Москвы помог организовать площадку (в районе станции метро «Войковская») для обучения плотницкому мастерству. Работали над детским городком-крепостью в русском стиле, который можно назвать первым творческим проектом архитектора Д.А. Соколова. Мастерство изучали сами, наощупь, и только однажды будущих реставраторов посетил известный специалист А.В. Попов, который показал основные навыки работы такими плотниками инструментами, как топор, скобель, черта.

Весной 1987 г. работали в Москве над городком, а уже в конце мая поехали на свой первый полноценный сезон. Ехали сами, по доброй воле, в свои отпуска, на свои средства.

В те годы организация летне-осеннего реставрационного сезона на Севере была задачей не из простых. Всю зиму друзья-товарищи отца собирали продукты (консервы, крупу и т.д.), которые потом везли на себе, ведь ни у кого тогда машин не было... Сначала на поезде, потом на одном автобусе до Каргополя, затем на другом и, наконец, либо пешком 10 км по непролазной грязи, либо на тракторе, либо частично на лодках. Инструменты тогда тоже были не в пример тяжелее и труднее в эксплуатации, нежели сейчас. Одни бензопилы чего стоили!.. Никакого электроинструмента не было и в помине. Впрочем, в районе Хижгоры не было и нет электричества до сих пор: узкий водораздел бассейнов Белого и Балтийского морей не позволяет провести электролинию (ил. 2).

¹ Из личного архива Н.Д. Сапрыкиной-Соколовой.

К самому храму было очень трудно доставлять материал: лес заготавливали сами, сплавливали по озеру, бревна поднимали по крутой горе на ручном вращении, о котором уже говорилось выше. Этот путь, который сейчас уже зарос, так и прозвали — «Дорога жизни» (ил. 3).

По моей просьбе товарищ отца, один из ведущих участников реставрации храма на Хижгоре, архитектор, специалист творческого объединения «Новое Старое» Владимир Васильевич Носов составил по памяти список работ на храме.

«1.1. 1988 г. Заготовка круглого леса, доставка его и пиломатериалов к подножию Хижгоры. Поднятие всех материалов по покатам с помощью изготовленных ручных ворот на гору к церкви и их штабелирование. Обустройство неинвентарных лесов вокруг храма, разборка полностью сгнившего кровельного теса и остатков глав. Выправление звонницы и приведение ее к вертикальному положению.

1.2. 1989 г. Изготовление и замена сгнивших частей бревен в срубе в зоне сопряжения основного объема и восьмерика звонницы, установка новых горизонтальных балок в основание стропильной конструкции крыши основного объема. Изготовление временной кровли.

1.3. 1990 г. Изготовление заново и установка потолка по матицам из досок с выделкой четверти, сооружение новой стропильной конструкции четырехскатной крыши с центральной стойкой и восьмиконечном крестом. Временная кровля.

1.4. 1991 г. Изготовление центральной главы: основания, криволинейных стропил — кружал, обрешетки. Укладка дороженого теса на основной кровле в три слоя вразбежку и внахлест с прокладкой матов из бересты, предварительно заготовленной. Валка, распиловка осины на чурбаки и доставка их по воде к месту, выколка плашек и изготовление лемеха, укладка его на обрешетку главы по слою бересты.

1.5. 1992 г. Окончание работ по кровле. Изготовление четырех восьмиконечных крестов для боковых глав, сопряжение их с вертикальными стойками и установка на крыше, изготовление основания, кружал и обрешетки глав. Укладка с подгонкой лемеха на главы по бересте.

1.6. 1993 г. Изготовление и установка барабанов под главы. Полная реставрация звонницы: замена отдельных бревен повала восьмерика, изготовление и замена трех ярусов полиц кровельного теса, обшивки, угловых колонн и карниза восьмерика, гонтовой кровли завершения, внутренней и внешней обшивки яруса звона, замена потолочных матиц и плах, укрепление мачты шпиль и новая его обшивка, все с помощью многоярусных неинвентарных лесов. Изготовление и установка в алтарной апсиде потолка на матице, стропильной конструкции крыши и укладка теса.

1.7. 1994 г. Окончание работ по декоративной отделке звонницы. Реставрационные работы на колодных обрамлениях оконных проемов. Изготовление и установка новых оконных рам. Реставрация потолка притвора.

1.8. 1995 г. Удаление с внешних стен срубов основного объема и притвора остатков обшивки, чистка сруба. Вычинка и переустановка обшивки и карнизов алтарной апсиды. Обшивка лопаток, цоколя и карнизов притвора и основного объема с изготовлением утраченных элементов. Изготовление ступеней входного крыльца.

1.9. 1996–1997 гг. Изготовление заново и установка несохранившихся пола и внутренней обшивки основного объема храма. Полное восстановление иконостаса храма.

2.0. Сентябрь 2000 г. Реставрация выгнившего угла в срубе притвора: выпиливание и удаление угловых частей бревен трех венцов, нарубка нового угла с шипами в чашах с усадкой на вставные нагели, протеской в круглый угол и сопряжением по длине с помощью соединений гребень-паз при установке в сруб с использованием домкратов².

Хочется обратить внимание, что для придания храму большей выразительности было решено снять и не восстанавливать обшивку (обшитыми сделали только углы храма, апсиду и звонницу с ее декоративными элементами), оставив открытыми рельефные рубленные стены, а также не стали покрывать главы металлом (как это было принято в XIX столетии), ржавые остатки которого сохранились на старых луковицах: их покрыли по более старинной традиции осиновым лемехом (ил. 4). С профессиональной точки зрения, это вольность. Исторически храм никогда не имел такого облика. Однако, думается, что это его только обогатило, и он стал своего рода памятником двух веков.

Сезоны под руководством Д.А. Соколова были не только работой на памятнике, но и целым духовным движением по «реставрации русского духа», по выражению друга Дмитрия Александровича – Д.С. Зыкова.

В 1992 г. Д.А. Соколову удалось купить у сельсовета половину так называемого дома Ушакова в д. Гужово, который был в течение нескольких лет также отреставрирован и стал одним из самых лучших сохранившихся на сей день традиционных домов национального парка. Верхняя часть дома был полностью перебрана, были сделаны вычинки, нарублены сгнившие венцы, перебраны пол, потолок, восстановлены косячатые обрамления, рамы, сделаны красивые традиционные наличники на окнах. Была спасена и отреставрирована русская печь. Была проведена серьезная работа с конструкцией самцово-слезной кровли – восстановлены курицы, потоки, охлупень, сороки. Кровля была покрыта дороженным тесом. Хочется подчеркнуть, что все работы на доме, как и на Хижоре, проводились на средства, которые реставраторы сами зарабатывали зимой на своих основных местах работы (ил. 5).

В этой мощной красивой избе с высокими потолками (изначально дом строился как курной, т.е. предназначался под черную топку) и могучей матицей, с огромной русской печью, реставраторы жили, вкушали общую трапезу

² Из личного архива Н.Д. Сапрыкиной-Соколовой.

за длинным столом, пели народные и патриотические песни, играли на музыкальных инструментах, читали вслух при свете керосиновой лампы, вели глубокие содержательные беседы.

Параллельно с работами на Хижгоре и в д. Гужово (строилась также баня для нужд мастеров, облагораживалась территория) реставраторы занимались обустройством кладбища Плакида — были заменены некоторые кресты на могилах, зачищено место сгоревшей часовни и поставлен на ее месте памятный столб-голбец, который можно увидеть и по сей день. На Плакиде похоронен Василий Макарович Соколягин. Соколов с товарищами специально приехали на Масельгу зимой 1989 г. хоронить своего наставника, копали вместе с сыновьями могилу.

В 1997–1998 гг. силами сподвижников и учеников Д.А. Соколова был отреставрирован ряжевый мост через протоку Челму на озерно-канальной системе. Его проплывают во время лодочного маршрута, ведущего на водяную мельницу. Позднее силами национального парка был проведен капитальный ремонт моста, но в целом он остался таким же, каким его отреставрировали товарищи Соколова.

В тех сезонах приняли участие множество прекрасных, образованных, интересных, ярких людей, сохранивших дружбу и товарищество по сей день. И все они говорят, что главным вдохновителем, человеком, который вел народ за собой, был Дмитрий Александрович Соколов. Его называют и братом, и отцом даже те, кто старше его. Он обладал уникальной способностью убедить и поднять людей на дело: будь это политическое мероприятие или разгрузка трактора ночью под проливным сентябрьским дождем...

Результатом непростой работы тех лет стал и сохраненный храм, и формирование мировоззрения множества людей. Большинство товарищей отца, и уже зрелых, и молодых, говорят: «Своим становлением я обязан Дмитрию Александровичу. Я бы не стал тем, кем я сейчас являюсь, если бы не он». И Хижгора стала такой школой для многих.

Четыре месяца в Глазово. Времена менялись. Кто-то из товарищей отца уходил в свое дело, приходили новые люди. Велись новые работы — уже с другим ритмом и иной интенсивностью, но с неизменной тщательностью, честностью и все возрастающим мастерством. Много лет отец продолжал сотрудничать с Кенозерским национальным парком. Один из самых прекрасных, запоминающихся сезонов был проведен в Плесецком секторе, на оз. Кенозеро в 1998 г. на реставрации красивейшей часовни Сошествия Св. Духа (1801–1804 гг.) в д. Глазово.

Часовня Сошествия Св. Духа — одна из самых ценных в архитектурном наследии Кенозерского национального парка. Для мастеров реставрационного объединения «СТРОЙ» (так называлась в то время ныне упраздненная организация Д.А. Соколова) была немалая честь и интереснейший опыт — работать на ней. Такой заказ национального парка говорит об уже сложившейся особой репутации самого Д.А. Соколова и его мастеров. Прошло всего

10 лет с тех пор, как они впервые взяли в руки плотницкие топоры и стали изучать искусство реставрации памятников деревянного зодчества – результат говорил сам за себя.

Работы проводились при сотрудничестве с норвежскими архитекторами и мастерами во главе с Андерсом Хаслестадом, а также тогда главным архитектором парка Е.А. Бастрыкиным. С их помощью была установлена подъемная система, разработанная норвежским мастером-плотником Бьярне Аофтхусом и «основанная на гидравлических домкратах, позволяющая подъем зданий для удаления структурных элементов, нуждающихся в замене (особенно нижних бревен сруба), без надобности разборки всего здания»³. Так называемый «лифтинг» тогда был в новинку не только для товарищей Д.А. Соколова, но и для всей российской реставрации деревянного зодчества (ил. 6).

Читая отчет реставрационного объединения «СТРОЙ» по проведенным работам на часовне в д. Глазово, можно увидеть, что Д.А. Соколов и его товарищ В.В. Носов – не просто формальные работники, но мыслители, художники, архитекторы, без чего профессия реставратора невозможна: «Среди множества памятников Кенозерья часовня Сошествия Св. Духа в д. Глазово заметно выделяется своими усложненными и развитыми формами, хотя она имеет близкие аналоги, расположенные неподалеку. Это часовни в Вершинине и Коневе, а также церковь в Порженском. <...> Вместе с тем, смелое решение в постановке звонницы придает глазовской часовне яркую индивидуальность и неповторимость. Предельно вытягивая звонницу вверх, так что полица ее шатра приходится выше конька клинчатой крыши, зодчим удалось добиться интенсивного взаимодействия контрастных по своей массе и форме объемов. Впечатляющий эффект от столь активного противопоставления почти сливаемых воедино форм, когда звонница буквально “прорастает” сквозь основной объем часовни, так и хочется охарактеризовать словами “негармоничная гармония”»⁴.

Читая далее, можно составить мнение о профессиональном отношении реставраторов к своей работе: «В процессе работ было произведено всестороннее натурное обследование памятника, в котором досконально изучена почти каждая его деталь, что было возможно благодаря почти полной переборке памятника, выявлены все его строительные периоды. Два основных из них – кон. XVIII и второй пол. XIX вв. – сформировали образ глазовской часовни, определили его конструктивные и художественные качества. Во второстепенные этапы – начала XIX в. и 1983 г. – выполнялись в основном ремонтные и консервационные работы. Наконец, в кон. XIX – нач. XX вв.

³ Миклебуст Д. Реставрация деревянных зданий // Кенозерье. URL: <http://kenozerjelive.ru/norgehelp.html> (дата обращения: 29.06.2021).

⁴ Носов В.В., Соколов Д.А. Отчет о реставрационных работах. Объект: часовня Сошествия Св. Духа в д. Глазово Кенозерского национального парка: [рукопись]. М., 2001 // Личный архив Н.Д. Сапрыкиной-Соколовой.

был серьезно изменен интерьер часовни установкой иконостаса и потолка в виде расписанного “неба”.

Был определен облик памятника после каждого этапа строительства, и проведена его качественная оценка. Найден оптимальный облик памятника, в соответствии с которым проведена его реставрация. Так, максимально возможно выявлялись и восстанавливались все конструкции и формы наиболее древнего, и потому важного — конца XVIII в. — этапа строительства. Однако делалось это лишь в том случае, если не нарушалась достоверность восстановления и максимально возможно сохранялся аутентичный материал.

Дифференцированный подход был применен к реставрации частей памятника второго этапа строительства, и нетрадиционные наслоения, к которым отнесена обшивка, были удалены.

Весь материал 1983 г. был заменен, приобретенные утраты в конструкции и форме полностью восстановлены, но в высшей степени положительно оценено раскрытие галереи от все той же обшивки.

По объему работ, проводившихся, как выяснилось, на часовне в шестой раз, и по произошедшему изменению образного строя памятника можно говорить о его новом периоде жизни. Однако эта новизна образа достигнута не путем привнесения несвойственных ему черт, а за счет наиболее полного раскрытия и выявления тех качеств, которые уже были заложены в памятнике за все предшествующее время его существования»⁵.

Работая еще на храме Прп. Александра Свирского, реставраторы столкнулись с ландшафтными сложностями, связанными с необходимостью поднимать строительные материалы на высокую и крутую гору. В работах на часовне в Глазове ландшафт также задал мастерам непростую проблему, но иного, можно сказать, противоположного толка. Часовня стоит на очень низком месте, на узком перешейке, омываемом с двух сторон водами залывов оз. Свиного, у подножия возвышенности. Весной в сильное половодье часовня буквально заливалась водой; поэтому перед реставраторами встала важная задача, усложненная, кроме того, близостью грунтовых вод, — серьезная работа над фундаментом памятника. Были проведены тщательные раскопки и сделан вывод, что принципиальное сохранение исторического валунного фундамента невозможно из-за его ненадежности. Был разработан «ленточный железобетонный фундамент под всеми пятью стенами памятника на глубину не более 1 метра. <...> Принципиальным нововведением, примененным на осуществленном фундаменте, стало придание ленточному фундаменту трапециевидной формы сечения. Такое решение дало памятнику в три раза большую опору на грунт»⁶.

Мне, маленькой 10-летней девочке, посчастливилось жить с родителями на этом реставрационном сезоне в красивой кенозерской д. Глазово.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Одно из самых ярких, запечатлевшихся в детской памяти воспоминаний – торжественная закладка берестяной грамоты с рассказом о реставрации и ее участниках в отверстие мельничного жернова, служащего опорой юго-восточного угла часовни.

Менее чем за четыре месяца (с середины июля до начала ноября) постоянной работы было совершено, действительно, чудо – полная реставрация памятника, который стал одной из жемчужин кенозерского ожерелья (ил. 6).

Традиционная северная крестьянская усадьба в деревне Зехнова. Вторым заказом Кенозерского национального парка стала реставрация объекта гражданской архитектуры – комплекса крестьянской усадьбы, так называемого дома Болознева, ставшего в последние годы известным благодаря фильму «Белые ночи почтальона Трапицына». Администрация планировала приспособить дом под нужды парка, что и реализовано в настоящее время.

В профессиональной среде реставраторов деревянного зодчества негласно считается работа на ценном культовом памятнике более интересной и содержательной, нежели реставрация лаконичного, не уникального, но вполне рядового крестьянского дома, который когда-то являлся обыденностью. Однако Д.А. Соколов с его ответственным научным подходом к любому объекту, с его страстной увлеченностью делом сумел открыть в образе обычного крестьянского дома невероятную глубину, в которую впоследствии удалось погрузить множество единомышленников. Сейчас для круга товарищей, последователей, учеников и почитателей дела Дмитрия Александровича понятие «изба» стало центром интересов. И хотя ко времени работ на доме Болознева у Соколова был немалый опыт по реставрации собственного дома в д. Гужово в 1990-х гг., все по-настоящему серьезно началось именно с реставрации дома в д. Зехнова (ил. 7).

Зехновская крестьянская усадьба представляет собой традиционный комплекс, состоящий из летней и зимней изб, а также крытого двора. Постройки расположены по отношению друг к другу Г-образно. Известно, что этот комплекс составной – двор и «зимнуха» были перевезены из соседней д. Шанниково (куст деревень, объединенный названием «Майлахта»). Особенно это было заметно по несоответствию слишком широкого двора по отношению к летней избе. Летняя изба – явно более поздняя, и она хорошо сохранилась, в срубе реставраторам пришлось заново срубить только нижние, окладные венцы. «Зимнуха» – более ранняя, архаичная, интересная с профессиональной точки зрения. Вместе с тем ее сохранность составляла значительно менее 30 % (допустимый процент, когда объект можно назвать отреставрированным, а не новодельным), и мастерам Д.А. Соколова практически пришлось рубить ее заново (как говорил Соколов, «из каждой стены сохранилось по бревну»). При работе с зимней избой мастера восстановили архаичные элементы конструкции крыши, курицы и потоки, покрыли кровлю ложенным тесом, т.е. тесанным плотницким топором. В летней избе исторически отсут-

ствовавали эти элементы, а крышу покрыли тесом дороженным, свойственным более позднему периоду.

Интересна работа с фундаментом зимней избы. Реставраторы сочетали в нем традиционные и современные приемы. Опорными были поставлены архаичные деревянные просмоленные пни, следы которых удалось найти при изучении памятника, но, осознавая их недолговечность, Д.А. Соколов ввел скрытую железобетонную конструкцию, которая, выполняя несущую функцию, не нарушает общего традиционного облика памятника.

Особый интерес для Д.А. Соколова представлял столбовой двор, который было решено восстановить по аналогам дворов других домов из окрестных деревень. Нижние концы столбов были также просмолены и установлены прямо в грунт, как это делалось прежде. Однако, опять-таки понимая недолговечность такой конструкции, реставратор планировал поставить в нижней части двора четыре клетки, которые несли бы основную тяжесть верхней части. К сожалению, эта задумка так и не была осуществлена. Впоследствии сотрудники национального парка изменили архитектуру двора, приспособив их под нужды организации.

Завершая свой неполный рассказ, хочется кратко коснуться такой важной сферы деятельности Д.А. Соколова, как образовательная. Еще на Хижгоре в первые годы проходили практику ученики школы д. Морщихинской. Семнадцать же лет жизни Д.А. Соколов посвятил преподаванию предмета «Основы реставрации» в московском училище (ныне это Колледж архитектуры, дизайна и реинжиниринга № 26). Товарищи Соколова работали в данном учебном заведении мастерами. Ежегодно Соколов вывозил студентов в Кенозерский национальный парк на практику для изучения памятников деревянного зодчества, для работы над кроками и непосредственной практики на реставрации памятника (студенты принимали участие и в поздних работах на Хижгоре, и активно участвовали в реставрации дома Болознева). Кроме того, Д.А. Соколов принимал участие в подготовке первых кадров местных мастеров-плотников Кенозерского национального парка, которым была предоставлена возможность прохождения практики в училище, упомянутом выше.

«Он был, наверное, первым, о ком я услышала, приехав в только что созданный Кенозерский национальный парк, в Каргопольский сектор», – это слова из публикации Елены Флегонтовны Шатковской, сделанной вскоре после кончины реставратора Дмитрия Александровича Соколова. Символически став «первым упоминанием», Соколов в итоге вписал солидную главу в обширную летопись парка.

Научное описание Мемориальной библиотеки Ю.И. Смирнова: открытия и проблемы¹

Смирнова Марина Александровна – кандидат исторических наук, главный библиотекарь, Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»; ma.al.smirnova@mail.ru

Статья раскрывает первые этапы работы над составлением научного каталога личной библиотеки московского фольклориста Ю.И. Смирнова, которая была подарена Кенозерскому национальному парку в 2018 г. Библиотека насчитывает около 8 тыс. печатных изданий (книги, журналы) по фольклору и близким к нему наукам (история, этнография, филология, языковедение и т.п.), а также есть книги по естественно-научным дисциплинам. В книгах много авторских пометок, закладок, которые показывают исследовательскую работу ученого. Часть изданий имеет автографы и экслибрисы, многие из которых принадлежат известным специалистам (Д.С. Лихачев, Э.В. Померанцева, П.Г. Богатырев и др.).

Книги, отдельные оттиски описываются на оригинальных языках (большинство из них – славянские), уточняются по каталогам недостающие библиографические сведения. Готовые описания распределяются по тематическим рубрикам, которые уточняются по наполнению, формируя будущий каталог Мемориальной библиотеки.

Ключевые слова: Мемориальная библиотека, фольклористика, библиографический каталог, Ю.И. Смирнов.

Research-based description of Yu.I. Smirnov Memorial Library: Discoveries and challenges

Smirnova Marina A. – PhD (History), Chief Librarian, State Museum Association «Artistic Culture of the Russian North»; ma.al.smirnova@mail.ru

The paper presents the initial stage of compiling the nonfiction catalogue of publications donated by Moscow-born folklore specialist Yu.I. Smirnov to Kenozero National Park in 2018. The library contains about 8,000 printed publications (books and magazines) on folklore studies and related sciences (history, ethnography, philology, linguistics, etc.). Some of the items are natural sciences books. Many contain notes and marks made by Yu.I. Smirnov in the course of his

© Смирнова М.А., 2022

¹ Статья подготовлена в рамках договора с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» на исследование по теме «Научное описание Мемориальной библиотеки XVIII–XX вв. ученого-фольклориста Ю.И. Смирнова: открытия и проблемы».

research work. Some bear autographs and ownership marks indicating their having been once owned by well-known scholars (D.S. Likhachev, E.V. Pomerantseva, P.G. Bogatyrev, among others).

Books and overprints are provided with descriptions in their original languages (mostly Slavic), while the missing bibliographic information is supplied from catalogues. The ready descriptions are grouped under thematic headings and receive updates with regard to their contents to form the future catalogue of the Memorial Library.

Keywords: memorial library, folklore studies, bibliographic catalogue, Yu.I. Smirnov.

Кенозерскому национальному парку в 2018 г. была подарена мемориальная библиотека московского исследователя фольклора Юрия Ивановича Смирнова, который неоднократно принимал участие в фольклорных экспедициях на территории Кенозерья в 1950–1960-х гг. и изучал его наследие. После передачи библиотеки вдовой Г.Г. Григорьевой часть собрания была включена в отдельный зал «Кабинет ученого» в музее «В Начале было Слово».

В 2019–2021 гг. проводилась работа по описанию мемориальной библиотеки Ю.И. Смирнова. За этот период удалось составить примерно 1740 описаний книг и журналов (405 печатных изданий и 22 журнала – 2021 г., 351 экз. – в 2019 г., в 2020 – 828 экз.). Работа началась с изучения части библиотеки, размещенной в «Кабинете ученого». Здесь хранится 1179 экземпляров печатных изданий. Были составлены библиографические описания на издания с указанием вложений, автографов и других пометок. Записи выверялись в соответствии с ГОСТом «Библиографическое описание», рассортировывались тематически и сливались в единый массив, формируя будущий указатель. Тематика библиотеки отражает научные интересы Ю.И. Смирнова, но выделенные рубрики указателя пока условные (их 85), и они еще будут меняться по мере наполнения информацией.

Ценность библиотеки не только в самих книгах и их содержании, но и в наличии тех авторских пометок, закладок, автографов, которые имеются во многих экземплярах. В описанных изданиях выделены различные авторские и чужие пометки: автографы, штампы, экслибрисы и др. Многие издания имеют вложения. Это прежде всего газетные вырезки, которые содержат дополнения к тексту публикации. Каждая вырезка, за редким исключением, имеет привязку к источнику (указаны наименование газеты, год и число), которую делал Ю.И. Смирнов. Удалось установить по электронным базам несколько источников, которые он не успел зафиксировать.

Важны авторские закладки с пометками. К сожалению, сохранены не все и не на своих страницах. Пометки – это в основном отсылки к сюжетам былин. Такие закладки есть в разных по жанру изданиях, они встречаются даже в нефольклорной художественной литературе. Некоторые пометки сделаны графитным карандашом в текстах книг.

Авторские пометки и закладки помогают понять ход мысли ученого, который занимался исследованием текстов, сопоставлением их, отсылкой к другим сюжетам, замечаниями при несогласии с каким-либо выводом и т.п.

Газетные вырезки дополняют книжное содержание. Все вырезки находятся в соответствующих им тематически местах книги.

Часть книг отмечена автографами и экслибрисами. Автографы принадлежат разным людям. Их можно разделить на несколько видов:

1. Автографы владельческие. Часто они случайные. Многие книги меняли своих владельцев, т.к. приобретались в букинистических магазинах (есть пометки), на распродажах библиотек, у частных лиц. Не все можно прочесть или идентифицировать с кем-то. Среди владельческих автографов есть, например, такой:

Былины Пудожского края / подгот. текстов, статья и примеч. Г.Н. Парилловой и А.Д. Соймонова; предисл. и ред. А.М. Астаховой / НИИ культуры К.-ФССР. — Петрозаводск: ГИЗ К-ФССР, 1941. — 512 с.

A. Владельческий автограф на последней обложке: *15/V-48 г. Подпись [нрзб.]*.

B. Автограф: *ПВ в РСФ от Зузанека. 15/IV-60.*

C. Вложен лист с записью: *Иржи Зузанек — студент из Чехословакии, участник сев. экспедиций. В 1968 г. бунтовал и эмигрировал. О дальнейшей судьбе не знаю [запись Ю.И. Смирнова].*

2. Автографы другим людям, часто известным фольклористам (П.Г. Богатыреву, С.И. Минц и др.). Возможно, такие книги приобретались целенаправленно, из-за автографов.

Лихачев Д.С. Древнерусское рукописное наследие и некоторые методические принципы его изучения // *Slavia*. — 1958. — Т. XXVII, № 4. — С. 585–599. — Отд. отт.

Автограф: *Дорогому Петру Григорьевичу Богатыреву от Д. Лихачева. 9.III.59.*

Сказки, пословицы, загадки: сб. устного нар. творчества Омской обл. / ред., подгот. текстов, сост. В.А. Василенко. — Омск: Обл. книж. изд-во, 1955. — 179 с.

Автограф: *Дорогой Софье Исааковне Минц — на добрую память. 27/IX — 55 г. И. Коровкин. с. Н-Арх.*

3. Автографы Ю.И. Смирнову. Это наиболее интересная часть коллекции автографов, которую тоже можно разделить по разным категориям. Например, автографы от учителей, сокурсников, со товарищей по исследованиям и учеников, а также коллег из разных регионов.

Среди учителей можно выделить Э.В. Померанцеву, которая до конца своих дней дарила книги с автографами Ю.И. Смирнову. По автографам

можно проследить ее отношение к своему ученику, в котором она увидела талантливого исследователя и, несмотря на сложности взаимоотношений, всегда поддерживала его, напоминая о себе постоянно.

Померанцева Э.В. Некоторые особенности русской пореформенной сказки // Сов. этнография. — 1956. — № 4. — С. 32–44. — Отд. отт.

Автограф: *Юре Смирнову — в надежде, что он не перестанет быть моим учеником. 7/III-57 г. Э. Померанцева.*

Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — М.: Наука, 1965. — 220 с.

Автограф: *Милому Юре Смирнову в напоминание о том, что я возлагала, возлагаю и буду возлагать на него большие надежды. 16/XII 65 г. Э. Померанцева.*

Савушкина Н.И. Русский народный театр. — М.: Наука, 1976. — 151 с.: 4 л. ил. — (Серия «Из истории мировой культуры»).

Автограф: *Юре Смирнову — на добрую память о наседке, с тревогой следящей за тем, как высиженные ею утята плавают по фольклорным морям. 4/III 77 г. Э.П. [Эрна Васильевна Померанцева].*

Уже после смерти Э.В. Померанцевой ее внучка Маша тоже подарила Ю.И. Смирнову книгу с напоминанием о своей бабушке:

Померанцева Э.В. Русская устная проза: учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» / сост. В.Г. Смолицкий. — М.: Просвещение, 1985. — 272 с.

Автограф: *Дорогому Юрию Ивановичу на добрую память о моей бабушке Эрне Васильевне Померанцевой. Маша. 21.XI.85.*

Сокурсников и соварищей по исследованиям было много: Ю.И. Новиков, Л.Г. Бараг, Б.Н. Путилов, В.Я. Дерягин, В.Н. Бахтина, Р.П. Матвеева, А.Л. Топорков, А.А. Горелов, В.Г. Смолицкий и др. Большинство из них всегда дарили Юрию Ивановичу свои новые труды:

Фольклор народов РСФСР. Вып. 1 / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Башкирский гос. ун-т им. 40-летия Октября; отв. ред.: проф. Т.М. Акимова и проф. Л.Г. Барыг. — Уфа, 1974. — 205 с.

Автограф: *Дорогому Юрию Ивановичу Смирнову с приветом и уважением от Л. Барага.*

Новиков Ю.А. Былина и книга: указатель зависимых от книги былинных текстов / Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) РАН, Вильнюсский пед. ун-т. — Вильнюс, 1995. — 214 с.

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову — один из незрелых плодов нашего Карельско-Архангельского «хожения». 3.05.95. Подпись [Новиков].*

Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики / отв. ред. канд. филол. наук А.В. Кудияров; АН СССР. Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. — М.: Наука, 1989. — 256 с.

Автограф: *Дорогому Юре Ивановичу Смирнову с тридцатилетними (и более) дружескими чувствами. Подпись [Виктор Гацак]. 1.IX.90 г.*

Топонимика Кенозера. Ч. I: Методические разработки для студентов пединститутов и учителей школ / Арханг. ордена «Знак Почета» гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова. — Архангельск, 1987. — 48 с.: ил.

A. Много закладок в тексте.

B. Автограф: *Старому кенозёру на суд суровый. Чти и помни походы 50–60-х. Подпись [В. Дерягин]. 13.10.87.*

C. Влож. газ. вырезка: *Слово прощания: [Виктор Яковлевич Дерягин].*

Ученики тоже ценили своего учителя:

Кляус В.Л. Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении: к постановке проблемы / РАН. Ин-т мир. лит. им. А.М. Горького. — М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. — 191 с.

Автограф: *Дорогому Юрию Ивановичу от его нерадивого ученика. 2 августа 2000 г. В.К.*

Признанные специалисты по фольклору общались с Юрием Ивановичем и ценили его мнение, поэтому свои книги тоже дарили и обсуждали спорные моменты, которых много в любой науке:

Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. — 244 с.

Автограф: *Юрию Ивановичу Смирнову, которого автор считает своим со-юзником. С наилучшими пожеланиями. Подпись [Б. Путилов]. май 1976 г.*

Фольклористы других регионов обращались за методической помощью к Ю.И. Смирнову, а потом в знак благодарности дарили свои издания «на строгий суд»:

Нижегородские христианские легенды / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.М. Шеваренковой; отв. ред. К.Е. Корепова. Н. Новгород: ООО «КиТ-издат», 1998. — 168 с.

Автограф: *Уважаемому Юрию Ивановичу Смирнову на строгий суд. К.Е. Корепова, Ю. Шеваренкова.*

Штампы и экслибрисы на изданиях тоже разные. Интересны экслибрисы дореволюционных книжных магазинов, личный штамп валдайского священника. Среди книг есть экземпляр, входивший когда-то в уникальную библиотеку М.И. Семевского, которая в XIX в. считалась наиболее значимой из библиотек России. Эта книга принадлежала разным владельцам, в том числе и Ю.И. Смирнову:

Славно-русские рукописи В.М. Ундольского / описаны сост. и бывш. владельцем собр. с № 1 по № 579: с прил. Очерка собр. рукописей В.М. Ундольского в полном составе [сост. А. Викторовым]. — М.: Моск. публ. и Румянцев. музеи, на ижд. дир. Музеев, Двора Е.И.В. гофмейстера В.А. Дашкова, 1870. — [4], IV, 65 с., 468 стб.

А. Есть наклеенный экслибрис на 1-й стороне переплета: *Библиотека Михаила Ивановича Семевского. Приобретена: за 2 р. СПб., 1870. Отделы: I № 3230. Библиотека основана 11 июня 1855 г.*

В. Топогр. отметки: *Шк.20*

П. 3-я.

Сп. № 20.

С. Есть владельческий автограф: *Н. Сидоров.*

Д. Есть наклеенный экслибрис на последней стороне переплета: *Анти-кварная книжная торговля В.И. Ключкова.*

Е. Есть карандашные пометки с отсылками к сюжетам былин.

При описании изданий выделяется массив авторских публикаций Ю.И. Смирнова. Это не только монографии, но и статьи из сборников, журналов и т.д., а также отмечена его составительская и редакторская работа. На сегодняшний день обнаружены 72 публикации. Они имеют собственную нумерацию записей, чтобы избежать повтора в общем массиве, и являются основой для мемориального раздела библиотеки Ю.И. Смирнова.

По содержанию библиотека включает литературу по жанрам фольклора: тексты с вариантами, исследования и специальные вспомогательные издания (указатели, словари и т.п.). Былины, мифы, сказки народов мира, пословицы и поговорки, загадки – это основные жанры представленного фольклора.

Многие фольклорные исследования содержат публикации по материалам экспедиций, в которых участвовал Ю.И. Смирнов, его учителя, сокурсники, более молодые последователи, а также фольклористы прошлых веков.

Есть книги на других языках, по преимуществу на славянских (болгарский, польский, сербский, хорватский и др.), а также сибирских народов. Встречаются конволюты (разные издания под одной обложкой). Вероятно, они попали в библиотеку уже в таком виде, т.к. переплеты старые. Скорее всего, формировал такой конволют прежний владелец, а не Ю.И. Смирнов.

Некоторые издания представляют собой лишь часть текста, это отдельные статьи из журналов (типографские оттиски или вынутые из издания страницы), посвященные вопросам этнографии, фольклора. Источник, откуда взята статья, выявляется по имеющимся текстам, кроме болгарского.

Среди печатных изданий есть продолжающиеся и периодические – это отдельные выпуски «Известия Общества русского языка и словесности Императорской Академии наук», «Записки Императорского Русского географического общества», «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Наш современник» и др.

Чтобы понять фольклор, необходимо обладать более широкими взглядами на него. В библиотеке широко представлены издания по философии, археологии, этнографии, истории и вспомогательным историческим дисциплинам, а также по геологии, биологии, есть художественная литература.

Работа по описанию библиотеки, хотя и ведется не первый год, продвигается медленно, сделать необходимо еще очень много. Всего описано около 1700 экземпляров, а библиотека только книжных изданий предположительно насчитывает около 8 тыс. экземпляров, кроме того, есть большое количество журналов. Чтобы понять общее количество изданий в библиотеке, на книги, уже описанные для каталога, стали ставить инвентарный номер и специально разработанный штамп-экслибрис.

Библиотека Ю.И. Смирнова, подаренная Кенозерскому парку, – уникальный рабочий инструмент любого фольклориста – от маститого до начинающего. Интересна она будет и любому ценителю книги. Здесь, помимо специальной литературы, немало научно-популярных и художественных изданий. По результатам составленных описаний будет подготовлен научный библиографический указатель.

Кенозеро и Каспий. Гипотеза об исторических связях

Соболев Глеб Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент, член Союза московских архитекторов, Московский архитектурный институт (Государственная академия); glebsobolev07@gmail.com

В статье предлагается к рассмотрению гипотеза о связях Кенозера с ареалом западного побережья Каспийского моря и Северным Кавказом. Кенозерский ареал мог быть участком маршрута из Ирана в Скандинавию в период раннего Средневековья, а некоторые кенозёры могли принимать участие в походе Петра Первого на Каспий в 1722–1723 гг. Также автором делаются предположения о функциональности астрономических знаний и древних обсерваторий для расчета времени длительных путешествий по суше.

Ключевые слова: волок, викинги, Каспий, килим, лабиринт, навигация, обсерватория, созвездие Рыб.

Kenozero and Caspian Sea. The hypothesis of historical relationship

Sobolev Gleb A. – PhD (Economics), associate professor, Moscow Institute of Architecture (State Academy), member of Moscow Association of Architects; glebsobolev07@gmail.com

The paper proposes a hypothesis that the area of Kenozero could have connections with the western coast of the Caspian Sea and North Caucasus. In the early Middle Ages, the area of Kenozero could have been a part of the route from Iran to Scandinavia. There are findings suggesting that some people of Kenozero joined Peter the Great's 1722–1723 military campaign in the Caspian region. The author further discusses the role played by the astronomical knowledge and early observatories in calculating the duration of the lengthy overland journeys.

Keywords: cart road, Vikings, Caspian Sea, khilim, labyrinth, navigation, observatory, Pisces Constellation.

К написанию этой статьи меня подвигло случайное совпадение астрономических объектов и событий, описанных в моей статье «Солнце и звезды в архитектуре Кенозера» [5; 6], недавняя находка предполагаемого изображения созвездия Рыб на камне кольцевого святилища Аланского городища в Архызе, а также опубликованные недавно результаты исследования генома викингов [8].

Аланское городище, расцвет которого приходится на VII–X вв. н.э., находится в районе самого северного перевала через Большой Кавказский хребет

Великого шелкового пути. К этому же времени относятся находки иранских дерхемов в дохристианских языческих городищах Клещин (около Переславля-Залесского) и Сарском (на р. Сара около Ростова Великого).

Норвежская сага об Ингваре описывает поход викингов на Северный Кавказ, в Азербайджан и Дагестан в IX столетии. Был ли Кенский волок или другие маршруты через Кенозеро известны викингам и новгородцам в это время (доказанные датировки использования этого волока относятся к XII–XIII вв.)? Положение Лёкшмозера и Кенозера на водоразделе Балтийского и Белого морей могло соединять два важных маршрута, функционировавших в разные времена года. В летний сезон эти водные пути были приблизительно равнозначны, а в зимний сезон замерзающий полностью путь на Белое море, Соловецкие острова и Карельский перешеек мог быть доступен для пешего и верхового передвижения, в то время как выход на Балтику через замерзшие Онежское и Ладожское озера давал возможность переправиться в Скандинавию по морю на корабле круглый год. Подтверждение существования таких зимних путей может сохраняться в топонимике. Примером служит название д. Тёльматки (саам. t:alvv – зима; muotke – перешеек, волок [3]).

Навигация по звездам и созвездиям актуальна не только для морских путешествий, но и для перемещений по незнакомой территории суши. Кроме того, звездное небо, особенно в условиях северных длинных ночей, позволяет определить время года и время суток. Для длинных маршрутов, пересекающих разные климатические пояса, очень важно рассчитать время передвижения, т.к. опоздание или опережение времени прибытия в промежуточные пункты путешествия могут сделать дальнейшее продвижение невозможным из-за половодья, ледохода, ледостава или низкой воды. Автор имеет опыт длительного перехода с байдарками на Кольском полуострове через перевал к Умбозеру, когда из-за отсутствия дождей вода в реке уходит под камни и вместо нескольких часов водного перехода по реке приходится несколько дней нести на себе и байдарки, и груз. Так, например, в холодное время в марте – апреле создаются идеальные условия для перемещения по льду рек. Светлое время суток уже достаточно велико, а наст хорошо держит большой вес. Иными словами, если планировать выход на маршрут со стороны Каспия, то необходимо строить график перемещений таким образом, чтобы к моменту наступления весны или зимы на Севере не оказаться на вынужденной долговременной стоянке.

Знание астрономического календаря помогает в расчете времени передвижений. Если допустить, что длительные путешествия из Скандинавии и Новгорода на Каспий и обратно совершались в IX–X столетиях достаточно регулярно, то окологоризонтные созвездия Кита и Рыб [1; 2] могли быть очень удобным инструментом для расчета времени путешествий, исходя из их склонения. Эти созвездия хорошо видны между вершинами гор из Аланского поселения в Архызе (наблюдение автора), а совпадения топонимики и

звездной символики Иоанна Богослова в д. Зихнова (Зехнова) описаны мной в статьях [5; 6].

По положению созвездий Кита и Рыб, а также требуемому количеству дней на дорогу, находясь в Архызе, можно приблизительно рассчитать время отправления из него на Север, чтобы попасть в промежуточные пункты маршрута в нужный момент (например, до или после ледостава, ледохода и пр.). По опыту наблюдений на Кенозере, к 9 октября на озере уже нередко встает лед.

Учитывая, что викинги возвращались домой с добычей, а торговцы — с товаром, любая долгая задержка в пути представляла угрозу не только товару, но и жизни. Также можно предположить, что маршрут через оз. Лача и р. Онегу в Белое море, а затем через Карелию в Скандинавию или через Соловки на Кольский полуостров был более спокойным из-за малой заселенности этих мест. Можно предположить, что путь викингов на юг из Скандинавии шел через Балтику, а обратный — через Белое море. Если это было действительно так, то это может объяснить использование схожих орнаментальных мотивов «ромба» как символа лодки на дагестанских килимах (что не подтверждено на настоящий момент документально, символика записана со слов дагестанца — продавца килимов) и на кенозерских вышивках и наличниках, а также появление на Соловках и в с. Умба каменных лабиринтов. Ключ к их построению сохранился до нашего времени в Дагестане, как и их изображения на камнях и домах.

Орнаменты на наличниках и створках мебели в Кенозерье (четверти круга по углам прямоугольника) повторяют элементы ключа к построению канонических лабиринтов, по описанию С.О. Хан-Магомедова. В его работе «Дагестанские лабиринты» [7] есть несколько изображений, имеющих параллели на Севере России и в Скандинавии. В дагестанском с. Чувек обнаружен рисунок, изображающий ромб с загнутыми концами линий, который почти точно повторяется на наличниках в д. Семёновой на Кенозере (обнаружено автором). Чувек находится близко к Каспийскому морю, и ромб, если он изображает лодку аналогично рисункам на килимах, здесь вполне уместен. В с. Хотода и рядом с ним в с. Гидатли есть несколько изображений сложных крестов, причем два из них похожи на мальтийский, который в Хотоде наложен на изображение всадника с копьем на лошади. В североосетинском с. Махческ найдено единственное изображение лабиринта на Северном Кавказе вне Дагестана, но он нарисован с ошибкой. Хотода, Гидатли и Махческ находятся высоко в горах, поблизости от перевалов через Кавказский хребет, на западе от которого расположено Черное море. И если про Аланское городище известно, что оно лежало на Великом шелковом пути, то существование альтернативных путей «в греки» через Хотоду, Гидатли и Махческ требует проверки.

Также С.О. Хан-Магомедов упоминает рисунок лабиринта и ключа к нему, сделанный в школьной тетради финским учеником в 1840 г. [7]. Причем ключ — это часто встречающийся в северных вышивках крест, состоящий из нескольких угловых линий.

Есть и гораздо более близкий по времени эпизод, возможно, связывающий Кенозеро с Каспием, — это Каспийский поход Петра Первого в 1722–1723 гг., в котором приняли участие 6 тыс. матросов и 200 судов, построенных в Казанском адмиралтействе. Граф Федор Матвеевич Апраксин, командовавший флотом в этом походе, по возвращении стал губернатором Карелии; и, вероятно, вместе с ним из похода вернулись матросы и корабли, среди которых было много поморов. Возможно, из этого похода появились на Русском Севере дагестанские килимы и их орнаменты [4].

Я лишь формулирую гипотезу о связи Кенозера с древним путем Скандинавия – Балтика – Каспий; и эти размышления ведут к постановке большого количества вопросов:

1. Каковы были климатические условия на маршрутах Балтийское / Белое море — Каспий в IX–X вв.?

2. Какие созвездия традиционно использовали викинги, поморы, северные народы для ориентации в пространстве и исчисления времени?

3. Возможно ли перемещение драккаров викингов на полозьях по льду и снегу, и существуют ли документы или исследования, которые могли бы это подтвердить?

4. Есть ли в исследованном объеме генома викингов следы кавказской гаплогруппы?

5. Есть ли следы (в том числе в фольклоре) кавказских культур и генетики на Кенозере?

6. Есть ли документальные свидетельства о составе армии и флота Петра Первого, вернувшихся с Каспия и последовавших за Апраксиным в Карелию?

Еще раз хочется отметить, что в данной статье ее автор не претендует на научное открытие, а лишь пытается выдвинуть предположения, требующие проверки.

Список литературы

1. Астромиф. URL: <http://www.astromyth.ru/> (дата обращения: 20.06.2021).
2. *Грищенко Н.* Ученые разгадали тайну древнего «солнечного круга» в Архызе. URL: <https://rg.ru/2015/09/23/reg-skfo/observatoria.html> (дата обращения: 20.06.2021).
3. *Кабинина Н.В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.
4. *Магомедова А.* Дагестанские ковры. Махачкала, 2017.
5. *Соболев Г.А.* Солнце и звезды в архитектуре Кенозера // Россия и гнозис. М., 2002. С. 93–99.
6. *Соболев Г.А.* Солнце и звезды в архитектуре Кенозера // Россия и гнозис. М., 2003. С. 98–101.
7. *Хан-Магомедов С.О.* Дагестанские лабиринты. М., 2000.
8. *Margaryan A., Lawson D. J., Sikora M. et al.* Population genomics of the Viking world // Nature. 2020. Vol. 585. P. 390–396. URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-020-2688-8> (дата обращения: 20.06.2021).

Правовая культура северного крестьянства в отражении документов волостных судов

Соснина Мария Александровна – старший преподаватель, Высшая школа экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова; SosninaAGTU@yandex.ru

В статье рассматриваются протоколы волостных судов – уникальные архивные документы, позволяющие выявить специфику правосознания и уровень правовой культуры северного крестьянства. Интенсивно развивающийся во второй половине XIX в. институт волостного суда отражает правовые обычаи государственных крестьян Архангельской губернии как составной части правовой культуры региона.

Ключевые слова: правовая культура, государственные крестьяне, волостной суд, правовой обычай, закон.

The legal culture of the northern peasantry as reflected in the documents of rural district courts

Sosnina Maria A. – senior lecturer, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Higher School of Economics, Management and Law; SosninaAGTU@yandex.ru

The article discusses the proceedings of the rural district courts (volost' courts) – the unique archival documents allowing to judge about the legal understanding and the legal culture among northern peasantry. As an intensively developing institute, the 19th-century rural district courts reflect the legal customs of the state-owned serfs in Arkhangelsk province as an integral part of the area's legal culture.

Keywords: legal culture, state-owned serfs, rural district court, legal custom, law.

Особое место в социальной структуре российского общества второй половины XIX в. было отведено государственной (казенной) деревне. По традиции ее воспринимали как объект государственного регулирования, игнорируя тот факт, что крестьянский мир – это самоорганизующаяся с помощью обычаев система, содержащая в себе большие исследовательские возможности. В периоды модернизации традиционного российского социума реформирование проводилось сверху бюрократическими методами, что часто приводило к разрыву связей между государством и обществом.

После крестьянской реформы 1861 г. волостной (крестьянский) суд, в котором законом «Об общем положении крестьян, вышедших из крепостной зависимости» регламентировано применение местного обычая, стал для России своего рода доступным средством коммуникации, с помощью которого правительство могло оценить эффективность преобразований и получить обратную связь с обществом (до сих пор в России проблема коммуникации власти и общества не утратила своей актуальности).

Правовые обычаи – важная часть правовой культуры крестьянского общества. Они регламентировали существование общей семейной собственности, семейных разделов, опеки, вопросов наследства и артелей. Закон придал местным обычаям юридическую силу, тем самым сделав их основой для решений волостного суда. Решения волостного суда в виде протоколов вносились в так называемые «книги на записку решений волостного и третейского суда» и хранились в волостных правлениях.

Правовая культура – понятие многогранное и многоаспектное. В современной юридической литературе сложилось несколько подходов к определению данного понятия: антропологический, социологический (ценностный), философский. Однако ценностный подход противопоставляется деятельностному, а деятельностный – рассмотрению правовой культуры как качественного состояния жизни общества. Все вместе вышеперечисленные подходы создают целостное представление о правовой культуре: а) как совокупности правовых ценностей, накопленных обществом на определенном этапе своего развития; б) способа деятельности (существования) человека в правовой сфере; в) качественного состояния правовой жизни общества [7, с. 8].

Правовую культуру всего общества можно конкретизировать с помощью социальной группы, способа деятельности, правосознания личности, региона развития и исторического периода ее существования. В этом аспекте представляется возможным выделить как вид правовую культуру крестьянского сообщества второй половины XIX в., а именно – правовую культуру северного крестьянства, поскольку отсутствие частнофеодальной зависимости в Архангельской, Олонецкой, частично Вологодской и Вятской губерниях, а также Северном Приуралье сформировало особый тип правоотношений среди государственных крестьян.

Тема правовой культуры крестьянского сословия в отечественной историографии не новая, но большинство современных работ по заявленной тематике выполнено на основе не первичных, а вторичных (описательных) материалов, при этом объектом исследования была крепостная деревня. Так, на тему правовой культуры крестьян пишут Т.В. Шатковская [12], В.Б. Безгин [2] и др. Принципиальным моментом настоящего исследования является введение в научный оборот протоколов волостных судов, нигде ранее не использовавшихся, а объектом научной работы стала государственная деревня.

В настоящей статье впервые предпринимается попытка оценить уровень правовой культуры северного крестьянства при помощи протоколов волостных судов Архангельской губернии. Подчеркивая важность архивных источников как наиболее достоверного и разнообразного материала, позволяющего взглянуть на правовую культуру русского крестьянства изнутри, объективно, Л. И. Земцов писал: «Протоколы же волостной юстиции с отчетливой полнотой отразили поиск и народное воплощение мирских представлений о “правде” (и истине, и справедливости); в их строках, при переложении на обычные жизненные ситуации, прямо говорит главный герой отечественной истории – русский крестьянин» [6, с. 85].

Документы волостного судопроизводства второй половины XIX в. – ценные и достаточно редкие источники, поиск которых в фондах Государственного архива Архангельской области (ГААО) связан с немалыми трудностями. Неоднократная перестройка административно-территориального деления привела как к утрате, так и к распылению по различным фондам документации, касающейся решений волостных судов. Нами были изучены фонды волостных правлений, в которых по описям были обнаружены дела только трех из пяти уездов Архангельской губернии: Архангельского, Мезенского и Пинежского, имеющих отношение к рассмотрению в волостном суде. Документов волостной юстиции Холмогорского и Шенкурского уездов обнаружить не удалось, по-нашему мнению, потому что социальный состав этих уездов значительно отличался – здесь жили удельные крестьяне, которые находились в ведении Министерства императорского двора и уделов.

Документы волостных судов Каргопольского и Пудожского уездов, в состав которых были включены Лекшмозерская и Вершининская волости соответственно, находятся в Национальном архиве Республики Карелия (г. Петрозаводск), поскольку вышеназванные уезды с 1801 по 1922 г. входили в состав Олонецкой губернии. Однако схожесть исторических, политических, культурных, социальных, экономических условий возникновения и развития государственных крестьян как социальной общности позволяет экстраполировать выводы, сделанные на материалах волостных судов Архангельской губернии, на все регионы с преобладающим большинством государственных крестьян, в том числе и на Олонецкую губернию, включая Каргопольский и Пудожский уезды.

Отсутствие на территории Архангельской губернии крепостного права повлияло на правовой статус государственных крестьян, который не раз подвергался реформированию. Важной вехой в этом процессе стала реформа графа П.Д. Киселева. Согласно «Учреждению об управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г. была введена унифицированная система управления государственными крестьянами в 33 губерниях, включая Архангельскую, следствием чего стала двухуровневая система: в волости и селе. Отныне закон предусматривал создание в государственной деревне судебных органов в виде сельских и волостных

расправ. В 1839 г. законодательное оформление реформы продолжилось. 23 марта в силу вступили Сельский полицейский устав и Сельский судебный устав, позже вошедшие составной частью в Устав о благоустройстве в казенных селениях и явившиеся основой для судебных решений.

Благодаря тому, что правительство реформировало сначала управление в казенной деревне, государственные крестьяне значительно раньше начали знакомиться с законами, нежели крепостные. Сельская и волостная расправы стали важной частью правовой деятельности государственных крестьян еще задолго до отмены крепостного права.

Общее положение 1861 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, ввело волостной (крестьянский, сословный) суд для бывших крепостных крестьян, а в 1866 г. правительство распространило действие реформы и на крестьян государственных. Волостной суд принимал к разбору иски на сумму до 100 руб. в отношении движимого и недвижимого имущества в пределах крестьянского надела, наследственные дела, дела по опеке, займам, обязательствам, маловажным проступкам.

С введением в действие Общего положения волостным судам было предоставлено право принимать решения на основании заявленных в волостном правлении сделок и обязательств или на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту (ст. 107). Статьи 21 и 38 конкретизировали порядок применения данной нормы распространением действия гражданских законов на крестьян, вышедших из крепостной зависимости, однако в вопросах опеки, наследования, семейных разделов законодатель отсылал крестьян к обычаям.

Традиционным для российской дореволюционной и постсоветской историографии считается мнение, что уровень крестьянской правовой культуры не позволял волостным судьям пользоваться нормами законодательства при принятии решений. Например, С.В. Пахман, основываясь на Трудах комиссии по преобразованию волостных судов, не находил связи между решениями волостных судов и нормой закона по причине неграмотности судей. «В одной местности (имеется ввиду Самарская губерния. — М. С.) было прямо заявлено, что по закону судьи никогда не решают, потому что они люди темные, законом не смыслят» [8, с. 123]. На наш взгляд, данное утверждение можно считать верным лишь в отношении бывших крепостных крестьян.

Уровень правовой культуры северных крестьян, как показало настоящее исследование, являлся довольно высоким, что доказывается частотой обращений крестьян в волостной суд для защиты своих прав. Мониторинг изученных архивных материалов позволил выделить 579 гражданских исков и 503 уголовных дела (соотношение, как видим, примерно равно). Анализ протоколов судебных заседаний по гражданским делам выявил категории гражданских дел, наиболее часто рассматриваемых волостными судами Архангельской губернии (табл. 1).

Таблица 1. Классификация гражданских дел

Волостное правление	Семейные разделы	Наследство	Земельные иски	Обязательства и взыскания по договорам
Вознесенское (1895–1905)	1	6	22	97
Лисестровское (1908)	6	5	10	10
Долгощельское (1868–1915)	23	23	82	169
Пылемское (1879–1880)	2	1	6	3
Лешуконское (1870, 1898)	1	–	–	2
Несское (1904–1906)	2	2	3	2
Совпольское (1868–1914)	26	9	41	37
<i>Итого</i>	61	46	154	318

Подсчет дел говорит в пользу исков, связанных с договорами и обязательствами, на втором месте по количеству рассматриваемых дел в волостных судах находятся земельные споры и только потом семейные разделы и наследство. Это свидетельствует также и о том, что на основании обычая принималось решений меньше, чем с привлечением законодательной нормы или договора, записанного при волостном правлении.

В области гражданских правоотношений крестьян доказано, что нормы обычного права регламентировали существование общей семейной собственности, семейных разделов, опеки, вопросов наследства и артелей. Решения принимались на основе заявленных в волостном правлении сделок, принципов обычного права и местных обычаев крестьян.

Анализ документов волостной юстиции выявил следующие принципы применения обычая в крестьянском суде:

1. Принцип справедливости (чувство справедливости, которым руководствуется судья при принятии решения, и общественная польза).
2. Определенная законом сфера правоотношений (наследство, опека, семейные разделы, артельные договоры и договоры перевозки).
3. Субъективизм, личное усмотрение судьи («глядя по человеку»).
4. Принцип «грех пополам», согласно которому при неясных доказательствах ответственность возлагалась на обе стороны процесса.

Проведенный в Государственном архиве Архангельской области анализ судебной практики позволяет судить о соотношении видов проступков в волостных судах Архангельской губернии (табл. 2).

Таблица 2. Классификация проступков

Волостное правление	Оскорбление словом или действием	Кражи	Присвоение собственности, порча имущества	Разное
Вознесенское (1895–1905)	98	11	10	10
Лисестровское (1908)	9	4	8	4
Долгощельское (1868–1915)	90	32	63	33
Пылемское (1879–1880)	8	2	2	2
Лешуконское (1870, 1898)	–	1	1	–
Несское (1904 – 1906)	9	1	1	7
Совпольское (1868–1914)	61	11	14	13
<i>Итого</i>	275	61	98	69

Оскорбление словом или действием, ссоры и взаимные драки, различные самовольные действия, сопровождаемые иногда «настоящим буйством», а также нарушение тишины и спокойствия составляют примерно 60 % от общего числа проступков. Кражи, сокрытие и продажа краденого – 10 %, присвоение (в том числе кражи сена) или порча чужого имущества (например, разбитие окон) – 18 %. Другие дела (неявка в суд, дача ложных показаний, невыполнение повинностей, неосторожное обращение с огнем, неуважительное отношение к суду и другим должностным лицам) – 12 %. Угрозы, клевета¹ и продажа водки передавались волостным судом на рассмотрение окружным судам как ему неподсудные на основании Устава о благоустройстве в казенных селениях².

Таким образом, перечень категорий дел, рассматриваемых волостными судами Архангельской губернии, соответствует не только законодательным актам крестьянской и последующих реформ местного суда, но и законам в рамках реформы государственной деревни П.Д. Киселева 1837–1841 гг.

Следующим показателем высокого уровня правовой культуры северных крестьян является тот факт, что «неграмотные» волостные судьи применяли в судебном процессе закон. Реальная волостная судебная практика в ее резолютивной части пестрит ссылками на статьи Общего положения, Сельского судебного устава, Устава о благоустройстве в казенных селениях, разъяснения Сената, циркуляры Министерства внутренних дел и другие официальные до-

¹ Государственный архив Архангельской области. Ф. 235. Оп. 1. Д. 165. Л. 167 об. – 168.

² Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 191. Л. 14–18, 67–71.

кументы. Анализ протоколов позволил прийти к выводу, что прямое упоминание крестьянского обычая встречается очень редко. Из 1082 изученных протоколов местный обычай упоминается только в 28 случаях.

По словам крестьян и волостных должностных лиц, «каждый тяжущийся старается все обставить наиболее законным манером, и чья “законность” в глазах судей окажется выше, безупречнее, тот и выиграет дело» [11, с. 7]. «Ныне обычаю веры меньше, а все больше по закону» [11, с. 7] — такие жалобы нередко можно было услышать от стариков, настороженно относящихся к новшествам. Однако у волостных судей был свой интерес: основанием для решения дела по проступку был именно закон. Нередко, когда не было явных доказательств правоты или виновности сторон, в качестве мотива решения выставлялось собственное убеждение судей. В таких случаях суды выносили решение «по соображению своему»³, «видя сознательность» ответчика⁴, оценивая разбираемое деяние по личности сторон [11, с. 6].

Наказания, налагаемые волостными судами, регламентировались статьей 102 Общего положения: за «маловажные» проступки волостные суды могли приговаривать виновных к телесному наказанию (20 ударов розгами), аресту на 7 суток, штрафу до 3 руб. и общественным работам до 6 дней. Назначение наказания за каждый проступок предоставлялось на усмотрение волостного суда. Широкое судебское усмотрение в части наказаний, однако, укладывалось в общую для всего государства тенденцию гуманизации уголовного права. Постепенно законодательно ушли в прошлое унижающие достоинство личности розги (телесные наказания были отменены в 1904 г.) и принудительный труд (указом от 5 октября 1906 г.). Для волостных судов местностей, лишенных института земских начальников, в период с 1906 г. и до упразднения волостной юстиции остались лишь два вида наказаний — штраф и арест.

Пока телесные наказания не были отменены, они применялись волостными судами Архангельской губернии очень редко по сравнению с тем, как часто использовали такие наказания в крепостных деревнях. С.В. Пахман отмечает, что «волостные суды присуждали ответчиков к розгам весьма часто, потому что телесные наказания не отражались на благосостоянии семьи» [8, с. 117]. Думается, что частые телесные наказания были связаны с традицией телесных наказаний крепостных крестьян в условиях вотчинной юстиции. Государственных крестьян секли гораздо реже. Розги в волостных судах применяли за неплатеж податей вследствие дурного поведения, лени и т.п., за распутную, нетрезвую или развратную жизнь, за кражу, продажу краденого, оскорбление словом и действием, в особенности женщин, оскорбление должностных лиц. Следует отметить, что приговоры волостных судов, присуждающих виновных к наказанию розгами, гораздо чаще встречали

³ Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 165. Л. 123.

⁴ Там же. Л. 169–170.

сопротивление государственных крестьян и обжаловались в вышестоящих инстанциях.

Уникальные правовые обычаи характеризуют еще одну сторону правовой культуры северного крестьянства. Сложившиеся в особенных условиях северной государственной деревни, они продолжали влиять на правовые отношения крестьян и после реформы 1861 г. Закон придал местным обычаям юридическую силу, тем самым сделал их основой для решений волостного суда. Какие же обычаи применял волостной суд среди массы других социальных норм, какие дела решал на основе обычно-правовой нормы? Приведем конкретные примеры из сферы гражданского права.

По принятому среди крестьян северной деревни обычаю следовало уважать и почитать старших. Через волостные суды родители требовали от детей подчинения и повиновения, а также возврата ушедших из семьи сыновей с их женами. Так, 3 февраля 1878 г. Александра Мелешкина заявила волостному суду словесную жалобу на сына Кирилла и его жену Агриппину за то, что они не дают ей пропитания, корма и хлева для коровы. Волостной суд *на основании крестьянских обычаев* постановил, что сын и невестка должны попросить прощения у матери и обязываются впредь ни под каким предлогом мать свою не оскорблять и давать ежемесячно продовольствие хлебом, а также квартиру, а для коровы — сено, солому и хлев. За невыполнение сего Кириллу грозило строгое наказание⁵.

Интересно отметить, что основанная на народном обычае волостная судебная практика находила аналогию в законодательных нормах. В подобных случаях обычная и официальная нормы в противоречие не вступали. Например, статья 283 Устава сельского и полицейского регламентировала покорность детей перед родителями.

Одним из распространенных явлений крестьянской жизни Архангельской губернии являлся прием в семью зятя на правах родного сына. Данное явление было описано П.С. Ефименко в статье «Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии», содержащейся в сборнике народных юридических обычаев под редакцией С.В. Пахмана [5]. Зятя принимали в дом для поддержания хозяйства, если не было других рабочих рук, и для «печалования» тестя и тещи. Свои имущественные права зятя-«приемыши» получали именно благодаря труду и прокорму так называемых «принимателей».

Интересное дело рассматривал Долгощельский волостной суд 8 октября 1879 г. Согласно документам, крестьянская вдова Ирина Иванова Широкая жаловалась на «приемыша» ее покойного мужа, который стесняет ее под различными предлогами в хозяйственном быту и не дает ей того содержания, которое полагается ей по духовному завещанию (на это имелось предписание мирового посредника от 10 мая № 203). Данное дело закончилось при-

⁵ Там же. Д. 40. Л. 209–210.

мирием сторон при условии, что «приемыш», согласно духовному завещанию, не будет стеснять истицу⁶. В этом деле суд при вынесении решения также имел в виду обычай, согласно которому «приемыш» после смерти принявшего его в семью получает при разделе часть, равную части, выделяемой родным сыновьям [4, с. 73].

Бесправное положение женщины в крестьянской семье побуждало ее обращаться за защитой своих прав в волостной суд. Дела и приговоры, по которым выступали в качестве истец женщины, свидетельствуют об уважительном отношении крестьянского сообщества к их собственности, а также о попытках суда защитить их от произвола со стороны мужа и его родственников. А.Я. Ефименко приходит к выводу, с которым вполне можно согласиться: «Ничего не может сделать для женщины, и потому не делает, ни одно судебное место, кроме волостного суда» [3, с. 99].

Многочисленные свидетельства жестокого обращения мужей со своими женами в крестьянской среде нашли отражение в Трудах комиссии по преобразованию волостных судов, в анализе обычаев и народного быта П.С. Ефименко, И. Оршанского, С.В. Пахмана, Е. Якушкина и других исследователей, а также в практике волостных судов. Тем не менее, что касается отношений личного характера, то они сводились к обязанности совместного проживания, и волостные суды принимали решение о воссоединении супругов, руководствуясь решением Правительствующего Сената от 9 марта 1876 г. № 2012, во исполнение статьи 103 тома X Свода законов Российской империи, которым «запрещено постановлять решения, клонящиеся к раздельной жизни супругов» [10, с. 963].

Дела, заканчивающиеся разделением супругов, были скорее исключением. Так, в деле крестьянки д. Захарова Гора Анны Ивановой Кузнецовой о стеснении ее мужем Михаилом Федоровым Кузнецовым и выселении ее из дома с малолетней дочерью жалобщица просила отдать ее приданое и женское имущество, а также корову. Мужем своим Михаила она не считала, т.к. постоянно терпела от него побои и истязания. Ответчик в оправдание свое показал, что раздела с женой не желает, а обиды наносил по причине плохого поведения жены и нежелания ее с ним жить. Выслушав показания сторон и свидетелей, а также признав больше справедливости на стороне истицы, на основании особой подписки о поведении и трудоспособности жалобщицы суд постановил: ввиду нежелания совместного жительства супругов поручить Ширшеменскому сельскому старосте ныне же снять печать с опечатанного волостным старшиной ящика и выдать оттуда все вещи женского наряда Анны Кузнецовой, отобрав у супруга Михаила приданое жены (самовар, постель с одеялом и подушкой), после чего настоящее дело считать оконченным⁷.

⁶ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 18. Л. 192–143.

⁷ Там же. Ф. 236. Оп. 1. Д. 17. Л. 72–75.

Что касается обязательственного права, то, проанализировав волостную судебную практику Архангельской губернии, мы вслед за С.В. Пахманом можем сделать вывод, что не все, а только лишь некоторые сделки в силу различных причин получили распространение в крестьянском быту [9, с. 35]. Так, например, договоры дарения, мены или хранения в протоколах судебных решениях нам, за редким исключением, не встретились. Однако в архангельском архивохранилище нашлись протоколы судебных заседаний по артельным делам и перевозкам, что не является предметом анализа вышеназванного автора. «Как отказаться от обращения к субсидиарным обычным нормам, когда к суду обращаются артельщики, ясно сознающие, что есть цельный мир артельный, вполне определенный в народных представлениях, но совершенно игнорируемый писаным правом» [1, с. 312].

По причине отсутствия законодательного регулирования артельных отношений в данной сфере складываются обычно-правовые нормы. П.С. Ефименко приводит высказывание известного академика К.М. Бэра по поводу соблюдения обычаев: «... при изучении тамошних произведений, я был поражен строгостью, с коей промышленники следуют правилам, введенным обычаем. Эти правила исполняются точнее, чем писанные законы во всех государствах» [4, с. 163]. Главное, что выделяет автор, характеризуя артели промышленников Русского Севера, это «честность, безопасность и неприкосновенность собственности, деж добытого на промысле поровну» [4, с. 167].

Красноречиво доказывает данное положение найденный в Государственном архиве Архангельской области протокол судебного заседания. В 1912 г. крестьяне Андрей Медведев и Евлампий Увакин подали в волостной суд жалобу о взыскании промышленных артельных денег в размере 54 руб., которые Федором Медведевым были получены по исполнительному листу. Ответчик показал, что он получил только 40 руб., остальные Бахарев и Лавров (вероятно, наниматели) просили простить. Истцы утверждали, что Федор Медведев захватил артельные деньги (30 руб.), которые должен был разделить на 5 участков: 18 руб. Андрею Медведеву на 3 участка, 6 руб. Евлампию, а остальные 6 руб. ответчику. «Об этом мы не знаем, простил ли Федор Медведев 14 рублей Бахареву и Лаврову, нам никакого документа от них не представил, а мы, Медведев и Увакин, не принимаем на себя эти 14 рублей». А потому на основании местных обычаев, т.к. Федор Медведев не представил никаких расписок от Бахарева и Лаврова, волостной суд постановил взыскать с ответчика захваченные им артельные деньги: в пользу Андрея Медведева – 18 руб., Евлампия Увакина – 6 руб.⁸

Оригинальный аспект обычного артельного права – ловля семги в очередном порядке, определяемом по жребью, – мы находим в деле, рассмотренном волостным судом 16 сентября 1902 г. Ответчик на суде показал, что ловил семгу 15 августа «без жребья», потому что курья в тот день была сво-

⁸ Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 596. Л. 4 об. – 6.

бодной, а 18 августа — «по жребью», т.е. в свою очередь. За это он был оштрафован на 1 руб. 70 коп.⁹

Своеобразным дополнением к артельным договорам стали договоры перевозки, которые, как показывает волостная судебная практика, регулировались с помощью обычая. Обычай устанавливал фиксированную плату за перевозку людей, продуктов промысла и др. Данное установление не вызывало возражений со стороны крестьян и волостных судей, поэтому протоколов немного. Один из редких случаев судебной тяжбы по данному вопросу: 24 января 1907 г. Афанасий Широкий жаловался волостному суду на крестьян Акима и Тимофея Поповых и Гаврилу Федоровского, которые не додали ему по 50 коп. за провоз их в карбасе на Канинский полуостров (д. Чижи). Каждый заплатил только 3 руб. 50 коп. вместо положенных 4 руб. Волостной суд постановил взыскать с ответчиков по 50 коп.¹⁰

Единственный протокол, описывающий тяжбу по поводу доставки людей «по пути», доказывает существование обычая, связанного с перевозкой. 17 декабря 1882 г. Совпольский волостной суд рассматривал дело по просьбе крестьянина Константина Чирцова о взыскании проезжих денег со старосты Хвиюзова за 44 версты в размере 1 руб. 32 коп. Ответчик данный факт признал. Волостной суд, «принимая во внимание *местный обычай* (курсив мой. — М.С.), что поездка с Кулоя у Чирцова была не нарочно, а по пути к дому, то за такую назначить ему только 50 коп.»¹¹

Уникальный случай пользования на промыслах путевыми избушками, разрешенный волостным судом, касается правоотношения, которое никак не регламентировалось официальным законодательством. 24 января 1912 г. крестьянин Дмитрий Нечаев подал в волостной суд письменную жалобу, в которой просил взыскать деньги за использование крестьянином Федором Нечаевым избушки в течение 8 лет по 5 руб. в год (всего 40 руб.). Волостной суд *на основании местных обычаев* постановил: взыскать 10 руб. с Федора Нечаева в пользу Дмитрия Нечаева¹². Интересно заметить, что на территории современной Архангельской области нередко можно встретить в лесах и по берегам рек так называемые путики — избушки общего бесплатного пользования для ночевки охотников и рыбаков.

Представляется, что к рубежу XIX и XX вв. гражданский закон прочно вошел в правосознание бывших государственных крестьян, составив серьезную конкуренцию местному обычаю. Анализ эволюции волостной судебной практики показал готовность крестьян к решению гражданских споров в суде. В ходе настоящего исследования был опровергнут тезис о том, что крестьяне не знали и не применяли законы в волостных судах. Более длительное

⁹ Там же. Д. 412. Л. 17–18.

¹⁰ Там же. Д. 498. Л. 9–10.

¹¹ Там же. Ф. 235. Оп. 1. Д. 165. Л. 63 об. — 65).

¹² Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 596. Л. 6 об. — 8).

существование крестьянского самоуправления и суда в государственной деревне отразилось на правосознании государственных крестьян в части разрешения дел в волостных судах в пореформенный период и повышении уровня правовой культуры в целом.

Список литературы

1. *Башмаков А.А.* Очерки права родового, наследственного и обычного. Юридические исследования. СПб., 1911.
2. *Безгин В.Б.* Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов, 2012.
3. *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884.
4. *Ефименко П.С.* Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М., 2009.
5. *Ефименко П.С.* Наследование зятьев-приемышей по обычаям Архангельской губернии // Сборник народных юридических обычаев. Записки Императорского русского географического общества. Т. 2 / под ред. С. В. Пахмана. СПб., 1900. С. 205–242.
6. *Земцов Л.И.* Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.): дис. ... д-ра ист. наук. Липецк, 2004.
7. *Линейцева К.С.* Основные подходы к пониманию правовой культуры // Сибирский юридический вестник. 2010. № 4 (51). С. 3–9.
8. *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России (юридические очерки): в 2 т. СПб., 1879. Т. 2.
9. *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. М., 2003. С. 35.
10. *Статистик.* Крестьянская семья и семейная собственность в Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 17–24.
11. *Статистик.* О наказаниях, налагаемых волостными судами в Архангельской губернии. Архангельск, 1913. № 11.
12. *Шатковская Т.В.* Правовая ментальность российских крестьян второй половины XIX века: опыт юридической антропометрии. Ростов н/Д., 2000.

Традиции древнего монашества в выговских скитах¹

Старицын Александр Николаевич – главный библиограф, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; prof-itens@yandex.ru

Изучение уставов Выго-Лексинского общежития и привлечение новых документов позволило произвести сравнительный анализ внутреннего устройства староверческих и древнерусских скитов (на примере Нило-Сорского скита). Выявляется наличие схожих черт по многим показателям: в планировке, богослужении, отношении к собственности, правилах внутреннего распорядка, управлении. Это свидетельствует о том, что староверы были осведомлены о традициях скитского монашества и сознательно обращались к древнему опыту при устройстве своих поселений. Отмечается, что староверческие авторы скитских правил благочиния творчески подходили к опыту древних скитников, адаптируя его с учетом современных им реалий.

Ключевые слова: староверческие поселения, древнерусские скиты, внутреннее устройство, правила благочиния, монашество, скитский устав.

The early monastic traditions of Vyg

Staritsyn Alexander N. – chief bibliographer, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; prof-itens@yandex.ru

The study of Vyg-Leksa co-residence statutes and newly discovered documents has allowed us to compare the internal structure of the Old Believers' monasteries and the Old Russian hermitages (case of Nilo-Sorsky Monastery). A number of similarities has been revealed – with regard layout, worship, attitude to property, rules of internal order and management – indicating Old Believers' awareness of hermits and their conscious choice of patterns and traditions used by hermits in arranging their settlements. It is noted that the authors of discipline statutes from among the Old Believers' demonstrated a certain amount of creativity when adapting the early hermits' practices to the realities of their time.

Keywords: Old Believers' settlements, Old Russian monasteries, internal structure, rules of discipline, monasticism, hermits statute.

© Старицын А.Н., 2022

¹ Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Петр Великий и его эпоха в исторической памяти народов Карелии» по гранту РФФИ «Петровская эпоха» на 2020–2022 гг., проект № 20-09-42034.

В исследованиях, посвященных истории староверчества, сложилось представление, что выговские скиты организовывались как мирские деревни в противоположность Выговскому и Лексинскому монастырям, где насельники жили по монашеским правилам [1, с. 171; 2, с. 76; 7, с. 44–45; 9, с. 72; 13, с. 161; 14, с. 270; 15, с. 30]. Между тем, изучение выговских уставных документов и вновь найденных описаний скитских обычаев староверов позволяют усомниться в справедливости устоявшегося мнения. Целесообразно в этом отношении произвести сравнительный анализ устройства скитов староверческих (на примере выговских) и древнерусских (на примере Нило-Сорского скита).

Планировка выговских скитов имела характерные особенности, отличавшие ее от планировки выговских монастырей. Иван Круглый при допросе в Синоде в 1738 г. так описывал расположение скитских построек: в центре, как правило, находились часовня с колокольной, «а вокруг той часовни по разным местам построено келей не малое число» [6, с. 425–432]. В материалах комиссии О.Т. Квашнина-Самарина 1739 г. содержится подробное описание выговских строений, в том числе и скитских. Были описаны постройки, находившиеся в Шелтопорожском, Боровском, Выгорецком, Тагозерском и Волозерском скитах. В центре находились часовня с колокольной и мирская изба для раскладки податей (в Шелтопорожском скиту). На различном удалении от часовни находились жилые кельи (избы) и хозяйственные строения, в некоторых местах – мельницы (в Боровском и Лумбурецком скитах, а также у Сергиева скита). Особое внимание следует обратить на расположение изб: «От той же часовни вниз по Выгу реке по обе стороны 17 изб с сенями, с чуланами, с дворами и с сараями с хлевами скотскими. В разстоянии на семи верстах изба от избы, на пример в полуверсте в версте и в дву верстах. В том числе без дворов две избы» [6, с. 539–545]. Избы в скитах представляли собой уединенные кельи или обособленные дворы, если окружались сопутствующими им хозяйственными постройками. Каждый хозяин двора, как правило, владел сельскохозяйственными угодьями.

Сведения о планировке выговских скитов, содержащиеся в материалах допроса Ивана Круглого и в материалах следственной комиссии, находят подтверждение в допросных речах 1738 г. беглых крестьян Соловецкой вотчины, живших в выговских скитах в 1710–1730-х гг. Из их показаний следует, что кельи-дома в скитах (Сергиевом, Челозерском, Верховском) располагались на расстоянии 1–2 верст друг от друга и от скита, т.е. от центральной части, где находилась часовня². В отличие от планировки Выговского и Лексинского монастырей, которые имели квадратную форму и были окружены оградой, выговские скиты не имели ограды, жилые избы в скитах находились на значительном удалении друг от друга.

² Российский государственный архив древних актов. Ф. 7. Оп. 1. Д. 561. Л. 231 об.; Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1119. Л. 1 об. – 2; Д. 1273. Л. 33 об.

В скитских часовнях, по свидетельству Ивана Круглого, каждый день совершались богослужения: «и бывает де у них ежедневно благовест и звон... при той же де часовне живет в келье раскольнический учитель старец, а как зовут не знает, и в той де часовне отправляет вечерни, утрени, часы оный старец, и бывает в то пение в объявленные колокола благовест и звон, и того скита жители раскольники к тому пению собираются» [6, с. 427–431]. Богослужения могли совершать не только монахи, но и бельцы: «И те вечерни, и утрени, и часы отправляет все упомянутый учитель Прокофий Онисимов» [6, с. 430]. Из общесоборного установления о благочинии 1720-х гг. (док. № 26) следует, что в выговских часовнях, как скитских, так и монастырских, ежедневно по будням совершались павечерницы и полунощницы, а в недельные (воскресные) дни – вечерни, утрени и часы [5, с. 152].

При сравнении староверческих скитов с древнерусским (Нило-Сорским) в первую очередь следует отметить общие черты в планировке. Исследователи древнерусского монашества обращали внимание на то, что в Нило-Сорском ските повторялись принципы планировки древних скитов. На холме, насыпанном самим Нилом, располагались три храма и колокольня, на некотором расстоянии от церквей находились хозяйственные постройки и жилые кельи, которые были разбросаны по лесу. Центром скитской жизни являлся храм. Кельи монахов размещались так, чтобы из окна одной кельи можно было увидеть другую; при каждой из них имелся клочок земли с огородом [10, с. 136–137]. В планировке своих поселений староверы следовали древней традиции египетского и палестинского монашества, которую на Руси продолжил Нил Сорский. Внешнее устройство выговских скитов по типу древних свидетельствует о том, что для староверов их поселения служили единственным местом, предназначенным для спасения души проживающих там монахов и мирян.

В вопросе собственности наблюдаются различия, обусловленные присутствием в выговских скитах не только монахов, но и мирян. Если обитатели выговских скитов обладали полноценным правом частной собственности на дома, инвентарь, скотину и т.д., а также правом владения землей, то в древнерусском ските право монахов на собственность было крайне ограничено. Во времена Нила Сорского, который придерживался древних скитских уставов, приходящий монах мог купить келью, но, покидая скит, терял все права на нее. Монахам запрещалось продавать или менять келью, а после смерти владельца она поступала в собственность монастыря [10, с. 148; 11, с. 135].

Древнерусский скит не владел пахотной землей, но обладал общим имуществом, в которое входили кельи, конюшни, мельницы, амбары с хлебом, сараи с запасами дров и т.д. Несмотря на это каждый монах в скиту вел собственное хозяйство и пропитание имел от результатов своего труда и от огорода [10, с. 178]. В выговских скитах, так же как в древнерусском, было общее скитское имущество (мельница, мирская изба и др.). Выговские скиты тоже не владели пахотной землей (земля была государственной), но обитатели его

брали землю в оброк и могли распоряжаться своим участком на основании права владения. Они вели самостоятельное хозяйство и жили на то, что приносила их деятельность, будь то хлебопашество, рукоделие, промысел или торговля.

Так же как жителям выговских скитов, древнерусским инокам запрещалось выходить из скита без благословения настоятеля, но скитяне все же могли свободнее передвигаться внутри скита. В отличие от них древнерусский инок большую часть времени должен был проводить в келье, из которой имел право выходить только в непостные дни. Собираться вместе или принимать странников позволялось только для духовного наставления [10, с. 146].

Особое внимание Нил Сорский уделял борьбе с самочинством и самовольством. В скит принимали только тех, кто хотел соблюдать божьи заповеди и святоотеческие предания. Иноков, не желающих подчиняться уставным правилам и живущих по своей воле, подвергали различным наказаниям вплоть до изгнания из скита [10, с. 147]. Подобным образом поступали выговские руководители, боровшиеся с нарушителями правил «пустынного жития» и уставов: «А иже жестоковыйнии от вас и необрезаннии сердца и ушесы, присно противляющиися церковным преданиям, и в своевольном ума скитании хотящии жити, и на наказующыя гневающиися! Почто убо zde в пустыне живете? <...> Аще убо по месту не хотите жити — изберите место по житию вашему, и прочым спасающымся в претыкание и соблазн не бывайте» [5, с. 259–260]. В позиции выговских руководителей наглядно проявилось их отношение к скиту как к уединенному месту, удаленному от попавшего под власть антихриста мира, где собрались люди, заботящиеся о спасении своей души в «последние времена».

Хозяйственными и административными делами Нило-Сорского скита занимался строитель, который сначала избирался скитскими старцами, но после приписки скита к Кирилло-Белозерскому монастырю в 1641 г. его стали избирать соборные старцы монастыря. Строитель ведал сооружением скитских зданий, их ремонтом, снабжением скита всем необходимым для богослужения и жизни. Он нанимал священников для совершения богослужения, если в скиту не было иеромонаха, а также различных рабочих. Ему подчинялись скитские уставщики, пономари, сторожа. Строитель распоряжался скитской казной, ездил в Белозерск или Вологду для получения царской руги, закупал провизию («запас») для скита и раздавал ее монахам вместе с деньгами («зажилым») [10, с. 164–173].

В выговских скитах роль строителя выполнял избиравшийся скитянами староста, но т.к. в его обязанности входили контакты с представителями государственной власти, его должность носила светский характер. По этой же причине в этих скитах существовала мирская изба, чего не могло быть в древнерусском ските. Тем не менее, функции старосты сопоставимы с функциями строителя. Он обеспечивал порядок в скитах, принимал новых обитателей, изгонял нарушителей уставов, разбирал споры, определял жите-

лей на необходимые работы на заводах, занимался раскладкой повинностей и денежными сборами. Староста заведовал общей скитской казной (деньги, поступавшие от благотворителей и от сбора милостыни) [8, стб. 393–394], ему подчинялись выборные, счетчики и другие скитские должностные лица. В отличие от древнерусских скитян жители выговских скитов не получали царской руги, а сами платили всевозможные крестьянские подати и вынуждены были работать на заводах. Такое положение отражало внешнюю сторону выговских скитов, в соответствии с которой скит – это крестьянское поселение, платящее налоги. Именно поэтому скитский староста, как и волостной земский начальник, подчинялся администрации Петровских заводов. Согласно внутреннему устройству, скитский староста получал указания от выговских руководителей и действовал на основании уставов, выработанных соборно.

Выговские скиты являлись частью Выго-Лексинского общежительства, включавшего в себя не только монастыри, но и окружавшие их скиты. В статусном плане положение староверческого скита допустимо сравнить с древнерусским (Нило-Сорским) скитом, находившимся в зависимости от крупного общежительного (Кирилло-Белозерского) монастыря. При возникновении земельных споров между жителями староверческих скитов и соседствующими с ними крестьянами Соловецкой вотчины не скитский староста, а настоятель Выговского общежительства выступал в роли представителя интересов скитян.

Так, в 1727–1728 гг. завязалась переписка между Андреем Денисовым и настоятелем Соловецкого монастыря архимандритом Варсонофием о спорной черной земле в районе Ветреных Гор³. В 1737 г. архимандрит Варсонофий обращался к Семену Денисову с просьбой вернуть имущество живших в 1725–1737 гг. в Солотзерском и Тамбичозерском скитах беглых соловецких крестьян Трофима Андреева Оштанова и Петра Прокопьева Старостина, а также заплатить за оставленные ими земельные участки⁴. Любопытно отметить, что, несмотря на идеологические разногласия, переписка велась в уважительном деловом тоне. И братья Денисовы, и архимандрит Варсонофий видели друг в друге в первую очередь глав хозяйствующих субъектов, с которыми выгодно поддерживать соседские отношения.

Богослужение в Нило-Сорском ските проходило по скитскому уставу, который в отличие от общежительного предназначался для монахов, находящихся вне стен монастыря без священника. Скитяне, не выходя из кельи, совершали павечерницы, полунощницы и часы, прочитывая в день половину Псалтыри. Главным в келейном правиле монаха древнерусского скита была «умная молитва». Дважды в неделю (в среду и субботу) совершались совместные всенощные бдения, на которые собирались все скитские иноки

³ Там же. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 972. Л. 2–8 об.

⁴ Там же. Оп. 5. Д. 1444. Л. 6–6 об.

[11, с. 129–130; 3, с. 158; 10, с. 149–157]. Скитский устав был хорошо знаком староверам и привлекал их тем, что он мог использоваться христианами, оставшимися без священников, и распространил на всех монашеский образ жизни [3, с. 158; 4, с. 23, 27]. Поскольку устав предназначался для иноков, находящихся за пределами монастыря в пустыне, то он наилучшим образом подходил для поселений, устроенных староверами вдали от мира: «яко обретаем от святых отец в пустынях скитских, или на коем любо месте устранным от мира Божия ради любви»⁵.

Андрей Денисов в предназначенном для жителей скитов послании о постах подробно перечислил источники, на которые он опирался: «Око церковное», «Старчество», «Книга о вере», Номоканон, Устав Соловецкого монастыря, Катехизис большой, Житие Василия Нового, Послания апостолов, сочинения Епифания Кипрского, Афанасия Великого, Никона Черногорца, Василия Великого, Исаака Сирина, Иосифа Волоцкого [5, с. 51–63]. Он не упомянул скитский устав, однако знание и использование его Андреем Денисовым не вызывают сомнений, о чем свидетельствуют сделанные им выписки о том, как совершать службу не умеющим читать: «о краткой службе, поклонами исполняемой, и о правиле келейном»⁶. Во втором послании в Польшу, написанном в 1704 г., Андрей Денисов, отвечая на возражения Феодосия против совершения выговцами всенощных бдений, указал на такие источники, как Тактикон Никона Черногорца, Типик Соловецкого монастыря, Устав «Око церковное», жития Антония и Пахомия Великих, Саввы Освященного, Макария Желтоводского [12, с. 28–29]. Андрей Денисов доказывал правомочность совершения всенощных бдений без священников. Тем не менее, он не в полной мере применил скитский устав для устройства жизни в выговских поселениях. Во-первых, во всех уставных предписаниях, направленных в скиты, не было сказано о совершении всенощного бдения в среду и субботу, как было принято в Нило-Сорском ските. Во-вторых, ничего не говорилось о совершении «умной молитвы». Возможно, это можно объяснить особенностью выговских скитов, в которых собрались для спасения души не только монахи, но и ушедшие из мира простые крестьяне, намеревавшиеся вести монашеский образ жизни. Для выговских скитян по степени значимости на первое место выступало не монашеское дело, а благочестивая жизнь в «последние времена».

Произведенный сравнительный анализ внутреннего устройства выговских скитов и Нило-Сорского скита выявил наличие схожих черт по многим показателям: в планировке, богослужении, отношении к собственности, правилах внутреннего распорядка, управлении. Это говорит о знакомстве выговских руководителей с традициями скитского монашества и об их сознательном обращении к древнему опыту при устройстве своих поселений.

⁵ Российская государственная библиотека. Ф. 304. I. № 46. Л. 144.

⁶ Там же. Ф. 98, № 1361. Л. 48.

Отмеченные различия обусловлены пониманием выговцами переживаемого времени как «последнего», когда все христиане обязаны вести монашеский образ жизни независимо от того, приняли они постриг или нет. Необходимо отметить, что выговские авторы скитских правил благочиния творчески подошли к опыту древних скитников с учетом наступления, как они верили, «последних времен».

Список литературы

1. *Барсов Е.В.* Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII века (Материалы для истории русского раскола) // Труды Киевской духовной академии. 1866. Т. 2. С. 168–230.
2. *Барсов Н.И.* Еще о спорных вопросах из первоначальной истории беспоповщины // Христианское чтение. 1877. № 7–8. С. 43–82.
3. *Белякова Е.В.* Русская рукописная традиция скитского устава // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 150–162.
4. *Белякова Е.В.* Скитский устав и его значение в истории русского монашества // Церковь в истории России. Сб. 1. М., 1997. С. 21–29.
5. Выгорецкий Чиновник: в 2 т. Т. 2: Тексты и исследование / подгот. текста Г.В. Маркелова. СПб., 2008.
6. *Есипов Г.В.* Раскольничьи дела XVIII столетия. Извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым: в 2 т. Т. 1. СПб., 1861.
7. *Любомиров П.Г.* Выговское общежитие. Исторический очерк (С портретом А. Денисова и двумя снимками вида общежития). М.; Саратов, 1924.
8. Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода: в 50 т. Т. 6: 1726 г. СПб., 1883.
9. *Островский Д.* Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914.
10. *Романенко Е.В.* Нил Сорский и традиции русского монашества. М., 2003.
11. *Синицына Н.В.* Типы монастырей и русский аскетический идеал // Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 116–149.
12. *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909.
13. *Соколовская М.Л.* Северное раскольничье общежитие первой половины XVIII века и структура его земель // История СССР. 1978. № 1. С. 157–167.
14. *Соколовская М.Л.* Складывание института «учительства» в Выго-Лексинском общежитии («об исполнении келейного правила» скитскими старовеерами) // Мир старообрядчества. Вып. 1: Личность. Книга. Традиция. М.; СПб., 1992. С. 28–45.
15. *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. Т. 1. М., 2002.

К вопросу о ранней истории села Луда. Ссылка и гибель боярина А.Н. Романова

Степанова Ольга Викторовна — экскурсовод Государственного исторического музея; teminka@rambler.ru

Автор исследования обращается к исторической теме, связанной со ссылкой в 1601 г. боярина Александра Никитича Романова, дяди царя Михаила Федоровича Романова, в посад Луда. В статье изучается история и топонимия этого поселения. Наряду с известными по публикациям версиями ссылки и гибели А.Н. Романова в Луде излагается авторское предположение о том, как происходило данное историческое событие.

Ключевые слова: посад Луда, Унская губа, боярин Александр Никитич Романов, ссылка.

Revisiting the early history of Luda village. The exile and death of boyar A.N. Romanov

Stepanova Olga V. — guide, State Historical Museum; teminka@rambler.ru

The paper revisits the historical events connected with the exile, in 1601, of boyar Aleksandr Nikitich Romanov, uncle of Tsar Mikhail Fedorovich Romanov, to the settlement of Luda. With focus on the history and place-name study of Luda, the author cites the known versions of A.N. Romanov's exile and death, presenting her own interpretation of the events surrounding them in Luda.

Keywords: Luda village, Gulf of Una, boyar Aleksandr Nikitich Romanov, exile.

Старинный посад Луда находится на Онежском полуострове в глубине небольшой Унской губы Двинского залива Белого моря. Унский рог, как по-другому называют это место, имеет сложную береговую линию, мелкое дно и приливные течения. Без местного проводника-лоцмана попасть в Луду по морю или выбраться из нее практически невозможно. Тем не менее к концу XVI в. поселение разрастается до размеров посада. Именно сюда, в Луду, в 1601 г. был сослан боярин Александр Никитич Романов, дядя царя Михаила Федоровича [14, с. 124]. Почему Луда оказалась удобным местом ссылки? Что представляло собой это поселение на рубеже XVI и XVII вв.? Какие версии гибели боярина А.Н. Романова существуют на данный момент? Где в Луде мог быть похоронен дядя царя?

Название Лудскому посаду (ныне просто д. Луда) было дано по небольшой одноименной речке, которая вместе с р. Уна впадает в залив. Часть исследователей склоняется к тому, что топоним «Луда» имеет славянское происхождение и означает «каменистая отмель» [8, с. 14]. Опираясь на практику применения слова, С.А. Мызников выдвигает версию, что слово «луда» в значении «каменистая отмель, скрытая под водой» является контаминацией, то есть имеет сложное происхождение. Топоним «Луда» используется в древнерусском языке, карельских и иных говорах, а также в прибалтийско-финских языках [9, с. 254–257]. В случае с селом Луда на Онежском полуострове название, вероятно, появилось в связи с изучением рельефа дна залива во время активного продвижения переселенцев, которые вышли на беломорские берега по рекам через волоки. Назвав саму реку и селение в ее устье Лудой, первопроходцы тем самым предупреждали о той опасности, которая грозит при попытке поспешного выхода из реки в бухту. Остается нерешенным вопрос, были ли основателями Луды новгородцы XI в. или селение возникло раньше.

В пользу древнего возникновения Луды говорят находки стоянок каменного века, расположенные на Летнем берегу по соседству с Лудой [6, с. 9]. В самой Луде раскопки не проводились, однако находки на Красной Горе и в Летней Золотице дали повод говорить о распространении здесь неолитической культуры Волжско-Камского происхождения.

Продвижение новгородцев на Онежском полуострове, предположительно, шло по рекам с юга на север. Доказательством служит топоним, который нередко встречается в описаниях пути и на картах по соседству с Лудой – это Унский волок. Он находится на юго-западе от Луды и фигурирует на голландской карте Шхонебека начала XVIII в.

К XIV в. новгородские вотчины представляли собой не обширные земельные владения, граничащие друг с другом, а россыпь мелких поселений и промысловых участков по морскому берегу [10, с. 40]. В Двинской грамоте 1397 г. упоминается селение Уна [13, с. 156], стоявшее на одноименной реке. Древнейшая часть соседнего поселения – Лудского посада – ориентирована на стрелку рек. Первоначальное поселение Луда располагалось у слияния р. Луда и Уна. Там же была заложена православная церковь.

К началу XVI в. состоялся раздел промысловых угодий Унской губы и землевладений между местными жителями. К процессу подключились Соловецкий и Троице-Сергиев монастыри. В 1548 г. братья Павел и Петр Полевщицны сначала отдали Соловецкой обители половину своей варницы на Солокурье (соляной колодец поблизости от Луды), а затем в тот же год под залог и все остальное [10, с. 100]. В XVI в. варницы были рассредоточены вдоль побережья моря, а поселение оставалось на стрелке.

Варка соли продолжалась с декабря по апрель, когда волна не мутила рассол, а заготовка дров – летом [10, с. 102]. Предположительно, варницы стояли не на берегу р. Луда или залива, а дальше от воды. Регулярные визиты старцев, зафиксированные писцовыми книгами, отразились в архиве Соловецкого

монастыря [10, с. 12]. Изученные и опубликованные документы Соловецкого архива позволяют сделать вывод об интенсивном перемещении людей и грузов через Луду на Соловки, где в качестве охраны фигурируют даже государевы стрелцы, замеченные в Луде в 1590-х гг. [2; 3].

Основной костяк населения Луды на рубеже XVI и XVII вв. составляли работники с семьями, которые обеспечивали производственный процесс, а также поставщики дров. Таким образом, занятия жителей и рост населения Луды в XVI столетии были обусловлены, с одной стороны, развитием соляного промысла, а с другой – необходимостью защиты морского побережья от внезапного вторжения иноземцев со стороны моря. Морское побережье Летнего берега изобиловало рыбой, рыболовные тони были распределены по всему берегу и позволяли прокормиться местным жителям.

В последнее десятилетие XVI в. было налажено морское сообщение между Соловецким архипелагом, Унской бухтой и Лудой. Возможно, поэтому Луда была выбрана местом ссылки боярина Александра Никитича Романова. Центром поселения являлся Лудский посад, к Луде относились солеварни, тони и разрозненные хозяйства по берегу Унской бухты. Возможно, Луда рассматривалась как временное место пребывания узника, но А.Н. Романов застрял в ней подобно тому, как Брауншвейгское семейство осталось в Холмогорах. Ведь известно, что последних везли в ссылку в Соловецкий монастырь, но потом решение было изменено.

Александр Никитич приходился двоюродным братом царю Федору Иоанновичу, последнему Юриковичу. Матерью А.Н. Романова была княгиня Евдокия Горбатая-Шуйская, вторая жена Никиты Романовича Захарьина-Юрьева [4, с. 18]. Судя по всему, Александр Никитич был крут нравом, гневлив и гордился родством с царем Федором Иоанновичем, считая себя выше Бориса Годунова, который приходился царю Федору Иоанновичу шурином [14, с. 124].

Еще при жизни царя Александр Никитич жаловался на холопов Бориса. Голландский купец и путешественник Исаак Масса, близко знавший царскую семью Романовых, рассказывает об одной ссоре между Александром Никитичем и Борисом Годуновым. Во время поездки на богомолье в Троице-Сергиев монастырь царь в сопровождении свиты остановился на ночлег в с. Воздвиженском. Первыми прибыли слуги А.Н. Романова и заняли лучшие избы, не пустив на ночлег слуг Б.Ф. Годунова. В соответствии с обычаем местничества и знатностью рода они поступили правильно – Романов был двоюродным братом царя Федора, а Годунов – шурином. Несмотря на это, в 1598 г. с подачи Годунова А.Н. Романов получает боярский чин [7]. Таким образом, причиной ссылки и опалы, скорее всего, является не вражда, а раскрытый Годуновым заговор. Ходили слухи, что первый заговор против Годунова Романовы организовали еще в 1590 г.

23 октября 1600 г. заговор Романовых был раскрыт, их московские дворы захвачены слугами царя Бориса. Поводом для обыска стали ядовитые

корешки. Дело Романовых, составленное при Годунове, возлагает основную ответственность на Александра Никитича, дядю будущего царя Михаила. На хозяина донес слуга. Двор А.Н. Романова после небольшого сражения был захвачен, боярин Салтыков произвел обыск, нашел мешки с кореньями и принес их Семену Годунову, возглавлявшему Аптекарский приказ. По делу допрашивали родственников и пытали слуг. Впоследствии Романовы утвердили версию, будто ядовитые корешки были подкинута по распоряжению Семена Годунова, т.е. стали поводом для ареста.

Традиционно считалось, что арест бояр Романовых проводился в Москве в доме на Варварке (ныне музей «Палаты бояр Романовых»), однако усадьба досталась старшему сыну Федору, у которого на тот момент была своя семья и дети. Невозможно утверждать с абсолютной уверенностью, что дважды женатый А.Н. Романов с детьми жил вместе с семьей своего брата. До сих пор неизвестно точное местоположение усадьбы Александра Никитича в Москве. Из «Дела о ссылке Романовых» следует, что обыск проводился как раз в доме А.Н. Романова [1, с. 34–52, 64–66].

Следствие по делу Романовых длилось полгода, по приговору суда братья были сосланы. Самая тяжелая участь постигла Александра Никитича, который был личным врагом Бориса Годунова.

В большинстве источников Луда у Белого моря фигурирует как место ссылки А.Н. Романова, однако сведения о его смерти и подробности разнятся. Так, Г.К. Щуцкая считает достоверной версию о его гибели в 1601 г.: «Александр Никитич был сослан в Луду к Белому морю и там удушен» [14, с. 124]. Данный факт был записан со слов пристава Лодыженского. Тот докладывал, что узник умер от голода и похоронен в Луде. Исаак Масса, лично знавший бояр Романовых, пишет, что Александра Никитича сослали с сыном, боярина уморили в бане, а малыш каким-то образом спасся. Историк XIX в. Мещеринов писал в 1897 г., что в А.Н. Романов умер в Луде не сразу, а в 1602 г. (см.: [11, с. 82]).

Выдвигалась версия бегства опального боярина Романова. Джером Горсей, английский посланник и домашний учитель, знавший сыновей Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, пишет об Александре Никитиче, что тот «не мог долее скрывать свой гнев, воспользовавшись случаем, он ранил князя правителя, но не опасно... и бежал в Польшу, где... задумывал заговор с целью не просто свергнуть Бориса Федоровича и всю его семью, но и погубить все государство» [5, с. 128]. Джером покинул Россию в 1590 г. и больше не возвращался, поэтому его сведения о бегстве А.Н. Романова не рассматривались всерьез. Один из морских путей в Европу проходил через Белое море, поэтому версию бегства боярина нельзя полностью отвергать.

В «Деле о ссылке Романовых» есть документы о судьбе семьи Александра Никитича. Его вторая супруга Ульяна Семеновна Погожая с детьми (точное их число и возраст не названы) была сослана со своей золовкой Марфой Черкасской (в девичестве Романовой) на Белоозеро. В августе 1602 г. после

смерти князя Черкасского ссыльных перевезли в романовскую вотчину близ Юрьева-Польского. Далее следы детей А.Н. Романова теряются. Его супруга Ульяна скончалась как схимница Иулия в возрасте 43 лет и была похоронена в Москве в 1624 г. в семейной усыпальнице Новоспасского монастыря рядом с первой женой А.Н. Романова Евдокией, умершей в 1597 г. (ее надгробие повреждено, но сохранилось). Плита с эпитафией над захоронением второй жены была выполнена в XVIII столетии, но утрачена при ремонтах [12, с. 195]. В ходе раскопок Станюковича и Беляева не удалось найти ни одного безымянного захоронения.

В 1606 г. «Новый летописец» (рупор патриарха Филарета Романова) сообщает, что останки боярина А.Н. Романова были перевезены в Москву по указу царя Дмитрия Иоанновича (Лжедмитрий I) и перезахоронены 15 марта в Новоспасском монастыре. До разграбления некрополя в 1930-х гг. над останками ссыльных братьев Никитичей в небольшой внутренней палатке был создан общий мемориал. Гробницы не сохранились. С.Ю. Шокарев предположил, что надгробия над захоронениями бояр-мучеников в Новоспасском монастыре были выполнены не ранее 1640-х гг. До нас не дошла оригинальная эпитафия, но историк С.Ю. Шокарев считает наиболее близким к источнику текст из «портфелей Миллера» 1770-х гг. (об этом см.: [4, с. 27–32]). В списке Миллера указано, что А.Н. Романов умер в вотчине Кириллова монастыря на Луде.

Таким образом, на данный момент нет достоверных сведений о точной дате кончины боярина А.Н. Романова. В беседах с местными жителями, а также в литературе, издаваемой в 1913 г. к 300-летию царствования дома Романовых, нет никаких упоминаний о ссылке и мученической кончине Александра Никитича Романова, в отличие от подробного описания ссылки его брата Федора Никитича в Антониево-Сийский монастырь. Отсутствие исторической памяти на месте позволяет предположить, что А.Н. Романов мог бежать из Луды или погибнуть при неизвестных нам обстоятельствах. Местоположение первоначального захоронения А.Н. Романова установить невозможно. Если предположить, что он действительно погиб в Луде, то таким местом могло стать кладбище на стрелке у Богородицкой церкви. Именно там у храма можно установить памятный знак или информационный стенд с упоминанием ссылки боярина Александра Никитича Романова.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. Т. 2. 1598–1613. СПб., 1841.
2. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1479–1571 гг. / сост. И.З. Либерзон. Л., 1988.
3. Акты социально-экономической истории Севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря, 1572–1584 гг. / сост. И.З. Либерзон. Л., 1990.

-
-
4. *Беляев Л.А., Медникова М.Б.* В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве: в 2 вып. Вып. 1. М., 2018.
 5. *Горсей Д.* Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII вв. М., 1991. С. 97–130.
 6. *Маслов М.* К археологии Летнего и Зимнего берегов Белого моря. Архангельск, 1913.
 7. *Масса И.* Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874.
 8. *Муллонен И.И.* Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.
 9. *Мызников С.А.* Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
 10. *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII в.: опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси. Пермь, 1927.
 11. *Селифонтов Н.Н.* Сборник материалов по истории предков царя Михаила Фёдоровича Романова. СПб., 1898–1901.
 12. *Станюкович А.К., Звягин В.Н.* Усыпальница рода Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005.
 13. Уставная грамота князя Василия Дмитриевича Двинской земле // Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. Вып. 3. М., 1955. С. 156–158.
 14. *Щуцкая Г.К.* Бояре Романовы. М., 2013.

Социальная идентичность сельского жителя Русского Севера: на материале изучения жителей Кенозерья

Ткаченко Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный психолого-педагогический университет; tkachenkonv@mgppu.ru

Статья посвящена исследованию социальной идентичности жителей Кенозерья по материалам полевой работы 2021 г. в сравнении с архивными материалами полевой работы «Донской гимназии» 1996–2014 гг.

По результатам анализа данных интервью автором были выделены категории социальной идентичности с точки зрения социального контекста и социальных ролей: место проживания, социальная мобильность, историческая память, взаимоотношения «Мы-Они», восприятие себя; а также описана сложная, многоуровневая социальная идентичность жителя Кенозерья в контексте транзитивности общества.

Ключевые слова: социальная идентичность, Кенозерский национальный парк, социальные роли, социальный контекст.

Social identity of rural Russian Northerner: Case study of Kenozero communities

Tkachenko Natalia V. – PhD (Psychology), associate professor, Moscow State Psychological and Pedagogical University; tkachenkonv@mgppu.ru

The paper presents the study of the social identity of the inhabitants of Kenozero area, based on the materials of the 2021 field expedition as compared to the archival data from «Donskaia Gimnaziia» expedition of 1996–2014.

The study involved community member interviews, based on which the author discusses social identity in terms of social context and social roles – place of residence, social mobility, collective memory, we-they dichotomy, self-perception – and describes the complex, multi-level social identity of Kenozero resident in terms of social transitivity.

Keywords: social identity, Kenozero National Park, social roles, social context.

Большой массив данных по исследованию личности в условиях традиционной преемственности современных деревень Русского Севера был собран в экспедициях «Донской гимназии» (ныне «школа № 1553 имени В.И. Вернадского») в период с 1996 по 2014 г.

В фокусе внимания экспедиционной группы «Донской гимназии» выступала психология человека в контексте традиционной культуры. Ключевыми понятиями выступили личность и культурные традиции. При этом личность рассматривалась через систему ее отношений к различным средам бытия (по А.Ф. Лазурскому), особенности развития и бытия в контексте природной, рукотворной, социальной, ценностно-символической реалий, а также через специфику самосознания (по В.С. Мухиной) [4].

Развивая исследование жителей деревни, в настоящем исследовании мы сделали упор на исследование личности в контексте социальной идентичности.

Как подчеркивается многими исследованиями, идентичность является отражением ценностно-мотивационной направленности личности в восприятии социально-политических, экономических, этнокультурных явлений современного общества [1; 5; 8].

В то же время, как отмечает О.А. Гулевич, одно из трех центральных утверждений, лежащих в основе теории социальной идентичности, звучит следующим образом: «каждый человек обладает несколькими социальными идентичностями, поскольку является членом многих малых и больших групп, выделенных по признаку пола, возраста, этнической/расовой принадлежности, образования, хобби и т. д.» [2; 6]. Иными словами, человек, являясь исполнителем множества социальных ролей, может осознавать себя как «Я» в контекстах жизни и ролях, которые он выполняет в этой жизни.

Исследование многоуровневости, сложности социальной идентичности жителей деревни в условиях транзитивности общества и изменений, произошедших в их жизни за последнее время существования Кенозерского национального парка (30 лет со дня основания), позволяет нам сформулировать цель нашего полевого исследования как изучение социальной идентичности жителей Кенозерья.

В нашем исследовании мы опирались на глубинное интервью деревенских жителей, учитывая подходы Ш. Шварца в описании ценностных ориентаций личности [7], а также подход Куна-Макпаргланда и Богардус [3] в исследовании социальной идентичности. Для сравнительного анализа изменений, произошедших за последние 30 лет, был проанализирован архив экспедиций «Донской гимназии».

Проведенный сплошной анализ расшифровок интервью позволил выделить категории, описывающие социальную идентичность в контексте социальных ролей и социальных контекстов:

а) место проживания – категория, описывающая осознание жителями себя в контексте проживания в деревне, национальном парке, регионе, стране;

б) социальная мобильность – категория, описывающая социальную подвижность, мобильность жителей Кенозерья в контексте увеличения возможностей связи и транспорта;

в) историческая память – категория, описывающая развитие исторической памяти в ситуации увеличения роли памяти о Великой Отечественной войне;

г) взаимоотношения «Мы-Они» – категория, описывающая изменение отношения местных жителей к национальному парку «Кенозерский»;

д) восприятие себя – категория, описывающая развитие восприятия жителями самих себя через оценку и сравнение своих образов в кинематографе и социальных сетях.

Рассмотрим результаты исследования по каждой из выделенных категорий.

«Я» в контексте места проживания. Кенозерский национальный парк объединил вокруг Вершинино много деревень, в том числе и заозерные, что позволяет жителям деревни ощущать себя, с одной стороны, жителями одной большой деревни, а с другой стороны, в их сознании присутствует достаточно устойчивое представление о месте проживания, состоящее из разных по значимости и размерности частей. Так, выделяются центральная усадьба, заозерные деревни, районы деревни.

Центральная усадьба. К ней относят собственно Вершинино с центром социальной и экономической активности, где расположены офис Кенозерского национального парка, магазины, школа, музеи и т.п. По сути, центральная усадьба в сознании жителей напоминает, по ощущениям, столицу в государстве. Особенно это проявляется у жителей заозерных деревень, сообщение с Вершинино у которых происходит посредством моторок или снегоходов в зависимости от сезона. Однако, хотя в последнее время, деятельность национального парка в сознании жителей стала осуществлять большую интервенцию, в том числе, и в отдаленные деревни (за счет создания экопоселений, более серьезного оборудования туристических стоянок и т.д.), по-прежнему Вершинино воспринимается как центральное, значимое место.

Заозерные деревни. В сознании жителей к данным деревням могут принадлежать как населенные пункты, связь центра с которыми осуществляется посредством сообщения водным транспортом (например, Бухалово, Зехнова), так и имеющие свои дороги, по которым можно добраться от Вершинино автомобильным транспортом (например, Поча, Усть-Поча).

Районы деревни. Внутри центрального населенного пункта Вершинино сохранены устойчивые названия для частей деревни. Эти части, являясь неустойчивыми административными топонимами, для жителей деревни выступают значимыми ориентирами на карте деревни (например, Новое Захарово).

Переживание жителями себя как принадлежащими к большому селу – административному объединению, и к маленькому району – способствует поддержанию сложной идентичности через место проживания. Иными словами, «Я» конструируется в сознании как многоуровневый элемент, состоящий из

переживания принадлежности к части деревни, к деревне, к большому административному объединению.

В этом контексте интересен анализ региональной и гражданской идентичности личности кенозерца. Презентация региональной идентичности для представителей других регионов или стран проходит по более высокой границе регионального деления. Иными словами, жители Вершинино ответят на вопрос «Откуда они?» словами: «Я – северянин. Я – с Севера. Я – архангельский». При этом, не было представлено ни одного примера с гражданской идентичностью – не встречались высказывания о принадлежности к России, к российскому народу.

«Я» в контексте социальной мобильности. За последние 30 лет существенно изменилась социальная мобильность жителей национального парка. Этому способствовало развитие интернета и сотовой связи, улучшение дорожной ситуации и в целом материального положения жителей, что привело к увеличению количества личного транспорта в расчете на семью.

1. Сотовая связь и интернет. Развитие сотовой связи привело к всплеску общения друг с другом и дало инструмент поддержания связи с туристами и родственниками, которые приезжают только на лето. В целом, частота разговоров по телефону увеличилась и способствовала развитию мобильности, коммуникативного тонаса. Наличие интернета, его развитие на территории как самой усадьбы, так и в заозерных деревнях, приводит к развитию коммуникации посредством социальных ресурсов – социальных сетей, электронной почты и т.д.

2. Социальные сети. Развитие интернета расширило возможности общения жителей как друг с другом, так и с достаточно удаленными людьми с помощью создания личных страниц в «Одноклассниках», ВКонтакте и др. О роли интернет-страниц будет сказано чуть ниже, здесь важно отметить, что общение в пространстве интернета становится нормой, практически повсеместной для жителей, что приводит к значимому изменению в их сознании.

3. Сезонная миграция – в город и обратно. Наличие хорошей дороги и личного транспорта увеличило мобильность жителей в контексте перемещения. Это обеспечивает проезд давно покинувших это место бывших жителей.

4. Транспорт. Обустройство дороги происходило одновременно с увеличением количества транспорта у семей, что явилось средством поддержания транспортной мобильности и готовности жителей оперативно менять условия жизни.

Конечно, нельзя не отметить тенденцию увеличения возраста жителей и отток молодежи в большие города, однако за последние 30 лет изменилась тенденция по строящимся домам на территории национального парка, укреплению домохозяйств, увеличению рабочих мест.

«Я» в контексте исторической памяти. Изменившаяся в государстве политика по сохранению памяти Великой Отечественной войны, развитие му-

зейного дела с интерактивными экспозициями на территории Кенозерского национального парка, создание страниц в соцсетях, посвященных деревням, в том числе и генеалогии местных жителей – все это способствовало развитию исторической памяти жителей деревень за последние 30 лет.

1. Восстановление имен на стелах Великой Отечественной войны. Практически в каждой деревне нами были отмечены мемориальные комплексы, посвященные участникам Великой Отечественной войны. Примечательно, что жители знают практически поименно каждого солдата, который ушел на фронт из их деревни. В организации мемориальных комплексов принимает участие также часть жителей, которые самостоятельно собирают информацию об участниках Великой Отечественной.

2. Восстановление фотоархива семьи и деревень. Развитие социальных сетей способствовало появлению отдельных сообществ, посвященных той или иной деревне, что, в свою очередь, привело к желанию жителей восстанавливать семейные фотоархивы.

3. История своего дома: сплавные/перевозные дома. Во времена совхозных укрупнений в 1970-х гг. произошел этап перевоза домов заозерных деревень на «большую землю», т.е. в центральную усадьбу. Рассказ потомков владельцев этих домов о том периоде раскрывает уникальные аспекты исторической памяти. В частности, события 40–50-летней давности описываются с мельчайшими деталями и подробностями: указываются мотивы сплава дома, люди, которые принимали участие в этом, особенности обстановки, родственные и дружеские связи между людьми.

Историческая память, способность посмотреть на себя в ретроспективе исторических событий целого народа, своего рода, своей семьи позволяют описывать социальное «Я» с точки зрения сложности, многоуровневости отношений человека и социума в контексте развития этих отношений во времени.

«Я» в контексте взаимоотношений «Мы-Они». За последние 30 лет были отмечены видимые изменения в социальной идентичности жителей по отношению к Кенозерскому национальному парку. Несмотря на то, что мотив критики, связанный с ограничениями в правах, сохранился, национальный парк стал безусловной, значимой частью идентичности жителей.

1. Национальный парк в структуре социальной идентичности – из «Они» в «Мы». Если 30 лет назад жители воспринимали национальный парк было как нечто чуждое, разрушающее уклад жизни деревень, то сейчас можно отметить переход от обезличенных «Они» в «Мы». Это связано, прежде всего, с тем, что сотрудниками парка являются сами жители деревни. Говорить о нем стало невозможно без отчуждения конкретных людей, являющихся родственниками или близкими друзьями. Предоставление парком рабочих мест признается жителями как безусловное благо. И, если 30 лет назад, в сознании жителей запрещающей организацией являлся национальный парк, то сейчас эта роль передана «Федеральному Закону».

2. Феномен «Федеральный закон» как «Они». Как написано выше, в силу того что сотрудниками парка, в основном, являются сами жители деревни, для сохранения непротиворечивой картины мира относительно запрета на природопользование жителями был выбран новый объект критики – «Федеральный Закон». Данный объект занял устойчивое место в концепции взаимоотношений «Мы-Они» как безусловные «Чужие», «Они». Переживание умозрительного «Чужого» является устойчивым и работающим механизмом социальной идентификации. Через переживание «Они» человек более остро и выпукло переживает собственную идентичность как принадлежность к собственному сообществу.

Немаловажную роль в построении границ социальной идентичности играет феномен амбивалентности социальных установок жителей по отношению к разным социальным контекстам.

Амбивалентность социальных установок может проявляться по-разному:

1. Парк как «ограничение в правах» или парк как ресурс. С одной стороны, национальный парк, являясь представителем федеральной власти, в сознании жителей является самым главным ограничением в правах, «карающей дланью» и т.п. С другой стороны, он воспринимается жителями как безусловный ресурс, обеспечивающий рабочие места, социальную защиту и возможности для профессионального развития.

2. Нет совхоза, но есть свобода выбора. С одной стороны, отсутствие совместного хозяйства огорчает местных жителей и заставляет их переживать о будущем данного региона. С другой стороны, возможность работать на себя или на частные предприятия (молочная ферма, музеи парка) – обеспечивает свободу выбора и увеличивает социальную мобильность.

3. Нет будущего / будущее «зависит от нас». С одной стороны, было отмечено переживание будущего как бесперспективного и беспросветного времени, в котором только старость и болезни, а с другой – стали звучать голоса в пользу того, что будущее зависит от нас самих. Во многом, появление такого представления связывается с развитием информационных технологий и транспортного сообщения.

Амбивалентность установок способствует усложнению социальной идентичности и, в целом, развивает более многоуровневое мировоззрение.

«Я» в контексте восприятия самого себя. Житель деревни осознает себя как часть семьи, рода, народа через систему поименований, прозвищ, устойчивых психологических характеристик. Данная тенденция не изменилась на протяжении 30 лет, жители по-прежнему, говоря о себе или о своем соседе, опираются на характерологические прозвища.

1. *Фамилии и прозвища в деревне – динамика в оценке характера.* По-прежнему, сохраняется связь прозвищ и характера жителей или их предков. Постепенно уходят из бытования преемственные прозвища, однако на данный момент в памяти они сохраняются.

2. *Оценка себя и соседа.* Соседским отношениям (даже в случае близкородственных отношений) по-прежнему, как и 30 лет назад, присущи подтрунивание, подшучивание, опора на характерологические эпитеты. Способность сказать о себе или соседу с долей шутки или иронии отличает жителей Кенозерья.

3. *Отношение к представлению себя другими.* В контексте восприятия жителями самих себя, необходимо выделить особую тему, связанную с фильмами о них самих. Фильм А. Кончаловского «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» имел большой резонанс среди зрителей и оказал определенное влияние на представление местных жителей о самих себе. Так как в этом фильме участвовали сами жители Кенозерского национального парка, то фильм воспринимается ими как отражение жизни и ежедневного быта. Многие не согласны с тем образом кенозерца, который рисует режиссер. Местное население видит себя как более глубоких, более сложных людей, жизнь которых подчиняется более сложным и неоднозначным мотивам. Не художественный, а документальный фильм И. Гришиной «Кенозерье: прошлое, настоящее, будущее» 2014 г. — тоже явился взглядом со стороны для жителей Кенозерского национального парка. Надо отметить, что развитие за последние 30 лет его социальной, экологической и общественно значимой жизни увеличило число посвященных парку фильмов — от краеведческих до антропологических. В целом, это способствует развитию восприятия жителями самих себя, своей истории, истории своей семьи и т.д.

4. *Страницы деревень в ВК, созданные жителями деревни.* То, что местные жители создают страницы кенозерских деревень, способствует развитию исторической памяти, а также развитию восприятия самих себя. Поддержание страниц «ВКонтакте» связано с публикациями семейных фотоархивов, обсуждению людей, которые изображены на фотографиях, нахождение среди изображенных людей родственников, друзей молодости, одноклассников. Все это поддерживает сообщество малой деревни и национального парка в целом. Немаловажным в этом проекте выступает обсуждение другими людьми (не имеющими отношения к парку) фотографий, на которых изображено Кенозерье, домов, самих жителей. Такое обсуждение приводит к необходимости самими жителями посмотреть на себя со стороны, объясняя и рассказывая истории своего прошлого другим людям. Наиболее частыми гостями этих социальных страниц являются туристы национального парка, но в данном случае срабатывает эффект «сарафанного радио» и на страницы приходят те, кто ни разу не посещал Кенозерье. Так необходимость жителям рассказывать о своей деревне незнакомым людям существенно расширяет представление местных жителей о самих себе, способствуя усложнению социальной идентичности.

5. *Школа юного экскурсовода — презентация своей истории для другого.* Немаловажную роль в развитии представления о самом себе играет вовлечение подрастающего поколения в деятельность Кенозерского национального пар-

ка. Так, нами было отмечено функционирование школы юного экскурсовода, в рамках которой школьники рассказывают туристам об истории, культуре и природе своего края.

6. *Занятия в сельской библиотеке и музейных комплексах парка.* На данный момент происходит активное привлечение дошкольников и школьников к занятиям в кружках, в сельской библиотеке и музеях национального парка, что способствует развитию их представлений о самих себе, повышая ценность и значимость своей деревни, ее истории и культуры.

Необходимо отметить, что за последние три десятилетия восприятие жителями самих себя претерпело существенные изменения. Данные изменения существенно способствовали усложнению социальной идентичности и расширили внутренние представления о самих себе. Жители стали воспринимать себя также глазами других и соотносить эти образы с представлением о себе самих.

Выводы. Конструкты социальной идентичности, выделенные в результате анализа интервью через категории «роль» и «контекст», позволили подтвердить предположение о сложности социальной идентичности у жителей Кенозерья. Данная сложность описывается через множественность социальной идентичности в параметрах социальных ролей и социальных контекстов: место проживания, социальная мобильность, историческая память, взаимоотношения «Мы-Они» и восприятие самого себя. Выделенные категории позволили увидеть изменения, которые произошли в самосознании жителей за последние 30 лет.

Усложнение социальной идентичности привело в целом к развитию рефлексии самосознания жителей (обсуждение фильмов о своей деревне и семье; ответы на вопросы исследователей и туристов о своей жизни и культуре своего края; активная переписка в социальных сетях под фотографиями домов своей деревни и т.п.), что привело также к усложнению социального «Я» и обеспечило трансформацию традиционного самосознания. Эти перемены способствуют изменению временной перспективы личности из «здесь и сейчас» в «там и тогда», меняя потребительскую установку личности на созидющую.

Мы вынуждены обозначить ограничения данного исследования и говорить о предварительности данных выводов. В дальнейшем планируется продолжение опроса жителей с целью, с одной стороны, увеличения выборки исследования, а с другой – углубления выделенных категорий в контексте выявленных ценностей и жизненных мотивов.

Автор выражает глубокую признательность администрации Кенозерского национального парка и его жителям, чье участие в исследовании ощущалось на протяжении всей полевой практики; а также основателям, педагогам и ученикам «Донской гимназии», ныне школы № 1553 имени В.И. Вернадского, чей многолетний труд послужил основой для данной научной работы.

Список литературы

1. *Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 4. С. 165–181.
2. *Гулевич О.А.* Психология межгрупповых отношений. М., 2008. С. 43.
3. *Лебедева Н.М.* Этнопсихология. М., 2019.
4. *Обухов А.С.* Исследования психологических особенностей личности в контексте реалий традиционной культуры деревень Русского Севера: (по материалам экспедиционных исследований на территории Кенозерского национального парка) // Кенозерские чтения: материалы Первой Всероссийской научной конференции. Архангельск, 2004. С. 233–251.
5. *Степанова Г.С.* Особенности этнической идентичности русских: проблемы и перспективы исследования // Социальная психология и общество. 2012. Т. 3, № 4. С. 41–52.
6. *Хухлаев О.В., Хайт М.А.* Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккаса и М. Брюера // Социальная психология и общество. 2012. № 3. С. 16–26.
7. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70.
8. *Berzonsky M., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B.D.* The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 50. P. 295–299.

Путевые огни Беломорья: архивные материалы по истории маяков акватории Онежского полуострова

Харитоновна Яна Эдуардовна – кандидат богословия, старший научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; khyana@rambler.ru

Статья посвящена истории деятельности беломорских маяков в акватории Онежского полуострова. Из десятка маяков, работавших на берегах Белого моря, в акватории Онежского полуострова в конце XIX столетия было возведено четыре маячных огня – Летне-Орловский, Чесменский, Жижгинский и Унский.

Исследование основано на хранящихся в нескольких российских архивохранилищах документах. Предпринята попытка рассмотреть особенности профессиональной деятельности маяков и маячных команд, а также устройства бытовой стороны жизни на отдаленных от материка территориях.

Ключевые слова: маяки, побережье Белого моря, акватория Онежского полуострова, технические характеристики маяков, маячные команды, лоцманы.

The Running Lights of the White Sea Coast: Archival materials on the history of Onega Peninsula lighthouses

Kharitonova Yana E. – PhD (Theological Studies), senior research officer, Kenozero National Park; khyana@rambler.ru

The paper discusses the role of lighthouses on the Onega Peninsula in the White Sea. Of the dozen lighthouses that used to operate on the White Sea Coast in the late 19th century, four were built to service navigators near the Onega Peninsula – Letne-Orlovsky Lighthouse, Chesmensky Lighthouse, Zhizhgin'sky Lighthouse, and Unsky Lighthouse.

The study relies on the documents archived in the Russian repositories and highlights the functional and domestic sides of the lighthouses, their crews, and life in the remote areas far from mainland.

Keywords: lighthouses, White Sea Coast, Onega Peninsula water area, lighthouse specifications, lighthouse crews, harbor pilots.

Издrevле мореплаватели устанавливали навигационные знаки – вышки, створы и маяки, при плавании вблизи берегов и с целью миновать мели, под-

водные камни и рифы. В России первые маяки появились лишь в Петровские времена, в период зарождения русского флота.

На побережье Белого моря, по берегам Северного Ледовитого океана — от граници с Норвегией на западе до Карского моря на востоке — ни маяков, ни опознавательных знаков, принадлежавших России, до начала XVIII столетия не было [2].

Впервые о необходимости строительства маячных огней в Беломорье сказано в указе Адмиралтейств-коллегии для Архангельской губернской канцелярии. В документе, датированном 1729 г., предписывалось построить маячную башню на Мудьюгском острове. Однако строительство не состоялось из-за отсутствия специалистов. Первые опознавательные знаки появились только в 1740-х гг., когда в акватории Архангельска, на островах Мудьюге, Лебедине, Быкове, Моржове и Бревеннике, возвели маячные огни [2].

На акватории, примыкающей к Онежскому полуострову, первый маяк был построен в 1780-х гг. на острове Жижгин. Его возвел английский купец Вильям Гом, озабоченный безопасностью перевозки закупленного в Онеге леса [6]. Маяк был потушен через десять лет, когда Гом прекратил свою торговую деятельность в России [1, с. 191].

Мы предприняли попытку проследить историю маяков на территории Онежского полуострова и прилегающей акватории, основываясь на документах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (Санкт-Петербург) и Государственного архива Архангельской области.

В Российском государственном архиве Военно-Морского Флота хранится проект архангельского морехода Ивана Ивановича Пашина, представленный им в 1835 г. в Главный морской штаб¹. Автор предлагал учредить сеть ключевых маяков по беломорскому побережью, обосновал их местоположение и рассчитал смету расходов на их строительство и эксплуатацию [5, с. 10]. Пашин утверждал, что «польза маяков должна быть бесценной, кто испытал нужду в оных, тот скажет, что они необходимы в опасных местоположениях»².

Пашин предложил установить маяки в девяти местах по побережью и островам Белого и Баренцева морей, а именно на мысах Святой Нос, Орлов Терский, Пулонгский Нос, Большой Городецкий и Зимнегорский, и на островах Сосновец, Жужмуй, Жижгин и Мудьюг (ил. 1).

Проект Пашина полностью одобрил гидрограф, вице-адмирал и член-корреспондент Петербургской академии наук Михаил Францевич Рейнеке (1801–1859), отметивший, что эти маячные огни «принесут пользу торговому мореплаванью и вознаградят издержки на свое построение»³ (ил. 2).

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 402. Оп. 1. Д. 678. Л. 1–10 об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 6.

Строительство группы маяков в акватории Онежского полуострова началось в конце XIX столетия. К этому моменту в данной части Белого моря уже длительное время действовал старейший Жижгинский маяк.

Жижгинский маяк возобновил работу в 1838 г. По указу Морского министерства строительство маяка организовал Архангельский военный порт, подрядчиками выступили два купца – петербуржец Василий Каменев и уроженец города Осташкова Николай Демкин.

До 1840 г. при Жижгинском маяке проживала артель лоцманов [1, с. 191]. В 1842 г. маяк был перестроен по проекту Михаила Францевича Рейнеке. В 1843 г. Главное Гидрографическое управление основало при маяке гидрометеорологическую станцию. Жижгинский маяк предназначался для обеспечения мореплавания по центральной части Белого моря при входе в Двинской, Онежский и Кандалакшский заливы. Маяк представлял собой кирпичную башню высотой почти 18 м (ил. 3).

В 1899 г. был построен Чесменский маяк. Он располагался над обрывом на мысе Чесменский Лямецкого берега Белого моря, на расстоянии 550 м от береговой черты и на высоте 20,9 м над уровнем моря. Маяк представлял собой одноэтажное каменное здание с каменной пятнадцатиметровой башней в центральной части.

В июле 1900 г. начал действовать маяк на Летнеорловском мысе. Он располагался в железной башне в форме усеченной пирамиды высотой 6,6 м. Кроме маячного огня на маяке установили колокол и ручной ревун для обеспечения навигации в условиях тумана.

На рубеже XIX и XX столетий при содействии Пертоминского Спасо-Преображенского мужского монастыря при входе в Унскую губу также был учрежден маячный огонь, работу которого осуществляли пертоминские монахи. Кроме того, при строительстве новой монастырской гостиницы в 1906 г. в ее башне, высотой примерно 39 м, монастырское начальство запланировало устроить маяк и пункт для метеорологических наблюдений⁴. Однако данная инициатива по ряду причин не была реализована.

В фонде 6 Государственного архива Архангельской области «Дирекция маяков и лоции Белого моря» хранятся документы, освещающие технические характеристики каждого маяка. К ним относились характер и цвет огня, разряд маячного аппарата, количество обслуживающего персонала. Огни всех маяков в акватории Онежского полуострова имели белый цвет, обозначающий сектор фарватера, безопасный для прохода судов.

Два маяка – Жижгинский и Унский – были оснащены постоянным световым сигналом, на Чесменском маяке действовал вертящийся сигнал, на Летнеорловском – мерцающий⁵. Каждому маяку в конкретном морском районе был свойственен определенный неповторяющийся световой сиг-

⁴ Государственный архив Архангельской области. Ф. 60. Оп. 4. Д. 21. Л. 1.

⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 15. Д. 51. Л. 2 об. – 4 об.

нал, что давало возможность команде судов определять свое местоположение.

Нередко в качестве ориентиров у береговой линии использовались створные знаки. Их устанавливали на берегу для обеспечения безопасности прохода судов в прибрежном фарватере в местах со стесненными условиями плавания. Створными знаками зачастую служили и культовые постройки. Так, в д. Лямце для обозначения осевой линии фарватера использовались храм в честь Пророка Илии и колокольня при нем. Положение на высоком берегу и разность высот (церкви – примерно 17 м, или 8 сажений, колокольни – примерно 8,5 м, или 4 сажени) позволяли использовать оба сооружения в качестве дальнего ориентира для судов. При восприятии с моря культовых зданий, выстроенных в одну линию, капитаны могли точно ориентироваться и верно вести свои суда к берегу.

В документах Дирекции маяков и лоции Белого моря подробно освещено обустройство инфраструктуры при маяках. Дирекция указывала, что «маяки, кроме прямого назначения, всегда готовы оказать помощь, приютить и снабдить провизией лиц, потерпевших кораблекрушение»⁶. На Чесменском маяке, например, в первые десятилетия XX в. возвели конюшню для маячной лошади, хлев для скота маячника, ледник для хранения продуктов, баню и кладовые. При Жижгинском маяке построили дом для смотрителя, казарму для прислуги, баню и ледник с кладовыми. При Унском маячном огне вблизи Пертоминского Спасо-Преображенского мужского монастыря располагались монастырские кладовые и амбары, а также жилая бревенчатая изба с теплым помещением для приема пассажиров⁷. При трех маяках, Чесменском, Летнеорловском и Унском⁸, действовали станции для спасения на водах.

⁶ Там же. Д. 50. Л. 2 об.

⁷ Там же. Ф. 305. Оп. 1. Д. 219. Л. 7 об. – 8.

⁸ Там же. Ф. 60. Оп. 4. Д. 19. Л. 2 об.

**Соляной промысел вологодского
Спасо-Прилуцкого монастыря на Унском посаде
в XVI–XVII веках**

Черкасова Марина Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, Вологодский государственный университет; mscherkasova@mail.ru

В статье рассмотрены формирование и развитие соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря в Онежском Поморье в XVI–XVII вв. Работа построена на комплексе актовых источников и хозяйственной документации. Особое внимание уделяется публично-правовым актам – жалованным и указным грамотам царей Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Романова. Изучена организация труда на варницах, транспортное сообщение между монастырем и Унским посадом, налогообложение варниц и дворов монастыря. Показано значение предоставленного монастырем таможенного иммунитета для его торгово-промышленной деятельности.

Ключевые слова: Уна, соляные промыслы, Спасо-Прилуцкий монастырь, торговля, иммунитет.

**Salt industry of the Vologda Spaso-Prilutsky monastery
on the Unsky posad in the XVI–XVII centuries**

Cherkasova Marina S. – Dr. Sci. (History), professor, Vologda State University; mscherkasova@mail.ru

The paper explores the formation and development of salt industry in Spaso-Prilutsky Monastery, Onega Pomorie, 16th–17th centuries. Among the sources – regulatory acts and economic records – special attention is paid to public legal acts, specifically, edicts and charters of Tsars Ivan the Terrible, Fedor Ivanovich, Boris Godunov, and Mikhail Romanov. The paper further presents the operation and management of salt works, communication between the monastery and the settlement of Una, and taxes payable by salt works and homesteads around the monastery. The customs immunity which was granted to the monastery is highlighted as a factor of special importance for its ability to maintain trade.

Keywords: Una, salt works, Spaso-Prilutsky Monastery, trade, immunity.

«Кенозерские чтения» отличаются широкой естественно-научной и социально-гуманитарной проблематикой, в рамках которой находят свое место и вопросы промыслового освоения Онежского Поморья. Об этом свидетель-

ствуется, например, масштабная статья Я.И. Алексеевой о рыбных и морских зверобойных промыслах в XV–XX столетиях в сборнике материалов чтений 2019 г. [3]. В августе 2021 г. тема эта была расширена в докладе С.А. Никонова об Онеге как центре зверобойных промыслов конца XVIII–XIX вв. В том же русле находился и доклад А.И. Анциферовой о рыбных тонях Летнего берега, их прошлом и современности.

Помимо рыбных и зверобойных, на Онежском полуострове был развит соляной промысел. Он имел в Поморье давние корни и упоминается еще в церковном уставе новгородского князя Святослава Ольговича дому св. Софии 1136/1137 г. [17, с. 148]. В предлагаемой статье будет рассмотрен начальный этап его формирования и развития у вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря на р. Уна. Солеварение также развивалось крестьянами, посадскими людьми и монастырями на р. Луда и Нёнокса, что отражено в монографиях А.И. Копанева по истории крестьянства [6, с. 173–182; 7, с. 150–156]. Следует учесть также книгу Л.С. Прокофьевой о земледельческом и промысловом развитии Спасо-Прилуцкого монастыря [11].

Торгово-промысловый посад Уна находился в Нижней половине («Низовской стан») Двинского уезда на Летнем (Приморском) берегу Двинской губы [13, с. 22–24]. В платежной книге Двинского уезда 1560 г., опубликованной А.И. Копаневым, расположенные по соседству Уна, Луда и Нёнокса называются «посадцами» [1, с. 527, 529, 535]. В более раннее время *Уна-соль* с церковным приходом Св. Климента отмечена в уставной Двинской грамоте 1397 г. и в широком историко-географическом плане может быть отнесена к Заволочью [2, с. 21, № 7].

С 1570-х гг. на Унском погосте формируется центр солеварения вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря – третий после Тотьмы и Соли Вычегодской. По этой причине в службе его приказных старцев отложились источники трех видов: 1) акты (частно- и публичноправовые; 2) приходо-расходные книги; 3) описи, т.е. переписные, они же «отводные» книги имущества. Частные акты отражают различные сделки корпорации с недвижимостью с 1575 по 1597 г. (всего 18, по видам – данные, купчие, поступные). Их с прилуцкими старцами совершали местные и иногородние владельцы, называвшие себя «унянин», «лудянин», «холмогорец Глинского посаду», «курополец», «володжанин», а также Николо-Корельский и Спасо-Пертоминский монастыри. Впервые частичная публикация этих актов была осуществлена еще в 1903 г. [10, с. 11–27]. Подлинники некоторых имеются в фонде 281 (Грамоты Коллегии экономии – ГКЭ) Российского государственного архива древних актов, а в 1922 г. они были опубликованы в «Сборнике ГКЭ» под № 204, 209, 213, 216, 217, 274, 325, 327, 329, 336, 354, 359. Часть их недавно отмечена А.В. Антоновым в составленном им «Описании ГКЭ» [9, Вологодский раздел: № 2606–2608, 2611, 2612, 2615, 2624, 2625, 2626, 2629, 3035]. Наряду с собственно прилуцкими грамотами в службе приказных старцев оказался еще 21 частный акт по Уне за 1532–1572 гг. Ныне эта совокупность

документов хранится в Коллекции столбцов Государственного архива Вологодской области (ГАВО).

Владельческие права Спасо-Прилуцкого монастыря на дворы и варницы в Унском погосте-посаде были закреплены также в серии царских жалованных и указных грамот 1583–1621 гг. Еще одной их целью было регулирование социальных отношений, возникавших в ходе расширения монастырского солеварения между Прилуцкой корпорацией и местным посадско-крестьянским населением. В феврале 1583 г. на имя игумена Сергия была выдана *указная с прочетом* грамота Ивана IV, по которой с двух варниц должен был выплачиваться оброк в 1 руб. с каждой, а со двора – 1 гривна, причем отдельно от посадских людей, «на Москве дьяком, у кого Унской посад в приказе будет»¹. Прилуцкие варницы на Уне назывались «Климентовская» (она же «Верхняя») и «Новая». Той же грамотой был установлен срок выплаты оброка – «Стретеньев день зимней». Местным тяглецам не разрешалось привлекать прилуцких старцев и слуг «ко всяким черным розметам, службам и суду». Соль и иной товар с Унского посада старцы могли беспошлинно провозить, не продавая, «мимо Колмогор, Устюга и Тотьмы»². Если же по пути следования старцы все-таки что-то продавали, то они должны были платить таможенные пошлины на общем основании, как остальные участники солеварения и торговли.

В марте 1586 г. по *указной* грамоте царя Федора Ивановича, подписанной дьяком Андреем Щелкаловым и обращенной ко всем земским людям Унского посада, с двух прилуцких варниц и двора оброк был увеличен до 10 руб. «за всякие подати», срок же его выплаты был оставлен прежний – Сретение Господне. В апреле 1590 г. тот же А. Щелкалов принял у слуги И. Давыдова в государеву казну 10 руб. со двора и двух варниц на Унском погосте³. Это свидетельствует о выполнении нормы, установленной царской грамотой 1586 г. относительно десятирублевого оброка. Такая же сумма была взята дьяками И. Нармацким и Посником Дмитриевым в «Четверть своего приказу» с прилуцкого слуги Первуши Нефедова в феврале 1596 г.⁴ В апреле 1597 г. старец Семен *сам* платил в Москве с них 10 руб. 3 алтына. В 1597–1604 гг. оброчная плата с варницы (10 руб.) не изменилась и долго еще оставалась такой⁵.

Обслуживавший унские варницы и транспорты персонал (слуги и наемные работники: трубные мастера, повары-солончары, подварки, водолеи, дрововозы, *местники*, очищавшие варничные ямы от мусора, *пескари*, чистившие их от песка) необходимо было снабжать хлебом и другими продуктами. В Онежском Поморье Спасо-Прилуцкий монастырь кроме сенокосов других угодий не имел. В отличие от Уны, прочие центры солеварения Спасо-При-

¹ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–2.

² Там же.

³ Там же. Д. 55.

⁴ Там же. Д. 80.

⁵ Там же. Д. 90, 122, 128, 136.

луцкого монастыря представляли собой, по сути, промыслово-земледельческие комплексы: в Соли Вычегодской и Соли Тотемской корпорация владела некоторым количеством деревень, продукция которых шла на обеспечение хлебом работников варничного производства.

Царской грамотой 1586 г. разрешался беспошлинный провоз хлеба и других запасов с Холмогор в Уну на годовой *обиход, а не на продажу*. Допускалась и торговля монастырем своей унской солью. В этом случае с продажи следовало взимать «рядовую пошлину»⁶. Эта указная грамота получила подтверждение 17 сентября 1621 г. одновременно с выдачей монастырю новой жалованной грамоты. В следующей после 1586 г. царской *указной* грамоте от 21 мая 1589 г., обращенной к таможенному целовальнику на Холмогорах Д. Тихонову, появляется разрешенное количество провозимой с Уны соли на монастырский обиход (6 тыс. пудов), складываемой в холмогорских амбарах. С нее следовало взимать не *большую, а малую* проезжую пошлину. Разница между ними была двойная — *большая* составляла 2 руб. 2 гривны с 1 тыс. пудов, а *малая* — 1 руб. 1 гривну. Если бы прилуцкие слуги повезли с Уны более 6 тыс. пудов на продажу, им пришлось бы заплатить большую проезжую пошлину⁷. Одновременно таможенному целовальнику было приказано вернуть монастырю взятые с него ранее 30 руб., что, собственно, и вызвало протест, написание старцами челобитной царю и его ответную грамоту.

В первой половине 1590-х гг. монастырская торговля распространилась и на новооснованный Архангельск. 11 июня 1596 г. монастырь получил *жалованную* грамоту о беспошлинной торговле 14 тыс. пудов соли во всех городах [14, № 287, 288]. Документ этот, по сути, воспроизводил нормы, прописанные в более ранней грамоте Ивана IV от 23 сентября 7081 (1572) г., оформленной дяком Дружиной Володимировым [5, № 1-436]. На нее в дальнейшем будет много ссылок в последующих жалованных и указных грамотах о соляной купле-продаже Спасо-Прилуцкого монастыря. Сама же грамота была утрачена во время польско-литовского разорения монастыря в декабре 1618 г.⁸ [14, № 287]. Важный экономический мотив выдачи жалованных и указных грамот в 1570–1580-х гг. — это разорение монастыря из-за «голоду и лихова поветря», т.е. хозяйственного кризиса конца 1560-х — 1580-х гг. В этих условиях для всех монастырей России, в том числе и северных, повышается значение торговли и промыслов, которые становились едва ли не единственным источником существования для монахов и работников. Здесь не будет лишним напомнить и о запретительных уложениях 1580 и 1584 гг., имевших целью в очередной раз ограничить рост монастырского землевладения, с учетом которых торгово-промысловая деятельность монастырей приобретала особое значение.

⁶ Там же. Д. 37. Л. 3–5.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Ф. 512. Оп. 1. кн. 119. Л. 5 об.

Ориентируясь на грамоту Ивана Грозного 1572 г., дьяк Ждан Порошин в июне 1596 г. оформил игумену Гурию новую жалованную грамоту, и дьячья скрепа по склейкам (склееным на обороте бумажным столбцам) имеется в ее оригинале из собрания И.А. Вахрамеева [16, с. 55–59, № 52]. Спустя два года, 31 июля 1598 г., этот важный для экономики Спасо-Прилуцкого монастыря документ был подписан дьяком И. Нармацким «на имя» новоизбранного царя Б.Ф. Годунова. Игумен Гурий, которому в 1598 г. была выдана грамота, присутствовал на земском соборе по избранию Б. Годунова на царство, и подпись его стоит на утвержденной грамоте [8, с. 139–140]. Двумя указными грамотами 1596 г. – 21 июня (таможенным головам на Холмогоры Ю. Ужовкину и В. Васильеву) [14, № 288] и 11 июля (воеводе Р.Г. Любученинову в Ново-Архангельский город) – это право было прописано и для прилуцкой соляной торговли в Ново-Архангельске. В документах говорилось о невзимании пошлин с 14 тыс. пудов соли, привозимой с Уны и Нёноксы на «монастырское строение»⁹. Количество соли (14 тыс. пудов) М.М. Дадыкина увязывает с ориентировочной производительностью двух унских варниц монастыря еще в 1590-х гг. – по 7 тыс. пудов в год при довольно невысокой ее продажной цене в те годы (4–6 денег за пуд) [4, с. 129]. Сама же норма беспошлинной купли-продажи 14 тыс. соли будет действовать до 1677 г., когда состоится ее последнее подтверждение в грамоте царя Федора Алексеевича.

Через месяц после подписания 31 июля 1598 г. дьяком И. Нармацким грамоты 11 июня 1596 г. была оформлена новая царская грамота от Б.Ф. Годунова. Произошло это 11 августа 1598 г. В ней говорилось о беспошлинной покупке-провозе 14 тыс. пудов и невзимании с двух монастырских насадов (крупных тяжелогруженных речных транспортов) ряда пошлин: посаженно-го, мыта, шестового, побережного и головщины¹⁰.

С 1620-х гг. в преамбулах приходе-расходных соляных книг говорится об обязательстве прилуцких казначеев-купчин «соль продавати и о всем радети и промышляти безприменно, как нас Бог вразумит да преподобный чудотворец Дмитрий»¹¹. Упомянутый св. Димитрий Прилуцкий, выходец из переславского купеческого рода Покропаевых, словно бы покровительствовал торговому процветанию основанной им обители. Не случайно среди житийных клейм на его иконах была сцена благословения брата на торговлю. В одной челобитной с Уны в 1615 г. прилуцкие приказные старцы просили руководство монастыря «порадети о *чюдотворцове промыслу*». В ней же встречаем посвяtitельное имя монастыря: «Пречестная и великая обитель Происхождения Честного Креста и Введения Пресвятыя Богородицы и преподобнаго чюдотворца Димитрея»¹². Переписные отводные книги унского

⁹ Там же. Ф. 1260. Д. 37. Л. 74.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Там же. Ф. 512, кн. 67. Л. 2 об.

¹² Там же. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 232.

промысла 1619–1620 гг. среди икон в жилых помещениях отметили и образ преп. Димитрия¹³.

На Уне часть соли была «своей варки», а часть покупалась у старцев разных монастырей (Спасо-Валаамского, Пречистенского Кандалакшского, Николо-Корельского и двинского Михайло-Архангельского), а также у посадских людей из Каргополя, Кандалакши, Нёноксы, Турчасова, Холмогор. Учет покупаемой соли велся *лодьями* вместимостью в 80–100 рогож (2,6–2,9 тыс. пудов) каждая. Существенно меньше была грузоподъемность *лодейки* – 23 рогожи (667 пудов). Иногда отмечалось такое судно, как *полулодья* грузоподъемностью 45 рогож (1,3 тыс. пудов). По документам «дошанищного ходу» Спасо-Прилуцкого монастыря 1689 г. известен показатель для двух дошанищ – по 744 меха-рогожи, что дает гораздо большую по сравнению с лодейкой грузоподъемность каждого – 11,9 тыс. пудов [16, с. 176, № 206].

Сформированные в конце XVI в. принципы налогового и таможенного обложения унского соляного промысла монастыря были повторены в жалованной грамоте царя Михаила Федоровича от 17 сентября 1621 г. В ней говорилось о беспощинном провозе хлебного запаса на Унский посад к варницам на годовой обиход «про себя, а не на продажу». В данном случае имелся в виду, вероятно, объем соли, превышающий установленный еще в 1572 г. норматив – 14 тыс. пудов.

В унскую грамоту от 17 сентября 1621 г. было включено несколько новых статей. Одна из них касалась судебных прерогатив монастыря в отношении людей, обслуживавших прилуцкие варницы и живших во дворах. Статьи ограничивались традиционной «уголовной триадой», наиболее тяжкими уголовными преступлениями – душегубством, разбоем и татьбой с поличным. В сместном суде должны были участвовать игумен с братией или их приказчики. Говорилось также о заповедном (экстерриториальном) статусе прилуцкого двора на Унском посаде и мест у варниц. Предъявление данной грамоты приказным лицам разных городов, включая воевод и дьяков, не должно было оплачиваться специальной пошлиной – явкой.

Л.С. Прокофьева опубликовала наиболее ранние сведения о производительности унских варниц Спасо-Прилуцкого монастыря за 1615–1616 гг.: в августе 1615 г. – 4 сугреба; в сентябре 1615 г. – апреле 1616 г. – 61 сугреб. Запас соли, согласно переписным («отводным») книгам 1619–1620 гг., составлял 15 сугребов, или 750 пудов (по 50 пудов в сугребе, что совпадает с данными Л.С. Прокофьевой [11, с. 55–56, табл. 9]).

О дальнейшем росте производительности промысла указывает отводная книга 1631 г., где фигурируют уже 100 сугребов вываренной соли, или 5 тыс. пудов. На промысле отмечено также немалое количество наличных денег – 308 руб. [12, с. 5–7, № 2]. В переписных книгах фиксировались продуктовые запасы на промысле (хлеб и хлебопродукты, рыба, масло коровье), их цена.

¹³ Там же. Ф. 1260. Д. 320. Л. 1, 6.

Применялась местная метрическая единица — *мера*, широко практикуемая в Двинско-Важско-Устюжском регионе. На первом месте стояли 76 мер ржи, купленных в Холмогорах по 7 алтынов за меру (в нее входило обычно 3–4 пуда). Из речных судов на унском промысле в 1619 г. имелись: одна лодья, два карбаса и ветхий павозок¹⁴.

На Уне и в Холмогорах монастырь нанимал *метальщиков соли* в лодьи; *солобоев*, набивавших соль в мешки-рогожи; *держальников*, державших мешки-меха-рогожи; кузнецов, изготавливавших и ремонтировавших сковороды; «поковщиков в крючную и дужную поковку» (они ковали крюки и дуги для варничного оборудования); *дровозов*. Охраной соляных запасов занимались нанимаемые *караульщики*. Учитывался расход трех видов железа — цырейного, поличного, прutowого. В 1667 г. с Уны на Холмогоры было «припроважено» 7 лодей соли, «а рогожным числом 617 рогож», что дает грузоподъемность лодьи в данном случае — 88 рогож, т.е. в среднем 2640 пудов¹⁵.

В структуре расходов приказных старцев на Уне в 1640 г. наибольшая сумма — 50 руб. — была истрачена на приобретение «железа цырейного» В приказных отписках прилуцким властям часто звучит мысль, что «в промыслу денги надобе, а без денег соли варити не мотчи»¹⁶. В ходе развития соляного промысла Спасо-Прилуцкого монастыря в Унском посаде случались иногда и конфликтные ситуации с другими участниками этого производства. В 1640 г. приказной старец Троице-Сергиева монастыря Рафаило Лупандин (с Лудского усолья) «свез павозком с прилуцкой пожни 30 возов сена сильно неведомо за што». Отсутствие сена затрудняло содержание прилуцкого скота, которого «кормить стало нечем, а купить здесь сена негде»¹⁷. Лошади же были необходимы для транспортировки большого количества дров к варницам.

В отписках приказных старцев монастырским властям нетрудно заметить элементы хозяйственной рациональности: покупать варницы надо было с расчетом на их прибыльность: там, где рассол гуще, тратилось меньше дров на вываривание соли¹⁸.

По описи 1653 г. унский промысел Спасо-Прилуцкого монастыря включал уже три варницы, а парк сухопутного и речного транспорта — 20 саней и дровень дровозных, две лодьи соляных «со всею лодейною снастью», два соловозных павозка и три карбаса. Значительно возросли запасы самой соли (2,5 тыс. пудов в амбарах), хлеба и хлебопродуктов¹⁹. Масштаб соледобычи, установленный Л.С. Прокофьевой по приходным книгам 1646/1647 и 1648/1649 гг., составил 21,4–27,8 тыс. пудов [11, с. 55].

¹⁴ Там же. Ф. 512. Оп. 1. Д. 320.

¹⁵ Там же. Оп. 1, кн. 63. Л. 14 об.; кн. 66. Л. 12–14 об., 23.

¹⁶ Там же. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 670. Л. 2.

¹⁷ Там же. Д. 678.

¹⁸ Там же. Д. 735.

¹⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Кн. 187. Л. 177 об.

Близкие к этим значениям данные приводит А.И. Копанев, говоря о количестве соли, отправленной разными монастырями и частными лицами из Холмогор в Вологду в мае 1646 и мае 1647 г. Применительно к Спасо-Прилуцкому монастырю полагаем, что речь должна идти как раз о доставке соли с унского промысла. На 1646 г., по данным Холмогорской таможи, показано 13 029 пудов на одном прилуцком судне, а в 1647 г. — 24 086 пудов на двух судах. Осенью 1646 г. в складах на Холмогорах у монастыря оставалось 31 722 пуда соли [7, с. 151, табл. 9].

Солеварение, заготовка большого количества дров к варницам на кострища и транспортировка соли осуществлялись силами наемных работников из местных посадских людей и крестьян. А.И. Копаневым были проанализированы трудовые договоры Спасо-Прилуцкого монастыря в 1660-х гг. на сумму обычно от 6 до 9,5 руб., исходя из норматива оплаты по 3 алтына 1 деньгу за сажень дров. Такие работы выполнялись крестьянами без отрыва от их основного хозяйства и вместе с тем существенно пополняли семейный бюджет, позволяя закупать большое количество хлеба [7, с. 155].

Помимо промыслов и торговли Спасо-Прилуцкий монастырь оформлял кабальные записи по предоставлению населению Унского посада денег в долг на различные суммы и сроки. Описью 1653 г. было зафиксировано 117 кабал на сумму 289 руб., в 1667/1668 г. — 468 руб., в 1675 г. — 674 руб. 10 алтынов 2 деньга (для сравнения: в Вычегодском Усолье в то же время совокупный долг составлял 127 руб. 24 алтына 4 деньга, в 1677/1678 г. — 115 руб.). В 1688 г. жители Унского Усолья были должны монастырю 421 руб. 7 алтынов 4 деньга²⁰ [12, с. 25].

Вместе с тем в последней трети XVII в. наметилось сокращение производства всех соляных промыслов монастыря, в том числе Унского. И хотя количество варниц в нем возросло до четырех, острее стал ощущаться недостаток денег на их содержание. Одной из причин этого можно считать усиление налогового пресса на церковь со стороны государства, истощение соляных рассолов и дровяных топливных ресурсов [7, с. 150], а также ряд неблагоприятных факторов 1660–1670-х гг. (неурожаи, рост цен на продукты, задержка по возврату денежных долгов от неплатежеспособных местных жителей, общая разбалансированность финансовой системы страны из-за одновременного хождения медной и серебряной монеты).

Не меняли положения дел займы, которые монастырь брал у разных состоятельных купцов, например у торговых иноземцев, торговых крестьян пригородного села Фрязинова, богатейшего гостя Г.М. Фетиева. Тот мог, например, выдавая в долг 130 руб., потребовать оформления кабалы на 150 руб.; купленную у московского торгового иноземца Т.А. Келдермана за 300 руб. тотемскую варницу продать монастырю за 1257 руб.; вынуждать монастырь

²⁰ Вологодский государственный музей-заповедник. Оп. 1, кн. 3. Л. 241 об. — 242; ГАВО. Ф. 512. Оп. 1, кн. 66. Л. 22 об.

продавать ему крупные партии соли по заведомо заниженной цене и т.д. [17, с. 43–44, 126–127, 148–149, 160, 164, 166].

Монастырь обращался за помощью и к своим московским доброхотам. Сошлемся на письмо архимандрита Исаяи и келаря Киприяна (Докукина) влиятельному боярину Ф.П. Нарышкину от 24 января 1674 г. с просьбой дать хоть сколько-нибудь денег для поддержания унского промысла [12, с. 189, № 201].

Не следует преувеличивать уровень капитализации прилуцкой экономики за счет торгово-промышленной деятельности. Доходы от нее в целом были невелики и нивелировались сопоставимыми по масштабу расходами на обеспечение транспортного сообщения по растянутому Сухоно–Двинскому пути, затратами на техническое поддержание варниц, оплату труда на них разных категорий наемных работников. Наблюдения такого рода были высказаны Л.С. Прокофьевой [11, с. 71] и М.М. Дадыкиной [4, с. 127–135].

В заключение отметим, что возможно и даже необходимо расширение источниковой базы для дальнейшего изучения унского солевого промысла Спасо-Прилуцкого монастыря. Для этого требуется специальная разработка его приходо-расходных и отводных книг, в изобилии представленных в фонде 196 (Мазуринское собрание) Российского государственного архива древних актов. Последующая история унского промысла Спасо-Прилуцкого монастыря в XVIII–XIX вв. также требует специального изучения. Нуждается в рассмотрении и рыболовная отрасль монастырской экономики, а также судьба монастырских промыслов в начале петровских реформ и в период секуляризации.

Список литературы

1. Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.: в 3 т. Т. 3 / отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1964.
3. Алексеева Я.И. История рыбных и морских звериных промыслов в водах Онежского полуострова с XV века по 1920-е годы // Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в традиционном укладе. Архангельск, 2019. С. 62–78.
4. Дадыкина М.М. Монастырь, монахи, менеджмент: структура монастырской торговли в конце XVI–XVII вв. // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. Нижний Новгород, 2018.
5. Каштанов С.М., Назаров В.Д., Флоря Б.Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.: в 3 ч. Ч. 3 // Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968.
6. Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978.
7. Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984.
8. Мордовина С.П. К истории утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.
9. Описание грамот Коллегии экономии: в 3 т. Т. 1 / сост. А.В. Антонов. М., 2015.
10. Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древнехранилище. Вып. 6. Вологда, 1903.

-
-
11. *Прокофьева Л.С.* Вотчинное хозяйство в XVII в. По материалам Спасо-Прилуцкого монастыря. Л., 1959.
 12. Сборник актов Северного края XVI–XVII вв. / сост. А.А. Колычев. Вологда, 1925.
 13. *Семушин Д.* Русский Север: Пространство и время. Архангельск, 2010.
 14. Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов / под ред. Ф.Я. Коновалова. Вологда, 2004.
 15. *Тебекин Д.А.* Перечень иммунитетных грамот 1584–1610 гг.: в 2 ч. Ч. 1 // Археологический ежегодник за 1978 год. М., 1979.
 16. *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву: в 6 вып. Вып. 4. Сергиев Посад, 1897.
 17. *Черкасова М.С.* Купец Г. М. Фетиев: исследование и архив. Вологда, 2020.
 18. *Щапов Я.Н.* Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976.

Три экспедиции Л.В. Костикова

Шангина Изабелла Иосифовна – доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник главной категории, Российский этнографический музей; iz.schangina@yandex.ru

Статья посвящена рассказу об экспедициях Леонида Васильевича Костикова – хранителя Российского этнографического музея, работавшего там в первой трети XX в. Он внес ценный вклад в этнографическое изучение населения русских сел побережья Белого моря, ненцев Крайнего Севера Сибири и кумыков Северного Кавказа. В статье рассказывается о маршрутах его экспедиций и дается характеристика собранных им коллекций вещевых памятников.

Ключевые слова: экспедиции, предметный мир, этнографическое изучение народов.

Three expeditions of L.V. Kostikov

Shangina Izabella I. – Dr. Sci. (History), professor, core category researcher, Russian Museum of Ethnography; iz.schangina@yandex.ru

The article presents the story of expeditions led by Leonid Vasil'evich Kostikov, the curator of the Russian Museum of Ethnography in the first third of the 20th century. Kostikov made a valuable contribution to the ethnographic research of the Russian settlements along the White Sea coast, the Nenets communities in the High North of Siberia, and the Kumyks in North Caucasus. The article follows the routes of his expeditions and provides descriptions of the material artifacts collected.

Keywords: expeditions, objective world, ethnographic research.

Леонид Васильевич Костиков (1877–1942) – этнограф, сотрудник Этнографического отдела Русского музея императора Александра III (ныне Российский этнографический музей), внес ценный вклад в изучение традиционной культуры народов России. Материалы трех экспедиций Л.В. Костикова стали прекрасным источником для изучения предметного мира поморов Архангельской области, ненцев Крайнего Севера Западной Сибири и кумыков Северного Кавказа.

Биография. Л.В. Костиков родился 9 апреля 1877 г. в Кременчуге¹. После окончания в 1896 г. гимназии учился сначала в Новороссийском универси-

© Шангина И.И., 2022

¹ Личное дело Л.В. Костикова хранится в Отделе рукописей Ведомственного архива Государственного Русского музея (далее ВАГРМ). Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 231.

тете, а затем в Санкт-Петербургском по естественному разряду физико-математического факультета, который закончил в 1908 г. с дипломом первой степени. Параллельно с учебой в университете в 1903 г. он посещал лекции в Археологическом институте, получив по его окончании звание действительного члена². С 1903 по 1904 г. Л.В. Костиков работал в Этнографическом отделе Русского музея имп. Александра III регистратором коллекций, а с 1902 по 1908 г. в «Бюро международной библиографии» Академии наук занимался составлением библиографий по антропологии и этнографии для ежегодника «Русская библиография по естествознанию и математике»³. В Этнографический отдел Русского музея Л.В. Костиков поступил 20 февраля 1910 г. «хранителем вне штата»⁴ по рекомендации его заведующего Н.М. Могилянско (1871–1933), который дал Леониду Васильевичу очень лестную характеристику, назвав его «прекрасным работником, уже вполне ознакомившимся с техникой музейного дела в прежние годы»⁵. В первое десятилетие XX в. Этнографический отдел для выполнения своей главной задачи – формирования вещевого этнографического собрания – остро нуждался в профессионально подготовленных сотрудниках. Именно поэтому уже через три месяца после приема на работу Л.В. Костикова Совет Этнографического отдела принял решение о направлении его в экспедицию в Архангельскую и Олонецкую губернию для «собирания этнографических предметов среди великорусов». Вместе с Л.В. Костиковым в экспедицию направлялся фотограф музея Анатолий Николаевич Павлович (1880–1941), которого Н.М. Могилянский ценил как опытного специалиста⁶.

Первая экспедиция. Л.В. Костикову был предоставлен выбор конкретного маршрута внутри Архангельской губернии. Этнограф принял решение отправиться на южное побережье Белого моря (Архангельский и Онежский уезды Архангельской губ.), к русским поморам. Он, как и другие его коллеги, считал, что там можно обнаружить нужные музею традиционные вещи еще «неиспорченные цивилизацией», поскольку именно там в неприкосновенности сохранилась некая «исконная», первозданная «русскость», «русский дух» [19, с. 140]. И.И. Срезневский (1812–1880), филолог-славист, историк, писал, что земли Подвинья и Поморья «являются классическими для историка русского. Только там можно постигать вполне народный дух наших предков, физиогномию естественную и государственную Древней России»⁷.

² Там же. Л. 40 об.

³ Там же. Л. 64.

⁴ Там же. Л. 8; Архив Российского этнографического музея (далее АРЭМ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 349. Л. 1.

⁵ ВАГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 231. Л. 2.

⁶ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 124 об.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 39. Л. 1.

Л.В. Костиков и А.Н. Павлович отправились в экспедицию в конце мая 1910 г. Начальным пунктом был Архангельск. Леонид Васильевич должен был представиться губернатору И.В. Сосновскому (1868–1917) и вице-губернатору А.Ф. Шидловскому (1863–1942), известному ученому и библиографу, основавшему в 1908 г. Архангельское общество изучения Северного края. Исследователь вручил им письма Н.М. Могилянскому с просьбой «не отказать в своем просвещенном содействии»⁸. Л.В. Костиков, как и все хранители Этнографического отдела, считал очень важным иметь тесный рабочий контакт с местными учеными, музейными работниками и краеведами. Они считали, что это позволит быстрыми темпами провести этнографическое обследование Российской империи, конечной целью которого является описание ее народов.

Из Архангельска Л.В. Костиков и А.Н. Павлович выехали 10 июня 1910 г. на пароходе по Северной Двине до Ракасихи – маленькой деревни с почтовой станцией, откуда начинался Онежский почтовый тракт, – и отправились к ближайшему от нее населенному пункту Солза, поскольку экспедицию решено было начать с обследования поморских сел Летнего берега Онежского полуострова. Л.В. Костиков писал Н.М. Могилянскому, что поездка «в смысле удобств переезда оставляла желать много лучшего» [20, с. 322]. Многие путешественники, преодолевавшие этот тракт, описывали поездку как не самое лучшее событие своей жизни [12, с. 180; 13, с. 54].

Выбранные для обследования поселения – Солза, Нёнокса (Нёнокский посад), Сюзьма и Красная Горка – располагались вдоль Онежского почтового тракта, соединявшего Архангельск с г. Онегой, на расстоянии 20–22 верст друг от друга в устьях небольших речек, впадавших в Белое море. Первоочередной выбор был обусловлен «их старинностью». Села были основаны в XV–XVI вв. и поэтому представляли интерес для Л.В. Костикова «в историческом, бытовом и промышленном отношении» [20, с. 322]. Главным занятием жителей этих сел были морские промыслы: рыбный и зверобойный. В Сюзьме и Красной Горке с ноября по апрель ловили навагу. В Солзе была развита охота на белух [15, с. 72–74; 18, с. 2]. Население Нёнокского посада, также занимавшееся добычей рыбы и морских млекопитающих, основной доход получало от выварки соли из соляных источников, расположенных за посадом вдоль р. Нёнокса. В первом десятилетии XX в. это был один из немногих центров солеварения, сохранившихся от широко распространенного в XV–XVII столетиях солеварного промысла [1, с. 478, 482; 18, с. 15]. Подсечное земледелие с высеванием ячменя давало плохие урожаи, которых хватало только на четыре месяца [18, с. 3].

В каждом из сел Онежского тракта этнографы останавливались на 2–3 дня для съемок и приобретения экспонатов. Местные жители относились к ним вполне доброжелательно. Особый интерес вызывала фигура А.Н. Пав-

⁸ Там же. Д. 349. Л. 3.

ловича, а точнее громоздкое фотооборудование, которым он был оснащен: большая с раздвижными мехами деревянная камера и деревянные кассеты к ней, запас стеклянных пластинок в коробках, раздвижная тренога. Все это привлекало интерес не только детей, но и взрослых, помогая устанавливать контакты с местным населением.

Предметный мир поморов не совсем оправдал надежды этнографа. Л.В. Костиков не смог найти в них «стародавних вещей», подобных тем, что были в древнерусском быту. Что его порадовало в этом отношении, так это солеварный промысел Нёноксы, который, по словам Леонида Васильевича, представлял собой «едва ли не во всей своей первобытной чистоте и неприкосновенности, сохранившее свой исконный промысел добывание соли из соляных источников»⁹. А.Н. Павлович сфотографировал место солеварного промысла на берегу р. Нёнокса и црен (чрен) для выварки соли, который сложно было доставить в музей.

Всего здесь было приобретено 37 предметов, которые трудно назвать «досюльными»: пять изготовленных в Нёноксе прялок, орнаментированных трехгранно-выемчатой резьбой; шесть предметов, связанных с семужным промыслом: грузила и поплавки; отдельные предметы домашнего быта; а также коллекция кукол, сшитых из тряпок (Колл. РЭМ 2335; 2336; 2638, № 47, 48).

Окончив работу в селах на Онежском тракте, Л.В. Костиков и А.Н. Павлович отправились к поморским селам, расположенным на Летнем берегу Двинской губы Онежского полуострова: Яреньга, Лопшеньга, Дураково, Летняя Золотица, откуда можно было переехать в населенные пункты Онежского (Лямецкого) берега Онежской губы – Пушлахту, Лямицу (Лямцу) и Пурнему. Села Онежского полуострова для путешественников были труднодоступны не только летом, но и зимой. От материка со стороны Яреньги зимой они были отделены полным бездорожьем, а летом – Унской губой. Вход в нее, образованный Яренгским и Красногорским мысами, был очень труден и опасен из-за каменистого дна и отмелей. Со стороны Пурнемы полуостров был отрезан непроходимыми болотами и плохими дорогами [15, с. 69]. Поработав в этих селах, Л.В. Костиков писал Н.М. Могилянскому, что чувствовал себя там «совершенно отрезанным от каких-либо сношений с Российской империей. Здесь нет летом начальства и его в это время не признают. Открытые предписания губернатора читают и откладывают в сторону. Дороги даже пешеходные привести в порядок не желают. Говорят, нет расчета – тогда начальство начнет ездить» [20, с. 319].

Впрочем, такая изолированность от внешнего мира не испугала этнографа, а даже представлялась удачной. Он полагал, что здесь в полной неприкосновенности может сохраниться «русская старина» и что он сможет «найти неисчислимое количество этнографических предметов» [20, с. 319].

⁹ Там же. Л. 2.

Путь на полуостров лежал через Пертоминский Спасо-Преображенский Крестиморовский мужской монастырь, расположенный на берегу Унской губы. В первое десятилетие XX столетия монастырь, основанный в середине XVI в., представлял собой небогатую обитель с 20 монахами и послушниками, редко посещаемую богомольцами-пешеходами [7, с. 1–39]. Л.В. Костиков и А.Н. Павлович остановились в монастырской гостинице, а на следующий день, взяв с собой только фотографические принадлежности, переправились на карбасе – легком парусно-гребном судне поморов – через Унскую губу и, пройдя пешком 20 верст по морскому берегу, заваленному бревнами, выброшенными морем, оказались в Яренье.

В селах Онежского полуострова этнографы работали около 20 дней, переезжая из одного населенного пункта в другой на карбасах, потому что население не пользовалось колесным транспортом. Л.В. Костиков писал, что местные жители не видят в нем необходимости, т.к. одно село от другого отделяют непроходимые болота, а дорог фактически нет. На всем побережье этнограф видел только несколько «первобытных, как их здесь называют, телёг, одноколок с досчатыми колесами, вращающимися вместе с осью, считая эти два колеса за одно» [20, с. 324]. С карбасами также были большие проблемы. Исследователь писал: «... когда заявляешь о своем желании двинуться из деревни, тебе отвечают, что сегодня невозможно, потому “заводень” на море и больно большие “коровушки” ходят на море» [20, с. 319].

Все села, в которых побывали этнографы, по словам Л.В. Костикова, «построены на один лад, живут единым общим укладом», а их жители «являются самыми богатыми мужиками России» [20, с. 320]. Основной доход они получали от прибрежного семужного промысла, которым занималась вся мужская часть населения с ранней весны до поздней осени. Л.В. Костиков отметил, что промысел настолько распространен, что «весь берег от Яренги до Пурнемы усеян семужьими и тоньскими избушками, расположенными одна от другой на расстоянии одной версты, и в каждой из них помещается два-три рыболова» [20, с. 323]. Зимой охотились на нерпу, морского зайца и тюленя. Кроме того, многие мужчины были заняты в заготовке и сплаве леса или работали на лесопильных предприятиях. Земледелие было исключительно женским занятием, но оно, по словам Л.В. Костикова, «едва прокармливало семью». Характеризуя деятельность поморов, этнограф отметил, что в свободное от лова рыбы время они занимаются различными ремеслами: изготавливают прялки, стульчики, скамеечки и другие необходимые в хозяйстве вещи.

Надежды Л.В. Костикова на сбор большого количества экспонатов в этом, по его мнению, замкнутом мире в какой-то степени оправдались. Вещей традиционного быта в селах оказалось много. Л.В. Костиков приобрел для музея 193 предмета: рыболовные принадлежности, земледельческие орудия, двухколесные телеги, домашнюю и хозяйственную утварь, пред-

меты мужской и женской одежды, детские игрушки, резные и расписные прялки (подробный анализ этих коллекций см.: [2, с. 24–28; 3, с. 44–47; 4, с. 62–98; 20, с. 306–318]). При этом ему удалось приобрести даже те вещи, которые он определял как «досюльные, допотопные, первобытные»: деревянные долбленные (тюканые) тарелки, двуколки с дощатыми колесами, некоторые старинные головные уборы. Однако Леонид Васильевич был несколько разочарован тем, что не обнаружил здесь братин для медов, скоб-карей и ковшей для пива, т.е. утвари, которую ученые рассматривали как наследство средневековой Руси. Он с огорчением выслушал поморов, которые ему заявили, что «наши деды пили спирт и водку, а не пиво, и пили их из медной, а не деревянной посуды» [20, с. 320]. В этих селах Л.В. Костиков первый из собирателей обратил внимание на широкое бытование здесь оригинальных детских деревянных игрушек: *панок* (женских фигурок) и *кошиков*, а также на большое распространение прялок, украшенных резьбой. Прялки не очень заинтересовали Л.В. Костикова, потому что все они, как он писал, «оказались на один лад», но зато детские игрушки произвели на него сильное впечатление. Он отметил их разнообразие и «забрал все, что было в этом отношении интересного» [20, с. 320]. Этнограф также заметил, что все эти вещи делают рыбаки «от скуки» во время «веснования» — зимней и весенней охоты на зверя в Белом море — фактически во всех селах Онежского полуострова¹⁰. Окончив работу в Пурнеме, Л.В. Костиков и А.Н. Павлович отправились в Унский и Лудский посады, расположенные в устье р. Уна и Луда, впадающих в Унскую губу. Из Пурнемы в Уну этнографы ехали верхом по проселочной дороге до с. Нижмозеро, а от него по Онежскому тракту на станционных лошадях, проделав путь в 65 верст. Жители этих двух посадов занимались зимой ловлей наваги, летом же половина мужского населения нанималась матросами на суда, отправлявшиеся с товарами в Норвегию, или на сенокосные работы в Соловецкий монастырь [15, с. 71].

В Луде произошло знакомство Л.В. Костикова со священником храма Рождества Пресвятой Богородицы Иоанном Несторовичем Чирковым (1872 — ?), краеведом, членом Архангельского общества изучения Северного края¹¹. Он оказал приезжим существенную помощь в поисках «стародавних» вещей. Это было довольно сложно, т.к. жители Унского и Лудского посадов в отличие от поморов Онежского полуострова были более тесно связаны с такими культурными центрами, как Архангельск, Онега и Карго-

¹⁰ Там же. Д. 705. Л. 4, 23.

¹¹ И.Н. Чирков служил в Лудском храме с 1909 г. До этого он с 1898 г. был псаломщиком Пияльского прихода Онежского уезда, с 1905 г. — псаломщик собора в Онеге, а с сентября 1906 г. стал священником Шуезерского прихода Кемского уезда. С 1907 по 1909 г. служил в Ухтинском приходе Кемского уезда. В 1912 г. был переведен в Никольскую церковь Яреньского прихода, а в мае 1918 г. перемещен в Ижемский приход Архангельского уезда [16].

поль, и поэтому утратили в какой-то степени традиционные особенности, что наиболее отразилось в одежде. Л.В. Костиков писал, что «шугаи, костычи, шубейки, гарнитурники, кумачники и пр., — нужные музею, — уже перекроены на свой лад и потому потеряли всякую ценность, так что я их не брал» [20, с. 321]. Найти для музея 23 «неперекраенных предмета» помог И.Н. Чирков, хорошо знавший местное население. Он же передал в музей предметы облачения священника: стихарь и подризник из набойки конца XVII — начала XVIII столетия. В Луде были приобретены также деревянные детские игрушки: куклы, кони, уточки (17 предметов), которые отличались от тех, что были собраны в Яренъге и других селах, поскольку оказались вырезаны из сучковатого дерева, ветки которого образовывали ноги. Всего в Луде было собрано около 50 вещей.

После отъезда Л.В. Костикова И.Н. Чирков вплоть до 1914 г. поддерживал связь с Этнографическим отделом музея, приобретая по его заданию интересные вещи с подробными легендами¹². В собрании Российского этнографического музея имеются две коллекции И.Н. Чиркова (Колл. РЭМ 1967, 2779), 64 экспоната которых были собраны им в Яренъге, Лопшеньге, Лудском посаде. Кроме того, в 1912 г. он передал в музей свою рукопись «Лудский посад. Этнографический очерк», которая заслужила высокую оценку ученых Этнографического отдела (публикацию рукописи см.: [20, с. 326–350]). Хранитель К.К. Романов 31 января 1913 г. в письме И.Н. Чиркову сообщал: «Присланный Вами очерк Лудского посада включает материал интересный для отдела и подходит вполне к хранящемуся в библиотеке музея материалу»¹³.

В конце июня Л.В. Костиков и А.Н. Павлович отправились из Лудского посада по Онежскому почтовому тракту через Нижмозеро, Кянду, Тамицу, Покровское в г. Онегу. В каждом из этих сел они останавливались на один или два дня, собирая экспонаты, фотографируя жилища и храмы. В Онегу прибыли 3 июля и на следующий день отправились на юг по почтовому тракту, проложенному вдоль р. Онеги и ведущему к Кеми. Их путь лежал в старинное с. Вонгуда Кокоринской волости в 27 верстах от р. Онеги на р. Вонгуда, знаменитое свои гончарным промыслом. В Онежском уезде бытовала поговорка: «Не Боги горшки обваривали, те же вонгужане». Это село было фактически единственным крупным центром гончарного дела на Беломорье, потому что насыщенный промысловый год поморов не способствовал широкому распространению этого ремесла, хотя небольшие горшечные мастерские были в Пурнеме, Кянде, Тамице, Нименьге, Сюзьме, Нёноксе и Пушлахе. Гончары работали на ручных гончарных кругах, используя белую и красную глины, обжиг проводился в печах, за облицей деревни. В Вонгуде Л.В. Костиков приобрел для музея три ручных гончарных круга (Колл. РЭМ 2344, № 37, 38, 39) и образцы

¹² Там же. Д. 705.

¹³ Там же. Л. 20.

продукции промысла: горшки, куб для кипячения воды в форме горшка, крынку в виде миски с высокими бортиками и «накров» — крышку для посуды.

Из Вонгуды через с. Чекуево Мардинской волости Л.В. Костиков и А.Н. Павлович направились в старинное с. Верховье (д. Митенская и Ряхновская), что на р. Мордюга, впадавшей в Онегу. В одной из этих деревень, как стало известно собирателям, находилась старинная курная изба. Среди онежских жителей она считалась своего рода достопримечательностью, т.к. была построена в 1765 г., о чем гласила резная надпись на слеге крыши. Местные жители называли ее «изба семи государей», поскольку она существовала на протяжении царствования семи царей. Курная изба была жилая: в ней обитал старик, не желавший уезжать из «избы, где жили и умирали его предки». Строение было тщательно обследовано Л.В. Костиковым: описана конструкция, составлены планы, проведена фотосъемка [11, с. 1–11]. Интерес к этой постройке был не случаен. На протяжении всей экспедиции много внимания уделялось старинному поморскому жилищу, его фотофиксации.

После Верховья путь этнографов лежал в с. Порожское и д. Падорину (д. Спировская). В этой местности в XIX столетии был развит набойный промысел, обслуживавший жителей Онежского, Архангельского и Кемского уездов. К 1910 г. промысел уже престал существовать, но Л.В. Костикову удалось собрать там большую коллекцию набойных досок, включая инструменты, использовавшиеся в производстве (Колл. РЭМ 2347, 2410). Доски небольшого размера (от 14×15 до 18×19 см) с рабочей поверхностью, составленной из металлических пластин и проволочных стерженьков, были хорошо аннотированы последним мастером-набойщиком, жившим в с. Порожском. Он предоставил этнографам сведения о назначении тканей с тем или иным набиваемым узором: «сарафанник», «рубашечник», «скатерок», «перинник».

После проведенного обследования этнографы через с. Прилуки подъехали к станции Плесецк, откуда по узкоколейной железной дороге, построенной в 1894 г., прибыли в Архангельск, из которого пароходом отправились в Кемь — центр Поморского берега. На Поморском берегу Л.В. Костиков и А.Н. Павлович работали в г. Кеми Архангельской губернии, в карельской деревне Подужемье и в русских поморских селах: Сорока, Сухоноволецкая, Вирма, Сумской посад, Колежма, Нюхча, Кушерецкая и Ворзогоры, расположенных к югу от Кеми, вдоль Белого моря и почтового тракта, идущего к г. Онеге. Переезды совершали на пароходах, которые каждый вторник, четверг и воскресенье ходили вдоль Поморского берега, останавливаясь во всех его селах и деревнях.

Л.В. Костиков в своем отчете писал, что жители Поморского берега от Кеми до Нюхчи занимаются рыбными промыслами. Летом более половины мужского населения промышленляли треску на Мурманском берегу, осенью и

зимой ловили в сельдь в Сорокской бухте [20, с. 325]. Вторым важным занятием было судоходство по Белому морю и Северному Ледовитому океану. Мужчины нанимались матросами на суда, перевозившие в Архангельск с Мурмана треску, а из Архангельска в Норвегию отправляли зерно, муку, лесоматериалы. Кроме того, в Кеми, Сумском посаде и Сороке было развито судостроение [15, с. 42–63].

Л.В. Костиков и А.П. Павлович объехали все побережье, но основная работа проходила в Сумском посаде — старинном селе, основанном в XV в. Оно было главным центром торговли в Поморье, через его порт проходили тысячи пудов рыбы, соли и пушнины. Л.В. Костикова он заинтересовал тем, что сохранил почти в первозданном виде черты средневекового поселения. Известный писатель-шестидесятник А.К. Шеллер (1838–1900), публиковавшийся под псевдонимом А. Михайлов, описывал Сумский посад так: «Нигде по всему Беломорскому побережью не встречал я ни города, ни посада, в которых сохранились бы так хорошо древний, допетровского времени, стиль построек, как в посаде Сумском. Его деревянные церкви, почерневшие от времени, с высокими конусообразными крышами и чешуйчатыми главами, обнесены станами с башенками, в которых видны бойницы. <...> Все это вместе взятое, характерный внешний вид посада напоминает XVII век» [14, с. 158–159]. В Сумском посаде большую помощь Л.В. Костикову в сборе экспонатов оказал Вячеслав Григорьевич Бельтюков (1864–1941), председатель Поморского отделения Архангельского общества изучения Русского Севера.

Из русских сел Поморья Л.В. Костиков доставил в музей образцы старинных и современных вышивок, женскую одежду. Предметы домашнего обихода, прялки, орудия рыболовства и охоты. Из карельского с. Поужемья (Колл. РЭМ 2323) были привезены сети для ловли семги и крупной рыбы, инструменты, использовавшиеся при постройке карбасов, соха и сани для перевозки бревен, оконная рама со слюдой и различные предметы хозяйственного и домашнего обихода.

Л.В. Костиков и А.Н. Павлович после того, как объехали все Поморье, отправились на несколько дней в деревни, расположенные на Сумозере в 60 верстах от Сумского посада. В с. Сумостровском, д. Ендогубе, Лапино жили старообрядцы-скрытники, которые сохраняли старинный уклад жизни и старались избегать контактов с внешним миром. Они занимались земледелием, озерным рыболовством и охотой на рябчиков и куропаток. Там этнограф приобрел для музея инструменты для вязания сетей, полный набор удочек для ловли щуки зимой на живца, домашнюю утварь, принадлежности бондарного ремесла.

Архангельская экспедиция Л.В. Костикова и А.Н. Павловича закончилась во второй половине августа. Ими было собрано 565 экспонатов (Колл. РЭМ 2317, 2321, 2323–2327, 2335–2338, 2343–2345, 2347, 2348, 2410) и сделано 373 фотоснимка (Колл. РЭМ 2636–2640).

Работа в музее. По возвращении из экспедиции Л.В. Костиков работал в музее до 13 апреля 1911 г., откуда уволился по собственному желанию. В удостоверении о службе, выданном ему Этнографическим отделом музея, было написано, что он «исполнял свои служебные обязанности с выдающимся усердием, особенным вниманием и пользой для дела»¹⁴. После музея он работал «чиновником по сельскохозяйственной части» в Департаменте земледелия Главного управления земледелия и землеустройства, занимавшегося подготовкой аграрной реформы в России. После революции уехал на Украину, некоторое время жил в Крыму и в начале 1923 г. вернулся в Петроград.

В апреле 1924 г. Л.В. Костиков был принят на работу в Этнографический отдел Государственного Русского музея на должность сверхштатного сотрудника по обслуживанию экскурсий, а в начале ноября 1924 г. был зачислен старшим помощником хранителя IV отделения. В его ведении находилось собрание «отдела по палеоазиатам и народностям, населяющим Якутскую АССР»¹⁵.

Гыданская экспедиция. В 1926 г. Этнографический отдел Русского музея направил Л.В. Костикова в Гыданскую экспедицию Академии наук СССР, возглавляемую арктическим геоботаником и географом Б.Н. Городковым (1890–1953). Это была стационарная комплексная экспедиция на Гыданский полуостров Крайнего Севера Западной Сибири, длившаяся 14 месяцев, с 27 декабря 1926 г. по 3 марта 1928 г. Перед ней стояла задача комплексного изучения Гыданского полуострова: необходимо было провести географические, геологические, ботанические, этнологические исследования этой доселе неизведанной территории Сибири, населенной ненцами (самоедами-юраками). Этнологические изыскания, порученные Л.В. Костикову, включали в себя изучение языка, антропологического облика, хозяйственного и бытового уклада, верований кочевавших на полуострове ненцев. Музей поручил также Л.В. Костикову сбор экспонатов¹⁶ [8, с. 39–46].

Экспедиция в составе шести человек выехала из Ленинграда в Красноярск 26 декабря 1926 г., откуда 6 января 1927 г. на лошадях направилась в Енисейск, а затем в Ново-Туруханск (с. Монастырское), расположенный на правом берегу Енисея, куда прибыла 25 января 1927 г. В Ново-Туруханске Л.В. Костиков собрал сведения о кочевании эвенков (тунгусов) и ненцев (самоедов-юраков) и экономическом состоянии их хозяйств. Затем экспедиция отправилась в Янов Стан на р. Турухан, а оттуда уже на оленьих упряжках в начале апреля 1927 г. она прибыла на Гыданский полуостров. Население Гыданской тундры составляли ненцы (самоеды-юраки), зимой жившие со

¹⁴ ВАГРМ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 231. Л. 1.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 48а. Л. 156.

¹⁶ ВАГРМ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 231. Л. 59.

стадами оленей по лесистым притокам р. Мессо и низовьям р. Таз, а весной отправлявшиеся к низовьям Енисея, Енисейскому заливу, р. Гыда, оз. Хоссен [5, с. 117; 17, с. 1680].

Работа Л.В. Костикова проходила на летних стойбищах ненцев на р. Юрибей, а также в районе пос. Халмер-Седе (ныне пос. Тазовский), расположенного на левом берегу р. Таз, в стойбищах на оз. Ямбудо и вытекающей из него р. Ямбудохо¹⁷. Л.В. Костиков был первым ученым, посетившим Гыданский полуостров с этнологическими целями, положив тем самым начало этнографическому изучению этой интересной группы ненцев, сохранившей в силу ряда причин традиционные культурные и бытовые особенности. Во время экспедиции Л.В. Костиков собрал большой информационный материал, который он зафиксировал в дневнике экспедиции¹⁸, в Предварительном отчете Гыданской экспедиции¹⁹, а также в статьях «Боговы олени в религиозных верованиях хасов» [9, с. 115–132] и «Законы тундры. К вопросу о положении женщин у самоедов» [10, с. 30–68]. Кроме того, Леонидом Васильевичем была собрана коллекция вещевых памятников для музея из 177 предметов (Колл. РЭМ 4778), сделано 173 фотоснимка (Колл. РЭМ 4785), проведены антропометрические измерения 148 человек.

После возвращения из поездки Л.В. Костиков занимался обычной музейной работой, в том числе читал лекции в Рабочем этнографическом университете, созданном при Этнографическом отделе Русского музея.

Экспедиция к кумыкам. В октябре – ноябре 1929 г. Л.В. Костиков принял участие в работе Северо-Кавказской археолого-этнографической экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры, проводившей исследования в Дагестане под руководством А.А. Миллера (1875–1935), заведующего отделением Кавказа и Туркестана Этнографического отдела музея. Основной задачей экспедиции 1929 г. была задача этнографического изучения кумыков – тюркоязычного народа Дагестана, территорией традиционного расселения которого была Кумыкская плоскость, западное побережье Каспийского моря и предгорные районы Дагестана. В экспедиции приняли участие: руководитель экспедиции А.А. Миллер, Л.В. Костиков, фотограф музея А.А. Гречкин (1895–1965), практикантка музея К.Г. Данилина и аспирант научно-исследовательского Института дагестанской культуры в Махачкале Инкочилау, выполнявший работу переводчика.

¹⁷ Вся эта территория в 1920-х гг. входила в состав Обдорского района Тобольского округа Сибирского края. Ныне это Тазовский район Ямало-Ненецкого автономного округа.

¹⁸ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 350а.

¹⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 218.

Л.В. Костиков и А.А. Гречкин работали в пяти крупных старинных кумыкских селах Верхнее и Нижнее Казанище, Нижний Дженгутай, Дургели (Доргели) и с. Кадар Буйнакского кантона Дагестанской автономной республики (ранее Темир-Хан-Шуринский округ), расположенных в предгорных районах Дагестана²⁰. Население этих сел вело оседлый образ жизни, занимаясь земледелием (в основном выращиванием кукурузы) и овцеводством, а также изготовлением для продажи и собственного употребления ворсовых и безворсовых ковров, войлоков, гончарной посуды. Кроме того, в прошлом был развит промысел по изготовлению кинжалов, пользовавшихся хорошим спросом в округе.

Л.В. Костиков очень добросовестно отнесся к сбору кумыкских экспонатов. Его коллекция из 367 предметов (Колл. РЭМ 5702) была собрана на прекрасном профессиональном уровне, несмотря на то что ее собиратель не был специалистом в области этнографии кавказских народов [6, с. 99–106]. Коллекция включает в себя предметы традиционного хозяйственного и бытового уклада кумыков. Леонид Васильевич отмечал, что вещи, собранные им для музея, – типичные, традиционные, так как «новый быт не нашел еще себе отражения в предметах местного производства, не вылился в нечто определенное, связанное со вкусами народа»²¹.

Подбор экспонатов был проведен таким образом, чтобы показать предметную сторону хозяйственного и бытового уклада кумыков с наибольшей полнотой. Земледелие, ковроткачество, войлочное и суконное производство, гончарное дело, изготовление кинжалов представлены полными комплексами необходимых в работе предметов (инструменты, станки, приспособления, красители, образцы нитей, выкройки войлочных узоров), а также изделиями – результатами работы. Остальные стороны народного быта представлены в предметах довольно скудно: три полных костюма (два женских и один мужской), домашняя утварь из дерева и детские игрушки. Новый быт кумыков, изучение которого в эти годы было обязательным для всех отправлявшихся в экспедиции сотрудников музея, был представлен в коллекции рисунками школьников и фотографиями, снятыми А.А. Гречиным (120 снимков).

Три описанных экспедиции Л.В. Костикова были исключительно важными для Этнографического отдела. Он собрал 1526 предметов, из них 927 вещевых памятников и 599 фотоснимков. Все они были снабжены подробными легендами: указано местное название предмета, его назначение, место сбора и бытования. Коллекции дают фактически полное представление о традиционном предметном мире каждого из обследованных им народов и могут быть прекрасным источником для этнографической науки.

²⁰ АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 296. Л. 1.

²¹ Там же. Л. 8.

Л.В. Костиков прекратил работу в музее 3 февраля 1931 г. Он был уволен, как и многие его коллеги, с формулировкой «как несоответствующий требованиям, предъявляемым к научному сотруднику, работа которого связана с массовой полит-просветительной работой»²².

В 1942 г. Леонид Васильевич Костиков скончался в блокадном Ленинграде. После него осталась большая коллекция русской игрушки, которую он собирал всю жизнь. Она насчитывала 1236 предметов и в два этапа (в 1945 и 1953 гг.) поступила в Российский этнографический музей.

Список литературы

1. *Аверьянов К.А.* Нёнокса – край северных солеваров // Тр. Института российской истории. Вып. 11. М., 2013. С. 468–483.

2. *Баранова О.Г.* Коллекция по традиционной культуре поморов в Российском этнографическом музее: история комплектования // Живая старина. 2020. № 1. С. 24–28.

3. *Баранова О.Г.* Поморские промысловые орудия труда в коллекции Российского этнографического музея // Живая старина 2020. № 3. С. 44–47.

4. *Бернштам Т.А.* Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX вв. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России: сборник МАЭ. Т. XXVIII. Л., 1972. С. 62–98.

5. *Городков Б.Н.* Работы Гыданской экспедиции АН СССР по пути к истокам р. Гыды // Доклады Академии наук СССР. 1928. Серия А. № 7. С. 113–117.

6. *Дандамаева З.Э.* О формировании коллекций Российского этнографического музея по культуре народов Дагестана // Современная научная мысль. 2020. № 4. С. 99–106.

7. *Добровольский И.* Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря. СПб., 1896.

8. *Карапетова И.А.* Л.В. Костиков – неизвестные страницы биографии // Исследования по культуре ненцев. СПб., 2014. С. 39–46.

9. *Костиков Л.В.* Боговы олени в религиозных верованиях хасово // Этнография. 1930. № 1–2. С. 115–132.

10. *Костиков Л.В.* Законы тундры. К вопросу о положении женщин у самоедов // Тр. полярной экспедиции Академии наук СССР. Вып. 3. Л., 1930. С. 30–68.

11. *Костиков Л.В.* Изба семи государей // Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб., 1914. С. 1–11.

12. *Луцковская Е.Ф.* Онежский тракт в архивных документах и воспоминаниях путешественников // Проблемы развития транспортной инфраструктуры северных территорий. Вып. 2. СПб., 2017. С. 179–187.

13. *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск, 1984.

14. *Михайлов А.* Очерки природы и быта Беломорского края России. Охота в лесах Архангельской губернии. СПб., 1868.

15. *Слезкинский А.Г.* Промыслы Беломорского населения. СПб., 1896.

²² ВАГРМ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 231. Л. 59.

16. *Суворов С.В.* Центры и приходы Архангельской епархии на 1918 г. URL: <http://www.arhisповedniki.ru/library/research/1762/> (дата обращения: 20.05.2021).

17. *Толмачев А.И.* Предварительный отчет о поездке в низовья Енисея и прибрежную часть Гыданской Тундры летом 1926 г. // Изв. Академии наук СССР. 1926. Серия VI. Т. 20, вып. 18. С. 1655–1680.

18. *Ухтомский Л.* Сюзьма. Этнографический очерк. СПб., 1876.

19. *Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.С.* Русский Север – культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134–152.

20. *Шангина И.И.* Материалы по этнографии поморов Летнего и Онежского берегов в собрании Российского этнографического музея // Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019. С. 306–350.

**Естественно-научные исследования
на заповедных территориях:
задачи, результаты, перспективы**

Радиоэкологические исследования донных отложений озера Лёкшмозеро (Кенозерский национальный парк)

Баженов Александр Викторович – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; abv-2009@yandex.ru

Яковлев Евгений Юрьевич – кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией экологической радиологии, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; evgeny.yakovlev@fciarctic.ru

Быков Владимир Михайлович – научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; v.m.bykov@narfu.ru

В результате исследования оз. Лёкшмозеро отобрано 20 проб донных отложений: 15 представлены пелитом в основном темно-серого цвета, 5 проб – песком темно-серого цвета различной зернистости. Максимальная активность техногенного ^{137}Cs (100 Бк/кг) обнаружена в темно-серых пелитах и не зависит от географического положения и глубины отбора, что, по-видимому, связано с условиями осадконакопления и рельефа дна. Для естественных радионуклидов (^{40}K , ^{226}Ra , ^{232}Th) их активность в донных отложениях соответствует геологии района исследований.

Ключевые слова: естественная и техногенная радиоактивность, донные отложения, озеро Лёкшмозеро.

Radioecological studies of bottom sediments of Lake Lekshmozero (Kenozero National Park)

Bazhenov Alexandr V. – PhD (Geology and Mineralogy), senior researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; abv-2009@yandex.ru

Iakovlev Evgenii Y. – PhD (Geology and Mineralogy), head of environmental radiology department, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; evgeny.yakovlev@fciarctic.ru

Bykov Vladimir M. – researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; v.m.bykov@narfu.ru

The study of Lake Lekshmozero involved sampling of the bottom sediments. Of the 20 samples, 15 are pelite, mainly of dark gray color, and 5 are dark gray varigrained sand. The maximum activity of technogenic ^{137}Cs (100 Bq/kg) was found in dark gray pelites and does not depend on the geographic location and depth of sampling, which is apparently related to conditions of sedimentation and bottom topography. For natural radionuclides (^{40}K , ^{226}Ra , ^{232}Th), the activity in bottom sediments corresponds to the geology of the study area.

Keywords: Natural and technogenic radioactivity, bottom sediments, Lake Lekshmozero.

Территория, на которой находится оз. Лёкшмозеро, имеет ярко выраженный равнинный характер. Севернее Лёкшмозера проходит одна из самых известных гряд – Масельга (Земляная гора). Окаймляющая Лёкшмозеро с юга озерно-ледниковая заболоченная равнина свидетельствует о больших размерах этого водоема в прошлом.

Лёкшмозеро входит в одну из групп озер Кенозерского парка, представленных обширной Кенозерской группой, и является одним из крупных водоемов Северо-Запада с многочисленными озерами-спутниками. Кенозерская система озер образовалась на месте крупнейшего тектонического разлома. Лёкшмозеро находится у южных границ Кенозерского национально парка. Его озера-спутники – Масельгское, Сязозеро, Вильно, Наглимозеро и другие (всего их насчитывается до 20) удалены на север и северо-запад от Лёкшмозера. Водосборы озер дренируются многочисленными реками. Оз. Кенозеро и Лёкшмозеро и р. Кена и Лёкшма среди водных объектов парка выделяются своими размерами и особым экологическим значением. Основной источник питания рек и озер – талые снеговые воды. Существенное влияние на водный режим рек оказывает значительная заозеренность их водосборов. Крупные озера – Кенозеро, Лёкшмозеро и Ундозеро – осуществляют естественное регулирование стока рек, вытекающих из них. Лёкшмозеро – второе по величине озеро парка имеет ледниковое происхождение и простую овальную форму. Его площадь – 54,4 км². Из озера вытекает р. Лёкшма и впадает в оз. Лача.

В период с 4 по 13 августа 2017 г. сотрудниками лаборатории экологической радиологии Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук (г. Архангельск) проведены экспедиционные работы по отбору проб на территории Кенозерского национально парка (оз. Лёкшмозеро) для определения удельной гамма-активности донных отложений Лёкшмозера. Для лабораторных исследований было отобрано 20 проб. Схема отбора донных отложений показана на иллюстрации 1.

Отбор проб донных отложений проводился с лодки ковшом-дночерпачем, внешний вид которого показан на иллюстрации 2. Место отбора фиксировалось спутниковым навигатором, пробы помещались в пластиковые па-

кеты и маркировались, данные о пробе фиксировались в полевом журнале. В лабораторных условиях пробы высушивались до воздушно-сухого состояния, исследовался их гранулометрический состав (см. таблицу), далее пробы высушивались в сушильном шкафу при температуре 105 °С до постоянной массы, затем после взвешивания помещались в сосуд Маринелли для измерения активности радионуклидов методом гамма-спектрометрии на сцинтилляционном гамма-спектрометре «Прогресс-гамма»¹ с программным обеспечением «Прогресс-2000», показанном на иллюстрации 3.

В результате исследования оз. Лёкшмозеро из 20 отобранных проб донных отложений 15 проб представлены пелитом в основном темно-серого цвета, 5 проб – песком темно-серого цвета различной зернистости (см. таблицу).

Удельная активность изотопов в донных отложениях оз. Лёкшмозеро

№ пробы	Глубина отбора, м	Гранулометрический состав	Активность, Бк/кг			
			¹³⁷ Cs	⁴⁰ K	²²⁶ Ra	²³² Th
ЛШ-1	3	Песок темно-серый, среднезернистый	3,8	406	8	9,6
ЛШ-2	7	Песок темно-серый, среднезернистый	19,8	425	13,2	13
ЛШ-3	9	Пелит темно-серый с черными вкраплениями	100	441	33,5	18,6
ЛШ-4	7	Пелит темно-серый с черными вкраплениями	36,7	507	21,6	30,3
ЛШ-5	3	Песок серо-коричневый с мелкой галькой	<1,7	319	10,6	4,6
ЛШ-6	2	Песок серо-коричневый	3,6	375	12,2	5,4
ЛШ-7	8	Пелит темно-серый	4,9	418,3	9,8	8
ЛШ-8	8	Пелит темно-серый	4	412	8	7
ЛШ-9	8	Пелит серый	<1,7	439	7,3	11,5
ЛШ-10	10	Пелит темно-серый	57,2	383	26	<11
ЛШ-11	7	Пелит темно-серый	17,8	442	<9,5	29,7
ЛШ-12	8	Пелит темно-серый	<2,3	622	11,3	25,4
ЛШ-13	7	Пелит темно-серый	25,8	459	18,1	28,4
ЛШ-14	6	Пелит темно-серый	31,1	582	15,6	16,4
ЛШ-15	6	Пелит темно-серый	17,1	361	18,4	22,9

¹ Методика измерения активности радионуклидов с использованием сцинтилляционного гамма-спектрометра с программным обеспечением «Прогресс». М., 2016.

Окончание таблицы

№ пробы	Глубина отбора, м	Гранулометрический состав	Активность, Бк/кг			
			¹³⁷ Cs	⁴⁰ K	²²⁶ Ra	²³² Th
ЛШ-16	2	Песок коричневый, среднезернистый	2,4	363	5,6	3,6
ЛШ-17	7	Пелит серо-коричневый	2,9	439	12,6	10,5
ЛШ-18	7	Пелит темно-серый	10,1	388	9,8	13,4
ЛШ-19	8	Пелит темно-серый	16,1	502	13,1	28
ЛШ-20	8	Пелит темно-серый	21,7	452	12,7	12,2

Максимальная активность техногенного цезия-137 обнаружена в пробах ЛШ-3 (100 Бк/кг), ЛШ-4 (36,7 Бк/кг), ЛШ-10 (57,2 Бк/кг) и ЛШ-14 (31,1 Бк/кг) в темно-серых пелитах. Она не зависит от географического положения отобранной пробы в озере и глубины (ил. 4).

В данном случае, по-видимому, это связано с условиями осадконакопления и рельефа дна. Для естественных радионуклидов (калий-40, радий-226, торий-232) их активность в донных отложениях соответствует геологии района исследований².

² Киселев Г.П., Малов А.И., Киселева И.М., Баженов А.В. и др. Радиоизотопные исследования природных и техногенных процессов трансформации окружающей среды Европейского Севера // Отчет по ФНИР ФГБУН ФИЦКИА РАН, 2017, № гос. регистрации АААА-А17-116052710106-8. Архангельск, 2017.

Первый этап экосистемного учета в Кенозерском национальном парке как пилотный проект для системы ООПТ России

Букварева Елена Николаевна – доктор биологических наук, научный руководитель проектов по экосистемным услугам Центра охраны дикой природы; bukvarева@gmail.com

Козыкин Александр Владимирович – начальник отдела изучения природных комплексов и объектов Национального парка «Кенозерский»; gryllus2007@gmail.com

Статья посвящена начатому в 2021 г. в Кенозерском национальном парке пилотному проекту по экосистемному учету, запланированному на 2021–2023 гг. В его рамках предполагается провести оценку основных индикаторов биоразнообразия, экосистем, ландшафтов и экосистемных услуг для принятия решений на двух уровнях управления: на региональном, который включает четыре субъекта Российской Федерации – Архангельскую и Вологодскую области, Республики Карелия и Коми; а также на уровне охраняемой территории, т.е. для Кенозерского национального парка.

Ключевые слова: экосистемный учет, экосистемные услуги, конфликт задач, рекреация на ООПТ.

Ecosystem accounting in Kenozero National Park: the first stage of the pilot project for the Russian protected areas system

Bukvareva Elena N. – Dr. Sci. (Biology), ecosystem services projects scientific leader, Biodiversity Conservation Center; bukvarева@gmail.com

Kozykin Aleksandr V. – head of natural sites research, Kenozero National Park; gryllus2007@gmail.com

The article discusses the pilot project on ecosystem accounting, started in Kenozero National Park in 2021. With a timeline of 2021–2023, the project is designed to evaluate key indicators of biodiversity, ecosystems, landscapes and ecosystem services for the decision-making at two levels – regional, which spans four Russian regions (Arkhangelsk, Volga, Republic of Karelia, Komi Republic), and the protected area level, i.e. the Kenozero National Park.

Keywords: ecosystem accounting, ecosystem services, conflict of tasks, recreation in protected areas.

Важнейшей частью внедряемой в России в соответствии с рекомендациями ООН системы природно-экономического учета (СПЕУ) является

© Букварева Е.Н., Козыкин А.В., 2022

экосистемный учет [16]. В отличие от Центральной основы СПЭУ [15] он нацелен не на ресурсный, а на экосистемный подход. Экосистемный учет предполагает оценку и мониторинг изменений показателей двух основных блоков: 1) размера и состояния экосистем (экосистемных активов), включая показатели биоразнообразия и ландшафтного разнообразия; 2) объема экосистемных услуг, предоставленных экосистемами и используемых населением и хозяйствующими субъектами. Под экосистемными услугами (ЭУ) понимаются все виды благ (материальных и нематериальных), которые человек получает от живой природы.

Первый шаг по анализу возможных путей внедрения экосистемного учета в России на национальном уровне сделан проектом ТЕЕВ-Russia («Экосистемные услуги России»), который выполняется с 2013 г. Центром охраны дикой природы (г. Москва) совместно с Институтом экологического территориального развития им. Лейбница (г. Дрезден). В результате первого этапа проекта (2013–2015 гг.) была сделана первая национальная пилотная оценка ЭУ России, предложены методологические подходы к оценке ЭУ на национальном уровне в естественно-научных показателях для субъектов Российской Федерации, а также подходы для сопоставления субъектов РФ и развития межрегиональных отношений в области использования и поддержания экосистемных услуг [11]. Второй этап проекта (2018–2019 гг.) был направлен на дальнейшее развитие методологии экосистемного учета в России путем интеграции индикаторов ЭУ, предложенных в первой фазе проекта, и индикаторов экосистемных активов, включая показатели площади экосистем и биоразнообразия [12]. Эта задача соответствует целям Конвенции о биологическом разнообразии, сотрудничеству в рамках Межправительственной научно-политической платформы по биоразнообразию и экосистемным услугам IPBES (The Intergovernmental Science-Policy Platform on Biodiversity and Ecosystem Services) и необходима для развития в России экспериментального экосистемного учета в рамках системы природно-экономического учета. В 2020 г. также был завершён предварительный анализ ЭУ крупнейших городов России [13]. Все результаты представлены на сайте проекта (<http://teeb.biodiversity.ru/ru/>).

Всего была оценена 21 экосистемная услуга из 4 категорий:

- 4 производственных ЭУ (производство продукции из древесины, недревесной продукции, охотничьей продукции, заготовка корма для скота на природных пастбищах и сенокосах);

- 12 регулирующих ЭУ (хранение углерода, поглощение углекислого газа, очистка воздуха, регуляция объема стока воды наземными экосистемами, стабилизация стока, обеспечение качества стока наземными экосистемами, очистка воды в водных экосистемах, предотвращение водной и ветровой эрозии, самоочищение почв от загрязнений, регулирование криогенных процессов, опыление сельскохозяйственных культур дикими насекомыми);

– 3 информационных ЭУ (хранение генетических ресурсов в природных экосистемах, хранение информации о структуре и функционировании природных экосистем, эстетическое значение природных ландшафтов);

– 2 рекреационных ЭУ (создание природных условий для рекреации выходного дня и для туризма на природе).

Из 21 оцененной экологической услуги на основе имеющихся статистических данных удалось количественно оценить лишь 5 из них – 3 производственных (продукция из древесины, недревесной продукции и охотничьей продукции) и 2 «углеродных» регулирующих ЭУ. Количественно на основе моделирования были оценены 8 ЭУ, еще 8 услуг удалось оценить лишь в баллах. В целом, сегодня лучше всего поддаются оценке производственные ЭУ, так как государственная статистика собирает данные о биоресурсах. Хуже всего поддаются оценке информационные услуги, которые мы смогли оценить только в баллах (ил. 1).

Экосистемные услуги были оценены по двум показателям: 1) объему, потенциально предоставленному экосистемами, независимо от наличия потребителей этих ЭУ; 2) объему, используемому населением и экономикой регионов России. Для ЭУ, связанных с очисткой окружающей среды от загрязнений, также был оценен необходимый объем, который для данной категории ЭУ был принят равным ежегодной эмиссии загрязнений или загрязненной площади в каждом регионе, т.е. предполагалось, что все загрязнения должны быть нейтрализованы. Сопоставление этих трех объемов ЭУ позволяет определить степени использования услуг и удовлетворения необходимости в них [11].

Предварительная оценка экологических услуг, оказываемых в России, произведенная в проекте ТЕЕВ-Russia 1, показала, что они оказывают определяющее влияние на благополучие населения и экономики регионов страны. Именно поэтому формирование экосистемного учета в России необходимо для эффективного и устойчивого природопользования, в том числе для проведения оценки воздействия на окружающую среду и долгосрочного территориального планирования в регионах, а также для формирования оптимальной политики в отношении особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

Локальные проекты по оценке ЭУ отдельных ООПТ ведутся в России с 1990-х гг [10]. В ходе их реализации были оценены разные категории услуг – производственные, регулирующие и рекреационные [2; 4; 6–9].

Результаты экосистемного учета (оценки и картирования биоразнообразия, экосистем, ландшафтов и ЭУ) на ООПТ могут использоваться для принятия решений на двух уровнях управления:

– верхнем (региональном, национальном, международном) уровне, на котором выявляются ценности ООПТ для сохранения биоразнообразия, ландшафтов и ЭУ;

– уровне ООПТ, на котором осуществляются зонирование территории, регулирование потоков туристов, организация охраны, мониторинга и т.п.

При организации экосистемного учета на ООПТ и особенно при интерпретации экономических оценок ЭУ необходимо учитывать принципиальные отличия охраняемых территорий от остальной территории РФ.

На верхнем уровне управления экономической оценка ЭУ, использованных людьми на ООПТ, будет заведомо ниже, чем на сопредельных территориях.

Продукционные ЭУ, как сказано выше, сегодня лучше всего поддаются количественной оценке, в том числе экономической. Однако промышленные заготовки леса и биоресурсов на ООПТ запрещены, поэтому стоимость используемых продукционных ЭУ на особо охраняемых природных территориях минимальна.

Рекреационные ЭУ также можно оценить довольно легко, т.к. для ООПТ известно количество отдыхающих и доход, получаемый от них. Однако количество посетителей этих территорий должно быть строго ограничено природоохранными требованиями.

Регулирующие ЭУ, предоставляемые экосистемами ООПТ, скорее всего, будут составлять небольшую долю в общем объеме региональных ЭУ, поскольку ООПТ занимают лишь небольшую часть территории (федеральные ООПТ занимают 3 % территории, региональные – 7 % территории РФ [3]). Исключением являются ООПТ, которые охватывают существенную часть водосборных бассейнов, важных для населения и экономики регионов, расположенных ниже по течению рек. Часто бывает наоборот – водосборный бассейн, влияющий на экосистемы ООПТ, находится за ее пределами – на территории, где разрешено ее активное хозяйственное использование. Именно такой случай мы имеем в Кенозерском национальном парке: бассейн р. Поча является поставщиком водорегулирующих ЭУ (и, одновременно угроз, связанных с их возможным нарушением) для парка, территория которого является поставщиком экологических услуг для бассейна р. Онеги, а ее небольшой участок – для бассейна рек Балтийского моря (ил. 2). Однако по соотношению площадей бассейнов видно, что основную роль в водной регуляции играет бассейн р. Поча, который находится за пределами национального парка.

Возможны и другие влияния на ООПТ со стороны окружающих территорий. Это значит, что необходимо оценивать не только значение экосистемных услуг ООПТ для верхнего (регионального, национального, международного) уровня, но и влияние состояния экосистем и ЭУ окружающих территорий на ООПТ. Так, последние 20 лет вокруг Кенозерского национального парка на обширных территориях продолжались коммерческие рубки леса (ил. 3). По данным проекта Global Forest Watch [13], в Каргопольском и Плесецком районах с 2001 по 2020 г. лес был вырублен или сгорел на площади около 200 тыс. га (73,5 и 124 тыс. га, соответственно, при 50-процентном пороге плотность крон), что превышает площадь парка. Очевидно, что такие масштабные рубки оказывают влияние на региональную водную и климатическую регуляцию, в том числе и на территории парка. Кроме того, обширные вырубки влияют на площадь и связность местообитаний растений и животных.

Информационные ЭУ (хранение информации о ненарушенных природных комплексах, научное, образовательное, культурное, духовное значение природы), как сказано выше, в настоящее время хуже всего поддаются количественной оценке, и тем более – монетарной оценке, если адекватная монетизация этой категории ЭУ вообще возможна. При этом изначальное предназначение российских ООПТ заключается в сохранении и изучении ненарушенных природных комплексов и культурных ландшафтов, т.е. в сохранении и использовании именно информационных ЭУ.

Таким образом, если на ООПТ применять те же подходы к экономической оценке ЭУ, что и на остальной территории, то эти территории будут заранее недооценены. Экономические сопоставления экологических услуг ООПТ с другими территориями могут привести к искаженному представлению о ценности ООПТ, а попытки искусственно подтянуть стоимость ЭУ особо охраняемых природных территорий к среднерегionalному уровню за счет интенсификации рекреации могут иметь разрушительные последствия для них. Вот почему подходы к интерпретации данных экосистемного учета на ООПТ и особенно монетарных оценок ЭУ должны быть иными, нежели на других территориях. Очевидно, стоит обсудить приоритет немонетарных индикаторов ценности ООПТ для сохранения биологического и ландшафтного разнообразия.

На уровне самой ООПТ управленческая интерпретация результатов экосистемного учета также должна отличаться от подходов, которые применяются на остальной территории. Если на обычной территории принимается решение о формах хозяйственного развития, которые предотвращают или минимизируют ущерб для биоразнообразия и обеспечивают устойчивое использование ЭУ, то на ООПТ приоритетной задачей должно быть безусловное сохранение биоразнообразия и охраняемых ландшафтов. В отношении экологических услуг необходимо максимально полно оценить возможные конфликты (trade-off) задач по их использованию с приоритетными задачами ООПТ.

В наиболее явном виде конфликт с природоохранными задачами возникает при использовании продукционных и рекреационных ЭУ. Если в первом случае конфликт снимается запретом на ООПТ промышленной заготовки древесины и других биоресурсов, то конфликт с использованием рекреационных ЭУ очень актуален. Подходы к разрешению этого конфликта зависят от основной направленности ООПТ – на сохранение культурных ландшафтов или нетронутых природных комплексов.

Для сохранения культурного ландшафта необходимо присутствие в нем людей и поддержание традиционных форм хозяйствования, чему при соблюдении определенных правил может способствовать ограниченное число туристов. В культурном ландшафте существует зона взаимоусиления (синергии) задач его сохранения и развития рекреации, когда одновременно растет число посетителей, прибыль от туризма и качество культурного

ландшафта (ил. 4а). Однако при превышении оптимального числа туристов качество культурного ландшафта начинает снижаться, хотя популярность этого места еще может оставаться высокой, число туристов и прибыль от туризма будут продолжать расти. В этой зоне наблюдается конфликт задач — развитие рекреации происходит в ущерб задаче сохранения ландшафта. При ухудшении качества ландшафта ниже критического уровня его восприятия туристами, популярность места начнет снижаться среди тех, кому был интересен данный культурный ландшафт. Ситуация из зоны конфликта задач перейдет в зону, где ухудшаются показатели обеих задач. Место превратится в обычную пригородную зону отдыха, дачное место. Тем не менее, для ООПТ, нацеленных на сохранение культурных ландшафтов существует возможность оптимизации задач сохранения ландшафтов и использования рекреационных ЭУ.

Для ООПТ, направленных на сохранение нетронутых природных ландшафтов и экосистем, ситуация иная. В этом случае зоны синергии задач не существует, при появлении туристов ООПТ сразу оказывается в зоне конфликта задач сохранения биоразнообразия и использования рекреационных ЭУ (ил. 4б). Присутствие туристов неизбежно сопровождается фактором беспокойства, что нарушает природные экосистемы, качество которых сразу начинает снижаться по мере увеличения числа посетителей и прибыли от туризма. При дальнейшем росте числа посетителей нарушения становятся настолько сильными, что туристы перестают воспринимать это место как природный ландшафт. Поток тех, кто хотел общаться с природой начинает уменьшаться, ситуация переходит в зону ухудшения показателей для обеих задач. Если такой туризм все-же допускается, то в этом случае для управления рекреацией можно говорить только о некотором критическом уровне нарушений и ухудшений экосистем. Наличие разрешенных уровней нарушений природных экосистем прямо противоречит изначальному предназначению ООПТ. Таким образом, для нетронутых природных комплексов оптимизация задач их сохранения с задачами развития рекреации невозможна. Разрешение этого конфликта возможно только на основе зонирования ООПТ, полного запрета рекреации в зонах строгой охраны и ограниченного присутствия туристов в рекреационных зонах. Однако подобное зонирование внутри национальных парков, очевидно, будет ухудшать выполнение задач по сохранению биоразнообразия. Избежать негативных последствий от развития рекреации на природных особо охраняемых территориях можно только за счет развития туризма в охранных зонах вдоль их границ.

В 2021 г. Кенозерский национальный парк начал запланированный на 2021–2023 гг. пилотный проект по экосистемному учету. С учетом опыта проекта ТЕЕВ-Russia предполагается провести оценку основных индикаторов биоразнообразия, экосистем, ландшафтов и ЭУ для принятия решений на двух уровнях управления: а) региональном, включающем четыре субъекта Российской Федерации, объединенных понятием «Русский

Север» – Архангельскую и Вологодскую области, Республики Карелия и Коми; б) уровне национального парка, т.е. для его территории. Основные задачи показаны в таблице. Задача верхнего уровня решается на основе сопоставления значений индикаторов для территории национального парка и для муниципальных районов четырех указанных субъектов РФ. Поскольку основная задача Кенозерского национального парка – сохранение культурных ландшафтов, то на региональном уровне управления необходимо учесть его ценность для сохранения как биоразнообразия, так и культурных ландшафтов региона. С этой целью планируется создать обобщенную карту ареалов основных типов культурных ландшафтов Русского Севера в пределах указанных субъектов РФ.

Основные задачи пилотного экосистемного учета в Национальном парке «Кенозерский», индикаторы и источники данных

Содержание задачи	Исходные данные	Индикаторы
1. Выявление ценности Кенозерского национального парка для сохранения биоразнообразия и культурных ландшафтов Русского Севера		
Ценность для сохранения биоразнообразия и природных экосистем	– карта растительности России [1]; – региональные красные книги – число краснокнижных видов, зарегистрированных в национальном парке	– доля площади региональных природных экосистем, сохраняющихся на территории парка, с учетом индекса редкости экосистем; – показатели ландшафтного разнообразия; – число краснокнижных видов, сохраняющихся на территории парка
Ценность для сохранения культурных ландшафтов	– список памятников деревянного зодчества в сельской местности на основе реестра Министерства культуры ¹ ; – карта культурных ландшафтов Русского Севера	– доля памятников, сохраняющихся на территории парка; – доля особо ценных региональных культурных ландшафтов, сохраняющихся на территории парка
2. Оценка и картирование экосистем (экосистемных активов) Кенозерского национального парка		
Создание карты экосистем и биоразнообразия парка	– имеющиеся карты парка; – планы лесоустройства парка;	– экспертная карта местобитаний краснокнижных видов;

¹ Реестр объектов культурного наследия. URL: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 20.07.2021).

Продолжение таблицы

Содержание задачи	Исходные данные	Индикаторы
	– данные о регистрации краснокнижных видов и экспертные оценки их основных местообитаний	– коренные леса; – уникальные экосистемы; – карта ценности территории парка для сохранения разнообразия экосистем (в баллах)
3. Оценка и картирование экосистемных услуг Кенозерского национального парка		
<p>Продукционные ЭУ*: – древесина; – грибы и ягоды; – сенокосы и пастбища; – рыба</p>	<p>– запас древесины (по материалам лесоустройства) и объемы заготовки (по данным парка); – урожайность грибов и ягод (по материалам лесоустройства и лесотаксационным справочникам) и объемы их сбора (по экспертной оценке или опросам населения); – продуктивность сенокосов и пастбищ (по лесотаксационным справочникам) и используемый объем травы и сена (по экспертной оценке на основе данных парка о поголовье скота или по опросам населения); – численность популяций рыб и их улов (по данным парка)</p>	<p>– общий предоставленный объем продукционных ЭУ и карты предоставленного объема ЭУ на территории парка; – общий используемый объем ЭУ и карты используемых ЭУ; – степень использования ЭУ на территории парка</p>
<p>Регулирующие ЭУ*: – климаторегулирующие ЭУ (хранение и поглощение углерода); – регуляция стока – предотвращение эрозии почв; – очистка воздуха</p>	<p>– имеющиеся карты парка; – материалы лесоустройства парка; – глобальные и национальные базы данных о содержании и поглощении углерода; – моделирование водорегулирующих ЭУ; – моделирование ЭУ по предотвращению эрозии почв; – моделирование ЭУ по очистке воздуха</p>	<p>– общий предоставленный объем продукционных ЭУ и карты предоставленного объема ЭУ на территории парка; – общий используемый объем ЭУ на территории парка и за его пределами; – степень использования ЭУ на территории парка и за его пределами</p>
<p>Информационные ЭУ: – информация о природных экосистемах и биоразнообразии;</p>	<p>– имеющиеся карты парка; – результаты оценки экосистемных активов парка;</p>	<p>Карты бальных оценок, указанных ЭУ для территории национального парка</p>

Содержание задачи	Исходные данные	Индикаторы
– эстетическое значение ландшафтов	– моделирование эстетического качества ландшафтов или его экспертная оценка	
Рекреационные ЭУ	– имеющиеся карты парка; – коэффициенты рекреационной емкости разных типов экосистем; – данные о числе туристов в летнее и зимнее время	– общий предоставленный объем рекреационных ЭУ (рекреационная емкость) и карты предоставленного объема ЭУ на территории парка; – общий используемый объем ЭУ (число туристов) и карты их распределения на территории парка; – степень использования ЭУ на территории парка

Примечание. *Охотничья продукция не оценивается, т.к. охота в национальном парке будет запрещена.

В 2021 г. начата работа по оценке продукционных экологических услуг парка. Примеры оценки предоставленного (потенциального) объема ЭУ по производству недревесной продукции леса показаны на иллюстрациях 5 и 6. Карты составлены по данным «Лесотаксационного справочника» [5] об урожайности грибов и ягод в разных типах леса и карте типов леса парка по материалам лесоустройства.

Список литературы

1. *Барталев С.А., Егоров В.А., Ершов Д.В., Исаев А.С., Лупян Е.А., Плотников Д.Е., Уваров И.А.* Спутниковое картографирование растительного покрова России по данным спектрорадиометра MODIS // *Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса*, 2011. Т. 8, № 4. С. 285–302.
2. *Бобылев С.Н., Перелет Р.А., Соловьева С.В.* Оценка и внедрение системы платежей за экосистемные услуги на особо охраняемых природных территориях: методические рекомендации. Волгоград, 2012.
3. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году». М., 2019.
4. *Завадская А.В., Николаева Е.А., Сажина В.А., Шпиленок Т.И., Шувалова О.А.* Экономическая оценка природных ресурсов и экосистемных услуг Кроноцкого заповедника и Южно-Камчатского заказника. Петропавловск-Камчатский, 2017.
5. Лесотаксационный справочник по северо-востоку Европейской части Российской Федерации: нормативные материалы для Ненецкого автономного округа, Архангельской, Вологодской областей и Республики Коми / сост. Г.С. Войнов, Н.П. Чупров, С.В. Ярославцев. Архангельск, 2012.

-
6. *Снакин В.В., Еськов Е.В., Митенко Г.В., Оспенников Ю.В.* Экосистемные услуги охраняемых природных территорий // Жизнь Земли. 2015. Т. 37. С. 98–102.
 7. *Тихонова Т.В.* Экосистемные услуги: пути практического использования // Проблемы развития территории. 2019. № 1 (99). С. 25–39.
 8. *Тихонова Т.В.* Экосистемные услуги: роль в региональной экономике и подходы к оценке // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 3 (27). С. 134–143.
 9. *Тишков А.А.* Биосферные функции и экосистемные услуги национального парка «Валдайский» // Тр. Национального парка «Валдайский». 2010. Вып. 1. С. 70–77.
 10. *Фоменко Г.А., Фоменко М.А., Михайлова А.В., Михайлова Т.Р.* Экономическая оценка особо охраняемых природных территорий Камчатки: практические результаты и их значение для сохранения биоразнообразия (на примере природного парка «Быстринский»). Ярославль, 2010.
 11. Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 1: Услуги наземных экосистем / под ред. Е.Н. Букваревой, Д.Г. Замолотчикова. М., 2016.
 12. Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 2: Биоразнообразие и экосистемные услуги: принципы учета в России / под ред. Е.Н. Букваревой, Т.В. Свиридовой. М., 2020.
 13. Экосистемные услуги России: Прототип национального доклада. Т. 3: Зеленая инфраструктура и экосистемные услуги крупнейших городов России / под ред. О.А. Климановой. М., 2021.
 14. *Hansen M.C., Potapov P.V., Moore R., Hancher M., Turubanova S.A., Tyukavina A., Thau D., Stehman S.V., Goetz S.J., Loveland T.R., Kommareddy A., Egorov A., Chini L., Justice C.O., Townshend J.R.G.* High-Resolution Global Maps of 21st Century Forest Cover Change // Science. 2013. Vol. 342, issue 6160. P. 850–853.
 15. System of Environmental Economic Accounting. URL: <https://seea.un.org/content/seea-central-framework> (дата обращения: 20.07.2021).
 16. System of Environmental Economic Accounting – Ecosystem Accounting. UN Committee of Experts on Environmental Economic Accounting (UNCEEA) Final Draft Version 5 February 2021. URL: https://unstats.un.org/unsd/statcom/52nd-session/documents/BG-3f-SEEA-EA_Final_draft-E.pdf (дата обращения: 20.07.2021).
-

Изучение и охрана редких растений на северной границе ареала¹

Варлыгина Татьяна Ивановна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; tat-varlygina@yandex.ru

Октябрева Наталья Борисовна – кандидат биологических наук, научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье приводятся результаты инвентаризации редких видов растений на территории Национального парка «Онежское Поморье» в районе оз. Большое Выгозеро и Малое Выгозеро (Приморский р-н Архангельской обл.) в 2017 г. Отмечены новые места обитания редких видов, занесенных в Красные книги Российской Федерации и Архангельской области: лишайника, папоротника, двух видов мхов, а также трех видов растений, включенных в Аннотированный перечень видов для бионадзора. Проведена оценка состояния популяций некоторых видов из семейства Orchidaceae для дальнейшего мониторинга их популяций на северном пределе распространения.

Ключевые слова: редкие виды, сосудистые растения, мхи, лишайники, инвентаризация, охрана, национальный парк, Красная книга.

Study and protection of rare plants on the northern border of the range

Varlygina Tatiana I. – PhD (Biology), senior research officer, Lomonosov Moscow State University; tat-varlygina@yandex.ru

Oktiabreva Natalia B. – PhD (Biology), research officer, Lomonosov Moscow State University

The article presents the inventory of rare plant species conducted in 2017 on the territory of the Onega Pomorie National Park, specifically, the lakes of Bolshoe Vygozero and Maloe Vygozero (Primorsky District, Arkhangelsk Region). It has revealed new habitats of rare species that are listed in the Red Book of the Russian Federation and the Red Book of Arkhangelsk Region – lichen, fern, two species of mosses, as well as three flora species on the Annotated Species List for Biological Surveillance. Further, the inventory involved the assessment of the *Or-*

© Варлыгина Т.И., Октябрева Н.Б., 2022

¹ Материалы подготовлены при поддержке администрации Национального парка «Онежское Поморье». Авторы выражают глубокую благодарность за организацию работ сотрудникам национального парка Н.Н. Черенковой, А.В. Самойлову, В.А. Лебедеву и П.А. Футорану.

chidaceae for further monitoring of their populations along the northern parts of their habitat.

Keywords: rare species, vascular plants, mosses, lichens, inventory, protection, national park, Red Book.

В период организации особо охраняемых природных территорий (ООПТ) сначала проводится инвентаризация организмов, обитающих на его территории, выявляются места произрастания редких видов растений, занесенных в государственную и региональную Красные книги. В дальнейшем проводится мониторинг состояния популяций обнаруженных редких видов. Затем разрабатывают рекомендации по сохранению и поддержанию этих видов на ООПТ.

Работа по инвентаризации флоры в Национальном парке «Онежское Поморье» была проведена научными сотрудниками Ботанического сада МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с сотрудниками национального парка в северной части Онежского полуострова в районе оз. Большое Выгозеро и Малое Выгозеро, к юго-западу от д. Летняя Золотица (Приморский р-н Архангельской обл.).

Национальный парк расположен в северной части умеренного климатического пояса, для которого характерно короткое прохладное лето и длинная зима с устойчивым снежным покровом. В районе исследования преобладают заболоченные олиготрофные кустарничково-сфагновые и зеленомошные ельники и сосняки. На водоразделах с лесами чередуются грядово-мочажинные олиготрофные сфагновые болота. На крутых склонах речных долин и озерных котловин в ельниках обычна осина [2].

Маршрутным методом с 30 июня по 13 июля 2017 г. были обследованы таежные лесные и водно-болотные природные комплексы в окрестностях Большого и Малого Выгозер, а также участки, расположенные в верхнем течении р. Выговка и по берегам р. Холка. Маршруты строились таким образом, чтобы полнее охватить разнообразие растительных ассоциаций. Цель работы – составление флористического списка видов этой территории и выявление растений, нуждающихся в охране.

В результате обследования для этой территории составлен флористический список, включающий 153 вида сосудистых растений. При этом выявлено 13 видов растений, ранее не отмеченных на территории национального парка (отсутствующих в списке, приведенном в 2017 г. на сайте национального парка). Три вида из них можно отнести к сорным или заносным растениям: *Barbarea vulgaris*, *Rumex obtusifolius*, *Anthriscus sylvestris*. Остальные встречаются в естественных сообществах и редки на этой территории. Среди них *Potamogeton alpinus* Walb. найден в бухте по правому берегу Малого Выгозера ниже кордона; *Poa angustifolia* L. отмечен на луговине в начале пешей тропы ведущей к д. Летняя Золотица на Малом Выгозере; *Carex caespitosa* L. встречается только на сырой (бывшей сенокосной) поляне, на участке с выходом грун-

товых вод по правому берегу Большого Выгозера. *Carex digitata* L. растет в хвойном лесу по правому берегу Большого и Малого Выгозер, но встречается редко. *Ranunculus auricomus* L. отмечен на луговине возле кордона на правом берегу Малого Выгозера. *Rosa majalis* Herrm. растет в лесу по правому берегу Малого Выгозера. *Myosotis sylvatica* Ehrh ex Hoffm. встречается на луговине возле кордона на правом берегу Малого Выгозера, а также в лесу по берегу. *Equisetum arvense* L. найден по левому берегу перемычки между Большим и Малым Выгозерами, в заливе на склоне вблизи воды.

В число впервые найденных растений входят также два вида, включенные в Аннотированный перечень видов, рекомендуемых для бионадзора [3; 4]:

1. *Thelypteris palustris* Schott – телиптерис болотный, впервые отмеченный на Онежском полуострове. Он обнаружен на левом берегу перемычки между двумя озерами, по сырому краю заводи в зарослях ивняка и других кустарников. Северной границей распространения этого вида ранее была географическая широта Архангельска.

2. *Juncus triglumis* L. – ситник трехчешуйный, арктоальпийский вид, ранее не встречавшийся на Онежском полуострове. Обнаружено небольшое число его особей на верховом болоте по правому берегу оз. Малое Выгозеро на расстоянии 700–1000 м к западу от кордона. Известное местонахождение этого вида в Архангельской области находится на р. Мезенская Пижма.

В Аннотированный перечень видов также включено еще одно растение – кувшинка белоснежная (*Nymphaea candida* J. Presl et Presl), которая найдена в нескольких бухтах и заливах Большого и Малого Выгозер, а также в перемычке между ними. Вид находится здесь вблизи северной границы распространения.

На обследованной территории Национального парка «Онежское Поморье» были выявлены новые местонахождения редких видов растений и лишайника, занесенных в Красную книгу Архангельской области [3; 4]. Координаты найденных объектов включены в отчет, переданный в администрацию национального парка.

Гроздовник северный (*Botrychium boreale* Milde) в 2008 г. был признан редким папоротником с сокращающейся численностью 2-й категории [3], а в 2020 г. – редким видом 3-й категории [4]. Вид встречен на сухой разнотравно-злаковой луговине правого берега Малого Выгозера возле истока р. Выговка (начало тропы в д. Летняя Золотица). Это вторая находка в Национальном парке «Онежское Поморье» и третья на Онежском полуострове. Ранее вид отмечали около пос. Нёнокса (Северодвинский округ). Он вошел в Красные книги всех соседних регионов. Встречается единичными особями.

Спахнум красный (*Splachnum rubrum* Hedw.) – редкий листостебельный мох, число местонахождений которого на территории области невелико (2-я категория) [3; 4]. На Онежском полуострове он обнаружен нами впервые в 2017 г. Вид найден в лесу на звериной тропе по левому берегу р. Холка близ

устья, на лосином помете. В то время это было одно из наиболее северных местонахождений вида в Архангельской области. Образец сдан в гербарий МГУ (MW).

В Архангельской области [4] зафиксирована находка этого мха в районе ручья Семиозерного, сделанная в 2018 г., а ссылка на наши данные [1] отсутствует.

Фонтиналис гипновидный (*Fontinalis hypnoides* Hartm.) – редкий листоватый водный мох 3-й категории [4].

На Онежском полуострове и для Национального парка «Онежское Поморье» это вторая находка вида (ранее он был найден А.Е. Волковым). Мох обнаружен на коряге, лежащей в воде Большого Выгозера возле берега Большого острова. Образец сдан в гербарий МГУ (MW).

Следует заметить, что этот вид встречается только в очень чистой воде. В Архангельской области он был ранее известен по единственному сбору из Плещецкого района (северный берег оз. Обозеро), а также по литературному указанию Р.Р. Поле в 1915 г. о находке этого вида в р. Лонтюга у д. Буткан. Таким образом, новые местонахождения вида являются самыми северными на территории области.

Лобария легочная (*Lobaria pulmonaria* (L.) Hoffm.) – редкий листоватый эпифитный лишайник, занесенный в Красные книги: Российской Федерации – с категорией 2б [5] и Архангельской области – с категорией 3 [4]. Места произрастания вида характерны для старовозрастных и малонарушенных лесов. Вид отмечен нами на старых осинах в нескольких точках Горелого острова на Большом Выгозере и вблизи кордона на Малом Выгозере. На некоторых деревьях он произрастал весьма обильно. В данном районе вид раньше фиксировался В.Н. Коротковым [2].

В Аннотированный перечень видов, рекомендуемых для бионадзора [4] включены три вида сосудистых растений, найденных во время обследования.

К сожалению, при подготовке нового издания Красной книги Архангельской области [4] не все эти материалы были учтены. Например, не использованы данные о нашей находке *Splachnum rubrum* [1], а в видовом очерке про лишайник *Lobaria pulmonaria* вообще не указано, что вид охраняется в Национальном парке «Онежское Поморье».

Помимо этого, отмечено около 20 видов, редких для района Большого и Малого Выгозер, встреченных здесь только в одной или двух точках. Среди них несколько видов орхидных, а также *Lathyrus vernus* (L.) Bernh., *Vicia sylvatica* L., *Carex caespitosa* L. и *C. digitata* L., *Athyrium filix femina* (L.) Roth, *Potamogeton alpinus* Balb., *Veratrum lobelianum* Bernh., *Ribes nigrum* L.

Таким образом, по результатам флористических исследований в 2017 г. список флоры Национального парка «Онежское Поморье» пополнен 13 видами. Найдены новые местонахождения одного вида папоротника, двух мхов и одного лишайника, занесенных в Красные книги Российской Федерации и Архангельской области, а также трех видов, нуждающихся в бионадзоре.

Некоторые из этих редких растений были впервые найдены на Онежском полуострове.

Кроме того, нами была проведена оценка состояния популяций некоторых видов орхидных на обследованной территории. Относительно многочисленными и полночленными были популяции тайника сердцевидного (*Listera cordata* (L.) R.Br. [= *Neottia cordata* (L.) Rich.]), которые периодически встречались по сырым ельникам на берегах озер и острове Горелом. Остальные виды орхидных были отмечены лишь однократно. Также полночленными были популяции пальчатокоренника пятнистого (*Dactylorhiza maculata* (L.) Soó) на сфагновом болоте к западу от кордона и любки двулистной (*Platanthera bifolia* (L.) Rich.). Была отмечена только одна популяция любки – на острове Горелом. На разнотравно-злаковом лугу она занимала площадь около 15 м². Найдены: одно ювенильное растение, четыре – имматурных, шесть – взрослых вегетативных, десять генеративных особей. Таким образом, популяцию можно характеризовать как полночленную, нормального типа с преобладанием генеративных особей.

Относительно небольшой, но полночленной была популяция гудайеры ползучей (*Goodyera repens* (L.) R. Br.) на Большом острове Большого Выгозера. Здесь на площади около 2 м² отмечено 128 розеток этого вида, причем генеративные составляли 20 %.

Только три генеративных экземпляра *Coeloglossum viride* (L.) Hartm. [= *Dactylorhiza viridis* (L.) R. M. Bateman, Pridgeon & M. W. Chase] были найдены на разнотравной поляне по берегу Малого Выгозера вблизи перемычки с Большим Выгозером. И всего одна генеративная особь тайника яйцевидного (*Listera ovata* (L.) R. Br. [= *Neottia ovata* (L.) Bluff & Fingerh.]) обнаружена на сырой (бывшей сенокосной) поляне по правому берегу Большого Выгозера. Поиски других экземпляров этого вида, как на поляне, так и на окрестных лесных участках не дали результата.

Безусловно, за столь короткий срок невозможно провести полную инвентаризацию флоры и выявить редкие виды даже на этой сравнительно небольшой территории. Работу следует продолжать.

Поведение различных видов растений, грибов и лишайников на северном пределе их распространения изучено недостаточно. Это объясняется не только их редкостью, но и краткостью наблюдений, которые часто бывают однократными, лишь при проведении инвентаризации определенной территории. Такое обследование не позволяет оценить современное состояние и перспективы выживания видов в данном месте.

Наиболее ценными являются многолетние наблюдения за популяциями редких растений на постоянных площадках, организовать проведение которых возможно именно на особо охраняемых природных территориях. Необходимо создание электронной базы данных, где фиксировались бы все находки редких видов, приводились бы результаты их картирования, а также сведения о состоянии их популяций на территории ООПТ. Эти данные по-

могут установить изменения характера и границы ареала вида, что особенно важно для растений, находящихся вблизи северного предела распространения.

Список литературы

1. *Варлыгина Т.И., Октябрева Н.Б.* Ботанические исследования на двух ООПТ Архангельской области // Вклад особо охраняемых природных территорий Архангельской области в сохранение природного и культурного наследия. Архангельск, 2017. С. 80–83.
2. *Коротков В.Н.* Видовое и ценотическое разнообразие малонарушенных лесов национального парка «Онежское Поморье» // Принципы и способы сохранения биоразнообразия. Йошкар-Ола, 2015. С. 169–171.
3. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2008.
4. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2020.
5. Красная книга Российской Федерации. М., 2008.

Биология и внутривидовая дифференциация ряпушки (*Coregonus albula* L.) Кенозерского национального парка

Дворянкин Геннадий Александрович – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук; dga130157@gmail.com; научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; fish@kenozero.ru

Европейская ряпушка *Coregonus albula* (Linnaeus, 1758) является одним из важнейших видов рыб Кенозерского национального парка с рыбохозяйственной точки зрения и научного интереса. На территории парка расположено около 300 озер и озерных систем, ряпушка обитает в шести из них. В данной статье представлены результаты исследований четырех основных популяций этого вида. Представлены сведения о биологии, экологии и систематике кенозерской ряпушки. Дана оценка состояния запасов и роли, которую она играет в жизни местного населения. Показано, что ряпушка является главным промысловым объектом в водоемах парка. Ее удельный вес достигает 30 % от общего улова рыбы в Кенозерье. Особенностью Кенозерского национального парка является географическая изолированность рыбных сообществ – по его территории проходит водораздел между бассейнами Балтийского и Белого морей. Установлено, что вследствие этого ряпушка парка образует четыре географически и репродуктивно изолированные популяции. Две из них – в озерах беломорского бассейна (Кенозеро и Лёкшмозеро) – представляют собой мелкие озерные формы, схожие по темпам весового и линейного роста. Популяции балтийского бассейна обитают в Наглимозере и озерной системе Масельгское – Вендозеро. Это крупные формы ряпушки с высокими показателями длины и массы тела в 3–4 раза больше, чем у одновозрастных мелких форм. Исследования показали, что крупная кенозерская ряпушка генетически близка к ряпушке Соловецких островов.

Ключевые слова: Кенозерский национальный парк, озера, ряпушка, биология, экология, систематика.

The biology and intraspecific differentiation of vendace (*Coregonus albula* L.) population inhabiting Kenozero National Park

Dvoriankin Gennadii A. – PhD (Biology), leading researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy

From the perspectives of fishing and research, Vendace (*Coregonus albula*, Linnaeus, 1758) is one of the most important fish species in Kenozero National Park. This species inhabits six of the Park's approximately 300 lakes and lacustrine systems. This paper presents the study of four main populations of vendace. Kenozero vendace is described in terms of biology, ecology, taxonomy, stock size, and the role it plays in the life of the local population. Its catch representing 30 % in the Kenozero area's total catch of fish, vendace is the most harvested species. In Kenozero National Park, the fish communities are geographically isolated, since here runs the esker ridge separating the basin of the Baltic from that of the White Sea. This explains the existence in the Park of four geographically and reproductively isolated populations. Two of them – inhabiting the lakes belonging to the White Sea basin (Lake Kenozero and Lake Lekshmozero) – are small lake forms with identical weight and linear growth rates. The populations of the Baltic basin – Lake Naglimozero and the lacustrine system Maselga-Vendozero – are larger forms of vendace, their length and body weight three to four times larger than those of their White Sea basin counterparts. The research has shown that the larger vendace of Kenozero is genetically close to the that inhabiting the waters of the Solovetsky Islands.

Keywords: Kenozero National Park, lakes, vendace, biology, ecology, taxonomy.

В Кенозерском парке насчитывается около 300 озер общей площадью более 200 км², что составляет 14,4 % всей его территории. Ежегодно на его внутренних водоемах вылавливаются десятки тонн сига, ряпушки, щуки, леща, налима, язя и других видов рыб. Главным промысловым объектом в парке является европейская ряпушка (*Coregonus albula* Linnaeus, 1758). Ее доля в общем объеме вылова на озерах парка достигает 30 %.

В пределах Архангельской области ряпушка распространена в северной, северо-восточной и юго-западной частях региона, населяя озера бассейнов р. Онеги, Северной Двины и Мезени. Ряпушка Кенозерского национального парка территориально отделена от основных мест обитания этого вида в Архангельской области. Фактически ее ареал в пределах парка является западной границей распространения ряпушки Карелии. Особенностью Кенозерского национального парка является географическая изолированность рыбных сообществ – по территории парка проходит водораздел между бассейнами Балтийского и Белого морей. Вследствие этого ряпушка Кенозерского национального парка образует четыре географически и репродуктивно изолированные популяции. Две из них – в озерах беломорского бассейна – Кенозере и Лёкшмозере. Популяции балтийского бассейна обитают в Наглимозере и озерной системе Масельгское – Вендозеро.

В водах Лёкшмозера обитает самая большая в Архангельской области озерная популяция ряпушки. Это второй по величине водоем парка. Пло-

щадь его водного зеркала равна 54,4 км², средняя глубина составляет 7–8 м, максимальная глубина – 28 м. Здесь вылавливают более 70 % всей ряпушки Архангельской области. Местная популяция представлена мелкой озерной формой. В отдельные годы возрастная структура популяции лекшмозерской ряпушки существенно меняется. Так, в 2004 г. более 50 % всего улова пришлось на рыбу в возрасте 1+ длиной менее 11 см, а в 2009 г. 87 % добытой ряпушки имели возраст 3+ и длину 14–16 см (табл. 1). Причина таких колебаний, определяется, по нашему мнению, естественными циклическими особенностями жизни данной популяции.

Таблица 1. Размерная характеристика ряпушки Лёкшмозера

Год	Количество рыб по размерным (см) классам, экз.										Средняя длина (AD), см	Изучено рыб, экз.
	10–11	11–12	12–13	13–14	14–15	15–16	16–17	17–18	18–19	20–21		
1981	112	888	300	625	188	71	6	3	–	–	12,6	2190
1982	297	893	286	162	13	1	–	–	–	–	11,7	1650
1986	–	12	335	228	10	1	–	–	–	–	12,9	586
1995	55	295	300	92	15	–	–	–	–	–	11,9	757
2004	431	189	143	44	7	2	1	1	–	–	11,1	826
2005	4	238	289	142	82	19	5	2	1	1	12,2	783
2006	2	25	328	228	40	4	3	7	4	3	13,1	644
2007	–	38	465	519	65	3	3	–	–	–	13,2	1093
2008	–	22	584	449	13	–	–	–	–	–	12,9	1068
2009	–	–	–	105	522	236	7	–	–	–	14,7	870
2017	–	–	15	101	53	6	3	1	–	–	14,0	179
2018	14	41	204	132	31	17	5	1	1	–	13,0	446
2019	2	–	1	72	220	53	3	3	1	–	14,5	355
2020	3	125	58	8	1	1	–	–	–	–	11,9	196

Максимальная продолжительность жизни лекшмозерской ряпушки – 5 лет. В 2020 г. нерестовое стадо ряпушки было представлено в основном рыбами в возрасте 2+, доля которых превысила 77 % всей выборки (ил. 1). Средние размеры добываемой ряпушки в 2020 г. составили 11,9 см. Ряпушка Лёкшмозера созревает на втором году жизни. Абсолютная плодовитость ее относительно невелика и колеблется в среднем от 2,5 тыс. икринок у двухлеток до 6,5 тыс. икринок у рыб в возрасте 5 лет.

До последнего времени мнения о численности популяции лекшмозерской ряпушки сильно различались. Были предложения по значительному ограничению ее промысла. Так, в 1990-х гг. официально вылавливалось

7 т этой рыбы. Однако в ходе наших исследований было установлено, что ее запасы позволяют значительно увеличить объемы добычи. Получению достоверных данных о численности ряпушки в водоеме невольно помогла экологическая катастрофа, случившаяся в 1996 г. В результате совпадения ряда неблагоприятных факторов на Лёкшозере произошел замор рыбы. По экспертным оценкам, погибло примерно 70 т ряпушки (не менее 90 % популяции). На следующий год ее улов составил несколько десятков килограмм, но уже через два года промысел был восстановлен в полном объеме. Простой расчет показал, что общий запас ряпушки в водоеме составляет 75–80 т.

Вторая по численности популяция ряпушки Кенозерского национального парка обитает в крупнейшем водоеме парка – Кенозере. Площадь его водного зеркала составляет 68,6 км², наибольшая длина – 23 км, ширина – 10 км. Это самый глубокий водоем Архангельской области – наибольшая глубина достигает 90 м. Кенозерская ряпушка представлена еще более мелкой формой, чем лекшозерская. В уловах подавляющая часть ряпушки (96 % всей добычи) представлена возрастной группой 1+. Средняя длина рыбы из уловов составила 10,5 см, масса – около 14 г (табл. 2).

Таблица 2. Размерно-возрастная характеристика ряпушки Кенозера

Возраст, годы	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
1+	10,4	13,4	77	96,3
2+	12,1	21,3	3	3,8
В среднем / Итого	10,5	13,7	80	100,0

Анализ размерных характеристик кенозерской ряпушки за ряд лет не выявил каких-либо принципиальных отличий, что говорит о стабильности ее популяции (табл. 3).

Таблица 3. Размерная характеристика ряпушки Кенозера из контрольных уловов

Год	Количество рыб по размерным (см) классам, экз.									Всего рыб, экз.
	7–8	8–9	9–10	10–11	11–12	12–13	13–14	14–15	15–16	
2008	28	137	25	109	40	12	2	1	1	355
2017	–	–	20	25	5	–	–	–	–	50
2018	–	–	4	235	177	3	–	–	–	419
2019	–	1	58	157	28	1	–	–	–	245

Максимальный возраст кенозерской ряпушки составляет 3 года. Созревает она на втором году жизни. Средняя абсолютная плодовитость одной самки в зависимости от возраста колеблется от 2,5 до 4,5 тыс. икринок.

Наглимозеро, относящееся к балтийскому бассейну, находится в 4 км к северо-западу от Лёкшмозера. Площадь его водной поверхности – 5,7 км². Максимальная глубина равна 22 м. Местная популяция ряпушки представлена в уловах особями в возрасте от 2+ до 5+ лет. Темпы ее роста значительно превосходят лекшмозерскую ряпушку. Промысловая длина ряпушки из уловов колеблется от 20 см у трехлеток до 26 см у рыб в возрасте 5+, масса – от 100 до 300 г, соответственно (табл. 4).

Таблица 4. Размерно-возрастная характеристика ряпушки Наглимозера

Возраст	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
2+	20,3	107	5	11,4
3+	21,9	141	10	22,7
4+	23,2	171	27	61,4
5+	26,3	286	2	4,5
В среднем / <i>Итого</i>	22,7	162	44	100

Ряпушка Наглимозера созревает на третьем году жизни. Ее абсолютная плодовитость намного выше, чем у мелкой ряпушки Кенозера и Лёкшмозера и колеблется в среднем от 11 до 22 тыс. икринок у рыбы разного возраста.

Озера Масельгское и Вендозеро расположены в 3–8 км к северу от Лёкшмозера и образуют одну водную систему. Эти небольшие водоемы с площадью водной поверхности 3,4 и 1,0 км² также относятся к Балтийскому бассейну. Местная ряпушка здесь немногочисленна и характеризуется очень высоким темпом роста (табл. 5).

Таблица 5. Размерно-возрастная характеристика ряпушки озер Масельгского и Вендозера

Возраст	Средняя длина (AD), см	Средняя масса, г	Количество исследованных рыб	
			экз.	%
4+	20,8	114	1	5
5+	23,3	180	13	65
6+	27,4	329	5	25
7+	30,7	491	1	5
В среднем / <i>Итого</i>	24,6	230	20	100

При этом размеры самых больших особей близки к максимальным для представителей этого вида. Пойманная нами самка в возрасте 7+ имела длину (AD) 31 см и массу 491 г (ил. 2).

Созревает местная ряпушка также на третьем году жизни. Ее плодовитость очень высока для представителей этого вида и колеблется от 19 до 55 тыс. икринок соответственно возрасту.

Во всех работах, посвященных ряпушке Кенозерского национального парка, подразумевается, что эта рыба относится к виду *Coregonus albula* (L.), т.е. является европейской ряпушкой. Однако никаких исследований по уточнению ее таксономического статуса до середины 2000-х гг. не проводилось. В 2006–2008 гг. нами был сделан морфометрический анализ основных популяций ряпушки парка по общепринятой методике [9]. Результаты исследований по Решетникову [10] показали ее полное соответствие европейской ряпушке – антедорсальное расстояние (A-D) превышает 42 % от длины AD, а вентроанальное расстояние (V-A) в процентах от A-D составляет 53–54 %. Среднее число позвонков, равное 56–58, также типично для *Coregonus albula*. Анализ нативных белков ряпушки Кенозерского национального парка показал признаки гибридизации, сближающие ее с сибирской ряпушкой, но по уровню генетического разнообразия местная ряпушка практически не отличается от типичной европейской. Различия между ряпушками в границах парка имеют, очевидно, популяционный уровень. Интересно, что сравнение ряпушки парка с популяциями других регионов выявило наибольшее сходство ряпушки Наглимозера с крупной ряпушкой Соловецких островов [3] (ил. 3).

С начала XX в. ученые пытаются определить происхождение и таксономический статус соловецкой ряпушки. Документальные материалы, подтверждающие роль монахов в акклиматизации ряпушки в озерах архипелага, пока не найдены. Однако большинство исследователей придерживается именно этой гипотезы. В частности, об антропогенном происхождении ряпушки на островах говорит А.А. Захваткин [5]. Ф.Б. Мухомедияров [7] и И.Н. Болотов [2] также считают, что этот вид был завезен на Соловки монахами. Имеется прямое указание известного русского зоолога и специалиста по рыбному хозяйству О. Гримма [4] на вселение ряпушки на Соловки [1]. В то же время, выдающийся советский ихтиолог И.Ф. Правдин [8] допускал возможность ее проникновения на архипелаг естественным путем в послеледниковый период. Имеется и третья точка зрения. По мнению ученых МГУ [6], сибирская ряпушка могла попасть в соловецкие озера естественным путем, а монахи завезли на острова европейскую ряпушку из Ладожского или Онежского озера. Возможно, открытие генетического сходства ряпушки Кенозерского национального парка и Соловецкого архипелага поможет дать ответ на этот многолетний дискуссионный вопрос.

Список литературы

1. Алексеева Я.И., Андреева А.П., Груздева М.А., Дворянкин Г.А., Кузицин К.В., Махров А.А., Новосёлов А.П., Попов И.Ю. Пресноводная ихтиофауна Соловецких островов (Белое море, Европейский Север России): история формирования и современное состояние // Российский журнал биологических инвазий. 2014. № 2. С. 2–13.
2. Болотов И.Н. Пути формирования фауны Соловецкого архипелага (Белое море, Северо-Запад России) // Зоологический журнал. 2014. Т. 93, № 1. С. 129–144.

-
-
3. Гордеева Н.В., Холод О.Н., Дворянкин Г.А., Сендек Д.С., Стерлигова О.П. О происхождении соловецкой ряпушки *Coregonus albula* и корюшки *Osmerus eperlanus* Сямозера // Вопросы ихтиологии. 2009. Т. 49, № 1. С. 28–36.
 4. Гримм О.А. О китобойном промысле на Мурмане. СПб., 1886.
 5. Захваткин А.А. Соловецкие озера (краткий гидробиологический очерк) // Материалы Соловецкого общества краеведения. Вып. 9. Соловки, 1927. С. 90–103.
 6. Кузицин К.В., Андреева А.П., Махров А.А., Голубев А.В., Новиков Г.Г., Груздева М.А. К вопросу о таксономическом статусе ряпушки (*Coregonidae*, *Osteichthyes*) Соловецких островов // Биологические основы изучения, освоения и охраны животного и растительного мира, почвенного покрова Восточной Фенноскандии. Петрозаводск, 1999. С. 135–136.
 7. Мухомедияров Ф.Б. Ряпушка соловецкая (бассейн Белого моря) // Проблемы использования промысловых ресурсов Белого моря и внутренних водоемов Карелии. Вып. 1. Петрозаводск, 1963. С. 206–210.
 8. Правдин И.Ф. Плотва соловецкая // Труды ВНИОРХ. 1951. Т. 3. С. 27–35.
 9. Правдин И.Ф. Руководство по изучению рыб. М., 1966.
 10. Решетников Ю.С. Экология и систематика сиговых рыб. М., 1980.

Особенности половой структуры популяций охраняемого вида родиола розовая (*Rhodiola rosea* L.) на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» в 2021 году

Дровнина Светлана Игоревна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; priroda@kenozero.ru
Петрова Надежда Вячеславовна – лаборант-исследователь, Национальный парк «Кенозерский»; fenolog@kenozero.ru

В статье представлены результаты изучения половой структуры 33 популяций охраняемого вида *Rhodiola rosea* L. на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье». Число куртин (особей) в популяциях составляло от 1 до 1634 шт., в 11 популяциях число особей превышало 100 шт. Подсчитано соотношение мужских и женских особей в каждой популяции. По средним показателям в популяциях 32 % составляют женские особи, 59 % – мужские, 9 % – вегетативные. У 2 % женских особей есть семенное возобновление. Популяции зрелые, нормальные неполноценные, имеют правосторонний возрастной спектр.

Ключевые слова: охраняемый вид, *Rhodiola rosea* L., половая структура популяции, Национальный парк «Онежское Поморье».

The reproductive pattern of the protected *Rhodiola rosea* L. populations inhabiting Letniaia Zolotitsa, Onega Pomorie National Park, 2021

Drovnina Svetlana I. – PhD (Geography), lead researcher, Kenozero National Park; priroda@kenozero.ru

Petrova Nadezhda V. – laboratory scientist, Kenozero National Park; fenolog@kenozero.ru

The article presents the study of the reproductive pattern in thirty-three protected *Rhodiola rosea* L. populations inhabiting Letniaia Zolotitsa, Onega Pomorie National Park. With each population numbering between 1 and 1,634 plants, eleven populations had 100+ plants. Each population was analyzed for the male-female ratio. In the populations under study, female plants represent 32 %, male plants 59 % and asexually reproducing plants 9 % on average. 2 % of female plants are capable of regeneration by seed. The populations are normal mature populations with generative plants and prevalence of those in post-generative period.

Keywords: protected species, *Rhodiola rosea* L., reproductive structure of population, Onega Pomorie National Park.

Мониторинг состояния редких видов – одна из основных задач особо охраняемых природных территорий (ООПТ) России. Среди суккулентных растений Европейского Севера России выделяют редкий и охраняемый вид – *Rhodiola rosea* L., внесенный в Красную книгу Российской Федерации (2008 г.) – категория 3 (редкий вид), в Красную книгу Архангельской области (2020 г.) – категория 2 (сокращающийся в численности вид) [3, с. 312–313]. В наши дни вид отмечен в Архангельской области на Соловецких островах и Онежском полуострове, по Зимнему берегу Белого моря и в Ненецком автономном округе по всему побережью, а также на архипелаге Новая Земля [2, с. 191–192].

Исследуемые нами ценопопуляции родиолы розовой расположены на побережье Белого моря: на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» от мыса Малый Орлов до мыса Сатанский. Популяции занимают зону на валунно-галечных участках супралиторали на приморских лугах и галечниках, с одной стороны ограниченную стеной ельников и вороничников, с другой стороны – побережьем моря и зоной прилива, подтопляемой в штормовую погоду.

Мониторинг состояния популяций и поиск новых мест произрастания родиолы розовой ведется с 2014 г.¹ По результатам исследований на Летне-Золотицком участке суммарно выявлено 36 местонахождений вида. Подсчет числа куртин в популяции в 2021 г. показал, что их число колеблется от 1 до 1634 шт. Выделено 11 крупных популяций, где число особей превышает 100 шт. Суммарная численность куртин всех выявленных ценопопуляций на маршруте протяженностью 27 км превышает 6700 шт.

Во всех исследуемых популяциях преобладают генеративные особи с низкой долей молодых вегетативных растений (без преювенильной, иногда и иматурной фаз), поэтому нами сделан вывод, что данные ценопопуляции являются зрелыми, нормальными, неполночленными, с правосторонним возрастным спектром. Наиболее подробно возрастной спектр ценопопуляции мыса Сатанский описан в Летописи природы Национального пар-

¹ Волкова Е.В.: 1) Состояние микропопуляций родиолы розовой (*Rhodiola rosea* L.) в северо-западном секторе Национального парка «Онежское Поморье» и рекомендации по их охране: Отчет отдела науки по научно-исследовательским работам и экологическому мониторингу в 2013–2014 гг. Т. 2. Летняя Золотица, 2015 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 7. Л. 293–298; 2) Наблюдения в модельной ценопопуляции родиолы розовой *Rhodiola rosea* L.: Летопись природы Национального парка «Онежское Поморье» за 2015 год. Вып. 2. Т. 1. Летняя Золотица, 2015 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 8. Л. 138.

ка «Онежское Поморье» за 2020 г.² и в публикации С.И. Дровниной [1, с. 184–189].

В 2021 г. подсчитано соотношение мужских и женских особей в каждой исследуемой популяции. Главная особенность половой структуры популяций Летне-Золотицкого участка – преобладание мужских особей (59 %) над женскими (32 %) почти в 2 раза при небольшой численности вегетативных растений (в среднем 9 %).

В среднем в изучаемых популяциях 32 % составляют женские особи, 59 % – мужские; причем эта структура характерна для большинства крупных популяций (см. таблицу).

**Половая структура 36 ценопопуляций *Rhodiola rosea*
на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье»
(Онежский полуостров, Белое море), шт.**

№ площадки	Число куртин	Число женских особей	Число мужских особей	Число вегетативных особей
1	3	1	1	1
2	22	6	16	0
3	10	4	6	0
4	2	0	2	0
5	17	9	8	0
6	73	21	50	2
7	121	34	87	0
8	20	7	13	0
9	1	0	1	0
10	3	2	1	0
11	258	81	166	11
12	3	2	1	0
13	248	34	208	6
14	38	27	11	0
15	358	145	213	0
16	3	1	2	0
18	29	3	26	0
21	117	25	92	0
22	4	1	3	0

² Летопись природы Национального парка «Онежское Поморье» за 2020 г. Кн. 5. Архангельск, 2021 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”». Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 102.

Окончание таблицы

№ площадки	Число куртин	Число женских особей	Число мужских особей	Число вегетативных особей
23	8	0	8	0
24	5	0	5	0
25	1	1	0	0
26	21	5	13	3
27	53	15	30	8
28	1	1	0	0
29	68	25	40	3
30	1634	494	897	243
31	487	171	261	55
32	4	2	2	0
33	2	0	2	0
34	149	41	70	38
35	1	0	1	0
36	924	345	532	47
<i>Всего</i>	<i>4688</i>	<i>1503</i>	<i>2768</i>	<i>417</i>
<i>Доля от общего числа, %</i>	<i>100</i>	<i>32</i>	<i>59</i>	<i>9</i>

Важным аспектом в жизни популяции является семенное возобновление. Для популяций родиолы розовой на территории России характерно преобладание вегетативного размножения (частями каудекса) над семенным, очень скудное семенное возобновление, несмотря на высокую семенную продуктивность. Наличие даже скудного семенного возобновления повышает стабильность и жизнеспособность популяций родиолы розовой. В ходе их изучения нами подсчитаны женские особи с сохранившимися группами листовок на прошлогодних цветоносах. В среднем в 33 популяциях родиолы розовой у 2 % женских особей есть семеношение, в трех популяциях – от 7 до 35 % женских особей дали семена в 2020 г. Таким образом, в исследуемых популяциях выявлен низкий процент семеношения, но его наличие дает основание считать, что на данной территории вид будет стабильно существовать и в дальнейшем.

В дополнение к работам, проведенным ранее Е.В. Волковой, нами уточнено количество куртин в 36 популяциях родиолы розовой, определена половая структура, подтверждено наличие семеношения, подробно изучен возрастной спектр ценопопуляции мыса Сатанский.

Авторы выражают благодарность за помощь в первичной обработке полевого материала А.Ю. Сахаровой, магистранту Высшей школы естественных наук и технологий Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

Список литературы

1. Дровнина С.И. Состояние популяции редкого вида родиола розовая (*Rhodiola rosea* L.) на Летнезолотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» // II Пахтусовские чтения: арктические горизонты: сб. материалов Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции. Архангельск, 2021. С. 184–189.
2. Красная книга Ненецкого автономного округа. Нарьян-Мар, 2006. С. 191–192.
3. Новинская Т.А., Дровнина С.И. Родиола розовая *Rhodiola rosea* L. // Красная книга Архангельской области / О.В. Аксенова и др. Архангельск, 2020. С. 312–313.

Лямецкое местонахождение остатков древнейших многоклеточных организмов¹

Иванцов Андрей Юрьевич – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Палеонтологический институт имени А.А. Борисяка Российской академии наук; ivancov@paleo.ru

Закревская Мария Андреевна – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник, Палеонтологический институт имени А.А. Борисяка Российской академии наук; mulholland_drive@bk.ru

Расположенное на юго-западном берегу Онежского полуострова уникальное Лямецкое палеонтологическое местонахождение содержит отпечатки тел, мумифицированное органическое вещество, следы питания и движения многоклеточных организмов вендского (эдиакарского) геологического периода (возрастом около 560 млн лет). Изучение этих остатков позволяет восстанавливать внешний облик древних существ, особенности их поведения, реакции на изменение среды обитания и даже исходный химический состав тканей.

Ключевые слова: венд, эдиакарий, Онежский полуостров, Юго-Восточное Беломорье, Лямецкое местонахождение, ископаемые макроорганизмы.

Lyamtsa as a locality with fossil remains of the oldest multicellular organisms

Ivantsov Andrei Yu. – PhD (Geology and Mineralogy), senior research officer, Borissiak Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences Russian Academy of Sciences; ivancov@paleo.ru

Zakrevskaja Maria A. – PhD (Geology and Mineralogy), senior research officer, Borissiak Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences Russian Academy of Sciences; mulholland_drive@bk.ru

Located on the southwestern coast of the Onega Peninsula, the unique Lyamtsa paleontological locality contains body impressions, mummified organic matter, paths and feeding traces of the Vendian (Ediacaran) multicellular organisms (about 560 million years old). The study of their remains allows for reconstructing the ap-

© Иванцов А.Ю., Закревская М.А., 2022

¹ Исследования проводятся по теме госзадания ПИН РАН «Появление жизни, становление биосферы и развитие древних биот». Статья подготовлена в рамках договора о научном сотрудничестве с ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”» и Палеонтологическим институтом имени А.А. Борисяка Российской академии наук (ПИН РАН) №487 от 11.12.2017 г.

pearance of the ancient creatures, their behavior, reactions to changes in their habitat, and even the original chemical composition of their tissues.

Keywords: Vendian, Ediacaran, Onega Peninsula, Southeastern White Sea area, Lyamtsa locality, fossil macroorganisms.

На юго-западном берегу Онежского полуострова вблизи границ Национального парка «Онежское Поморье» находится древнейшее в Архангельской области Лямецкое палеонтологическое местонахождение остатков макроорганизмов вендского (эдиакарского) геологического периода (ил. 1).

Здесь в береговых обрывах высотой до 45 м обнажаются песчано-глинистые отложения лямецкой свиты верхнего венда (возрастом около 560 млн лет) [1; 6]. Слои горных пород полого падают приблизительно вдоль береговой линии к северо-западу. В разрезе вскрываются две пачки: существенно глинистая нижняя и более песчанистая верхняя. Нижняя пачка сложена серыми с красноватым оттенком аргиллитами, слоистыми с мелкооскольчатой отдельностью, с тонкими прослоями зеленовато-серого алевролита. Изредка встречаются тонкие линзовидные прослои серых мелкозернистых песчаников с резкими эрозионными подошвами. Видимая мощность пачки 40 м. Верхняя пачка сложена темно-серыми со слабым сиреневатым оттенком аргиллитами и зеленовато-серыми алевролитами с частыми линзовидными прослоями серых и зеленовато-серых мелкозернистых песчаников. Подошвы песчаных линз в основном эрозионные, но встречаются и несущие микробные текстуры (мелкобугристые и шагреновые). Видимая мощность пачки достигает 11 м. Ископаемые остатки макроорганизмов встречены в обеих пачках на подошве (нижней стороне) песчаных прослоев и в толще тонкослоистых аргиллитов в стандартных для Беломорья вариантах сохранности: в виде отпечатков, слепков тел и следов для песчаников и мумифицированных или пиритизированных фрагментов для аргиллитов (ил. 2).

Местонахождение открыто в 1979 г. молодым сотрудником Геологического института РАН М.А. Федонкиным (ныне действительный член Российской академии наук) [7]. Однако активное изучение местонахождения началось лишь в текущем столетии, когда к исследованиям подключился Беломорский экспедиционный отряд Палеонтологического института РАН [3].

Комплекс встреченных в обеих пачках лямецкого разреза макроископаемых не слишком разнообразен. Он включает остатки *Archyfasma lamellata*, *Aspidella terranova*, *Beltanelliformis brunsaе* (ил. 3), *Dickinsonia cf. menneri*, *Gandvikia caudata*, *Niemalora stellaris*, *Parvancorina cf. minchami*, *Protodipleurosoma* («*Inaria*») sp., *Palaeopascichnus delicatus*, *P. renarius*, а также нескольких других, пока не описанных ископаемых форм [2; 5; 11]. Тем не менее, Лямецкое местонахождение представляется нам одним из наиболее значимых в мире.

Глинистые породы Лямецкого разреза способствуют консервации и сохранению до наших дней в мумифицированной форме собственного вещества вымерших организмов (ил. 4).

Содержащиеся в нем молекулы-биомаркеры позволяют определить степень родства древних существ с представителями современной биоты. Анализ биомаркеров из лямических остатков белтанеллиформиса подтвердил заключения палеонтологов о его цианобактериальной природе; биомаркеры дикинсоний показали принадлежность этих загадочных организмов к животным [9; 10].

Лямецкое местонахождение – самое древнее в Беломорье. Здесь установлено появление первых в истории билатеральных многоклеточных животных – дикинсоний и парванкорин [4; 8]. Некоторые экземпляры дикинсоний местонахождения имеют глубокие прижизненные залеченные повреждения (ил. 5). Это первое палеонтологическое свидетельство развития способности к регенерации у животных [14].

В одном из захоронений обнаружены комплексные ископаемые остатки дикинсоний, состоящие из отпечатка тела и следа передвижения, некогда оставленного индивидом-слеодообразователем на поверхности микробного мата (ил. 6, 7).

Изучение таких остатков позволяет не только воссоздать облик древнейших животных, но и показать, как они питались, как именно передвигались, как реагировали на различные воздействия внешней среды [12; 13]. Все перечисленные виды исследований в отношении вендских макроорганизмов проводятся впервые.

Изучение Лямецкого местонахождения продолжается и, очевидно, оно принесет еще немало научных открытий общемирового значения.

Список литературы

1. *Гражданкин Д.В.* Строение и условия осадконакопления вендского комплекса в Юго-Восточном Беломорье // Стратиграфия. Геологическая корреляция, 2003. Т. 11, № 4. С. 3–23.
2. *Иванцов А.Ю.* Беломорские местонахождения ископаемых остатков вендских организмов // Академик Юрий Александрович Орлов. К 120-летию со дня рождения. М., 2018. С. 121–149.
3. *Иванцов А.Ю.* История открытия и изучения местонахождений останков древнейших многоклеточных животных в Юго-Восточном Беломорье // Материалы конференции «История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему». Архангельск, 2012. С. 131–133.
4. *Иванцов А.Ю., Леонов М.В.* Отпечатки вендских животных – уникальные палеонтологические объекты Архангельской области. Архангельск, 2009.
5. *Леонов М.В.* Макроскопические растительные остатки основания усть-пинежской свиты (верхний венд Архангельской области) // Палеонтологический журнал. 2007. № 6. С. 89–96.

6. Станковский А.Ф., Веричев Е.М., Добейко М.П. Венд Юго-Восточного Беломорья // Вендская система. Историко-геологическое и палеонтологическое обоснование. Т. 2: Стратиграфия и геологические процессы. М., 1985. С. 67–76.

7. Станковский А.Ф., Федонкин М.А. Местонахождения вендской бесскелетной фауны Юго-Восточного Беломорья // Очерки по геологии и полезным ископаемым Архангельской области. Архангельск, 2000. С. 142–153.

8. Федонкин М.А. Беломорская биота венда. М., 1981. (Тр. Геол. ин-та АН СССР. Вып. 342).

9. Bobrovskiy I., Hope J.M., Ivantsov A., Nettersheim B.J., Hallman C., Brocks J.J. Ancient steroids establish the Ediacaran fossil *Dickinsonia* as one of the earliest animals // Science. 2018. Vol. 361. P. 1246–1249.

10. Bobrovskiy I., Hope J.M., Krasnova A., Ivantsov A., Brocks J.J. Molecular fossils from organically preserved Ediacara Biota reveal cyanobacterial origin for *Beltanelliformis* // Nature Ecology & Evolution. 2018. Vol. 2, no. 3. P. 437–440.

11. Grazhdankin D. The Ediacaran genus *Inaria*: a taphonomic/morphodynamic analysis // Neues Jahrbuch für Geologie und Paläontologie. 2000. Vol. 216, no. 1. P. 1–34.

12. Ivantsov A.Yu., Nagovitsyn A.L., Zakrevskaya M.A. Traces of Locomotion of Ediacaran Macroorganisms // Geosciences. 2019. Vol. 9. P. 395.

13. Ivantsov A.Yu., Zakrevskaya M.A. *Dickinsonia*: Mobile and adhered // Geological Magazine. 2021. P. 1–16.

14. Ivantsov A.Yu., Zakrevskaya M.A., Nagovitsyn A.L., Krasnova A., Bobrovskiy I., Luzhnaya (Serezhnikova) E. Intravital damage to the body of *Dickinsonia* (Metazoa of the late Ediacaran) // Journal of Paleontology. 2020. Vol. 94, no. 6. P. 1019–1033.

Растительность побережий Белого моря на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье»

Макарова Марина Алексеевна – младший научный сотрудник, Ботанический институт имени В.Л. Комарова Российской академии наук; инженер, Архангельский филиал «Рослесинфорг»; mmaakarova@binran.ru

Дровнина Светлана Игоревна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; priroda@kenozero.ru

Петрова Надежда Вячеславовна – лаборант-исследователь, Национальный парк «Кенозерский»; fenolog@kenozero.ru

В статье приводятся данные о растительности побережий Белого моря. Для побережий Летне-Золотицкого участка Национального парка «Онежское Поморье» характерны маршевые, псаммофитные, пустошные, дюнные растительные сообщества, приморские луга, болота и леса. Приморские еловые леса под воздействием ветров приобретают особую флаговую форму крон.

Ключевые слова: галофитная растительность, марши, псаммофитная растительность, пустоши, дюны, Белое море, Арктика.

The vegetation of Letnaia Zolotitsa coast of the White Sea, Onega Pomorie National Park

Makarova Marina A. – assistant researcher, Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences; engineer, Roslesinforng Office in Arkhangelsk; mmaakarova@binran.ru

Drovnina Svetlana I. – PhD (Geography), lead researcher, Kenozero National Park; priroda@kenozero.ru

Petrova Nadezhda V. – laboratory scientist, Kenozero National Park; fenolog@kenozero.ru

The article presents the data of the vegetation occurring on the White Sea coasts. The Letnaia Zolotitsa section of the National Park «Onega Pomorie» is home to marshy, psammophytic, chersophytic and dune plant communities, as well as littoral meadows, wetlands and forests. Exposed to winds, the crowns of the coastal spruce trees are shaped like a flag.

Keywords: halophytic vegetation, marshes, psammophytic vegetation, barren grounds, dunes, White Sea, Arctic.

Созданный в 2013 г. Национальный парк «Онежское Поморье» расположен на побережье Белого моря в северной части Онежского полуострова. В июне 2021 г. совместно с научными сотрудниками национального парка С.И. Дровниной и Н.В. Петровой были проведены геоботанические исследования Летне-Золотицкого участка. Во время маршрутных исследований этого участка парка выполнялись стандартные геоботанические описания в пределах естественных границ растительных сообществ. Был изучен растительный покров беломорских побережий и лесов на маршруте протяженностью 35 км от Орловского маяка до Большого Пертнаволока (ил. 1). Исследования проводились с целью выявления фитоценотического и флористического разнообразия приморских ландшафтов, получения данных о редких растительных сообществах, нуждающихся в охране.

Исследованная территория входит в состав Онежского и Приморского районов Архангельской области и относится к Североевропейской таежной провинции Евразийской таежной области [3]. На формирование растительности побережий Белого моря влияют следующие факторы: соленость морской воды, приливно-отливная деятельность, шторма, ветра, а также типы и степень засоленности почвенных субстратов побережий Белого моря в пределах Национального парка «Онежское Поморье». На Летне-Золотицком участке наиболее распространенными являются валунные, песчано-валунные и песчаные отложения. В меньшей степени характерны для побережий Белого моря илистые и оторфованные почвы, также по берегам регулярно встречаются выбросы водорослей, которые обогащают прибрежные почвы. На побережьях под постоянным воздействием морских вод формируется так называемая галофитная растительность, виды которой способны выдерживать длительное засоление. Растительность маршей (растительность литоральной, или приливно-отливной зоны) является типичной галофильной. По мере удаления от уреза воды уменьшается и степень воздействия соленых вод на прибрежную растительность.

В ходе проведенных работ на Летне-Золотицком участке были выделены следующие типы растительности, характерные для побережий Белого моря:

- маршевая растительность;
- сорнотравные луга на выбросах водорослей;
- литоральные луга;
- литоральные болота;
- псаммофитная растительность;
- растительность галечно-валунных морских террас;
- пустошная растительность;
- дюнная растительность;
- приморские леса и криволесья.

Рассмотрим характеристику растительности побережий на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» более подробно.

Маршевая растительность

Сообщества на засоленных приморских маршах Белого моря дважды в день испытывают воздействие приливов и отливов. Во время прилива они полностью погружаются в соленую морскую воду. Первые два типа маршей (астровые и подорожниковые) отмечаются в мористой части осушки, по профилю – это наиболее близкие к урезу воды сообщества. Здесь обычно растительный покров разрежен. Ситниковые и осоковые маршевые сообщества находятся дальше от уреза воды и более сомкнуты, хотя они периодически размываются штормами, и местами по побережьям остаются только фрагменты маршей.

Ниже представлены наиболее распространенные сообщества маршей:

А. Астровые маршевые сообщества. Характерные виды: астра солончаковая (*Tripolium pannonicum*) является полизональным евразийским видом. В сообществах астры также может встречаться незначительное количество подорожника морского (*Plantago maritima*) и триостреника морского (*Triglochin maritima*).

Б. Подорожниковые маршевые сообщества (ил. 2). Характерные виды: подорожник морской, триостреник морской, млечник морской (*Glaux maritima*), виды рода бескильница (*Puccinellia phryganodes*), астра солончаковая.

В. Ситниковые маршевые сообщества (ил. 3). Характерные виды: ситник Жерара (*Juncus gerardii*), ситник чернобурый (*Juncus atrofuscus*), млечник морской, подорожник морской.

Г. Осоковые маршевые сообщества. Характерные виды: осока галечная (*Carex glareosa*), осока обертковидная (*Carex subspathacea*), ситники Жерара и/или чернобурый, лапчатка гусиная или гусиные лапки (*Potentilla anserina*).

Д. Клубнекамышовые маршевые сообщества. Характерные виды: клубнекамыш морской (*Bolboschoenus maritimus*).

Сорнотравная растительность

Сорнотравные сообщества встречаются на выбросах водорослей, мощные толщи которых появляются на побережьях после сильных штормов.

Для исследуемого участка отмечены:

А. Лебедовые сообщества (ил. 4). Характерные виды: лебеда голостебельная (*Atriplex nudicaulis*).

Б. Ромашковые сообщества. Характерные виды: ромашка (или трехреберник) приполярная (*Tripleurospermum subpolare*), череда трехраздельная (*Bidens tripartita*), полынь обыкновенная (*Artemisia vulgaris*).

Приморские луга

Полоса лугов шириной от 2 до 5 м располагается сразу за маршевой растительностью и выше по профилю. Контуры лугов узкие лентообразные.

На Летне-Золотицком участке встречаются:

А. **Лисохвостовые луга** (см. ил. 3). Характерные виды: лисохвост тростниковидный (*Alopecurus arundinaceus*), лапчатка гусиная.

Б. **Пырейные луга** (см. ил. 3). Характерные виды: пырей ползучий (*Elytrigia repens*).

В. **Красноовсянцевые луга** (ил. 8). Характерные виды: овсяница красная (*Festuca rubra*), латук татарский (*Lactuca tatarica*), осот огородный (*Sonchus arvensis*), ястребинка зонтичная (*Hieracium umbellatum*), чина морская (*Lathyrus maritimus*).

Приморские болота

Болота в прибрежной полосе часто формируются в небольших бухтах, почти замкнутых заливах и представлены чаще евтрофными, но также и мезоевтрофными сообществами.

Здесь выявлены:

А. **Осоковые евтрофные болота** (ил. 5). Характерные виды: разные виды осок – осока Маккензи (*Carex mackenziei*), поморская (*C. paleacea*), удлиненная (*C. elongata*) и/или серая (*C. cinerea*).

Б. **Пушицевые евтрофные болота**. Характерные виды: пушица многоколо-сковая (*Eriophorum polystachion*).

В. **Пушицево-осоково-сфагновые мезоевтрофные болота**. Характерные виды: *Carex rostrata*, *C. elongata*, *C. cinerea*, *C. limosa*, *Eriophorum polystachion*, виды р. *Sphagnum*.

Г. **Поточниковые евтрофные болота** (ил. 4). Характерные виды: поточник рижий (*Blasmus rufus*). Сообщества с поточником нуждаются в охране, т.к. этот вид занесен в Красную книгу Архангельской области [1].

Сообщества галечно-валунных морских террас

Только на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» на галечно-валунных побережьях эпизодически встречаются редкие растительные сообщества из родиолы розовой.

Для валунных террас отмечены:

А. **Родиолово-красноовсянцевые сообщества** (ил. 7). Характерные виды: овсяница красная, родиола розовая (*Rhodiola rosea*). Сообщества с родиолой являются охраняемыми, т.к. она занесена в Красную книгу РФ [2].

Б. **Мертензиевые сообщества**. Характерные виды: мертвензия морская (*Mertensia maritima*). Это одно из редко встречаемых приморских сообществ Онежского Поморья.

Псаммофитные сообщества

Виды-псаммофиты образуют лентообразные узкие сообщества, опоясывающие берега песчаных бухт. Для песчаных побережий Онежского Поморья помимо типичных гонкениевых и колосняковых сообществ, также были от-

мечены и сообщества с гибридизирующим видом, образовавшимся из скрещивания колосняка песчаного и пырея ползучего – это леймотригия, или колоснякопырей Бергрота.

Для песчаных побережий характерны:

А. **Гонкениевые сообщества** (см. ил. 8). Характерные виды: гонкения бутерлаковидная (*Honckenia peploides*).

Б. **Колосняковые сообщества**. Характерные виды: колосняк песчаный (*Leymus arenarius*), чина морская (*Lathyrus maritimus*), латук татарский (*Lactuca tatarica*), осот огородный (*Sonchus arvensis*).

В. **Леймотригиевые сообщества** (см. ил. 8). Характерные виды: леймотригия Бергрота (*Leymotrigia bergrothii*), чина морская, пырей ползучий.

Пустошная растительность

Пустошные сообщества располагаются дальше от берега, сразу за псаммофитной растительностью. Пустоши занимают обширные песчаные, валунно-песчаные плоские или слегка всхолмленные морские террасы. Этот тип сообществ формируется в условиях сильных ветров и периодического воздействия штормов. Встречающиеся в них виды имеют низкую либо стелющуюся жизненную форму.

На исследуемом участке отмечены **шикшево-можжевельниковые пустоши** (ил. 9). Характерные виды: кустарники – можжевельник сибирский (*Juniperus sibirica*); кустарнички – шикша (водяника) черная (*Empetrum nigrum*) и/или обополая (*E. hermaphroditum*), голубика (*Vaccinium uliginosum*); мхи – *Pleurozium schreberi*, *Hylocomium splendens*.

Дюнная растительность

После пустошей на удалении от моря местами встречаются дюны. Они образуют от 1 до 3 и более полос и располагаются параллельно береговой линии. Чем дальше от моря находится дюна, тем более продвинутая стадия сукцессии растительности на ней представлена. На начальной стадии зарастания на дюнах появляются шикша (*Empetrum hermaphroditum*) и мох ракомитриум седоватый (*Niphotrichum canescens* или *Rhacomitrium canescens*), а затем появляются всходы сосны (*Pinus sylvestris*), можжевельника сибирского. Следующая стадия зарастания дюн: переход сосен, можжевельника из ювенильного состояния в стадию подроста, дальнейший их рост и взросление; появление кустистых лишайников родов *Cladina* и *Cladonia*, брусники (*Vaccinium vitis-idaea*), толокнянки (*Arctostaphylos uva-ursi*), голубики (*Vaccinium uliginosum*), овсяницы овечьей (*Festuca ovina*); увеличение проективного покрытия шикши. На наиболее зрелой стадии формируются разреженные и низкорослые разновозрастные сосняки с сомкнутым напочвенным покровом из лишайников, шикши, кустарничков, овсяницы. В связи с этим на дюнах практически не остается подвижного песка, свободного от растительности, и дюны переходят из подвижной стадии в закрепленную.

Наиболее типичны для Летне-Золотицкого участка парка **дюнные разреженные сосняки можжевельниково-шикшевые** (ил. 10). Характерные виды: деревья – сосна обыкновенная; кустарники – можжевельник сибирский; кустарнички – шикша (водяника) черная и/или обоеполая; лишайники – *Cladonia arbuscula*, *C. rangiferina*, *C. stellaris*, *Stereocaulon sp.*; мхи – *Pleurozium schreberi*, *Polytrichum juniperinum*, *Niphotrichum canescens*.

Приморские леса и криволесья

Для побережий Летнезолотицкого участка характерны ельники можжевельниковые кустарничкового-зеленомошные, сосняки шикшевые (или вороничные). Также на побережьях встречаются березняки, образующие березовое криволесье. Приморские еловые леса под воздействием ветровой и штормовой деятельности приобретают специфическую флаговую форму крон, а березовые леса в результате ветров и зимних холодов становятся кривоствольными, образуя по побережьям березовое криволесье. Дальше вглубь леса такие формы стволов и крон не встречаются.

На Летне-Золотицком участке встречаются:

А. Ельники можжевельниковые кустарничково-зеленомошные. Характерные виды: деревья – ель (*Picea obovata* и/или *P. × fennica*); кустарники – можжевельник сибирский; кустарнички – шикша, водяника черная и/или обоеполая, голубика, брусника (*Vaccinium vitis-idaea*), черника (*V. myrtillus*); мхи – *Pleurozium schreberi*, *Hylocomium splendens*, *Dicranum scoparium*.

Б. Сосняки шикшевые или вороничные (см. ил. 8). Характерные виды: деревья – сосна (*Pinus sylvestris*); кустарники – можжевельник сибирский; кустарнички – шикша, водяника черная и/или обоеполая.

В. Березовое криволесье разнотравное. Характерные виды: береза пушистая (*Betula pubescens*), береза извилистая (*Betula tortuosa*); разнотравье – *Geranium sylvaticum*, *Angelica sylvestris*, *Veratrum lobelianum*, *Trollius europaeus*. В более зрелых березняках можно встретить орхидные – пальчатокоренники (*Dactylorhiza maculata*, *D. fuchsii*), тайник сердцевидный (*Listera cordata*), любку двулистную (*Platanthera bifolia*).

Г. Березовое криволесье хвощово-папоротниковое (ил. 12). Характерные виды: щитовник распростертый (*Dryopteris expansa*), голокучник обыкновенный (*Gymnocarpium dryopteris*), хвощ лесной (*Equisetum sylvaticum*).

Также в ходе проведения геоботанических работ были зафиксированы местонахождения растений, редких и занесенных в Красные книги РФ и Архангельской области, среди них: родиола розовая (*Rhodiola rosea* L.), поточник рыжий (*Blysmus rufus* Panz.), пальчатокоренник Траунштейнера (*Dactylorhiza traunsteineri* (Saut. ex Rchb.) Soó), пальчатокоренник Фукса (*Dactylorhiza fuchsii* (Druce) Soó).

По итогам проведенных работ список флоры Национального парка «Онежское Поморье» дополнился 35 видами высших сосудистых растений, было подтверждено их местонахождение в ходе работ на Летне-Золотицком

участке национального парка. Среди них: *Alisma plantago-aquatica*, *Angelica archangelica*, *Baeotriion cespitosum*, *Blysmus rufus*, *Calamagrostis groenlandicum* (подвид *C. neglecta*), *Carex cinerea*, *C. glareosa*, *C. limosa*, *C. mackenziei*, *C. paupercula*, *C. subspathaceae*, *Cenolophium denudatum*, *Dianthus deltoides*, *Equiserum arvense*, *Erysimum cheirantoides*, *Hydrocharis morsus-ranae*, *Inula britannica*, *Galium uliginosum*, *Knautia arvensis*, *Lathyrus palustris*, *Luzula frigida*, *Montia fontana*, *Poa annua*, *Poa palustris*, *Polygonum aviculare*, *P. bistorta*, *Salix pentandra*, *Urtica dioica*, *Ranunculus auricomus*, *R. lingua*, *Rosa majalis*, *Scheuchzeria palustris*, *Thalictrum flavum*, *Tripleurospermum subpolare*, *Valeriana wolgensis*.

Список литературы

1. Красная книга Архангельской области / О.В. Аксенова и др. Архангельск, 2020.
2. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы) / сост. Р.В. Камелин и др. М., 2008.
3. Растительность Европейской части СССР. Л., 1980.

Экологический коридор «Нетомский». Проект создания, статус, режим территории

Мамонтов Виктор Николаевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; mamont1965@list.ru

В статье рассматривается вопрос о необходимости создания экологического коридора между национальными парками «Водлозерский» и «Кенозерский», правовой статус вновь создаваемой категории особо охраняемой природной территории, режим ее охраны и ограничения хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: экологический коридор, особо охраняемые природные территории, лесное хозяйство, популяции редких видов, Национальный парк «Водлозерский», Национальный парк «Кенозерский».

Ecological corridor “Netomskii”. Concept development, status, protection regime

Mamontov Viktor N. – PhD (Biology), senior researcher, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; mamont1965@list.ru

The paper discusses the rationale for establishing the ecological corridor between Vodlozero National Park and Kenozero National Park. Its legal status as protected area, protection regime and restrictions on economic activity are considered.

Keywords: ecological corridor, protected areas, forest management, populations of rare species, Vodlozero National Park, Kenozero National Park.

Существующая система особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Архангельской области, как и в большинстве регионов России, представляет собой разрозненную сеть узлов сохранения биологического разнообразия. Несмотря на высокую значимость ООПТ в сохранении редких видов, для стабильного существования большинства биологических видов необходима взаимосвязь между популяциями или их частями, сохраняемыми на рассматриваемых территориях. Такая взаимосвязь обеспечивает полноценный генетический обмен и повышает устойчивость популяций к воздействию неблагоприятных факторов. Кроме того, в случае гибели части

популяции на одной из охраняемых территорий в сети ООПТ повышается вероятность восстановления вида в результате повторного заселения из других частей популяции, сохранившихся на соседних охраняемых территориях.

С целью формирования единой, взаимосвязанной системы ООПТ необходимо соединение соседних территорий экологическими коридорами. В мировой практике понятие «экологический коридор» включает самые разные категории [13; 20]. В Северной Америке и Европе для обеспечения связности местообитаний широко применяются искусственно созданные озелененные эстакады через автомагистрали и туннели под линейными сооружениями, способствующие безопасному перемещению животных [11; 12; 17]. В Южной Америке – это широкие полосы охраняемых лесов между ООПТ [14]. Иногда экологическими коридорами называют группы ООПТ, расположенных вдоль одной линии. В Бразилии, например, сформирован Центральный Амазонский экологический коридор, включающий 28 особо охраняемых природных территорий, в Европе – Европейский зеленый пояс, включающий 48 ООПТ, в России его частью является Зеленый пояс Фенноскандии, включающий 14 ООПТ [8]. По определению Фрэнка Уильяма Престона, экологические коридоры представляют собой ландшафтные структуры различного размера, формы и среды обитания, которые сохраняют, устанавливают или восстанавливают связь с природным ландшафтом, поддерживая благоприятный статус сохранения видов и мест обитания [18, с. 622].

В связи с тем, что многие таежные виды животных ведут оседлый образ жизни, дальность их перемещений наиболее высока в период расселения потомства; но и в это время она редко превышает несколько километров. Тем не менее, многие соседние ООПТ разделены расстояниями в несколько десятков километров, и преодолеть это расстояние такие виды в течение жизни одной особи не могут. Следовательно, обмен особями оседлых видов животных между соседними ООПТ или их повторное заселение после гибели части популяции возможны только через несколько поколений в результате расселения молодняка. Экологический коридор должен иметь ширину, достаточную для сохранения стабильных условий обитания, способствующих эффективному размножению особей и расселению молодняка. Ширина коридора должна обеспечить минимальную гибель молодняка при расселении в результате выхода за его границы в не свойственные или не пригодные для существования вида местообитания. Для большинства оседлых видов таежной зоны дальность расселения молодняка составляет от 2 до 5 км. Соответственно, ширина коридора должна быть не менее 10 км, чтобы все потомки особей, размножившихся на территории экологического коридора, могли при расселении найти участок пригодных местообитаний, выжить и размножиться, сформировав следующую волну расселения молодняка.

Таким образом, экологический коридор, созданный с целью объединения ООПТ в единую сеть, – это достаточно широкая полоса типичных для данной территории местообитаний, соединяющая ООПТ или иные ключе-

вые участки местообитаний и обеспечивающая взаимосвязь популяций животных или растений соседних ООПТ в результате обмена особями, семенами или иными генетическим материалом.

В западной части Архангельской области расположены две крупнейшие ООПТ материковой части региона: национальные парки «Водлозерский» и «Кенозерский». На обеих этих территориях обитает летьяга, а в Водлозерском национальном парке — дикий северный олень. Это виды млекопитающих, внесенные в Красную книгу Архангельской области. Северный олень до 1974 г. встречался и на территории современного Кенозерского национального парка, в настоящее время единичные особи в летний период и следы зимнего пребывания оленей отмечены в 20–30 км от северных границ парка. Есть вероятность, что летом северные олени могут встречаться в непосредственной близости от границ Национального парка «Кенозерский» или даже в нем самом. Кроме того, обе территории выделяются крупными популяциями дневных хищных птиц, сов, обилием прочих редких видов биоты. Между национальными парками еще сохранился массив малонарушенных лесов, в котором также обитают перечисленные виды, обеспечивая целостность их популяций от южного побережья Белого моря до Кенозера. Вырубка коренных таежных лесов между названными национальными парками приведет к недоступности территории Национального парка «Кенозерский» для северных оленей илекско-кожозерской группировки. Популяции оседлых животных, к примеру летьяги, окажутся разделены на две части, существующие на территориях этих ООПТ и изолированные друг от друга. Для сохранения целостности популяций редких видов животных существует насущная необходимость объединения данных ООПТ в единую систему, соединив их экологическим коридором.

Учитывая, что целью создания экологического коридора является обеспечение связности популяций, прежде всего типично таежных видов, он должен быть создан на территории, в настоящее время в наименьшей степени трансформированной хозяйственной деятельностью человека. Вблизи северной границы Национального парка «Кенозерский» леса сильно трансформированы рубками конца XX в., поэтому для сохранения вероятных путей миграций и расселения редких видов животных каркасом экологического коридора в этой части должны стать водоохранные зоны р. Волошова, Винела, Черева, оз. Волоцкое, Тергозеро и Глубокое, а также малонарушенные рубками заболоченные леса между ними. Экологический коридор, созданный по принципу максимального сохранения старовозрастных лесов, целесообразно создать в бассейнах р. Нетома (левый приток р. Водла) и Волошова (правый приток р. Поча). Протяженность коридора в этом случае составит около 69 км при площади около 76 тыс. га (см. иллюстрацию).

Данная территория характеризуется высокой сохранностью старой хвойной тайги и очень высокой заболоченностью (около 45 %). В границах проектируемого экологического коридора (северная часть) в зимний период по-

всеместно отмечены следы северных оленей, росوماхи, высока вероятность обитания летяги. Вблизи р. Корза обнаружено гнездо скопы, высока вероятность гнездования других видов крупных хищных птиц, т.к. гнезда не выявлены только в связи с очень слабой изученностью этой территории. Высокая сохранность таежных природных комплексов гарантирует стабильное существование большинства популяций типично таежных видов животных. Границы экологического коридора должны быть уточнены в результате полевых исследований по выявлению биологического разнообразия, мест обитания редких видов животных и произрастания редких видов растений.

В настоящее время законы Российской Федерации, как и многих других стран, не предусматривают создания экологических коридоров как одной из категорий ООПТ. На постсоветском пространстве такая категория ООПТ предусмотрена только Законом Республики Казахстан от 7 июля 2006 г. «Об особо охраняемых природных территориях» (ст. 81). Закон Российской Федерации от 15 февраля 1995 г. ФЗ-33 «Об особо охраняемых природных территориях» не предусматривает категорию ООПТ «Экологический коридор», но п. 3 ст. 2 этого закона разрешает регионам устанавливать иные категории ООПТ. Таким образом, экологический коридор может получить статус особо охраняемой природной территории только на региональном или местном уровне. Данная возможность в настоящее время реализована только в Хабаровском крае, где создано семь экологических коридоров. Областной закон Архангельской области «Об особо охраняемых природных территориях» от 24 февраля 2015 г. N 242-14-ОЗ предусматривает возможность создания иных категорий ООПТ (п. 3 ст. 6). Целесообразно рассмотреть возможность внесения изменений в этот областной закон в части дополнения списка категорий региональных ООПТ категорией «Экологический коридор».

Разобщенность сети ООПТ с большими расстояниями между соседними узлами сети требует создания экологических коридоров большой протяженностью и имеющих, соответственно, большую площадь. Например, экологический коридор Капивара-Конфусьонс, соединяющий национальные парки Бразилии Серра-да-Капивара и Серра-дас-Конфусьонс, имеет площадь около 412 тыс. га, что втрое больше площади национального парка Серра-да-Капивара. Создание экологического коридора в виде ООПТ со строгим режимом охраны, полностью исключая хозяйственную деятельность, экономически не целесообразно, т.к. эта территория предназначена только для сохранения взаимосвязи ключевых местообитаний редких видов, охраняемых на ООПТ. Именно поэтому природоохранный режим в экологическом коридоре должен быть мягче, допуская ограниченную хозяйственную деятельность, которая не противоречит целям создания ООПТ данной категории.

Прежде всего, необходимо выделить наиболее ценные местообитания животных и места произрастания редких видов растений и грибов, которые должны быть исключены из хозяйственного использования, и составить эко-

логический каркас проектируемой ООПТ. Особо защитные участки (ОЗУ) леса должны быть выделены вокруг всех выявленных мест произрастания редких видов растений и грибов, внесенных в красные книги Российской Федерации и региона, а также вокруг мест размножения животных: гнезд крупных хищных птиц, токовищ глухаря и тетерева, гонных участков северного оленя и лося. Целесообразно полностью отказаться от заготовки древесины в водоохранных зонах рек и озер, представляющих высокую ценность в качестве коридоров расселения и сезонных миграций.

На остальной территории экологического коридора хозяйственная деятельность должна осуществляться методами, исключающими создание препятствий перемещениям животных вдоль коридора. Основной формой хозяйственной деятельности на этой территории является заготовка древесины промышленными предприятиями. Современные методы лесопользования ведут к формированию обширных массивов вырубок, а в последствии одновозрастных, преимущественно лиственных или смешанных насаждений, которые малопригодны для обитания большинства типично таежных видов. Виды животных, обитающих в высокоствольных лесах, к которым относится летяга, не могут перемещаться, а тем более найти убежище в молодняках и средневозрастных лесах. Отмечено, что этот вид не встречается в лесах моложе 50 лет [3–5]. Не могут преодолеть сформировавшиеся разрывы в массивах старовозрастных хвойных лесов и насекомые, личинки которых проходят свое развитие в мертвой древесине хвойных пород, которая отсутствует в молодых лесах. Дальность лёта взрослых особей в поисках подходящего субстрата невелика, и насекомые не в состоянии преодолеть широкие массивы непригодных местообитаний. Северный олень благодаря выносливости, вероятно, может преодолеть и достаточное большое расстояние, пересекая малопригодные местообитания, но будут ли звери углубляться в не свойственные им биотопы? Вероятнее всего, нет. В результате, они не смогут использовать местообитания другой ООПТ, а площадь используемых местообитаний и, как следствие, численность популяции сократятся.

Вот почему основная задача лесопользования в создаваемом экологическом коридоре — сохранение условий для постоянного обитания и свободного перемещения как можно большего количества видов, населяющих таежные леса, от границ одной ООПТ до другой. Это может быть достигнуто ведением рубок лесов с соблюдением принципа равномерности лесопользования, при котором заготовка древесины производится не на одном (наиболее доступном) участке из года в год, формируя в результате обширные пространства монотонных молодняков, а равномерно распределена по всей территории аренды предприятия, формируя высоко мозаичные леса с участками сохранившихся старых хвойных лесов, вырубок, молодняков и средневозрастных насаждений. Возникает вопрос: каков должен быть размер участка, для которого исчисляется предельный объем ежегодного изъятия древесины для

соблюдения принципа неистощительности лесопользования, предлагаемого для внедрения «Всемирным фондом дикой природы» России [2]?

Вырубка старовозрастных хвойных лесов в любом случае уничтожает часть пригодных (оптимальных) для обитания типично таежных видов животных местообитаний. В частности, для стенотопных видов, к которым относится летяга, вырубка высокоствольных лесов катастрофична, особенно, если на обширных пространствах уничтожены все пригодные местообитания. Но в случае равномерного лесопользования, когда в пределах досягаемости зверька находится подходящий для заселения биотоп (сохранившийся участок тайги или восстановившиеся вторичные леса старше 50 лет), летяга может переселиться в него. Предельная дальность перемещений летяги не превышает 2 км [7; 15], т.е. пригодные биотопы должны располагаться друг от друга не далее этого расстояния.

Крупные животные не ограничиваются использованием одного биотопа, для их существования необходимо, чтобы на их индивидуальном участке обитания имелись различные используемые в течение сезона типы местообитаний. Участок обитания дикого северного оленя в летний период составляет около 6 тыс. га, но большую часть бесснежного периода его перемещения ограничиваются участком площадью не более 3000 га [6; 19]. Размер сезонного индивидуального участка обитания лося в летний период значительно меньше – от 500 до 1800 га [1; 10]. Сохранение стабильности структуры местообитаний, соотношения разных типов биотопов, способствует стабильному использованию участка обитания животным. Сокращение площади ключевых биотопов может привести к увеличению индивидуального участка обитания особи и к сокращению плотности населения вида, но не скажется губительно на состоянии популяции, численность которой стабилизируется в соответствии со сформировавшимися условиями.

Таким образом, стабильность условий обитания с сохранением постоянной доли старых хвойных лесов, вырубок, молодняков, средневозрастных и спелых вторичных лесов должна быть обеспечена в границах индивидуального участка обитания для крупных видов млекопитающих и в радиусе 2 км для стенобионтных видов. Оптимальной единицей для ведения лесохозяйственной деятельности с соблюдением принципа равномерности лесопользования является квартал лесной сети. На исследуемой территории средняя площадь лесных кварталов составляет от 800 до 1500 га. Для соблюдения равномерности лесопользования принцип неистощительности должен реализовываться для каждого квартала лесной сети. Из расчета должны быть исключены все ОЗУ, выделенные на первом этапе создания экологического коридора, а также водоохранные зоны. Для оставшейся лесопокрытой площади рассчитывается допустимый объем ежегодного изъятия древесины. Можно использовать площадной показатель допустимого ежегодного размера лесосеки в каждом квартале. Учитывая, что в случае создания экологического коридора леса будут отнесены к категории защит-

ных лесов (леса ООПТ), возраст рубки хвойных пород IV и ниже бонитетов (преобладающих на данной территории) установлен 121–140 лет. Именно на этот срок оборота рубки должна быть рассчитана заготовка древесины с соблюдением принципа неистощительности. Соответственно, ежегодно в каждом квартале может вырубаться не более 0,83 % лесных земель. Учитывая труднодоступность территории, считаем допустимым вести заготовку древесины один раз в пять лет на 4,17 % площади лесных земель. Но это возможно только при отсутствии заготовок древесины в данном квартале на протяжении пяти или более лет. При использовании выборочных методов рубки допустимая площадь лесосеки увеличивается в соответствии с интенсивностью рубок. В спелых и перестойных ельниках не целесообразно применение выборочных рубок высокой и очень высокой интенсивности, т.к. это может привести к распаду насаждения.

При эксплуатации лесов по данной схеме на территории экологического коридора в процессе рубок постепенно сформируется стабильная возрастная структура лесов, в которой всегда будут присутствовать как вырубки, молодняки и средневозрастные насаждения, так и спелые леса, сформировавшиеся на вырубках первых лет и пришедшие на смену коренным таежным лесам. В результате вырубки еловых лесов на большинстве территорий формируются лиственные или смешанные насаждения с доминированием лиственных пород. Их рубка может осуществляться после достижения возраста спелости лиственных пород (51 год для осины и 71 год для березы). С целью формирования хвойных насаждений в этих лесах целесообразно вести заготовку древесины выборочным способом высокой интенсивности с выборкой только лиственной древесины и полным сохранением деревьев хвойных пород. Это приведет к формированию полноценного хвойного насаждения к завершению оборота рубки (120 лет).

При строительстве технологических дорог для заготовки древесины желательно максимально ориентировать основные магистрали вдоль основного направления экологического коридора. Пересекающие экологический коридор второстепенные лесовозные дороги не должны представлять препятствий для преодоления животными (ширина просеки не более 30 м, отсутствие глубоких канав). При прекращении их эксплуатации на несколько лет целесообразно в местах съезда на второстепенную дорогу устраивать непреодолимые препятствия для автомобильной техники и снегоходов (канавы) с целью предотвращения использования их браконьерами.

Проведение рубок леса, в том числе удаление подроста и подлеска вдоль линейных сооружений, а также иные лесохозяйственные мероприятия с целью снижения беспокойства животных не должны проводиться в выводково-гнездовой период (15 апреля – 15 июля) и период миграции северного оленя (15 марта – 1 мая и 15 октября – 30 ноября).

На территории экологического коридора должна быть запрещена любая деятельность, ведущая к необратимым изменениям ландшафта и гидрологи-

ческого режима территории: разработка карьеров и добыча полезных ископаемых, спрямление русел рек и ручьев, строительство плотин и создание новых водоемов, мелиорация, капитальное строительство и предоставление земельных участков гражданам для садоводства, огородничества и иных целей. Следует запретить применение ядохимикатов и минеральных удобрений, интродукцию растений и животных. Для предотвращения браконьерской добычи северного оленя и снижения его беспокойства целесообразно запретить движение вне дорог общего пользования всех механических транспортных средств, включая снегоходы, мотобуксировщики, болотоходы и квадранциклы, за исключением транспорта специалистов природоохранных организаций, МВД и МЧС, используемого ими при исполнении служебных обязанностей, а также техники лесозаготовительных предприятий при ведении ими лесохозяйственной деятельности.

В настоящее время в России нет исследований результативности создания экологических коридоров для сохранения популяций редких видов. Исследования же на территории Австралии показали, что экологический коридор, созданный в 1918 г., обеспечил связность популяций редких видов животных двух участков тропического леса и обеспечил распространение типичных лесных видов растений, которые не встречались на освоенных территориях [16]. «При прочих равных условиях, и при отсутствии полной информации, можно с уверенностью утверждать, что связанный ландшафт предпочтительнее фрагментированного ландшафта. Естественные ландшафты, как правило, более связаны, чем ландшафты, измененные людьми, а коридоры – это, по сути, стратегия сохранения или усиления этой естественной связности. Таким образом, те, кто уничтожит последние остатки натуральной связи, должны нести бремя доказывания того, что уничтожение коридора не повредит целевым группам населения» [9, с. 1252].

Список литературы

1. Глушков В.М. Лось. Экология и управление популяциями. Киров, 2001.
2. Коросов А.В., Родионов А.В., Голубев В.Е., Зародов А.Ю., Марковский А.В. О разработке нового подхода для исчисления параметров расчетной лесосеки неистощительного пользования // Принципы экологии. 2014. № 2. С. 4–20.
3. Кулебякина Е.В. Популяционная экология летяги (*Pteromys volans* L.) в природных комплексах Восточной Фенноскандии: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Петрозаводск, 2010.
4. Кулебякина Е.В., Мамонтов В.Н. Биотопическое распределение летяги (*Pteromys volans* L.) в Северо-западной части ареала // Проблемы сохранения биологического разнообразия Волжского бассейна и сопредельных территорий. Чебоксары, 2010. С. 120–121.
5. Кулебякина Е.В., Курхинен Ю.П., Мамонтов В.Н. Особенности расположения дупел, заселенных летягой (*Pteromys volans* L.), на юго-западе Архангельской области // Проблемы изучения и охраны животного мира на Севере. Сыктывкар, 2013. С. 114–116.

-
6. Мамонтов В.Н. Индивидуальные суточные участки обитания и суточные перемещения лесного северного оленя (*Rangifer tarandus fennicus* Lönnb.) на востоке Республики Карелия // Вестник охотоведения. 2020. Т. 17, № 1. С. 4–10.
 7. Мамонтов В.Н., Курхинен Ю.П., Хански И.К. Первые результаты радиотелеметрии летяги (*Pteromys volans* L.) на юго-западе Архангельской области // Труды КарНЦ РАН. Сер.: Биогеография. 2015. № 4. С. 94–102.
 8. Титов А.Ф., Буторин А.А., Громцев А.Н., Иешко Е.П., Крышень А.М., Савельев Ю.В. Зеленый пояс Фенноскандии: состояние и перспективы развития // Труды КарНЦ РАН. 2009. № 2. С. 3–11.
 9. Beier P., Noss R.F. Do habitat corridors provide connectivity? // *Conservation Biology*. 1998. Vol. 12. P. 1241–1252.
 10. Cederlund G., Sand H. Home-Range size in relation to age and sex in moose // *Journal of Mammalogy*. 1994. Vol. 75. P. 1005–1012. <https://doi.org/10.2307/1382483>
 11. Clevenger A.P., Ford A.T., Sawaya M.A. Banff wildlife crossings project: Integrating science and education in restoring population connectivity across transportation corridors. Radium Hot Springs, 2009.
 12. Clevenger A.P., Huijser M.P. *Wildlife Crossing Structure Handbook, Design and Evaluation in North America*. Lakewood, 2011.
 13. Ćurčić N., Durdić S. The actual relevance of ecological corridors in nature conservation // *Jovan Cvijić*. 2013. Vol. 63, no. 2. P. 21–34.
 14. Freitas C.E.S., Macome J.V.M., Couto E.V., Vieira L. Proposición de corredores ecológicos a través del SIGs de forma gratuita en Los bancos del río Tibagi – PR – Brasil // *Semana Latinoamericana de Percepción Remota*. Santiago, 2016.
 15. Hanski I.K., Stevens P.C., Ihalempia P., Selonen V. Home-range size, movements, and nest-site use in the Siberian flying squirrel, *Pteromys volans* // *J. Mammalogy*. 2000. Vol. 81, no. 3. P. 798–809.
 16. Horskins K., Mather P.B., Wilson J.C. Corridors and connectivity: when use and function do not equate // *Landscape Ecology*. 2006. Vol. 21. P. 641–655.
 17. Huijser M.P., Camel-Means W., Fairbank E.R., Purdum J.P., Allen T.D.H., Hardy A.R., Graham J., Begley J.S., Basting P., Becker D. *US 93 North Post-Construction Wildlife-Vehicle Collision and Wildlife Crossing Monitoring on the Flathead Indian Reservation between Evaro and Polson, Montana*. Bozeman, 2016.
 18. Preston F.W. Time and space in the variation of species // *Ecology*. 1960. Vol. 41. P. 611–627.
 19. Pulliainen E., Danilov P.I., Heikura K., Erkinaro E., Sulkava S., Lindgren E. The familiar area hypothesis and movement patterns of wild forest reindeer in Karelia, Northern Europe // *Rangifer*. 1986. Special issue no. 1. P. 235–240.
 20. Van der Sluis T., Bloemmen M., Bouwma I. M. *European corridors: Strategies for corridor development for target species*. Tilburg, 2004.
-

Видовой состав и общая характеристика растительности экотопов маршей и пляжей Онежского полуострова

Мосеев Дмитрий Сергеевич – научный сотрудник, Институт океанологии имени П.П. Ширшова Российской академии наук; viking029@yandex.ru

Махнович Наталья Михайловна – научный сотрудник, Институт океанологии имени П.П. Ширшова Российской академии наук; nmakhnovich@yandex.ru

Брагин Альберт Владимирович – старший научный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; aapaboloto@yandex.ru

Футоран Павел Александрович – старший государственный инспектор в области охраны окружающей среды, Национальный парк «Кенозерский»; магистрант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; blaid008@yandex.ru

Козыкин Александр Владимирович – начальник отдела природных комплексов и объектов, Национальный парк «Кенозерский»; priroda@kenozero.ru

Несмотря на большой материал по изучению приморской флоры и растительности побережья Белого моря, имеются лишь отрывочные сведения о галофитной растительности на Онежском полуострове.

В статье представлен материал о видовом составе и структуре приморской растительности разных типов экотопов, исследованных на побережье Онежского залива и Унской губы Белого моря. Экотопы отличаются по типу грунтов, гидрологическим особенностям, удаленности от моря, степени засоленности, что обуславливает различный видовой состав и структуру их растительных сообществ. Большинство исследований проведено на особо охраняемой природной территории, в Национальном парке «Онежское Поморье».

Ключевые слова: экотопы, марши, пляжи, приморская растительность, галофиты, Белое море.

The vegetation of the ecotopes of the Onega Peninsula marches and beaches: species composition and general description

Moseev Dmitrii S. – research officer, Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences; viking029@yandex.ru

Makhnovich Natalia M. – research officer, Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences; nmakhnovich@yandex.ru

Bragin Albert V. – senior researcher, Kenozero National Park; aapaboloto@yandex.ru

Futoran Pavel A. – senior state environmental inspector, Kenozero National Park; master's student at M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; blaid008@yandex.ru

© Мосеев Д.С., Махнович Н.М., Брагин А.В., Футоран П.А., Козыкин А.В., 2022

Kozykin Aleksandr V. – head of natural sites research, Kenozero National Park; priroda@kenozero.ru

Despite the availability of extensive data on the vegetation growing along the White Sea coast, the halophytic flora on the Onega Peninsula has been studied only fragmentarily.

The paper presents the data on the species composition and structure of the seaside vegetation inhabiting the diversity of ecotopes of the Onega Bay and the Una Bay in the White Sea. The ecotopes differ in terms of soil, hydrological features, distance from the sea and degree of salinity, which determine the species composition and the structure of their plant communities. Most of the studies were conducted in the protected natural area Onega Pomorie National Park.

Keywords: ecotopes, marches, beaches, seaside vegetation, halophytes, White Sea.

На Белом море выражены две формы рельефа аккумулятивных берегов – это марши¹ и пляжи. Они неравномерно распределены вдоль береговой линии, но обычны на Онежском полуострове благодаря влияющим на его морфологию приливо-отливным процессам и геологической истории образования. Обе формы рельефа неоднородны по геоморфологическому строению, механическому составу грунтов, особенностям гидрологического режима, степени засоления, что позволяет выделять на них различные типы экотопов, на которых обитают и образуют сообщества различные виды сосудистых растений. Большинство из них относятся к группе галофитов – видов, обитающих при высокой степени засоления почвы и воды. В свою очередь само засоление обусловлено приливами, нагонами и волноприбойным воздействием.

Исследования флоры и растительности экотопов побережий Белого моря проведены на Онежском полуострове в июне – июле 2017 г. на побережье пролива Восточная Соловецкая Салма [3], в сентябре 2020 г. и мае 2021 г. в Унской губе Двинского залива, в мае 2021 г. в Онежском заливе в районе д. Пурнемы, у мысов Глубокий и Чесменский. Основная география исследований охватывала территорию Национального парка «Онежское Поморье». В основу описаний экотопов, приморской растительности и флоры лег метод опорных геоботанических профилей.

Пляжи Онежского полуострова сложены преимущественно песчаными отложениями, здесь выделены следующие типы экотопов: 1) *выровненные формы рельефа вдоль береговой линии со скудной растительностью*; 2) *бере-*

¹ Марш – низкий морской берег, образующийся под влиянием приливов, путем выноса наносов в осушную зону, влекомых приливной волной, покрытый галофитной субаэральной растительностью [2]. Марши также рассматриваются как самостоятельные биоценозы, с характерным видовым составом животных и растений литоральной зоны и части супралиторали приливных морей.

говые валы, покрытые густой высокотравной растительностью (на разном расстоянии от береговой линии моря их может быть несколько); 3) *дюны*, склоны которых покрыты травянистой и кустарниковой растительностью, сменяющейся на вершинах сосновыми борами.

Для маршей в зависимости от типа растительности и степени засоления грунтов принято разделение на соленые и солоноватые [1]. Большая часть маршей представлена низкими аккумулятивными террасами, поверхность которых покрывается водой в сизигийные приливы, а вдоль береговой линии и в микропонижениях подтапливается приливом ежедневно. Здесь выделяются: 1) *микродепрессии* – неглубокие понижения в рельефе, где застаивается вода; 2) *бугры* – микроповышения, немного возвышающиеся над микродепрессиями; 3) *солоноватые озерки и соленые ванны*; 4) *приливные желоба* – эрозионные формы, выработанные путем терригенного стока ручьев, либо образованные при размывании приливами участков рельефа с рыхлыми илесто-песчаными отложениями. У границы с лесом расположены заливаемые лишь в штормовые нагоны *краевые (экотонные) зоны от маршей к лесной полосе*. Ниже маршей, невысоких аккумулятивных террас, расположены *литоральные осушки низкого уровня*, которые ежедневно заливаются приливами, – это формирующиеся *первичные марши*, занятые гидрофильной галофитной растительностью. По направлению к морю марши сменяются обширными *ваттовыми осушками*, сложенными преимущественно илестыми и илесто-песчаными наносами. Ватты в основном являются частью средней и нижней литорали и сменяются экотопами *сублиторальной зоны*, не осушаемой в отлив.

Экологические условия разных экотопов на маршах и пляжах отличаются, что обуславливает различия в видовом составе сосудистых растений, образующих приморский литорально-галофитный флороценотический комплекс [4]. Развитие каждого вида определяется его экологическим оптимумом. У стенотопных и гемистенотопных видов экологический оптимум узкий, они приспособлены к обитанию только в конкретных экотопах в узком диапазоне воздействия абиотических факторов. В отличие от них эвритопные и гимизврипотные виды обладают широкой экологической валентностью и могут охватывать сравнительно широкий спектр местообитаний. Так, большинство видов галофитов маршей и пляжей, например *Triglochin maritima*, *Plantago maritima*, *Bolboschoenus maritimus*, являются стенотопными либо гемистенотопными, поскольку обитают только в условиях засоления грунтов и воды. Напротив, гликофиты, устойчивые к засолению грунта, но обитающие преимущественно на незасоленных местообитаниях, являются эвритопными. На маршах таковы *Festuca rubra*, *Phragmites australis*, *Calamagrostis neglecta*. Для данных видов обычна хорошо развитая корневая система, что позволяет избегать губительного для них влияния растворенных солей (хлоридов и сульфатов), путем достижения слабо засоленных горизонтов почвы.

Разнообразие экотопов на пляжах небольшое, они слабо отличаются по составу грунтов. Основные отличия обусловлены особенностями микрорельефа и засоления, в связи с чем растительный покров однообразен и представлен небольшим числом видов псаммофитона — растений песков. Для побережья Двинского залива на Онежском полуострове классификация растительности пляжей освещена в статье А.Н. Сорокина и В.Б. Голуб [5].

По направлению от береговой линии моря к лесу меняется в основном структура растительных сообществ. Обычно на береговых валах, расположенных ближе к морю, основными ценозообразователями выступают *Leymus arenarius*, *Honckenya diffusa*, в меньшей степени *Lathyrus japonicus*. Такие сообщества хорошо выражены в районе мыса Глубокий у д. Пурнемы. На высоких береговых валах, удаленных от береговой линии моря, защищенных от волноприбойного воздействия широкими осушками и косами, где влияние морских брызг уменьшается, доля участия *Lathyrus japonicus* в сообществах повышается, а облигатного галофита *Honckenya diffusa*, напротив, становится меньше, что выражено у мыса Красногорский Рог в районе пос. Пертоминска. На Онежском полуострове в таких экотопах встречаются веейники *Calamagrostis arundinaceus*, *C. neglecta*, а также *Rumex acetosa*, *Lactuca tatarica*, *Ligusticum scoticum*. В районе мыса Глубокий на Онежском заливе на береговых валах, удаленных от моря, ценозообразующим также является *Festuca arenaria*, участие которого в сообществах на пляжах у мыса Красногорский Рог небольшое.

Экотопы маршей разнообразнее экотопов пляжей, что способствует выраженной мозаичной структуре их растительного покрова [7].

Литоральные ванны мористых участков средней и нижней литорали, а также верхняя сублитораль Онежского залива и Унской губы покрыты сообществами фукусовых водорослей и высшего макрофита *Zostera marina*. Заросли последнего достигают наибольших площадей в Унской губе, где площади с покрытием до 90–100 % получают развитие почти по всей акватории при солёности от 14 до 20 ‰. Для этих экотопов характерны зеленые водоросли *Ulva prolifera*.

На илистых осушках низкого уровня Унской губы и Онежского залива, расположенных ниже аккумулятивных террас маршей, произрастают различные виды облигатных галофитов, приспособленные к заливанию приливом два раза в сутки. Ценозообразователями здесь являются суккулентные галофиты *Plantago subpolaris*, *Triglochin maritima*, *Tripolium pannonicum*, воздушно-водный макрофит *Bolboschoenus maritimus*, а на Чесменском мысе — солевывделяющий галофит *Puccinellia phryganodes*. Обычны *Agrostis straminea*, *Carex subspatheae*. Встречаются зеленые водоросли, а в выбросах — фукусы.

На бровках аккумулятивных террас и в сырых микродепрессиях маршей, покрываемых водой в сизигийные приливы и ежедневно подтапливаемых водами прилива, образуют сообщества гигрофильные виды растений-галофитов. Наибольшие площади в таких экотопах занимают сообщества из осок

Carex mackenziei, *C. salina*, *C. subspathacea*. Ценозообразующими также являются *Bolboschoenus maritimus*, *Eleocharis uniglumis*, *Phragmites australis*. Обычны суккуленты *Plantago subpolaris*, *P. maritima*, *P. schrenkii*, *Triglochin maritima*. Часто встречаются гидрофильные виды – *Agrostis straminea*, *Potentilla egedii*. Поверхность грунта нередко покрыта тонким слоем одноклеточных зеленых и желто-зеленых водорослей.

Над микродепрессиями маршей выделяются немного повышенные участки – бугры. Влияние приливов здесь уменьшается, что уменьшает и засоление грунтов, но проявляется влияние штормовых нагонов. Эти экотопы лучше выражены на марше южнее д. Пурнемы в устье р. Вейга. Грунты по механическому составу представлены суглинками, слабо выражен дерновый горизонт. На маршах они образуют примитивные гиттиевые почвы [6]. Растительный покров экотопа густой, с хорошо выраженным верхним ярусом сообществ из *Calamagrostis langsdorfii*, *C. epigeios*, *Festuca rubra*, *Juncus gerardii*, *Triglochin maritima*. В нижнем ярусе обычна *Potentilla egedii*. Встречаются *Atriplex praecox*, *Cenolophium denudatum*, *Plantago maritima*, *P. schrenkii*, *Sonchus humilis*.

В глубоких микродепрессиях приливы, нагоны и терригенный сток способствуют формированию небольших солоноватых водоемов (солоноватых озерков). Площадь их водного зеркала обычно не превышает 30–50 м², глубина – не более 1 м, чаще всего 10–30 см. В растительном покрове отчетливо выражено доминирование гидрофильных видов – *Bolboschoenus maritimus*, *Hippuris tetraphylla*, реже *Agrostis straminea*. По нашим наблюдениям, на маршах побережья Онежского залива в этих экотопах заметно обильнее *Bolboschoenus maritimus*, на маршах побережья Унской губы также обилён другой макрофит – *Hippuris tetraphylla*. С уменьшением осолонения ближе к лесу в озерах существенно уменьшается доля галофильных видов, но повышается обилие мхов. Среди них обычны гидрофильные виды – *Warnstorfia fluitans*, *W. exannulata*, *Drepanocladus aduncus*, *D. polygamus*, *Calliergon*, некоторые виды *Sphagnum*. Покрытие мхов в озерах иногда достигает 50–60 %.

В приливных желобах шириной до 0,5–1,5 м также обычны гидрофиты *Bolboschoenus maritimus* и *Hippuris tetraphylla*, но они образуют сообщества в основном локально, на более широких мелководных участках, осушаемых в отлив.

В краевых (экотонных) зонах от маршей к лесу существенно увеличивается видовое богатство. Растительный покров в основном образуют гликофиты, а доля участия галофитов в образовании сообществ существенно уменьшается. Ценозообразующими здесь являются *Calamagrostis langsdorfii*, *C. neglecta*, *Festuca rubra*. На сырых заболоченных участках маршей южнее д. Пурнемы обильна пушица *Eriophorum angustifolium*. Часты *Archangelica officinalis*, *Cenolophium denudatum*, *Heracleum sibiricum*, *Pedicularis palustris*.

Всего литорально-галофитный флороценоотический комплекс объединяет 51 вид приморских сосудистых растений. Из них 24 вида являются

облигатными галофитами (солелюбивыми видами, обитающими в условиях высокого засоления грунтов и воды), они образуют основной фон растительности соленых маршей. Факультативные галофиты (солеустойчивые виды) включают 15 видов растений, доминирующих на участках маршей, заливаемых в нагоны (буграх, экотонных зонах). В составе видов толерантных к засолению субстратов (гликофитов с широкой экологической амплитудой) насчитывается 14 видов растений (см. таблицу).

Во флорах видовая насыщенность выше на обширных маршах урочища Мытищи (включая прилегающие ваттовые осушки зоны литорали) южнее д. Пурнемы и в Кутовой части Унской губы. Заметно снижается видовое богатство сосудистых растений у мыса Глубокий, где преобладают экотопы пляжей с низкой видовой насыщенностью.

Видовой состав флороценотического комплекса аккумулятивных берегов Онежского полуострова

Вид	Экологическая группа	Экотоп	ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр
<i>Zostera marina</i> – Зостера морская	ОГ	Образует обширные густые сообщества на илисто-песчаных грунтах литорали и сублиторали Унской губы. В Онежском заливе от устья р. Вейга до мыса Глубокий в основном встречается локально и занимает литоральные ванны. Очень обилен	+	+	+	+	.	+	+
<i>Ruppia maritima</i> – Руппия морская	ОГ	Образует монодоминантные сообщества либо входит в состав сообществ клубне-камыша и харовых водорослей кута Унской губы. Большую часть суток покрыта водой прилива, при воде прилива, при сходе приливных вод не обсыхает благодаря произрастанию в литоральных ваннах приливной илистопесчаной осушки. Обилен	+	+	.

Продолжение таблицы

Вид	Экологическая группа	Экотоп	ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр
<i>Potamogeton pectinatus</i> – Рдест гребенчатый	ФГ	Произрастает в вершине Унской губы на глубине до 1,0 м в малую воду. Обычен на илисто-песчаных осушках в сообществах рупшии и клубнекамыша, где большую часть суток заливается приливом. Обилен	+	+
<i>Potamogeton filiformis</i> – Рдест нитевидный	ТВ	Образует сообщества в вершине кута Унской губы на глубине около 1,0 м в малую воду. Произрастает на илистых грунтах. Обилен	+	.
<i>Triglochin maritima</i> – Триостренник морской	ОГ	Встречается в разнообразных экотопах маршей на уровне сизигийного прилива и вдоль бровок аккумулятивных террас на уровне влияния ежедневного прилива. Произрастает на суглинистых, слабо задернованных грунтах. Обилен	+	.	+	+	+	+	.
<i>Triglochin palustre</i> – Триостренник болотный	ФГ	Занимает микродепрессии с илисто-глинистыми грунтами, солоноватые озерки. Обилен	.	.	+	.	+	+	+
<i>Agrostis straminea</i> – Полевица соломенно-желтая	ОГ	Обычен в разнообразных сообществах маршей верхнего уровня ежедневного заливания приливом. В солоноватых озерах на уровне влияния сизигийного прилива образует монодомии	+	.	+	+	+	+	+

Продолжение таблицы

Вид	Экологическая группа	Экотоп							
			ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр
		нантные сообщества. Растет на илисто-песчаных грунтах. Обилен							
<i>Alopecurus arundinaceus</i> – Лисохвост тростниковидный	ФГ	Встречается в тростниковых сообществах маршей, на осушках у верхней отметки прилива, на торфянистых и суглинистых грунтах. Обилен	.	.	+	+	.	+	.
<i>Phragmites australis</i> – Тростник обыкновенный	ТВ	Занимает разнообразные экотопы маршей (краевые зоны, солоноватые водоемы, микродепрессии) от полосы ежедневного влияния прилива до полосы влияния нагонов. Растет на торфянистых и илисто-торфянистых грунтах. Очень обилен	+	+	+	+	+	+	+
<i>Calamagrostis epigeios</i> – Вейник наземный	ТВ	Произрастает в экотонных зонах от маршей к лесу, на микроповышениях с суглинистыми грунтами. Обилен	.	.	+	.	.	+	.
<i>Calamagrostis langsdorfii</i> – Вейник Лангсдорфа	ТВ	Образует сообщества на маршах высокого уровня, на экотонах в зоне влияния нагонов. Обилен	+	+	+
<i>Calamagrostis neglecta</i> – Вейник незамечаемый	ТВ	Произрастает в экотонных зонах от маршей к лесу, на микроповышениях с суглинистыми грунтами. Реже встречается на песках. Обилен	.	+	+
<i>Calamagrostis arundinaceus</i> – Вейник тростниковидный	ТВ	Произрастает на удаленных от моря песчаных береговых валах. Не обилен	+

Продолжение таблицы

Вид	Экологическая группа	Экотоп	ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр
<i>Festuca rubra</i> – Овсяница красная	ТВ	Образует сообщества на буграх (повышенных участках) маршей в зоне влияния нагонов и сизигийных приливов, на задернованных суглинистых грунтах. Обилен	+	.	+	+	+	+	+
<i>Festuca arenaria</i> – Овсяница песчаная	ФГ	Образует сообщества на склонах дюн, обращенных к морю. На удаленных от моря береговых валах. Также входит в сообщества леймуса и чины японской. Обилен	.	+	+
<i>Leymus arenarius</i> – Колосняк песчаный	ФГ	Ценозообразователь на песчаных береговых валах пляжей на разном удалении от береговой линии моря. Очень обилен	+	+	+	+	+	+	+
× <i>Leymotrigia</i> sp. – × Леймотригия	ФГ	Отмечен на пляжах в устье р. Котова, близ мыса Чесменский. Обилен	+
<i>Bolboschoenus maritimus</i> – Клубнекамыш морской	ОГ	Образует сообщества на илистых осушках ниже аккумулятивных террас, где большую часть суток покрывается водой. На маршах аккумулятивных террас обычен вдоль приливных желобов и в солонатоводных озерах. Очень обилен	+	+	+	+	+	+	+
<i>Carex recta</i> – Осока прямая	ОГ	Встречается по окраинам соленых озерков, на илистых грунтах в зоне ежедневного заливания приливом	+	.

Продолжение таблицы

Вид	Экологическая группа	Экотоп	ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр
		и сизигийных приливов. Обилен							
<i>Carex salina</i> – Осока солелюбивая	ОГ	Образует сообщества в сырых микродепрессиях маршей в полосе влияния сизигийных приливов. Обилен	.	.	+	.	+	+	.
<i>Carex glareosa</i> – Осока галечная	ОГ	Встречается в микродепрессиях и повышенных участках маршей в зоне влияния сизигийных приливов. Растет на слабо задернованных илисто-песчаных грунтах. Обилен	.	.	.	+	+	.	+
<i>Carex mackenziei</i> – Осока Макензи	ОГ	Образует сообщества в микродепрессиях маршей в зоне влияния сизигийных приливов, вдоль бровок аккумулятивных террас в полосе ежедневного подтопления приливом. Очень обилен	.	.	+	+	+	.	.
<i>Carex palaeeceae</i> – Осока чешуйчатая	ОГ	Встречается в микродепрессиях с илистыми грунтами и в краевых зонах у маршей с лесом. Не обилен	.	.	+
<i>Schoenoplectus tabaernemontani</i> – Камыш Табернемонтана	ФГ	Отмечен в солоноватых озерах маршей в зоне влияния сизигийных приливов, вдоль бровок террас в полосе ежедневного заливания приливом. Растет на илистых грунтах. Не обилен	+	.
<i>Eleocharis uniglumis</i> – Ситняг одночешуйный	ФГ	Образует монодоминантные сообщества, либо входит в сообще	+	.	+	+	+	+	.

Вид	Экологическая группа	Экотоп	ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр
		ства тростника и ситника Жерара. Растет в микродепрессиях маршей, в солоноватых озерах при ежедневном заливании приливом, по бровкам аккумулятивных террас. Очень обилен							
<i>Eriophorum angustifolium</i> – Пушица узколистная	ТВ	Образует сообщества в сырых понижениях экотонных зон между маршем и лесом на торфянистых грунтах. Обилен	.	.	+	.	.	+	+
<i>Juncus gerardii</i> – Ситник Жерара	ФГ	Образует сообщества в микродепрессиях маршей и на повышениях в зоне ежедневного влияния прилива и в зоне влияния сизигийных приливов. Произрастает на илесто-песчаных слабо задернованных грунтах. Очень обилен	+	.	+	+	+	+	.
<i>Cakile maritima</i> – Морская горчица	ОГ	Встречается в небольших солоноватых водоемах, в зоне ежедневного влияния прилива. Не обилен	+	.
<i>Stellaria humifusa</i> – Звездчатка приземистая	ОГ	Входит в осоковые сообщества микродепрессий маршей в зоне ежедневного влияния прилива. Не обилен	.	.	+	.	.	+	.
<i>Stellaria crassifolia</i> – Звездчатка толстолистная	ТВ	Встречается в микродепрессиях маршей в зоне влияния сизигийного прилива, по окраинам небольших	.	.	+	.	.	+	.

Вид	Экологическая группа	Экотоп	ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр
		солончатых водоемов. Обилен							
<i>Honckenya diffusa</i> – Хонкения раскидистая	ОГ	Наряду с колосняком песчаным ценозообразователь на береговых валах. Ближе к береговой линии моря – очень обилен, на дюнах и береговых валах, удаленных от моря, – не обилен	+	+	.	+	.	+	+
<i>Potentilla egedii</i> – Лапчатка Эгеди	ОГ	Занимает разнообразные экотопы маршей (микродепрессии, бугры, краевые зоны от маршей к лесу), в зоне влияния сизигийных приливов, на супесчаных и суглинистых слабо задернованных грунтах. Обилен	+	.	+	+	+	+	.
<i>Lathyrus japonicus</i> – Чина японская	ФГ	Произрастает на песчаных береговых валах пляжей в сообществах с колосняком песчаным. Очень обилен	+	+	.	+	.	.	+
<i>Vicia cracca</i> – Горошек мышиный	ТВ	Растет в экотонных зонах между маршем и лесом. Не обилен	.	.	.	+	.	.	.
<i>Glaux maritima</i> – Млечник морской	ОГ	Произрастает на маршах в сообществах с ситником Жерара, реже с ситнягом одночешуйным, вдоль бровок аккумулятивных террас. Обилен	+	.	+	+	+	+	.
<i>Hippuris tetraphylla</i> – Хвостник четырехлистный	ОГ	Образует сообщества в небольших солончатых озерах в зоне влияния сизигийных приливов и верхнем	+	.	+	.	+	+	.

Вид	Экологическая группа	Экотоп	ЧМ МГ М ЗП З К Кр						
			ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр
		уровне ежедневного прилива. Растет на илистых грунтах. Очень обилен							
<i>Salicornia pojarkovae</i> – Солерос Поярковой	ОГ	Эндем побережий Белого и Баренцева морей. Произрастает в микродепрессиях маршей и солончатых озерах, где является пионером зарастания. Обилен	+	.	+	+	+	.	.
<i>Atriplex praecox</i> – Лебеда ранняя	ОГ	Встречается на песчаных береговых валах по берегам небольших лагунных озер. Не обилен	.	.	.	+	.	.	.
<i>Atriplex nudicaulis</i> – Лебеда голостебельная	ОГ	Встречается в микродепрессиях маршей с илисто-глинистыми грунтами в полосе ежедневного влияния прилива. Не обилен	.	.	+
<i>Atriplex patula</i> – Лебеда раскидистая	ОГ	Образует сообщества на песчаных беговых валах рядом с лагунными озерами и маршами. Обилен	.	.	+	+	.	.	.
<i>Chamaepericlymenum suecicum</i> – Дерен шведский	ТВ	Встречается в экотонных зонах между маршами и лесом. Произрастает по склонам невысоких коренных берегов. Обилен	.	.	+	+	+	+	.
<i>Empetrum hermaphroditum</i> – Шикша обоеполая	ТВ	Произрастает в экотонных зонах и по склонам дюн. Не обилен	.	+	+
<i>Plantago maritima</i> – Подорожник морской	ОГ	Встречается на супесчаных грунтах в сообществах с ситни	+	.	+	+	+	+	.

Продолжение таблицы

Вид	Экологическая группа	Экотоп								
			ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр	
		ком Жерара. Произрастает вдоль бровок аккумулятивных террас на уровне ежедневного влияния прилива и влияния сизигийных приливов. Обилен								
<i>Plantago subpolaris</i> – Подорожник почтиполярный	ОГ	Образует сообщества на илистых осушках, ниже аккумулятивных террас, микродепрессиях, вдоль бровок террас. Очень обилен	+	.	+	+	+	+	.	
<i>Plantago schrenkii</i> – Подорожник Шренка	ОГ	Встречается в микродепрессиях и на повышениях маршей с глинистыми грунтами. Не обилен	.	.	+	+	.	.	.	+
<i>Rumex acetosa</i> s. l. – Щавель кислый	ТВ	Произрастает на береговых валах, удаленных от береговой линии моря. Обилен	+	+	.	+	.	.	.	+
<i>Angelica litoralis</i> – Дягиль литоральный	ФГ	Встречается в экотонных зонах между маршами и лесом. Не обилен	.	.	+	+	+	+	.	
<i>Heracleum sibiricum</i> – Борщевик сибирский	ТВ	Встречается в экотонных зонах между маршами и лесом. Не обилен	.	+	+	+	.	+	+	
<i>Cenolophium denudatum</i> – Пустореперник обнаженный	ФГ	Встречается на буграх маршей, в микродепрессиях, экотонных зонах на грунтах разного механического состава. Везде не обилен	+	.	+	+	+	+	+	+
<i>Ligusticum scoticum</i> – Лигустикум шотландский	ФГ	Произрастает в экотонных зонах у границы пляжей и маршей с лесом. У мыса Сосновый	+	.	+	+	+	+	+	+

Окончание таблицы

Вид	Экологическая группа	Экотоп	ЧМ	МГ	М	ЗП	З	К	Кр
		образует сообщество с тростником, доминируя в нижнем ярусе. Обилен только у мыса Сосновый, в остальных местопроизрастаниях полуострова не обилен							
<i>Tripolium vulgare</i> – Астра морская	ОГ	Произрастает на илисто-песчаных осушках, ниже аккумулятивных террас в зоне ежедневного прилива, обычно в сообществах клубнекамыша морского. Обилен.	+	.	+	+	+	+	+
<i>Lactuca tatarica</i> – Латук татарский	ФГ	Произрастает на береговых валах пляжей, удаленных от береговой линии моря. Обилен	.	.	.	+	+	.	+
<i>Sonchus humilis</i> – Осот приземистый	ФГ	Встречается на маршах в зоне влияния сизигийных приливов, где занимает бровки террас, бугры. Растет на супесчаных слабо задернованных и торфянистых грунтах. Эндем побережий Белого и Баренцева морей. Не обилен	+	+	+	+	+	+	+
<i>Всего</i>	52	–	24	13	37	28	26	35	22

Примечание. Используются следующие сокращения: 1. Названия экологических групп: ОГ – облигатные галофиты, ФГ – факультативные галофиты, ТВ – толерантные к засолению виды. 2. Названия местоположений: ЧМ – Чесменский мыс и побережье в районе устья р. Котова, МГ – мыс Глубокий, М – урочище Мытищи южнее д. Пурнемы, ЗП – Заяцкий полуостров на Унской губе, З – урочище Затресье в устье р. Уна, К – кут Унской губы и его побережье, Кр – побережье в районе пос. Пертоминска (мыс Красногорский Рог, мыс Сосновый на входе в Кинжугскую губу). Обозначения в таблице: + – вид отмечен, точка – отсутствие вида в местоположении.

Видовой состав растительности маршей Онежского полуострова типичен для Белого моря и образован в основном облигатными и факультативными галофитами. Характерными признаками маршей полуострова являются: очень хорошо развитая сеть солоноватых озер и приливных желобов; заболоченные территории у границы с лесом, образование которых является следствием не только эрозионных процессов, но и воздействия нагонов; соседства с болотами на древних аккумулятивных террасах; регрессии моря и паводковых процессов в устьях рек, протекающих через марши. Обводнение маршей побережья Онежского залива приводит к развитию гигрофильных сообществ из *Phragmites australis*, *Bolboschoenus maritimus*, *Eleocharis uniglumis*, *Carex mackenziei*, *Juncus gerardii*, *Hippuris tetraphylla*. В сообществах пляжей доминирующими являются представители псаммофитона (*Leymus arenarius*, *Honckenya diffusa*, *Lathyrus japonicus*), что характерно для всего побережья Белого моря.

Марши являются важной частью водно-болотных угодий Онежского полуострова. Это одни из важнейших гнездовых биотопов и биотопов остановок перелетных птиц на осенних и весенних миграциях, важные кормовые угодья водоплавающих птиц, несомненно, требующие охраны как в пределах Национального парка «Онежское Поморье», так и на прилегающих к нему территориях на полуострове.

Благодарности

Работы на побережье Унской губы выполнены при финансовой поддержке гранта № WWF1523/RU005503-2021 Всемирного фонда дикой природы (WWF) «КОТР международного значения «Унская губа»: сохранение уязвимой экосистемы лагуны Белого моря». Работы на побережье Онежского залива выполнены при финансовой поддержке гранта № 02/2021-Р ВОО «Русское географическое общество» «Белое море – Ворота в Арктику. Загадки пернатых мигрантов». Авторы благодарят администрацию Национального парка «Кенозерский» за помощь в проведении исследований.

Список литературы

1. Лавриненко О.В., Лавриненко И.В. Классификация растительности соленых и солоноватых маршей Большеземельской тундры (побережье Баренцева моря) // Фиторазнообразие Восточной Европы. 2018. Т. 12, № 3. С. 82–143.
2. Леонтьев О.К., Никифоров Л.Г., Сафьянов Г.А. Геоморфология морских берегов. М., 1975.
3. Мосеев Д.С. Пространственная структура приморских фитоценозов побережья пролива Восточная Соловецкая Салма Белого моря // Труды архангельского центра «Русского географического общества». Вып. 5. Архангельск, 2017. С. 354–359.
4. Сергиенко Л.А., Мосеев Д.С. Таксономическая структура и эколого-географическая характеристика флороценотического комплекса побережий Российской Ар-

ктики // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 6 (155). С. 28–33.

5. Сорокин А.Н., Голуб В.Б. Растительные сообщества союза *Matricarion maritimi* all. пов. на берегах северных морей Европейской России // Фиторазнообразие Восточной Европы. 2006. № 2. С. 3–16.

6. Цейц М.А., Добрынин Д.В. Морфогенетическая диагностика и систематика маршевых почв Карельского Беломорья // Почвоведение. 1997. № 4. С. 411–416.

7. Chapman V.J. Salt marshes and salt deserts of the World. London; New York, 1960.

Маршрутные учеты численности бурого медведя на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» в сентябре 2020 года

Пажетнов Сергей Валентинович – директор Центра спасения медвежат-сирот, биолог-охотовед, териолог, старший научный сотрудник, Центрально-лесной государственный природный биосферный заповедник; spazhetnov@gmail.com

Ситникова Елена Федоровна – биолог-охотовед, териолог, заместитель директора по научной работе, Государственный природный биосферный заповедник «Брянский лес»; Sitnikovae@yandex.ru

Футоран Павел Александрович – старший госинспектор-охотовед, Национальный парк «Кенозерский»; магистрант, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; blaid008@yandex.ru

Пажетнова Екатерина Сергеевна – биолог, специалист по реабилитации медвежат-сирот, Центр спасения медвежат-сирот; spazhetnov@gmail.com

Колтовой Виктор Николаевич – лаборант-исследователь, Национальный парк «Кенозерский»

В статье приведены сведения о полевых учетных работах в сентябре 2020 г. на территории Национального парка «Онежское поморье». Маршрутные учеты по следам бурого медведя проведены на Летне-Золотицком участке побережья. На Летне-Золотицком и частично на Пушлахтинском участках побережья парка обитает 11 взрослых медведей и 2 медвежонка-лончака (двухлетних). В летне-осенний период бурый медведь питается как растительными кормами, ягодами и насекомыми на материковой части национального парка, так и растительными кормами, водорослями и моллюсками на прибрежной его территории. Выявлено 22 вида сосудистых растений, которые медведь использует как летне-осенний корм, а также 4 вида водорослей. Вдоль постоянных троп медведей на побережье отмечена высокая маркировочная активность.

Ключевые слова: Бурый медведь, Онежское Поморье, питание, маркировочное поведение, учеты численности.

Conducting the route census of the brown bear population inhabiting Letnaia-Zolotitsa area in Onega Pomorie National Park, September 2020

Pazhetnov Sergei V. – director at Orphan Bear Rescue Center; biologist, game manager, mammalogist, senior research officer, Central Forest State Nature Biosphere Reserve; spazhetnov@gmail.com

© Пажетнов С.В., Ситникова Е.Ф., Футоран П.А., Пажетнова Е.С., Колтовой В.Н., 2022

Sitnikova Elena F. – biologist, game manager, mammalogist, Deputy Director for Research, State Nature Biosphere Reserve «Brianskii Les»; Sitnikovae@yandex.ru
Futoran Pavel A. – senior game warden, Kenozero National Park; master's student, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University; blaid008@yandex.ru
Pazhetnova Ekaterina S. – biologist, orphan bear rehabilitation expert, Orphan Bear Rescue Center; spazhetnov@gmail.com
Koltovoi Victor N. – research laboratory assistant, Kenozero National Park

The paper presents the brown bear census data, compiled in September 2020 in Onega Pomorie National Park. The route census covered the coastal areas of Letnaia Zolotitsa and partially Pushlachta. These two areas are found to be inhabited by 11 mature bears and two yearlings (two-year-old bears). In summer and autumn, the inland brown bears feed on plant life, berries and insects, while the coastal brown bears subsist on a diet of plant life, seaweed and shellfish. The population is found to use as food a total of twenty-two vascular plant species and four seaweed species in summer and autumn. In the coastal part of the area, the brown bear routes are found to have a lot of scent mark trees.

Keywords: Brown bear, Onega Pomorie, nutrition, marking behavior, population counts.

Национальный парк «Онежское Поморье» занимает площадь 201 668 га (включая земли лесного фонда площадью 180 668 га и земли водного фонда площадью 21 000 га (без изъятия их из хозяйственной эксплуатации) в акватории Унской губы Белого моря). Он находится в Архангельской области, на Онежском полуострове, окружен Онежским и Двинским заливами Белого моря.

Систематические научные исследования территории национального парка «Онежское Поморье» начаты в 2013 г. Проводятся научные исследования флоры и фауны, учеты млекопитающих, круглогодичные учеты птиц и др. Маршрутные учеты по следам бурого медведя осуществляются с весны 2018 г.

Материал и методы. Маршрутные учеты по следам бурого медведя проводятся дважды в год – летом (июнь) и осенью (сентябрь). Для этого используется довольно распространенная методика учета на маршрутах по встреченным отпечаткам (следам) лап [2–6]. Данная методика предложена давно и успешно применяется, т.к. доступна и понятна на практике.

Этот метод учета основан на относительной оседлости медведей, а также на том, что каждый зверь имеет четкие индивидуальные различия размеров лап, их плантарных и пальмарных мозолей, а, следовательно, и их отпечатков на субстрате. Таким образом, для учета принимается условие, что следы лап одинакового размера, встреченные в радиусе нескольких километров, как правило, принадлежат одному и тому же медведю. По отпечаткам лап можно примерно судить о половом и возрастном соста-

ве популяции: следы с шириной передней лапы (пальмарной мозоли) до 9–9,5 см принадлежат сеголеткам, у медведей в возрасте 2–3 лет – 10–11,5 см, у зверей старше 3 лет – от 12 см. Также можно сказать, что если размер пальмарной мозоли больше 13–13,5 см, то, скорее всего, отпечаток принадлежит самцу. Наличие небольших по размеру следов поблизости с более крупными свидетельствует об их принадлежности самке с медвежонком (медвежатами).

Учет проводился в период с 8 по 16 сентября двумя группами учетчиков. Погодные условия в период учетов были в основном благоприятны. Двумя группами учетчиков пройдено более 190 км, из них 146 км – это маршруты учетов вдоль побережья, 46 км – исследовательские маршруты.

Первая группа учетчиков проводила учет по побережью к западу от д. Летняя Золотица: примерно на отрезке Летняя Золотица – маяк Чесменский. Вторая группа работала на востоке от деревни: на отрезке Летняя Золотица – ручей Михалица (мыс Тимофеев Наволок).

На маршрутах отмечали: встреченные следы бурого медведя; встреченные следы кормежки и экскременты медведя; маркировочные деревья, лёжки и следовые тропы медведей; встреченные следы жизнедеятельности других млекопитающих.

При встрече следов бурого медведя обязательно измерялась ширина и длина пальмарной мозоли (передняя лапа) с точностью до 0,5 см; если след был хорошо читаем, то специалисты измеряли ширину и длину плантарной мозоли (задняя лапа). Регистрировались только свежие следы (с давностью не более 2 суток). Местонахождение всех следов фиксировалось с помощью GPS-навигатора, проводилась фотофиксация. Все данные по встречам следов медведей и визуальным встречам медведей [9] загружены на портал «Млекопитающие России» (<http://rusmam.ru/>).

При встрече следов кормежки медведя специалисты изучали видовой состав поедаемых растений, по мере возможности определяли на месте вид растения либо фиксировали объекты на фотоаппарат для дальнейшего определения. При обнаружении экскрементов медведя изучался их состав путем осмотра с выделением основного кормового компонента.

Встреченные маркировочные деревья, лёжки и следовые тропы медведей также фиксировались с помощью GPS-навигатора и измерялись. Следы жизнедеятельности других млекопитающих (отпечатки лап, помёт, визуальные встречи) фиксировались с помощью GPS-навигатора.

Всего за время проведения маршрутных учетов отмечено 26 встреч 11 видов животных (не считая бурого медведя): волка, куницы лесной, лисицы, белухи и др. Все данные по встречам этих млекопитающих также загружены на портал «Млекопитающие России».

Характеристика половозрастного состава группировки бурого медведя на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» и оценка численности на побережье. Основной целью учетных работ была оценка

численности бурого медведя на Летне-Золотицком участке побережья парка. Выбранный метод учета численности по следам дает возможность сделать такую оценку с учетом половой и возрастной принадлежности медведей, но этот метод учета не дает возможности проводить экстраполяцию данных. Таким образом, оценить численность группировки медведя можно только в довольно узкой полосе, прилегающей к учетным маршрутам, в данном случае – в полосе от 3 до 5 км вглубь полуострова.

Всего специалистами было зарегистрировано 49 следов бурого медведя. По результатам анализа распределения следов можно провести оценку численности медведя на этом участке побережья.

На Летне-Золотицком и частично на Пушлахтинском участках побережья национального парка обитает 11 взрослых медведей и 2 медвежонка-лончака (двухлетних). Из этих 11 взрослых медведей: три крупных самца-доминанта с размерами пальмарной мозоли 14×7, 14×7 и 15×7,5 см; две самки с размером пальмарной мозоли 12×6 см с медвежатами лончаками и еще 6 медведей в возрасте от трех лет, у которых однозначно пол определить не представляется возможным (ил. 1).

На участке побережья Усть Яренга – Летняя Золотица обитают:

1. Самка с размером пальмарной мозоли 12×6 см и медвежонок-лончак с размером пальмарной мозоли 10×5 см. Следы этой семьи отмечались на побережье от оз. Галкино (изба Большая Каменка) до мыса Наволок Костылиха. Чаще всего на песке рядом с со следами самки были отпечатки медвежонка с размером пальмарной мозоли 10×5 см. Несколько раз было отмечено, что, возможно, у этой самки есть еще один медвежонок с меньшим оттиском лапы 9×5 см, но полной уверенности нет, возможно у этой медведицы все же один медвежонок (в данных учета мы будем иметь в виду 1 медвежонка).

2. Крупный самец с размером пальмарной мозоли 14×7 см. Этого самца удалось визуальнo зарегистрировать и наблюдать за ним два раза в районе избы Ухтнаволок. Участок обитания этого самца очень обширный, и по побережью он делает «рейды» на довольно большие расстояния. Следы этого самца были зарегистрированы на территории от окрестностей Летнего Наволока до мыса Лопалахта. Так, этого медведя мы наблюдали около 8 часов вечера в районе избы Ухтнаволок, его же мы наблюдали около 7 часов утра, двигавшегося уже в обратном направлении. Этот же самец был визуальнo зарегистрирован около 10 часов утра на дороге в районе мыса Крестовый военными, передвигавшимися на автомобиле. Таким образом, этот самец за сутки прошел более 20 км, в основном передвигаясь по побережью или дороге.

3. Медведь с размером пальмарной мозоли 13,5 (13) × 7,5 (6,5) см. Согласно размеру следа этого медведя мы можем предположить, что это, скорее всего, тоже самец, но несколько меньшего размера по сравнению с описанным выше. Его следы отмечены на участке от Летнего Наволока до урочища Кега.

4. Медведя с размером пальмарной мозоли 13×6 см мы наблюдали в районе избы Лопалахта (16 сентября 2020 г.). Можно предположить, что это еще один молодой самец (5–6 лет), либо это медведь, описанный в п. 3.

5. Медведь с размером пальмарной мозоли 12×6 см был нами визуально зарегистрирован 8 сентября (перебегал дорогу перед движущимся автомобилем со стороны моря в материковую часть национального парка). Позже его следы были отмечены на дороге и на побережье в районе мыса Большой Пертнаволок.

На участке побережья Летняя Золотица – Пушлахта обитают:

1. Самка с размером пальмарной мозоли 12×6 см и медвежонок-лончак с размером пальмарной мозоли 10×5 см на участке побережья от Летней Золотицы до мыса Кресты.

2. Медведь с размером пальмарной мозоли 13×6,5 см в районе д. Летняя Золотица по материковой части.

3. Крупный самец с размером пальмарной мозоли 14×7 см. Его следы отмечены на участке Конюховой губы, в районе Пушлахты и мыса Савин.

4. Молодой медведь с размером пальмарной мозоли 11 (11,5) × 5 (5,5) см. Следы этого медведя, скорее всего, в возрасте трех лет отмечены на побережье в Конюховой губе в районе мыса Пушлахотские корги и мыса Летний Орлов, а также в районе Пушлахты (Лебязьи озера).

5. Медведь с размером пальмарной мозоли 13×6,5 см в районе р. Шидровка. Было отмечено, что этот медведь убежал от более крупного самца с размером пальмарной мозоли 14×7 см на берегу губы Пушлахта в районе мыса Тонкий.

6. Крупный самец с размером пальмарной мозоли 15×7,5 см. Его следы отмечены один раз на участке Конюховой губы в районе мыса Пушлахотские Корги. Возможно, это крупный самец, который живет в глубине материковой части и изредка выходит на побережье.

Если принять условную ширину полосы учета за 5 км и протяженность всех учетных маршрутов (150 км), то общая учетная площадь равна 75 000 га (750 км²). В среднем размер одного индивидуального участка медведя составляет около 7000 га. Участки обитания отдельных особей часто накладываются границами друг на друга, а крупные самцы-доминанты занимают очень большие участки и много перемещаются. По литературным сведениям, участок обитания одного взрослого медведя на северо-западе и северо-востоке европейской территории России составляет от 1000 до 9000 га [1; 3; 8].

При сравнении материалов этого учета с такими же маршрутными учетами летом и осенью 2018 г., а также летом 2019 г. обнаружено много совпадающих следов, при том что надо внести небольшие поправки на рост пальмарной мозоли. На основании этого можно сделать вывод, что данные маршрутного учета, проводимого дважды в год (летом и осенью), вполне позволяют оценить численность медведей, обитающих на трех-пятикилометровой полосе побережья.

Некоторые данные о питании бурого медведя на побережье в осенний период. Опубликованных данных о питании бурого медведя Онежского полуострова нет. Отрывочные сведения о ранневесеннем питании медведя на Онежском полуострове указаны Н.Н. Руковским и А.Г. Куприяновым [7]. А.М. Рыков [8] приводит информацию о питании бурого медведя в Среднем Пинежье (Архангельская обл.), поэтому в ходе проведения учетов мы также обращали внимание на изучение состава летне-осенних кормов бурого медведя.

В общей сложности было осмотрено более 100 экскрементов бурого медведя, в основном свежих, но иногда летних. Проводился беглый осмотр экскрементов для выявления основного кормового компонента, если это было возможно, то определялось до вида. В основном в исследованных экскрементах содержались семена и оболочки ягод (шикша, брусника, морошка) и травянистые растения, а также водоросли. Дважды встречены экскременты, содержащие останки нерпы (шкура).

Кроме экскрементов изучались все встреченные места кормежки медведей и поеди растений. Всего исследовано более 30 мест кормежки и поедки растений.

В результате было установлено, что в рацион медведя в летне-осенний период входят 22 вида сосудистых растений, а также 4 вида водорослей. Отмечено питание медведя личинками насекомых, для чего он выворачивал все попадавшиеся на пути камни, разрушал трухлявые пни и деревья. Также медведь занимался поисками насекомых и, возможно, моллюсков в выбросах перепревших водорослей на побережье.

В текущем сезоне (2020 г.) на онежской части побережья (Онежский залив) наблюдался неурожай одного из основных наживочных кормов медведя – ягод черники и брусники, но при этом был хороший урожай морошки, о чем свидетельствует встреченный помет, состоящий из косточек ягод морошки. На двинской части (Двинский залив) урожай ягод, судя по всему, был лучше, т.к. в помете медведя встречаются брусника, черника и шикша в преобладающем количестве.

Медведи кормятся на побережье на границе песчаной полосы прилива и растительности. Здесь они выкапывают и поедают корни зонтичных растений: лигистикума, дудника, сныти и др., а также активно питаются листьями и стеблями лисохвоста, триостренника морского и подорожника приморского. Кроме того, после шторма, когда на берегу оказывается много водорослей, медведи выходят ими кормиться, заодно поедая мелких моллюсков, крабов и пр.

Видимо, для медведей, живущих в прибрежной полосе, одним из часто употребляемых в пищу кормов являются водоросли, которые содержат высокие концентрации витаминов группы В, а также имеют довольно высокое содержание белка, что играет немаловажную роль для медведей в наборе массы перед зимовкой. Список пищевых объектов представлен в таблице 1, а изображения – на иллюстрациях 2 и 3.

Таблица 1. Список кормовых объектов бурого медведя в летне-осенний период

№	Русское название	Латинское название	Часть
Сосудистые растения			
1	Борщевик сибирский	<i>Heracleum sibiricum</i> L.	Листья, стебли, корни
2	Брусника	<i>Vaccinium vitis-idaea</i> L.	Ягоды
3	Водяника обоеполая	<i>Empetrum hermaphroditum</i> Hagerup	Ягоды
4	Водяника черная	<i>Empetrum nigrum</i> L.	Ягоды
5	Дерен шведский	<i>Chamaepericlymenum suecicum</i> (L.) Graebn.	Плоды
6	Дудник лесной	<i>Angelica sylvestris</i> L.	Листья, стебли
7	Дудник лекарственный (Дягиль)	<i>Archangelica officinalis</i> (Moench) Hoffm.	Листья, стебли
8	Клюква болотная	<i>Oxycoccus palustris</i> Pers.	Ягоды
9	Колосняк песчаный	<i>Leymus arenarius</i> (L.) Hochst	Листья, стебли, корни
10	Купырь лесной	<i>Anthriscus sylvestris</i> (L.) Hoffm.	Листья, стебли, корни
11	Лабазник вязолистный	<i>Filipendula ulmaria</i> (L.) Maxim.	Корни
12	Латук татарский	<i>Lactuca tatarica</i> (L.) С.А.Мев.	Листья, стебли
13	Лигустикум шотландский	<i>Ligusticum scoticum</i> L.	Листья, стебли, корни
14	Лисохвост тростнико-видный	<i>Alopecurus arundinaceus</i> Poir	Листья, стебли
15	Морошка	<i>Rubus chamaemorus</i> L.	Ягоды
16	Подорожник приморский	<i>Plantago maritima</i> L.	Листья
17	Скерда кровельная	<i>Crepis tectorum</i> L.	Листья, стебли
18	Сныть обыкновенная	<i>Aegopodium podagraria</i> L.	Листья, стебли, корни
19	Триостренник морской	<i>Triglochin maritima</i> L.	Листья, стебли, корни
20	Черника миртолистная	<i>Vaccinium myrtillus</i> L.	Ягоды
21	Чина приморская	<i>Lathyrus maritimus</i> Bigelow.	Листья, стебли
22	Шиповник иглистый	<i>Rosa acicularis</i> Lindl	Ягоды
Водоросли			
23	Анфельция складчатая	<i>Ahnfeltia plicata</i>	
24	Аскофиллум узловатый	<i>Ascophyllum nodosum</i>	

№	Русское название	Латинское название	Часть
25	Ламинария пальчато-рассеченная	<i>Laminaria digitata</i>	
26	Фукус пузырчатый	<i>Fucus vesiculosus</i>	
Млекопитающие			
27	Кольчатая нерпа	<i>Phoca (Pusa) hispida</i> Schreber	

Некоторые данные о маркировочной деятельности бурого медведя на побережье. Бурый медведь – территориальный вид. Каждая взрослая особь имеет свой участок обитания. Участок, как правило, содержит нужные и важные для медведя кормные и берложные станции с высокими защитными условиями. Медведь в зависимости от сезона года проводит на той или иной части своего участка некоторое время, переходя с одного места на другое, пользуясь, как правило, одними и теми же переходами, таким образом постепенно создавая сеть хорошо заметных троп на своем участке. Именно на этих тропах-переходах чаще всего встречаются различные сигнальные зоны: маркировочные деревья, следовые тропы, лёжки и др.

В процессе учета численности медведя по следам мы также обращали внимание на маркировочные деревья и другие маркёры, свойственные данному виду. Большая часть деревьев находилась в прибрежной полосе леса, поэтому деревья-маркёры отмечались только там, где маршруты проходили по лесной территории. По лесной части маршрут проходил в том случае, если приливо-отливная зона была каменистой, а не песчаной и возможность регистрации отпечатков лап медведя была исключена.

В целом было встречено и измерено 73 дерева-маркёра, 15 лёжек и 6 следовых троп.

Изучение маркировочной деятельности медведя интересно само по себе как проявление биологического сигнального поля, а также с точки зрения определения размеров индивидуальных участков обитания.

Маркировочные деревья являются самым распространенным элементом биологического сигнального поля для медведей. В период бодрствования маркировка деревьев у них практически не зависит от сезона года, изменяется лишь интенсивность.

Обычно медведи маркируют деревья в период гона, но также они могут маркировать дерево, расположенное возле жертвы или падали, возле берлоги или лёжки и т.п. Если в период выхода из берлог и во время гона маркировочная деятельность сильно возрастает, то в летне-осенний период она, как правило, снижается, но не прекращается. Проходя по многолетней тропе, медведь периодически может обновлять ту или иную метку.

Из 73 отмеченных нами деревьев-маркёров преобладали ели: 39 деревьев, а также 33 сосны и 1 береза. На деревьях присутствовали все виды активности: закусы, заломы, задиры и потертости. Все встреченные деревья-маркёры

располагались недалеко от побережья вдоль многолетних медвежьих троп. Рядом с несколькими такими деревьями были зарегистрированы лёжки медведя.

Высота метки на дереве-маркёре не всегда свидетельствует о размерах медведя, различные виды меток – закусы, задиры, потертости, располагаются на разной высоте. На каждом дереве также не обязательно присутствие всех видов активностей, поэтому измеряемые нами параметры, высота расположения метки имеют лишь относительную характеристику. Для дальнейшего исследования маркировочной деятельности медведей Онежского полуострова необходимо регулярно проводить измерения расположения всех видов активностей отдельно.

Интересно отметить, что большинство деревьев, выбранных медведем для маркировки как елей, так и сосен, не имеют больших диаметров. Средний диаметр ели составил 10 см, а сосны – 18 см. Это обусловлено, видимо, тем, что в пределах троп, на краю леса деревьев больших диаметров не много, в основном встречаются тонкие деревья. Зачастую встречаются деревья с обломанными макушками: из-за активной маркировочной деятельности медведей деревья малых диаметров ломаются, кроме того, животные сами обламывают макушки или вовсе заламывают небольшие деревья.

Список маркировочных деревьев (Е – ель, С – сосна) представлен в таблице 2, а соответствующие изображения – на иллюстрациях 4 и 5.

Таблица 2. Характеристика маркировочных деревьев

№	Вид дерева	Высота метки, см	Диаметр дерева, см	№	Вид дерева	Высота метки, см	Диаметр дерева, см
1	Е	120	4	38	Б	190	11
2	Е	126	7	39	С	165	40
3	Е	130	5	40	С	170	8
4	Е	135	4	41	С	180	40
5	Е	140	5,5	42	С	180	7
6	Е	146	5	43	С	180	9
7	Е	150	6	44	С	180	7
8	Е	150	6	45	С	180	9
9	Е	160	4	46	С	180	8
10	Е	165	5	47	С	190	14
11	Е	168	6	48	С	190	14
12	Е	170	11	49	С	190	15
13	Е	170	12	50	С	190	31
14	Е	170	6	51	С	190	15
15	Е	174	6	52	С	192	11
16	Е	180	10	53	С	195	16
17	Е	180	11	54	С	200	10

№	Вид дерева	Высота метки, см	Диаметр дерева, см	№	Вид дерева	Высота метки, см	Диаметр дерева, см
18	Е	185	14	55	С	200	10
19	Е	185	23	56	С	200	11
20	Е	185	8	57	С	200	25
21	Е	190	10	58	С	200	25
22	Е	190	11	59	С	200	26
23	Е	190	11	60	С	200	40
24	Е	190	11	61	С	200	45
25	Е	195	16	62	С	200	9
26	Е	195	6	63	С	200	25
27	Е	200	12	64	С	200	10
28	Е	200	14	65	С	205	9
29	Е	200	32	66	С	205	9
30	Е	200	7	67	С	210	10
31	Е	200	7	68	С	210	16
32	Е	205	15	69	С	210	50
33	Е	210	8	70	С	210	10
34	Е	215	18	71	С	228	14
35	Е	215	9		Среднее значение	194,8	18,1
36	Е	220	12				
37	Е	235	11				
	Среднее значение	179,4	10,0				

Помимо маркировочных деревьев нами были найдены медвежьи лёжки и следовые метки (тропы). Практически все лёжки медведя располагались под кронами елей, рядом с береговой линией, там, где лес близко подходил к морю, в пределах от 50 до 250 м. В среднем размеры лёжек составляли 70×100 см. Кроме того, все встреченные лёжки были приурочены к постоянным медвежьим тропам. Здесь, как правило, медведь отдыхал при переходах с одной части участка на другой. Лёжки также являются частью сигнальных биологических полей, часто рядом с ними располагаются и следовые метки (тропы).

Следовые метки (тропы) медведь чаще всего оставляет во время гона, кроме того, это могут быть территориальные метки, отмечающие, что участок занят. Следовая метка – это признак очень возбужденного состояния зверя. Кроме гона, причина может заключаться в том, например, что медведя кто-то напугал – другой медведь или присутствие человека.

Возможные причины выхода медведей в осенний период на побережье и к населенным пунктам. В годовом жизненном цикле медведей есть несколько важных и хорошо заметных периодов подвижки. Это период выхода из берлог, когда медведи перемещаются с мест зимовок на кормные участки, возвращаются на свои индивидуальные участки. Вторая — это период гона, когда активно перемещаются самцы. Третья подвижка — перемещение в места летне-осенней наживровки. И четвертая — перемещение в места зимовки. Вероятность встречи следов медведей и их самих всегда возрастает в эти периоды.

Медведи, у которых участки обитания расположены вдоль побережья, выходят к берегу моря периодически во все сезоны: весной для поиска падали, летом после шторма, а также для поиска еды, во время гона, для игр и т.д. На побережье иногда появляются и медведи, живущие вдали от берега. Скорее всего, такие выходы совершают крупные и средние самцы, а также молодые медведи (как самцы, так и самки) в поисках свободной территории обитания и просто для разведки или знакомства с территорией.

Во время всех этих перемещений у «местных» и «пришлых» особей могут возникать нарушения в поведении, проявляющиеся в агрессивности, излишнем любопытстве или наглости. Такие моменты, как правило, связаны с тем, что звери в это время перевозбуждены и находятся в стрессовой ситуации, особенно те особи, которые не знают местности («пришлые»). Местному населению и сотрудникам национального парка необходимо быть наиболее внимательными в такие периоды, находясь в лесу или на окраинах населенных пунктов.

Случаи массовых миграций медведей из-за отсутствия наживочных кормов, конечно, известны, но все же в условиях северо-востока европейской части России эти явления маловероятны. Медведи могут кочевать, например, в поисках мест с большей урожайностью ягод, но эти кочевки не проявляются глобальными переходами медведей на большие расстояния. У бурого медведя настолько широкий спектр питания, что практически в любых условиях зверь может найти корма для накопления жировых запасов, особенно в относительно мягких погодных условиях Поморья, по сравнению, например, с Камчаткой или Крайним Севером. Неурожай одного или даже нескольких видов кормов в этих условиях не представляет серьезных проблем для животного и не может привести к появлению «шатунов».

В зонах исполнения служебных обязанностей сотрудников особо охраняемых природных территорий, проживания местного населения и посещения посетителей Национального парка «Онежское Поморье» крайне важно особо внимательно наблюдать за медведями, чье поведение отличается от типичного. Медведи, которые оказались кем-то прикормленными или проявили агрессию, должны, безусловно, устраняться из популяции методом иммобилизации (обездвиживания), если это возможно, и перевозки в отдаленные лесные уголья или отстрела.

Выводы. Методика маршрутного учета по следам бурого медведя может быть успешно использована дальше для оценки численности медведей, обитающих на побережье, в пределах Национального парка «Онежское Поморье» и прилегающей территории. Проведение ежегодных и единовременных летне-осенних маршрутных учетов на всем протяжении побережья даст возможность достаточно точно оценить численность медведей, обитающих на трех-пятикилометровой прибрежной полосе.

К пешим учетным маршрутам по побережью следует добавлять небольшие исследовательские маршруты вглубь лесного массива для изучения маркировочной деятельности и питания бурого медведя. В дальнейшем можно предусмотреть организацию и проведение учета путем идентификации зверей с помощью генетического анализа неинвазивно собранных биологических проб (сбор шерсти). Этот метод учета дает более полную и точную информацию о численности и составе популяции; но метод требует довольно существенных финансовых затрат, а также наличия сотрудников, способных отработать полностью полевой сезон (с мая по сентябрь) в полевых условиях для сбора проб. В то же время, единовременное проведение такого учета в дальнейшем дает возможность делать его раз в пять лет.

Анализ видового состава рациона бурого медведя в летне-осенний период показал, что медведь активно питается как растительными кормами, ягодами и насекомыми на материковой части национального парка, так и растительными кормами, водорослями и моллюсками на прибрежной его территории. Взаимосвязь выходов медведей на побережье с наличием в большом количестве на данной территории наживочных кормов не выявлена.

Отмечена высокая маркировочная активность медведей на побережье вдоль постоянных троп. Дальнейшее исследование маркировочной деятельности медведей Онежского полуострова может представлять как научный интерес, так и являться предметом показа в рамках познавательного туризма.

Список литературы

1. *Вайсфельд М.А.* Северо-Восток Европейской территории России // Медведи: бурый медведь, белый медведь, гималайский медведь. Промысловые животные России и прилегающих стран и среда их обитания. М., 1993. С. 37–50.
2. *Губарь Ю.П.* Методические указания по определению численности бурого медведя. М., 1990. С. 31.
3. *Данилов П.И., Тирронен К.Ф., Белкин В.В., Панченко Д.В., Федоров Ф.В.* Бурый медведь и оценка его численности в европейской тайге. Петрозаводск, 2014. С. 59.
4. Методика учета бурого медведя в Европейской тайге / сост. И.С. Козловский. Киров, 1989.
5. *Насимович А.А.* Количественный учет росомахи, медведей и зверей из семейства кошачьих // Методы учета численности и географического распространения наземных позвоночных. М., 1952. С. 204–214.

6. *Пажетнов В.С.* Косвенные сигнальные знаки в социальном поведении бурых медведей // Экологические основы охраны и рационального использования хищных млекопитающих. М., 1979. С. 228–230.

7. *Руковский Н.Н., Курпьянов А.Г.* О ранневесеннем питании бурого медведя на Онежском полуострове // Зоологический журнал. 1970. Т. XLIX, вып. 2. С. 311–312.

8. *Рыков А.М.* Экология бурого медведя в Среднем Пинежье // Экология медведей. Новосибирск, 1987. С. 76–84.

9. *Lissofsky A.A., Shefiel B.I., Stakheev V.V., Ermakov O.A., Smirnov D.G., Glazov D.M., Strelnikov D.P., Ekonomov A.V., Titov S.V., Obolenskaya E.V., Kozlov Y.A., Saveljev A.P.* Creating an integrated information system for the analysis of mammalian fauna in the Russian Federation and the preliminary results of this information system // Russian Journal of Theriology. 2018. Vol. 17, no. 2. P. 85–90.

Особенности новейших изменений орнитофауны в южном Беломорье¹

Покровская Ирина Владимировна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук; savair@igras.ru

Брагин Альберт Владимирович – старший научный сотрудник – начальник отдела изучения природных комплексов и объектов, Национальный парк «Кенозерский»; aapaboloto@yandex.ru

В статье приведены сведения по видам птиц, вселившихся и залетающих в Двинской и Онежский заливы Белого моря. Показана значительная роль речных долин как экологических русел расселения южных видов в Гипоарктический биогеографический пояс. Продемонстрирована важность южного Беломорья как модельного научного полигона для изучения современной динамики биоты Арктики.

Ключевые слова: динамика биоты, гнездящиеся виды, залетные виды, локализация встреч, модельный регион.

The current trends and patterns in the southern White Sea bird fauna

Pokrovskaja Irina V. – PhD (Biology), senior researcher, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; savair@igras.ru

Bragin Albert V. – senior researcher, head of Department of Natural Site and Complex Studies, Kenozero National Park; aapaboloto@yandex.ru

The paper provides the data on the bird species that use the Dvina Bay and the Onega Bay of the White Sea as habitats and stops along migration routes. The significant role of river valleys as ecological channels for the expansion of the southern bird species within the Hypoarctic Biogeographical Belt is shown. Evidence is provided of the importance of the southern White Sea region as a model ground for studying the modern dynamics of the Arctic biota.

Keywords: biota dynamics, nesting species, migratory species, encounter localization, model region.

© Покровская И.В., Брагин А.В., 2022

¹ Работа выполнялась по теме госзадания Института географии РАН FMGE-2019-0007 «Оценка физико-географических, гидрологических и биотических изменений окружающей среды и их последствий для создания основ устойчивого природопользования».

В последнее время большое внимание уделяется проблеме существенных трансформаций арктических экосистем под совместным влиянием климатических изменений и хозяйственной деятельности человека. Этот процесс имеет глобальный характер с разной степенью региональной выраженности. Одно из самых обсуждаемых явлений в текущий момент – прогрессирующее и идущее быстрыми темпами закустаривание (покрытие кустарником) открытых тундровых пространств как частный случай эффекта «позеленения» тундровой зоны. В то же время закустаривание присуще не только арктическим экосистемам, оно имеет место в альпийских ценозах, саваннах, луговых сообществах. Его ареал выходит далеко за рамки арктического региона и имеет планетарный характер. В Арктике его масштаб также повсеместен и прослежен как в Палеарктике, так и в Неарктике.

Однако Арктика имеет четкую широтную дифференциацию и ее южные области, возможно не так радикально подвергающиеся трансформации «позеленения», в настоящее время в большей степени, чем остальные арктические регионы, испытывают приток ряда южных видов птиц из других природных зон, успешно осваивающих ландшафты Гипоарктического биогеографического пояса.

В последние годы здесь наиболее интенсивна экспансия видов, приуроченных к интразональным биотопам. Темпы этого явления неодинаковы для конкретных локальных фаун и полнота южной группы видов в локальной орнитофауне зависит не только от ландшафтно-биотопической специфики на месте, но и от наличия и масштаба экологических русел расселения из более южных таежных регионов в северном направлении. Руслу продвижения авангардных особей расселяющихся видов в северном направлении зачастую служат поймы крупных рек, текущих в этом же направлении. Их роль в этом процессе общеизвестна и описана ранее [11].

Убедительным примером такого неравномерного расселения видов и зависимости этого процесса от величины рек и степени развития пойменных ландшафтов в ее долине служат неодинаковые изменения современных орнитофаун Двинского и Онежского заливов Белого моря, образующих его южную часть. В оба залива впадают крупные реки – соответственно их названиям – Северная Двина и Онега, текущие в меридианальном направлении, но различающиеся размерами и степенью выраженности пойменных и дельтовых ландшафтов в своих долинах. Двинской залив образован впадением в Белое море крупной р. Северной Двины, имеющей при впадении широкую и протяженную дельту. Кроме того, Северная Двина также имеет обширную пойму в нижнем течении. Онега, впадающая в Онежский залив, существенно короче, ее долина имеет гораздо меньшую площадь аллювиальных ландшафтов и неразвитую дельту, приближающуюся к эстуарному типу.

Материалы и методы. Основные сведения по распределению птиц собирались во время наблюдения за миграциями на юге Онежского полуострова

в национальных парках «Онежское Поморье» и «Кенозерский» и их окрестностях весной и осенью 2014–2021 гг. Опорными пунктами наблюдений были пос. Пертоминск в Двинском заливе и с. Пурнема в Онежском заливе. Промежуточным опорным пунктом служила д. Луда в кутовой части Унской губы Двинского залива. Также проанализированы литературные источники, включая собственные публикации авторов.

Результаты. Сообщества птиц, характерные для интразональных ландшафтов и в последнее время расселяющиеся на север, более разнообразны и многочисленны в Двинском заливе, нежели в Онежском.

Наиболее ярко эта тенденция проявляется в распространении видов чайковых птиц из отряда *Ржанкообразных* (Charadriiformes) (табл. 1). К этим видам следует отнести озерную чайку (*Larus ridibundus*). Она появилась на Белом море во второй половине XX в. [18] на фоне долговременного расширения ареала и синантропизации вида [7]. Ранее гнездовые колонии этого вида (10–30 пар в разные годы) были известны в окрестностях Архангельска к югу от Унской губы Двинского залива и на острове Жижгин к северу от Онежского полуострова. В Онежском заливе, несмотря на долговременный 30-летний мониторинг водно-болотных птиц, озерная чайка на гнездовании не обнаружена, хотя регулярно регистрируется [18]. П.Н. Амосов наблюдал озерную чайку и на р. Онеге в 2008 г., но гнездование установить не удалось [1].

Таблица 1. Локализация гнездования недавно вселившихся видов птиц в южном Беломорье

Вид	Только в Двинском заливе (с устьевой части Северной Двины)	Только в Онежском заливе	По всему южному Беломорью
Озерная чайка	+	–	–
Речная крачка	+	–	–
Чибис	–	–	+
Выпь	+	–	–
Пеганка	–	+	–
Красноголовый нырок	+	–	–
Серая утка	+	–	–
Чомга	+	–	–
Лысуха	+	–	–

По всей вероятности, расселение этой чайки на север на юге Белого моря идет по Двинскому заливу. Возможно, определенную роль в этом играет усиление синантропизации и высокое обилие вида под Архангельском в устьевой части долины Северной Двины, где птица сформировала ряд гнездовых

колоний, в том числе крупнейшую на Европейском Севере России общей численностью 2–3 тыс. гнездовых пар [5].

Предельная концентрация вида в этом месте служит форпостом и источником для дальнейшего расселения популяционного резерва озерных чаек по Двинскому заливу. В 2016 г. обнаружена смешанная колония чайковых птиц, основу которой составляет озерная чайка, в кутовой части Унской губы Двинского залива в ходе инвентаризации биоты на территории Национального парка «Онежское Поморье» в его восточном кластере [14]. Она располагается в месте впадения р. Вёжма в Унскую губу. Относительно уже известных колоний озерных чаек юга Белого моря эта колония находится посередине между группой колоний под Архангельском и колонией на острове Жижгин. В колонии в 2016 г. начат долгосрочный мониторинг состояния популяций чайковых птиц, в том числе озерной чайки, находящейся на северном пределе гнездового ареала. В качестве параметров слежения за популяциями чайковых используются гнездовая численность, фенология гнездования, размеры гнезд и кладок, а также самих отложенных яиц.

Средняя величина кладки озерной чайки в обследованной колонии составила 2,73 яйца при числе яиц в гнездах от 1 до 5, причем в кладке с 5 яйцами 2 яйца отличались от остальных по размерам и окраске, т.е. кладка была, по всей вероятности, отложена двумя самками. Средняя величина кладки не выделяется из таковых показателей по северо-западу России. Одно из 235 обследованных яиц имело аномальную светло-голубую окраску. В 2018 г. нам удалось установить лишь сам факт гнездования озерной чайки в колонии. В 2020–2021 гг. озерная чайка в этой колонии не гнездилась по неизвестным причинам.

Тенденция продвижения гнездования на север характерна и для речной крачки (*Sterna hirundo*). Возможно, это сопряжено с продвижением на север озерной чайки, т.к. единственное место гнездования речной крачки на южном Беломорье известно для колонии в устье р. Вёжма. Для этого вида характерно гнездование в смешанных колониях с другими видами чайковых [17]. Речная крачка в последнее время расширяет свой ареал на Белом море [9; 10]. В пределах России северная граница гнездовой части ареала речной крачки до последнего времени оставалась неуточненной, поэтому трудно судить об интенсивности современного продвижения этого вида на север. В.А. Зубакин проводит приблизительную северную границу области гнездования южнее и западнее Онежского полуострова [8]. В настоящее время юг Белого моря представляет собой область симпатрического обитания речной и полярной крачек при явном численном преобладании последней. В начале XXI в. речных крачек регистрировали в колониях полярных крачек и в Онежском заливе на острове Пасканец на самом юге залива в 2010 г. и в середине острова Средний Жужмуй в 2011 г. Однако гнездование при этом не было установлено [18].

В обследованной колонии в устье р. Вёжма найдено 9 гнезд речных крачек. Интересно, что при многочисленных конфликтных ситуациях между птицами над колонией в воздухе, как внутривидовых, так и межвидовых, ни разу не проследжено конфликтов чаек с речной крачкой.

Кладки речных крачек располагались на разных субстратах — на сухой траве, на стеблях полегшего тростника, на земле практически без какого-либо гнездового материала, лишь иногда в слегка обозначенной ямке. Средняя величина кладки — 2,22 яйца при числе яиц в кладках от 1 до 3 яиц. Возможно, меньшие размеры яиц, чем в среднем по ареалу на территории России, говорят о пределе возможностей вида при гнездовании на северной границе гнездования.

В то же время, чибис (*Vanellus vanellus*), представитель того же отряда Ржанкообразных, успешно гнездится на берегах обоих заливов в луговых интразональных сообществах. Его расселение на север началось раньше, чем у чайковых, в первой половине XX в., точнее в 1930–1940-х гг. За почти вековой срок чибис успешно освоил речные долины Онеги и Северной Двины и гнездится по берегам обоих заливов в подходящих биотопах, хотя повсеместно немногочислен.

Представители отряда Аистообразных (*Ciconiiformes*) в отличие от Ржанкообразных демонстрируют разные модели освоения юга Белого моря. К видам этого отряда, освоившим на гнездовании лишь Двинский залив, относится выпь (*Botaurus stellaris*), отсутствующая в Онежском заливе и не залетающая туда даже случайно.

В мае 2015 г. в Унской губе Двинского залива в окрестностях пос. Пертоминска зарегистрировано 2 постоянно токующих самца большой выпи [6]. Наблюдения 2016–2020 гг. подтвердили гнездование большой выпи в Унской губе. Обоих отмеченных в 2015 г. токующих самцов отмечали на тех же самых предположительно гнездовых участках. Кроме того, при расширении площади обследования до верхней части Унской губы были выявлены постоянно токующие самцы в окрестностях д. Луды. Эта же картина распространения выпи была характерна для Унской губы и весной 2021 г. Всего в Унской губе гнездится около 8–10 пар большой выпи. Вероятно, расселение этого вида по Двинскому заливу и Унской губе происходило из дельты Северной Двины. В 1990-х гг. выпь регистрировалась в дельте и предполагалось ее гнездование [13]. В соседнем Онежском заливе, несмотря на продолжительный мониторинг орнитофауны, выпь пока не обнаружена, как и на севере Онежского полуострова.

При этом серая цапля (*Ardea cinerea*) регулярно встречается в обоих заливах юга Белого моря как залетный вид. Присутствие вида в окрестностях д. Луды и около пос. Пертоминска в Двинском заливе выявлено в результате опросов и неоднократных сообщений о встречах цапель инспекторами парка и местными жителями, в том числе натуралистом-любителем Владимиром Анатольевичем Сынковым. Эти наблюдатели утверждают, что серые цапли

появились около 2012 г. Чаще всего они встречались в залесенной части урочища Затресье напротив д. Луды и далее вверх от него по берегам р. Уна. Молодые непополовозрелые, а также холостые особи изредка наблюдаются на юге Белого моря в Онежском и Двинском заливах [12]. В Онежском заливе серая цапля нерегулярно появляется с 2003 г. [18].

Из отряда Гусеобразные (Anseriformes) для обоих заливов характерен такой южный пришелец, как пеганка (*Tadorna tadorna*). Для Онежского залива доказано гнездование, в то время как в Двинском заливе пеганка пока имеет статус залетного вида [6].

Залеты красноголовой чернети (*Aythya ferina*) отмечены для обоих заливов, начиная с 2015 г. В мае 2015 г. одиночные самцы этого вида замечены как в Двинском и Онежском заливах [6], так и в окрестностях Архангельска [5]. Спустя два года после обследования в окрестностях Архангельска зарегистрировано гнездование вида в окрестностях Северодвинска в устьевой области долины Северной Двины [2].

Серая утка (*Anas strepera*) также в последнее время продвигается на север. Особенно активно этот процесс прослежен с 1990-х гг. [12]. К этому же времени относится первая регистрация серой утки в Онежском заливе. В Двинском заливе она не отмечена, но в дельте Северной Двины появилась в начале XXI в. [4], а в 2017 г. найдена на гнездовании в окрестностях Архангельска [2]. Расселение серой утки на север происходило сравнительно давно по сравнению с другими водоплавающими, например с красноголовой чернетью. С 1990-х гг. этот вид успел освоить регион западнее мест наших исследований, став там одной из самых многочисленных видов речных уток [12], что отчасти объясняет ее регистрации в Онежском заливе и отсутствие таковых в Двинском. Возможно, серая утка пропущена при обследовании Двинского залива в связи с кратковременностью исследований в гнездовой период.

В последнее время чомга (*Podiceps cristatus*) из отряда Поганкообразные (Podicipediformes), по всей вероятности, продвигается в северном направлении, о чем говорит факт ее гнездования в устьевой области долины Северной Двины в 2015 г. [3]. Ранее с начала XXI в. здесь отмечены залеты этого вида. Ни в Двинском, ни в Онежском заливе чомга не отмечена.

Лысуха (*Fulica atra*) из отряда Журавлеобразных (Gruiformes) в последние 50–70 лет успешно освоила регион западнее мест наших исследований, о чем говорят редкие встречи залетных особей в Онежском заливе. В окрестностях Архангельска первый факт гнездования прослежен в 2014 г., но в Двинском заливе лысуха не отмечена. В Онежском заливе все встречи лысухи приходятся на вторую половину лета и раннюю осень, когда наблюдения в Двинском заливе не проводились, что, возможно, повлияло на картину распределения этого вида.

Кроме гнездящихся видов в обоих заливах изредка регистрируются залетные виды из более южных регионов (табл. 2). К ним можно отнести ушастую сову (*Asio otus*) отряд Strigiformes, степного луня (*Circus macrourus*) отряд Fal-

coniformes, обыкновенного козодоя (*Caprimilgus caprimilgus*) отряд Caprimulgiformes, обыкновенного удода (*Uripa eops*) отряд Uripiformes, обыкновенную горлицу (*Streptopelia turtur*) отряд Columbiformes, лебедя-шипунa (*Cygnus olor*) отряд Anseriformes.

Таблица 2. Локализация встреч залетных видов птиц в южном Беломорье

Вид	Только в Двинском заливе (с устьевой части Северной Двины)	Только в Онежском заливе	По всему южному Беломорью
Шипун	—	—	+
Ушастая сова	—	—	+
Степной лунь	—	—	+
Козодой	—	—	+
Удод	—	—	+
Горлица	—	—	+

Лебедь-шипун (*Cygnus olor*) регулярно, но редко встречается в Онежском и Двинском заливах как залетный вид с начала XXI в. При этом данный вид лебедя успешно осваивает и более северные регионы, эпизодически гнездясь в тундровой зоне.

Залетные виды из южных областей, в отличие от гнездящихся, представляют более разнородную группу в своих требованиях к среде и не выказывают предпочтения в локализации, равномерно распределяясь по всему южному Беломорью.

Заключение. Таким образом, в южном Беломорье в настоящее время орнитофауна достаточно полно и убедительно индицирует процесс трансформации биоты южной Арктики (Гипоарктики) в области ее контакта с таежной природной зоной. Этот процесс выражен вселением ряда более южных форм в нативные экосистемы. Экспансия южных форм птиц в северном направлении в группе неворобьиных присуща 16 видам, принадлежащим к 10 отрядам, из них 9 видов гнездятся в исследуемом регионе, а 7 имеют статус залетных. Все эти виды представляют собой группу с очень разнородными требованиями к среде и различными экологическими нишами, что говорит об универсальности перестроек биоты.

Этот процесс наиболее интенсивен в устьевых областях крупных рек, текущих в меридианальном направлении. Так, в устье Северной Двины только за последние 5 лет начали гнездиться 4 вида околотовных птиц с различными экологическими диапазонами — серая утка, красноголовая чернеть, чомга и лысуха (см. табл. 1). Судя по тому, что большинство из них регулярно залетает в Онежский и Двинский заливы, следует ожидать их дальнейшего продвижения на север как гнездящихся. Виды с более продолжительной историей экспансии на север — озерная чайка, речная крачка, большая выпь — в разной степени, но достаточно успешно освоили гнездование в устьевой части

Северной Двины и находятся в процессе гнездового расселения по Двинскому заливу, причем чайковые кочуют и по Онежскому, а стенопопность выпи ограничивает ее распространение восточным сектором рассматриваемого региона. Повсеместное гнездование чибиса в южном Беломорье соответствует наиболее продолжительной истории его расселения на север. Распространение степного вида пеганки и диапазон ее требований к среде не связаны с поймами рек, поэтому ее преимущественное расселение и гнездование в Онежском заливе вполне закономерно.

Семь видов (см. табл. 2), редко и не ежегодно отмечаемых по всему южному Беломорью и имеющих статус залетных, по всей вероятности, проходят стадию рекогносцировки территории и пока имеют слабые связи с нативными экосистемами [15; 16]. Тем не менее, многочисленность и разнородность группы залетных видов позволяет предположить, что при сохранении современного климатического тренда их внедрение в южноарктические экосистемы окажется успешным для каких-либо из этих видов, а видовое богатство экосистем возрастет.

При инвентаризации локальных фаун во время интенсивных перестроек биоты необходимо принимать во внимание ландшафтную и гидрологическую специфику не только самой изучаемой территории, но и возможной области расселения видов, что четко демонстрирует распределение южных «иммигрантов» в регионе южного Беломорья.

Современное состояние сообществ птиц этого региона достаточно ярко и репрезентативно показывает общие тенденции перестроек биоты, происходящие в южной области Арктики, подвергающейся интенсивным кумулятивным воздействиям различного генеза. Регион Беломорья вполне успешно служит модельным регионом слежения за динамикой арктической биоты.

Список литературы

1. Амосов П.Н., Лобас Е.А. Распространение и биология озерной чайки *Larus ridibundus* в Архангельской области // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4 (46). С. 6–8.
2. Андреев В.А. Гнездование серой утки *Anas strepera* и красноголового нырка *Aythya ferina* в устьевой области Северной Двины // Русский орнитологический журнал. 2019. № 28 (1839). С. 4978–4986.
3. Андреев В.А. Гнездование чомги *Podiceps cristatus* в Архангельске в 2015 году // Русский орнитологический журнал. 2015. Т. 24 (1181). С. 3043.
4. Андреев В.А. Новые птицы в Архангельской области // Русский орнитологический журнал. 2007. Т. 16 (345). С. 216–217.
5. Андреев В.А., Спицын В.М. Весенние орнитологические находки в Архангельске в 2015 году // Русский орнитологический журнал. 2015. Т. 24 (1149). С. 1925–1927.
6. Брагин А.В., Покровская И.В. Сведения о редких и малочисленных птицах района Унской губы и Двинского залива Белого моря // Русский орнитологический журнал. 2015. Т. 24. Экспресс-вып. 1215. С. 4149–4152.

-
-
7. *Виксне Я.А.* Озерная чайка // Птицы СССР. Чайковые. М., 1988. С. 85–98.
 8. *Зубакин В.А.* Речная крачка // Птицы СССР. Чайковые. М., 1988. С. 431–437.
 9. *Коханов В.Д.* Обзор изменений, отмеченных в орнитофауне Мурманской области за последнее столетие // Проблемы изучения природы Прибеломорья. Мурманск, 1987. С. 20–27.
 10. *Краснов Ю.В., Горяев Ю.И., Ежов А.В., Иваненко Н.Ю.* Изменения ареалов чайковых птиц в регионе Кольского полуострова // Глобальные климатические процессы и их влияние на экосистемы арктических и субарктических регионов. Апатиты, 2011. С. 99–101.
 11. *Максимов А.А.* Структура и динамика биоценозов речных долин. Новосибирск, 1974.
 12. Миграции птиц Северо-Запада России. Неворобьиные / под ред. Г.А. Носкова, Т.А. Рымкевич, А.Р. Гагинской. СПб., 2016.
 13. *Плешак Т.В.* Залеты голенастых птиц в Архангельскую область // Русский орнитологический журнал. 1999. Т. 8 (58). С. 14–15.
 14. *Покровская И.В., Брагин А.В.* Смешанная колония чайковых птиц в Унской губе Белого моря как возможный объект экологического мониторинга // Русский орнитологический журнал. 2016. Т. 25 (1330). С. 3175–3180.
 15. *Покровская И.В., Обухова Н.Ю.* Встречи редких и недавно вселившихся видов птиц в Унской губе Двинского залива Белого моря (национальный парк «Онежское Поморье») в условиях аномально поздней и холодной весны 2017 года // Русский орнитологический журнал. 2018. Т. 27. Экспресс-вып. 1640. С. 3400–3403.
 16. *Покровская И.В., Футоран П.А.* Сведения о редких видах птиц окрестностей опорного пункта национального парка «Онежское Поморье» в кутовой части Унской губы // Русский орнитологический журнал. 2017. Т. 26. Экспресс-вып. 1499. С. 3910–3913.
 17. *Рябицев В.К.* Птицы Урала, Предуралья и Западной Сибири. Справочник-определитель. Екатеринбург, 2008.
 18. *Черенков А.Е., Семашко В.Ю., Тертицкий Г.М.* Птицы Соловецких островов и Онежского залива Белого моря. Архангельск, 2014.

**Изменения в Перечне видов сосудистых растений в новом издании
Красной книги Архангельской области и Перечне видов
для бионадзора, в том числе касающиеся флоры национальных
парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье»**

Пучнина Людмила Васильевна – заместитель директора по научной работе,
Государственный заповедник «Пинежский»; pinzapno@mail.ru

Чуракова Елена Юрьевна – кандидат биологических наук, старший научный
сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения
Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской
академии наук; alex0000001@yandex.ru

Дровнина Светлана Игоревна – кандидат географических наук, ведущий на-
учный сотрудник, Национальный парк «Кенозерский»; priroda@kenozero.ru

В статье приводится информация об изменениях, которые претерпел список охраняемых сосудистых растений в новой редакции Красной книги Архангельской области (2020 г.). Из списка предыдущего издания были исключены 10 видов, в новый список дополнительно внесены 15 видов. У ряда видов изменен статус категории редкости. Приводятся сведения об изменениях в Перечне видов, рекомендуемых для бионадзора. Анализируются причины корректировки списков охраняемых видов. Представлены сведения о произрастании вновь включенных в Красную книгу и список для бионадзора видов на территории национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье».

Ключевые слова: сосудистые растения, Красная книга, Архангельская область, Национальный парк «Кенозерский», Национальный парк «Онежское Поморье».

**Changes to the Vascular Plant Species List in the revised Red
Book of Arkhangelsk Region and to the Species List for Biological
Surveillance: relevance to the flora of Kenozero National Park and
Onega Pomorie National Park**

Puchnina Lyudmila V. – deputy director for research, Pinega State Nature Reserve;
pinzapno@mail.ru

Churakova Elena Yu. – PhD (Biology), senior researcher, N. Laverov Federal
Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences; alex0000001@yandex.ru

Drovnina Svetlana I. – PhD (Geography), leading researcher, Kenozero National Park; priroda@kenozero.ru

The paper discusses changes to the list of the protected vascular plants in the revised Red Book of Arkhangelsk Region (2020). The updated list has lost 10 species and features 15 newly added ones. Some of the species have been revised for category of rarely occurring. The paper further presents the changes to the Species List for Biological Surveillance, analyzing the reasons for adjusting the protected species lists. Data is presented on the recently added species (in the Red Data Book and Species List for Biological Surveillance) that occur in the national parks Kenozersky and Onega Pomorie.

Keywords: vascular plants, Red Book, Arkhangelsk Region, Kenozero National Park, Onega Pomorie National Park.

Проведенные после издания в 2008 г. Красной книги Архангельской области флористические исследования [2–4; 6; 8–11; 14; 24; 26–28; 35–40; 42–44; 47] существенно дополнили знания о составе флоры Архангельской области и распространении редких видов сосудистых растений, в том числе и на особо охраняемых природных территориях (ООПТ). Работа с материалами гербарных фондов, прежде всего Ботанического института РАН (LE), СПбГУ (LECB), САФУ (AR) и анализ открытых электронных баз о биоразнообразии [33], особенно данные Г. Окатова 2010–2019 гг. и О.В. Морозова 2013–2021 гг., позволили уточнить данные о местах произрастания ряда видов и частоте их встречаемости в разных районах области. Внесли свою лепту также сведения, поступившие от волонтеров (А. Березовца, М. М. Гусевой, А. А. Ермолина) и школьников, выполнявших исследовательские работы [7; 16].

Новые данные послужили основой для корректировки списка охраняемых сосудистых растений в новой редакции Красной книги Архангельской области [18] и изменения категории статуса редкости для некоторых из них. Работа была выполнена группой специалистов, которые занимаются изучением флоры и растительности региона, являясь членами Совета по редким видам при Администрации Архангельской области.

В Красную книгу Архангельской области [17] было внесено 90 видов сосудистых растений, еще один вид, *Ophrys insectifera* L., был включен в Перечень редких видов Постановлением Правительства Архангельской области № 58-пп от 17 февраля 2015 г. Анализ состояния и распространения этих видов с учетом последних данных показал, что часть из них по разным причинам в охране не нуждается. В то же время возникла необходимость внести несколько новых видов в список охраняемых в регионе, что и было сделано при подготовке очередной редакции региональной Красной книги [18], в которую включено 96 видов сосудистых растений.

Перечень таксонов и популяций Архангельской области, нуждающихся в особом внимании к их состоянию в природной среде и рекомендуемых для

бионадзора (далее – список для бионадзора), включал 62 вида сосудистых растений. Из них при подготовке нового издания Красной книги Архангельской области [18] были занесены в основной список 5 видов: *Botrychium virginianum* (L.) Sw., *Zannichellia pedunculata* Reichenb., *Carex glacialis* Mackenz., *Eremogone saxatilis* (L.) Ikonn., *Dracocephalum ruyschiana* L., два вида исключены из бионадзора и 40 видов внесены в него вновь. Список для бионадзора в новом издании Красной книги Архангельской области [18] включает 95 видов.

После опубликования Красной книги Архангельской области [18] Постановлением Правительства Архангельской области № 313-пп от 18 июня 2021 г. внесены изменения в Перечень редких и находящихся под угрозой исчезновения животных, растений и других организмов, включаемых в Красную книгу Архангельской области. Основной перечень редких видов пополнили еще пять: *Blechnum spicant* (L.) Roth, *Sparganium gramineum* Georgi, *Sagittaria natans* Pall., *Schizachne callosa* (Turcz. exGriseb.) Ohwi, *Ulmus glabra* Huds. Три из них – *Sparganium gramineum* Georgi, *Sagittaria natans* Pall и *Ulmus glabra* Huds. – входили ранее в список для бионадзора. Он пополнился двумя видами сосудистых растений – *Molinia caerulea* (L.) Moench и *Salix pyrolifolia* Ledeb. Таким образом, число сосудистых растений, занесенных в Перечень редких видов, включаемых в Красную книгу Архангельской области на настоящий момент составляет 101 вид, в список для бионадзора – 94 вида.

Ниже приводятся сведения об исключенных из Перечня редких видов и списка бионадзора и вновь включенных в них видах сосудистых растений.

Исключенные виды. Основными причинами, по которым виды были исключены из числа охраняемых, являются: 1) установление широкого их распространения и стабильного состояния известных популяций; 2) основное местообитание антропогенных местообитаний (апофитный характер вида); 3) установление адвентивного (заносного из культуры) статуса вида в регионе. Всего было исключено 10 видов, большая часть их включена в список для бионадзора.

Известные по сборам прошлых лет находки мятлика Танфильеваа (*Poa tanfiljewii* Roshev), хранящиеся в Гербарии Ботанического института РАН, датируются серединой XX в. Он широко распространен в карстовых ландшафтах Беломорско-Кулойского плато, отмечен в долинах р. Кулой и Пёза. Наиболее южная точка распространения – гипсовые обнажения Северной Двины у д. Звон (сборы Д.Н. Сабурова, 1965 г.). Отсутствие гербарных образцов в последние годы, возможно, частично объясняется ошибочным определением образцов из-за полиморфизма мятлика Танфильева, сочетающего в себе признаки трех видов мятликов – лесного, болотного и сизого. Вид включен в список для бионадзора, как типично таежный с ограниченным ареалом (область распространения охватывает таежную зону востока Европы, Урал и Западную Сибирь), это эндемик Мезено-Печерского лесотундрово-северотаежного биота [29]. На территории национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье» данный вид не отмечен.

Ряд видов: *Carex alba* Scop., *Salix arbuscula* L., *Pinguicula alpina* L., *Epipactis helleborine* (L.) Crantz, также исключены из Перечня редких видов и перенесены в список для бионадзора, поскольку установлено их широкое распространение в регионе. Первые три из них характерны для карстовых ландшафтов северной половины Архангельской области, а также встречаются в пойменных лесах в долинах рек бассейнов Кулюя и Пинеги и представлены, как правило, многочисленными популяциями. Для *Epipactis helleborine* отмечены многочисленные новые точки мест произрастания в южной половине региона [2; 3; 14]. Из этих видов в пределах Национального парка «Кенозерский» встречается *Epipactis helleborine* и он редок на территории ООПТ [40].

Для *Gagea minima* (L.) Ker. Gawl. и *G. lutea* Ker. Gawl., судя по литературным данным [48] и устным сообщениям (И.Б. Амосова, 2017 г.) характерно освоение антропогенных местообитаний: пашен, огородов, обочин канав и дорог. Проявление апофитных свойств, стало причиной исключения их из Перечня редких видов и занесения в список для бионадзора. На территории Национального парка «Кенозерский» встречается только *Gagea minima*. Данный вид здесь отмечен в естественных местообитаниях и очень редок [40], известные популяции нуждаются в мониторинге. *Gagea lutea* был обнаружен С.И. Дровниной в июне 2017 г. в бассейне р. Вейга (Онежский р-н) в проектируемой охранной зоне Национального парка «Онежское Поморье».

Hepatica nobilis Mill., обнаруженная однократно у железнодорожной насыпи на территории Устьянского района является, по-видимому, адвентиком. До находок новых мест произрастания перенесена в список для бионадзора. Необходимо поиск этого вида во время его цветения (май – июнь) в естественных сообществах на юге области, где он может расти в елово-лиственных и светлых мелколесных лесах [1]. Вид может быть обнаружен и в Каргопольском секторе Национального парка «Кенозерский».

Все немногочисленные находки *Primula veris* L. сделаны вблизи населенных пунктов. Например, в последние годы она отмечена на о. Большой Соловецкий, в луговом сообществе в окрестностях Савватиевского скита [13]. В Архангельской области вид следует рассматривать как очень редкий дичающий или непреднамеренно занесенный. В связи с этим он был исключен из основного Перечня охраняемых видов, но не внесен в список для бионадзора.

Еще более широко распространен в культуре *Campanula latifolia* L., обладающий высокой семенной продуктивностью и проявляющий признаки дичания, в связи с чем, несмотря на возможно природное происхождение некоторых популяций на юге региона [41], он не был включен в новое издание региональной Красной книги. На территории национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье» ни *Primula veris* L., ни *Campanula latifolia* L. не отмечались.

Включенные виды. Основные причины, по которым происходило включение видов в число охраняемых в Архангельской области: 1) выявление за последние годы новых видов для флоры региона; 2) наличие видов, необо-

снованно не включенных в предыдущий Перечень охраняемых видов (известное число их мест произрастания в области единично). Большинство из вновь включенных видов занесено в Красные книги соседних регионов. Всего включено 15 видов, из них 5 видов, такие как *Botrychium virginianum* (L.) *Zannichellia pedunculata* Reichenb. Sw., *Carex glacialis* Mackenz, *Eremogone saxatilis* (L.) Иконн., *Dracocephalum ruyschiana* L., перенесены из списка для бионадзора.

Гроздовник виргинский (*Botrychium virginianum* (L.) Sw.) отнесен к 3-й категории – редкий вид. Это бореальный циркумбореальный вид. В Архангельской области его популяции в основном приурочены к южным районам: Каргопольскому, Вельскому, Верхнетоемскому, Вилегодскому, Котласскому, Коношскому и Няндомскому; в северной части они отмечены только в Пинежском районе [18]. В Национальном парке «Кенозерский» вид встречается очень редко: в аконитово-таволговом ельнике в долине р. Лазема, заболоченных луговинах на склоне с выходами жестководных ключей в долине р. Порженка, а также разнотравно-снытевом ельнике на шлейфе южного склона в 2 км на юго-запад от д. Федоровской [40]. Включен в Красную книгу Республики Карелия [20].

Цаникеллия длинноножковая (*Zannichellia pedunculata* Reichenb.) отнесена к 3-й категории – редкий вид. Бореальный евразийско-американский вид. В Архангельской области отмечен на побережье Белого моря, в устье р. Кудьма (окрестности г. Северодвинска), а также в дельте Северной Двины [18]. На территории национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье» данный вид не отмечен, хотя в «Онежском Поморье» его находки возможны.

Цинна широколистная (*Cinna latifolia* (Trev.) Griseb.) отнесена к 3-й категории – редкий вид. Восточноевропейско-азиатско-североамериканский бореальный вид. В Архангельской области отмечен в окрестностях г. Вельска и севернее его по р. Вага [30; 48], в окрестностях пос. Урдома и г. Архангельска [18]. Стенотопный вид, приуроченный к сырым тенистым приручьевым еловым, елово-пихтовым лесам и ольшанникам. Включен в Красные книги Республики Коми [21], Республики Карелия [20] и в Перечень видов, включаемых в Красную книгу Вологодской области [34].

Осока богемская (*Carex bohemica* Schreb.) отнесена к 3-й категории – редкий вид. Неморальный вид на северной границе ареала [15]. Произрастает преимущественно на Беломорско-Кулойском плато, отдельные находки обнаружены в пределах Кулойской низины в окрестностях пос. Кривые Озера. Приурочен к песчано-каменистым, илистым и заболоченным берегам рек и озер, сырым луговинам, ключевым болотам. Отмечен на территориях Пинежского заповедника, заказников «Соянский» и «Железные Ворота». Интересна находка вида в Пинежском заповеднике в 2015 г. на илистой литорали, образовавшейся в результате резкого падения уровня воды оз. Сычево. Ранее вид был отмечен на данном участке более 30 лет назад, в 1984 г., также во время

снижения уровня воды озера (гербарный сбор Е.В. Симачевой, Гербарий Пинежского заповедника). Включен в Красную книгу Республики Карелия [20].

Осока Буксбаума (*Carex buxbaumii* Wahlenb.) отнесена к 3-й категории – редкий вид. Бореальный субциркумполярный вид с дизъюнктивным ареалом. Известны единичные местонахождения в бассейнах р. Волошка, Свидь, Онега, Кулой, а также на побережье Белого моря [18]. Произрастает на ключевых болотах, по берегам и моховым сплавинам озер. Отмечен на территориях Пинежского заповедника, Кенозерского национального парка и Соянского заказника. Включен в Перечень видов, включаемых в Красную книгу Вологодской области [34] – статус 1/EN. В Национальном парке «Кенозерский» известна единственная давняя находка Н.Е. Варгиной и Н.Н. Солодиной в ходе экспедиций 1981–1983 гг. по краю сплавины на оз. Худое [5], которая нуждается в подтверждении, а при обнаружении – в мониторинге [40].

Осока ледниковая (*Carex glacialis* Mackenz.) отнесена к 4-й категории – неопределенный по современному состоянию и категории вид. Это арктоальпийский циркумполярный вид. В Архангельской области он крайне редок – был отмечен в 1970-х гг. в двух точках: в окрестностях с. Койда и Сёмжа [48]. Произрастает на щебнистых известняковых и песчаных склонах, береговых обрывах. Включен в Красные книги Республики Коми [21] и Республики Карелия [20].

Пальчатокоренник балтийский (*Dactylorhiza baltica* (Klinge) Nevski) отнесен к 3-й категории – редкий вид. В Архангельской области единственное достоверное местонахождение известно в границах г. Архангельска в дельте Северной Двины [31]. Встречается на влажных болотистых лугах, по берегам рек, ручьев, озер, на приморских лугах, ключевых низинных болотах, на антропогенных местообитаниях – обочинах дорог, карьерах [12]. Вид внесен в Красные книги Российской Федерации [22] (3-я категория), Республики Коми [21], Республики Карелия [20] и в Перечень видов, включаемых в Красную книгу Вологодской области [34].

Песчанка злаколистная, или Пустынница скальная (*Eremogone saxatilis* (L.) Kohn.) отнесена к 3-й категории – редкий вид. Лесостепной евразийский вид, в Архангельской области встречается на правом берегу Северной Двины в Шиловском заказнике (Красноборский р-н) [47], о. Куростров Холмогорского района и в окрестностях с. Лешуконского [18]. Произрастает на песчаных и каменистых склонах берегов рек, в сухих борах. Включен в Красную книгу Республики Коми [21].

Лютик водяной Шмальгаузена (*Ranunculus smalhausenii* Lufarov) отнесен к 3-й категории – редкий вид. Это арктоборельный европейский вид, эндемичный для постледниковых ландшафтов Фенноскандии. Является новым видом флоры Архангельской области, находящимся в регионе на восточном пределе распространения. Отмечен А.А. Бобровым в Кожозерском ландшафтном заказнике (оз. Кожозеро) и Сийском биологическом заказнике [49].

Группа видов, которую составили *Sibbaldia procumbens* L., *Loiseleuria procumbens* (L.) Desv., *Phyllodoce caerulea* (L.) Bab., *Diapensia lapponica* L., находится в Архангельской области на южной границе своего ареала. Виды представлены единичными популяциями. На территории национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье» они не отмечены, хотя в «Онежском Поморье» находки потенциально возможны на островах и на побережье Белого моря.

Сиббальдия распростертая (*Sibbaldia procumbens* L.) отнесена к 4-й категории – неопределенный по современному состоянию и категории вид. Это арктоальпийский амфиатлантический вид. В Архангельской области он известен по находкам, сделанным в середине прошлого века на о. Моржовец, к северу от Архангельска и в окрестностях с. Койда [45]. Включен в Красную книгу Республики Карелия [20].

Луазелерия лежачая (*Loiseleuria procumbens* (L.) Desv. (*Kalmia procumbens* (L.) Gift et al. ex Galasso et al.)) отнесена к 3-й категории – редкий вид. Это арктоальпийский циркумполярный вид. В Архангельской области он встречается на о. Моржовец, в окрестностях населенных пунктов Сёмжа, Койда, Ручьи, Нижняя Золотица, на р. Мегра и на архипелаге Соловецкий (о. Анзер, Большая Муксалма) [18]. Произрастает на песчаных и каменистых склонах речных берегов и морских побережий, на приморских тундроподобных болотах.

Филлодоце голубая (*Phyllodoce caerulea* (L.) Bab.) отнесена к 4-й категории – неопределенный по современному состоянию и категории вид. Арктоальпийский амфиатлантический вид. Был отмечен на о. Моржовец и в окрестностях с. Койда в середине прошлого века [48]. Произрастает на песчаных и каменистых склонах, на выходах коренных пород морских побережий.

Диапенсия лапландская (*Diapensia lapponica* L.) отнесена к 4-й категории – неопределенный по современному состоянию и категории вид. Арктоальпийский амфиатлантический вид. Отмечен на о. Моржовец и в окрестностях с. Койда и Ручьи в середине XX в. (гербарий LE) [48]. Растет на дренированных склонах, сухих каменистых осыпях, в приморских тундроподобных сообществах. Включен в Красные книги Республики Коми [21] и Республики Карелия [20]

Болотноцветник щитолистный (*Nymphoides peltata* (S.G. Gmel.) Kuntze) отнесен к 4-й категории – неопределенный по современному состоянию и категории вид. Плюризональный циркумполярный вид. По литературным данным [45], приурочен к долине Северной Двины, распространен по реке от устья до г. Котласа, в нижнем течении р. Вычегда, на р. Летка. В настоящее время вид достоверно известен только для окрестностей д. Анфимовской (левый берег Северной Двины, Верхнетоемский р-н), где малочисленная популяция вида была найдена в 2014 г. [24]. Включен в Перечень видов, включаемых в Красную книгу Вологодской области [34], категория – 0/RE.

Змееголовник Руйша (*Dracocephalum ruyschiana* L.) отнесен к 3-й категории – редкий вид. Это лесостепной евросибирский вид, стенолюбивый, произрастающий в регионе на северной границе ареала. В Архангельской области отмечен в бассейнах р. Пачуга, Падун, Ерна, Келда (пос. Кривые Озера), в среднем течении Онеги (окрестности д. Федово), в окрестностях пос. Уколок и Сорово [18]. На севере области встречается на склонах карстовых логов в составе луговых сообществ, на юге – в сухих сосняках, на лесных опушках и суходольных лугах. Вид внесен в Красные книги Республики Коми [21], Республики Карелия [20] и в Перечень видов, включаемых в Красную книгу Вологодской области [34].

Виды, включенные в Перечень редких видов в 2021 г. Дербянка колосистая (*Blechnum spicant* (L.) Roth.) отнесена к 3-й категории – редкий вид. Это реликтовый вид старовозрастных влажных лесов на кислых почвах. Он найден О.В. Морозовым на территории Онежского района, в 17 км к северу от д. Лямцы (в 9 км от границ Национального парка «Онежское Поморье»). Это самое северо-восточное в Европе местонахождение. До настоящего времени в России вид был известен только на Кавказе и в Краснодарском крае, где занесен в Красную книгу (3-я категория). Ближайшее ранее обнаруженное местообитание вида находится в 342 км к западу (Финляндия, провинция Кайнуу, г. Кухмо) [25]. Популяция малочисленная, нуждается в мониторинге, поскольку вид уязвим при лесозаготовках в данном районе.

Ежеголовник злаковый (*Sparganium gramineum* Georgi) отнесен к 3-й категории – редкий вид. Арктобореальный евразийский вид. Отмечен в национальных парках «Кенозерский» и «Онежское Поморье», Кожозерском ландшафтном заказнике, Сийском природном биологическом заказнике и на оз. Хорсинское (Пинежский р-н) [18]. Встречается в чистых прозрачных олиготрофных озерах на песчаных, торфянистых, илистых грунтах. Один из лучших индикаторов чистоты водоемов, чувствительный к загрязнению и климатическим изменениям. Внесен в список для бионадзора Красной книги Вологодской области [34]. Включен в Красный список МСОП (Международного союза охраны природы) [51]. В Национальном парке «Кенозерский» произрастает на мелководьях озер (редко – на песчаных, очень редко – на илистых): в районе оз. Кенозеро у д. Першлахты, у о. Мамонов и Медвежий, а также на оз. Вендозеро, Наглимозеро, Долгое и Каргозеро [40]. В последние годы отмечен Д.С. Мосеевым на оз. Масельское, Большое Лебяжье и Черное (Навгозеро) у д. Думино [28]. В Национальном парке «Онежское Поморье», по данным Летописи природы парка, вид отмечен О.В. Глушенковым в 2014 г.

Стрелolist плавающий (*Sagittaria natans* Pall.) отнесен к 3-й категории – редкий вид. Это арктобореальный евразийский вид. В Архангельской области произрастает в национальных парках «Водлозерский» и «Кенозерский», в Кожозерском и Сийском заказниках, в оз. Большое Сямгозеро (Плесецкий р-н), на р. Кулой у с. Карьеполье (Мезенский р-н) и в верховьях Мезени у

с. Вожгора (Лешуконский р-н). Это спорадически встречающийся на территории области вид с общей (по всему ареалу) тенденцией к сокращению частоты встречаемости. Он требователен к чистоте и прозрачности воды. При загрязнении водоемов вид может замещаться гибридами с менее требовательным к условиям обитания и более широко распространенным *Sagittaria sagittifolia* L. Внесен в Красные книги Мурманской [19] и Вологодской областей [34], а также Республики Коми [21]. Включен в Красный список МСОП [51]. В Национальном парке «Кенозерский» встречается на песчаных и илистых прибрежных мелководьях Лёкшмозера (у д. Труфаново) и озер Кенозерской системы: Свиного (у д. Усть-Почи), Долгого, Кенозера [40]. Д.С. Мосеевым отмечен на Малом и Среднем Порженских озерах [28].

Схизахна мозолистая (*Schizachne callosa* (Turcz. ex Griseb.) Ohwi.) отнесена к 1-й категории – вид, находящийся под угрозой исчезновения. Бореально-неморальный вид на северо-западном пределе ареала; возможно, является реликтом эпохи микулинского межледниковогоья. Отмечен И.Б. Кучеровым в Ленском районе в пихтарниках травяно-кисличных по берегу старицы р. Лупья и у пос. Вандыш, а также на правобережной надпойменной террасе р. Верхняя Лупья к югу от пос. Урдома [23]. Выявленное в настоящее время место произрастания вида в Архангельской области – единственное на северо-западе России. Вид занесен в Красную книгу Республики Коми [21] (1-я категория).

Вяз голый (*Ulmus glabra* Huds.) отнесен к 3-й категории – редкий вид. Угрожаемый неморальный европейский вид на северном пределе ареала. В Архангельской области произрастает в Шенкурском, Плесецком, Няндомском и Вельском районах. Характеризуется крайне низкой численностью (на сегодняшний день в области известно не более 150 генеративных особей). Популяции в Архангельской области изолированы от основного ареала и важны для сохранения вида в Европе. Охраняется на территории Национального парка «Кенозерский». Единичные экземпляры вида в 2003 и 2019 гг. отмечены в долине р. Порженка. В Гербарии Ботанического института РАН хранятся экземпляры, собранные в 1930 г. Ю.Д. Цинзерлингом в окрестностях д. Враниковской на р. Кена (осиновый лес с вязом) и у д. Б. Халуй (Каргопольский р-н), прилегающих к территории современного Кенозерского национального парка. В 2019 г. вид внесен в Красный список редких видов деревьев Европы [50] со статусом VU – уязвимый вид. Численность вида сокращается по всему ареалу из-за хозяйственной деятельности человека и инвазии патогенного вида грибов. Охраняется в Вологодской области [34] (3-я категория), внесен в Приложение к Красной книге Республики Карелия [20].

Виды, включенные в список для бионадзора. В Красной книге Архангельской области [17] Перечень видов для бионадзора включал 62 вида. В результате корректировки списка из него было исключено 7 видов, 5 из которых были внесены в Красную книгу Архангельской области [18]. Дополнительно в список для бионадзора было включено 40 видов, общее число

видов составило 95. Согласно Постановлению Правительства Архангельской области от 18 июня 2021 г. № 313-пп (2021), из бионадзора в основной Перечень перенесены еще 3 вида, а 2 вида (*Molinia caerulea* (L.) Moench и *Salix pyrolifolia* Ledeb.) включены дополнительно. В настоящий момент список для бионадзора насчитывает 94 вида, из них 40 встречаются на территории национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье», в том числе из вновь включенных в список – 9 и 7 видов, соответственно (см. таблицу).

**Виды, включенные в Перечень для бионадзора в 2020–2021 гг.,
произрастающие на территории национальных парков «Кенозерский» (КНП)
и «Онежское Поморье» (НП ОП) и в проектируемой охранной зоне**

№	Вид	КНП	НП ОП
1	Ежеголовник северный – <i>Sparganium hyperboreum</i> Laest.	+	+
2	Манник большой – <i>Glyceria maxima</i> (Hartm.) Holmb.	+	
3	Молиния голубая – <i>Molinia caerulea</i> (L.)	+	
4	Осока ложносытевая (=Осока ложносытевидная) – <i>Carex pseudocyperus</i> L.	+	
5	Осока прямая – <i>Carex recta</i> Boott		+
6	Гусиный лук желтый – <i>Gagea lutea</i> (L.) Ker Gawl.		+
8	Гусиный лук маленький (=Гусиный лук малый) – <i>Gagea minima</i> (L.) Ker Gawl.	+	
9	Дремлик чемерицевидный (=Дремлик широколистный) – <i>Eriopactis helleborine</i> (L.) Crantz	+	
10	Ива грушанколистная – <i>Salix pyrolifolia</i> Ledeb.	+	+
11	Морская горчица арктическая – <i>Cakile arctica</i> Pobed.		+
12	Повойничек водноперечный (=Повойничек согнутосемянный) – <i>Elatine hydropiper</i> L.	+	
13	Фиалка опушенная (=Фиалка коротковолосистая) – <i>Viola hirta</i> L.	+	
14	Тимьян субарктический – <i>Thymus subarcticus</i> Klokov & Des.-Shost.		+
15	Пузырчатка малая – <i>Utricularia minor</i> L.	+	
16	Скерда черноватая – <i>Crepis nigrescens</i> Pohle		+

Виды, исключенные из бионадзора. Ветреница лютичная (*Anemonoides ranunculoides* (L.) Holub.), по результатам исследований последних лет, широко распространена в Архангельской области. Вид отмечен в Приморском, Котласском, Холмогорском, Пинежском, Мезенском районах. На островах в дельте Северной Двины и в окрестностях Архангельска, по данным Т.А. Париновой, вид распространен повсеместно. Охрана более редких, совместно произрастающих видов (*Anemonoides altaica*, *Corydalis solida*, *Ficaria verna*, *Gagea lutea*) обеспечивает сохранение и данного вида [3].

Клен остролистный (*Acer platanoides* L.) решено исключить из бионадзора до находок вида в области. Гербарных образцов данного вида при работе с фондами LE и LECB обнаружено не было. Литературные данные противоречивы. В работе И.А. Перфильева [32] сведений о распространении вида в Архангельской области нет. Отмечалось, что вид встречался в верховьях Онеги [46, с. 592], но данных о произрастании вида в Архангельской области не было.

Заключение. Сохранение редких видов флоры и фауны — одна из основных задач особо охраняемых природных территорий. Для этого в заповедниках и национальных парках по индивидуальным программам организуется экологический мониторинг с целью получения оперативной информации о состоянии природных объектов. Так, в Кенозерском национальном парке ведутся многолетние наблюдения за состоянием популяций венерина башмачка настоящего (*Cypripedium calceolus* L.), а в Национальном парке «Онежское Поморье» — за популяциями родиолы розовой (*Rhodiola rosea* L.). Другим важным направлением является поиск и картирование новых мест произрастания и обитания редких видов в пределах ООПТ и их охранных зон. Необходимо способствовать сохранению редких видов через экологическое просвещение, как сотрудников ООПТ, так и местного населения, туристов на экологических тропах и маршрутах.

Список литературы

1. Амосова И.Б., Бузова Н.В., Ежов О.Н., Кочерина Е.В., Мамонтов В.Н., Паринова Т.А., Пучнина Л.В., Рай Е.А., Рыков А.М., Рыкова С.Ю., Сидорова О.В., Чуракова Е.Ю. Редкие виды растений, грибов и животных Архангельской области. Архангельск, 2012.
2. Баталов А.Е., Брагин А.В., Кузнецова Е.Н., Бедрицкая Т.В., Чупакова А.В., Шувалов Е.В., Шаврина Е.В., Бызова Н.М. Филатовский государственный природный биологический заказник регионального значения. Архангельск, 2010.
3. Бузова Н.В., Рай Е.А. О новых находках и местах нахождения редких видов растений на юго-востоке Архангельской области // Вестник Помор. ун-та. Сер. Естественные и точные науки. 2011. № 4. С. 31–39.
4. Бузова Н.В., Рай Е.А., Брагин А.В., Кузнецова Е.Н., Пономарева Т.И., Наквасина Е.Н., Смиренишкова Е.В., Шаврина Е.В., Бызова Н.М. Сольвычегодский государственный природный биологический заказник регионального значения. Архангельск, 2008.
5. Варгина Н.Е., Спаская Н.А., Солодина Н.Н., Стулова Н.Ф. Флоры окрестностей Кенозера и пос. Верхняя Тойма (Архангельская область) // Региональные флористические исследования. Л., 1987. С. 104–187.
6. Головина Е.О., Макарова М.А. Флористические находки в Архангельской области // Бюл. МОИП. 2015. № 3. С. 60–61.
7. Дрань С.А. Редкие растения Шенкурского района // Природное наследие Севера. Вып. 3. Пинега, 2016. С. 27–30.
8. Дровнина С.И., Мерасова Л.Я., Хмара К.А., Бурлаков П.С. Новые местонахождения редких видов в Архангельской области // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. Естественные науки. 2014. Вып. 3. С. 61–70.

-
-
9. Дровнина С.И., Хмара К.А., Бурлаков П.С. Находки редких видов в бассейне р. Полты Пинежского района Архангельской области // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. Естественные науки. 2012. Вып. 2. С. 47–51.
10. Дровнина С.И., Хмара К.А., Бурлаков П.С. Новые находки редких видов сосудистых растений в бассейне р. Лака на северо-востоке Беломорско-Кулойского плато // Вестник Помор. ун-та. Сер. Естественные науки. 2010. Вып. 2. С. 49–52.
11. Ефимов В.А. Система особо охраняемых природных территорий Архангельской области как основа экологического каркаса региона // Юдахинские чтения. Геодинамика и экология Баренц-региона в XXI веке. Архангельск, 2014. С. 90–93.
12. Ефимов П.Г. Генетический полиморфизм *Dactylorhiza baltica*, *D. fuchsii* и *D. incarnata* (Orchidaceae) на северо-западе Европейской части России // Ботан. журн. 2012. Т. 97, № 6. С. 47–57.
13. Киселева К.В., Новиков В.С., Октябрьева Н.Б., Черенков А.Е. Определитель сосудистых растений Соловецкого архипелага. М., 2005.
14. Котласский государственный биологический заказник регионального значения / отв. ред. Е.В. Шаврина. Архангельск, 2008.
15. Кравченко А.В., Кузнецов О.Л. Перспективы развития сети ботанических заказников и памятников природы в Республике Карелия // Сохранение биологического разнообразия наземных и морских экосистем в условиях высоких широт. Мурманск, 2009. С. 137–141.
16. Крапивина В.П. Редкие виды растений, встреченные в ходе экспедиции по территории Сооянского биологического заказника // Природное наследие Севера. Вып. 3. Пинега, 2016. С. 38–42.
17. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2008.
18. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2020.
19. Красная книга Мурманской области. Кемерово, 2014.
20. Красная книга Республики Карелия. Белгород, 2020.
21. Красная книга Республики Коми. Сыктывкар, 2019.
22. Красная книга Российской Федерации (Растения и грибы). М., 2008.
23. Кучеров И.Б., Пучнина Л.В., Разумовская А.В. Новые и редкие виды флоры сосудистых растений Архангельской области // Ботан. журн. 2009. Т. 94, № 2. С. 136–142.
24. Марковская Е.Ф., Дьячкова Т.Ю., Морозова К.В. Анатомо-морфологические особенности *Nymphoides peltata* (G. L. Gmel.) O. Kuntze на северозападной границе ареала // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2015. № 2. С. 17–22.
25. Морозов О.В. Новое изолированное местонахождение *Blechnum spicant* (L.) Roth (Blechnaceae) в Архангельской области // Turczaninowia. 2020. Т. 23, № 1. С. 129–132. DOI: 10.14258/turczaninowia.23.1.14
26. Мосеев Д.С. Пространственная структура приморских фитоценозов побережья пролива Восточная Соловецкая Салма Белого моря // Труды Архангельского центра РГО. Вып. 5. Архангельск, 2017. С. 367–374.
27. Мосеев Д.С., Брагин А.В. Макрофиты зоны литорали озер в карстовых ландшафтах Пинежского заповедника и их роль в жизни водоплавающих птиц // Труды Архангельского центра РГО. Вып. 6. Архангельск, 2018. С. 295–304.
28. Мосеев Д.С., Дровнина С.И. К водной флоре сосудистых растений озер национального парка «Кенозерский» // Ботан. журн. 2017. Т. 102, № 12. С. 1633–1649.
29. Огуреева Г.Н., Леонова Н.Б., Микляева И.М., Бочарников М.В., Федосов В.Э., Мучник Е.Э., Урбанавичюс Г.П., Емельянова Л.Г., Хляп Л.А., Румянцев В.Ю., Кузиков И.В.,

Липка О.Н., Архитова М.В., Булдакова Е.В., Кадетов Н.Г. Биоразнообразие биомов России. Равнинные биомы. М., 2020.

30. Окатов Г. Изображение *Cinna latifolia* (Trevir. ex Göpp.) Griseb. // Плантариум. Растения и лишайники России и сопредельных стран: открытый онлайн атлас и определитель растений. 2007–2019. URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/99973.html> (дата обращения: 30.10.2019).

31. Окатов Г. Изображение *Dactylorhiza baltica* (Klinge) Nevski // Плантариум. Растения и лишайники России и сопредельных стран: открытый онлайн атлас и определитель растений. 2007–2019. URL: <https://www.plantarium.ru/page/image/id/402661.html> (дата обращения: 30.10.2019).

32. Перфильев И.А. Флора Северного края. Ч. 2–3. Архангельск, 1936.

33. Плантариум. Растения и лишайники России и сопредельных стран: открытый онлайн атлас и определитель растений. 2007–2019. URL: <https://www.plantarium.ru/> (дата обращения: 30.10.2019).

34. Постановление Правительства Вологодской области «Об утверждении перечня (списка) редких и исчезающих видов (внутривидовых таксонов) растений и грибов, занесенных в Красную книгу Вологодской области» от 24.02.2015 № 125. URL: https://vologda-oblast.ru/special/dokumenty/zakony_i_postanovleniya/postanovleniya_ravitelstva/393552/ (дата обращения: 30.10.2019).

35. Пучнина Л.В., Головина Е.О., Филиппов Д.А., Галанина О.В., Макарова М.А., Кучеров И.Б. Местонахождения редких и охраняемых видов сосудистых растений в проектируемом природном парке «Звозский» и его окрестностях (Архангельская область) // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. Естественные науки. 2015. Вып. 4. С. 100–109.

36. Пучнина Л.В., Рыков А.М., Рыкова С.Ю., Торхов С.В., Хейнонен В.Э., Алферов М.Ю., Дровнина С.И. Кулойский государственный биологический заказник регионального значения. Архангельск, 2013.

37. Пучнина Л.В., Тетерюк Л.В., Шадрин Д.М., Пылина Я.И. Реликтовые популяции *Gypsophila uralensis* Less. (Caryophyllaceae) на Европейском Северо-Востоке России // Сохранение и изучение гео- и биоразнообразия на ООПТ Европейского Севера России. Ижевск, 2014. С. 102–106.

38. Пучнина Л.В., Чуракова Е.Ю., Данилова Г.А., Мамонтов В.Н., Федченко И.А. О находках редких видов лишайников, мхов и сосудистых растений в северотаежной зоне Архангельской области // Изучение, охрана и рациональное использование растительного покрова Арктики и сопредельных территорий. Архангельск, 2012. С. 168–172.

39. Пучнина Л.В., Чуракова Е.Ю., Сидорова О.В., Куропаткин В.В., Пыстина Т.Н., Мамонтов В.Н. Находки редких видов сосудистых растений, мхов и лишайников на севере таежной зоны Архангельской области // Вклад особо охраняемых природных территорий Архангельской области в сохранение природного и культурного наследия. Архангельск, 2017. С. 136–144.

40. Разумовская А.В., Кучеров И.Б., Пучнина Л.В. Сосудистые растения национального парка «Кенозерский»: (аннотированный список видов) / под ред. Г.Ю. Конечной, О.Л. Кузнецова. Северодвинск, 2012.

41. Серёгин А.П., Горяинова И.Н. Флора сосудистых растений // Флора и фауна средней тайги Архангельской области (междуречье Устья и Кокшеньги). М., 2003. С. 11–41.

42. Сидорова О.В., Кочерина Е.В., Амосов П.А., Чуракова Е.Ю., Наквасина Е.Н., Смиреникова Е.В., Шаврина Е.В., Бызова Н.М., Столповский А.П. Шиловский государственный природный биологический заказник регионального значения. Архангельск, 2008.

43. Сидорова О.В., Чуракова Е.Ю. Редкие и исчезающие виды сосудистых растений и листостебельных мхов центральной части Беломорско-Кулойского плато // Вестник Помор. ун-та. Сер. Естественные науки. 2010. № 4. С. 72–79.

44. Филиппов Д.А., Чхобадзе А.Б. Забытые находки *Orchis militaris* L. (Orchidaceae) из Архангельской области // Бюл. МОИП. Отдел биолог. 2014. Т. 119, вып. 6. С. 60–61.

45. Флора Северо-востока Европейской части СССР: в 4 т. Т. III: Семейства Nymphaeaceae – Nymphaeaceae. Л., 1976.

46. Флора СССР: в 30 т. Т. 14. Л., 1934.

47. Чуракова Е.Ю., Сидорова О.В. Распространение и экологическая приуроченность некоторых редких видов растений на территории Архангельской области // Вестник Помор. ун-та. Сер. Естественные науки. 2011. № 3. С. 77–83.

48. Шмидт В.М. Флора Архангельской области. СПб., 2005.

49. Bobrov A.A., Zalewska-Gałosz J., Jopek M., Movergoz E.A. *Ranunculus schmalhauseni* (section *Batrachium*, Ranunculaceae), a neglected water crowfoot endemic to Fennoscandia, a case of rapid hybrid speciation in postglacial environment in North Europe // Phytotaxa. 2015. Vol. 233, no. 2. P. 101–138.

50. Rivers M. European Red List of Trees. Cambridge; Brussels, 2019.

51. The IUCN Red List of Threatened Species. URL: <http://www.iucnredlist.org> (дата обращения: 09.11.2019).

Ветвистоусые ракообразные водоемов Кенозерского национального парка (обзор)¹

Собко Елена Иосифовна – научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук; elfisina@yandex.ru

Ветвистоусые ракообразные (клардоцеры) – основной структурный компонент зоопланктонных сообществ пресноводных водоемов. В озерах Кенозерского национального парка (Лёкшмозеро, Масельское, Вильно) ветвистоусые ракообразные представлены 36 видами, относящимися к 8 семействам (*Daphniidae*, *Bosminidae*, *Chydoridae*, *Sididae*, *Holopedidae*, *Polyphemidae*, *Leptodoridae*, *Cercopagidae*). Вклад клардоцер в общую численность зооценозов озер парка в летний период составляет от 29 до 61 %, а в общую биомассу – от 30 до 68 %. Гидрохимические условия в водоемах Кенозерского национального парка благоприятны для развития и функционирования клардоцера.

Ключевые слова: ветвистоусые ракообразные (Cladocera), видовое разнообразие, доминирующие виды, абиотические факторы, Кенозерский национальный парк.

The cladocerans inhabiting the waters of the Kenozero National Park (overview)

Sobko Elena I. – Research Associate, N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; elfisina@yandex.ru

In freshwater reservoirs, cladocerans represent the main structural component of zooplankton communities. In the lakes of Kenozero National Park (Lake Lekshmozero, Lake Maselga, Lake Vil'no), crustaceans are represented by 36 species belonging to 8 families (*Daphniidae*, *Bosminidae*, *Chydoridae*, *Sididae*, *Holopedidae*, *Polyphemidae*, *Leptodoridae*, *Cercopagidae*). In the summer season, cladocerans represent 29 % to 61 % in the total size of local zoocenoses, and from 30 % to 68 % in total biomass. Hydrochemically, the water bodies of Kenozero National Park are favorable as habitats for cladocerans.

Key words: cladocerans (Cladocera), species diversity, dominant species, abiotic factors, Kenozero National Park.

© Собко Е.И., 2022

¹ Исследования выполнены в рамках темы ФНИР № 0409-2019-0028.

Ветвистоусые ракообразные (Cladocera) являются одной из самых представительных групп зоопланктона, заселяющей самые разнообразные типы водоемов. Благодаря широкой экологической пластичности клadoцеры распространены во всех частях света. Ветвистоусые ракообразные играют важную роль в биотическом круговороте вещества и энергии в водных экосистемах. Кроме того, клadoцеры выполняют роль естественных биофильтров, участвуют в процессах биологического самоочищения водоемов и являются чувствительными индикаторами состояния водной среды. Кладoцеры служат кормовым ресурсом для многих видов рыб и их молоди.

Во время комплексных гидробиологических исследований в 2009–2017 гг. ветвистоусые ракообразные, как основной структурный компонент зоопланктонных сообществ пресноводных водоемов Кенозерского национального парка, были изучены на оз. Лёкшозеро, Масельгское и Вильно. Исследования показали, что в водных экосистемах озер фауна ветвистоусых ракообразных представлена 36 видами, относящимися к 8 семействам (*Daphniidae*, *Bosminidae*, *Chydoridae*, *Sididae*, *Holopedidae*, *Polyphemidae*, *Leptodoridae*, *Cercopagidae*). Наибольшим видовым разнообразием выделяется семейство *Daphniidae* – 15 таксонов; а также семейство *Chydoridae* – 8 таксонов. Видовое разнообразие других семейств варьирует от 3 до 6 таксономических единиц. Семейства *Holopedidae*, *Polyphemidae*, *Leptodoridae* и *Cercopagidae* представлены по 1 виду. Наибольшее разнообразие ветвистоусых (33 вида) было отмечено в Лёкшозере, 30 видов в оз. Масельгское и 21 вид в оз. Вильно.

Кладoцера – основной структурный компонент зоопланктонных сообществ водоемов Кенозерского национального парка. К доминирующим видам зооценозов озер можно отнести следующие виды (как правило, это эупланктонные формы зоопланктона): *Bosmina coregoni* (Baird, 1857), *Bosmina longirostris* (O.F. Müller, 1785), *Daphnia cucullata* (G.O. Sars, 1862), *Daphnia cristata* (G.O. Sars, 1862), *Daphnia galeata* (G.O. Sars, 1864), *Diaphanosoma brachyurum* (Lievin, 1848). Разнообразен состав литерально-фитофильного и нектобентического комплексов, представленный в озерах 19 видами. Это представители родов *Chydorus*, *Sida*, *Simocephalus*, *Scapholeberis*, *Eurycercus*, *Pleuroxus*, *Polyphemus*, *Ceriodaphnia*, *Alona*, *Acroperus*. В планктоне озер наиболее обильны фитофаги-фильтраторы и детритофаги-собиратели. Хищные клadoцеры в озерах представлены 3 видами: *Polyphemus pediculus* (Linne, 1778), *Leptodora kindtii* (Focke, 1844) и *Bythotrephes longimanus* (Leydig, 1860), при этом *B. longimanus* отмечен только в зоопланктоне Лёкшозера.

В составе зоопланктонных сообществ ветвистоусые ракообразные встречаются в течение всего вегетационного периода и являются одной из самых массовых групп, достигая значительных количественных показателей. Максимального обилия клadoцеры достигают в летний период, после чего их численность снижается, достигая минимальных значений в октябре. Вклад клadoцера в общую численность зооценозов озер парка в летний период составляет от 29 до 61 %, а в биомассу – от 30 до 68 %.

На развитие гидробионтов, в том числе и ветвистоусых ракообразных, влияет комплекс абиотических факторов: температура воды, газовый режим, рН среды. Большинство видов ветвистоусых ракообразных являются эвритермными формами и способны развиваться в широком диапазоне температур, тем не менее температура воды является одним из основных лимитирующих факторов, влияющих на развитие этой группы зоопланктона.

По нашим наблюдениям, для Лёкшмозера характерны более поздние сроки начала развития ветвистоусых ракообразных. В весенний период прогревание водной толщи в озере по сравнению с другими водоемами идет медленно, что связано с морфометрическими характеристиками водоема [3, с. 59].

Несмотря на то, что некоторые виды кладоцер устойчивы к понижению содержания кислорода в воде (представители родов *Daphnia*, *Chydorus*, *Simocephalus*), кислородный режим водоемов играет важную роль в функционировании сообществ ветвистоусых ракообразных и зоопланктона в целом. В водоемах национального парка кислородный режим – благоприятный для развития гидробионтов; тем не менее повышение биогенной нагрузки может привести к усилению процессов эвтрофирования и «цветению» водоемов. В результате снижения концентрации кислорода в воде могут возникнуть заморные явления, что и наблюдалось в июле – августе 1996 г. на Лёкшмозере. В это время в озере отмечалось интенсивное развитие сине-зеленых водорослей. Поверхностный слой илов оказался токсичным для водных организмов, а в придонных горизонтах наблюдалось полное отсутствие кислорода [1, с. 313].

Большинство видов ветвистоусых ракообразных хорошо переносят широкий диапазон значений активной реакции среды (рН). Например, *Scapholeberis diacronata* (O.F. Müller, 1776), обитающий во всех озерах парка, может развиваться как при низких значениях рН – 4,5, так и при высоких – 8,3, а *Bosmina longirostris* вполне переносит диапазон значений рН от 5,9 до 9,5 [2, с. 57]. Активная реакция среды в водоемах Кенозерского национального парка близка к нейтральной и является благоприятной для развития зоопланктонных сообществ.

Таким образом, следует отметить, для зоопланктона изученных озер характерно высокое видовое разнообразие. Ветвистоусые ракообразные являются одной из самых многочисленных групп в зоопланктоне озер. Высокая неоднородность среды обитания и оптимальные условия существования обуславливают функционирование зоопланктонных сообществ и разнообразие данной группы ракообразных в исследованных водоемах Кенозерского национального парка.

Список литературы

1. Калинкина Н.М., Тимакова Т.М., Лозовик П.А., Рыжаков А.В., Куликова Т.П., Рябинкин А.В., Чекрыжева Т.А. Исследование трансформации водных экосистем Кенозерского национального парка (Архангельская область) под влиянием сельского и

лесного хозяйства // Водные ресурсы Европейского Севера России: итоги и перспективы исследований. Петрозаводск, 2006. С. 312–322.

2. Мануйлова Е.Ф. Ветвистоусые рачки (Cladocera) фауны СССР. М., Л., 1964.

3. Морева О.Ю., Климов С.И., Воробьева Т.Я. Гидролого-гидрохимические исследования озер южной части Кенозерского национального парка // Проблемы региональной экологии в условиях устойчивого развития. Вып. V, Ч. 1. Киров, 2007. С. 59–63.

Лихенологические исследования в Кенозерском национальном парке (Архангельская область)

Тарасова Виктория Николаевна – доктор биологических наук, профессор, Петрозаводский государственный университет; tarasova1873@gmail.com

Пчелкин Алексей Васильевич – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт географии Российской академии наук; pchelkin@igras.ru

Валекжанин Андрей Алексеевич – аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет; valekzhanin13@gmail.com

В статье приводятся данные о разнообразии лишайников Кенозерского национального парка (Архангельская область, Северо-Запад России). В результате исследований 2011 и 2018 гг. в Каргопольском секторе национального парка обнаружено 264 таксона лишайников и родственных им грибов, из них 17 видов лишайников зарегистрированы впервые для Архангельской области и 4 вида являются новыми для ее материковой части.

Ключевые слова: биоразнообразие лишайников, охраняемая территория, Кенозерский национальный парк.

Lichen studies in the Kenozero National Park (Arkhangelsk Region)

Tarasova Victoria N. – Dr. Sci. (Biology), professor, Petrozavodsk State University; tarasova1873@gmail.com

Pchelkin Aleksei V. – Dr. Sci. (Biology), leading researcher, Russian Academy of Sciences Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; pchelkin@igras.ru

Valekzhanin Andrei A. – postgraduate student, Northern (Arctic) Federal University; valekzhanin13@gmail.com

The paper presents the data on lichen diversity in the Kenozero National Park (Arkhangelsk Region). The studies undertaken in the park's Kargopol sector in 2011 and 2018, have revealed 264 taxa of lichens and allied fungi, of which seventeen lichens species are recent discoveries in Arkhangelsk Region and four have never been encountered on its mainland.

Keywords: lichen diversity, protected area, Kenozero National Park.

Лишайники являются классическими биологическими индикаторами загрязнения окружающей среды, что было отмечено еще в XIX в. Лишайники, особенно эпифитные виды, вследствие своих биологических свойств

чувствительны к антропогенному воздействию. Их высокие индикационные свойства широко используются при картографировании зон загрязнения и для биологической индикации. Они включены в список приоритетных тест-объектов для фонового экологического мониторинга [1]. Лихенологические исследования на особо охраняемых территориях традиционно вызывают большой интерес в связи с высокой сохранностью природных сообществ и их существенной ролью в поддержании биоразнообразия, в том числе редких и охраняемых видов [10]. Видовое разнообразие лишайников может служить эффективным показателем при биомониторинге состояния природных экосистем [11], использоваться в оценке масштабов динамических процессов, связанных как с глобальными, так и с региональными факторами [9; 12], а также для прогноза состояния экосистем и разработки эффективных мер для их охраны [16; 17].

Лишайники Архангельской области до настоящего времени оставались относительно малоизученными по сравнению с другими регионами России [14; 15]. Это справедливо и для территории Кенозерского национального парка: за более чем 30-летнюю историю его существования о его лишенофлоре известно очень мало. Первые лишенологические исследования в парке проводились в 2006 г. [6]. Тогда было отмечено, что ядро флоры лишайников Кенозерского национального парка составляют бореальные виды, имеющие широкое распространение в таежных лесах в целом, а среди эпифитных видов доминируют представители семейства *Parmeliaceae*: *Cetraria sepincola*, *Hypogymnia physodes*, *Melanelia olivacea*, *Parmelia sulcata*, *Parmeliopsis ambigua*, *P. hyperopta*, *Platismatia glauca*, *Tuckermannopsis chlorophylla*, *Vulpicida pinastri*, а также виды родов *Bryoria* и *Usnea*. Среди напочвенных лишайников лидирующее положение занимают представители родов *Cladonia* и *Peltigera* [6]. Более 700 образцов лишайников, собранных Анной Разумовской и Натальей Лебедевой, идентифицированных Дмитрием Гимельбрантом, Екатериной Кузнецовой и Ольгой Петровой, хранятся в офисе Кенозерского национального парка в Архангельске. К сожалению, эти данные так и не были опубликованы. В настоящее время требуется детальная ревизия этой коллекции.

В дальнейшем изучение лишайников продолжилось: полевые работы проводились в июле 2011 г. (В.Н. Тарасова), в мае 2018 г. (А.А. Валекжанин) и в августе 2018 г. (А.В. Пчелкин). Разнообразие лишайников изучали методом маршрутных учетов, которые разрабатывались на основе карт лесонасаждений и спутниковых снимков с целью охватить как можно большее число разнообразных типов местообитаний. Для оценки общего видового богатства лишайников были исследованы виды, встречающиеся на всех типах субстратов: стволы и ветви деревьев, кустарники, сухостой, мхи, почва и примитивная почва, покрывающая поверхность камней, гниющая древесина и пни, мертвые деревья, валуны, а также антропогенные сооружения (здания, стены, бетонные столбы, крыши). В Кенозерском национальном парке сборы

лишайников (включая эпифитную, эпиксильную, эпигеоидную и эпилитную экологические группы) были проведены в Каргопольском секторе парка в окрестностях д. Моршихинской (включая экологические тропы: «Тропа предков» и «Тропа муравейников»); на маршруте д. Моршихинская – д. Масельга; по тропе, ведущей к церкви Александра Свирского на Хижгоре; на маршруте д. Моршихинская – д. Орлово – тропа в сторону д. Ившинская; на трансекте д. Ившинская – Кузнецовское болото; на маршруте от Гужовской мельницы до оз. Большое Лебяжье; в районе д. Казариновской на юго-восточном берегу оз. Лёкшмозеро; на заброшенном аэродроме примерно в 1 км южнее д. Илекинской. Собранный во время этих экспедиций материал, всего около 1230 экземпляров лишайников, был идентифицирован с помощью стандартной микроскопической техники и точечных химических тестов. Образцы некоторых представителей рода *Cladonia* и виды стерильных накипных лишайников идентифицировали стандартным методом тонкослойной хроматографии (ТСХ) в Лаборатории экспериментальной ботаники Петрозаводского государственного университета с использованием систем растворителей А, В и С [13].

В результате исследования в южной части Кенозерского национального парка (Каргопольский сектор) обнаружено 263 вида и 1 подвид лишайников и родственных им грибов (в том числе 4 лихенофильных и 3 нелихенизированных гриба), относящихся к 48 семействам и 101 роду. Преобладают монородовые семейства (18 семейств, 7,2 % от общего числа видов). Самое крупное из них – *Cladoniaceae* (содержит 32 вида, 12,1 %); семейство *Parmeliaceae* – самое многочисленное по количеству родов (13 видов, 4,9 %) и видов (29 видов, 10,9 %). Более половины всех родов (53 вида, 52,5 %) представлены одним видом. Наибольшее количество видов принадлежит роду *Cladonia* (30 видов, 11,3 %), за ним следуют роды *Lecanora* (18 видов, 6,8 %), *Peltigera* (11 видов, 4,2 %), *Chaenotheca* (10 видов, 3,8 %) и *Biatora* (10 видов, 3,8 %). Преобладают виды накипной жизненной формы (152 вида), что составляет 59,4 % от общего числа видов лишайников. Зарегистрировано 53 вида кустистых (20,7 %) и 51 вид листоватых (19,9 %) лишайников.

Из выявленных видов впервые для Архангельской области отмечено 17 лишайников: *Absconditella lignicola*, *Arthonia apatetica*, *Biatora albidula*, *Biatora chrysantha*, *B. meiocarpa*, *Calicium tigillare*, *Candelariella lutella*, *Chaenotheca chlorella*, *Felipes leucopellaeus*, *Lecanora umbrina*, *Melanohalea exasperata*, *Peltigera hymenina*, *Phaeophyscia nigricans*, *P. orbicularis*, *Placynthiella dasaea*, *Pycnothelia papillaria* и *Xylopsora caradocensis*. Вид *Calogaya decipiens* ранее был известен в Архангельской области без точного местонахождения, а также на территории пос. Соловецкого (Соловецкий архипелаг, о. Большой Соловецкий). Вид *Ramalina baltica* ранее был известен в Архангельской области только из Кожозерского заповедника [8], но образцы были переопределены Т. Ахти и В.Н. Тарасовой в 2019 г. как *Ramalina obtusata* [2]. Вид *Biatora albidula* зарегистрирован впервые для Северо-Запада европейской части России.

Четыре вида (*Candelariella aurella*, *Megaspora verrucosa*, *Myriolecis crenulata*, *M. dispersa*) являются новыми для материковой части области: ранее они регистрировались только на арктических островах.

Виды *Lobaria pulmonaria* и *Bryoria fremontii* занесены в Красную книгу Российской Федерации. Семь видов (*Acolium karelicum*, *Bryoria fremontii*, *Chaenotheca brachypoda*, *C. phaeocephala*, *Evernia divaricata*, *Lobaria pulmonaria*, *Pseudevernia furfuracea*) занесены в Красную книгу Архангельской области [2]. Четыре вида (*Acolium inquinans*, *Chaenotheca stemonea*, *Hypogymnia vittata*, *Rostania occultata*) включены в перечень таксонов Архангельской области, требующих особого внимания к своему состоянию в природной среде и рекомендованных для биологического мониторинга [2]. Вид *Pycnothelia papillaria* может быть рекомендован для внесения в Красную книгу Архангельской области. Этот вид тяготеет к океаническим и субокеаническим регионам, объективно редок на Северо-Западе России, занесен в Красные книги Ленинградской области [3] и Республики Карелия [4].

Анализ субстратных предпочтений лишайников изучаемых сообществ выявил преобладание эпифитной группы, включая эпиксильные виды (185 видов, 71,2 %). Среди изученных растений-форофитов наибольшее разнообразие лишайников (93 вида, 35,8 % лишайниковой флоры) отмечено на осинах. На стволах и ветвях ели обнаружено 68 видов (26,2 %), на сосне – 63 (24,2 %), на иве – 61 (23,5 %), на березе – 55 (21,2 %), на лиственнице – 47 (18,1 %), на ольхе – 38 (14,6 %), на черемухе – 35 (13,5 %), на рябине – 34 (13,1 %), на можжевельнике – 16 (6,2 %). На обработанной древесине построек было больше лишайников (60 видов), чем на валежной древесине (41 вид).

Вторая доминирующая группа – эпигеоидные лишайники (33 вида, 12,6 %). Эпилитные лишайники представлены наименьшим количеством видов (30 видов, 11,5 %), но характеризуются высокой субстратной специфичностью (25 видов обнаружены только на камнях). Наибольшее число видов обнаружено на гранитных камнях (23), и лишайники на этом типе субстрата значительно отличаются по видовому составу от лишайников, произрастающих на бетонных стенах (11 видов). Например, виды родов *Rhizocarpon*, *Porpidia*, *Tephromela* были обнаружены только на гранитных камнях, а виды *Calogaya decipiens*, *Lecanora intricata*, *Myriolecis crenulata*, *M. dispersa* произрастали на бетонных стенах. На известняке обнаружен лишайник *Protoparmeliopsis muralis*. Около 7 % лишайников (17 видов) обладают низкой субстратной специфичностью, встречаясь на широком спектре субстратов.

Следует отметить, что выявленное видовое разнообразие лишайников и родственных им грибов для Кенозерского национального парка очень неполное. Например, на соседних охраняемых территориях обнаружено значительно больше видов, чем в настоящее время регистрируется на территории Кенозерского национального парка. Так, если для Каргопольского сектора (площадь около 70 000 га) Кенозерского национального парка отмечено 264 вида лишайников, то для Водлозерского национального парка (468 000 га)

отмечено 473 вида [7], а для заказника «Лекшмох» (25 000 га) – 96 видов [5]. Требуется дальнейшие исследования биоразнообразия лишайников в Кенозерском национальном парке, в том числе в его северной части (Плесецкий сектор), а также изучение ранее собранных коллекций.

Список литературы

1. Израэль Ю.А., Филиппова Л.М., Инсаров Г.Э., Семевский Ф.Н., Семенов С.М. Теоретические и прикладные аспекты фонового экологического мониторинга состояния биоты // Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем. Т. 3. Л., 1980. С. 7–23.
2. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2020.
3. Красная книга природы Ленинградской области. СПб., 2000.
4. Красная книга Республики Карелия. Белгород, 2020.
5. Пчелкин А.В. Первичные сведения о лишайниках государственного природного заказника «Лекшмох» // Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем, 2019. № 31 (3–4). С. 38–49.
6. Разумовская А.В., Петрова О.И. Промежуточный отчет по теме «Инвентаризация редких видов высших сосудистых растений и лишайников на территории Кенозерского национального парка с целью включения информации в новое издание Красной книги Архангельской области». Архангельск, 2006.
7. Тарасова В.Н., Андросова В.И., Сонина А.В. Лишайники Водлозерского национального парка (Россия) // Nature Conservation Research = Заповедная наука. 2021. № 6 (1). С. 32–46. <https://dx.doi.org/10.24189/ncr.2021.003>
8. Фадеева М.А. Лишайники // Природа и историко-культурное наследие Кожозерья. Архангельск, 2006. С. 75–102.
9. Brzeźniak B. Białowieża Forest as a biodiversity hotspot // Sylwan. 2017. No. 161 (12). P. 671–981.
10. Dymytrova L., Nadyeina O., Hobi M.L., Scheidegger C. Topographic and forest-stand variables determining epiphytic lichen diversity in the primeval beech forest in the Ukrainian Carpathians // Biodiversity and Conservation. 2014. No. 23 (6). P. 1367–1394. DOI 10.1007/s10531-014-0670-1
11. Khasitini R.O., Sari I.J., Herysca Y., Sulasanah S. Lichen diversity as indicators for monitoring ecosystem health in Rawa Danau Nature reserve, Banten, Indonesia // Biodiversitas. 2019. No. 20 (2). P. 489–496. DOI 10.13057/biodiv/d200227
12. McMullin R.T., Bennett L.L., Bjorgan O.J., Bourque D.A., Burke C.J., Clarke M.A., Guigesel, M.K., Krawiec P.L., Malyon R., Mantione A., Piotrowski A.T., Tam N.Y., van Natto A.C., Wiersma Y.F., Newmaster S.G. Relationships between air pollution, population density, and lichen biodiversity in the Niagara Escarpment World Biosphere reserve // Lichenologist. 2016. No. 48 (5). P. 593–605. doi:10.1017/S0024282916000402
13. Orange A., James P.W., White F.J. Microchemical methods for the identification of lichens. London, 2001. (British Lichen Society).
14. Tarasova V.N., Sonina A.V., Androsova V.I., Stepanchikova I.S. The lichens of forest rocky communities of mountain Olovgora (Arkhangelsk Region, Northwest Russia) // Folia Cryptogamica Estonica. 2015. No. 52. P. 51–62. <http://dx.doi.org/10.12697/fce.2015.52.07>

-
-
15. *Tarasova V.N., Sonina A.V., Androsova V.I., Stepanchikova I.S.* The lichens of forest rocky communities of the hill Muroigora (Arkhangelsk Region, Northwest Russia) // *Folia Cryptogamica Estonica*. 2016. No. 53. P. 111–121. <https://doi.org/10.12697/fce.2016.53.13>
16. *Waser L.T., Kuechler M., Schwarz M., Ivits E., Stofer S., Scheidegger C.* Prediction of lichen diversity in an UNESCO biosphere reserve – correlation of high resolution remote sensing data with field samples // *Environmental Modeling and Assessment*. 2007. No. 12 (4). P. 315–328.
17. *Zhang J.L., Liu F.Z., Gui G.F.* Spatio-temporal variation of vegetation and analysis of its driving factors in Changbai Mountain National Nature reserve // *Acta Ecologica Sinica*. 2016. No. 36 (12). P. 3525–3536. DOI:10.5846/stxb201410192053

Использование материалов лесоустройства для оценки изменений в состоянии лесов Национального парка «Кенозерский»

Торхов Сергей Васильевич – заместитель директора, Архангельский филиал Рослесинфорг; Torhov.SV@roslesinform.ru

В статье на примере Кенозерского национального парка отражена возможность использования материалов лесоустройства 1991, 1997 и 2013 гг. для оценки изменений в состоянии лесов за несколько десятилетий. С учетом оценки достоверности таксационных показателей представлена динамика породного и возрастного состава лесов.

Ключевые слова: материалы лесоустройства, Национальный парк «Кенозерский», состояние лесов.

Use of forest inventory data in assessing changes in the state of forests in Kenozero National Park

Torkhov Sergei V. – deputy director, Roslesinform Office in Arkhangelsk; Torhov.SV@roslesinform.ru

The article uses the example of Kenozero National Park to showcase the use of forest inventory data from 1991, 1997 and 2013 in assessing changes in the forest health over several decades. The estimate survey results underwent prior verification and are used to trace dynamics of the forests species composition and age structure.

Keywords: forest inventory data, Kenozero National Park, forest health.

Прежде чем обратиться непосредственно к теме мониторинга лесов, рассмотрим задачи лесоустройства на землях особо охраняемых природных территорий (ООПТ). В лесоустроительной инструкции особенности таксации лесов и проектирования мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов на таких землях исчерпывается одним предложением: «В лесах, расположенных на особо охраняемых природных территориях, таксация лесов, проектирование мероприятий по охране, защите, воспроизводству лесов осуществляется с учетом функционального зонирования и правового режима особо охраняемых природных территорий»¹.

Предполагается, что отсутствие конкретных требований в лесоустроительной инструкции должно компенсироваться техническим заданием к

© Торхов С.В., 2022

¹ Лесоустроительная инструкция. Утв. приказом № 122 Минприроды России от 29.03.2018 г. URL: https://racurs.ru/upload/iblock/632/8n9udj33y4htgil8wzz311wk71vetz91/Lesoustroitel'naya_instruktsiya.pdf (дата обращения: 12.06.2021).

контракту на проведение лесоустройства. Однако нередко лаконичность инструкции оборачивается грубым упрощением лесоустройства под предлогом ненужности или ограниченности на ООПТ мероприятий по заготовке древесины в промышленных масштабах и воспроизводству лесов. Все же остальные работы ограничиваются цитированием нормативно-правовых актов.

Вместе с тем задачи национальных парков многообразны и сложны: сохранение природы и историко-культурного наследия, организация рекреационного использования лесов, осуществление научно-исследовательской деятельности и государственного мониторинга окружающей среды, восстановление нарушенных природных и историко-культурных комплексов и объектов.

Лесоустройство ООПТ не проще, а сложнее лесоустройства земель лесного фонда. Это дорогостоящее мероприятие требует большого напряжения сил не только от исполнителя, но и от заказчика, который вправе ожидать от подрядчика максимальной отдачи. Требования к лесоустройству не столь и высоки, скорее они продиктованы повседневными нуждами парка.

Итак, от лесоустройства требуется:

- уважение к текущим и перспективным потребностям заказчика;
- пожизненная гарантия (до следующего лесоустройства);
- творческий подход к работе;
- информация в цифровом виде и в твердых копиях;
- использование полученных данных для функционального зонирования.

ния.

Кроме того, лесоустройство призвано служить основой проектирования мероприятий по охране, защите, воспроизводству и использованию лесов. Оно должно не только содержать описание современного состояния лесов и анализа происходящих в них изменений, но и выступать полноценной частью летописи природы.

Для того чтобы использовать материалы лесоустройства как инструмент мониторинга, надо знать их содержание и точность. На первый взгляд точность материалов глазомерной таксации невелика, а достоверность сравнения разновременных материалов мала. Однако это справедливо для малого количества выделов, а для их совокупности, когда положительные случайные ошибки компенсируются отрицательными, картина выглядит совершенно иначе. К примеру, в Кенозерском национальном парке общее число образцованных в 2013 г. выделов составило 21 тыс., в 1997 г. – 17 тыс., в 1991 г. – 8 тыс. [1, 2]. Данное количество наблюдений достаточно для объективного анализа изменений.

Так, у одного из самых изменчивых таксационных показателей – запаса древостоя – коэффициент варьирования в лесах национального парка составляет 46 %. По формулам вариационной статистики, для достижения точности определения среднего значения 1 % необходимо около 3 тыс. наб-

людений. Для мониторинга с исключением нелесных и непокрытых лесом площадей количество наблюдений составляет 14,4 тыс. выделов.

В зависимости от площади объекта и поставленной цели уровни мониторинга могут быть различны: лесничество, группа кварталов, выдел, отдельные деревья. Соответственно и требования к точности наблюдений будут различны. Со снижением количества наблюдений возрастает необходимость в более точных измерениях.

К примеру, Наглимозерская корабельная роща имеет площадь 1492 га, разделенных на 300 выделов, но в силу того, что таксация в каждом из них выполнена не просто глазомерным, а более точным глазомерно-измерительным способом, достоверность сравнения остается достаточно высокой (ошибка 5 %). Самым точным и затратным способом таксации является измерительный. При инвентаризации святых рощ в 2013 г. методом сплошного перече-та были пересчитаны и измерены все 4832 дерева в их границах (табл. 1) [3].

Результаты мониторинга представлены в таблице 2.

Таблица 1. Допустимая случайная ошибка при различных способах таксации древостоя или преобладающей древесной породы

Таксационный показатель	Способ таксации		Сплошной перечет деревьев на пробных площадях
	Глазомерный	Глазомерно-измерительный	
Запас древостоя, %	20	15	5
Высота, %	10	8	5
Коэффициент состава, ед.	1,5	1	0,5
Диаметр, %	12	10	3
Возраст лесного насаждения до 40 лет, лет	10	5	3
Возраст лесного насаждения 41–100 лет, лет	15	10	5
Возраст лесного насаждения старше 100 лет, лет	25	10	10
Относительная полнота, ед.	0,1	0,1	0,05
Допустимая систематическая ошибка, %	5	5	3

Таблица 2. Динамика изменения площадей земельных угодий парка с 1991 по 2013 г.

Земельные угодья	1991		1997		2013	
	га	%	га	%	га	%
Общая площадь	138684	100	139663	100	140218	100
В том числе:						
Покрытые лесом земли, всего	103671	74,8	105501	75,5	107837	76,9

Земельные угодья	1991		1997		2013	
	га	%	га	%	га	%
Сельскохозяйственные угодья	5255	3,8	4896	3,5	3681	2,6
Ветровалы	—	—	28	—	244	0,2
Погибшие насаждения	—	—	—	—	23	—

Наиболее значимые показатели динамики земель – увеличение лесистости и сокращение площади сельскохозяйственных угодий. Неиспользуемые пашни, сенокосы и пастбища зарастают лесом. За два десятилетия площадь пашен, сенокосов и выгонов сократилась на 1,6 тыс. га. За этим стоят процессы, общие для сельского хозяйства на Севере России: снижение численности сельского населения, отток его трудоспособной части в городскую местность, экономическая незаинтересованность населения развивать товарное производство сельхозпродукции.

На территории Кенозерского национального парка прекратились сплошные рубки, организована эффективная охрана лесов от пожаров; однако в связи с изменением климата стали частыми ураганные ветра, вызывающие локальные ветровалы.

Гибель насаждений в парке – тоже природный процесс. В 2013 г. выявлены 6 участков площадью от 0,3 до 5,1 га, подтопленных из-за бобровых плотин [2, 3].

В лесах национального парка доминирующее положение занимает сосна, на ее долю приходится 44 % покрытой лесом площади. В сухих типах леса и сосняках сфагновых у сосны нет конкурентов. Здесь она образует чистые по составу насаждения. В сосняках кисличных и черничных сосне приходится конкурировать с другими древесными породами, особенно с березой и осиной.

По материалам лесоустройства 1983–1989 гг., послужившим первыми сведениями о лесах Кенозерского национального парка, площади хвойных лесов были несколько больше (ил. 1). Сокращение площади сосняков и ельников произошло в основном в молодых насаждениях, где роль преобладающей породы захватила береза. Но березовая формация не является чем-то постоянным: со временем березняки сменяются хвойными лесами.

Породная структура лесов тесно связана с их возрастом и происхождением. На иллюстрации 2 отражена породная структура лесов по десятилетним срезам. Среди насаждений, возраст которых не превышает 80 лет, преобладают березняки. Причем, чем моложе возрастная срез, тем сильнее выражено это преобладание. Благодаря своим биологическим особенностям, как правило, лиственные породы являются пионерными, заселяющими большие открытые площади. Среди них береза отличается повсеместным распространением не только потому, что отличается меньшей требовательностью к условиям произрастания, но и в силу наличия

постоянного источника семян от деревьев предыдущих поколений. Среди насаждений, сформировавшихся на сплошных вырубках до образования национального парка, доля березняков составляет 70 %.

Однако мягколиственные породы уступают хвойным по продолжительности жизни, и на горах 80–100-летней давности сосняки восстанавливают утраченные позиции. Появляется и ель, выбивающаяся из-под лиственного полога.

Среди древостоев, которые старше 100 лет, березняков и осинников практически нет. Преобладают сосняки и ельники. Часть из них сформировалась на местах приисковых рубок (для нужд кораблестроения), при которых вырубались только лучшие деревья сосны, а возможно и лиственницы. Эти рубки сохраняли лесную среду, поскольку под пологом разреженного древостоя развивался хвойный подрост. Так сформировалось большинство современных сосново-еловых древостоев. Часть из них пережила пожары и лесозаготовки, схоронившись по заболоченным низинам и логам.

Статистическая обработка 17,4 тыс. таксационных выделов позволяет получить средние таксационные показатели насаждений различных лесообразующих пород (табл. 3). Среднестатистический портрет насаждений Кенозерского национального парка рисует образ высокопродуктивного, сложного по составу древостоя [2, 3]. Высокий для северных районов средний класс бонитета – 2,8, большая относительная полнота – 0,72 и значительный запас – 255 м³ на 1 га.

Таблица 3. Динамика средних таксационных показателей

Преобладающая порода	Год лесостроительства	Возраст, лет	Класс бонитета	Запас насаждений на 1 га	Изменение запаса на 1 га покрытых лесом земель		Состав
					среднее	текущее	
Сосна	2013	106	2,8	286	2,7	1,9	6С 2Е 2Б
	1997	92	2,6	271	3,1	2,5	6С 2Е 2Б
	1991	89	3,1	218	2,6	1,7	–
Ель	2013	131	4,1	223	1,7	0,7	7Е 1С 2Б
	1997	125	4,2	203	1,7	0,9	7Е 1С 2Б
	1991	112	4,2	180	1,7	0,9	–
Береза	2013	78	1,9	236	2,8	1,9	6Б 1Ос 2С 1Е
	1997	66	1,6	208	2,9	2,2	6Б 1Ос 2С 1Е
	1991	52	2,3	138	2,5	2,3	–
Все породы	2013	103	2,8	255	2,5	1,6	3С 3Е 3Б 1Ос
	1997	92	2,7	235	2,7	2,0	3С 3Е 3Б 1Ос
	1991	90	3,3	192	2,3	1,6	3С 3Е 3Б 1Ос

Текущее изменение запаса – 1,6 м³ в год – значительно меньше (на 36 %) среднего прироста. Такое соотношение характерно для насажде-

ний, где бурный рост и развитие в молодости сменяются постепенным накоплением запаса.

Более объемно картина изменения лесов национального парка прорисовывается при анализе динамики таксационных показателей за два последних десятилетия.

В сравнении материалов трех лесоустройств наблюдается постепенное старение древостоев. Обращает на себя внимание стабильность их состава. Это не означает, что процесса смены пород на территории Кенозерского национального парка не происходит. Состав древостоев меняется естественным образом. Темпы этого процесса неспешны (природа не любит торопиться).

В заключение можно добавить, что возможности использования материалов лесоустройства для мониторинга и оценки текущего состояния лесов не исчерпываются сравнением среднестатистических данных. В этом направлении базы таксационных данных не трудно конвертировать в общедоступный формат электронных таблиц. Следует вспомнить возможности оцифровки материалов прошлых лет для применения геоинформационных систем и возможности сравнения архивных аэроснимков с современной съемкой, включая снимки с беспилотных аппаратов.

Список литературы

1. Схема развития Кенозерского государственного национального парка. Лесное хозяйство. Пояснительная записка. Архангельск, 1992.
2. Проект организации и ведения лесного хозяйства Кенозерского национального парка. Т. I. Объяснительная записка. Архангельск, 2013.
3. Пояснительная записка к материалам лесоустройства. Архангельск, 2013.

Иллюстрации

Иллюстрации к статье Ю.А. Веденина

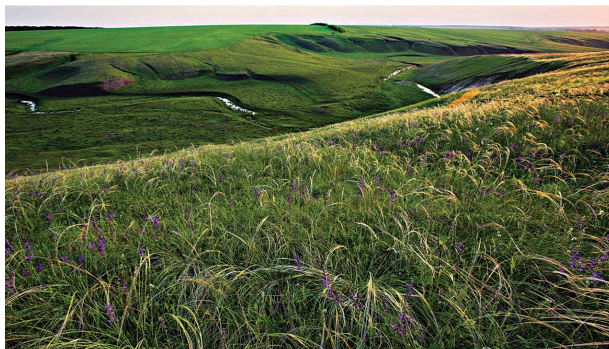
Ил. 1. Стены и башни
Соловецкого монастыря.
Фото М.Е. Кулешовой

Ил. 2. Деревянные дома
и часовня
в д. Вершинино.
Фото М.Е. Кулешовой

Ил. 3. Соловецкий монастырь.
Стены, поросшие лишайником.
Фото М.Е. Кулешовой

Ил. 4. Куликово поле.
Фото М.Е. Кулешовой

Ил. 5. Информационные
щиты в селении
Сен-Жан. Квебек.
Канада.
Фото Ю.А. Веденина

Ил. 6. Дом
М.В. и Н.П. Капустиных
в д. Зехнова.
Фото Ю.А. Веденина

Ил. 7. Вид на часовню
в д. Зехнова.
Фото Ю.А. Веденина

Ил. 8. Вид
на д. Зехнова
от часовни.
Фото
Ю.А. Веденина

Ил. 9. Промысловая
избушка в Кенозерье.
Фото М.Е. Кулешовой

Ил. 10. Интерьер часовни
в Кенозерье.
Фото М.Е. Кулешовой

Ил. 11.
Ковыльная степь
на Куликовом поле.
Фото О.В. Буровой

Иллюстрации к статье В.П. Новикова

Ил. 1. Дворцовско-Залидовская пойма р. Угра со смотровой площадкой на окраине Залидовских лугов.
Фото В.П. Новикова

Ил. 2. Липовая аллея с восстановленной беседкой в парке усадьбы А.Д. Оболенского «Заречье».
Фото В.П. Новикова

Ил. 3. Долина р. Жиздра с монастырем Оптиной пустыни в полосе бывших засечных лесов. Фото из архива монастыря

Ил. 4. Языческое святилище с деревянным идолом (слева) и жертвенными животными (справа) на городище раннего железного века в д. Никола-Ленивец (инсталляция Н.В. Полискогго). Фото В.П. Новикова

Ил. 5. Схема расположения военно-мемориальных объектов 1941–1943 гг. на юховском участке парка

Ил. 6. Макеты сгоревших изб на сохранившихся фундаментах домов деревенской улицы («Павловский плацдарм»). Фото В.П. Новикова

Ил. 7. «Русиновский берег»: восстановленная траншея переднего края немецкой обороны со стрелковой ячейкой. Фото В.П. Новикова

Ил. 8. «Командный пункт Западного фронта»: фрагмент реконструкции «колейной» дороги с «карманом» для разъезда легковых автомашин. Фото В.П. Новикова

Иллюстрации к статье А.Б. Пермиловской

Ил. 1. Белое море
в районе с. Пурнема.
Источник:
www.aeriaipfoto.ru

Ил. 2. Погост с. Пурнема. Реконструкция Ю.С. Ушакова [21, с. 61]

Ил. 3. Ансамбль
с. Пурнема:
Никольская церковь
(1645–1648 или 1618 гг.),
церковь Рождества
Христового (1861 г.),
колокольня (1775 г.).
Источник:
www.aeriaipfoto.ru

Ил. 4. Культурный ансамбль с. Пурнема.
Фото начала XX в.
из фондов ГААО

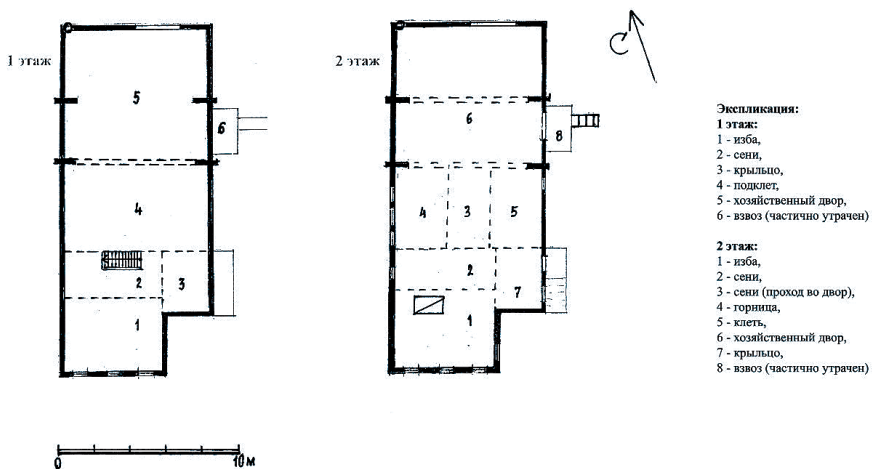
Ил. 5. Культурный ансамбль с. Малошуйка:
Сретенская церковь (1873 г.),
Никольская церковь (1638 г.),
колокольня (1807 г.).
Фото А.А. Усова

Ил. 6. Никольская церковь (1636 г.),
Введенская церковь (1793 г.),
колокольня (1862 г.),
с. Ворзогоры.
Фото А.А. Усова

ПЛАН ДОМА-ДВОРА
Эльвиры Николаевны Мартын
с. Ворзюгора (д. Кондратьевская), Онежский район
Середина XIX века

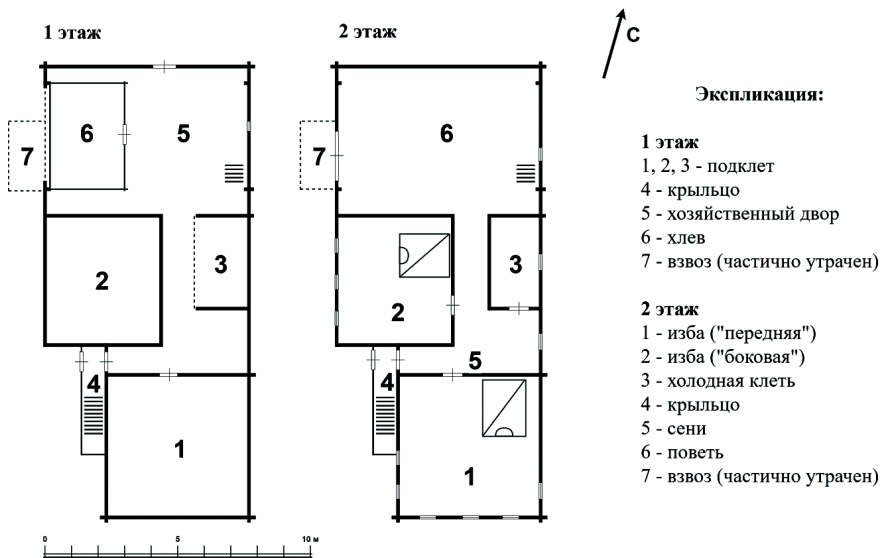

Ил. 7. Дом-двор Э.Н. Мартын в д. Кондратьевской Онежского р-на (середина (?) – конец XIX в.). Руководитель проекта А.Б. Пермиловская, научная информация, фото А.А. Усова. Обмеры А.А. Усова, Н.А. Подобиной

Иллюстрации к статье А.А. Усова

ПЛАН ДОМА-ДВОРА
Кондрата Зосимовича Суханова
с. Пурнема (Низ), Онежский район
Кон. XIX - нач. XX вв.

Ил. 1. Юго-западный фасад комплекса дома-двора К.З. Суханова в с. Пурнема (Низ) Онежского р-на. Конец XIX в. Руководитель проекта А.Б. Пермиловская, научная информация, обмеры, камеральная обработка, фото А.А. Усова, 2020 г.

Ил. 2. Северный фасад дома-двора Р.И. Баёвой в с. Малошуйка (д. Заречье) Онежского р-на. Конец XIX – начало XX в. Фото А. Усова, 2019 г.

Ил. 3. Бани и первый ряд домов в с. Пурнема (Низ) Онежского р-на. Фото А. Усова, 2020 г.

Иллюстрация к статье К.А. Аверьянова

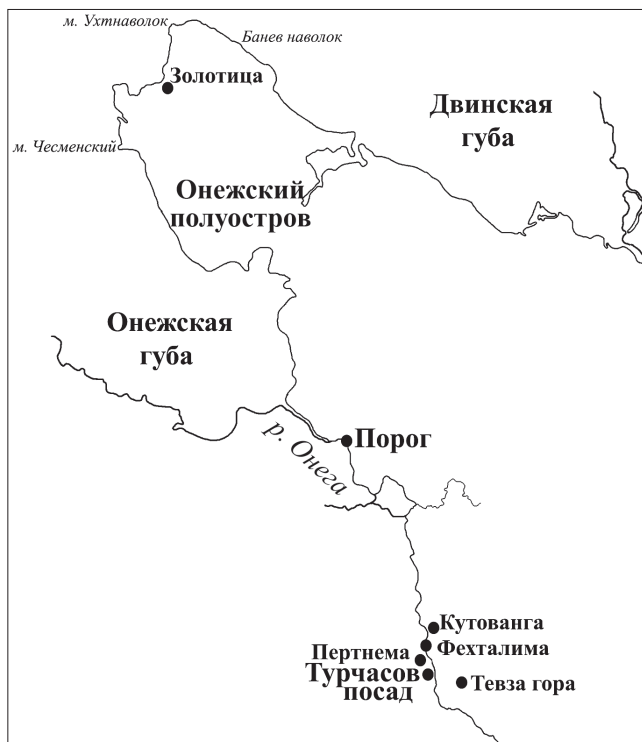

Русский Север XII–XVI вв. (автор К.А. Аверьянов, картограф Е.И. Андреева)

Иллюстрации к статье Я.И. Алексеевой

Ил. 1. Карта-схема района Золотицкой волости

Ил. 2. Карта-схема Турчасовского стана Каргопольского уезда

Иллюстрации к статье А.И. Анциферовой

Ил. 1. Рыбаки рыболовецкого колхоза «Заря»

Алексей Николаевич Петров
и Иван Петрович Майзеров несут
семгу на склад Пертоминского
рыбзавода, д. Лопшеньга,
конец 1960-х гг. Фото А.В. Федотова.
Из личного архива Н.А. Федотова

Ил. 2. Тоня «Большая Сярга», 2019 г. Фото Е.Г. Мазилова

*Ил. 3. Тоня
«Тотьманга»
при впадении
р. Тотьманга
в Белое море, 2019 г.
Фото Е.Г. Мазилова*

*Ил. 4. Тоня
«Ухт-Наволок»
на мысе Ухт-Наволок,
2018 г.
Фото Е.Г. Мазилова*

*Ил. 5. Тоня
«Никольская», 2019 г.
Фото Е.Г. Мазилова*

Иллюстрации к статье И.В. Белозеровой, С.В. Кузьминых

Ил. 1. Переправа
через р. Сюзьма.
В центре А.Я. Брюсов.
1926 или 1927 г. (ОПИ ГИМ.
Ф. 545. Ед. хр. 129. Л. 21)

Ил. 2. Участники раскопок
на тони Голдарея.
В центре Д.А. Крайнов
(ОПИ ГИМ. Ф. 545.
Ед. хр. 129. Л. 25)

Ил. 3. Обед участников раскопок на тони
Голдарея. Слева Д.А. Крайнов,
справа А.Я. Брюсов (ОПИ ГИМ. Ф. 545.
Ед. хр. 129. Л. 27)

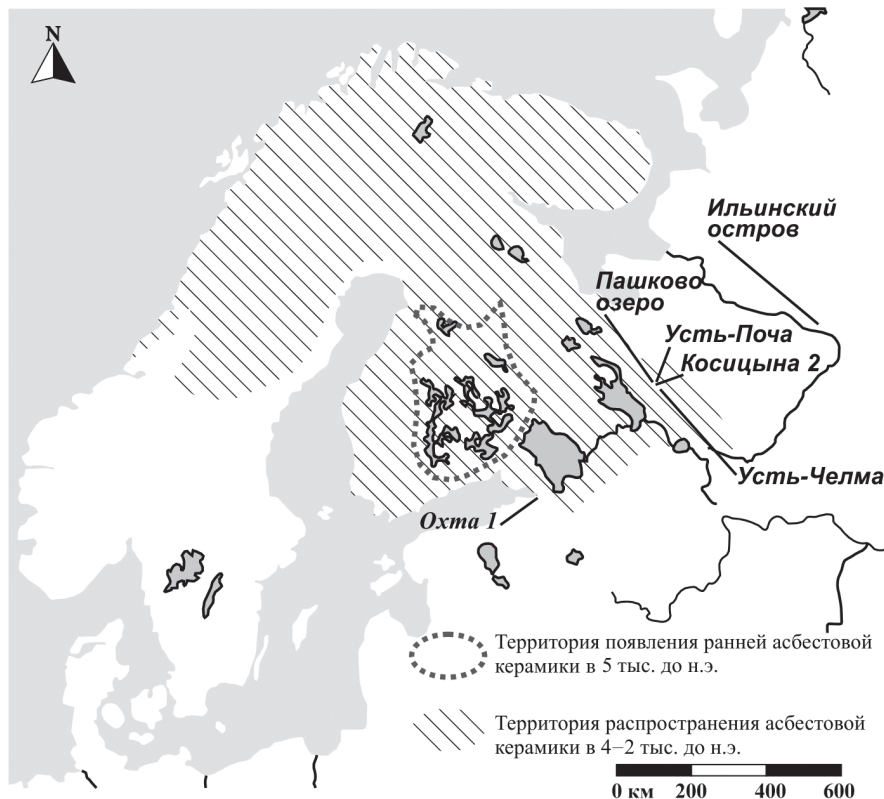
Ил. 4. Каменные предметы из Голдареи. 1926 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 128. Л. 49)

Ил. 5. Находки из раскопок Красной Горы. 1926 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 128. Л. 49)

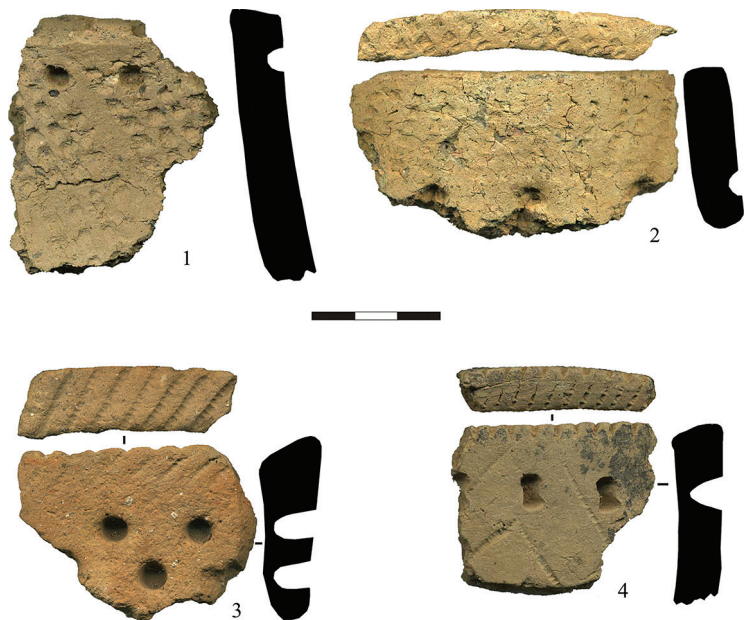

Ил. 6. М.Е. Фосс с ящиками археологических предметов. 1920-е гг. (ОПИ ГИМ. Ф. 545. Ед. хр. 369. Л. 49)

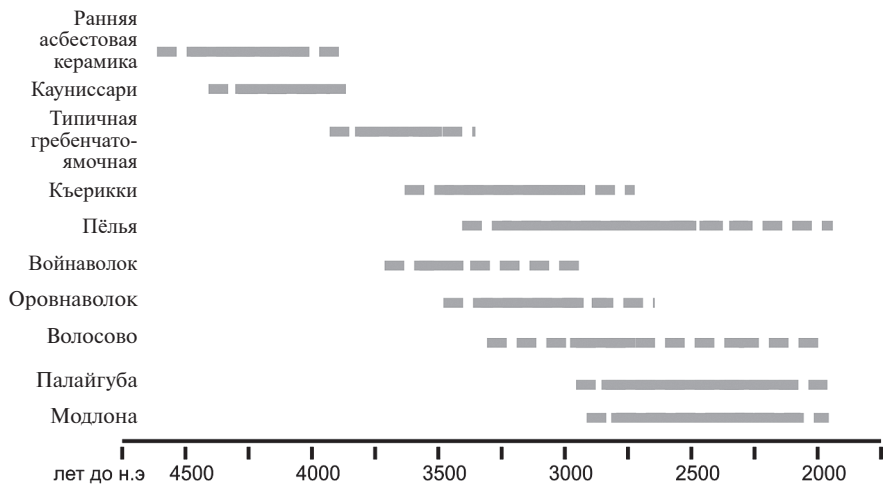
Иллюстрации к статье Д.В. Герасимова, В.И. Хартановича,
М.А. Холкиной, Р.И. Муравьева, Е.С. Ткач

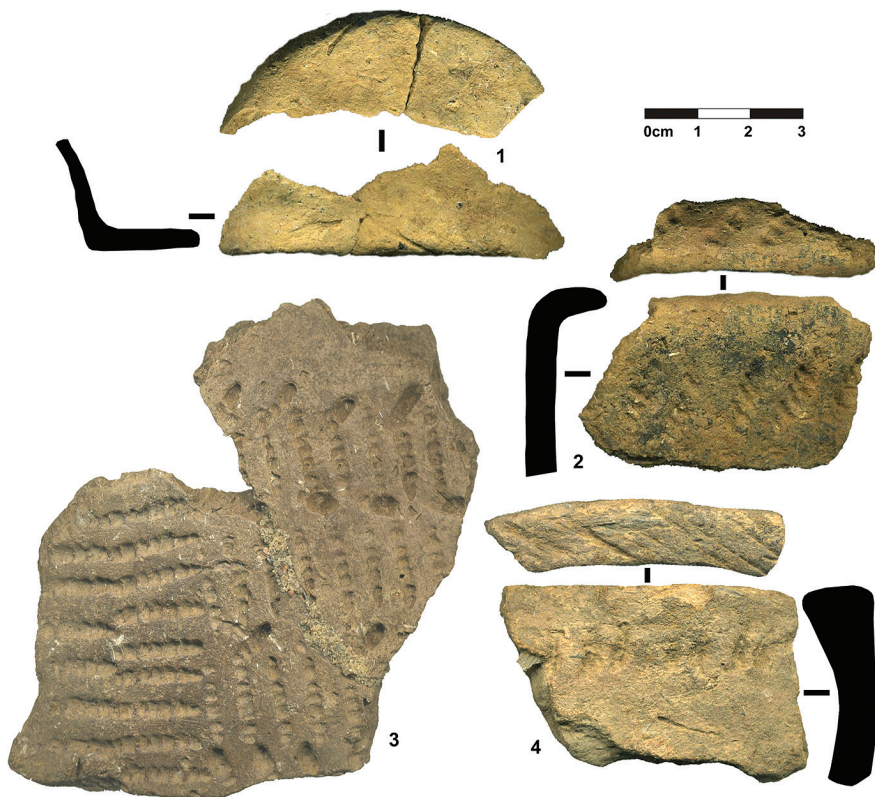
Ил. 1. Карта распространения неолитической асбестовой керамики и расположения упоминаемых археологических памятников (территория появления ранней асбестовой керамики по: [Oinonen M., Pesonen P., Alenius T., Heyd V., Holmqvist-Saukkonen E., Kivimäki S., Nygrén T., Sundell T., Onkamo P. Event reconstruction through Bayesian chronology: Massive mid-Holocene lake-burst triggered large-scale ecological and cultural change // *The Holocene*. 2014. Vol. 24 (11). P. 1420. Fig. 1])

Ил. 2. Керамика типа сперрингс: 1–2 – Комсомольское-3, Карельский перешеек; 3–4 – типичная гребенчато-ямочная керамика, Берёзово-2, Карельский перешеек

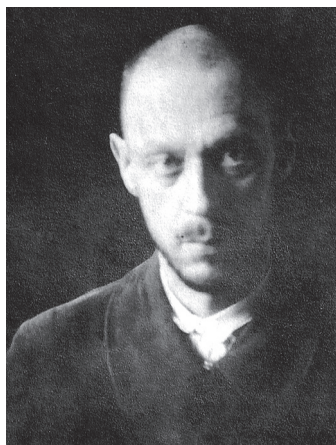

Ил. 3. Хронологическая схема бытования основных типов керамики в неолите лесной полосы Восточной Европы

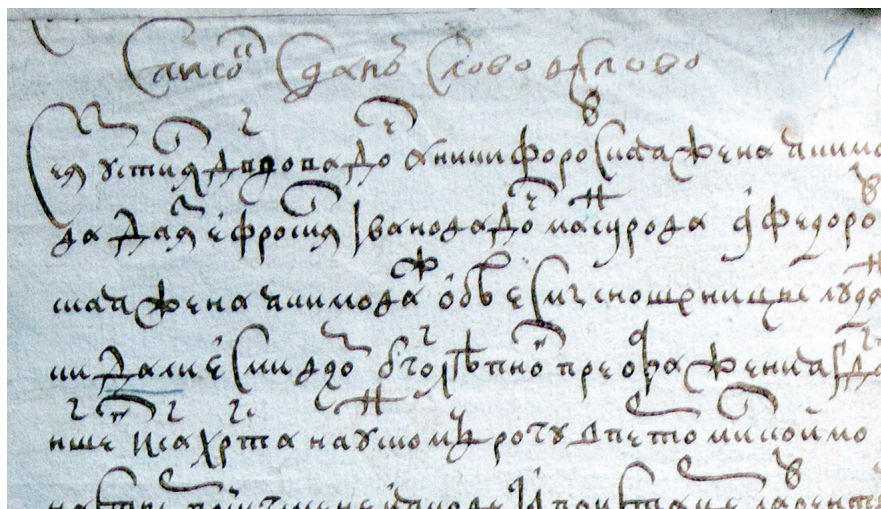

Ил. 4. Керамика типа пёля: 1–2 – Гвардейское-1, Карельский перешеек;
3–4 – керамика типа Войнаволок, Подолье-1, Южное Приладожье

Иллюстрации к статье Л.В. Гундаковой

Ил. 1. А.П. Приклонский

Ил. 2. Фрагмент (начало) документа из «Пертоминского архива»:

«Данная в Пертоминский мон-рь лудянок Устиныи и Евфросиньи Якимовых
на пожни на Сайминском наволоке и по р. Кинжуге. 15 янв. 1620 г.»

[Приклонской А. Пертоминский архив: Описание рукописей

Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в Музее
Соловецкого Общества Краеведения: XVII–XVIII вв. Соловки, 1927. С. 3 (№ 1);
ГААО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]

Иллюстрации к статье А.А. Ивановой

Ил. 1. Исследовательская модель культурного ландшафта

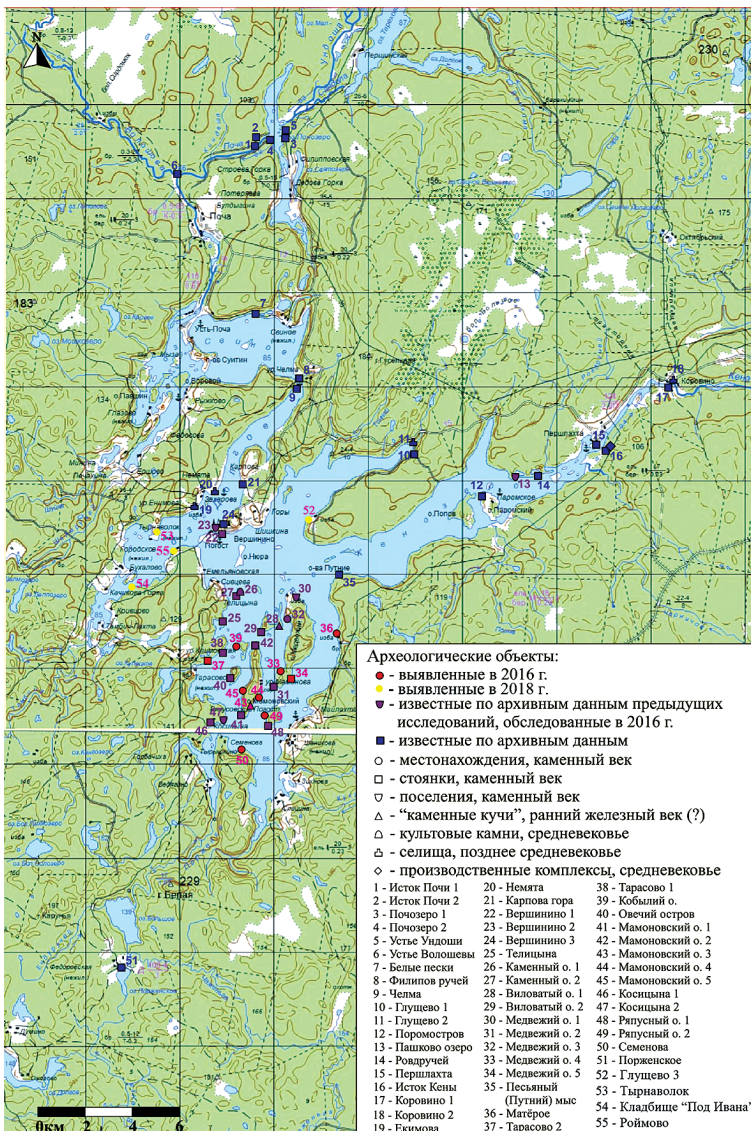

Ил. 2. Петров день в д. Погост. 1927 г. Фото из фондов Российского государственного архива литературы и искусства

Ил. 3. Глиняные изделия жителей д. Карпова. 2015 г.
Фото А.А. Ивановой

Иллюстрации к статье А.Я. Мартынова, Г.А. Дзенисова, П.А. Ирхи, Н.С. Потуткина, С.А. Шаврина

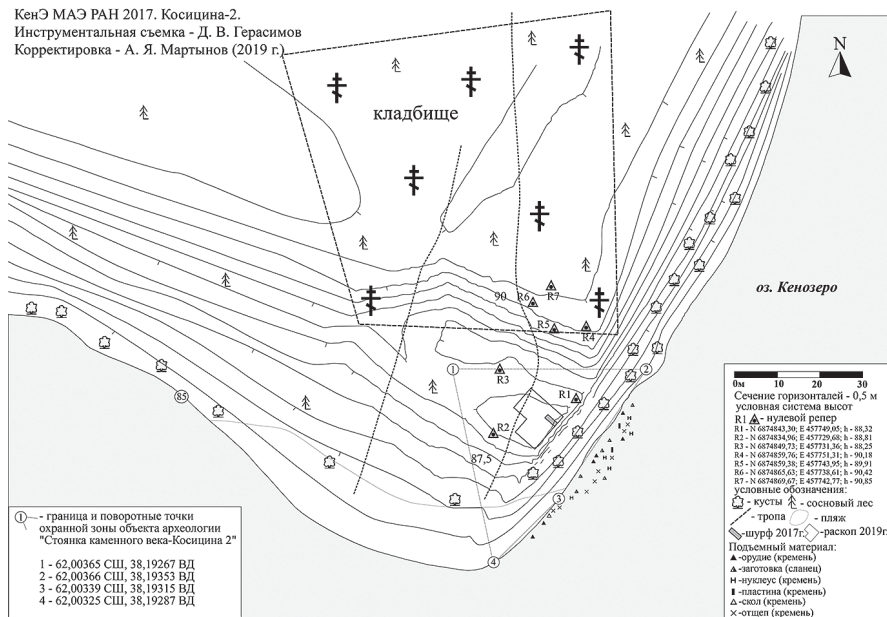

Ил. 1. Карта археологических памятников Кенозера. Составлена Д.В. Герасимовым (2016 г.), корректировка А.Я. Мартынова (2019 г.)

Ил. 2. Кенезеро. Стоянка Косицына-2. Вид с востока.
На заднем плане – д. Косицына

КенЭ МАЭ РАН 2017. Косицына-2.
Инструментальная съемка - Д. В. Герасимов
Корректировка - А. Я. Мартынов (2019 г.)

Ил. 3. Кенезеро. Стоянка Косицына-2. План. Съемка Д.В. Герасимова (2017 г.),
корректировка А.Я. Мартынова (2019 г.)

Ил. 4. Стоянка Косицына-2.
Подъемный материал (кремень, сланец).
Сборы 2018 г.

Ил. 5. Кенозеро. Стоянка Косицына-2. Раскоп 2019 г. Вид с севера

оз. Кенозеро.
 Стоянка Косицына-2.
 Раскоп 2019 г.

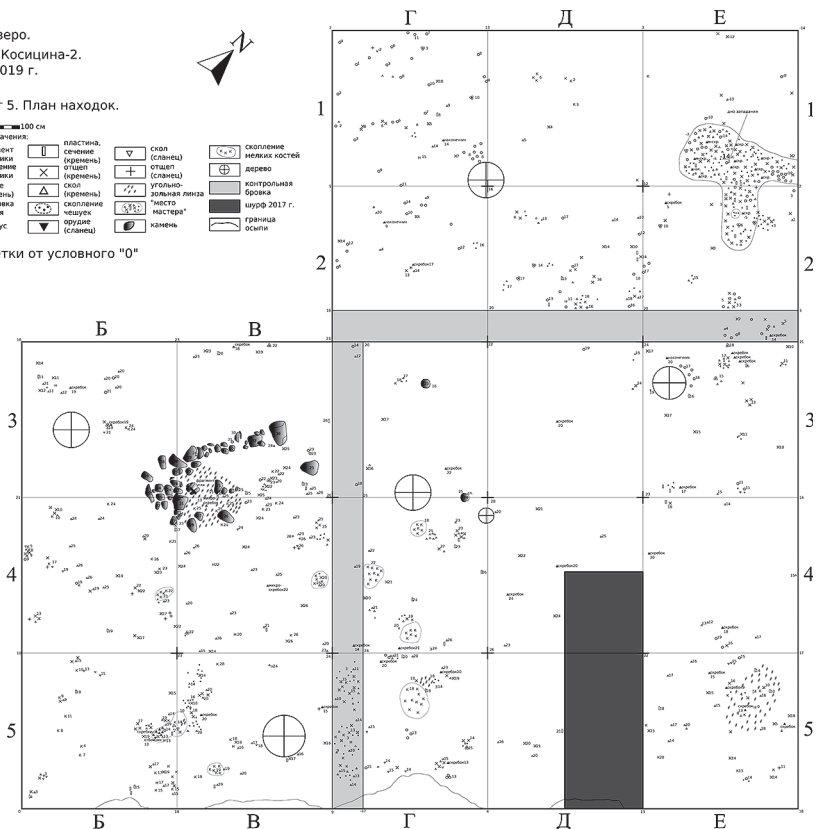
Горизонт 5. План находок.

0 — 100 м

Условные обозначения:

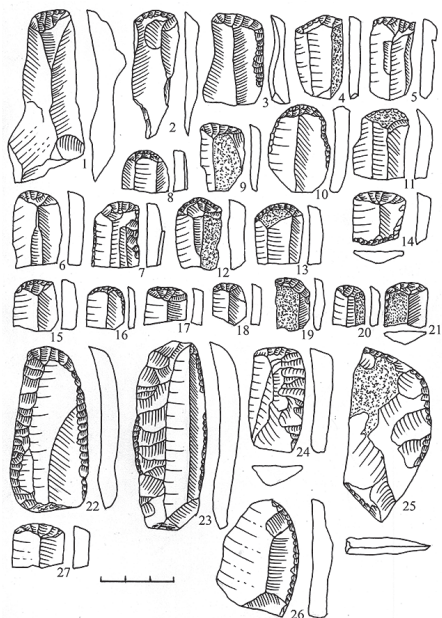
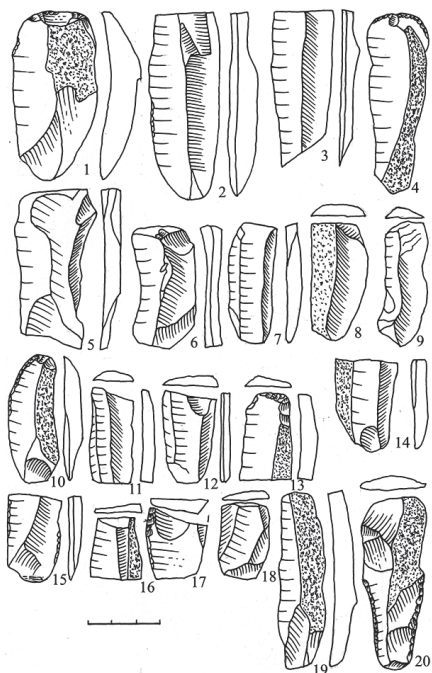
фрагмент керамики	пластинка (кремень)	скоп (слоанец)	скопление мелких костей
скопление керамики	отщеп (кремень)	отщеп (слоанец)	дерево
керамика	скоп (кремень)	угольная линза	бронза
орудие (кремень)	скопление чешуек орудия (слоанец)	мастеря	кург. 2017 г.
орудие (кремень)	камень	граница	осыпи

Все отметки от условного "0"

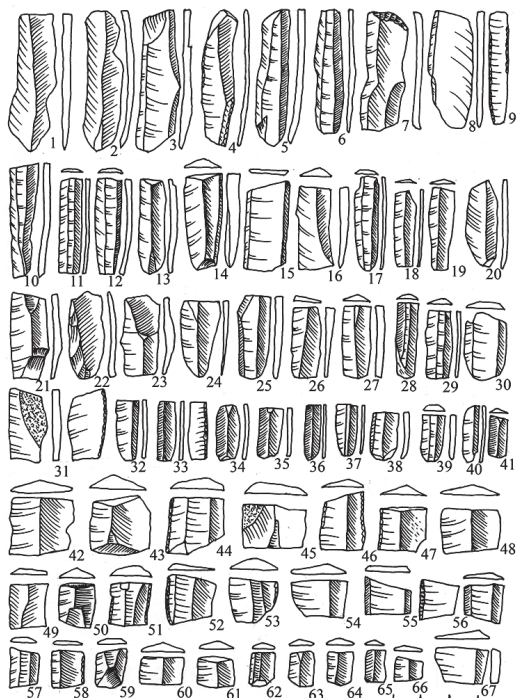

Ил. 6. Стоянка Косицына-2. Раскоп 2019 г. 5-й горизонт. План находок

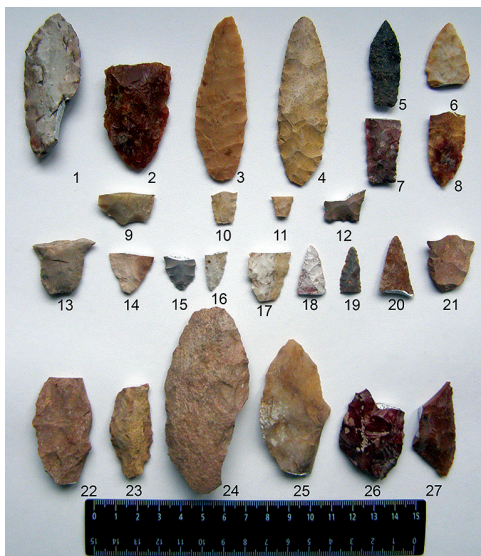
Ил. 7. Стоянка Косицына-2.
 Ножевидные пластины (2, 3, 5–9,
 11–19), концевые скребки (1, 4, 13),
 ножи (10, 20) из раскопа 2019 г. Мезолит

Ил. 8. Стоянка Косицына-2. Концевые скребки на обломках пластин (1–21, 27), комбинированные орудия (22, 24), ножи на пластинах (23) и отщепах (25, 26) из раскопа 2019 г. Мезолит (1–24, 27), неолит (25, 26)

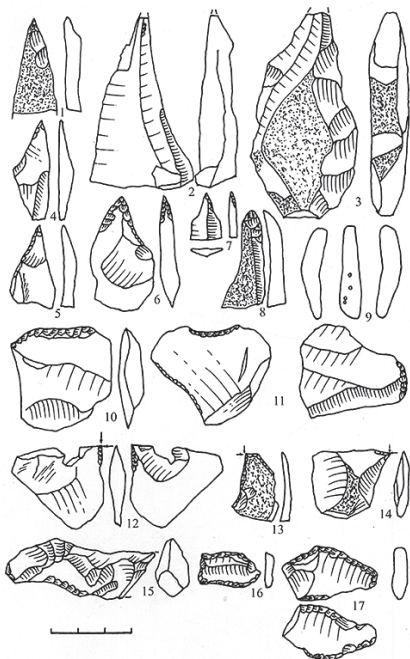
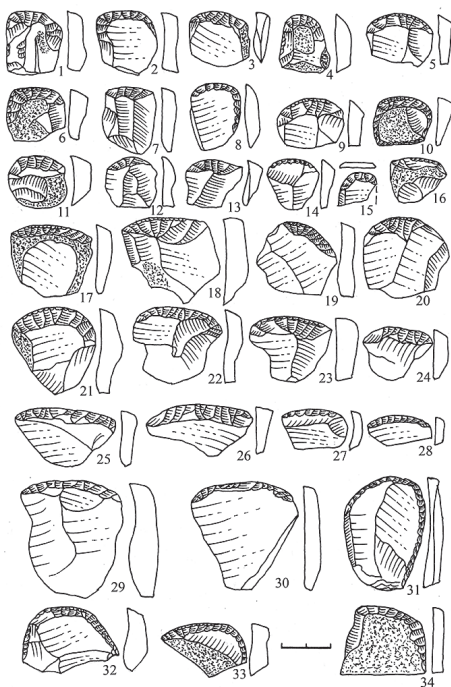

Ил. 9. Стоянка Косицына-2. Пластиночатый инвентарь из раскопа 2019 г.: пластинки (1–10), микропластинки (11–41), обломки ножевидных пластин (42–46, 67), сечения (47–66). Кремль, сланец. Мезолит

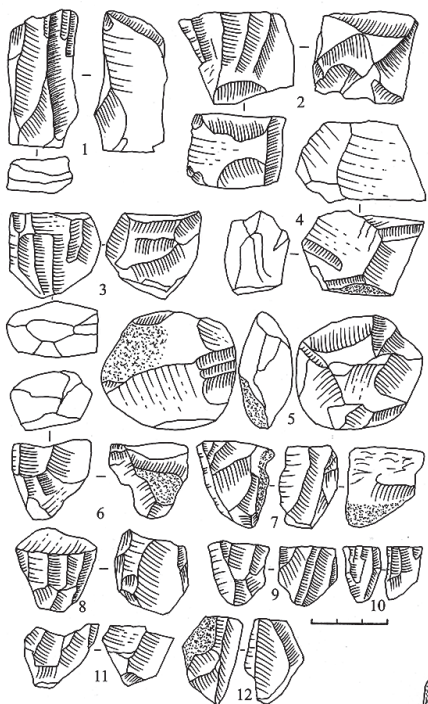

Ил. 10. Стоянка Косицына-2. Кремневые наконечники стрел и дротиков из раскопа 2019 г. Неолит – ранний металл

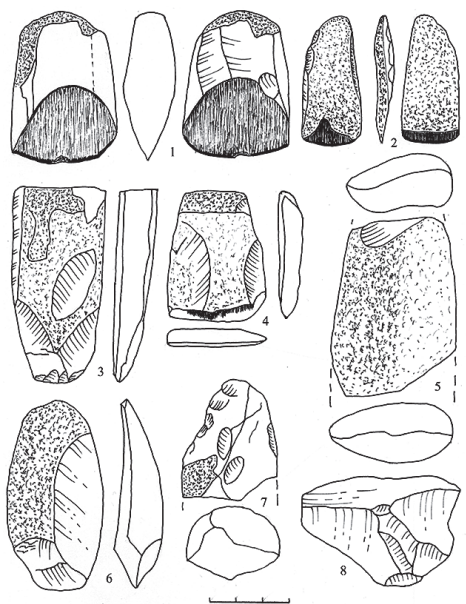
Ил. 11. Стоянка Косицына-2.
Кремневые скребки на отщепах
из раскопа 2019 г.
Неолит – ранний металл

Ил. 12. Стоянка Косицына-2.
Кремневый инвентарь из раскопа 2019 г.

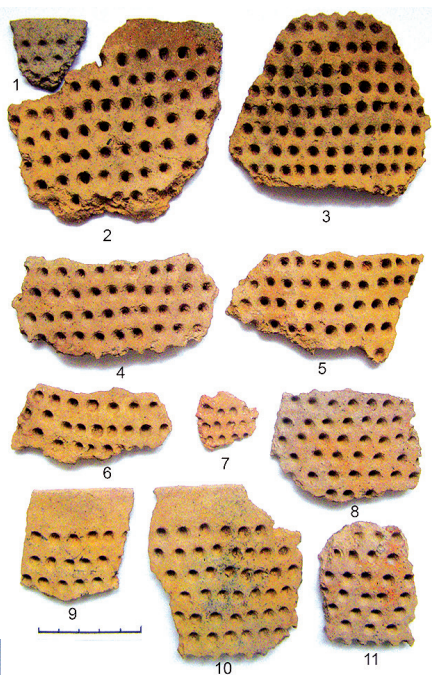

Ил. 13. Стоянка Косищина-2.
Нуклеусы из раскопа 2019 г. Кремьень.
Мезолит – ранний металл

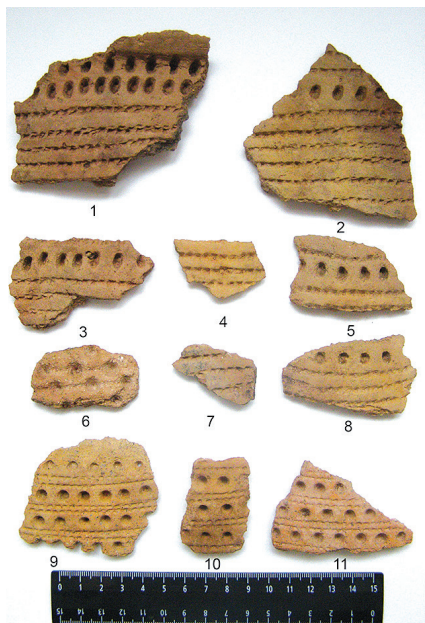

Ил. 14. Стоянка Косищина-2.
Инвентарь из сланца.
Мезолит (?) – ранний металл

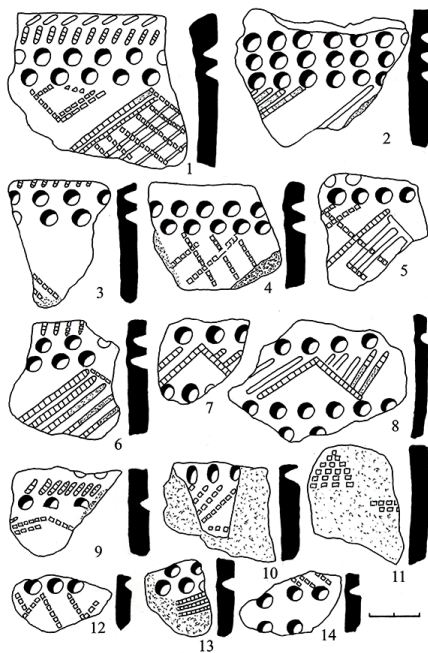
*Ил. 15. Стоянка Косицына-2.
Керамика с чистым ямочным
орнаментом из раскопа 2019 г. Неолит*

*Ил. 16. Стоянка Косицына-2.
Ямочно-гребенчатая керамика
из раскопа 2019 г. Неолит*

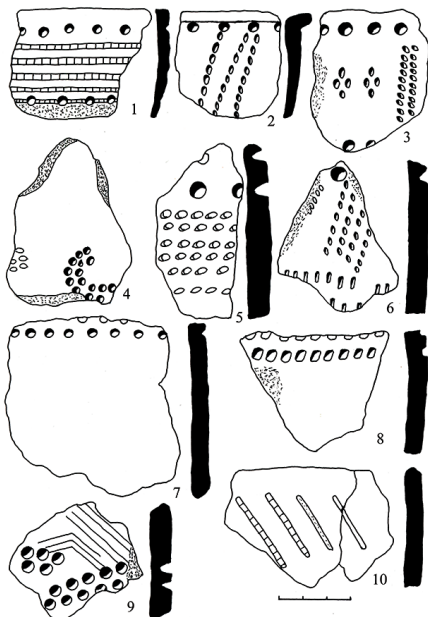
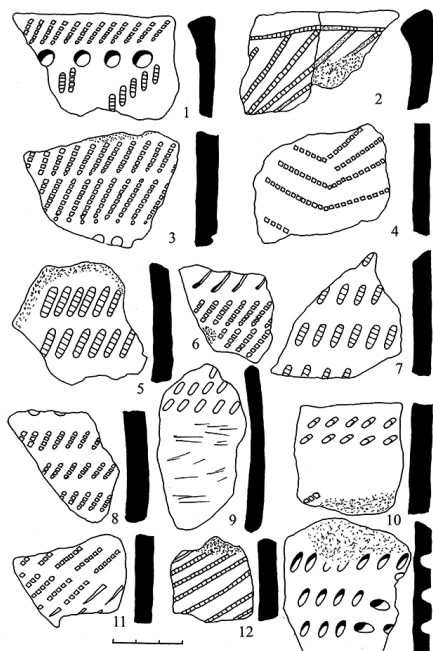

Ил. 17. Стоянка Косицына-2.
Гребенчато-ямочная керамика
из раскопа 2019 г.
Неолит – ранний металл

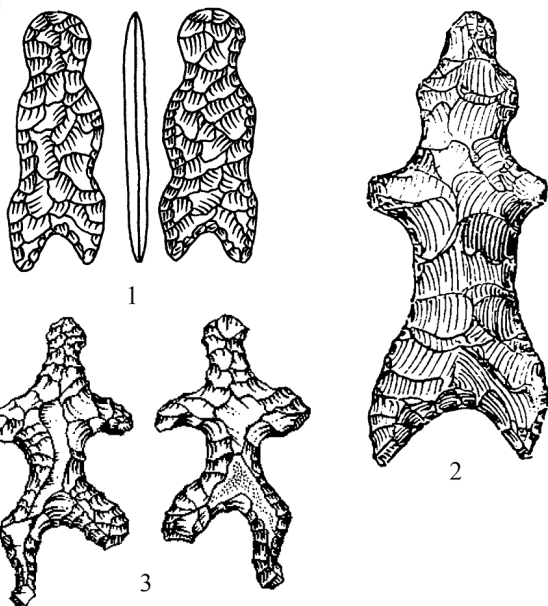
Ил. 18. Стоянка Косицына-2.
Керамика с «геометрическим»
орнаментом из раскопа 2019 г.
Энеолит – бронзовый век

Ил. 19. Стоянка Косицына-2.
Керамика с гребенчатой
орнаментацией из раскопа 2019 г.
(1–12). Бронзовый век

Ил. 20. Стоянка Косицына-2.
Керамика с мелкоямочным,
гребенчато-зубчатым, «позвоночковым»
орнаментом из раскопа 2019 г.
Бронзовый век – железный век

Ил. 21. Стоянка Косицына-2.
Кремневая фигурка из раскопа 2019 г.
Ранний металл (?)

Ил. 22. Кремневые
фигурки: 1 – со стоянки
Косицына-2,
2 – со стоянки
Усть-Яреньга (Летний
берег Белого моря),
3 – со стоянки Сухое
(Восточное Прионежье)

Иллюстрации к статье М.Н. Мелютиной

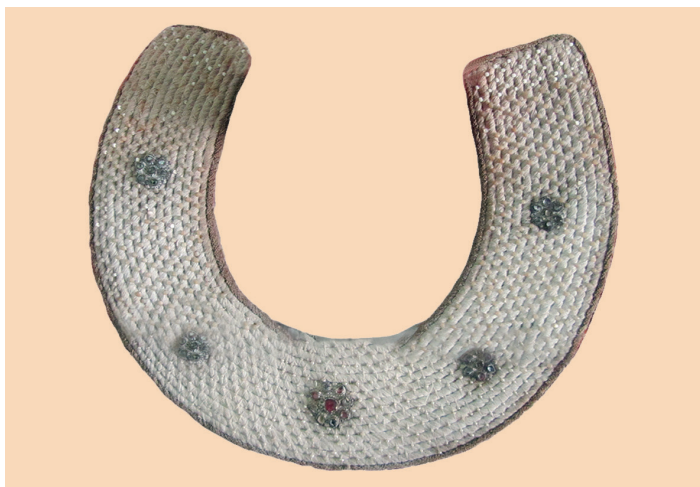
Ил. 1. Сундук.
Вологодская губерния,
г. Великий Устюг.
ОП КП–530.
Фото Ю.В. Мелютина

Ил. 2. Коротёна-«полушубочек». Архангельская губ.,
Архангельский уезд, с. Лопшенгское. Частное собрание
Т.И. Серухиной, д. Лопшеньга. Фото В.Д. Шевелева

Ил. 3. Повязка.
Архангельская губ.,
Архангельский уезд,
с. Лопшенгское.
Частное собрание
Т.И. Серухиной,
д. Лопшеньга.
Фото
М.Н. Мелютиной

Ил. 4. Заборосник. Архангельская губ., Архангельский уезд, с. Лопшенгское. Частное собрание Т.И. Серухиной, д. Лопшеньга. Фото М.Н. Мелютиной

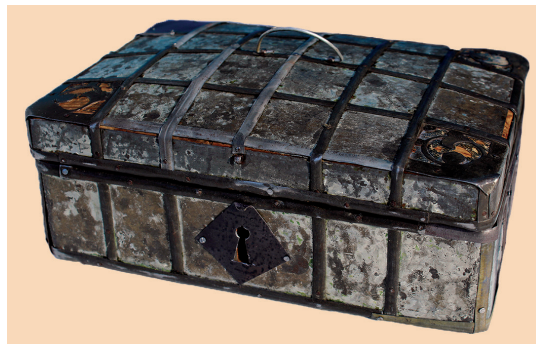
Ил. 5. Серьги. Архангельская губ., Архангельский уезд, с. Лопшенгское. ОП КП–1132/а/б. Фото М.Г. Рыжковой

Ил. 6. Девушки в праздничных нарядах, д. Лопшеньга. В центре – Агафья Яковлевна Майзерова (1907–1985). 1926 г. Фото экспедиции А.Я. Брюсова. Из личного архива Г.Н. Петровой

Ил. 7. Женщины в праздничных нарядах, д. Лопшеньга. Анфисья Алексеевна Петрова (слева), Касина Ивановна Петрова (1916–2001). 1977 г. Из личного архива Л.Ю. Петровой

Ил. 8. Шкатулка. Российская империя. ОП КП–861. Фото Ю.В. Мелютин

Ил. 9. Грабилка («ручка»). Архангельская губ., Архангельский уезд, с. Лопшенгское. ОП КП–64. Фото А.И. Анциферовой

Ил. 10. Иллюстрация художника Г.Д. Денглас-Юма из книги М. Пришвина «За волшебным колобком» (СПб., 1908)

Ил. 11. Прощание с морем перед свадьбой. Мария Кирилловна Поздеева (Корельская) (1915–1988), д. Лопшеньга. 1937 г.
Фото Н.И. Рождественской.
Из личного архива Ю.Ф. Павловской

Иллюстрации к статье М.И. Мильчика, Е.В. Шевелевой

Ил. 1. Дом А.В. Дмитриева
в д. Першлахте,
ранее принадлежавший купцу
Н.И. Старицыну. Построен
в 1860 г. в д. Майлахте,
перевезен в 1885 г.
Фото В.Д. Шевелева

Ил. 2. Надпись
на фронтоне: «1916 г. [?]
ЮНЯ К.М. ФЕДОРЪ.
Я. НИКИФОРОВЪ».
Дом С.В. Нифантова,
д. Майлахта, 1916 г.
Фото М.И. Мильчика
и Е.В. Шевелевой

Ил. 3. Роспись на свесах дома
начала XX столетия
в д. Зимницы.
Фото М.И. Мильчика
и Е.В. Шевелевой

Ил. 4. Роспись на свесах дома
А.Е. Супакова в д. Култе (Марковской),
ранее принадлежавшего В.А. Мальцеву.
Начало XX в. Перевезен из д. Харево
на р. Онеге. Фото М.И. Мильчика
и Е.В. Шевелевой

Ил. 5. Роспись на свесах дома
Г.И. и Ф.П. Перепёлкиных,
д. Аверкиевская (Округа), 1913 г.
Фото М.И. Мильчика и Е.В. Шевелевой

Ил. 6. Дом
В.С. Назарова
в д. Малое Самково
(Шумилово), ранее
принадлежавший
М.М. Буянову.
Роспись 1912 г.
Надпись
на фронтоне:
«М.М. Буяновъ
1912 года».
В 2021 г. перевезен
в д. Вершино.
Фото
М.И. Мильчика
и Е.В. Шевелевой

Ил. 7. Роспись на свесах дома В.С. Балдиной, д. Большое Самково, 1906 г.
Фото М.И. Мильчика и Е.В. Шевелевой

Ил. 8. Дом Н.И. Шулепова, ранее принадлежавший Ф.Г. Монастырских, в д. Ломакино на р. Волошка. 1909–1910 гг.
Фото М.И. Мильчика и Е.В. Шевелевой

Ил. 9. Роспись на доме М.И. и Т.Я. Загоскиных, д. Враниковская, 1886 г.
Роспись датирована 1897 г.
Мастер С.Я. Ванюков.
Фото М.И. Мильчика и Е.В. Шевелевой

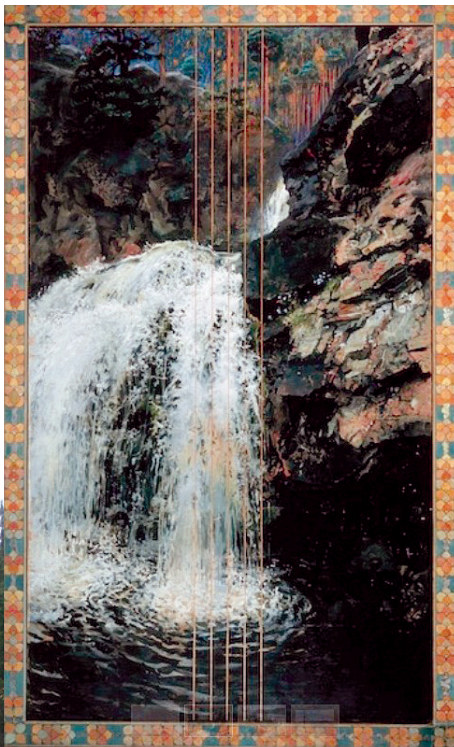
Ил. 10. Роспись на доме
А.Ф. Дружининой,
д. Ширияха
(Ошевенск).
Построен в 1900 г.
и первоначально
принадлежал местному
промышленнику
А.А. Ушакову.
Разобран в конце 2000 г.
Фото М.И. Мильчика
и Е.В. Шевелевой

Ил. 11. Роспись
подшивки свеса
на доме Н.А. Гринева в
с. Конёво
(ул. Совхозная, 11),
ранее принадлежавшем
И.С. Ундозерову.
Перевезен
из д. Чаженги
в 1969 или 1970 г.
Роспись датирована
1894 г.
Мастер [М.?] Стариков.
Фото М.И. Мильчика
и Е.В. Шевелевой

Иллюстрации к статье С.Б. Потахина

Ил. 1. Картина А. Галлен-Каллела «Мянтюкоски» (<https://wiki-karelia.ru/articles/priroda-i-puteshestviya/vodopad-miantiukoski/>)

Ил. 2. Водопад Мянтюкоски
в 2020 г. Фото С.Б. Потахина

Иллюстрации к статье В.Ю. Родионовой

Ил. 1. Икона «Спас в силах; Преполовление; Беседа Христа с самарянкой». XVII в., запись 1868 г.

Ил. 2. Верхнее клеймо иконы «Спас в силах; Преполовление; Беседа Христа с самарянкой»
«Преполовление». XVII в.

Ил. 3. Икона «Рождество Христово; Неизвестный святой». XVII в., запись 1868 г.

Ил. 4. Фрагмент иконы «Рождество Христово; Неизвестный святой». XVII в.

Ил. 5. Икона «Воздвижение Креста Господня. Святитель Григорий Богослов». XVII в.

Ил. 6. Икона «Архангел Михаил. Рождество Христово». XVII в.

Ил. 7. Рентгенограмма фрагмента иконы «Спас в силах; Преполовление; Беседа Христа с самарянкой». XVII в.

Иллюстрации к статье М.Г. Рыжковой

Ил. 1. Полотенце (ОП КП–1200).
1920–1930-е гг. Мастер
Ф.А. Ярыгина. Фото М.Г. Рыжковой

Ил. 2. Мастерница из д. Лопшеньги
Фелицата Архиповна Ярыгина
(1889–1978). Из личного архива
Т.П. Федоровой

Ил. 3. Семья Поздеевых на крыльце дома в Лопшеньге: Агафья Павловна,
Ольга Георгиевна и Григорий Павлович с детьми Александром, Павлом,
Марией, Лидией и Сергеем. 1959 г. Из личного архива С.Г. Поздеева

Ил. 4. Мария Григорьевна Решитько в сарафане из пестряди (слева) и Л. Иванова. 1969 г., д. Лопшеньга. Из личного архива М.Г. Решитько

Ил. 5. Елизавета Васильевна Майзерова в пестрядинном сарафане. 1938 г., д. Лопшеньга. Из личного архива С.Г. Поздеева

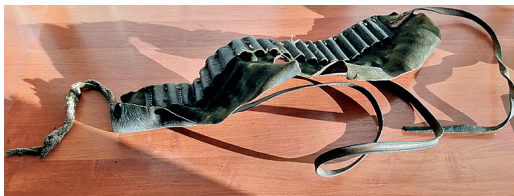
Ил. 6. Платок (ОП КП–1201). Конец XIX в.
Фото М.Г. Рыжковой

Ил. 7. Нина Федоровна Пиялкина
в кокошнике-«сборнике»
из коллекции ГМО
«Художественная культура
Русского Севера» (АОМИИ,
Инв. Т-569). 1982 г.
Из личного архива Н.Ф. Пиялкиной

Ил. 8. Рубаха поморская
(ОП КП–952). 2020 г.
Мастер Г.А. Челпанова.
Фото Я.Э. Харитоновой

Ил. 9. Пояс охотничий с патронташем
(ОП КП–728). Середина XX в.
Фото Я.Э. Харитоновой

Иллюстрации к статье Н.Д. Сапрыкиной-Соколовой

Ил. 1. Первый сезон. Д.А. Соколов – второй справа. 1987 г.

Ил. 2. Д.А. Соколов (слева) и Д.С. Зыков. 1988 г.

Ил. 3. Дорога жизни. 1988 г.

Ил. 4. Тешут лемех. 1991 г.

Ил. 5. Дом
в д. Гужово
после реставрации
(правый конец
и мост). 1995 г.

*Ил. 6. Реставрация часовни Сочествия Св. Духа
в д. Глазово методом лифтинга. 1998 г.*

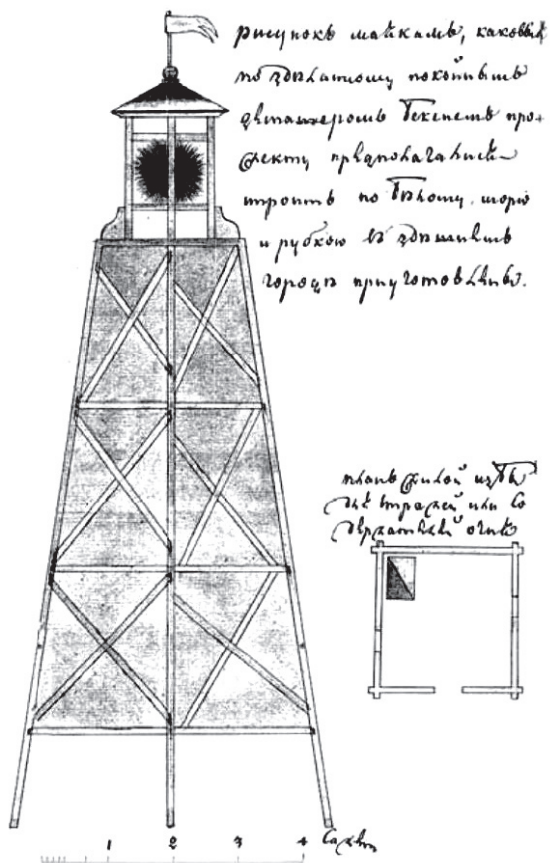

*Ил. 7. Подъем охлупня на летнюю избу дома Болознева.
Д.А. Соколов работает со студентами. 2001 г.*

Иллюстрации к статье Я.Э. Харитоновой

Ил. 1. Карта-схема Белого моря с предполагаемыми местами установки маяков по проекту Ивана Пашина. 1835 г.

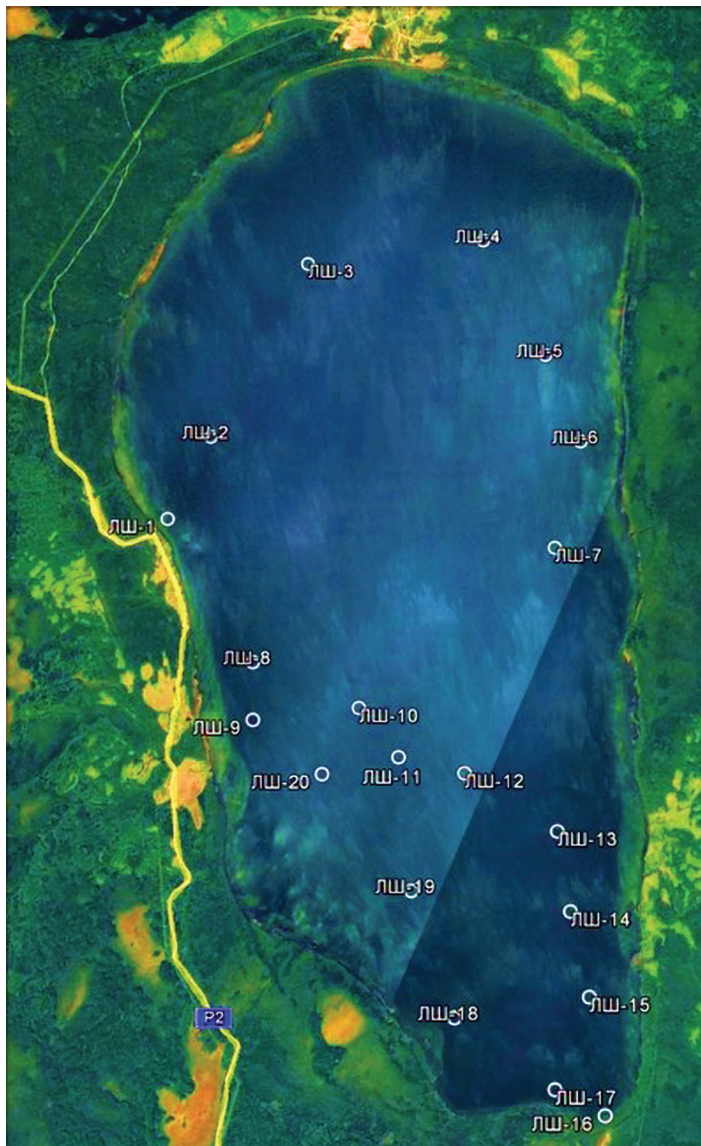

Ил. 2. Один из первых проектов беломорских маяков. 1802 г.

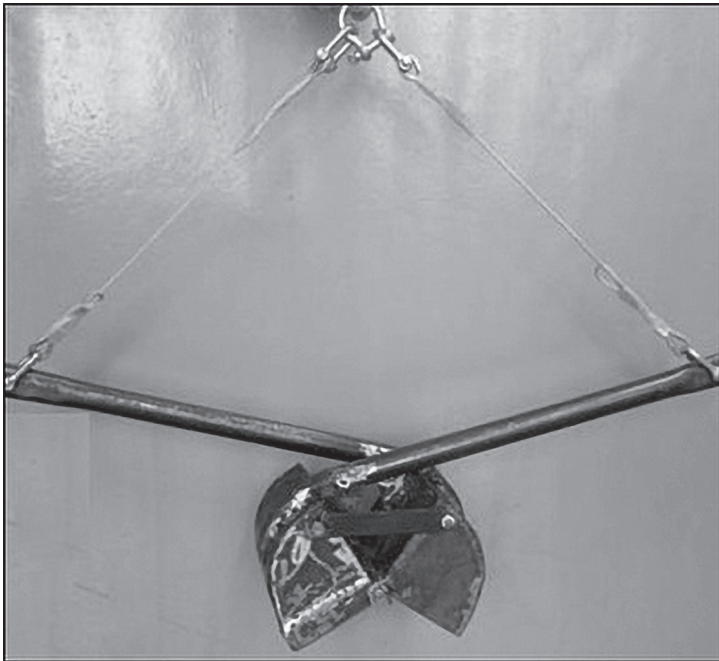
Ил. 3. Остров Жижгин.
 Маячная башня
 и дом смотрителя.
 Фото
 Я.И. Лейцингера,
 начало XX в.
 Из собрания
 Архангельского
 краеведческого музея

Иллюстрации к статье А.В. Баженова, Е.Ю. Яковлева,
В.М. Быкова

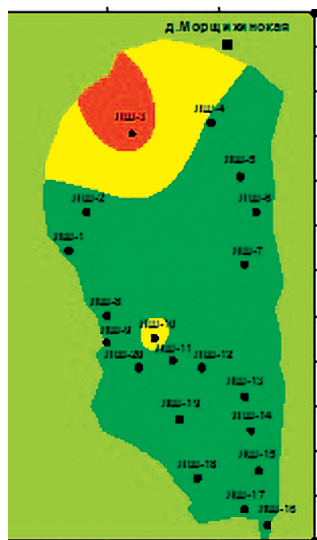
Ил. 1. Схема отбора проб донных отложений оз. Лёкшмозеро

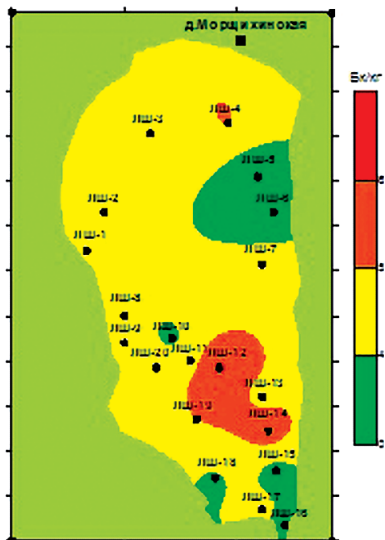
Ил. 2. Внешний вид ковша для отбора проб донных осадков рек и озер

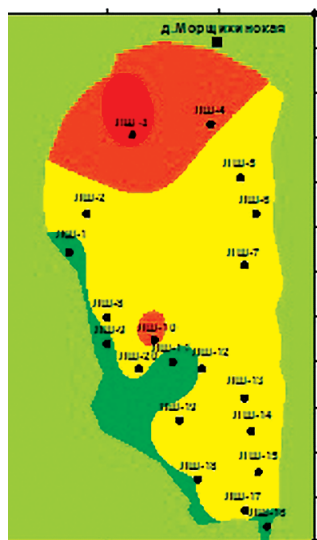
Ил. 3. Лабораторный гамма-спектрометр «Прогресс-2000»

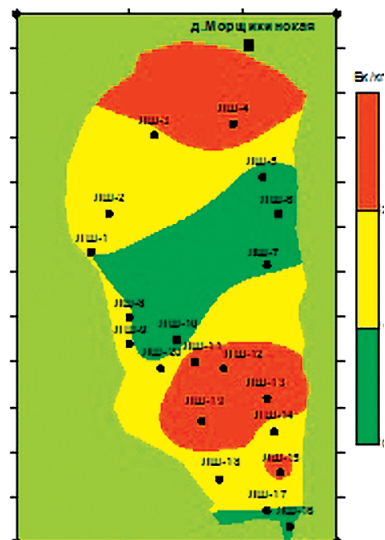
Цезий-137

Калий-40

Радий-226

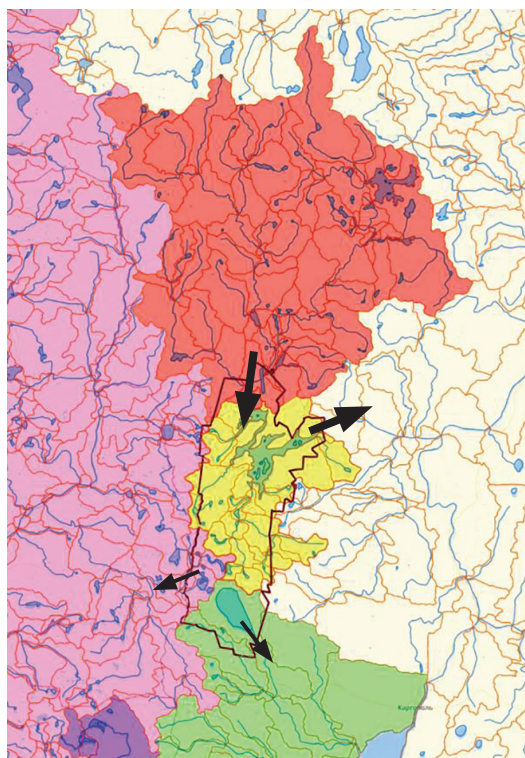
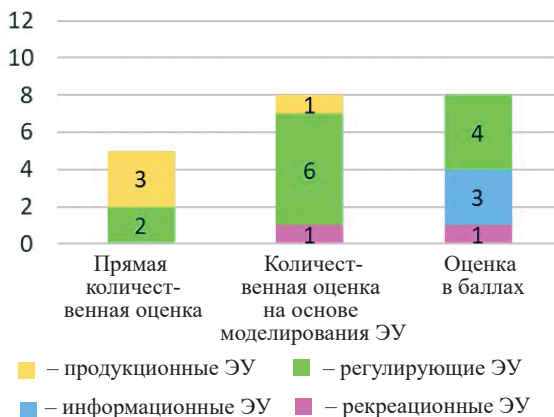

Торий-232

Ил. 4. Пространственное распределение активности изотопов (Бк/кг) в донных отложениях оз. Лёкшмозеро

Иллюстрации к статье Е.Н. Букваревой, А.В. Козыкина

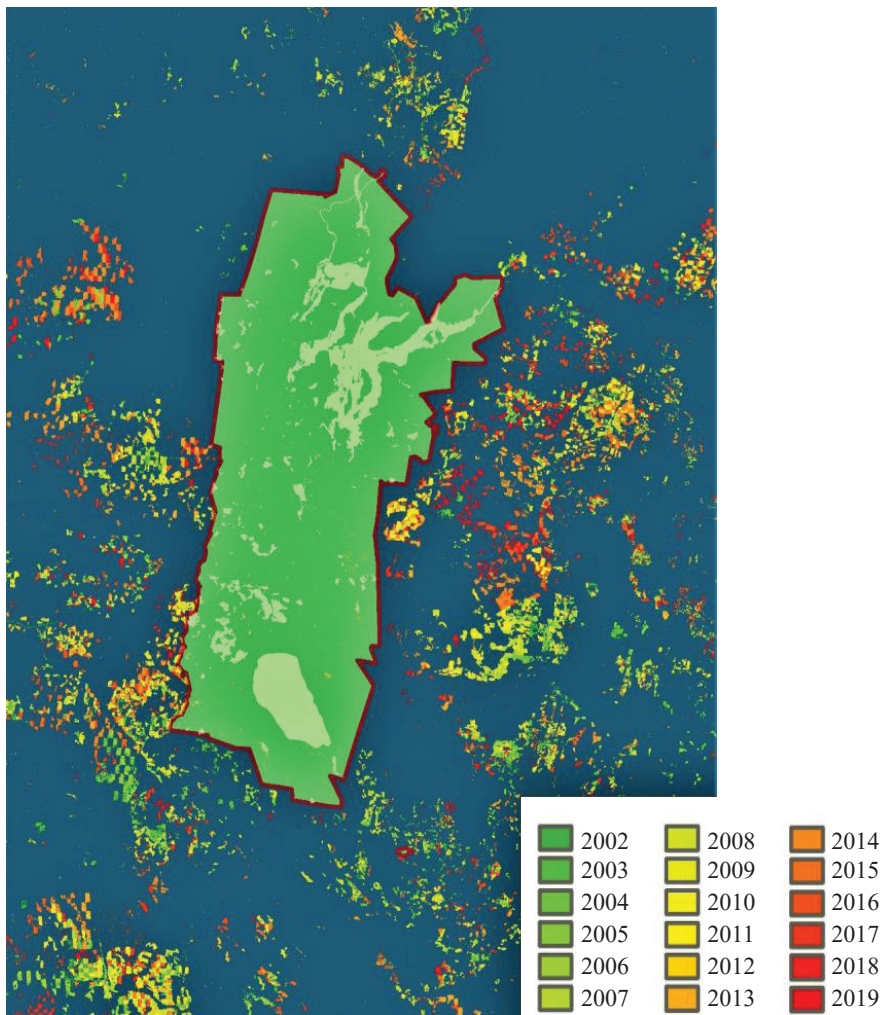
Ил. 1. Число экосистемных услуг разных категорий, оцененных разными методами в проекте ТЕЕВ-Russia

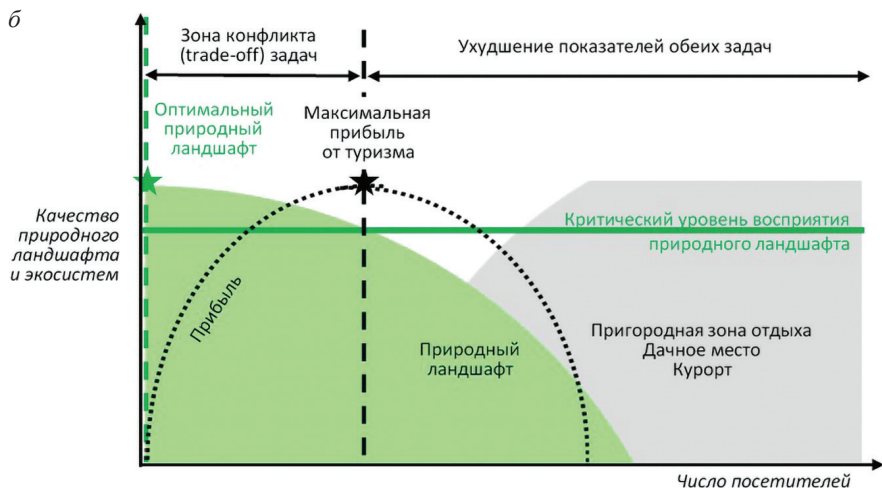
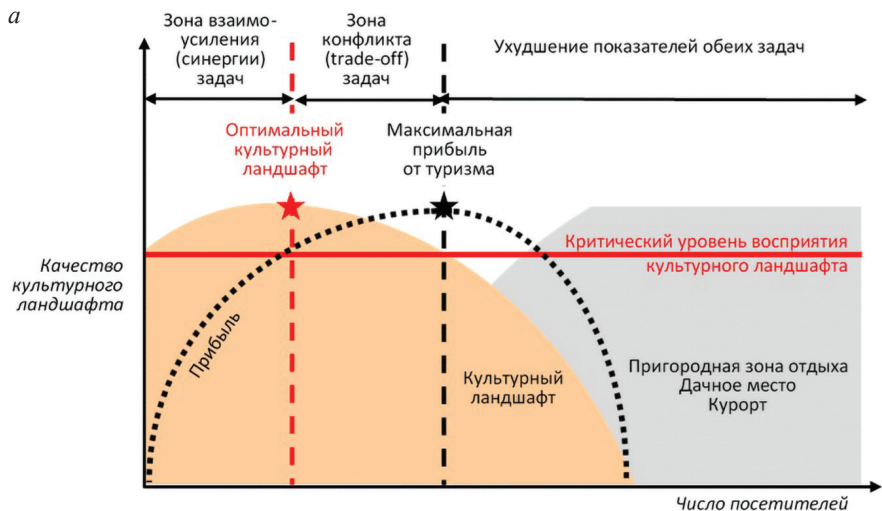
Ил. 2. Водосборные бассейны на территории Национального парка «Кенозерский». Стрелками показано направление стока (границы бассейнов по: Речные бассейны Европейской России. URL: <https://kpfu.ru/ecology/nauchno-issledovatel'skaya-rabota/rechnye-bassejny-evropejskoj-rossii>).

Бассейны:

- – р. Поча
- – оз. Кенозеро кроме р. Поча
- – оз. Лача
- – Балтийское море

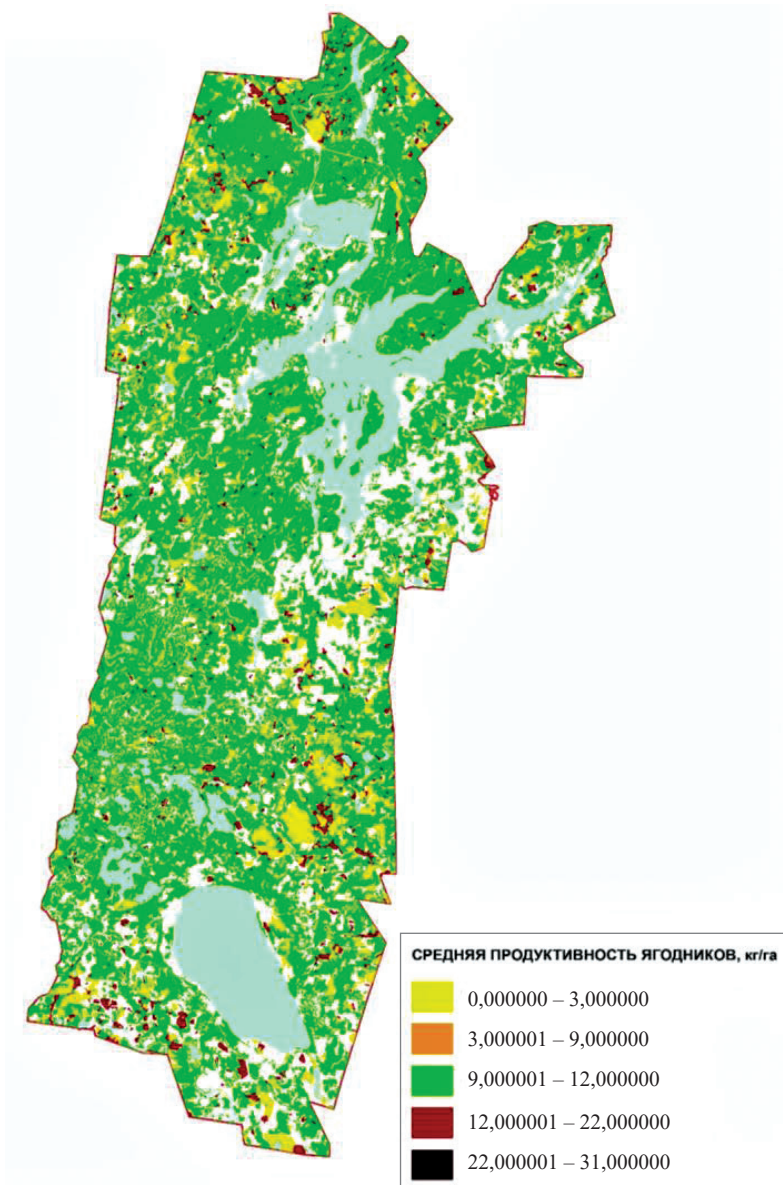
Ил. 3. Потери леса на территориях, окружающих Национальный парк «Кенозерский» (по данным проекта Global Forest Watch)

Ил. 4. Зоны взаимоусиления и конфликта между задачами ООПТ по сохранению ландшафтов и задач использования рекреационных экологических услуг:
а) культурные ландшафты; б) природные ландшафты и экосистемы

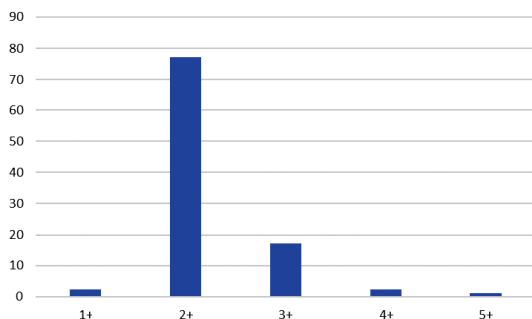

Ил. 5. Средний биологический урожай грибов (белый, груздь, рыжик, подосиновик, подберезовик, масленок, волнушка, козляк, моховик, строчок, подгруздок, сыроежка) на территории Национального парка «Кенозерский»

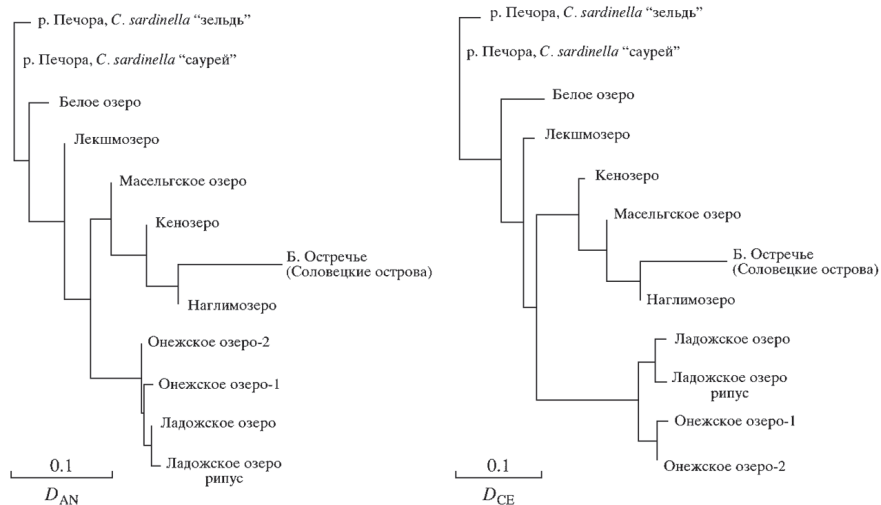
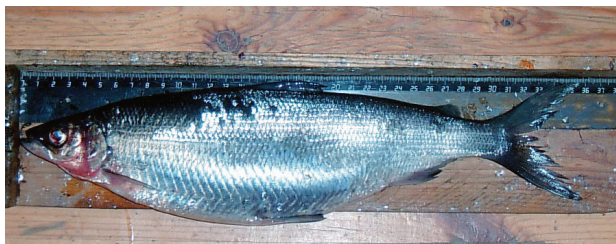
Ил. 6. Средняя биологическая продуктивность ягодников (черника, брусника, моршшка, клюква) на территории Национального парка «Кенозерский»

Иллюстрации к статье Г.А. Дворянкина

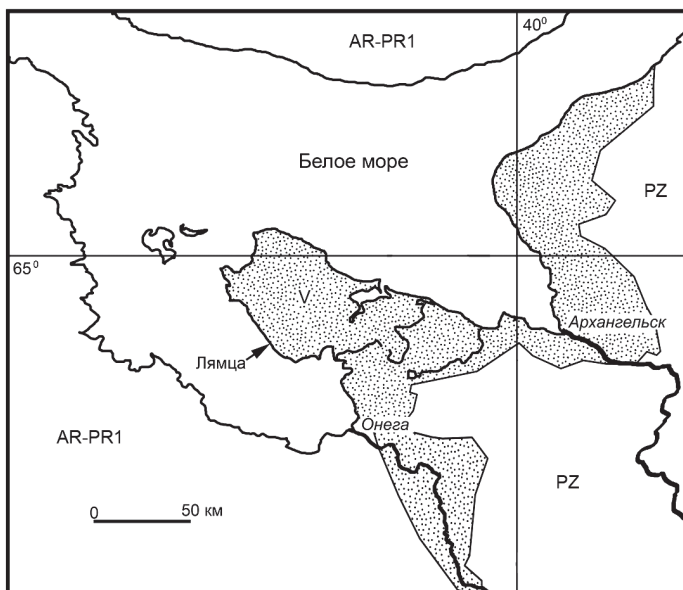
Ил. 1. Возрастная структура (%) нерестовой части популяции ряпушки Лёкшмозера в 2020 г.

Ил. 2. Ряпушка оз. Масельского

Ил. 3. Дендрограммы популяций ряпушки *Coregonus albula*, построенные по оценкам генетических дистанций (слева) и хорд-дистанций (справа), рассчитанные по частотам аллелей 10 аллозимных локусов

Иллюстрации к статье А.Ю. Иванцова, М.А. Закревской

Ил. 1. Схема расположения Лямецкого местонахождения остатков вендских макроорганизмов в Юго-Восточном Беломорье.

Латинскими буквами обозначены территории распространения горных пород: AR-PR1 – архея и раннего протерозоя, V – венда, PZ – палеозоя

Ил. 2. Шурфы в верхней пачке Лямецкого разреза (2005 г.)

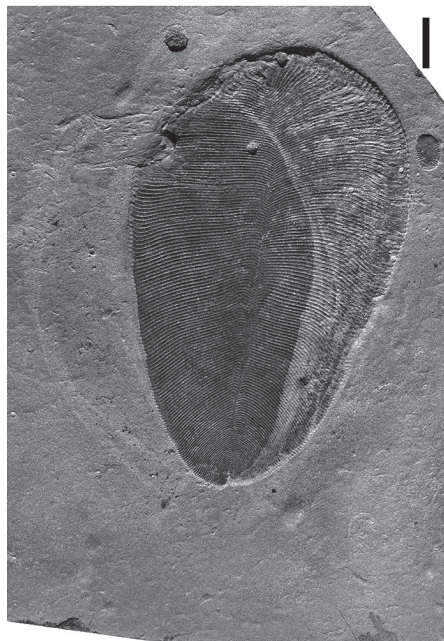
Ил. 3. Песчаные слепки нижней стороны цианобактериальных колоний белтанеллиформис. Здесь и далее длина масштабного отрезка – 1 см

Ил. 4. Отпечатки в аргиллите сплюснутых колоний белтанеллиформис с остатками мумифицированного органического вещества на них

Ил. 5. Отпечаток на песчанике прижизненно поврежденной особи дикинсонии (*Dickinsonia cf. menneri*), экз. ПИН, № 4716/5187. Задняя часть тела была утеряна и заново регенерирована организмом

Ил. 6. Комбинированный телесно-следовой остаток дикинсонии, состоящий из отпечатка тела (внизу снимка) и отпечатка слизисто-минеральных нитей, оставленных проползшим животным (вверху); экз. ПИН, № 4716/5178

Ил. 7. Комбинированный телесно-следовой остаток крупной дикинсонии, состоящий из отпечатка тела (справа на снимке) и серии алевритовых колец, образовавшихся вследствие нескольких попыток животного прикрепиться к субстрату (светлые полосы слева); экз. ПИН, № 4716/5252

Иллюстрации к статье М.А. Макаровой, С.И. Дровниной,
Н.В. Петровой

Ил. 1. Район исследования

Ил. 2. Размытое штормами
подорожниковое сообщество
(*Plantago maritima*)

Ил. 3. Отлив. Сообщества,
образующие ряды
(от берега к лесу):
синтиковое сообщество
(сохранившийся после
шторма фрагмент) →
лисохвостовый луг →
пырейный луг

Ил. 4. Лебедовое сорнотравье на выбросах водорослей в супралиторальной зоне

Ил. 5. Приморское болото с осокой поморской (*Carex paleacea*)

Ил. 6. Приморское болото с поточником рыжим (*Blysmus rufus*)

Ил. 7. Сообщества с родиолой розовой (*Rhodiola rosea*) и овсяницей красной (*Festuca rubra*) на валунных морских террасах Белого моря

Ил. 8. Псаммофитные сообщества, образующие ряд (от берега к лесу): гонкениевые (*Honckenya peploides*) → леймотригиевые (*Leymotrigia bergrothii*) → красноовсянницево-красноовсянницево-красноовсянницево (*Festuca rubra*). За поясом псаммофитных сообществ произрастают сосняки шикшевые

Ил. 9. Шикшево-можжевельниковая пустошь

Ил. 10. Дюнные разреженные низкорослые сосняки с участием можжевельника сибирского и водяники обоеполой

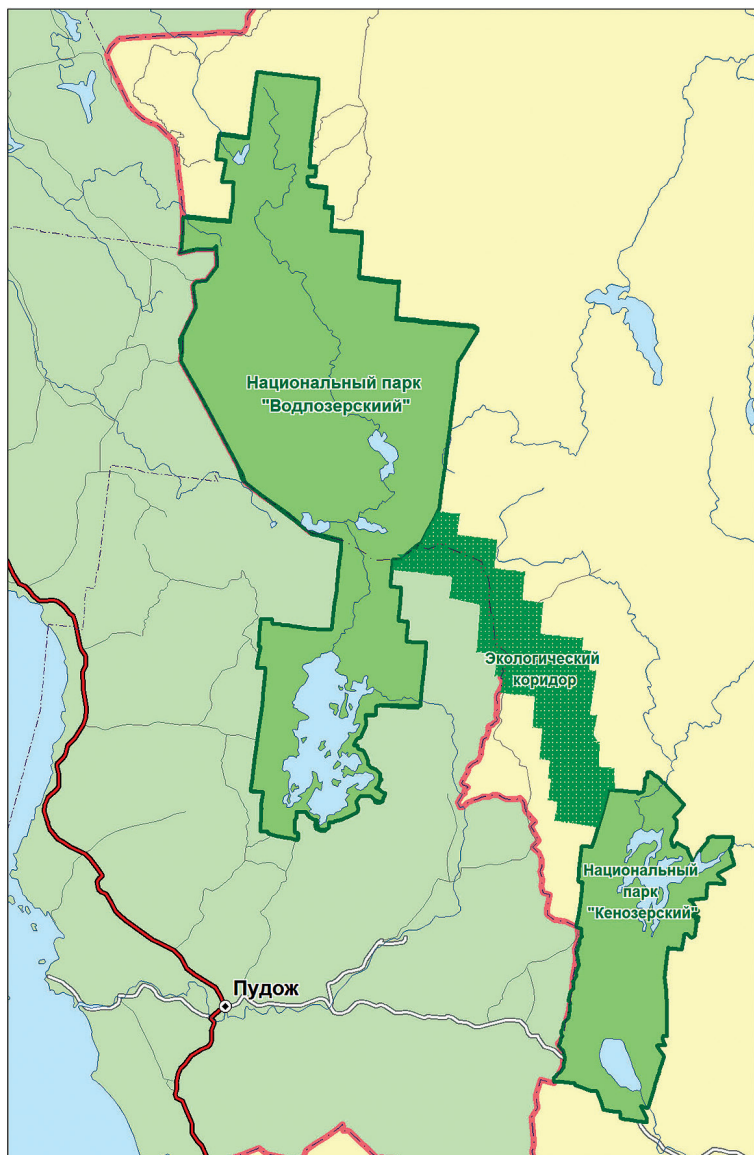

Ил. 11. Прибрежные ельники можжевельниковые с флаговой формой крон

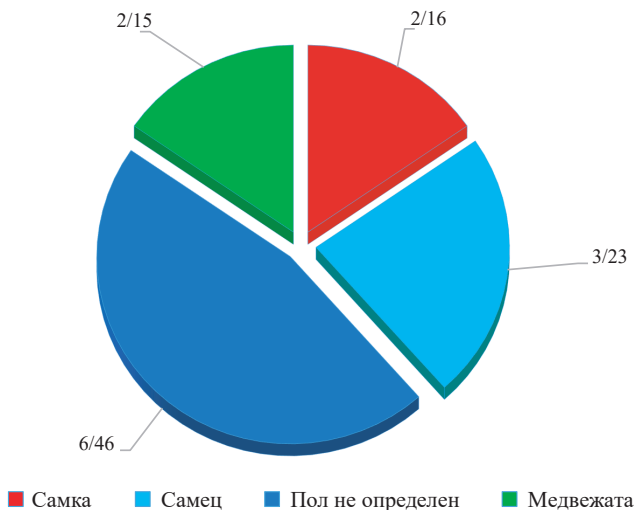
Ил. 12. Приморское березовое криволесье хвощово-папоротниковое

Иллюстрация к статье В.М. Мамонтова

Экологический коридор между национальными парками
«Водлозерский» и «Кенозерский»

Иллюстрации к статье С.В. Пажетнова, Е.Ф. Ситниковой,
П.А. Фурорана, Е.С. Пажетновой, В.Н. Колтового

Ил. 1. Половой состав группировки бурого медведя
(абсолютное значение, особей / относительное значение, %)

Ил. 2. Поеди медведем корней (корневищ) лигистикума
шотландского. Фото П.А. Фурорана

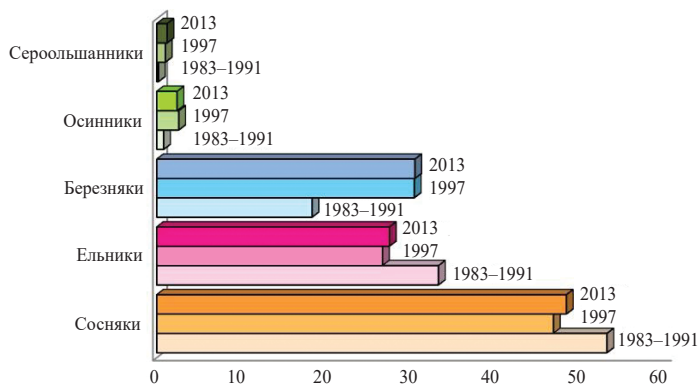
Ил. 3. Поеды медведем
стеблей и листьев
колосняка.
Фото П.А. Футорана

Ил. 4. Маркировочная
сосна, где видны
все зоны активности:
почёсы, задиры, закусы.
Фото П.А. Футорана

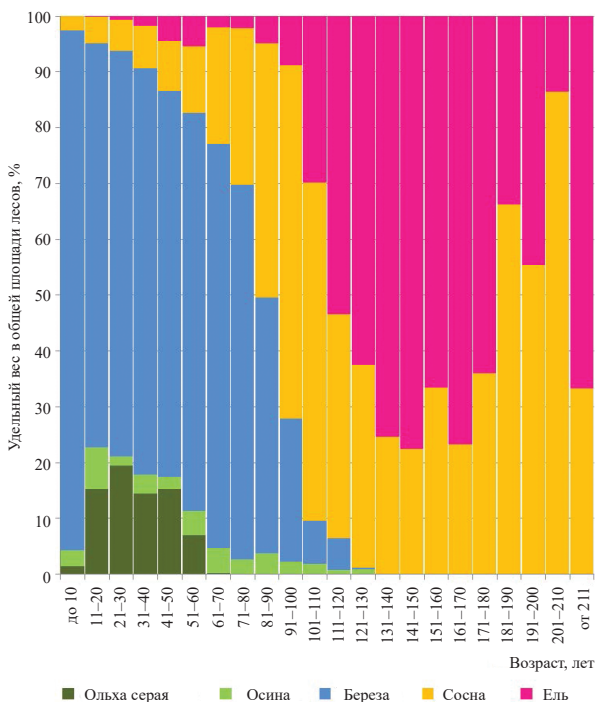

Ил. 5. Маркировочная
сосна. Задиры,
оставленные когтями.
Фото Е.Ф. Ситникова

Иллюстрации к статье С.В. Торхова

Илл. 1. Изменение площади (тыс. га) древесных формаций в Кенозерском национальном парке с 1983 по 2013 г.

Илл. 2. Породная структура лесов Кенозерского национального парка по десятилетиям

Содержание

Шатковская Е.Ф. Памяти Тамары Михайловны Гудимы (1936–2021) 3

Процессы формирования культурных ландшафтов: взаимодействие научных знаний, концепции, методы исследования

Шатковская Е.Ф. Наш взгляд на будущее территории Национального парка «Кенозерский» через стратегическое планирование, или Трудный путь в ЮНЕСКО 8

Баинин Н.В., Кудрин А.А. Роль горожан в ревитализации традиционного сакрального ландшафта Каргополя 19

Веденин Ю.А. Культурно-ландшафтный подход к изучению и сохранению особо охраняемых территорий 29

Калуцков В.Н. Особо охраняемые природные территории как заповедные культурные ландшафты 41

Кулешова М.Е. Новые акценты в международных руководящих документах и проектных практиках по охране природного и культурного наследия 48

Новиков В.П. Опыт изучения и восстановления культурных ландшафтов в Национальном парке «Угра» 58

Пермиловская А.Б. Онежское Поморье: новые итоги обследования культурных ландшафтов Русского Севера и Арктики в контексте исторической памяти (2018–2020 гг.) 69

Усов А.А. Традиционное жилище в культурном ландшафте исторических поселений Онежского Поморья 80

Феномен северных заповедных территорий в контексте исторической памяти: исследования, прочтения, интерпретация

Аверьянов А.К. Каргополь и путь в Заволочье 90

Алексеева Я.И. Угодья богатой семьи Никитиных-Сидоровых в Золотицкой волости Турчасовского стана Каргопольского уезда (XVI век) 96

Анциферова А.И. Тони – промысловые участки Онежского полуострова: прошлое и современность (К вопросу о формировании и сохранении названий тоней) 113

Белозёрова И.В., Кузьминых С.В. Северные археологические экспедиции 1925–1929 гг. (по материалам отдела письменных источников ГИМ) 123

Ведерникова Н.М. С.В. Максимов. Экспедиция на Русский Север («Белое море и его побережья») 144

Герасимов Д.В., Хартанович В.И., Холкина М.А., Муравьев Р.И., Ткач Е.С. Кенозерье как часть феномена сверхустойчивой доисторической культурной общности 156

Гудима Т.М. В защиту будущего родной Земли (размышления и предложения) 164

Гундакова Л.В. «Доцент» Приклонский и архив Пертоминского монастыря 179

<i>Иванова А.А.</i> Локальный текст в фольклорной традиции Кенозерья	190
<i>Качинская И.Б.</i> Термины свойства в говорах Кенозерья.....	201
<i>Керимова М.М.</i> Преемственность научных традиций: Харузины и Соколовы и их этнографические исследования Русского Севера.....	208
<i>Мартынов А.Я., Дзенисов Г.А., Ирха П.А., Потуткин Н.С., Шаврин С.А.</i> Древности Кенозера: стационарные исследования стоянки Косицына-2 в 2019 году.....	220
<i>Мелютина М.Н.</i> Поморская девка южного Беломорья: социокультурный статус (опыт исследования на материалах, собранных в деревне Лопшеньге).....	238
<i>Мильчик М.И., Шевелева Е.В.</i> Фасадные росписи крестьянских домов Поонежья.....	263
<i>Никонов С.А.</i> Онега – центр развития зверобойных промыслов в Арктике в конце XVIII – начале XIX века	275
<i>Потахин С.Б.</i> Творческое наследие Национального парка «Паанаярви»	282
<i>Прокуратова Е.В.</i> Культурное наследие Пижмы в контексте печорских традиций	286
<i>Родионова В.Ю.</i> О двух иконах XVII века из Пахомиева Кенского монастыря	296
<i>Рыжкова М.Г.</i> Коллекции текстиля Летнего берега Белого моря (в собраниях Национального парка «Онежское Поморье», музеев г. Архангельска и Архангельской области)	305
<i>Сапрыкина-Соколова Н.Д.</i> Реставратор памятников деревянного зодчества Соколов Дмитрий Александрович. Вклад в сохранение культурного наследия Кенозерского национального парка.....	344
<i>Смирнова М.А.</i> Научное описание Мемориальной библиотеки Ю.И. Смирнова: открытия и проблемы.....	356
<i>Соболев Г.А.</i> Кенозеро и Каспий. Гипотеза об исторических связях.....	363
<i>Соснина М.А.</i> Правовая культура северного крестьянства в отражении документов волостных судов.....	367
<i>Старицын А.Н.</i> Традиции древнего монашества в выговских скитах	379
<i>Степанова О.В.</i> К вопросу о ранней истории села Луда. Ссылка и гибель боярина А.Н. Романова	386
<i>Ткаченко Н.В.</i> Социальная идентичность сельского жителя Русского Севера: на материале изучения жителей Кенозерья.....	392
<i>Харитонов Я.Э.</i> Путевые огни Беломорья: архивные материалы по истории маяков акватории Онежского полуострова	401
<i>Черкасова М.С.</i> Соляной промысел вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря на Унском посаде в XVI–XVII веках.....	405
<i>Шангина И.И.</i> Три экспедиции Л.В. Костикова	415

**Естественно-научные исследования на заповедных территориях:
задачи, результаты, перспективы**

<i>Баженов А.В., Яковлев Е.Ю., Быков В.М.</i> Радиоэкологические исследования донных отложений озера Лёкшмозера (Кенозерский национальный парк)...	430
--	-----

<i>Букварева Е.Н., Козыкин А.В.</i> Первый этап экосистемного учета в Кенозерском национальном парке как пилотный проект для системы ООПТ России.....	434
<i>Варлыгина Т.И., Октябрева Н.Б.</i> Изучение и охрана редких растений на северной границе ареала	444
<i>Дворянкин Г.А.</i> Биология и внутривидовая дифференциация ряпушки (<i>Coregonus albula</i> L.) Кенозерского национального парка.....	450
<i>Дровнина С.И., Петрова Н.В.</i> Особенности половой структуры популяций охраняемого вида родиола розовая (<i>Rhodiola rosea</i> L.) на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» в 2021 году.....	457
<i>Иванцов А.Ю., Закревская М.А.</i> Лямецкое местонахождение остатков древнейших многоклеточных организмов	462
<i>Макарова М.А., Дровнина С.И., Петрова Н.В.</i> Растительность побережий Белого моря на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье»	466
<i>Мамонтов В.Н.</i> Экологический коридор «Нетомский». Проект создания, статус, режим территории.....	473
<i>Мосеев Д.С., Махнович Н.М., Брагин А.В., Футоран П.А., Козыкин А.В.</i> Видовой состав и общая характеристика растительности экотопов маршей и пляжей Онежского полуострова.....	482
<i>Пажетнов С.В., Ситникова Е.Ф., Футоран П.А., Пажетнова Е.С., Колтовой В.Н.</i> Маршрутные учеты численности бурого медведя на Летне-Золотицком участке Национального парка «Онежское Поморье» в сентябре 2020 года.	499
<i>Покровская И.В., Брагин А.В.</i> Особенности новейших изменений орнитофауны в южном Беломорье	512
<i>Пучнина Л.В., Чуракова Е.Ю., Дровнина С.И.</i> Изменения в Перечне видов сосудистых растений в новом издании Красной книги Архангельской области и Перечне видов для бионадзора, в том числе касающиеся флоры национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье».....	521
<i>Собко Е.И.</i> Ветвистоусые ракообразные водоемов Кенозерского национального парка (обзор).....	535
<i>Тарасова В.Н., Пчелкин А.В., Валежжанин А.А.</i> Лихенологические исследования в Кенозерском национальном парке (Архангельская область)	539
<i>Торхов С.В.</i> Использование материалов лесоустройства для оценки изменений в состоянии лесов Национального парка «Кенозерский»	545
Иллюстрации	551